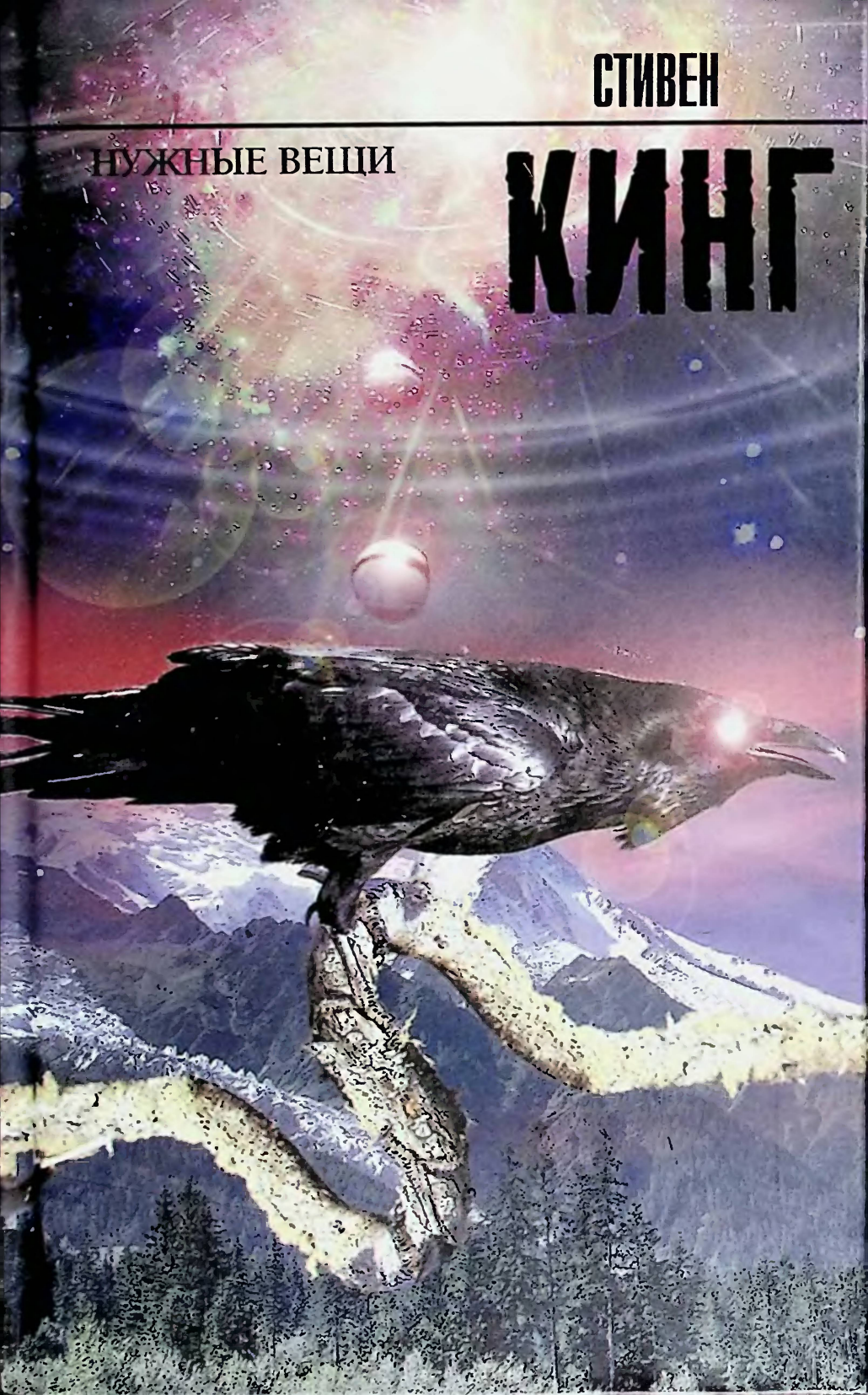
СТИВЕН

КИНГ

НУЖНЫЕ ВЕЩИ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

НУЖНЫЕ ВЕЩИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
NEEDFUL THINGS

Перевод с английского А.В. Аракелова
под общей редакцией Т.Ю. Покидаевой

Компьютерный дизайн В.А. Воронин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Нужные вещи : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. А.В. Аракелова под общ. ред. Т.Ю. Покидаевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 830, [2] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-093036-4

Человеческая душа темна и с легкостью обращается ко Злу...

Об этом хорошо известно демону, прибывшему в маленький американский городок и открывшему там магазинчик «Нужные вещи». Он готов предложить покупателям именно то, о чем они мечтают... в обмен на маленькую услугу. Он всего-то и просит — невинно подшутить над соседом или приятелем.

Но достаточно сделать первый шаг по дороге в Ад — и происходящее уже не остановить. Зло воцаряется в городке. Рано или поздно Зло обратится в кровавый, смертоносный хаос...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1991
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Крису Лейвину,
который знает ответы не на все вопросы,
а только на самые важные.

Дамы и господа, прошу внимания!
Подходите ближе, чтобы лучше слышать!
Расскажу вам историю, не возьму ни цента!
(И если вы поверите,
Все будет хорошо.)

Стив Эрл. Змеиный жир

Я слышал, что многие люди терялись даже на улицах маленьких городков, когда тьма становилась такой густой, что ее, как говорится, можно резать ножом...

Генри Дэвид Торо. Уолден, или Жизнь в лесу

А вы здесь уже были.

Ну да, точно! Я вас узнал, у меня хорошая память на лица!

Идите сюда; дайте пожать вашу руку! Знаете, я вас узнал еще прежде, чем разглядел лицо, — по походке. Нельзя было выбрать лучшего дня, чтобы вернуться в Касл-Рок. Восхитительный день! Скоро начнется сезон охоты — понаедут сюда идиоты, которые палят во все, что движется, и при этом не носят оранжевых жилетов. Потом выпадет снег... но все это будет потом. А пока на дворе октябрь, а октябрь у нас в Касл-Роке длится долго. Сколько ему угодно.

А вообще, по моему скромному мнению, это лучшее время года. Ну, весна тоже неплохо, конечно, но я лично предпочитаю октябрь маю. Когда лето кончается, наша часть штата — Западный Мэн — превращается в пустынный, всеми забытый уголок и господа из коттеджей на озере и на Смотровой площадке возвращаются к себе в Нью-Йорк или Массачусетс. Мы, местные, каждый год встречаем их и провожаем — здрасте, здрасте, здрасте; пока, пока, пока. Они приезжают — и это здорово, потому что они привозят свои городские доллары, они уезжают — тоже хорошо, потому что они увозят свои городские проблемы.

Вот об этих проблемах мне и охота поговорить. Сможете уделить мне минутку? Вот тут, на ступеньках у летней

эстрады, мы можем присесть. Тут и солнышко греет, и к тому же отсюда — почти весь центр как на ладони. Да, только поостерегитесь заноз. Эти ступеньки давно уже нужно отшкурить и выкрасить. Только это Хью Приста обязанность, да. А у Хью руки не скоро еще дойдут. Пьет он у нас, знаете ли. Не такой уж это большой секрет. Нет, в Касл-Роке секреты хранить возможно, кое-кому это вполне удается, но для этого надо как следует постараться; а большинство из нас в курсе, что Хью Прист и упорный труд уже очень давно не дружат.

Что вы говорите? Где?

А-а! Вот вы о *чем*! Ну и как вам оно? Их листовки расклеены по всему городу! Сдается мне, Ванда Хемфилл (ее муж Дон, владелец супермаркета «Хемфиллз») сама их везде налепила. Вы сорвите одну со столба и тащите сюда, чтобы и я посмотрел. Да вы не стесняйтесь — ничего вам за это не будет. Уж если на то пошло, их никто не просил клеить листовки по всему городскому парку.

Черт подери! Нет, вы гляньте на это! Как отпечатано! «Кости — орудие Дьявола». Буквы большие, красные и *дымятся*. Как бы прямая доставка из преисподней! Ха! Кто-нибудь, кто не знает, какой у нас сонный маленький городишко, еще может подумать, что у нас тут и вправду какая-то дьявольщина творится. Но знаете, иногда подобная ерунда перерастает в нечто более значительное, чем простой городской скандальчик. А в этот раз, есть у меня подозрение, преподобному Вилли уж точно вожжа под хвост попала. Без вопросов. Церкви в маленьких городах... наверное, не мне вам рассказывать, *что* это такое. Они кое-как уживаются — более или менее, — но не питают друг к другу симпатии, скажем так. Все идет мирно — но до какого-то определенного момента, а потом все равно поднимается буча.

В этот раз буча выходит большая, со взаимными обидами и обвинениями. Дело вот в чем: католики собирались заделать какое-то благотворительное мероприятие под названием «Ночь в казино» в «зале Рыцарей Колумба» —

это в другой части города. В последний четверг месяца, если мне не изменяет память. А собранные средства должны были пойти на ремонт крыши здания церкви Богоматери Тихих Вод... вы проезжали ее по пути в город, если ехали со стороны Смотровой площадки. Приятная церквушка, правда?

На самом деле идея «Ночи в казино» принадлежала отцу Брайхему, но развили ее «Дщери святой Изабеллы». Очень она им понравилась, эта идея. И особенно — Бетси Виг. По мне, так ей просто нравится мысль, как она выйдет в своем черном платье в облипку и станет крутить рулетку, приговаривая: «Делайте ставки, дамы и господа, делайте ваши ставки». Да, им всем понравилась эта идея. Дело-то там безобидное, яйца выеденного не стоит, но им в этом мерещится что-то чуть-чуть порочное.

Хотя вот преподобному Вилли и его пастве это все показалось не столь безобидным. Вообще-то он преподобный Уильям Роуз; и он никогда особенно не любил отца Брайхема, на что тот отвечал взаимностью. (На самом деле именно отец Брайхем первым назвал преподобного Роуза «Пароходом Вилли», и преподобный Вилли об этом знает.)

Между этими двумя «столпами веры» и раньше проскакивали искры, но эта история с «Ночью в казино» высекла уже не просто искры, а целый фейерверк. Когда Вилли узнал, что католики собираются провести ночь за азартными играми в зале РК, он так взвился, что чуть крышу не пробил макушкой. На свои деньги он отпечатал эти листовки: «Кости — орудие Дьявола», — и Ванда Хемфилл со своими подружками из кружка кройки и шитья расклеила их по всему городу. С тех пор католики и баптисты общаются между собой исключительно через колонку «Письма» в местном еженедельнике, где они бушуют, неистовствуют и объявляют друг другу, что противная сторона непременно будет гореть в аду.

Гляньте-ка. Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Вон она вышла из банка. Это Нан Робертс, хозяйка ка-

фешки «Перекуси у Нан». Я так думаю, она самая богатая в нашем городе — с тех пор как старый Папаша Мерилл отправился на свой самый крупный блошиный рынок, на небеса. Она была ярой баптисткой чуть ли не с сотворения мира. А вот ей навстречу движется Эл Гендрон, истый католик, святее папы римского; и его лучший друг — ирландец Джонни Бирхем. Теперь смотрите внимательнее! Видите, как они задирают носы? Ха! Прямо готовый цирковой номер! Ставлю доллар против обгрызенной кочерыжки, что температура упала на двадцать градусов, когда они проходили мимо друг друга. Правильно моя матушка говорила: «С людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться».

А теперь вон туда взгляните. Видите, около видеомагазина — машина шерифа? А в машине — Джон Лапуант. Предполагается, что он следит за соблюдением скоростного режима: в центре скорость ограничена, и особенно по окончании занятий в школе, — но если заслонить глаза от солнца и как следует присмотреться, вы разглядите, что *на самом деле* он пялится в фотографию, которую достал из бумажника. Отсюда мне ее не видно, но я знаю, что это за снимок, как знаю девичью фамилию собственной матери. Эту фотку Энди Клаттербак снял около года назад. На ней — сам Джон вместе с Салли Рэтклифф; Джон обнимает ее за талию, а у нее в руках плюшевый медведь, которого он выиграл для нее в тире. Обоих прямо-таки распирает от счастья. Но это было, как говорится, давно и неправда. Сейчас Салли помолвлена с Лестером Праттом, учителем физкультуры. Он такой же истовый баптист, как и она сама. Джон до сих пор не оправился от потрясения. Вон как вздыхает, бедняга. Прямо сердце болит, на него глядючи. Так вздыхать может только мужчина, который влюблен до сих пор (или думает, что влюблен). В общем, довел он себя до зеленой тоски.

Вы замечали, что беды и неприятности, как правило, складываются из вещей самых обычных? Будничных и заурядных. Вот вам пример. Видите парня, что поднимает-

ся по ступенькам здания суда? Нет, не того, что в костюме, — это Дэн Китон, наш глава городского управления. Я другого имею в виду: черного парня в рабочем комбинезоне. Это Эдди Варбертон, ночной уборщик в здании муниципалитета. Понаблюдайте за ним и обратите внимание, что он сделает. Вот! Видите, остановился на верхней ступеньке и смотрит на улицу? Ставлю еще один доллар против обгрызенной кочерыжки — он смотрит на автомобильную мастерскую «Суноко». Ее владелец и по совместительству мастер — Сонни Джакетт, с которым Эдди враждует уже два года — с тех пор как привел туда свою машину, чтобы проверить трансмиссию.

Я хорошо помню эту машину. Это была «хонда сивик», самая обыкновенная. Но для Эдди это была особенная машина — первая и единственная за всю жизнь машина, которую он купил новой. А Сонни сделал свою работу из рук вон плохо, да еще и завысил цену. Такова точка зрения *Эдди*. А точка зрения *Сонни*: Варбертон просто не хочет платить сколько нужно, а чтобы не платить, пытается обвинить меня в расизме, пользуясь тем, что он черный. Вот как бывает...

Итак, Сонни Джакетт подал на Эдди Варбертона в малый арбитражный суд. Сначала они поскандалили в зале суда, потом — в коридоре. Эдди заявил, что Сонни назвал его тупым ниггером, на что Сонни ответил, что, мол, ниггером никого не обзывал, а вот насчет первого определения — он целиком и полностью согласен. В итоге оба остались недовольны. Судья вынудил Эдди заплатить Сонни пятьдесят долларов, на что Эдди сказал, что пятьдесят — это слишком, а Сонни — что это безбожно мало. А потом было вот что: в новой машине Эдди случилось короткое замыкание, она загорелась и закончила свои дни на свалке неподалеку от шоссе № 5. Теперь Эдди водит «олдсмобиль» 89-го года, в котором вечно подтекает масло. И он по-прежнему уверен, что Сонни Джакетт знает о коротком замыкании гораздо больше, чем говорит.

Вот уж точно: с людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться. Только веселье все больше какое-то мрачное.

Но такова жизнь маленького провинциального городка — как его ни назови: Пейтонс-Плейс, или Гроверс-Корнерс, или Касл-Рок. В каждом таком городке люди едят пироги, пьют кофе и обсуждают друг друга за спиной. Вот идет Слопи Додд, один-одинешенек, потому что другие дети издеваются над его заиканием. Вон Миртл Китон; и если она выглядит немного смущенной и растерянной, как если бы она не знает, где находится и что вокруг происходит, так это из-за ее мужа (того самого типа, который зашел в здание суда вслед за Эдди), который в последние полгода сам не свой. Видели, глаза у нее припухшие? Наверняка недавно плакала, или плохо спала, или и то и другое.

А вот идет Ленор Поттер. Выглядит, как всегда, потрясающе — как будто только сошла со сцены. Идет в «Западные автоперевозки», выяснить, не пришел ли ее заказ — какое-то особое органическое удобрение. У этой женщины вокруг дома растет столько разных цветов, сколько у Картера не наберется таблеток от печени. Она очень этим гордится. И она не ходит в больших любимицах у местных дам. Они считают, что она задавака — задирает нос и кичится этими своими цветами, шикарными бусами и семидесятидолларовыми бостонскими завивками. И, раз уж мы с вами сидим тут бок о бок на занозистой ступеньке эстрады, раскрою вам один секрет: я полностью с ними согласен. Она действительно задавака.

Все это обычное дело, скажете вы, но должен заметить, в Касл-Роке хватает проблем, и далеко не все эти проблемы так безобидны. Все помнят Фрэнка Додда, дежурного на переезде, который двенадцать лет тому назад свихнулся и убил нескольких женщин. Все помнят бешеную собаку, которая загрызла Джо Камбера и еще одного старого пьяницу с той же улицы. Та же собака загрызла и прежнего шерифа, Джорджа Баннермана. С тех пор шерифом

у нас Алан Пангборн, и хотя он человек хороший, ему никогда не подняться до Большого Джорджа в глазах этого городка.

А то, что случилось с Реджинальдом Мериллом по прозвищу Папаша — с этим старым скупердяем-старьевщиком, державшим лавку так называемых древностей... разве это обычное дело?! Лавка его называлась «Эмпориум Галлориум», и стояла она вон там, где сейчас пустырь. Видите, на той стороне Главной улицы? Здание сгорело уже давно, но в городе есть люди, которые видели, как все было (или которые утверждают, что видели), и после пары кружечек пива в «Подвыпившем тигре» они вам скажут, что это был не простой пожар — тот пожар, который спалил дотла «Эмпориум Галлориум» и забрал жизнь Папаши Мерилла.

Его племянник, Туз, говорил, что незадолго до пожара с его дядей стало твориться что-то ужасное — как в «Сумеречной зоне». Конечно, Туза тогда даже и близко здесь не было; он тянул свой четырехлетний срок в Шоушенской тюрьме за ограбление со взломом. (Ежу было понятно, что Туз Мерилл плохо кончит; в школе он слыл отъявленным драчуном и задирой. Все дети в городе, наверное, переходили на другую сторону улицы, едва заметив, как Туз вышагивает по тротуару в своей байкерской куртке, звенящей молниями и заклепками, и тяжелых подкованных ботинках.) Но знаете, люди все-таки ему верили — может быть, с Папашей в тот день и вправду стряслось что-то странное, а может, все это просто сплетни за чашкой кофе и куском яблочного пирога в забегаловке у Нан.

Здесь все осталось таким же, как и во времена вашей молодости. Люди бесятся из-за религии, страдают из-за несчастной любви, носят в себе секреты, таят в себе злобу... и даже страшные истории, как та, что я только что рассказал — о том, что было или чего не было в день гибели Папаши, — все это лишь для того, чтобы скрасить еще один скучный и серый день. Касл-Рок таки остался прекрасным местом для того, чтобы жить и расти, как

написано на плакате у въезда в город. Солнце ласкает озеро и листья деревьев на берегу, а в ясный день со Смотровой площадки видна вся дорога до самого Вермонта. Дачники, приезжающие на лето, обсуждают утренние газеты, а по вечерам в пятницу или субботу (а то и в пятницу, и в субботу) на стоянке рядом с «Подвыпившим тигром» иной раз случаются драки, но приезжие всегда уезжают домой, а драки заканчиваются. Этот город всегда был *прекрасным* местечком, и если кто-то начинает грузиться и грузить окружающих, знаете, что мы говорим на это? Мы говорим: «*Это пройдет, он скоро на это забьет*».

Генри Бофорта, к примеру, бесит, когда Хью Прист спьяну пинает его музыкальный автомат... но он скоро на это забьет. Вильма Ержик и Нетти Кобб терпеть друг друга не могут... но Нетти скоро на это забьет (наверное), а для Вильмы ненависть и неприязнь — просто обычное состояние организма. Шериф Пангборн до сих пор убивается по своим так нелепо погибшим жене и младшему сыну, и это, конечно же, очень большое горе, но и он тоже когда-нибудь успокоится — всему свое время. У Полли Чалмерс тяжелый артрит. Он не проходит, даже наоборот — если честно, то чем дальше, тем хуже. На такое забить невозможно, но она все равно притерпится. И она не одна такая — таких миллионы.

Мы по-прежнему иной раз огрызаемся друг на друга, но в основном все идет нормально. Или шло до сих пор. А теперь, друг мой, я вам скажу настоящий секрет; я из-за этого вас и позвал — сразу как только увидел. Есть у меня подозрение, что надвигается беда — настоящая беда. Нюхом чую, она уже не за горами, как гроза в неурочное время года. Склоки между католиками и баптистами из-за «Ночи в казино», дети, которые дразнят бедного заику Слопи, страдания Джона Лапуанта от несчастной любви, горе шерифа Пангборна — все это покажется мелочью по сравнению с тем, что нас ждет.

Видите здание на той стороне Главной улицы? Четвертое по счету от пустыря, на котором стоял «Эмпориум

Галлориум»? С зеленым навесом над входом? Ага, вот это! Окна замазаны мылом — заведение еще не открыто. Вывеска: «Нужные вещи». Что еще за хрень такая? Я понятия не имею, но что-то мне здесь не нравится.

Предчувствие нехорошее.

Взгляните еще раз на улицу. Видите этого мальчика с велосипедом? Ага, того самого — с мечтательным видом. Приглядитесь к нему повнимательнее. По-моему, с него все и начнется.

Нет, я же вам говорю: я не знаю, что будет... у меня просто предчувствие. Но вы все равно приглядитесь к мальчишке. И задержитесь у нас в городке на какое-то время. Что-то явно назревает, что-то очень *нехорошее*, и если оно действительно произойдет, лучше, чтобы тут были свидетели.

Я знаю этого паренька с велосипедом. И вы, может быть, тоже знаете. Его зовут Брайан, фамилию вот запамятовал. Его отец занимается дверьми и отделкой стен не то в Оксфорде, не то в Южном Париже, по-моему.

Вы за ним понаблюдайте. И вообще, присматривайтесь *ко всему*. Вы бывали тут раньше, но скоро все изменится.

Я это знаю.

Я это чувствую.

Назревает гроза.

ЧАСТЬ 1
Церемония открытия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Открытие нового магазина в маленьком городе — это большое событие.

Впрочем, на Брайана Раска это «большое событие» не произвело особенного впечатления, в отличие от многих других — от его собственной матери, например. Он слышал, как она долго и нудно обсуждала открытие нового магазина по телефону со своей лучшей подругой Майрой Эванс где-то с месяц назад (они именно обсуждали, а вовсе не *сплетничали*, потому что, как ему объяснила мама, сплетничать — это плохо и *она* никогда не сплетничает). Это здание раньше занимала контора «Страхование и недвижимость Западного Мэна», потом оно какое-то время пустовало; первые рабочие появились там как раз в начале учебного года и с тех пор трудились не покладая рук. Никто не имел представления, что происходит внутри; перво-наперво рабочие установили большую витрину и тут же замазали ее мылом.

А две недели назад на дверях появилась табличка — прозрачная пластмассовая дощечка, подвешенная на шнуре.

Скоро МЫ открываемся!
НУЖНЫЕ ВЕЩИ
МАГАЗИН НОВОГО ТИПА
«Вы не поверите своим глазам!»

— Просто еще одна антикварная лавка, — сказала мать Брайана Майре. Кора Раск лежала, развалясь на диване, держала в одной руке телефонную трубку, свободной рукой клала в рот вишни в шоколаде и смотрела по телевизору «Санта-Барбару». — Еще одна антикварная лавка с кучей липовой раннеамериканской мебели и облезлых сломанных телефонов. Вот увидишь.

Этот разговор состоялся через несколько дней после того, как рабочие вставили новую витрину и замазали ее мылом. И мать говорила с такой уверенностью, не терпящей никаких возражений, что — по понятиям Брайана — тема должна была быть закрыта раз и навсегда. Вот только для матери Брайана не существовало окончательно закрытых тем. Ее домыслы и рассуждения были такими же бесконечными, как проблемы героев из «Санта-Барбары» и «Скорой помощи».

На прошлой неделе первая строка на дощечке на двери сменилась на:

МЫ открываемся СОВСЕМ Скоро!
ПРИХОДИТЕ 9 октября — и приводите друзей!

Брайан мало интересовался новым магазином — во всяком случае, не так живо, как его мама (и кое-кто из учителей; когда была его очередь дежурить школьным почтальоном, он слышал, как они говорили об этом в учительской средней школы Касл-Рока), — но ему все-таки было одиннадцать, а здорового одиннадцатилетнего мальчика интересует практически все. К тому же название нового магазина подстегивало любопытство. «Нужные вещи». Что бы это значило?

Изменения на вывеске Брайан заметил во вторник, по дороге из школы домой. По вторникам он возвращался из школы поздно. Он родился с заячьей губой, и хотя в семь лет ему сделали операцию и убрали дефект, ему все еще приходилось ходить к логопеду. Всем, кто спрашивал, он говорил, что ненавидит эти занятия; однако на самом деле

все было наоборот. Брайан был сильно и безнадежно влюблен в мисс Рэтклифф и всю неделю ждал этих занятий, чтобы увидеть предмет своего обожания. Во вторник уроки тянулись целую тысячу лет, и последние два часа у него в животе все дрожало, как будто там трепыхались бабочки.

Кроме него, в логопедическом классе было еще четверо ребят, и среди них не было никого, кто бы жил рядом с ним. Брайана это вполне устраивало. После целого часа в одной комнате с мисс Рэтклифф он не нуждался в компании: он был весь погружен в мечты. Домой он шел медленно, толкая велосипед, вместо того чтобы ехать на нем, — шел, думая только о *ней*, а вокруг, сквозь косой частокол лучей октябрьского солнца, падали желтые и золотые листья.

Его путь пролегал через три квартала Главной улицы, как раз напротив городского парка, и, увидев обновленную вывеску, Брайан прижался носом к витрине, надеясь разглядеть, чем сменились нудные столы и желтые офисные стены закрывшегося агентства по страхованию и недвижимости Западного Мэна. Но его любопытство осталось неудовлетворенным: внутри уже повесили шторы, и шторы были плотно задернуты. Брайан увидел лишь собственное отражение.

В пятницу, четвертого октября, в местной газете «Зов» появилась реклама нового магазина. Ее окружала гофрированная рамка, а под текстом стояли спина к спине два ангела, трубившие в длинные трубы. По сравнению с вывеской на двери в рекламе не было ничего нового: название магазина, «Нужные вещи», когда открывается, в десять утра девятого октября, и, разумеется, «Вы не поверите своим глазам». А что за товары хозяин или хозяева «Нужных вещей» собираются продавать — об этом не было ни слова.

Похоже, это последнее обстоятельство больше всего раздражало Кору Раск — достаточный повод, чтобы подвигнуть ее на необычный для субботнего утра звонок Майре.

— Уж *я-то* поверю своим глазам, можешь не сомневаться, — говорила она. — Когда я вижу эти *складные кровати*, которым якобы *двести лет*, но у которых на рамах стоит метка «Рочестер, Нью-Йорк», и это видно *любому*, кто не поленится нагнуться и заглянуть под покрывало, — я *очень даже* верю своим глазам.

Майра что-то ответила. Кора выслушала, выуживая орешки из банки «Арахис Плантера» и стремительно отправляя их в рот. Брайан и его младший брат Шон сидели на полу в гостиной и смотрели мультфильмы. Шон полностью погрузился в мир смурфов, а Брайан, хотя и не остался совсем безучастным к делам сообщества маленьких синих человечков, все же прислушивался к разговору краем уха.

— *То-очно!* — объявила Кора с еще большими, чем обычно, уверенностью и напором. Видимо, Майра сделала какое-то особенно верное заявление. — Высокие цены и вшивые древние телефоны!

Вчера, в понедельник, Брайан с парой друзей проезжал через центр по дороге домой из школы. Проезжая мимо нового магазина, он заметил, что над входом установили темно-зеленый навес, которого еще не было утром. Спереди тянулась белая надпись: НУЖНЫЕ ВЕЩИ. Полли Чалмерс, хозяйка ателье, стояла на тротуаре, уперев руки в бедра — весьма аппетитные, надо признать, — и разглядывала навес со смешанным выражением озадаченного удивления и восхищения.

Брайан, кое-что понимавший в навесах, подумал, что здесь было чем восхищаться. Это был единственный настоящий навес на всей улице, и он придавал магазину какой-то особенный вид. Брайан не знал слова «изысканный», но он сразу понял, что этот магазинчик действительно выглядит *по-особенному*. Этот зеленый навес придавал ему вид магазина из телесериалов. По сравнению с ним «Западные автоперевозки» на другой стороне улицы смотрелись как-то убого и по-деревенски.

Вернувшись домой, он застал мать на диване. Она смотрела свою «Санта-Барбару», поедала кремовый пирог «Малышка Дебби» и запивала его диетической колой. Мать всегда пьет диетическую газировку, когда смотрит дневные телесериалы. Брайан не знал зачем — подозревал, что для промывки пищевода, — но спрашивать не хотел. Решил, что это опасно. Вполне может статься, что вместо ответа она начнет на него орать, а если мать начинает орать, то надо скорее искать убежище. Если хочешь остаться в живых.

— Эй, мам, слышишь?! — Брайан бросил книги на столик и достал из холодильника молоко. — Знаешь что? Там, перед новым магазином, навес.

— Кто залез? Куда залез? — спросила она из гостиной.

Брайан налил себе молока и зашел в комнату.

— *Навес*. Перед новым магазином.

Кора села прямо, нашарила пульт и выключила звук. На экране Эл Кэпвелл с Коринной продолжали обсуждать свои санта-барбарские проблемы в своем любимом санта-барбарском ресторане, но теперь их разговор мог понять только тот, кто умеет читать по губам.

— Что? — переспросила она. — Это те самые «Нужные вещи»?

— Угу. — Брайан отпил молока.

— *Не чавкай*, пожалуйста, — сказала мама, запихивая в рот последний кусок пирога. — *Противно* слушать. Сколько раз тебе говорить?

Примерно столько же, сколько ты мне говорила не разговаривать с набитым ртом, подумал Брайан, но вслух этого не сказал. Держать язык за зубами он научился еще в раннем детстве.

— Прости, мам.

— Что за навес?

— Зеленый такой.

— Гофрированный или алюминиевый?

Брайан, отец которого работал в фирме «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже» и продавал щиты для

отделки фасадов, знал, что мама имеет в виду, но на такой навес он бы вряд ли обратил внимание. Алюминиевые и гофрированные навесы встречаются на каждом шагу — куда ни плюнь. Над окнами половины домов Касл-Рока такие навесы. Подумаешь, невидаль.

— Нет. Он из материи. Холст, наверное. Он выпирает далеко вперед, и под ним тень. И он круглый, вот такой. — Осторожно, чтобы не разлить молоко, Брайан согнул ладони в полукруг. — Спереди написано название. В общем, выглядит внушительно.

— Чтоб мне провалиться!

Как правило, этой фразой Кора выражала восхищение или раздражение — смотря по обстоятельствам. Брайан на всякий случай отступил назад. А вдруг это все-таки было второе?

— И что это будет, как думаешь, мам? Может быть, ресторан?

— Не знаю, — заявила она скучным голосом и потянулась за телефоном. Для этого ей потребовалось сдвинуть с места кошку Сквиббл, журнал с телепрограммой и баночку диетической колы. — Но звучит подозрительно.

— Мам, а что это значит — «Нужные вещи»? Что-то вроде...

— Брайан, не мешай мне. Не видишь: мамочка занята. В хлебнице есть печенье, возьми, если хочешь. Но только одно, а то аппетит перебьешь. — Она уже набирала номер Майры, и вскоре подруги с горячностью обсуждали зеленый навес.

Брайан совсем не хотел печенья (он очень любил маму, но иногда, глядя, как она ест, совершенно терял аппетит). Он уселся за кухонный стол, открыл задачник по математике и начал решать отмеченные упражнения. Брайан был умным и добросовестным мальчиком и почти все домашние задания делал еще в школе. Но сегодня он не успел закончить математику. Он методично отсчитывал десятичные знаки, делил и умножал, параллельно прислушиваясь к разговору — то есть к маминым репликам. Она

опять говорила, что скоро они заполучат *еще один* магазин, торгующий старыми и вонючими *флаконами от духов* и фотографиями чьих-то умерших *родственников*, и что это позор, что подобные вещи вообще поступают в продажу. В мире развелось слишком много людей, говорила Кора, которые руководствуются принципом «Бери денежки и беги». Когда она говорила про навес, тон был такой, как будто кто-то умышленно взял на себя труд вывести ее из себя и полностью в этом преуспел.

Наверное, она думает, что кто-то должен прийти и все ей рассказать, решил Брайан, сосредоточенно двигая карандашом. Да, скорее всего. Во-первых, она умирает от любопытства. А во-вторых, она злится, что никто не торопится раскрывать ей секрет. Подобное сочетание ее добивает. Ничего, скоро все выяснится. Уж она постарается выяснить... А когда это случится, она по секрету расскажет и ему тоже. А если окажется слишком для этого занятой, он всегда может подслушать ее разговор с Майрой.

Но все повернулось так, что Брайан первым узнал секрет «Нужных вещей» — раньше мамы, раньше Майры, раньше всех в Касл-Роке.

2

За день до открытия «Нужных вещей» Брайан ехал из школы, с трудом удерживаясь в седле велосипеда; он был весь погружен в сладостную мечту (он не рассказал бы об этой мечте никому — даже под пыткой раскаленными клещами или кусачими пауками-тарантулами), в которой он пригласил мисс Рэтклифф пойти вместе с ним на ежегодную ярмарку графства Касл и она согласилась.

— Спасибо, Брайан, — говорит мисс Рэтклифф, и Брайан замечает слезинки признательности в уголках ее синих глаз — синих-синих, каким бывает только штормовое море. — А то в последнее время мне было так... грустно. Знаешь, я потеряла свою любовь.

— Я помогу вам его забыть, — отвечает Брайан, и его голос тверд и нежен одновременно, — только вы называйте меня... Бри.

— Спасибо тебе, — шепчет она и повторяет еще раз, наклонившись так близко, что он чувствует запах ее духов — чарующий аромат диких цветов: — Спасибо... Бри. И раз уж — хотя бы сегодня — мы будем не учеником и учительницей, а просто парнем и девушкой, называй меня... Салли. И давай на ты.

Он берет ее за руку. Смотрит ей в глаза.

— Я уже не ребенок, — говорит он. — Я могу сделать так, чтобы ты забыла его... Салли.

Кажется, она заворожена его неожиданным пониманием, его неожиданной мужественностью; пусть ему только одиннадцать, но он больше мужчина, чем Лестер. Она стискивает его руки. Их лица сближаются... сближаются...

— Нет, — шепчет она. Теперь ее глаза такие большие; они так близко, что он готов в них утонуть. — Не надо, Бри... Так нельзя...

— Все в порядке, малышка, — говорит он и прижимается губами к ее губам.

Через какое-то время она отстраняется и нежно шепчет...

— Эй, парень, вынь глаза из задницы! Куда ты прешь?

Грубо вырванный из приятных фантазий, Брайан только теперь сообразил, что он чуть не угодил под пикап Хью Приста.

— Извините, мистер Прист, — пробормотал он, густо покраснев. Меньше всего ему хотелось нарваться на ярость Хью Приста, который служил в Управлении общественных работ и имел репутацию человека с самым дрянным характером во всем Касл-Роке. Брайан настороженно следил за ним. Если бы Прист собрался вылезти из машины, он бы вскочил на велик и припустил бы по Главной со скоростью света. Ему вовсе не улыбалось провести месяц в больнице только из-за того, что он размечтался о походе на ярмарку вместе с мисс Рэтклифф.

Но в приемнике пел Хэнк Уильямс-младший, а в ногах у Хью Приста стояла бутылка пива, и ему было лень выходить из машины ради того, чтобы выбить дерьмо из этого маленького придурка с глазами на заднице.

— Ты, парень, смотри, куда прешь, — сказал он, сделав хороший глоток из бутылки и глядя на Брайана убийственным взглядом, — потому что в следующий раз я и не подумаю остановиться. Просто перееду тебя, и все. Размажу по дороге, дружочек.

Он переключил передачу и уехал.

Брайану вдруг захотелось — к счастью, этот безумный порыв очень быстро прошел — завопить ему вслед: «*Чтоб мне провалиться*!» Он подождал, пока оранжевый пикап завернет на Линден-стрит, и пошел дальше. Мечты о мисс Рэтклифф были безнадежно испорчены — на весь остаток дня. Хью Прист вернул его к реальности. Мисс Рэтклифф вовсе не ссорилась со своим женихом, Лестером Праттом; она по-прежнему носила колечко с бриллиантом, которое он подарил ей на помолвку, и по-прежнему водила его синий «мустанг», пока ее машина была в ремонте.

Не далее как вчера вечером Брайан видел мисс Рэтклифф и мистера Пратта. Они — в компании других молодых людей — расклеивали эти листовки, «Кости — орудие Дьявола», на телефонных столбах в том конце Главной улицы. А еще они пели гимны. Ну, правда, потом прошли католики и содрали все листовки. Это было даже смешно... хотя, будь Брайан постарше, он бы сделал все от него зависящее, чтобы защитить листовки — *любые* листовки, — которые мисс Рэтклифф расклеила своими святыми руками.

Брайан подумал о ее темно-синих глазах, о ее длинных ногах танцовщицы и почувствовал все то же мрачное удивление, которое он испытывал всякий раз, когда вспоминал, что в январе она собирается сменить имя с Салли Рэтклифф на Салли Пратт. Дурацкая фамилия Пратт — она ассоциировалась у Брайана со звуком, с каким, по его представлениям, должна падать с лестницы толстая тетка.

А может, она передумает, думал он, медленно вышагивая по Главной. Все в жизни бывает... Или Лестер Пратт попадет в аварию, или у него обнаружится опухоль мозга или еще что-нибудь в этом роде. А вдруг выяснится, что он наркоман? Мисс Рэтклифф никогда в жизни не выйдет замуж за наркомана!

Как бы дико это ни звучало, но эти дурацкие мысли помогли ему успокоиться. Но они все равно не смогли отметить тот прискорбный факт, что Хью Прист оборвал его фантазию незадолго до апогея (когда Брайан целуется с мисс Рэтклифф и практически *прикасается к ее правой груди* в «Тоннеле любви» на ярмарке). Идея, конечно, была бредовая — одиннадцатилетний мальчик ведет учительницу на ярмарку графства. Мисс Рэтклифф, конечно, очень красивая, но для него она старая. Как-то раз на логопедическом занятии она сказала, что в ноябре ей исполнится двадцать четыре.

Итак, Брайан привычно сложил свою фантазию по старым загибам, как обычно мы складываем важные документы, которые часто читаем и перечитываем, и запрятал на полку в дальнем уголке памяти — на законное место. Он приготовился сесть на велосипед и крутить педали до самого дома.

Но в этот момент он как раз проходил мимо нового магазина, и вывеска на двери привлекла его внимание. Что-то на ней изменилось. Он остановился и вгляделся повнимательнее.

Надписи:

МЫ открываемся СОВСЕМ Скоро!
ПРИХОДИТЕ 9 октября — и приводите друзей!

больше не было. Ее сменила маленькая квадратная табличка. Красные буквы на белом фоне.

ОТКРЫТО

Вот так вот:

ОТКРЫТО

и *все*. Брайан замер на месте, зажав велосипед ногами и уставившись на табличку. Его сердце забилось сильнее.

Ты ведь туда не пойдешь? — спросил он себя. Я имею в виду, даже если они действительно открылись на день раньше, ты же туда не пойдешь?

А почему нет?

Ну... Потому что витрина все еще замазана мылом. И жалюзи на двери опущены. Если туда войти, с тобой все, что угодно, может случиться. *Все, что угодно.*

Ну конечно. Будто парень, который открыл магазин — вроде Нормана Бейтса*, одевается в платье покойной мамочки и разделывает покупателей, как свиней. *Ра-зу-ме-ет-ся.*

Ладно, забудь, высказалась его робкая половина, но действительно как-то робко, как будто она уже знала, что спор проигран. И в этом было что-то *смешное.*

Тем более что Брайан подумал, как он расскажет об этом маме. Просто и беззаботно, как бы между прочим: «Кстати, мам, помнишь тот новый магазин, который «Нужные вещи»? Так вот, он открылся на день раньше. Я зашел посмотреть, что там и как».

Она тут же вырубит звук телевизора, уж я-то знаю! Она захочет услышать об этом все!

Эта мысль все и решила. Брайан опустил подножку велосипеда, шагнул в тень под навесом — впечатление было такое, что там и вправду прохладнее, градусов на десять как минимум, — и приблизился к двери «Нужных вещей».

Когда он дотронулся до большой дверной ручки — бронзовой и старомодной, ему вдруг пришло в голову, что табличку ОТКРЫТО могли повесить там по ошибке. Скорее всего ее приготовили на завтра, и кто-то случайно повесил ее на дверь. Из-за штор не доносилось ни звука; внутри явно никого не было.

---

* Норман Бейтс — маньяк-убийца из фильма А. Хичкока «Психо». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Но раз уж он взялся за ручку, надо идти до конца. Он легонько нажал на ручку... и она легко поддалась. Язычок замка щелкнул, и дверь «Нужных вещей» распахнулась.

3

Внутри царил полумрак, но какой-то свет все-таки был. Брайан увидел, что там была установлена система направленного света (специализация компании «Фасады и двери Дика Перри») и часть светильников была включена. Они были направлены на некоторые витринные шкафы, расставленные по всему залу. В основном эти шкафы были пусты. Лампы освещали только *занятые* витрины.

Пол — просто деревянный во времена «Страхования и недвижимости Западного Мэна» — теперь был покрыт от стены до стены богатым ковром цвета густого бургундского вина. Стены, идеально белые, как яичная скорлупа, отражали слабый рассеянный свет, пробивавшийся через закрашенные мылом окна.

Да, наверное, это ошибка, подумал Брайан. Ничего еще не разложено. Кто-то по недосмотру повесил эту табличку на дверь и забыл ее запереть. Вежливый мальчик сейчас поступил бы так: закрыл дверь с той стороны, сел на велосипед и уехал.

Но Брайану не хотелось уходить. В конце концов он уже вошел в магазин и увидел, что там внутри. Мама, когда услышит об этом, не отстанет от него до вечера — будет расспрашивать и расспрашивать. И больше всего его бесило, что он не был уверен, что конкретно он видел. В витринах было расставлено где-то с полдюжины *(экспонатов)* каких-то вещей, и на них были направлены маленькие прожекторы — пробное включение скорее всего, — но он все равно не мог как следует разглядеть, что там лежит. Однако он видел, чего там точно *не было*: псевдоантикварных кроватей и старых обшарпанных телефонов.

— Добрый день, — неуверенно произнес он, все еще стоя на пороге. — Есть тут кто живой?

Он уже собрался уходить, как вдруг из глубины магазина раздался голос:

— *Я* есть.

В проеме за одной из витрин показалась высокая фигура — поначалу показавшаяся *неправдоподобно* большой. Этот проем был задрапирован темной бархатной занавеской. Брайан почувствовал пусть и мгновенный, но очень сильный приступ страха. Но потом пятно света от одной из ламп легло на лицо незнакомца, и мальчик расслабился. Это был пожилой мужчина, и лицо у него было очень добрым. Он смотрел на Брайана с любопытством и искренней симпатией.

— Дверь была открыта, — начал Брайан, — и я подумал...

— *Конечно*, она открыта, — сказал высокий старик. — Я решил ненадолго открыть магазин сегодня для... ну, вроде как предварительного просмотра. И вы — мой самый первый клиент. Заходите, мой юный друг, и оставьте здесь толику принесенного с собой счастья!

Он улыбнулся и протянул руку. Улыбка была заразительной. Брайан тут же проникся симпатией к хозяину «Нужных вещей». Ему надо было перешагнуть через порог, чтобы пожать руку высокому старику, и он сделал это без страха и колебаний. Дверь у него за спиной закрылась, щелкнув замком. Брайан этого не заметил. Он был слишком занят — разглядывал глаза незнакомца. Они были синими — темно-синими, точь-в-точь как у мисс Рэтклифф. Они могли бы быть родственниками: папой и дочкой.

Рукопожатие старика было крепким и уверенным, но совсем не болезненным. Хотя что-то в нем было... неприятное. Что-то... *мягкое*. И одновременно жесткое.

— Очень приятно, — сказал Брайан.

Темно-синие глаза впились ему в лицо, как железнодорожные фонари под черными козырьками.

— Равно как и я чрезвычайно польщен столь приятным знакомством, — ответил высокий старик.

Вот так Брайан Раск, раньше всех в Касл-Роке, познакомился с хозяином «Нужных вещей».

4

— Меня зовут Лиланд Гонт, — представился хозяин. — А вы, молодой человек?..

— Брайан. Брайан Раск.

— Замечательно, мистер Раск. И раз уж вы — мой первый клиент, я вам сделаю очень хорошую скидку на любую одну вещь, которая вам здесь понравится.

— Спасибо, конечно, — ответил Брайан, — но я вряд ли смогу что-то у вас купить. Денег мне не дадут до пятницы, да и... — он с сомнением оглядел витрины, — вы ведь еще не все выставили, что есть. Не все товары.

Гонт улыбнулся. Зубы у него были кривые, в тусклом свете они казались желтыми, но Брайану его улыбка все равно показалась искренней и дружелюбной. И он снова не смог сдержаться и улыбнулся в ответ.

— Да, — согласился Лиланд Гонт, — еще не все. Бóльшая часть моего... как вы выразились, товара прибудет только сегодня вечером. Но у меня все же есть кое-что интересное. Вы осмотритесь, молодой человек. Мне бы хотелось узнать ваше мнение, по крайней мере... и, как мне кажется, у вас же есть мама? Ну разумеется. Такой приятный молодой человек просто не может быть сиротой. Я не прав?

Брайан кивнул, продолжая улыбаться.

— Правы, конечно. Мама сейчас дома. — У него вдруг мелькнула мысль. — Может быть, мне сходить за ней?

Брайан сразу же пожалел о сказанном. Он *не хотел* приводить сюда маму. Завтра мистер Лиланд Гонт откроет свой магазин для всего города. Завтра его мама и Майра Эванс будут крутиться здесь вместе с другими дамами

Касл-Рока. Брайан подумал, что уже к концу месяца — да что там месяца: к концу недели — мистер Гонт перестанет казаться таким странным и своеобразным, но пока что он именно таким и казался, пока что он принадлежал Брайану Раску, и только Брайану Раску, и Брайан хотел, чтобы так все и осталось. Хотя бы сегодня. Хотя бы на один день.

Поэтому он почувствовал несказанное облегчение, когда мистер Гонт поднял руку (пальцы у него были очень длинными и узкими; Брайан отметил, что средний и указательный пальцы были одинаковой длины) и покачал головой.

— Не надо, — сказал он. — Уж чего-чего, а *вот этого* мне не хочется. Она, несомненно, захочет тоже кого-нибудь привести. Скажем, подругу, так ведь?

— Ага, — кивнул Брайан, подумав о Майре.

— А может, и *двух* подруг или даже трех. Нет, пусть лучше все будет как есть, Брайан, — можно мне называть вас Брайаном?

— Конечно! — Брайан был даже польщен.

— Спасибо. А ты меня называй мистер Гонт, потому что я старше тебя, что, впрочем, не означает — лучше, согласен?

— Конечно. — Брайан не был уверен, что он понимает, что мистер Гонт имеет в виду под «старшими и лучшими», но ему очень *нравилось* слушать, как тот говорит. И его глаза... это действительно было что-то. Брайан с трудом отводил от них взгляд.

— Ну вот так-то лучше.

Мистер Гонт потер руки, и при этом раздался какой-то странный шипящий свист. От этого звука Брайану стало немного не по себе. На ум почему-то пришла змея, раздраженная и готовая укусить.

— Ты потом все расскажешь маме и, может быть, даже покажешь ей, что купил, — если купишь, конечно...

Брайан задумался, стоит ли сообщать мистеру Гонту, что все его текущие средства в кармане составляют ровно девяносто один цент, и решил, что не надо.

— ...а *она* расскажет подругам, *те* расскажут своим подругам... видишь, Брайан? Ты послужишь мне лучшей рекламой, чем все местные газеты. Это получится даже лучше, чем если б я нанял тебя разгуливать в «бутерброде»* по улицам.

— Как скажете, — согласился Брайан. Он понятия не имел, что такое «бутерброд», но почему-то не сомневался, что он ни за что бы не согласился показаться на улицах города в таком виде. — И мне правда было бы интересно тут все посмотреть. — *Хотя смотреть-то пока особенно не на что*, подумал он, но не сказал этого вслух, потому что был вежливым мальчиком.

— Ну, тогда приступай! — сказал мистер Гонт, указывая на витрины и прилавки. Только теперь Брайан заметил, что на нем был какой-то совсем уж необычный длинный пиджак бордового бархата. Ему почему-то подумалось, что это может быть смокинг, как в рассказах про Шерлока Холмса. И это было ужасно здорово. — Прошу, Брайан!

Брайан медленно подошел к ближайшему к двери прилавку. Он оглянулся через плечо, уверенный, что мистер Гонт последует за ним, но тот остался стоять на месте. Он разглядывал Брайана с каким-то странным интересом. Казалось, что он прочел мысли мальчика и обнаружил, что тот ненавидит, когда хозяева магазинов таскаются за покупателями, когда те ходят и смотрят. Наверное, они просто боятся, что ты что-то сломаешь, или стащишь, или и то и другое.

— Не торопись, — сказал мистер Гонт. — Делать покупки — это истинное удовольствие для человека, если он никуда не торопится, и большой геморрой, если он делает все бегом.

— Скажите, а вы приехали издалека? — спросил Брайан. Его удивило, что мистер Гонт говорит в третьем лице:

---

* «Бутерброд» (*жарг.*) — человек, увешанный с двух сторон рекламными щитами.

«человек, он». Потому что обычно такие фразы мы строим во втором лице: «Делать покупки — это истинное удовольствие, если ты никуда не торопишься...» и так далее. Такая манера речи напомнила Брайану одного сморчка, ведущего передачи «Мастера сцены», которую его мама всегда смотрела, если в программе было написано, что сегодняшний выпуск будет «про любовь».

— Я, — ответил Гонт, — родом из Экрона.

— Это в Англии?

— Это в Огайо. — Лиланд Гонт обнажил в сияющей улыбке крупные неровные зубы.

Это почему-то рассмешило Брайана — как шутка из комедийного телешоу. Впрочем, все происходящее казалось ему какой-то непонятной телепередачей, немного загадочной, но не страшной. Он рассмеялся.

А потом испугался, что мистер Гонт сочтет это невежливым (может, потому, что мама вечно его упрекала, что он не умеет вести себя вежливо, так что в конце концов Брайан решил, что он живет посреди огромной, хотя и невидимой паутины поведенческого этикета), но через пару секунд старик тоже расхохотался. Они смеялись, глядя друг на друга, и Брайан подумал, что такого приятного дня, каким обещал быть сегодняшний день, на его памяти еще не было.

— Ладно, ты тут пока смотри, — махнул рукой мистер Гонт. — А воспоминаниями обменяемся позже.

И Брайан смотрел. В самой большой витрине было выставлено всего пять предметов, хотя места хватило бы еще на двадцать — тридцать. Там была курительная трубка; потом — фотография Элвиса Пресли в красном шарфе и знаменитой белой куртке с тигром на спине. Король (так его всегда называла мама) держал у своих пухлых губ микрофон. Еще там были фотоаппарат «Полароид»; кусок полированного камня с дырочкой посередине, заросшей внутри кристаллами. В свете лампы они переливались и мерцали. И наконец, там была какая-то деревянная щепка размером примерно с палец Брайана.

Он указал на кристалл.

— Это жеод, правильно?

— Ты хорошо образованный молодой человек, Брайан. В самую точку попал. Вообще-то для всех вещиц у меня есть свой ярлычок, но они еще не распакованы — как и бóльшая часть товара. Придется как следует потрудиться сегодня, чтобы приготовиться к завтрашнему открытию. — Но по голосу старика было совсем незаметно, что он так уж сильно переживает за завтрашнее открытие. Он явно не торопился срываться с места и распаковывать ящики.

— А это что? — спросил Брайан, указывая на щепку. Про себя он подумал, что для магазинчика в маленьком городке это был очень странный товар. Сам Лиланд Гонт ему очень понравился, но если все остальные штуки в его магазине будут такого же типа, то его бизнес долго здесь не протянет. Если вам вздумалось продавать старые трубки, фотографии Короля или деревянные щепки, то лучше всего было бы открывать магазин в Нью-Йорке... во всяком случае, судя по фильмам.

— А! — воскликнул мистер Гонт. — Вот это действительно интересная штука! Давай я тебе покажу!

Он прошел через комнату, обошел прилавок, достал из-под стойки кольцо, обвешанное ключами, и сразу же нашел нужный. Открыв витрину, он осторожно вынул щепку.

— Протяни руку, Брайан.

— Ой, а может, не надо? — спросил Брайан. Прожив всю жизнь в штате, который существовал в основном за счет туризма, он побывал в самых разных сувенирных лавках и видел немало плакатов с такими стишками: «*Отличного вида, взять в руки приятно, но если сломаешь, то платишь. Понятно?*» Он представлял себе, как отреагирует мама, если он случайно сломает щепку — или что это было, — а мистер Гонт, уже не такой дружелюбный, скажет, что эта штуковина стоила пятьсот долларов.

— Почему же нет? — Мистер Гонт удивленно приподнял брови. Лохматые и сросшиеся на переносице, так что,

наверное, можно было сказать, что он приподнял *одну* бровь.

— Ну, я такой неуклюжий...

— Не говори ерунды, — возразил мистер Гонт. — Я неуклюжих за милю вижу. Ты не такой. — И он уронил щепку в ладонь Брайана. Брайан уставился на свою руку с искренним удивлением, он даже не знал, что его ладонь вообще раскрыта, пока не увидел лежащую на ней щепку.

На ощупь она была больше похожа на камень...

Брайан неуверенно взглянул на мистера Гонта:

— Похоже на камень...

— Это *и* дерево, *и* камень, — ответил тот. — Окаменевшее дерево.

— Окаменевшее, — зачарованно повторил Брайан. Он повнимательнее пригляделся к щепке и провел пальцем по краю. Поверхность была мягкая и одновременно рельефная. Почему-то ощущение было не из приятных. — Она, наверное, очень старая.

— Ей больше двух тысяч лет, — кивнул мистер Гонт.

— Бли-и-ин! — воскликнул Брайан, подскочив на месте и чуть не выронив щепку. Он сжал кулак, чтобы удержать ее... и вдруг его охватило чувство какой-то нечеткости и расплывчатости. Не головокружение, нет. Но все вдруг стало таким *далеким*. Будто его сознание покинуло тело и унеслось куда-то вдаль.

Он видел мистера Гонта, наблюдавшего за ним с интересом и смехом в глазах. Только его глаза почему-то казались размером с блюдце. Хотя это чувство полной дезориентации было совсем не страшным; это было даже интересно и уж точно — лучше, чем ощущения от скользкого куска дерева.

— Закрой глаза! — попросил мистер Гонт. — Закрой глаза и скажи, что ты чувствуешь!

Брайан так и сделал. Какое-то время он стоял, замерев на месте и вытянув перед собой правую руку, сжимавшую кусок окаменевшего дерева.

Он не видел, как мистер Гонт приподнял верхнюю губу, на секунду оскалив большие неровные зубы, — в гримасе удовольствия или предвкушения. У него было смутное ощущение движения — спирального движения. Звук быстрый и легкий: тутуд... тутуд... тутуд... Он знал этот звук. Это...

— Корабль! — радостно закричал он. — Мне кажется, будто я на корабле.

— Совершенно верно, — согласился мистер Гонт.

Его голос доносился до Брайана сквозь невообразимую даль.

Все его чувства разом обострились; теперь он чувствовал, как вздымается и опускается его корабль вслед за ленивыми волнами. Издалека доносился птичий гомон, а совсем рядом были слышны голоса животных — мычание коров, кукареканье петухов, низкий, утробный рык очень большой кошки, выражавший скорее скуку, чем ярость. Потом он почти физически ощутил дерево (дерево, частью которого, без сомнения, когда-то была эта щепка, зажатая у него в руке) под ногами — и он понял, что его ноги обуты уже не в баскетбольные кроссовки, а в легкие сандалии, и...

А потом все кончилось, свернувшись в одну яркую точку, как изображение на экране телевизора, когда отключается электричество. Брайан, потрясенный и опустошенный, открыл глаза.

Рука мертвой хваткой вцепилась в щепку и никак не хотела разжиматься. А когда он все-таки разжал руку, суставы пальцев захрустели, как старые дверные петли.

— Вот это да! — тихо выдохнул он.

— Здорово, согласись? — спросил мистер Гонт довольным голосом, выуживая щепку из ладони Брайана, как доктор — занозу. Потом он вернул ее в витрину и запер стеклянную дверцу.

— Еще бы, — кивнул Брайан и глубоко вздохнул. Он покосился на щепку в витрине — руку все еще слегка покалывало. Эти ощущения — качка, подъемы и спуски

палубы, мерное бормотание волн, дерево под ногами — намертво врезались в память, хотя он боялся (и ему было по-настоящему грустно), что все это пройдет, как проходят сны.

— Ты знаешь историю Ноя и его ковчега? — спросил мистер Гонт.

Брайан нахмурился. Он был уверен, что это история из Библии, но во время воскресных служб в церкви и на занятиях по закону Божьему по четвергам он имел обыкновение отключаться.

— Это не тот корабль, который должен был проплыть вокруг света за восемьдесят дней? — уточнил он.

Мистер Гонт опять улыбнулся.

— Что-то вроде того, Брайан. Что-то вроде того. Так вот, эта щепка скорее всего с Ноева ковчега. Естественно, я не могу заявить, что эта вещица *действительно* с Ноева ковчега, потому что тогда все подумают, что я бесстыжий обманщик. Сейчас в мире найдется, наверное, тысячи четыре человек, которые пытаются продавать куски дерева, утверждая, что это — обломки Ноева ковчега, и, наверное, тысяч четыреста человек, которые торгуют кусками «истинного креста, на котором распяли Иисуса». Но я *могу* утверждать, что этой деревяшке больше двух тысяч лет, потому что это определено радиоуглеродным анализом, и я *могу* утверждать, что ее привезли из Святой Земли, хотя нашли не на горе Арарат, а на горе Борам.

Бóльшую часть этой тирады Брайан пропустил мимо ушей, кроме самого главного.

— Две тысячи лет, — выдохнул он. — Вот это да! А вы уверены?

— Я уверен. У меня есть сертификат из МТУ*, там сделали радиоуглеродную датировку; и этот сертификат, естественно, прилагается. Но знаешь, я действительно верю, что он *может быть* с Ковчега. — Мистер Гонт задумчиво посмотрел на щепку, а потом поднял свои бле-

*МТУ — Массачусетский технологический университет.

стящие голубые глаза, поймав взгляд Брайана. Тот зачарованно слушал. — В конце концов гора Борам находится менее чем в тридцати километрах от Арарата, а в истории мира допущено много ошибок, причем относительно куда более важных вещей, чем место последнего упокоения какого-то корабля. И особенно — за то время, когда историю еще не записывали на бумаге, а передавали из уст в уста. Я прав?

— Вообще-то звучит логично, — согласился Брайан.

— И к тому же эта окаменелость, если взять ее в руки, порождает довольно странные ощущения, ты не находишь?

— Это уж *точно*.

Мистер Гонт улыбнулся и взъерошил волосы мальчика, разрушая чары.

— Ты мне нравишься, Брайан. Я бы хотел, чтобы все мои покупатели были такими, как ты, — открытыми для чудес. Жизнь скромного торговца была бы намного проще, будь мир устроен именно так.

— И за сколько... за сколько вы продаете эту штуковину? — спросил Брайан, указав пальцем на щепку. Палец слегка дрожал. Только сейчас до него начало доходить, как глубоко его затронули эти странные ощущения. Это было похоже на шум океана в ракушке, прижатой к уху, только — трехмерный и со стереозвуком. Ему очень хотелось еще раз подержать деревяшку в руке, но он не знал, как попросить, а сам мистер Гонт ему больше не предлагал.

— Ну, как тебе сказать. — Мистер Гонт подпер кулаком подбородок и плутовато взглянул на Брайана. — С такой вещицей — как и со всем остальным по-настоящему *интересным* товаром — все будет зависеть от покупателя. Что сам *покупатель* захочет мне заплатить. Вот сколько бы *ты* заплатил, Брайан?

— Не знаю. — Брайан подумал, что у него всего-то девяносто один цент, и выдавил: — Много!

Мистер Гонт запрокинул голову и захохотал. Брайан вдруг понял: он ошибся, решив, что мистер Гонт весь се-

дой. Теперь он увидел, что у него только слегка посеребрены виски. Наверное, он просто стоял под светильником, и от этого его волосы казались седыми, подумал мальчик.

— Ну ладно, все это было жутко интересно, Брайан, но мне *действительно* надо многое сделать, чтобы успеть к десяти утра завтра, и...

— Конечно, конечно, — воскликнул Брайан, направляясь к выходу, как того требовали хорошие манеры. — Мне тоже пора идти. Извините, что отнял у вас столько времени...

— Нет, нет, нет! Ты меня не так понял! — Мистер Гонт положил руку Брайану на плечо. Брайан осторожно высвободился. Он очень надеялся, что этот жест не выглядел невежливым, но даже если и так, то уже ничего не поделаешь. Рука мистера Гонта была твердой, сухой и почему-то неприятной. На самом деле на ощупь она почти не отличалась от окаменевшего куска дерева, предположительно с Ноева ковчега или откуда там еще. Но мистер Гонт, кажется, и не заметил безотчетного рывка Брайана. Он держался так, будто он сам (а вовсе не Брайан) повел себя неподобающе. — Я просто хотел сказать, что нам стоит приступить к делу. Как я понимаю, нету особого смысла рассматривать то немногое, что я успел разложить: во-первых, их тут совсем мало, товаров, а во-вторых, ты уже видел все самое интересное из того, что расставлено по витринам. Но я-то свой товар знаю даже без описи и могу предложить тебе кое-что интересное. Чего бы *тебе самому* хотелось?

— У-у-у! — протянул Брайан. Ему *столько всего* хотелось, *тысячу* всяких штук. И в этом была вся проблема: когда вопрос ставится так конкретно, трудно — практически невозможно — выбрать что-то одно, чего тебе хочется больше всего.

— Лучше особенно не задумываться о таких вещах, — посоветовал мистер Гонт. Он сказал это лениво, как бы между прочим, но его пронзительно-цепкие синие глаза пристально изучали лицо Брайана. — Если я спрошу пря-

мо: «Брайан Раск, чего ты сейчас хочешь больше всего на свете?» — что ты ответишь? Только быстро, не думай! Первое, что придет в голову!

— Сэнди Куфакса, — выпалил Брайан. Он не знал, что его ладонь была открыта, чтобы поймать щепку с Ноева ковчега, пока деревяшка не оказалась в руке, и он понятия не имел, что он ответит мистеру Гонту, пока не услышал слова, сорвавшиеся с его собственных губ. Но когда он услышал их, он сразу понял, что это была чистая правда.

5

— Сэнди Куфакса, — задумчиво проговорил мистер Гонт. — Как интересно.

— Ну, не *самого* Сэнди Куфакса, — поправился Брайан, — а его бейсбольную карточку.

— «Топпс» или «Флирс»? — уточнил мистер Гонт.

Брайан бы никогда не поверил, если бы ему сказали, что сегодняшний день может быть еще лучше, чем был, но именно так и случилось. Мистер Гонт разбирался в бейсбольных карточках не хуже, чем в окаменевших щепках и жеодах. И это было *по-настоящему* удивительно.

— «Топпс».

— Наверняка тебя интересует карточка того года, когда он был новичком в высшей лиге, — с сожалением сказал мистер Гонт. — Боюсь, что тут я тебе ничем не смогу помочь, но...

— Нет, — перебил его Брайан. — Не пятьдесят четвертого года. Пятьдесят шестого. Вот *ее* мне бы очень хотелось найти. Я собираю коллекцию бейсбольных карточек 1956 года. Сначала папа ее собирал, а потом мне отдал, чтобы я продолжил. Это очень интересно, и из них всего несколько штук по-настоящему дорогие: Эл Калайн, Мел Парнелл, Рой Кампанелла... У меня их уже больше пятидесяти штук. И Эл Калайн тоже есть. Он стоил три-

дцать восемь долларов. Я даже не помню, сколько газонов выкосил, чтобы купить себе Эла.

— Верю, — улыбнулся мистер Гонт.

— Ну так вот, большая часть карточек пятьдесят шестого года совсем не дорогие: по пять долларов, семь, иногда десять. Но Сэнди Куфакс в хорошем состоянии стоит девяносто или даже сто баксов. В *том* году он еще не был звездой первой величины, но потом он стал великим игроком, и это было еще тогда, когда «Доджерс» играли за Бруклин. Тогда все звали его Да Бумс. Ну, так мой папа рассказывал.

— Твой папа прав на все двести процентов. Знаешь, Брайан, кажется, у меня есть одна штука, которая очень тебя обрадует. Подожди здесь.

Он скрылся за занавешенной дверью, оставив Брайана возле витрины со щепкой и «Полароидом», из которого торчала фотография Короля. Брайан стоял, переминаясь с ноги на ногу и замирая от безумной надежды и предвкушения. Он убеждал себя не валять дурака: даже если у мистера Гонта была карточка с Сэнди Куфаксом и даже если это была карточка «Топпс» пятидесятых годов, она скорее всего окажется пятьдесят пятого или пятьдесят седьмого года. Но если это окажется пятьдесят шестой год, *ему* от этого будет не легче. У него денег всего ничего — меньше доллара.

Ну, хорошо; но ведь посмотреть на нее я могу? — рассуждал Брайан. *За осмотр денег не берут, правильно?* Это было еще одно любимое изречение его матушки.

Из комнаты за занавесью раздались звуки передвигаемых коробок и мягкий стук, когда они касались пола.

— Минутку, Брайан, — крикнул мистер Гонт. Судя по голосу, он слегка запыхался. — Я помню, тут где-то была обувная коробка...

— Не надо из-за меня беспокоиться, мистер Гонт! — закричал в ответ Брайан, всей душой желая, чтобы мистер Гонт *все-таки* побеспокоился.

— Может, эта коробка еще не пришла? — неуверенно пробормотал мистер Гонт.

У Брайана упало сердце.

Потом:

— Нет, я же помню... ага! Вот она! Точно!

Брайан воспрянул духом. Нет, не просто воспрянул — воспарил.

Мистер Гонт вернулся из-за занавески. Его волосы были слегка растрепаны, а лацкан бордового пиджака был весь в пыли. В руках он держал коробку из-под кроссовок «Air Jordan». Он положил ее на прилавок и снял крышку. Брайан заглянул внутрь. В коробке лежали бейсбольные карточки, каждая — в отдельном пластиковом конвертике: точно такие же, как в специализированном магазине бейсбольных карточек в Северном Конвее, Нью-Хэмпшир, куда Брайан иногда захаживал, когда у него были деньги.

— Я думал, тут где-то есть список, но не повезло, — вздохнул мистер Гонт. — Но я все равно хорошо знаю весь свой товар, я уже говорил. Если не помнить, что есть у тебя в ассортименте, тогда не стоит и заниматься такой вот продажей «всего понемножку». Так вот, я точно помню, что видел...

Он умолк и принялся быстро перебирать карточки.

Брайан следил за мелькающими картинками затаив дыхание. Хозяин магазина бейсбольных карточек имел «целую ярмарку» карточек, по выражению его отца, но содержимое целого магазина меркло перед сокровищами, собранными в этой обувной коробке. Здесь были карточки-вкладыши из пачек жевательного табака с Таем Коббом и Паем Тейнором. Здесь были сигаретные карточки Бейба Рута, и Дома Димаджио, и Большого Джорджа Келлера, и даже Хайрема Диссена, однорукого питчера, игравшего за «Уайт Сокс» в сороковых годах. ЗЕЛЕНЫЙ «ЛАКИ СТРАЙК» УШЕЛ НА ВОЙНУ! — было написано на большинстве сигаретных карточек. А вот, только что мелькнуло: широкое, серьезное лицо, форма «Питтсбурга»...

— Боже мой, это ведь Хонус Вагнер? — выдохнул Брайан. Его сердце трепыхалось где-то в районе горла, словно маленькая птичка, случайно залетевшая в рот и застрявшая в глотке. — Это же самая редкая карточка *во Вселенной!*

— Да, да, — кивнул мистер Гонт с отсутствующим видом. Его длинные пальцы лихорадочно перебирали карточки: лица из другого времени под пластиковыми обложками, люди, которые «загоняли мяч», «попадали в яблочко» и «делали базу», герои великой «золотой эры» бейсбола — эры, которая была для Брайана живой мечтой. — Всего понемножку — вот в чем секрет успешного бизнеса, Брайан. Разнообразие, удовольствие, удивление, исполнение желаний... вот в чем секрет успешной *жизни*, уж если на то пошло... Обычно я не даю советов, но уж если даю, то к ним лучше прислушаться... вот, что-то есть... тут... где-то... *Ага!*

Он вытянул карточку из середины коробки, как фокусник, исполняющий хитрый номер, и торжественно передал ее Брайану.

Это был Сэнди Куфакс.

Карточка «Топпс» 1956 года.

И она была *подписана*.

— «Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс», — прочел Брайан хриплым шепотом.

После чего потерял дар речи.

6

Он смотрел на мистера Гонта, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Мистер Гонт улыбнулся.

— Я не подстраивал этого, правда. Просто совпадение... Но *хорошее* совпадение, согласись?

Брайан по-прежнему не мог выдавить из себя ни слова и просто кивнул. Пластиковый конвертик с бесценной карточкой казался невообразимо тяжелым.

— Достань ее, — предложил мистер Гонт.

Когда Брайан снова смог говорить, его голос был больше похож на хрип старого инвалида.

— Я не решусь.

— Ну, зато *я* решусь. — Мистер Гонт взял у Брайана конвертик, достал карточку, подцепив ее тщательно наманикюренным ногтем, и положил ее на руку мальчику.

Брайан различал мельчайшие неровности на поверхности, продавленные кончиком ручки, которой Сэнди Куфакс написал свое имя... *их имена*. Подпись Куфакса почти не отличалась от напечатанной, только напечатанная гласила: «Сэндфорд Куфакс», а автограф — «Сэнди Куфакс». И она была в тысячу раз лучше, потому что была *настоящей*. Живой Сэнди Куфакс держал эту карточку в руках и оставил на ней свой автограф.

Но и это еще не все. Здесь было еще одно имя — его собственное. Какой-то мальчик, которого тоже звали Брайаном, дождался любимого игрока перед началом матча на пятачке около раздевалки на стадионе «Эббетс-Филд»; и Сэнди Куфакс, *настоящий Сэнди Куфакс*, молодой и сильный — успех и слава еще впереди, — взял протянутую ему карточку, может быть, до сих пор пахнущую жвачкой, и написал на ней свое имя... *и мое тоже*, мысленно добавил Брайан.

Внезапно оно вернулось — то чувство, которое он испытал, когда держал в руках кусок окаменелого дерева. Только на этот раз оно было намного, намного сильнее.

Сладкий запах свежескошенной травы на игровом поле.

Крики и смех из кладовки для бит.

— Здравствуйте, мистер Куфакс, вы не подпишете мне свою карточку?

Узкое лицо. Карие глаза. Темные волосы. Он приподнимает бейсболку, чешет затылок, потом надевает ее обратно.

— Конечно, парень. — Он берет карточку. — Как тебя зовут?

— Брайан, сэр. Брайан Сигвин.

Черк, черк, черк — ручкой по карточке. Волшебство: подпись на пылком воодушевлении. Воплощение мечты.

— Хочешь стать бейсболистом, когда вырастешь, Брайан? — Вопрос явно задан по привычке. Он говорит, не поднимая глаз от карточки, которая лежит на его большой правой ладони, а пишет он левой — той самой левой, которая скоро прославит его на всю страну...

— Да, сэр.

— Тогда тренируйся и больше времени уделяй самым основам. — Он возвращает карточку.

— Да, сэр.

Но он уже уходит, на ленивый бег по мере приближения к скамейке запасных сбиваясь, и рядом с ним бежит его тень...

— Брайан? *Брайан?*

У него под носом щелкают длинные пальцы — пальцы мистера Гонта. Брайан очнулся от своего видения и увидел довольного мистера Гонта, который внимательно за ним наблюдал.

— Брайан, ты тут?

— Простите. — Брайан покраснел. Он знал, что карточку надо вернуть, но просто не мог выпустить ее из рук. Мистер Гонт смотрел ему прямо в глаза — казалось, он читает его мысли, — и Брайан опять не смог отвести взгляда.

— Итак, — тихо сказал мистер Гонт, — давай представим, Брайан, что ты — *покупатель*. Просто для примера. Сколько бы ты заплатил за эту карточку?

Брайан был просто в отчаянии.

— У меня есть всего...

Мистер Гонт поднял руку.

— Тише! — сказал он строго. — Прикуси язык! Покупатель никогда не должен говорить продавцу, сколько у него денег! Это все равно что вручить ему свой кошелек да еще вывернуть карманы в придачу. Если не можешь врать, просто молчи. Это первое правило честной торговли, мой мальчик.

Его глаза были такими большими и темными... Брайану казалось, что он погружается в них, как в воду.

— За эту карточку нужно платить в два приема. Половина... и половина. Одна половина — это наличные. Другая — поступок. Понимаешь?

— Да, — сказал Брайан. Он снова почувствовал, что уносится куда-то *вдаль* — прочь от Касл-Рока, прочь от «Нужных вещей», даже прочь от себя. И единственной реальностью в этой дали были огромные темные глаза мистера Гонта.

— Оплата наличными за эту карточку Сэнди Куфакса с автографом, 1956 года выпуска, — восемьдесят пять центов. Достаточно честно?

— Да, — выдавил Брайан. Его голос доносился откуда-то издалека, очень слабо. Он чувствовал, что растворяется, уменьшается... и приближается к точке, за которой исчезнет вся ясная память.

— Хорошо, — продолжал мягкий, ласкающий голос мистера Гонта. — До сих пор наша торговля шла замечательно. Насчет поступка... Брайан, ты знаешь женщину по имени Вильма Ержик?

— Вильму? Конечно, знаю! — произнес Брайан сквозь сгущающуюся темноту. — Она живет в нашем квартале.

— Да, — сказал мистер Гонт. — Слушай внимательно, Брайан.

Наверное, он продолжал говорить, но Брайан не помнил, что он говорил.

7

Дальше он помнил только, как мистер Гонт ласково выпроваживает его на улицу, и говорит, как ему было приятно с ним познакомиться, и просит рассказать маме и ее подругам, что с ним здесь обходились честно и вежливо.

— Конечно, — заверил его Брайан. Он был слегка ошарашен... и в то же время чувствовал себя просто от-

лично, как будто он только что проснулся от послеобеденного сна, выспавшийся и отдохнувший.

— И обязательно заходи еще, — добавил мистер Гонт, закрывая дверь. Брайан взглянул на табличку. Теперь там было написано:

ЗАКРЫТО

8

Брайану казалось, что он провел в «Нужных вещах» целую вечность, но часы над входом в банк показывали только десять минут четвертого. Прошло всего-то минут двадцать. Он собрался сесть на велосипед, но потом навалился животом на руль и запустил руки в карманы.

Из одного он извлек шесть блестящих медных монеток по одному центу.

Из другого — карточку Сэнди Куфакса с автографом.

Очевидно, он все-таки *договорился* с мистером Гонтом, но даже за все сокровища мира он не мог бы вспомнить, *о чем* они договорились — он помнил только, что мистер Гонт упоминал имя Вильмы Ержик.

«Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс».

О чем бы они ни договорились, оно того стоило.

Такая карточка стоила практически *всего*.

Брайан аккуратно запрятал ее в портфель — чтобы не помялась, — забрался на велосипед и быстро погнал к дому. Всю дорогу он улыбался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается новый магазин, местные жители — которые в большинстве случаев проявляют себя как дремучие провин-

циалы — демонстрируют такой продвинутый космополитизм, на какой вряд ли способны их столичные родственники. Открытие новой галереи в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе может привлечь разве что кучку вероятных меценатов и просто зевак; при открытии нового клуба может даже собраться очередь, с непременными полицейскими кордонами и выжидающими за заслонами журналистами, вооруженными сумками с аппаратурой и теле- или фотокамерами. Там стоит возбужденный гул, как среди записных театралов перед выходом новой пьесы на Бродвее, которая в любом случае станет причиной для разговоров в узких кругах независимо от того, ждет ли ее ослепительный успех или сокрушительный провал.

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается новый магазин, в день открытия редко увидишь толпу у входа, а очередей не бывает вообще никогда. Когда подняты шторы, отперты двери и магазинчик готов принять первых посетителей, потенциальные покупатели и просто любопытствующие зеваки заходят туда с поразительной неохотой... но, как ни странно, подобное первоначальное безразличие гарантированно служит признаком грядущего процветания нового магазина.

За тем, что кажется проявлением полного равнодушия, часто скрываются жадное ожидание и весьма пристальное наблюдение (Кора Раск и Майра Эванс были далеко не единственными, кто забивал телефонные линии Касл-Рока своим возбужденным жужжанием о «Нужных вещах» еще задолго до его открытия). Но живой интерес и лихорадочное ожидание не отменяют консервативного кодекса поведения провинциального покупателя. Есть вещи, которые просто НЕ ПОДОБАЕТ ДЕЛАТЬ, и особенно — в узких анклавах истинных янки к северу от Бостона. Эти сообщества девять месяцев в году практически варятся сами в себе и считают верхом неприличия слишком поспешно выказывать интерес к чужакам, причем по правилам хорошего тона сей интерес должен быть обязательно беглым и как бы поверхностным.

Разведка нового магазинчика в маленьком городке и посещение престижного мероприятия в большом городе — действа, всегда вызывающие неизменный восторг у участников; но и там, и там есть свои правила, негласные, но зато строгие и на удивление похожие. И главное правило: *не быть первым*. Разумеется, кому-то все равно придется его нарушить, иначе вообще никто никуда не зайдет, но новый магазин в провинциальном городе обязательно будет стоять пустым в течение как минимум двадцати минут после того, как табличка ЗАКРЫТО впервые сменится на ОТКРЫТО, а человек знающий может поспорить на что угодно, что первые посетители начнут приходить группками — по двое, трое или четверо одновременно, — и это будут непременно дамы.

Второе правило заключается в том, что покупатели-разведчики демонстрируют крайнюю вежливость, которая граничит с ледяной холодностью. Третье правило таково: никто не должен (по крайней мере в свой первый визит) расспрашивать хозяина магазина о том, кто он, откуда и т. д. Четвертое: ни в коем случае не приносить приветственный подарок и особенно такой банальный, как домашний торт или пирог. Последнее правило столь же непререкаемо, как и первое: *нельзя уходить последним*.

Этот величественный гавот — назовем его «Танцем дамского одобрения» — продолжается от двух недель до двух месяцев и затевается только в том случае, если новый магазин открывает чужак, а не кто-то из местных. Если же это кто-то из местных, тогда открытие похоже на праздничный церковный ужин — неформальный, приветливый и довольно скучный. Но когда новый торговец приезжает Издалека (это всегда произносится именно так, с большой буквы), «Танец дамского одобрения» неизбежен, как смерть, и неодолим, как земное тяготение. Когда испытательный срок подходит к концу (в газетах об этом не пишут, но почему-то все знают и так), есть два сценария развития дальнейших событий — либо поток клиентов входит в нормальное русло и довольные покупатели при-

носят хозяину запоздалые приветственные подарки и приглашают его заходить в гости, либо новый бизнес прогорает. В городках типа Касл-Рока местные знают о том, что какое-то предприятие прогорело, за недели и даже за месяцы до того, как это дойдет до его злополучных владельцев.

Но в Касл-Роке была по крайней мере одна женщина, которая не играла по общепринятым правилам, обязательным для остальных. Полли Чалмерс, портниха, владелица швейной мастерской «А мы тут шьем себе потихоньку». Впрочем, от Полли и не ожидали «нормального» поведения; дамы Касл-Рока (да и многие джентльмены тоже) полагали Полли Чалмерс весьма эксцентричной особой.

Для самозваных социальных арбитров Касл-Рока Полли Чалмерс была как заноза в том самом месте, о котором не упоминают в приличном обществе. С одной стороны, никто не мог определиться, кто она: местная или Издалека? Да, она родилась и выросла в Касл-Роке, но в восемнадцать лет сбежала из дому с подарочком от Дюка Шиэна в утробе. Это случилось в 1970 году, и перед тем как окончательно вернуться в 1987-м, она побывала в Касл-Роке всего один раз.

Это было в конце 1975-го, когда отец Полли умер от рака. Сразу же после смерти мужа Лоррейн Чалмерс слегла с сердечным приступом, и Полли осталась смотреть за матерью. Лоррейн перенесла второй приступ — на этот раз смертельный — в начале весны 1976-го, и после похорон матери Полли (которая, по мнению городских женщин, стала такой «непонятно-загадочной») снова уехала неизвестно куда.

Оно и к лучшему — таково было всеобщее мнение, а когда в 1981 году умерла последняя из Чалмерсов, старая тетушка Эвви, и Полли даже не сподобилась приехать на похороны, все решили, что она уже никогда не вернется. Однако через четыре года она *вернулась* и открыла швейное ателье. Скорее всего на деньги своей тетки Эвви, хотя никто не знал этого достоверно. Но с другой стороны,

кому еще, кроме Полли, эта выжившая из ума старуха могла завещать все свое добро?

Самые ярые знатоки *человеческой комедии* (а таких в городе было большинство) даже не сомневались, что, если Полли добьется успеха в своем предприятии и останется в городе, почти все ее тайны со временем будут раскрыты. Но не тут-то было. В случае Полли прошлое так и осталось покрыто мраком. И это тоже бесило городских кумушек.

Она провела несколько лет в Сан-Франциско — вот все, что им удалось разузнать. Лоррейн Чалмерс держала язык за зубами, когда разговор заходил о ее беглянке-дочери. Училась ли Полли где-нибудь? Она вела свое дело так, как будто с отличием окончила специальные бизнес-курсы, но опять же никто не знал наверняка. Она была не замужем, когда приехала в Касл-Рок, но побывала ли она замужем в Сан-Франциско или в каком-нибудь другом городе за период между «тогда» и «сейчас»? Этого тоже никто не знал. Достоверно было известно только одно: за того парня, который заделал ей ребенка, Шиэна, она так и не вышла — он записался в морские пехотинцы, несколько раз приезжал домой и теперь торгует недвижимостью где-то в Нью-Хэмпшире. И вообще, почему после стольких лет она решила вернуться?!

Но больше всего городских кумушек интересовала история с ребенком. Неужели красотка Полли сделала аборт? Или все-таки родила и отдала ребенка на усыновление? Или решила оставить маленького себе? Но если так, то где он теперь? Может быть, умер еще младенцем? Или он (а может, вовсе не он, а *она*?!) сейчас жив/жива, учится где-нибудь в школе и время от времени пишет письма матери? Никто ничего не знал, и это тоже дико раздражало. Беременная незамужняя девочка, уехавшая на автобусе неизвестно куда, теперь превратилась в женщину около сорока, которая вернулась назад, в родной город, и уже четыре года живет здесь и занимается бизне-

сом, но даже пол ребенка, ставшего в свое время причиной ее побега, по-прежнему остается загадкой.

Чуть позже Полли Чалмерс предоставила городским обывателям очередное подтверждение своей эксцентричности, если подобные подтверждения были еще нужны: она завела дружбу с Аланом Пангборном, шерифом округа Касл, а ведь прошло только полтора года с тех пор, как шериф Пангборн похоронил жену и младшего сына. Такое поведение было еще не скандальным, но на *эксцентричное* вполне тянуло. Вот почему никто не удивился, когда утром девятого октября, а именно в две минуты одиннадцатого, Полли Чалмерс вышла на улицу и бодро промаршировала от своего ателье до «Нужных вещей». Никто не удивился даже тому, что она несла в руках жестяной контейнер, в котором мог быть только пирог.

Это было *вполне в ее духе*, как потом согласились кумушки.

2

Витрину «Нужных вещей» уже отмыли от белых подтеков, и в ней красовалось около дюжины самых разных штуковин: часы, серебряная рамка, картина, чудный триптих, так и ждущий, чтобы кто-то вставил в него фотографии своих близких. Полли с одобрением взглянула на эти вещи и подошла к двери, на которой уже висела табличка ОТКРЫТО. Полли толкнула дверь, и у нее над головой мелодично звякнул маленький колокольчик — установленный уже после того, как в магазине побывал Брайан Раск.

Внутри пахло новым ковровым покрытием и свежей краской. Магазин был залит солнечным светом, и, как только Полли перешагнула порог, ей вдруг пришла вот такая мысль: *Здесь еще не было ни одного покупателя, кроме меня, но здесь уже чувствуется успех. Замечательно.* Подобные скоропалительные суждения были ей совершенно

не свойственны, равно как и ощущение мгновенного одобрения, но сейчас это казалось вполне нормальным.

Хозяин — высокий мужчина — что-то рассматривал в одном из стеклянных шкафов. Услышав звон колокольчика, он поднял взгляд.

— Привет, — сказал он.

Полли была уверенной в себе и практичной женщиной, которая знала себе цену, но когда она встретилась взглядом с этим незнакомцем, она испытала мгновенное замешательство, и это само по себе смущало.

Я его знаю — это было первое, что она подумала, когда прошло это странное наваждение. *Я его видела раньше. Но где?*

Нет, не видела. Это знание — эта уверенность — пришло мгновением позже. *Это, наверное, дежа-вю*, решила Полли, чувство ложного узнавания, которое время от времени возникает у каждого и сбивает тебя с толку именно в силу своей странной двойственности, потому что оно одновременно и нереально, и прозаично.

Она на мгновение замедлила шаг и неуверенно улыбнулась в ответ. Потом она поудобнее перехватила ручку контейнера с пирогом, и острая боль двумя молниями пронзила ладонь и запястье. Такое впечатление, что в самой ее плоти вдруг выросли зубья большой металлической вилки. Это опять разыгрался артрит, и боль была адской, но сейчас Полли даже порадовалась очередному приступу, потому что он заставил ее сосредоточиться. Полли заговорила вроде бы без заметной паузы... хотя, почему-то подумалось ей, этот мужчина все равно *мог* заметить. Его блестящие карие глаза, казалось, многое подмечали.

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Полли Чалмерс. Я хозяйка маленького швейного ателье по соседству. Я подумала, раз уж мы с вами соседи, то, может, мне стоит зайти поздороваться до того, как сюда хлынет поток покупателей.

Он улыбнулся, и его лицо как будто просветлело. Полли вдруг поняла, что улыбается ему в ответ, хотя ее левая

рука по-прежнему горела огнем. *Если бы я не любила Алана*, решила она, *я влюбилась бы в этого человека вот прямо сейчас и без памяти*. «Покажи мне, где ложе, Хозяин, я покорно пойду за тобой». Словно озорной чертенок, проскочила мысль: интересно, а сколько дамочек, которые еще заглянут сюда сегодня, заимеют на него виды? Она заметила, что у него нет обручального кольца; это лишь разожжет огонь в сомлевших сердцах.

— Рад познакомиться с вами, мисс Чалмерс. А я Лиланд Гонт. — Он подошел к ней, протянул правую руку для рукопожатия и едва заметно нахмурился, когда она шагнула назад.

— Простите меня, — объяснила Полли. — Но я не здороваюсь за руку. Не сочтите меня невоспитанной. Просто у меня артрит. — Она поставила жестянку с тортом на ближайшую витрину и подняла руки, затянутые в лайковые перчатки. Самые обыкновенные руки, разве что чуточку искривленные, как будто сведенные судорогой, и левая чуть больше правой.

В городе были женщины, которые полагали, что Полли даже гордится своей болезнью — а иначе с чего бы она так охотно ее демонстрирует? На самом деле все было наоборот. Хотя Полли ни в коем случае не была тщеславной, она все же заботилась о своей внешности и стеснялась своих изуродованных кистей. Если она их показывала кому-то, то показывала очень быстро и сразу же убирала, и каждый раз у нее мелькала мысль, настолько мгновенная, что даже сама Полли не всегда успевала ее уловить: *Ну вот. С этим закончили. Теперь можем нормально поговорить.*

Обычно люди проявляли неловкость или смущение, когда она показывала свои руки. Но Гонт повел себя совершенно неожиданно. Он схватил ее запястья и осторожно пожал их, хотя чувствовалось, что у него очень сильные руки. Для первой встречи подобное поведение могло бы показаться неподобающе фамильярным, но Полли оно почему-то не возмутило. Пожатие было дружеским, теп-

лым и уважительным. Но самое главное — кратким. Его руки были какими-то слишком сухими. Это чувствовалось даже сквозь ткань ее легкого пальто и было неприятно.

— Трудновато, должно быть, работать в швейном ателье с таким-то недугом. Как вы справляетесь?

Редко кто из знакомых задавал Полли этот вопрос, и никто — за исключением Алана — не задавал его с такой откровенной прямотой.

— Пока могла, я занималась шитьем полный день, — ответила она. — Как говорится, стиснуть зубы и терпеть. Теперь у меня под началом работает дюжина девушек на полставки, а я сама в основном придумываю модели или делаю выкройки. Но когда у меня ничего не болит, я с удовольствием шью. — Это была ложь, но Полли решила, что в ней нет никакого вреда, потому что последнюю фразу она произнесла скорее для собственного успокоения.

— Я очень рад, что вы зашли. Признаюсь вам по секрету: у меня очень запущенный случай болезни, которую называют мандраж. Знаете, как у актеров перед выходом на сцену. И особенно перед первым появлением перед аудиторией.

— Да? Почему? — Полли всегда настороженно относилась к людям и не доверяла первому впечатлению, поэтому ее весьма удивило — и даже немного встревожило — то, что она так легко и естественно общается с человеком, которого видит первый раз в жизни, и при этом чувствует себя так, как будто они знакомы уже давно.

— Я боюсь, что никто не придет. За весь день — ни одного человека.

— Они придут, — уверила его Полли. — Всем интересно, что у вас тут продается. Название «Нужные вещи», оно непонятное и загадочное. Поэтому всем любопытно. Но самое главное даже не ваши товары... Они придут поглазеть на *вас*. Просто в таком небольшом городке, как наш Касл-Рок...

— ...никто не торопится проявить черезмерное рвение, — закончил он за нее. — Я знаю, мне уже приходилось

работать в маленьких городах. Умом-то я понимаю, что вы на сто процентов правы, но другой голос... знаете, там, в глубине души... все шепчет и шепчет: «Никто не придет. Нет, Лиланд, никто не придет, вот увидишь. Они будут *толпами* проходить мимо, но внутрь никто не заглянет».

Она рассмеялась, вспомнив свои точно такие же страхи перед открытием ателье.

— А это что? — спросил он, коснувшись рукой жестяного контейнера. Полли — как и Брайан Раск накануне — заметила одну странность: средний и указательный пальцы у Гонта были одной длины.

— Это торт. Для вас. И насколько я знаю наш славный маленький городок, больше сегодня тортов-пирогов не будет.

Гонт улыбнулся ей, явно польщенный.

— Спасибо. Большое спасибо вам, мисс Чалмерс. Я тронут.

И Полли, которая никогда не предлагала называть ее по имени при первой встрече и даже при коротком знакомстве (и которая всегда с подозрением относилась ко всем, кто порывался называть ее по имени, не получив на то разрешения, — агентам по продаже недвижимости, страховым агентам, продавцам подержанных машин), вдруг с изумлением услышала собственный голос:

— Раз уж мы с вами соседи, называйте меня просто Полли.

3

— Торт, наверное, дьявольски вкусный, — радостно констатировал Лиланд Гонт, приподняв крышку контейнера и вдохнув аромат. Он попросил Полли остаться и попробовать кусочек. Полли начала отказываться. Гонт настаивал.

— У вас есть кому присмотреть за ателье, — сказал он, — а ко мне никто не заглянет еще добрых полтора

часа — надеюсь, полутора часов хватит для соблюдения этикета и протокола? К тому же у меня еще столько вопросов об этом городе.

В общем, она согласилась. Гонт исчез за занавешенной дверью. Было слышно, как он поднялся по лестнице на второй этаж — скорее всего к себе в квартиру — за вилками и тарелками. Пока Полли его дожидалась, она решила осмотреться.

На стене рядом с входной дверью висела табличка, извещавшая, что магазин работает с десяти до пяти по понедельникам, средам, пятницам и субботам. По вторникам и четвергам он будет закрыт для всех, кроме «специально приглашенных», и так до конца весны — или, как подумала Полли, улыбнувшись про себя, — пока сюда не понаедут эти бешеные туристы и отдыхающие с пачками денег в карманах.

Она решила, что «Нужные вещи» скорее всего можно назвать лавкой редкостей. *Шикарной* лавкой редкостей, признала она после беглого осмотра, но, приглядевшись, решила, что все не так просто.

Товары, выставленные в витринах вчера, когда сюда заходил Брайан — кристалл жеода, «Полароид» со снимком Элвиса Пресли, пара-тройка других вещичек, — остались на своих местах, но к ним добавилось еще с полсотни других. На свежевыбеленной стене висел небольшой ковер, который стоил, наверное, целое состояние: турецкий и очень-очень старый. В одном из стеклянных шкафов была выставлена целая коллекция оловянных солдатиков — возможно, старинных, — хотя Полли знала, что *все* оловянные солдатики смотрятся старинными, даже если они отлиты в Гонконге в прошлый понедельник.

Набор представленных в магазине вещей был чрезвычайно разнообразен. Между фотографией Элвиса — которая в глазах Полли ничем не отличалась от тысяч подобных безделок, продающихся на ярмарках по всей Америке по пять долларов штука, — и исключительно неинтересным флюгером в виде белоголового орлана, национальной

эмблемы Америки, стоял витражный плафон, который, судя по всему, стоил никак не меньше восьмисот долларов, а то и всю тысячу. На битый невзрачный чайник опирались две очаровательные французские куколки из тончайшего фарфора, и Полли даже представить себе не могла, сколько стоят эти восхитительные малышки с чудесными румяными щечками и подвязанными панталончиками.

Чего там только не было! Подборка бейсбольных и табачных карточек, ворох дешевых журналов тридцатых годов («Странные рассказы», «Поразительные рассказы», «Ужасные и удивительные истории»), настольный радиоприемник пятидесятых годов того отвратительно блеклорозового оттенка, который в то время был в моде и получил повсеместное одобрение, когда дело касалось раскраски бытовых приборов, если уж не политики.

Рядом с некоторыми товарами — хотя и не со всеми — стояли пояснительные таблички: ТРЕХКРИСТАЛЬНАЯ ЖЕОДА, АРИЗОНА. НАБОР РАЗВОДНЫХ КЛЮЧЕЙ. На табличке рядом со щепкой, так поразившей воображение Брайана, было написано: ОКАМЕНЕЛОЕ ДЕРЕВО СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ. Табличка перед коллекционными карточками и журналами сообщала: О НАЛИЧИИ ОСТАЛЬНЫХ СПРАШИВАЙТЕ У ПРОДАВЦА.

Полли заметила одну странность: ни на одном из товаров, выставленных в витринах, будь то действительно ценная вещь или явный кандидат на свалку, не было ярлыка с ценой.

4

Гонт вернулся с двумя тарелочками — это были обычные старые корнинговские тарелки, ничего особенного, — ножом для торта и двумя вилками.

— У меня там такой беспорядок, самому страшно, — признался он, снимая крышку контейнера и убирая ее в сторону (Полли отметила, что он перевернул ее крышкой

вниз, чтобы на дубовом столе не осталось влажное кольцо). — Как только я все тут налажу, сразу начну искать дом, но пока что придется пожить наверху, над магазином. Я пока не разбирал свои вещи, у меня все в коробках. Ох, как я ненавижу эти коробки. И кто только...

— Ой, нет, — воскликнула Полли. — Я столько не съем.

— Хорошо, — с улыбкой согласился Гонт, укладывая толстый кусок шоколадного торта на одну из тарелок. — Этот тогда будет мой. Кушай, кисонька, кушай! Столько вам хватит?

— Еще тоньше.

— Тоньше уже не могу, — сказал Гонт, отрезая узкую дольку. — Пахнет божественно. Еще раз большое спасибо, Полли.

— На здоровье.

Торт действительно распространял божественные ароматы, и Полли была не из тех, кто изнуряет себя диетой, однако ее первоначальный отказ остаться и составить компанию Гонту был продиктован не просто вежливостью. Последние три недели в Касл-Роке стояло роскошное бабье лето, но в понедельник похолодало, и это резкое похолодание немилосердно отразилось на ее руках. Боль в суставах скорее всего утихнет, когда руки привыкнут к холоду (по крайней мере она очень надеялась, что именно так и будет, потому что так было и в прошлом году, и в позапрошлом... но Полли не могла не видеть, что с каждым годом болезнь прогрессирует), сегодня с утра боль была просто адской. Во время таких вот приступов она никогда не знала, что смогут, а чего не смогут сделать ее руки-предательницы, и ее отказ попробовать торт вместе с Гонтом был продиктован исключительно неуверенностью и боязнью попасть в неловкое положение.

Она сняла перчатки и для пробы согнула руку в запястье. Боль пронзила предплечье от локтя до ладони, как голодный клинок. Полли стиснула зубы и снова согнула руку. Опять было больно, но уже не так сильно. Полли

немного расслабилась. Все будет в порядке. Не так хорошо, как хотелось бы, но приемлемо. Она осторожно взяла свою вилку, стараясь как можно меньше сгибать пальцы. Отправив в рот первый кусок, она заметила, что Гонт смотрит на нее с сочувствием. *Ну вот, сейчас он будет меня жалеть,* мрачно подумала она, *и расскажет, какой кошмарный артрит был у его бабушки. Или бывшей жены. Или еще у кого-нибудь.*

Но Гонт не стал ее жалеть. Он откусил кусок торта и комично вытаращил глаза.

— Бросайте это ваше шитье и штопку! Вам надо открыть ресторан.

— О, это не я пекла, — смущенно ответила Полли, — но я передам ваш комплимент Нетти Кобб. Это моя домработница.

— Нетти Кобб, — задумчиво повторил Гонт.

— Да... вы ее знаете?

— Да нет, вряд ли. — Лиланд Гонт произнес это с видом человека, который витал где-то в мыслях и которого внезапно вернули в реальный мир. — В Касл-Роке я никого не знаю. — Он взглянул на Полли с хитринкой в глазах. — А есть шансы переманить ее к себе?

— Никаких шансов! — рассмеялась Полли.

— Я хотел вас расспросить про местных агентов по недвижимости. Кто из них, по-вашему, достоин доверия?

— Ой, они все тут жулики, но Марк Хоупвелл, пожалуй, самый приличный.

Гонт захохотал, прикрыв рот рукой, чтобы случайно не оплевать Полли крошками. Потом он закашлялся, и если бы у нее не болели руки, она бы похлопала его по спине. Пусть они познакомились только сегодня, но этот человек ей определенно *нравился*.

— Простите, — сказал он, откашлявшись, — все они жулики, вы сказали?

— Все как один.

Если бы Полли сама не была такой скрытной в отношении своего прошлого, она непременно начала бы зада-

вать вопросы. Зачем он приехал в Касл-Рок? Где он жил до того, как приехать сюда? Сколько он собирается здесь оставаться? Была ли у него семья? Но она была вовсе не любопытна, и поэтому ее вполне устраивало, что она отвечает на его вопросы, а не задает вопросов ему... тем более что его вопросы не касались ее, Полли Чалмерс. Он расспрашивал ее о городе, о том, много ли здесь машин зимой и где можно купить небольшую жаровню, о ценах на страховки и о других совершенно нейтральных вещах. Кое-что из того, что она говорила, Гонт аккуратно записывал в черный кожаный блокнот, который достал из кармана своего синего блейзера.

Полли взглянула на тарелку и с удивлением обнаружила, что съела весь свой кусок торта. Руки все еще болели, но меньше, чем когда она пришла. Она вспомнила, что чуть было не раздумала заходить в магазин — такой сильный был приступ. И теперь она была рада, что все-таки не передумала.

— Мне пора, — сказала она, взглянув на часы. — А то Розали решит, что я умерла.

Гонт составил пустые тарелки одна на другую, сложил сверху вилки и накрыл контейнер крышкой.

— Я верну его, как только доем торт. Хорошо?

— Ну разумеется.

— То есть еще до обеда.

— Ну, не надо уж *так* торопиться, — сказала Полли. Гонт проводил ее до дверей. — Очень приятно было познакомиться.

— Спасибо, что зашли.

На мгновение Полли показалось, что Гонт собирается взять ее за руку, и ее охватило смятение при одной только мысли об этом прикосновении (она сама понимала, что это глупо, и тем не менее смутилась), но он не стал этого делать.

— Честно сказать, я слегка опасался за сегодняшний день, но благодаря вам он превратился в настоящее удовольствие.

— У вас все будет в порядке. — Полли открыла дверь и... остановилась на пороге. Она ничего не спросила про него самого, но одна вещь ее все-таки удивила, даже *слишком* удивила, и она не могла уйти, не удовлетворив своего любопытства. — У вас тут столько интересных вещей...

— Спасибо.

— ...но ценников нет. Почему?

Гонт улыбнулся:

— Это такой небольшой каприз. Я всегда думал, что в торговле самое главное — именно торговаться. Наверное, в прошлой жизни я был торговцем коврами на Ближнем Востоке. Скорее всего в Ираке, хотя в наши дни не следует говорить подобных вещей.

— То есть вы назначаете цену в зависимости от состояния рынка? От спроса там и тому подобное? — спросила она, чуть поддразнивая.

— Можно сказать и так, — серьезно согласился он, и Полли опять потрясла глубина его карих глаз, таких красивых и таких странных. — Но тут дело даже не в спросе, а в том, насколько вещь необходима. Насколько она нужна.

— Понятно.

— Серьезно?

— Ну... кажется, да. Это объясняет название магазина.

Гонт улыбнулся.

— Может, и так. Может, и так.

— Ну что ж, желаю вам очень хорошего дня, мистер Гонт...

— Лиланд, пожалуйста. Или просто Ли.

— Хорошо, Лиланд. И не волнуйтесь насчет покупателей. Я думаю, к пятнице вам придется нанимать охранника, чтобы выпроваживать их под закрытие.

— Да что вы! Это было бы мило.

— До свидания.

— *Чао*, — сказал он и закрыл за ней дверь.

Пару секунд он постоял у двери, наблюдая за тем, как Полли Чалмерс идет по улице, поправляя перчатки на

своих несчастных больных руках. Эти измученные, страдающие руки находились в явном — и даже слегка жутковатом — контрасте с самой Полли, такой красивой и ладной. Гонт улыбнулся. Но это была очень странная улыбка, недобрая и неприятная. А когда уголки его губ поползли назад, обнажая неровные зубы, она стала и вовсе хищной.

— Ты подойдешь, — сказал он в пустоту магазина. — Ты замечательно подойдешь.

5

Предсказание Полли сбылось. К концу дня почти все женщины Касл-Рока — то есть те, чье мнение хоть что-то значит. — и даже несколько мужчин хоть на секундочку, да заглянули в «Нужные вещи». Большинство из них первым делом спешили уверить Гонта, что они жутко торопятся и забежали всего на минутку.

Стефания Бонсан, Синтия Роуз Мартин, Барбара Миллер и Франсин Пелетье были первыми: Стеффи, Синди Роуз, Бабз и Франси явились все вместе — как говорится, тесным и дружным коллективом — уже минут через десять после ухода Полли (молва о ее посещении нового магазина распространилась со скоростью звука и по телефону, и по весьма эффективному «кустарниковому телеграфу», который успешно действует во всех маленьких городках Новой Англии, где у всякого дома есть садик и задний двор).

Подруги смотрели. Охали и ахали. Они с порога уведомили Гонта, что, к сожалению, заглянули совсем ненадолго, потому что сегодня они играют в бридж (не упоминая о том, что никто никогда не садится за еженедельный роббер раньше двух пополудни). Франси спросила, откуда приехал Гонт. Он ответил: Экрон, Огайо. Стеффи спросила, давно ли он занимается антикварным бизнесом. Гонт ответил, что это не совсем антикварный бизнес. Синди спросила, сколько времени мистер Гонт живет

в Новой Англии. Довольно давно, сказал Гонт, довольно давно.

Уже потом вся четверка сошлась во мнении, что магазин, безусловно, очень интересен — столько странных вещиц! — но интервью с мистером Гонтом трудно назвать успешным. Этот тип был таким же скрытным, как Полли Чалмерс, если не круче. Бабз еще раз указала на то, что они все уже знали (или думали, что знали): что именно Полли первой из всех зашла в новый магазин и что она *принесла торт*. Может быть, размышляла Бабз вслух, она знала мистера Гонта... еще с Тех Времен, которые провела *Вдалеке*.

Синди Роуз заинтересовалась вазой из прозрачного стекла и спросила мистера Гонта (который всегда находился поблизости, но не болтался под ногами и не навязывался потенциальным покупателям, как с одобрением отметили все), сколько он за нее просит.

— А сколько бы вы заплатили? — спросил он с улыбкой.

Она кокетливо улыбнулась в ответ.

— О, значит, вы *вот как* ведете дела, мистер Гонт?

— Именно так, — был ответ.

— А вы не боитесь убытков, ведь янки умеют поторговаться? — спросила Синди Роуз. Остальные с живым интересом наблюдали за происходящим, как зрители на финальном матче Уимблдонского турнира.

— Нет, не боюсь. — Его голос был по-прежнему дружеским, но в нем появились мягкие нотки вызова.

Синди Роуз внимательнее пригляделась к вазе. Стеффи Бонсан что-то прошептала ей на ухо. Синди Роуз кивнула.

— Семнадцать долларов, — заявила он. Вообще-то ваза тянула на все пятьдесят, а в бостонских антикварных магазинах ее бы оценили в сто восемьдесят, и не меньше.

Гонт сжал пальцами подбородок. Брайан Раск узнал бы этот жест.

— Я рассчитывал получить за нее никак не меньше сорока пяти, — сказал он с некоторым сожалением.

У Синди Роуз заблестели глаза: тут было, что ловить. Ваза сама по себе не особенно заинтересовала ее вначале; это была лишь уловка — возможный ключик, чтобы разговорить молчаливого и загадочного мистера Гонта. Но теперь, присмотревшись, Синди Роуз обнаружила, что это действительно прелестная вещица, идеально подходящая к ее гостиной. Кайма из цветов вокруг тонкого горлышка точь-в-точь подходит под цвет обоев. Пока Гонт не назвал цену, лишь на йоту превышающую ее возможности, она и не осознавала, как сильно ей хочется заиметь эту вазу.

Она посоветовалась с подругами.

Пока они шептались, Гонт наблюдал за ними с мягкой улыбкой.

Над дверью звякнул колокольчик, и в магазин вошли еще две женщины.

Начался первый рабочий день «Нужных вещей».

6

Когда через десять минут клуб любительниц бриджа с Эш-стрит покинул «Нужные вещи», Синди Роуз Мартин несла в руках бумажный пакет. В нем лежала стеклянная ваза, аккуратно завернутая в упаковочную бумагу. Синди Роуз отдала за вазу почти всю свою наличность — тридцать один доллар плюс налог, — но была так довольна, что чуть ли не мурлыкала.

Обычно после таких спонтанных покупок она ужасно злилась на себя, уверенная, что ее обсчитали, а то и вообще злобно надули, — но только не в этот раз. *Эту* сделку она обстряпала на высшем уровне. Мистер Гонт даже попросил ее зайти через несколько дней, сказав, что у него есть пара к этой вазе и она прибудет с доставкой на неделе — может быть, даже завтра! Эта ваза будет прекрасно смотреться на столике в гостиной, но если к ней будет пара, их можно будет поставить по краям каминной полки. И смотреться такой комплект будет просто *потрясающе*.

Подруги тоже считали, что покупка получилась удачной, хотя их слегка раздражало, что из мистера Гонта не удалось вытянуть ни слова о его прошлом. Но несмотря ни на что, у них сложилось довольно высокое мнение о нем.

— У него такие красивые глаза. Зеленые, — мечтательно произнесла Франси Пелетье.

— Зеленые? — удивленно переспросила Синди Роуз. Ей показалось, что они были серые. — Я не обратила внимания.

7

Ближе к полудню, в обеденный перерыв, в «Нужные вещи» зашла Розали Дрейк из ателье Полли. Нетти Кобб, домработница Полли, составила ей компанию. В магазине крутились несколько женщин, в дальнем углу двое мальчишек из окружной школы рылись в картонных коробках с комиксами и восторженно перешептывались — так много тут оказалось всего для пополнения их коллекций. Оставалось только надеяться, что цены будут не слишком высокими. А цены надо было узнать у продавца, так как на пластиковых пакетах, в которых лежали комиксы, ценников не было.

Розали и Нетти поздоровались с мистером Гонтом, и Гонт попросил Розали еще раз поблагодарить Полли за торт. Его взгляд остановился на Нетти, которая отошла в сторонку и теперь задумчиво рассматривала небольшую коллекцию цветного стекла. Он оставил Розали изучать фотографию Элвиса рядом со щепкой ОКАМЕНЕЛОГО ДЕРЕВА СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ и подошел к Нетти.

— Вас интересует цветное стекло, мисс Кобб? — тихо спросил он.

Она испуганно вздрогнула — Нетти Кобб относилась к тому типу женщин, которые дергаются от любого голоса, не важно, тихого или громкого, со спины или сбоку, — и нервно улыбнулась.

— *Миссис* Кобб, мистер Гонт, хотя мой муж давно умер.

— Мои соболезнования.

— Не стоит. Уже четырнадцать лет прошло. То есть времени уже немало. Да, у меня есть небольшая коллекция цветного стекла. — Она очень нервничала и чуть ли не дрожала, точь-в-точь как мышь при виде приближающегося кота. — Но я себе вряд ли могу позволить что-то из этих вещей. Они такие прелестные. Наверное, именно так должны выглядеть вещи в раю.

— Послушайте, — сказал Гонт. — Я закупил чуть ли не целую партию цветного стекла вместе с этими образцами, и они вовсе не такие дорогие, как может показаться. Здесь у меня выставлено далеко не все, и другие предметы *намного лучше*. Может, зайдете завтра — посмотрите?

Она снова вздрогнула и отодвинулась в сторону, как будто он предложил ей зайти не за тем, чтобы взглянуть на товар, а чтобы он мог развлечься, щипая ее за зад... до тех пор, пока она не начнет кричать.

— Ой, я не знаю... В четверг я всегда занята, понимаете... у Полли... По четвергам у нас генеральная уборка, понимаете...

— Неужели нельзя будет выкроить полчаса? — настаивал он. — Полли мне говорила, что вы испекли тот торт, который она принесла мне утром...

— Вам понравилось? Правда понравилось? — В ее глазах читалось испуганное ожидание: вот, сейчас он скажет, что нет, не понравилось, Нетти, у меня от него были рези в желудке, меня от него страшно пучило, и за это я накажу тебя, Нетти, сделаю тебе больно, затащу в заднюю комнату и буду щипать тебе сиськи и крутить соски, пока ты не взвоешь.

— Понравилось — не то слово. Это был восхитительный торт, — успокоил ее Гонт. — У меня мама пекла похожие... а это было так давно.

Это была чувствительная струнка Нетти: она обожала свою мать, несмотря на все побои, достававшиеся ей по-

сле частых материнских попоек. Она даже слегка расслабилась.

— Ой, как хорошо. Ужасно рада, что вам понравилось. Вообще-то это идея Полли. Она такая милая. Она — самая лучшая.

— Да, — согласился Гонт. — Теперь, когда мы с ней познакомились, вполне могу в это поверить. — Он взглянул на Розали Дрейк, но та все еще рассматривала витрины. — Я просто решил, что теперь я вам очень обязан.

— Ой, нет! — запротестовала Нетти, снова встревожившись. — Вы мне ничего не должны. Ничего-ничего, мистер Гонт.

— Пожалуйста, заходите. Я вижу, у вас есть вкус к цветному стеклу... кстати, я через вас передам Полли коробку из-под торта.

— Ну... *может быть,* в перерыв... — Судя по испуганным глазам, Нетти сама не верила, что она только что это сказала.

— Отлично, — кивнул Гонт и быстренько отошел, пока она не передумала. Он подошел к мальчиками и спросил, как у них дела. Те нерешительно протянули ему несколько старых выпусков «Невероятного Халка» и «Людей Х». Минут через пять они вышли из магазина с радостно-ошарашенными лицами, держа в руках чуть ли не всю подборку комиксов.

Едва за ними закрылась дверь, в магазин вошли Кора Раск и Майра Эванс. Они оглядели торговый зал горящими и жадными — как у белок в сезон сбора орехов — глазами и тут же бросились к витрине с фотографией Элвиса. Кора и Майра нагнулись над ней, восторженно перешептываясь и демонстрируя окружающим задницы шириной в два топорища.

Гонт с улыбкой смотрел на них.

Колокольчик над дверью опять зазвенел. Новое поступление было почти таких же размеров, как Кора Раск, только Кора была просто толстой, а эта новая женщина выглядела еще и *сильной* — такой вид имеет здоровяк-ле-

соруб с пивным брюхом. У нее на блузе красовался большой белый значок с надписью красными буквами:

Ночь в казино — будет весело!

По обаянию и шарму лицо этой леди могло соперничать со снеговой лопатой. Бóльшая часть ее невзрачных и тусклых каштановых волос была скрыта под платком, немилосердно затянутым под широким подбородком. Она встала на пороге и обвела взглядом зал. Ее маленькие, глубоко посаженные глазки бегали туда-сюда, как у стрелка с Дикого Запада, когда он оглядывает салун, перед тем как распахнуть двери-крылья и устроить внутри милую дружескую потасовку. Потом она вошла.

Почти никто не обратил на нее внимания, лишь Нетти Кобб уставилась на «лесорубшу» со смешанным выражением смятения и ненависти. Она отпрянула от стойки с цветным стеклом и тем привлекла внимание вновь пришедшей, которая одарила Нетти взглядом, полным не просто презрения, а концентрированного презрения, после чего отвернулась.

Колокольчик над дверью звякнул опять — в этот раз дверь закрылась за Нетти.

Мистер Гонт наблюдал за происходящим с нескрываемым интересом.

Он подошел к Розали и прошептал:

— Боюсь, миссис Кобб ушла без вас.

Розали удивленно огляделась.

— Какого... — начала было она, но тут ее взгляд наткнулся на новую посетительницу со значком «Ночь в казино» на богатырской груди, изучавшую турецкий ковер на стене с видом студента-гуманитария в художественной галерее. — Ой, — вдруг спохватилась Розали. — Извините, мне пора бежать.

— Между ними нет особой любви, как я понял, — заметил мистер Гонт.

Розали растерянно улыбнулась.

Гонт указал глазами на женщину в платке.

— А кто это?

Розали сморщила носик.

— Вильма Ержик. Извините... мне надо догнать Нетти. Она такая нервная, вы не представляете.

— Да, да. Разумеется, — согласился Гонт и, проводив Розали внимательным взглядом, буркнул себе под нос: — А кто, скажите, сейчас не нервный?

Кора Раск подошла к нему сзади и легонько похлопала по плечу.

— Сколько стоит эта фотография Короля? — поинтересовалась она.

Лиланд Гонт с улыбкой обернулся к ней:

— Что ж, давайте обсудим. Во сколько вы сами ее оцените?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Примерно часа через два после закрытия нового форта коммерции Касл-Рока Алан Пангборн подъехал к зданию муниципалитета на Главной улице, где размещались офис шерифа и полицейское управление Касл-Рока. Он сидел за рулем совершенно обычной, ничем не примечательной машины. Фордовский фургон 1986 года выпуска. Семейный автомобиль. Алан устал и был полупьян. Выпил всего-то три пива, а в голову шибануло изрядно.

Проезжая мимо «Нужных вещей», он одобрительно — в точности как Брайан Раск — взглянул на зеленый навес над входом. Он знал о навесах намного меньше (поскольку не состоял в родственных отношениях ни с кем из сотрудников фирмы «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже»), но подумал, что этот навес придал определенный шик Главной улице, на которой большинство хозяев

контор и магазинов разорялись разве что на фальшивый фасад, наверное, полагая, что «для сельской местности» сойдет и так. Алан еще не знал, что продавалось в этом магазине — Полли ему все расскажет, она собиралась зайти в магазинчик сегодня утром, — но он почему-то напомнил ему уютный французский ресторанчик, куда водят девушек, чтобы потом затащить их в постель.

Едва Алан проехал магазин, он тут же вылетел у него из головы. Через два квартала он включил правый поворотник и свернул в узкий проезд между приземистым кирпичным зданием муниципалитета и управлением водоснабжения. Вдоль разметки шла надпись: ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА.

Здание муниципалитета было построено в форме буквы Г, и между двумя перекладинами располагалась небольшая стоянка. Три места были предназначены для сотрудников офиса шерифа. На одном из них уже стоял старый неуклюжий «фольксваген»-«жук» Норриса Риджвика. Алан припарковался рядом, выключил фары и зажигание и потянулся к двери. Депрессия, в которой он пребывал с тех пор, как закрыл за собой дверь судебного зала в Портленде, — она не то чтобы сильно его угнетала, но кружила где-то поблизости, как кружат вокруг костра волки в приключенческих романах, которыми он зачитывался в детстве, — теперь навалилась уже в полной мере. Он отпустил дверную ручку. Он вообще ничего не делал — просто сидел в машине, надеясь, что это мерзкое состояние скоро пройдет.

Весь день он провел в Портлендском окружном суде, где давал показания на четырех заседаниях как свидетель обвинения. Их округ состоял из четырех округов поменьше: Йорк, Камберленд, Оксфорд и Касл, и из всех представителей закона, служивших в этих округах, Алан Пангборн жил дальше всех от Портленда. Окружные судьи старались составить расписание заседаний так, чтобы они проходили сериями и представителям округов нужно было приезжать не чаще раза-двух в месяц. Это давало Алану

возможность проводить больше времени в округе, который он присягал защищать, а не в пути между Касл-Роком и Портлендом. Но в конце всех этих заседаний он чувствовал себя как школьник после выпускных экзаменов, которые он сдал все скопом. И он давно уже понял, что не следует усугублять это кошмарное состояние пивом. Но в дверях суда он столкнулся с Гарри Кроссом и Джорджем Кромптоном, и те затащили его в бар. У него, кстати, был повод: цепь явно связанных между собой краж со взломом во всех их округах, которые надо было обсудить. Но настоящая причина, почему он согласился, имела общие корни со всеми неправильными решениями: *тогда* ему показалось, что выпить пива — это самая что ни на есть замечательная идея.

И вот теперь он сидел за рулем фургона, который раньше был настоящим семейным автомобилем, и пожинал то, что сам и посеял. Побаливала голова. Его тошнило. Но хуже всего была депрессия — она вернулась, мстительная и ехидная.

Приветик! — кричала она издевательски. *А вот и я, Алан! Ужасно рада тебя видеть! Знаешь что? Вот закончился еще один длинный и трудный день, а Энни и Тодд по-прежнему мертвы. Помнишь ту субботу, когда Тодд разлил свой молочный коктейль на переднем сиденье? Как раз там, где сейчас лежит твой портфель, правильно? И ты на него накричал. Ого! Ты ведь этого не забыл? Забыл?! Ну ладно, ничего страшного. Я тебе напомню, Алан. Я, собственно, и пришла, чтобы напомнить. Работа у меня такая — напоминать! Раз за разом! Раз за разом!*

Он поднял портфель и вгляделся в сиденье. Да, следы от пролитого молока еще оставались, и да, он накричал на Тодда. *Какой же ты неуклюжий!* Что-то вроде того. Так, пустяк... но он никогда бы не стал говорить даже этого, если бы знал заранее, что его ребенку осталось жить меньше месяца.

Впрочем, *такое* узнать невозможно.

Ему вдруг пришло в голову, что дело вовсе не в пиве — дело в этой машине. Он провел этот день в компании призраков мертвых — жены и младшего сына.

Алан открыл бардачок, чтобы вытащить книжку штрафных талонов — он всегда носил ее с собой, даже когда ездил в Портленд давать показания, — это было нерушимое правило. Рука наткнулась на какой-то цилиндрический предмет, который вывалился на пол. Алан положил книжку на портфель и нагнулся, чтобы подобрать выпавшую вещь. Потом поднес ее к свету уличного фонаря и долго рассматривал, вновь ощущая щемящую боль утраты и горя, скрытую глубоко внутри. Артрит у Полли живет в руках, а у него как будто в самом сердце, и кто скажет, кому из них двоих хуже?

Это была банка Тодда. Если бы маленьким мальчикам можно было *жить в магазине*, то Тодд бы точно поселился в обернском магазинчике «Смешные приколы и розыгрыши». Малыш был очарован копеечной «магией» этих забавных штуковин: хохотунчиками, чихательным порошком, дырявыми стаканами, мылом, придававшим рукам цвет вулканического пепла, пластиковыми собачьими какашками.

Эта штука все еще здесь. Они мертвы уже девятнадцать месяцев, а она все еще здесь. Как я ее пропустил? Боже...

Алан покрутил банку в руках, вспоминая, как сын упрашивал его, чтобы он разрешил ему купить эту штуковину на свои карманные деньги, и как сам он упирался, цитируя любимое присловье своего отца: дурак и деньги расходятся быстро. И как Энни мягко переубедила его.

Ты послушай себя, мистер Волшебник-Любитель. Что еще за пуританские речи?! Нет, как вам это понравится? Как ты думаешь, откуда у мальчика эта страсть ко всяким приколам и фокусам? В моей *семье никто никогда не вешал на стену портрет Гудини, да еще в рамочке. Ты хочешь сказать, что сам ни разу не покупал стаканов-непроливаек в дни своей бурной юности? Что ты не отдал бы полжизни за эту «змею в банке с орехами», если бы их продавали* тогда*?*

Он что-то мямлил и бурчал — иными словами, вел себя как напыщенный идиот. Наконец ему пришлось прикрыть рукой смущенную улыбку. Но Энни ее все равно заметила. Она всегда все замечала. Это был ее дар... и очень часто — его спасение. Ее чувство юмора — равно как и умение видеть вещи под новым углом и в перспективе — всегда было лучше. Острее.

Пусть он купит себе эту банку, Алан. Детство бывает раз в жизни. И потом, это действительно весело.

И он позволил Тодду купить эту банку. А...

...А через три недели он разлил молоко на сиденье, а еще через месяц он был уже мертв. Они оба *были мертвы. Ничего себе! Ты представляешь?! Как летит время, Алан. Но ты не волнуйся! Ты ничего не забудешь, потому что я тебе напомню! Да, сэр! Я буду периодически освежать твою память, потому что это моя работа, а я всегда выполняю свою работу на совесть!*

На банке было написано: ВКУСНЫЕ ОРЕШКИ — ЖУЙ НА ЗДОРОВЬЕ. Алан снял крышку, и наружу выпрыгнула зеленая змея, сжатая в тугую пружину длиной пять футов. Она ударилась о ветровое стекло и шлепнулась ему на колени. Алан посмотрел на нее, услышал смех своего мертвого сына и заплакал. Это был тихий и опустошенный плач, без драматичных рыданий и всхлипов. Его слезы имели кое-что общее с теми вещами, которые принадлежали его погибшим любимым людям: они не кончались. Их было много, слишком много, и как только ты чуть расслабишься и решишь, что «все, с этим покончено», обязательно найдется что-то еще, что напомнит тебе о твоем неизбывном горе. А потом еще. И еще.

Почему он разрешил Тодду купить эту проклятую штуку? Почему он не выкинул ее сразу, а оставил лежать в бардачке? И почему, черт возьми, он до сих пор ездит на этой проклятой машине?

Алан достал носовой платок и вытер лицо. Потом медленно уложил змею — дешевую жатую бумагу с металли-

ческой пружиной внутри — обратно в поддельную банку с орехами. Закрутил крышку и взвесил банку в руке.

Выброси эту дрянь.

Но он не мог этого сделать. Во всяком случае — не сегодня. Закинув банку обратно в бардачок — последний прикол, купленный Тоддом в лучшем в мире магазине, — он с силой захлопнул крышку, открыл дверцу, взял с сиденья свой портфель и вышел наружу.

Он глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух в надежде, что это поможет. Но не помогло. В воздухе пахло древесными опилками и химикатами — противный запах, который периодически доносился сюда с целлюлозно-бумажного комбината в Румфорде, что в тридцати милях к северу. Надо будет позвонить Полли и пригласить ее в гости — *это* должно помочь.

Очень мудрая мысль! — тут же согласился голос ехидной депрессии. *Да, кстати, Алан, ты помнишь, каким счастливым был Тодд, когда купил эту змею? Он испытывал ее на всех подряд! У Норриса Риджвика чуть инфаркт не случился, а ты сам едва не обоссался от смеха. Помнишь? Какой он был живой и веселый! А Энни — помнишь, как она смеялась, когда ты ей рассказал про его проделку? Она тоже была живой и веселой, правда? Разумеется, в самом конце она была уже не такой оживленной и совсем не веселой, но ты этого не заметил, да? Потому что у тебя были свои заботы. Например, случай с Тедом Бомоном — он никак не шел у тебя из головы. Что там у них произошло, в домике на озере, и как он напился и позвонил тебе, и как потом его жена забрала близнецов и уехала от него... Все это добавило лишних хлопот, а ты и без того зашивался с городскими делами, правильно? Ты был слишком занят, чтобы заметить, что происходит у тебя дома. Жаль! Если бы ты заметил это еще* тогда, *кто знает, может, они сейчас были бы живы? Я тебе буду об этом напоминать... раз за разом... раз за разом... Договорились? Ну вот и славно!*

На борту фургона, чуть выше крышки бензобака, была царапина длиной около фута. Она появилась уже после

гибели Энни и Тодда? Или все-таки *до?* Алан не помнил, но это было и не важно. Он провел по ней пальцами и подумал, что надо бы отвести машину в мастерскую к Сонни, чтобы заделать эту царапину. Но с другой стороны, зачем? Почему бы не отогнать эту колымагу в Оксфорд к Гарри Форду и не обменять ее на что-то поменьше? Пробег у нее маленький; получится неплохая скидка...

Но Тодд пролил молочный коктейль на переднем сиденье! — возмущенно воскликнул голос у него в голове. *Он сделал это, пока был ЖИВ! Алан, старик, как же так? А Энни...*

— Послушай, заткнись! — сказал Алан вслух.

Он подошел к зданию муниципалитета и остановился. Совсем близко ко входу, так близко, что полностью открытая дверь поцарапала бы ему бок, стоял большой красный «кадиллак-севилья». Алану даже не нужно было смотреть на номера. Он и так знал, что это будет: КИТОН 1. Он задумчиво провел рукой по гладкому верху машины и вошел к себе в офис.

2

Шейла Брайхем сидела в застекленной диспетчерской и читала журнал «People», попивая «Yoo-Hoo». Больше в офисе не было никого, кроме Норриса Риджвика.

Норрис сидел за старенькой электрической пишущей машинкой и трудился над отчетом — с той болезненной, бездыханной сосредоточенностью, на которую был способен только он, и никто другой. Со стороны это смотрелось так: он застывал, вперив взгляд в машинку, потом резко нагибался вперед, как человек, у которого свело живот, и обрушивал на клавиши град энергичных ударов. После этого он опять замирал в скрюченном положении, читал только что напечатанное и тихо охал. Потом раздавалась серия звуков типа: *Щелк-хрусь! Щелк-хрусь! Щелк-хрусь!* — это значило, что Норрис долбит по корректирую-

щей ленте и исправляет ошибки (в среднем у него уходит одна лента в неделю). Потом он опять выпрямлялся, впадал в трехсекундный ступор, и весь цикл повторялся по новой. По прошествии примерно часа Норрис опускал готовый отчет в лоток «входящие документы» на столе у Шейлы. Иногда — с периодичностью раз или два в неделю — отчет получался вполне даже связным.

Норрис поднял глаза и улыбнулся Алану.

— Привет, босс, как дела?

— Ну, ближайшие две-три недели Портленд мне не грозит. Происшествия были?

— Не, все как обычно. Алан, у тебя глаза красные, как у черта. Опять курил свой дурацкий табак?

— Ха-ха, — кисло сказал Алан. — Я пропустил пару пива с парочкой копов, а потом тридцать миль таращился на фары встречных машин. Аспирин, кстати, найдется?

— Всегда наготове. Ты же знаешь.

Нижний ящик стола представлял собой личную аптеку Норриса. Норрис открыл его, откопал гигантскую бутылку каопектата с земляничным вкусом, уставился на наклейку, помахал головой, бросил бутылку обратно в ящик, порылся еще минут пять и наконец извлек упаковку настоящего аспирина.

— У меня для тебя работа, — сказал Алан, высыпав на ладонь две таблетки аспирина. Вместе с таблетками на руку осело немного пыли, и он подумал, почему от простого аспирина бывает значительно больше пыли, чем от фирменного. А еще он подумал, что, если так пойдет и дальше, он точно сойдет с ума.

— Нет, Алан. Мне еще надо заполнить две формы Е-9, а потом...

— Остынь. — Алан подошел к баку с водой и вытянул бумажный стаканчик из привинченного к стене цилиндра. Вода забулькала, наполняя стаканчик. — Тебе надо всего лишь встать, пройти через комнату и открыть дверь, через которую я вошел. Это даже ребенок сделает.

— Что...

— И не забудь свою книжку штрафных талонов, — добавил Алан и проглотил таблетки.

Риджвик сразу разволновался:

— Твоя вон лежит, рядом с портфелем.

— Я знаю. И там она и останется. Сегодня, по крайней мере.

Норрис задумчиво посмотрел на него и спросил:

— Бастер?

Алан кивнул:

— Бастер. Снова припарковался на месте для инвалидов. В прошлый раз я ему сделал последнее предупреждение.

Глава городского управления Касл-Рока Дэнфорд Китон III, по прозвищу Бастер*, как его звали все... кроме муниципальных служащих, желавших сохранить свои места. Когда он находился поблизости, они звали его или Дэн, или мистер Китон. Только Алан, который по своей должности не подчинялся городскому совету, мог позволить себе называть его Бастером прямо в лицо. Впрочем, такое случалось лишь дважды, и оба раза, когда был взбешен. Однако Алан не сомневался, что такие разы еще повторятся. Дэн Китон по прозвищу Бастер был из тех людей, которые просто созданы для того, чтобы бесить других.

— Ну чего тебе стоит? — взмолился Норрис. — Сам его оштрафуй!

— Не могу. На следующей неделе у меня встреча с чиновниками городской управы насчет выделения ассигнований.

— Он *уже* меня ненавидит, — с отвращением скривился Норрис. — Я это знаю.

— Бастер всех ненавидит, кроме своей жены и матери, — сказал Алан. — Впрочем, я не уверен насчет жены. Но факт остается фактом: только в прошлом месяце я семь раз его предупреждал, чтобы он не парковался на нашей

---

* Бастер Китон — известный американский актер 20–30-х годов, «комик с каменным лицом».

единственной площадке для инвалидов. Пора принимать меры.

— Ага, предупреждал его ты, а рисковать своим местом буду я. Замечательно. — Норрис Риджвик выглядел как живая иллюстрация к печальному рассказу «Когда с хорошими людьми случаются гадости».

— Расслабься, — успокоил его Алан. — Ты налепишь ему на ветровое стекло квитанцию на пятидолларовый штраф. Он придет ко мне и потребует тебя уволить.

Норрис застонал.

— Я откажусь. Потом он скажет, чтобы я порвал квитанцию. Я опять откажусь. А на следующий день, когда он немного остынет и выпустит пар, я ему уступлю. И когда я приду на следующее заседание по ассигнованиям, он будет мне обязан.

— Да, а чем он будет обязан мне?

— Норрис, ты хочешь новый импульсный радар или как?

— Ну...

— А как насчет факса? Мы уже больше двух лет говорим про факс.

Да! — завопил деланно оживленный голос у него в голове. *Ты начал говорить об этом, когда Энни и Тодд были еще живы, Алан. Помнишь? Помнишь то время, когда они были живы?*

— Наверное, — сдался Норрис. Он потянулся за своей книжкой штрафных квитанций. У него на лице было написано огроменными буквами: Капитуляция и Уныние.

— Молодец, — с наигранной сердечностью отозвался Алан. — Я буду у себя кабинете.

3

Он закрыл дверь и сразу же позвонил Полли.

— Алло? — раздалось в трубке, и он уже понял, что не будет рассказывать ей про свою депрессию. У Полли хва-

тает своих проблем. Для того чтобы это понять, ему достаточно было услышать всего одно слово. Звук «л» в ее «Алло» был слегка смазан. Так случалось, только когда она принимала перкордан — причем больше одной таблетки, — а она принимала перкордан, только когда боль была слишком сильной. Хотя Полли ни разу об этом не говорила, Алан был уверен, что ей становится страшно от одной только мысли о том, что будет, когда эти таблетки перестанут действовать.

— Как вы, прекрасная леди? — спросил он, откинувшись в кресле и прикрыв глаза рукой. Аспирин не помог. Голова продолжала болеть. Он подумал, что, может быть, стоит попросить у Полли перкордан.

— У меня все хорошо. — Она аккуратно подбирала слова, как бы переходя от одного слова к другому, словно по камушкам через ручей. — Лучше скажи, как ты? У тебя голос усталый.

— Я, как всегда, замучен адвокатами. — Алан решил, что сегодня он к ней не заедет. Она, конечно же, скажет: «Да, Алан, приезжай» и будет рада его видеть, но это лишь еще больше ее утомит. — Хочу пораньше лечь спать. Ты не против, если сегодня я не заеду?

— Нет, дорогой. Так будет даже лучше.

— Что, *так* плохо?

— Бывало и хуже, — осторожно сказала она.

— Я не об этом спросил.

— Нет, вовсе не так уж плохо.

Голос тебя выдает, врешь ты все, подумал он про себя.

— Хорошо. Что там насчет ультразвуковой терапии? Что-нибудь выяснилось?

— Ага. Но я не могу себе позволить провести полтора месяца в клинике Майо. И не говори, что *ты* это можешь себе позволить, Алан, потому что я слишком устала, чтобы сейчас с тобой спорить.

— Мне казалось, ты имела в виду Бостонский госпиталь...

— Только на будущий год, — вздохнула Полли. — Они открывают там кабинет ультразвуковой терапии только в следующем году. Может быть.

Потом была долгая пауза, и Алан уже собрался попрощаться, но тут она снова заговорила. Теперь ее голос звучал чуть веселее.

— Утром я заходила в новый магазин. Нетти испекла торт, а я отнесла. Само собой, чисто из вредности — приносить торт на открытие вроде как не полагается. Это правило только что в бронзе не отлито.

— И как оно там? Что они продают?

— Всего понемножку. Если ты станешь меня пытать и угрожать пистолетом, я, пожалуй, скажу, что это магазин диковинок и безделушек, но это будет неверно. Нужно видеть самому.

— Ты видела хозяина?

— Мистер Лиланд Гонт из Экрона, штат Огайо, — сказала Полли, и Алан почувствовал, что она улыбается. — Помяни мое слово, он еще наведет шороху в Касл-Роке.

— А как он *тебе* показался?

Когда она снова заговорила, улыбка в ее голосе проступила еще явственнее.

— Алан, я тебе честно признаюсь... ты знаешь, я тебя люблю и надеюсь, что ты меня тоже, и ты для меня самый лучший, но...

— Я тебя очень люблю, — вставил он. Голова потихонечку отходила. И вряд ли это маленькое чудо сотворил норрисовский аспирин.

— ...но когда я его увидела, у меня сердце пустилось вскачь. И ты бы видел Розали и Нетти, когда они вернулись...

— *Нетти?!* — Алан снял ноги со стола и выпрямился в кресле. — Да она же боится собственной тени!

— Да. Но Розали все-таки уговорила ее пойти в магазин вместе — ты же знаешь, бедняжка *никуда* не выходит одна, — и потом я спросила у Нетти, что *она* думает про

мистера Гонта. Алан, у нее загорелись глаза! Она как будто помолодела. «У него есть цветное стекло! — сказала она. — Чудесное цветное стекло. Он пригласил меня зайти завтра и кое-что присмотреть». Мне кажется, что это самая длинная фраза, которую она говорила мне за все эти четыре года. Потом я сказала: «Ну разве это не мило с его стороны». А она: «Да, очень мило. И знаешь что?» Я, естественно: «Что?» И Нетти сказала: «*И я, пожалуй, зайду!*»

Алан громко и от души рассмеялся:

— Если Нетти пойдет к нему без дуэньи, я просто *обязан* увидеть этого человека. Он, наверное, само обаяние.

— И что самое интересное, он совсем не красавец, по крайней мере уж точно не кинозвезда, но у него очень красивые карие глаза. Они буквально горят.

— Осторожнее, леди, — проворчал Алан. — А то я уже ревную.

Она засмеялась:

— Тебе не о чем волноваться. Да, и еще кое-что.

— Что?

— Розали сказала, что, когда они были там с Нетти, в магазин вошла Вильма Ержик.

— Что-нибудь случилось? Они поругались?

— Нет. Нетти просто смотрела на эту Вильму, а та только губы поджала. Так говорит Розали. А потом Нетти вылетела как ошпаренная. Вильма Ержик тебе не звонила насчет Неттиной собаки?

— Нет. Не было повода, — отозвался Алан. — За последние полтора месяца я раз пятнадцать проезжал мимо дома Нетти после десяти вечера. Пес больше не лает. Полли, щенки всегда шумные. А теперь он подрос, и у него хорошая хозяйка. Может, крыша у Нетти слегка набекрень, но с собакой она обращаться умеет. Кстати, а как его звать?

— Бандит.

— Кто, интересно, придумал такую кличку? Впрочем, теперь Вильме Ержик придется искать другой повод для

проявления своей стервозности, потому что Бандит отпадает. Хотя она-то повод найдет, я даже не сомневаюсь. В любом случае дело ведь не в собаке; больше никто, кроме Вильмы, не жаловался. Дело в самой Нетти. У людей вроде Вильмы нюх на слабых.

— Да. — Полли стала печально-задумчивой. — Знаешь, однажды вечером Вильма Ержик позвонила ей и заявила, что если Нетти не заткнет своего пса, то она сама лично придет и перережет ему глотку.

— Послушай, — сказал Алан, — я знаю, что Нетти тебе так сказала. Но еще я знаю, что Нетти до смерти боится Вильмы и что у Нетти бывали... проблемы. Я вовсе не утверждаю, что Вильма Ержик этого не делала, потому что я знаю, что она и не на такое способна. Но при этом и не исключаю возможности, что ничего этого не было, а просто у Нетти воображение разыгралось.

Замечание о проблемах Нетти было не очень конкретным, но они оба знали, о чем идет речь. После многих лет сущего ада — замужем за скотом, который издевался над ней как мог, — Нетти Кобб наконец не выдержала и воткнула вилку для мяса в горло своему спящему мужу. Она провела пять лет в Джунипер-Хилл, психиатрической клинике под Августой. Работа у Полли была частью программы по трудовой реабилитации. По мнению Алана, о лучшем нельзя было и мечтать, и тому подтверждение — что состояние Нетти стало значительно лучше. Два года назад Нетти Кобб переехала в собственный небольшой домик на Форд-стрит, в шести кварталах от центра.

— Да, у Нетти не все в порядке, но встреча с мистером Гонтом подействовала на нее просто потрясающе. Он действительно очень милый, — сказала Полли.

— Я должен его увидеть, — повторил Алан.

— Расскажешь потом о своем впечатлении. И обрати внимание на его глаза. Очень красивые карие глаза.

— Сомневаюсь, что они на меня подействуют, как на тебя, — сухо заметил он.

Она вновь рассмеялась, но теперь ее смех прозвучал чуть натянуто.

— Постарайся поспать.

— Хорошо. Спасибо, что позвонил, Алан.

— Не за что. — Пауза. — Я люблю тебя, красавица.

— Спасибо, Алан, я тоже тебя люблю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он повесил трубку, повернул абажур лампы так, чтобы она светила на стену, положил ноги на стол и сложил перед собой ладони, будто собрался молиться. Вытянул указательные пальцы. Силуэт кролика на стене поднял уши. Алан пропустил большие пальцы между расставленными указательными. Кролик пошевелил носом. Алан заставил кролика проскакать через все световое пятно. А обратно пришел уже слон, болтавший хоботом. Руки Алана двигались с ловкостью, говорящей о долгой практике. Он почти не замечал, каких животных создавали его безотчетные жесты. Это была стародавняя привычка, его способ расслабиться — скосить глаза к кончику носа и сказать: «Ауммммм».

Он думал о Полли и ее бедных руках. Как ей помочь?

Если бы дело было только в деньгах, уже завтра днем она лежала бы в клинике Майо: сдал, расписался, принял. Пусть даже ему пришлось бы запихнуть ее в смирительную рубашку и накачать успокоительными.

Но дело было *не только* в деньгах. Ультразвук как метод борьбы с дегенерирующим артритом находился еще в зачаточном состоянии. Он мог стать панацеей — как, например, антибиотики, — а мог оказаться и лженаукой, как френология. В любом случае пробовать его сейчас не имело смысла. Шансы на успех были примерно один к тысяче. И дело даже не в потерянных деньгах, а в разбитых надеждах Полли.

Ворона — проворная и живая, как из диснеевского мультфильма, — медленно пролетела через его диплом Полицейской академии в Олбани. Ее крылья удлинились,

и она превратилась в доисторического птеродактиля с треугольной головой.

Дверь открылась. В щель просунулось лицо Норриса Риджвика, унылое, как морда бассета.

— Я все сделал, Алан, — сказал он с видом человека, который признается в массовых убийствах детей и старушек.

— Отлично, Норрис, — ответил Алан. — И ничего не бойся. Я не допущу, чтобы ты пострадал. Даю слово.

Норрис еще пару секунд смотрел на него своими влажными глазами, потом с сомнением покачал головой. Взглянув на стену, он попросил:

— Покажи Бастера, Алан.

Алан усмехнулся, отрицательно покачал головой и потянулся к выключателю.

— Ну пожалуйста, — не унимался Норрис. — Я оштрафовал эту чертову машину — я это заслужил. Покажи Бастера. *Пожалуйста*. Порадуй меня хоть чем-то.

Алан глянул, нет ли кого за спиной у Норриса, и переплел пальцы. Толстенький человек-тень на стене важно шагал через пятно света, покачивая брюхом. Один раз он остановился, чтобы подтянуть штаны-тени, и прошествовал дальше, вертя головой во все стороны.

Норрис залился тонким счастливым смехом — смехом ребенка, который напомнил Алану Тодда. Но он быстренько отогнал эти мысли.

— Ой, я сейчас *сдохну*, — смеялся Норрис. — Алан, ты слишком поздно родился, а то сделал бы карьеру в «Шоу Эда Салливана».

— Все, представление окончено. Иди к себе! — прикрикнул Алан.

Все еще смеясь, Норрис закрыл дверь.

Алан изобразил на стене Норриса — тощего и самодовольного, — выключил лампу и достал из заднего кармана потертый блокнот. Нашел чистую страницу, написал наверху: «Нужные вещи». И чуть ниже: *Лиланд Гонт, Кливленд, Огайо*. Так? Нет. Зачеркнул *Кливленд*, написал *Экрон*.

Может быть, я и вправду схожу с ума? — подумал он. И на третьей строке написал: *Проверить.*

Потом он убрал блокнот обратно в карман и решил было пойти домой, но вместо этого вновь включил лампу. По стене снова замаршировали тени: львы, тигры, медведи... Депрессия подкралась тихой кошачьей поступью, липкая, как туман. Внутренний голос опять зарядил свое про Энни и Тодда. Через какое-то время Алан Пангборн начал к нему прислушиваться. Он слушал против своей воли... но с возрастающим вниманием.

4

Полли лежала в постели. Закончив разговор с Аланом, она перевернулась на левый бок, чтобы повесить трубку. Трубка выскользнула у нее из рук и упала на пол. Сам аппарат медленно заскользил по ночному столику. Полли бросилась его ловить и ударилась рукой о край стола. Чудовищный разряд боли прорвался сквозь тонкую паутину, сплетенную болеутоляющими таблетками вокруг ее нервов, и пронзил руку до плеча. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

Телефонный аппарат дополз до края и свалился на пол, глухо тренькнув звонком. Из трубки доносился идиотский, монотонный писк, как будто по УКВ передавали концерт из улья.

Полли задумалась, можно ли будет использовать те клешни, которые лежали теперь у нее на груди, чтобы поднять аппарат, не хватая его пальцами — сегодня пальцы вообще не сгибались, — а подталкивая и нажимая, как будто играешь на аккордеоне. И тут чаша ее терпения переполнилась. Когда такая простая вещь — поднять с пола упавший телефон — становится непреодолимой проблемой... это невыносимо. Она разрыдалась.

Боль проснулась уже окончательно и неистовствовала, превращая руки — и особенно ту, которую Полли удари-

ла, — в раскаленные прутья. Полли лежала в постели и безутешно плакала.

Я бы все отдала, лишь бы освободиться от этого, думала она. *Не раздумывая отдала бы все, все, все. Все, что угодно.*

5

Осенними вечерами, часам к десяти, Главная улица Касл-Рока уже закрыта, как банковский сейф. Уличные фонари очерчивают уменьшающиеся в перспективе круги света на тротуарах, захватывая стены офисных зданий и превращая улицу в декорацию на опустевшей сцене. Кажется, вот-вот появится длинная фигура во фраке и цилиндре — Фред Астер или Джин Келли — и начнет танцевать, медленно перемещаясь от одного пятна света к другому и напевая печальную песню о том, как одиноко несчастному парню, которого бросила девушка, как ему одиноко и грустно, когда закрылись все бары. Потом на другом конце Главной улицы появится еще один персонаж — Джинджер Роджерс или Сид Шарисс, одетая в вечернее платье. Она будет танцевать навстречу Фреду (или Джину), напевая печальную песню о том, как одиноко несчастной девушке, которую бросил парень. Они увидят друг друга, артистически замрут, а потом начнут танцевать вместе перед входом, например, в ателье Полли Чалмерс.

Вместо этой красивой и грустной пары появился Хью Прист.

Он не был похож ни на Фреда Астера, ни на Джина Келли, и на том конце улицы не было видно никаких романтичных и одиноких девушек, и он определенно не танцевал и не пел. Он был пьян как сапожник, потому что с четырех часов дня непрерывно пил в «Подвыпившем тигре». При такой серьезной «загрузке» просто идти и не падать — и то проблема, не говоря уже о каких-то там танцевальных па. Он шел медленно, пересекая круги све-

та от фонарей. Его длинная тень падала то на парикмахерскую, то на «Вестерн Авто», то на видеопрокат. Его немного шатало, покрасневшие глаза смотрели прямо вперед, пузо выпирало из-под мокрой от пота синей футболки (на которой был нарисован гигантский комар, а под ним надпись: ГЕРБ ШТАТА МЭН. ТАКИЕ ВОТ У НАС ПТИЧКИ).

Фургончик Управления общественных работ Касл-Рока, на котором Хью Прист работал шофером, так и остался торчать на стоянке за «Тигром». Хью имел на своем счету не одно нарушение, и в последний раз — когда у него отобрали права на полгода — этот ублюдок Китон со своими друзьями-ублюдками Фуллертоном и Сэмюэлсом, а также с этой стервой Уильямс ясно дали ему понять, что их терпение исчерпано. Следующее нарушение скорее всего закончится тем, что у него отберут права уже навсегда, и его неизбежно погонят с работы.

Конечно, пить Хью из-за этого не перестал — на свете не было силы, способной заставить его бросить пить, — но он все же пришел к определенному компромиссу с самим собой: пьяным за руль не садиться. Ему шел пятьдесят второй год. Поздновато думать о смене профессии, и особенно — с таким списком задержаний за вождение в пьяном виде, который тянулся за ним, как консервная банка, привязанная к собачьему хвосту.

Поэтому он возвращался домой пешком, и это была долгая прогулка... а еще оставался этот Бобби Дугас, который тоже служил в Управлении общественных работ и которому завтра придется как следует объясниться, если он, конечно, не хочет вернуться домой с работы, недосчитавшись пары зубов.

Когда Хью проходил мимо закусочной Нан, заморосил мелкий дождь. Это, естественно, не подняло ему настроения.

Он спросил Бобби, который по дороге домой проезжал мимо дома Хью, не собирается ли тот заглянуть вечером в «Тигра». Бобби Дугас забубнил: о чем речь, Хьюберт... Бобби всегда называл его Хьюбертом, хотя у него, на хрен,

было другое имя, и уже очень скоро Бобби себе это уяснит. *О чем речь, Хьюберт, как обычно, к семи подъеду.*

Итак, Хью, уверенный, что его довезут до дому, если он перепьет и не сможет сам сесть за руль, прикатил в «Тигра» без пяти четыре (он бы освободился пораньше, где-то на полтора часа, но, как на зло, Дик Брэдфорд куда-то запропастился) и сразу же хорошенечко вмазал. Ну, подходит стрелка к семи — и что мы имеем? Никакого тебе Бобби Дугаса! Ядрить твою кочерыжку! Вот уже восемь, девять, полдесятого... догадываетесь, что *дальше*? Те же яйца, вид сбоку!

Без двадцати десять Генри Бофорт, бармен и владелец «Тигра», предложил Хью вострить лыжи, сваливать на хрен, трубить отбой, иными словами — убираться ко всем чертям. Хью рассердился. Да, он пару раз пнул музыкальный автомат, но ведь эта вшивая пластинка Родни Кроуэлла опять заедала.

— Что я, по-твоему, должен был делать? Сидеть и слушать эту байду? — заявил он Генри. — Тогда смени пластинку. А то это похоже на песню гребаного эпилептика с заиканием.

— Я вижу, ты еще не дошел до кондиции, — сказал Генри. — Но сегодня тебе больше не наливают. Догонишься из своего холодильника.

— А что, если я скажу *нет*? — упрямствовал Хью.

— Тогда я позвоню шерифу Пангборну, — резонно заметил Генри.

Остальные посетители «Тигра» — коих было не очень много по причине буднего дня — с интересом наблюдали за перепалкой. Как правило, люди вели себя вежливо с Хью Пристом, и особенно когда он «надирался», но он бы в жизни не выиграл конкурс на звание самого популярного парня в городе.

— Мне не хотелось бы, — продолжал Генри. — Но я это сделаю, Хью. Ты постоянно пинаешь мою «Рок-Олу», и мне это уже надоело.

Хью собрался было сказать: *Может, тогда мне стоит ТЕБЯ попинать, лягушатник ты хренов.* Но потом он представил, как Китон, этот толстый ублюдок, вручает ему розовую карточку* за драку в пивной. Разумеется, если бы его увольняли на самом деле, эта розовая бумажка пришла бы по почте, потому что свиньи типа Китона никогда не пачкают рук (и не рискуют получить по роже), вручая ее лично, но ему просто нравилось представлять себе эту картину — было куда девать лишнюю злость. Тем более что дома у него были припасены две упаковки пива.

— Ладно, — сказал он примирительно. — Мне этого тоже не надо. Давай мне мои ключи. — В целях предосторожности, еще восемнадцать кружек пива назад, он отдал Генри ключи от машины.

— Не-а. — Генри в упор смотрел на Хью, вытирая руки полотенцем.

— *Не-а?* Что значит: *не-а?* Какого хрена?

— Это значит, что ты слишком пьян, чтобы садиться за руль. Я это знаю, и ты это тоже поймешь, только завтра, когда проспишься.

— Слушай, — терпеливо сказал Хью. — Когда я тебе эти хреновы ключи отдавал, я был уверен, что меня подвезут домой. Бобби Дугас сказал, что заедет сюда пропустить пару кружек. И разве я виноват, что этот гундосый придурок так и не появился.

Генри вздохнул:

— Искренне тебе сочувствую, но это не моя проблема. Если ты кого-то задавишь, на меня могут подать в суд. Тебя это вряд ли заботит, но мне-то не все равно. Приходится прикрывать свою задницу. В нашем поганом мире этого никто за тебя не сделает.

Хью буквально физически ощутил, как обида, жалость к самому себе и странное чувство собственной никчемности всплывают на поверхность его сознания, как какая-то гадкая жидкость из канистры с ядовитыми отходами, зарытой глубоко в землю. Он посмотрел на свои клю-

*Уведомление об увольнении.

чи, висевшие за стойкой рядом с надписью: ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ИДИ НА ВОКЗАЛ, — и опять перевел взгляд на Генри. Тут он почувствовал, что сейчас заплачет, и испугался.

Генри обратился к другим клиентам:

— Эй вы, бездельники! Кто-нибудь из вас едет в сторону Касл-Хилл?

Все опустили глаза и молчали. Кто-то хрустнул пальцами. Чарли Фортин нарочито неторопливо направился в туалет. Никто не ответил.

— Вот видишь? — набычился Хью. — Ну же, Генри, отдай мне ключи.

Генри покачал головой:

— Если хочешь еще раз приехать сюда и пропустить пару стаканчиков, придется тебе прогуляться пешочком.

— Ну и ладно, а вот и пойду прогуляюсь! — выпалил Хью. Он был похож на избалованного ребенка, который сейчас закатит истерику с воплями и слезами. Он прошел через зал, опустив голову и сжав кулаки. Он боялся, что кто-нибудь засмеется. Он даже *надеялся*, что кто-нибудь засмеется. Тогда бы он начистил насмешнику морду, и пошла она на хрен, эта работа. Но все безмолвствовали, кроме Ребы Макинтайр, которая что-то там завывала про Алабаму.

— Завтра можешь забрать ключи! — крикнул ему вслед Генри.

Хью не ответил. Проходя мимо музыкального автомата, он неимоверным усилием воли подавил желание пнуть на прощание эту проклятую «Рок-Олу». Потом, опустив голову еще ниже, он вышел в темноту.

6

Туман превратился в противную морось, и у Хью было стойкое подозрение, что еще до того, как он доберется до дому, эта морось перейдет в затяжной, мерзкий дождь.

Везет как утопленнику. Он упрямо шел вперед, уже не так сильно шатаясь (прогулка на воздухе все-таки отрезвляет) и зыркая по сторонам. В голове был сумбур, и ему хотелось, чтобы кто-нибудь дал ему *повод*. Сегодня достаточно даже совсем пустякового повода. Он вдруг вспомнил мальчишку, который вчера выскочил прямо ему под колеса, и пожалел, что не размазал паршивца по мостовой. И он был бы не виноват. Раньше дети смотрели, куда идут.

Он прошел мимо пустого участка, где до пожара стоял «Эмпориум Галлориум», мимо пошивочного ателье, мимо магазина инструментов... и поравнялся с «Нужными вещами». Мельком глянув на витрину, он еще раз оглядел улицу (до дома осталось что-то около полутора миль — всего ничего, можно попробовать успеть до дождя) и внезапно остановился.

Он уже отошел на десяток шагов от нового магазина, так что пришлось возвращаться. Над витриной горел светильник, заливая мягким приглушенным светом три выставленных в ней предмета. Свет из витрины падал и на него тоже, вызывая чудесные превращения. Внезапно Хью стал похож на усталого мальчика, давно пропустившего время сна, — маленького мальчика, который только что увидел свой самый желанный подарок на Рождество. Подарок, которого не заменят все богатства на земле. Эта штука лежала в самом центре витрины, окруженная двумя рифлеными вазами (это было любимое Нетти цветное стекло, хотя Хью этого и не знал, но даже если бы и знал, то плевать ему было на это).

В витрине лежал лисий хвост.

Внезапно Хью перенесся обратно во времени в 1955 год, когда он только что получил права и собирался поехать на матч чемпионата Западного Мэна среди старших школьников — Касл-Рок против Гринс-парка — на отцовском кабриолете, «форде» 1953 года выпуска. Была середина ноября, но день был не по сезону теплый. Достаточно теплый, чтобы ехать без крыши (и особенно если

ты и твои друзья — отвязные безбашенные мальчишки, настроенные как следует побеситься). В машине их было шестеро. Питер Дойон притащил фляжку виски, Перри Комо возился с радиоприемником, Хью Прист сидел за рулем, а на конце антенны трепыхался ослепительно рыжий, пушистый лисий хвост — точь-в-точь такой, какой сейчас красовался в витрине.

Хью вспомнил, как он тогда смотрел на развевающийся хвост и думал, что, когда у него будет свой кабриолет, он обязательно купит себе такой же.

Он вспомнил, как отказался от виски, когда подошла его очередь. Он же сидел за рулем, а раз ты за рулем, то даже не думай пить — ведь ты отвечаешь за жизнь других. И он вспомнил еще одну вещь: это был самый счастливый час самого счастливого дня в его жизни.

Память удивила его болезненной четкостью и полнотой ощущений: дымный аромат горящих листьев, отблески ноябрьского солнца на хромированных деталях машины. Сейчас, пока Хью рассматривал лисий хвост в витрине «Нужных вещей», ему стало ясно, что это действительно был *лучший* день его жизни, один из последних хороших деньков перед тем, как зеленый змий крепко схватил его в свои мягкие резиновые объятия, превратив в некий извращенный вариант царя Мидаса: все, к чему он прикасался, теперь превращалось в дерьмо.

Неожиданно он подумал: *Я могу измениться.*

Мысль была захватывающе четкой.

Я могу начать все сначала.

Но разве такое бывает?

Наверное, все же бывает. Вот куплю себе этот лисий хвост и привяжу его к антенне своего «бьюика».

Но над ним же будут смеяться. Ребята его засмеют.

Какие ребята?! Генри Бофорт? Этот молокосос Бобби Дугас? Да пошли они куда подальше. Купи этот хвост, привяжи к антенне и вперед...

Вперед — куда?

Ну, для начала, может быть, на собрание общества Анонимных алкоголиков? Они каждый четверг собираются в Гринс-парке.

На мгновение одна только мысль о том, что такое возможно, ошарашила и восхитила его, как восхищает узника ключ, оставленный в замочной скважине нерадивым тюремщиком. На мгновение он даже поверил, что у него все получится. Он представил себе, как ему вручают сначала белый жетон*, а потом — красный и синий жетоны; представил себе, что остается трезвым день за днем, месяц за месяцем. Никаких «Подвыпивших тигров». Жалко, конечно. Но зато никаких дней получки, проведенных в томительном ожидании розового листка, который придет вместе с чеком по почте. А это уже очень даже неплохо.

В эту минуту, стоя перед витриной «Нужных вещей», Хью заглянул в будущее. Впервые за многие годы он смотрел в будущее, и этот роскошный рыжий лисий хвост с белым кончиком развевался в нем, как боевое знамя.

Но потом наваждение прошло и реальность обрушилась на него. Реальность пахла дождем и сырой грязной одеждой. Не будет никакого лисьего хвоста, никаких собраний АА, никаких жетонов, никакого будущего. Ему *пятьдесят один год*, а пятьдесят один год — уже не тот возраст, чтобы мечтать о каких-то грядущих свершениях. В пятьдесят один год ты уже не строишь никаких планов на будущее, а лишь убегаешь от лавины прошлого.

Если бы сейчас был рабочий день, Хью скорее всего зашел бы в магазин. Да, черт подери, зашел бы. Он вошел бы в магазин и спросил, сколько стоит тот хвост с витрины. Но уже десять вечера, на Главной улице все закрыто и заперто, как пояс целомудрия сказочной Снежной Королевы. А завтра утром, когда он проснется с чувством, как будто ему воткнули шило промеж глаз, он и не вспомнит об этом прекрасном рыжем лисьем хвосте, трепещущем на ветру.

---

*Жетоны, отмечающие степень успеха лечащегося от алкоголизма.

Но все же он медлил. Стоял у витрины и водил по стеклу грязными загрубевшими пальцами, как ребенок перед магазином игрушек. Слабая улыбка тронула уголки его губ. На пропитом лице Хью Приста эта мягкая улыбка казалась совсем неуместной. А потом где-то на Смотровой пару раз громыхнула машина, как будто выстрелы разрезали влажный воздух, и Хью очнулся.

На хрен, на хрен. О чем ты думаешь?!

Он отвернулся от витрины и направился к дому, если можно назвать домом ту двухкомнатную лачугу с пристроенным сараем, в которой он живет. Проходя под навесом, он посмотрел на дверь... и снова остановился.

На двери висела табличка с надписью:

ОТКРЫТО

Словно во сне, Хью взялся за ручку и повернул ее. Дверь легко подалась. Над головой звякнул маленький серебряный колокольчик. Впечатление было такое, что звук доносился откуда-то издалека.

Посреди магазина стоял человек. Он орудовал щеткой из перьев, смахивая пыль с прилавка, и что-то тихонечко напевал себе под нос. Услышав звон колокольчика, он повернулся к Хью. Его, похоже, нисколько не удивило, что кто-то пришел в магазин в десять минут одиннадцатого, вечером в среду. Хью не сумел разглядеть лица человека за прилавком, но его глаза он увидел отчетливо, и они поразили его. Даже не карие, а абсолютно черные, как у индейца.

— Парень, ты забыл перевернуть табличку на дверях, — услышал Хью собственный голос.

— Нет, вовсе нет, — вежливо отозвался мужчина. — Я, знаете ли, плохо сплю и иногда долго не закрываюсь. А вдруг кто-нибудь да заглянет из поздних прохожих... вот как вы, например... и что-нибудь себе приглядит. Не хотите войти осмотреться?

Хью Прист вошел в магазин и закрыл за собой дверь.

7

— Там у вас лисий хвост... — начал Хью, запнулся, откашлялся, прочищая горло, и попробовал еще раз. Но вместо нормальных слов выходило какое-то хриплое, неразборчивое бормотание: — Там у вас лисий хвост в витрине.

— Да. — Хозяин кивнул. — Очень красивый, правда?

Он держал щетку перед собой и с интересом смотрел на Хью поверх букета из перьев, скрывавших нижнюю половину его лица. Хью не видел его рта, но был уверен, что тот улыбается. Обычно его напрягало, если кто-то — и особенно человек незнакомый — улыбается при разговоре с ним. Хотелось сразу же дать по морде. Однако сегодня его это не раздражало. Может быть, потому, что сегодня он принял всего половину своей обычной дозы.

— Да, — согласился Хью. — Он просто роскошный. Когда я был маленьким, у отца был кабриолет с таким же вот лисьим хвостом, прикрепленным к антенне. В этом убогом городишке никто не верит, что когда-то и я был ребенком, но это действительно так. Как и все.

— Конечно. — Хозяин пристально смотрел на Хью, и — странная вещь — Хью казалось, что его глаза *растут* и становятся все больше и больше, заполняя собой все пространство. Хью не мог отвести от них взгляда. От слишком долгого контакта «глаза в глаза» ему тоже обычно хотелось набить собеседнику морду. Но сегодня такого желания не возникло.

— Я тогда думал, что лисий хвост — самая роскошная вещь в мире.

— Конечно.

— Роскошно — так мы тогда говорили. Не то что сейчас: *круто*. Или: *кайфово*... я вообще не понимаю, что это за хрень собачья.

Хозяин «Нужных вещей» ничего не ответил на это. Он просто молча смотрел на Хью Приста своими черными индейскими глазами через листву метелки из перьев.

— Как бы там ни было, я хочу его купить. Он продается?

— Конечно, — в третий раз произнес Лиланд Гонт.

Хью почувствовал облегчение и внезапную радость. У него вдруг появилась уверенность в том, что все будет в порядке — абсолютно *все*. Что в общем-то было безумием чистой воды: в Касл-Роке и трех ближайших городах трудно было бы найти человека, которому он не был должен денег, уже полгода он висел на волоске под угрозой увольнения, его «бьюик» держался на ходу лишь святыми молитвами... и все же, все же, все же...

— Сколько? — спросил Хью. Он впал в легкую панику, потому что не знал, хватит ли у него денег. Или еще того хуже: хвост будет стоит немерено, но он все-таки наскребет необходимую сумму завтра или послезавтра, а потом вдруг окажется, что хвост уже продан.

— Ну, так сразу не скажешь. Это зависит...

— От чего?

— От того, сколько ты готов заплатить.

Словно во сне, Хью достал из заднего кармана свой потертый бумажник.

— Убери это, Хью.

Разве я называл ему свое имя?

Он не помнил, но бумажник убрал.

— Выворачивай карманы. Прямо сюда, на прилавок.

Хью вытащил из карманов все. Складной нож, упаковка мятных леденцов, зажигалка «зиппо», около полутора долларов мелочью, пересыпанной табаком. Монеты звякнули о стекло.

Мужчина нагнулся над прилавком и исследовал кучку.

— Вполне подойдет, — сказал он и провел щеткой по этой скудной коллекции. Когда он убрал ее, на прилавке остались нож, зажигалка и конфеты. Все монеты исчезли.

Хью наблюдал за происходящим без всякого удивления. Он молчал, как говорящая игрушка с севшими батарейками. Высокий мужчина сходил к витрине, вернулся с лисьим хвостом и положил его на прилавок рядом с маленькой кучкой вещей из карманов Хью.

Хью медленно протянул руку и погладил мех, густой и прохладный. Он пощелкивал статическим электричеством. Гладить этот мех — все равно что гладить ясную осеннюю ночь.

— Хорош? — спросил хозяин.

— Хорош, — рассеянно согласился Хью и собрался взять хвост с прилавка.

— Подожди, — резко проговорил хозяин, и Хью тут же отдернул руку. Он смотрел на Гонта с такой неизбывной обидой, что она была больше похожа на горе. — Ты еще не расплатился.

— Да, — согласился Хью. *Я как под гипнозом*, подумал он. *Черт, кажется, этот парень меня загипнотизировал.* Но это было не важно. Даже немного... приятно.

Он опять потянулся к бумажнику, но как будто в замедленной съемке.

— Да оставь ты его, ты, осел, — раздраженно сказал мистер Гонт и отложил в сторону свою щетку.

Рука Хью безвольно повисла.

— Почему, интересно, почти все люди уверены, что все решают их деньги? — ворчливо спросил Гонт.

— Не знаю, — сказал Хью. Он никогда не задумывался об этом. — Глупо как-то получается.

— *Хуже*, — отрезал Гонт. Теперь в его голосе появились сварливые, раздраженные нотки, как будто он либо очень устал, либо сильно разозлился. Впрочем, он действительно утомился — сегодня был длинный день, насыщенный событиями. Он многого добился, но работы еще предстояло немало. Непочатый край. — *Намного* хуже. Это *преступная* глупость! Знаешь что, Хью? В мире полно людей, которым что-то такое нужно, но которые не понимают, что все продается, буквально *все*... если ты согласен платить. Они прикрывают свой идиотизм красивыми словесами и гордятся своим здоровым цинизмом. Но все это полная чушь!

— Чушь, — механически согласился Хью.

— Те вещи, которые нужны *по-настоящему*, за деньги не купишь. Самый толстый бумажник в этом городе не стоит пота из подмышки рабочего человека. Полная *чушь!* А души! Если бы мне давали пять центов всякий раз, когда я слышу: «Я продам душу за то-то и то-то», — я бы давно уже прикупил себе Эмпайр-Стейт-Билдинг! — Он наклонился поближе к Хью, и его губы растянулись в нездоровой улыбке, обнажившей неровные зубы. — Скажи-ка мне вот что, Хью: на кой ляд, во имя всех тварей земных и подземных, сдалась мне твоя душа?

— Наверное, ни на какой ляд не сдалась. — У Хью было странное ощущение, что его собственный голос доносится издалека. Как будто со дна глубокой, темной пещеры. — К тому же она сейчас не совсем в форме.

Мистер Гонт как-то разом расслабился и выпрямился за прилавком.

— Ладно, хватит лжи и полуправды. Хью, ты знаешь женщину по имени Нетти Кобб?

— Полоумную Нетти? Ее здесь, в городе, все знают. Она убила своего мужа.

— Да, мне говорили. А теперь слушай меня, Хью. Слушай внимательно. А потом забирай свой хвост и отправляйся домой.

Хью Прист слушал очень внимательно.

Снаружи лил настоящий дождь. И вдобавок поднялся ветер.

8

— Брайан! — резко проговорила мисс Рэтклифф. — Как тебе не стыдно, Брайан Раск! От тебя я такого не ожидала! Выйди к доске! Сейчас же!

Он сидел на задней парте в подвальном классе, где проходили логопедические занятия, и, кажется, только что сделал что-то плохое — ужасно плохое, судя по тону мисс

Рэтклифф, — но не знал, что именно, пока не встал на ноги. Только тогда он заметил, что он совершенно голый. Его накрыло горячей волной стыда, но вместе с ней пришло и возбуждение. Он посмотрел вниз на свой пенис и испугался, увидев, что тот встает.

— Я сказала, выйди к доске!

Он медленно двинулся по проходу. Остальные ребята — Салли Мейерс, Донни Франкель, Нони Мартин и бедный дебил Слопи Додд — откровенно смеялись над ним.

Мисс Рэтклифф стояла за своим столом, уперев руки в бока и сверкая глазами. Ее роскошные темно-каштановые волосы были как облако света вокруг ее головы.

— Ты плохой мальчик, Брайан, очень плохой.

Он тупо кивнул головой, но его пенис поднял СВОЮ голову, и, казалось, ОН был вовсе не против того, чтобы побыть плохим. ЕМУ это даже НРАВИЛОСЬ.

Мисс Рэтклифф вложила ему в руку кусок мела. Когда их руки соприкоснулись, он почувствовал проскочившую между ними искру.

— А сейчас, — строго сказала учительница, — ты должен пятьсот раз написать на доске: Я ОБЯЗАТЕЛЬНО РАСПЛАЧУСЬ ДО КОНЦА ЗА СВОЮ КАРТОЧКУ С СЭНДИ КУФАКСОМ.

— Да, мисс Рэтклифф.

Он начал писать, встав на цыпочки, чтобы достать до верха доски. Голыми ягодицами он ощущал теплый воздух в классе. Он дописал только первую строчку из обязательных пятисот Я ОБЯЗАТЕЛЬНО РАСПЛАЧУСЬ ДО КОНЦА ЗА СВОЮ КАРТОЧКУ С СЭНДИ КУФАКСОМ *и вдруг почувствовал, как мягкая рука мисс Рэтклифф легла на его затвердевший пенис и начала нежно его ласкать. Он чуть не упал в обморок от удовольствия.*

— Продолжай писать, — прошептала она, — и я тоже продолжу.

— М-мисс Р-рэ-рэтклифф, а к-как же мои я-языковые уп-пражнения? — спросил Слопи Додд.

— Заткнись, Слопи, или я перееду тебя машиной на стоянке у школы, — сказала мисс Рэтклифф. — Размажу тебя по асфальту, дружочек.

Она продолжала двигать рукой. Брайан уже ничего не писал, а только стонал. Это было неправильно, и он это знал... но все равно так приятно. Ни с чем не сравнимо. Как раз то, что нужно. Именно то, что нужно.

Но когда он обернулся, он увидел, что у него за спиной стояла вовсе не мисс Рэтклифф, а Вильма Ержик с ее бледным лицом и глубоко посаженными карими глазками, похожими на две изюминки в пышном тесте.

— Он ее отберет, если ты не расплатишься до конца, — сказала Вильма. — И это еще не все, дружочек. Он...

9

Брайан Раск проснулся с таким рывком, что чуть не упал с кровати. Он был весь в поту, сердце стучало как молот, а его пенис торчал в пижамных штанах маленьким твердым стручком.

Он сел на кровати. Его била дрожь. Первое, что пришло ему в голову, — надо позвать маму, как он делал, когда был маленьким и ему снились кошмары. Но потом до него дошло, что он уже не маленький, все-таки одиннадцать лет... и вообще это не тот сон, который можно пересказать маме.

Брайан откинулся на подушку и уставился в потолок. Электронные часы на столе показывали четыре минуты первого. С улицы доносился шум сильного дождя. За окном завывал ветер и бился в стекло.

Моя карточка. Моя карточка с Сэнди Куфаксом пропала.

Нет, никуда она не пропала. Умом он это понимал, но знал, что не сможет заснуть, пока не проверит, есть она там или нет — в папке с его коллекцией карточек клуба

«Топпс» сезона 1956 года. Вчера, перед тем как идти в школу, он проверял папку. Вернувшись из школы, снова проверил. И еще вечером, после ужина. Он даже прервал игру со Стэнли Даусоном на заднем дворе — специально, чтобы сходить и проверить ее еще раз. Он сказал Стэнли, что ему надо в туалет. В последний раз он проверял карточку, перед тем как залезть в постель и выключить свет. Брайан понимал, что это уже идиотизм, что он становится одержимым. Да, он все понимал, но это ничего не меняло.

Он выскользнул из постели, не обращая внимания на то, что от прохладного воздуха его разгоряченное тело покрылось гусиной кожей, а пенис обмяк. Он тихо подошел к шкафу с одеждой. На сбившейся простыне остался влажный отпечаток его тела. На шкафу, в пятне белого света от уличного фонаря, лежала большая папка.

Брайан взял ее в руки и начал быстро перебирать прозрачные пластиковые страницы с карманчиками для карточек. Быстренько пролистав Мела Парнелла, Уайти Форда и Уоррена Спана — сокровища, бывшие раньше предметом его несказанной гордости, — он добрался до пустых страниц, так и не обнаружив Сэнди Куфакса. Его сердце упало. Но потом он сообразил, что в спешке перевернул сразу несколько страниц. Пролистал назад, и вот, вот он, Сэнди: узкое лицо, еле заметная улыбка, преданный взгляд из-под козырька бейсболки.

Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс.

Брайан провел пальцами по наклонным черточкам надписи. Его губы шевелились, безмолвно выговаривая слова. Он успокоился... или *почти* успокоился. Карточка была еще не совсем *его*. Это был как бы пробный прокат. Надо было еще что-то такое сделать, чтобы она стала совсем его. Брайан был не уверен, что́ именно нужно сделать, но он знал, что это имело какое-то отношение к сегодняшнему сну и что он все узнает, когда время

(*завтра? или уже сегодня?*)

придет.

Он закрыл папку с наклеенным сверху кусочком картона: КОЛЛЕКЦИЯ БРАЙАНА. РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ! — положил ее обратно на шкафчик и вернулся в постель.

Насчет этой карточки с Сэнди Куфаксом была только одна проблема. Брайану очень хотелось показать ее папе. Возвращаясь домой из «Нужных вещей», он представлял себе, как пойдет разговор, когда он ее достанет. Он, Брайан, как бы между прочим: «Эй, пап, я тут зашел в этот новый магазин и нашел карточку 56-го года. Хочешь посмотреть?» Папа скажет: давай, — но без особого интереса. Он пойдет с Брайаном, просто чтобы не обижать ребенка. Но как загорятся его глаза, когда он увидит, *какую именно* карточку нашел его сын! А когда он увидит автограф...

Да, он удивится и, конечно, обрадуется. Может быть, хлопнет Брайана по плечу и даст ему пять.

Но что *потом?*

Потом начнутся расспросы, и в этом-то и заключалась проблема. Папа захочет знать, во-первых, где он купил эту карточку, и, во-вторых, откуда у него такие деньги. Такая карточка должна стоить немало. Она: а) редкая, б) в великолепном состоянии и в) с автографом. Печатная подпись гласила: *Сэндфорд Куфакс* — и это было полное имя знаменитого питчера. А рукописный автограф был от *Сэнди Куфакса*, то есть среди понимающих коллекционеров цена такой карточки составляет никак не меньше ста пятидесяти долларов.

Брайан прокрутил в уме все возможные ответы.

Я купил ее в новом магазине, пап. «Нужные вещи». Продавец дал мне большую скидку... сказал, что так будет больше покупателей, если он будет удерживать низкие цены.

Задумано было неплохо, но даже ребенок, который ходит в кино по детским билетам, понимал, что этого недостаточно. Когда говоришь, что тебе дали огромную скидку, у окружающих возникают вопросы. Очень *неприятные* вопросы.

Да? И сколько он тебе скинул? Тридцать процентов? Сорок? Отдал за полцены? Брайан, все равно это выходит

шестьдесят — семьдесят баксов, а я знаю, что в твоем банке «Свинья-копилка» таких денег нет.

Ну... даже чуть меньше, пап.

Хорошо. Сколько ты заплатил?

Ну... восемьдесят пять центов.

Тебе продали бейсбольную карточку 1956 года с автографом Сэнди Куфакса в хорошем состоянии за восемьдесят пять центов?

Вот тут и начнутся проблемы. Настоящие проблемы.

Какие? Сложно сказать так вот сразу, но вони будет достаточно — можно не сомневаться. Папа с мамой уж точно придумают, в чем его обвинить.

Вовсе не исключено, что они будут настаивать, чтобы он вернул карточку в магазин. Но это уж извините, этого он ни за что не сделает. Ведь она не просто с автографом; она подписана специально *для Брайана*.

Блин, он даже Стэну Даусону не смог ее показать, когда тот зашел к нему в гости. Не смог, хотя очень хотел. Если бы Стэн увидел такую карточку, он съел бы свою коллекцию «Жокеев» без соли. Стэн должен был в пятницу ночевать у них дома, и Брайан представил себе, как он говорит его папе: *Вам понравилась карточка Сэнди Куфакса, мистер Раск? Кайфовая штука, да?* То же самое получалось и с остальными его друзьями. Брайан открыл для себя одну из главных истин маленьких городов: большинством секретов — на самом деле *всеми* более или менее важными секретами — нельзя делиться ни с кем. Потому что в противном случае уже через несколько дней твой секрет будет знать весь город.

Вот так получилось, что он оказался в очень странном и неудобном положении. У него появилась хорошая вещь, но он не может ее никому показать. Это печальное обстоятельство должно было умалять радость от обладания этой вещью — и так и случилось, до определенного предела, — но при этом Брайан испытывал тайное, чуть ли не скупердяйское удовольствие. Конечно, он был очень рад, что у него есть *такая* карточка, но больше всего ему

нравилось *рассматривать* ее в одиночестве. Так он открыл еще одну истину: когда что-нибудь принадлежит только тебе, в этом есть необычное удовольствие. Как будто кто-то построил глухую стену вокруг его светлой, открытой и добросердечной натуры и установил там специальный фонарь черного света, искажающий все, что попадало под его лучи.

Но он ни за что не вернет эту карточку.

Никогда в жизни.

Тогда тебе лучше быстрей за нее расплатиться, прошептал голос из глубины сознания.

Конечно. Какие проблемы. Он готов расплатиться. Ему казалось, что то, что ему предстояло сделать, — это вообще-то не очень хорошо, но почему-то он был уверен, что ничего особенно страшного в этом не будет. Просто... ну...

Это будет просто шутка, прошептал голос у него в голове, и он увидел глаза мистера Гонта — темно-синие, как море в ясную погоду, они так и лучились покоем. *Просто маленькая, безобидная шутка.*

Ну да, просто шутка, что бы там ни было.

Никаких проблем.

Брайан укрылся одеялом, повернулся на бок, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Но перед тем как окончательно провалиться в сон, он вспомнил слова мистера Гонта. Как он там говорил? *Ты послужишь мне лучшей рекламой, чем все местные газеты.* Но ведь он даже не мог никому показать эту чудесную карточку. Какая же тут реклама?! И если эта простая мысль была очевидной даже для него, одиннадцатилетнего мальчишки, недостаточно сообразительного, чтобы, переходя через улицу, чуть не угодить под машину Хью Приста, то как же такой умный дядька, как мистер Гонт, мог этого не заметить?!

Хотя все может быть. Но может и не быть. Взрослые думают совершенно не так, как должны думать нормальные люди, и потом, карточка-то все равно у него, правильно? Лежит в папке с коллекцией, где ей и положено быть?

Ответ на оба вопроса был положительным, и Брайан решил не грузить мозги. Дождь по-прежнему барабанил в окно, а ветер все так же пронзительно завывал в желобах под карнизом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Дождь лил всю ночь со среды на четверг и прекратился лишь на рассвете, а к десяти тридцати, когда Полли выглянула на улицу из окна своего ателье и увидела Нетти Кобб, небо начало потихонечку проясняться. Нетти семенила по Главной улице, зажав под мышкой свою сумочку и держа в руках зонт.

— Как твои руки? — спросила у Полли Розали Дрейк.

Полли украдкой вздохнула. Сегодня днем ей придется отбиваться от того же вопроса, только заданного более настойчиво: они с Аланом договорились встретиться в три часа в забегаловке у Нан. Нельзя обмануть людей, которые хорошо тебя знают. Они видят, какая ты бледная, видят синяки у тебя под глазами. И самое главное: они видят боль у тебя в глазах.

— Сегодня значительно лучше, спасибо, — сказала она, лишь слегка покривив душой. Рукам было лучше, да. Но вот насчет *значительно* лучше... Ну-ну.

— А я подумала, что из-за дождя и вообще...

— Это непредсказуемо. Никогда не знаешь, от чего они могут разболеться. В этом-то вся проблема. Ладно, Розали, оставим этот разговор. Посмотри лучше в окно. Я думаю, мы сейчас будем свидетелями небольшого чуда.

Розали подошла к окну и тоже увидела маленькую фигурку с зажатым в руке зонтом — Нетти держала его наперевес, как дубинку, — которая приближалась ко входу в «Нужные вещи».

— Это что, правда Нетти? — Розали чуть не подавилась от удивления.

— Да, это она.

— Боже мой, она собирается туда зайти!

На миг показалось, что предсказание Розали все сглазило. Нетти приблизилась к двери... и вдруг отпрянула, словно испугавшись собственной смелости. Она переложила зонтик из одной руки в другую и уставилась на фасад «Нужных вещей», будто это была змея, готовая ужалить.

— Давай, Нетти, — тихо сказала Полли. — Давай же, милая.

— Может, там закрыто? — предположила Розали.

— Нет, там другое. Там написано: ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ. Я заметила утром, когда проходила мимо.

Нетти опять подошла к двери, схватилась за ручку, но потом вновь отступила.

— Боже, она меня *убивает*, — сказала Розали. — Она мне говорила, что собирается зайти посмотреть, и я знаю, как она любит цветное стекло, но если честно, то я не верила, что она и в самом деле пойдет.

— А у меня она спросила, можно ли ей отлучиться из дому, чтобы сходить «в это новое место» и забрать мой контейнер для пирога, — прошептала Полли.

Розали кивнула:

— Да, в этом вся Нетти. Раньше она у меня спрашивала разрешения сходить в туалет.

— Мне кажется, в глубине души она надеялась, что я скажу «нет». Но в то же время ждала, что я скажу «да».

Полли не спускала глаз с поля локального, но жестокого боя, разыгравшегося на улице менее чем в сорока футах от ателье. Это была маленькая война между Нетти Кобб и Нетти Кобб. И какая будет значительная победа, если Нетти и вправду войдет в магазин!

Полли внезапно почувствовала тупую, жгучую боль в руках. Она опустила глаза и увидела, что от волнения сжала кулаки. Усилием воли она раскрыла ладони.

— Дело не в контейнере для пирога и не в цветном стекле, — сказала Розали. — Дело в *нем*.

Полли удивленно посмотрела на нее.

Розали засмеялась и покраснела.

— То есть я не имею в виду, что Нетти влюбилась в него без памяти. Ничего подобного. Хотя, когда я вчера догнала ее на улице, она выглядела немного ошарашенной. Он хорошо к ней отнесся, Полли. Вот и все. Честно и хорошо.

— Многие люди относятся к ней хорошо, — возразила Полли. — Алан из кожи вон лезет, а она все равно его стесняется.

— У нашего мистера Гонта свой подход к людям, — просто сказала Розали, и, словно в подтверждение ее слов, Нетти все-таки повернула ручку и открыла дверь. Потом она замерла на пороге, теребя в руках зонтик, как будто на этом запасы ее решимости истощились. Полли была уверена, что сейчас она закроет дверь и убежит сломя голову. Ее руки, забыв про артрит, снова сжались в кулаки.

Давай, Нетти, входи. Пользуйся благоприятным моментом. Вернись в этот мир.

Тут Нетти улыбнулась — очевидно, кому-то, кого не могли видеть ни Полли, ни Розали. Она опустила свое грозное оружие, зонтик... и вошла в магазин.

Дверь за ней закрылась. Полли повернулась к Розали и была очень тронута тем, что в глазах у Розали стояли слезы. Две женщины посмотрели друг на друга, кинулись друг другу в объятия и засмеялись.

— Так держать, Нетти! — сказала Розали.

— Два-ноль в нашу пользу! — согласилась Полли, и солнце в ее душе засияло на добрых два часа раньше, чем в небе над Касл-Роком.

2

Через пять минут Нетти Кобб уже сидела на одном из обитых плюшем стульев с высокой спинкой, расставленных Гонтом вдоль стены. Зонтик и сумочка валялись

на полу. Гонт сидел рядом, держа ее руки в своих и глядя в ее нерешительные глаза. На прилавке рядом с коробкой от пирога стоял абажур из цветного стекла. Это была очень красивая вещь, и бостонские антиквары оценили бы ее долларов в триста, не меньше; а Нетти Кобб только что приобрела ее за десять долларов сорок центов — все деньги, бывшие у нее в кошельке. Но даже такая замечательная покупка была на время забыта, как зонтик и сумочка.

— Пустяк? — будто во сне, переспросила она и еще крепче вцепилась в руки мистера Гонта. Он ответил на ее пожатие, и у нее на лице промелькнула едва заметная улыбка удовольствия.

— Да, пустячок. Ничего особенного. Вы ведь знаете мистера Китона?

— Да, разумеется, — отозвалась Нетти. — И Рональда, и его сына, Дэнфорда. Я знаю обоих. Вы про которого?

— Про младшего, — сказал мистер Гонт, поглаживая ее ладонь. Ногти его больших пальцев были слегка желтоватыми и очень длинными. — Главу городской управы.

— За спиной его кличут Бастером, — хихикнула Нетти. Звук был резкий, слегка истеричный, но Лиланд Гонт вовсе не выглядел встревоженным. Наоборот. Казалось, что звуки не совсем нормального смеха Нетти доставляют ему удовольствие. — С самого детства.

— Я хочу, чтобы вы расплатились за абажур, подшутив над Бастером.

— Подшутив? — Нетти встревожилась.

Гонт улыбнулся:

— Милая, безобидная шутка. Он и не узнает, что это были вы. Он подумает на кого-то другого.

— Да? — Нетти перевела взгляд на цветной абажур, и что-то мелькнуло в ее глазах: жадность или, может, тоска пополам с удовольствием. — Ну...

— Все будет в порядке, Нетти. Никто не узнает... а у вас будет абажур.

Нетти заговорила медленно и задумчиво:

— Мой муж много раз подшучивал надо мной. Если теперь *я* сыграю над кем-нибудь шутку, это может быть даже весело. — Она встревоженно посмотрела на Гонта. — Он ведь не *пострадает?* Я не хочу, чтобы он *пострадал.* Мой муж пострадал... из-за меня... вы знаете.

— Нет, он ни капельки не пострадает, — мягко сказал Гонт, сжимая ее руки. — Можете не сомневаться. Вам нужно будет кое-что положить в его доме.

— Но как я войду к нему...

— Вот.

Он положил ей на ладонь какую-то штучку. Ключ. Нетти сжала его в руке.

— Когда? — спросила она. Ее блуждающий взгляд снова остановился на абажуре.

— Скоро. — Он отпустил ее руки и встал. — А сейчас, Нетти, давайте я вам упакую этот абажур. Миссис Мартин должна зайти посмотреть на вазы через... — Он взглянул на часы. — Боже, уже через пятнадцать минут! Но я еще успею сказать вам, как я рад, что вы все же решились зайти. В наши дни очень немногие люди понимают и ценят красоту цветного стекла — большинство просто дельцы с кассовыми аппаратами вместо сердца.

Нетти тоже поднялась на ноги. Она смотрела на абажур влюбленными глазами. Судорожная нервозность, с которой она приближалась к магазину, исчезла без следа.

— Какой он красивый, правда?

— Да, — тепло согласился мистер Гонт. — Я просто не могу выразить... как я счастлив от того, что эта вещь попадет в хорошие руки, в хороший дом, место, где ее будут не просто протирать по пятницам и когда-нибудь обязательно разобьют из-за обычного небрежения, а осколки без всякого сожаления выбросят в мусор.

— Я никогда так не сделаю! — вскрикнула Нетти.

— Я знаю, знаю, — успокоил ее мистер Гонт. — В этом все ваше обаяние, Нетишия.

Нетти изумленно уставилась на него:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Это моя особенность. Я никогда не забываю имен и лиц.

Он зашел за занавеску и вскоре вернулся с куском белого картона и ворохом упаковочной бумаги. Положил бумагу рядом с контейнером Полли (бумага тут же начала расправляться, с таинственным шорохом и треском превращаясь в некое подобие гигантского корсета), он сложил из картона коробку точно по размеру абажура.

— Я знаю, что лучше вас за этой вещицей никто не присмотрит. Поэтому я вам ее и продал.

— Правда? А я думала... мистер Китон... и эта шутка...

— Нет, нет, нет! — сказал мистер Гонт с мягким смехом. — Эту шутку может сыграть кто угодно! Люди любят подшучивать друг над другом! А вот свести вместе вещи и людей, которые в них нуждаются и будут любить их и холить... это, как говорится, другой компот. Иногда, Нетишия, мне кажется, что *на самом деле* я продаю счастье... как вы думаете?

— Может быть, — честно сказала Нетти. — Я знаю одно: меня вы точно сделали счастливой, мистер Гонт. Очень счастливой.

Он расплылся в широченной улыбке, обнажившей неровные, наползающие друг на друга зубы.

— Замечательно! Просто отлично! — Мистер Гонт запихнул в коробку оберточную бумагу, аккуратно уложил абажур в эту хрустящую белизну и закрыл коробку. — Вот и готово! Еще один довольный покупатель нашел свою нужную вещь.

Он вручил Нетти коробку. Когда их пальцы соприкоснулись, она невольно вздрогнула от отвращения, хотя пару минут назад сама сжимала их с такой силой — и даже пылом. Но тот эпизод уже начал стираться из памяти. Мистер Гонт поставил контейнер для пирога поверх белой коробки. Из него торчала какая-то бумажка.

— А это что?

— Записка вашей хозяйке, — ответил Гонт.

Нетти встревожилась:

— Там что-нибудь про *меня?*

— Святые угодники, нет, конечно! — засмеялся Гонт, и она чуть расслабилась. Его смех отметал любое сопротивление и недоверие. — Храните свой абажур, Нетишия, и заходите еще.

— Да, конечно, — сказала Нетти, и это было ответом на оба пожелания, но в глубине души (в этом хранилище тайн и секретов, где нужды и страхи толпятся, пихаясь локтями, как пассажиры в переполненном вагоне метро) она знала, что, даже если она и зайдет сюда еще раз, все равно она больше уже ничего здесь не купит.

Ну и что с того? Абажур был просто *шикарным*, она давно о таком мечтала, как раз такого ей и не хватало для полноты ее скромной коллекции. Она подумала, стоит ли рассказать мистеру Гонту, что ее муж мог бы жить до сих пор, если бы четырнадцать лет назад не разбил абажур из цветного стекла, очень похожий на этот. И это было последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. За годы совместной жизни он столько раз избивал ее, причем нередко дело заканчивалось переломами, однако она его не убивала. Но когда он разбил абажур — отобрал у нее то единственное, что ей было *по-настоящему* нужно, — она в ответ отобрала у него жизнь.

Она решила, что ей не надо ничего говорить мистеру Гонту.

Такие люди, как он, сами все знают и понимают.

3

— Полли, Полли, она выходит!

Полли оставила портняжный манекен, на котором медленно и осторожно подрубала подол платья, и поспешила к окну. Из «Нужных вещей» вышла Нетти, нагруженная, как говорят, под завязку. На локте у нее висела сумочка, под мышкой был зажат зонтик, а в руках она

несла какую-то белую коробку, на которой балансировал контейнер для пирога.

— Пойду помогу ей, — сказала Розали.

— Нет. — Полли мягко удержала ее за локоть. — Лучше не надо. Она от этого лишь засмущается.

Они наблюдали за тем, как Нетти идет по улице. Она больше не семенила: скорее — плыла.

Нет, подумала Полли, *даже не так. Не плыла, а... парила.*

У нее в голове что-то щелкнуло, и из каких-то перекрестных ассоциаций родилась мысль, которая заставила Полли прыснуть со смеху.

Розали взглянула на нее, удивленно приподняв бровь.

— Ты чего?

— Ты посмотри на ее лицо, — сказала Полли, глядя, как Нетти медленно и мечтательно переходит Линден-стрит.

— А что у нее с лицом?

— Она похожа на женщину, которая только что переспала с мужчиной... и испытала как минимум три оргазма.

Розали слегка покраснела, еще раз взглянула на Полли и тоже засмеялась. Подруги повисли друг на друге, чуть ли не рыдая от смеха.

— Боже, — выдохнул Алан Пангборн с порога. — Дамы хохочут, а ведь еще нет и двенадцати. Не рановато ли для шампанского?

— Четыре! — заходясь смехом, выдавила Розали. Слезы текли у нее по щекам. — Не три, а четыре!

И они снова взорвались хохотом, держась за руки и повизгивая, уже не в силах смеяться, но не в силах и остановиться. Алан же только смотрел на них и озадаченно улыбался.

4

Норрис Риджвик явился в офис шерифа за десять минут до того, как фабричный свисток известил город о наступлении полудня. Он был в гражданском. На этой не-

деле его дежурство приходилось на смену с двенадцати дня до девяти вечера — его любимое время. Пусть кто-то другой занимается всей той грязью, которая иногда вываливается на улицы города после закрытия баров в час ночи. Он *может* с этим справляться, и справлялся уже не раз, но ему всегда было противно до рвоты. Его иной раз и вправду рвало, даже если жертвы ночных происшествий держались на ногах, болтались вокруг и орали, что не станут они дышать в эту говенную трубочку и что они знают свои права. Просто у Норриса был слабый желудок. Шейла Брайхем любила дразнить его — говорила, что он похож на Энди, помощника шерифа из сериала «Твин Пикс», — однако Норрис знал, что это не так. Энди рыдал, когда видел мертвецов. Норрис не плакал. Вместо этого он блевал на них. То есть не то чтобы прямо на них, а где-нибудь в сторонке. Но однажды он чуть было и вправду не облевал Гомера Гамаша, когда нашел его в канаве около кладбища забитым до смерти его же собственным протезом.

Норрис взглянул на расписание дежурств, увидел, что Энди Клаттербак и Джон Лапуант уехали на патрулирование, потом быстренько просмотрел бумажки на доске объявлений. Для него сообщений не было, и это он тоже любил. В качестве удачного завершения — по крайней мере *начала* дежурства — из химчистки пришла его сменная униформа... как и было обещано. То есть ему не придется тащиться домой, чтобы переодеться.

К пластиковому пакету из химчистки была приколота записка: «Эй, Барни, ты мне должен пять долларов и четвертак. В этот раз просьба меня не накалывать, иначе к закату ты станешь мудрее и печальнее». Подписано: *Клат*.

Даже фамильярное обращение в записке не испортило его хорошего настроения. Шейла Брайхем была единственным человеком в офисе шерифа Касл-Рока, считавшим Норриса похожим на персонажа «Твин Пикса» (Норрис не сомневался, что она была также единственной в отделении, кроме него самого, кто смотрел этот сериал).

Остальные помощники шерифа — Джон Лапуант, Сит Томас, Энди Клаттербак — называли его Барни, по имени персонажа Дона Ноттса в старом «Шоу Энди Гриффина». Иногда это его раздражало. Иногда, но не сегодня. Четыре дня спокойного дневного дежурства, потом три дня отдыха. Удачная неделя. Жизнь таки бывает приятной.

Он достал из бумажника две купюры— пятерку и доллар — и положил на стол Клата.

«Вот, Клат, погуляй за мое здоровье», — написал он на обороте бланка ежедневного рапорта, размашисто подписался и положил бумажку с деньгами. Потом взял пакет с формой и направился в туалет. Переодеваясь, он что-то насвистывал, потом посмотрелся в зеркало и угрожающе сдвинул брови. Карающая Длань Закона как она есть. Сегодня злоумышленникам-злодеям из Касл-Рока лучше поостеречься, иначе...

Норрис уловил какое-то движение в зеркале, но прежде чем он успел обернуться, его схватили, развернули и швырнули в стену за писсуарами. Его голова стукнулась о стену, фуражка слетела, и перед ним предстало круглое, красное от ярости лицо Дэнфорда Китона.

— Ты соображаешь, что делаешь, Риджвик? — спросил тот.

Норрис успел забыть про квитанцию, которую он вчера вечером подсунул под дворник машины Китона. Теперь Бастер освежил ему память.

— Отстань от меня! — закричал он, стараясь, чтобы его голос звучал твердо и возмущенно, но получился какой-то жалкий всхлип. От испуга или от злобы — или от того и другого, вот как сейчас, — Норрис всегда краснел, как девчонка. Он почувствовал, что щеки уже начинают гореть.

Китон, который был выше Норриса на пять дюймов и тяжелее фунтов на сорок, хорошенько встряхнул помощника шерифа и отпустил. Потом достал из кармана квитанцию и заорал, размахивая ею перед носом у Норриса:

— Твое имя на этой хреновине или нет?

Как будто Норрис пытался это отрицать.

Норрис Риджвик прекрасно знал, что это была его подпись — пусть факсимильная, но его, — и квитанция была вырвана из его штрафной книжки.

— Ты опять припарковался на месте для инвалидов, — сказал он, отходя от стены и потирая затылок. Черт его подери, шишка будет здоровенная. Первоначальный испуг (а Бастер чуть душу из него не вытряс, чего скрывать) потихонечку проходил. Злость же, напротив, набирала обороты.

— На *каком* месте?

— На месте, предназначенном для людей с физическими недостатками! — выкрикнул Норрис. *К тому же меня Алан попросил выписать эту квитанцию,* хотел он добавить, но все же сдержался. Зачем давать этой жирной свинье лишний повод наехать на хорошего человека? — Тебя же предупреждали, Ба... Дэнфорд, и ты это знаешь.

— *Как* ты меня назвал? — зловеще переспросил Дэнфорд Китон. Красные пятна расцвели на его щеках.

— Это официальный штраф, — проигнорировал Норрис последнюю фразу. — И, как я понимаю, лучше его заплатить. И тебе еще повезло, что я не подам на тебя в суд за нападение на офицера полиции.

Дэнфорд расхохотался. Эхо заметалось в кафельных стенах.

— Я что-то не вижу тут офицера полиции, — сказал он. — Я вижу тощий кусок дерьма, вылепленный в форме телячьей отбивной.

Норрис нагнулся и поднял фуражку. Внутри у него все кипело от страха — Дэнфорд Китон опасный враг — и от злости, которая переходила в ярость. У него дрожали руки. Но он все же сумел аккуратно надеть фуражку и отцентрировать, как полагается.

— Разбирайся с Аланом, если хочешь...

— Я с *тобой* разберусь!

— А я с тобой разговаривать не намерен. Либо ты платишь штраф в течение тридцати дней, Дэнфорд, либо

нам придется тебя арестовать. — Норрис вытянулся во все свои пять футов шесть дюймов и добавил: — Мы знаем, где тебя искать.

Он направился к выходу. Китон, лицо которого напоминало теперь заход солнца в зоне ядерного поражения, шагнул вперед, чтобы встать у него на пути. Норрис остановился и предупреждающе поднял руку.

— Если ты меня тронешь, я упеку тебя в камеру. Слово офицера.

— Ну все, — странным, совершенно без интонаций голосом произнес Китон. — *Ну все!* Ты уволен. Снимай форму и начинай искать другую ра...

— Нет, — произнес твердый голос у них за спиной. Они растерянно обернулись. В дверях туалета стоял Алан Пангборн.

Китон сжал кулаки.

— Не лезь в это дело.

Алан вошел. Дверь тихонько закрылась за ним.

— Нет, — повторил он. — Это я попросил Норриса выписать штраф. И еще я сказал ему, что прощу тебе этот штраф еще до собрания по ассигнованиям. И потом, штраф-то смешной. Всего на пять долларов, Дэн. Что на тебя нашло?

В голосе Алана чувствовалось удивление. Он *действительно* был удивлен и озадачен. Бастер и в лучшие времена не был милашкой и славным парнем, но чтобы *такое*... это был перебор даже для него. С конца этого лета Китон пребывал в состоянии тихой злости, всегда готовой прорваться вспышками ярости. Впечатление было такое, что он ходит на грани срыва. Иногда это чувствовалось в его голосе — Алан не раз замечал это во время собраний, — и у него в глазах иногда появлялось выражение загнанного зверя. Он часто задумывался, может быть, Китон болен. Вот и сейчас он задумался... но решил пока не забивать себе голову. Сейчас ему надо было как можно скорее разобраться с этой довольно паршивенькой ситуацией.

— Ничего на меня не нашло, — натянуто проговорил Китон и пригладил волосы. Норрис не без удовлетворения заметил, что у Китона тоже дрожат руки. — Я просто чертовски устал от таких вот самодовольных придурков... Я пытаюсь хоть что-нибудь сделать для этого города... Черт, я *уже столько сделал* для этого города... И я устал от того, что меня постоянно травят... — Он умолк на секунду, сглотнул слюну и снова взорвался: — Он назвал меня Бастером. Ты же знаешь, как меня это бесит!

— Он извинится, — успокоил его Алан. — Ведь ты извинишься, Норрис?

— Я не знаю, что сделаю, — сказал Норрис. Его голос дрожал, сердце сжималось, но он по-прежнему был очень зол. — Я знаю, что он этого не любит, но дело в том, что он меня ошарашил. Я просто стоял, смотрел в зеркало, поправлял галстук, а он схватил меня со спины и швырнул об стену. Я хорошо приложился головой. Господи, Алан, я мог *такого* наговорить... я сам не помню, что я говорил.

Алан перевел взгляд на Китона:

— Это правда?

Китон опустил глаза.

— Я был просто взбешен, — сказал он, и Алану показалось, что Бастер был близок к раскаянию, насколько это вообще возможно для людей его типа. Он быстро взглянул на Норриса. Похоже, что Норрис тоже это почувствовал. И это было хорошим признаком; это был большой шаг вперед к разминированию этой бомбы-вонючки. Алан слегка расслабился.

— Можем мы считать этот маленький инцидент исчерпанным? — спросил он обоих. — Примем к сведению свои ошибки, чтобы больше их не повторять, и тихо-мирно разойдемся?

— Я согласен, — помедлив секунду, ответил Норрис. Он был тщедушным и тощим, имел дурную привычку оставлять полупустые банки с лимонадом в патрульной машине, его отчеты были форменным безобразием... но сердце у него было доброе. Алан был тронут. Сейчас Ридж-

вик отступал вовсе не потому, что боялся Китона. И если толстый глава городской управы думал, что его здесь боятся, то он очень сильно ошибался. — Прости, что я назвал тебя Бастером, — сказал Норрис. — Я был не прав. — На самом деле он вовсе не считал себя неправым, но сейчас эта маленькая ложь вовсе не повредит.

Алан взглянул на Китона.

— Дэнфорд?

— Ладно, забудем.

Китон произнес это таким преувеличенно великодушным тоном, что Алан снова почувствовал, как в нем закипает яростная неприязнь к этому человеку. Голос, запрятанный где-то в глубинах мозга, голос примитивного подсознания, высказался предельно ясно: *Почему бы тебе не поиметь разрыв сердца, Бастер? Может, окажешь нам всем услугу и наконец сдохнешь?*

— Вот и славно, — сказал Алан. — Договорились...

— Если, — поднял палец Китон.

Алан удивленно приподнял бровь.

— Если — что?

— Если мы что-то придумаем с этой квитанцией. — Он протянул ее Алану, держа двумя пальцами, будто это была тряпка, которой только что вытерли какую-то подозрительную жидкость.

Алан вздохнул:

— Дэнфорд, зайди ко мне в кабинет. Мы это обсудим. — Он посмотрел на Норриса. — У тебя сейчас дежурство?

— Да, — ответил Норрис. Он все еще злился. Хорошее настроение улетучилось, скорее всего — на весь день. И кто виноват? Эта жирная свинья! А Алан простит ему штраф. Он все понимал — политика, — но приятного в этом было мало.

— Ты пока в офисе? — спросил Алан. Сказать: *«Хочешь переговорить со мной?»* — при зыркающем на обоих Китоне он не мог.

— Нет, — сказал Норрис. — Надо кое-кого увидеть и кое-куда съездить. Поговорим позже, Алан. — Он вышел

из туалета, не глядя протиснувшись между Китоном и дверью. Норрис не знал, что Китону пришлось приложить громадные, почти титанические усилия, чтобы сдержаться и не наподдать ему ногой под зад.

Алан рассматривал свое отражение в зеркале, дожидаясь, пока Норрис не отойдет подальше, а Китон неприязненно смотрел ему вслед. Потом шериф вышел в коридор, увлекая за собой Китона.

В одном из двух кресел напротив его кабинета сидел маленький аккуратный человечек в белом костюме и нарочито внимательно читал большую книгу в кожаном переплете — Библию. У Алана упало сердце. Он очень надеялся, что инцидент в туалете исчерпал лимит гадостей на сегодняшнее утро — через две-три минуты наступит полдень, так что он имел все основания на это надеяться, — но все надежды рассыпались прахом.

Преподобный Уильям Роуз закрыл свою Библию (почти такую же белую, как и его костюм) и вскочил на ноги.

— Шериф... э... Пангборн. — Преподобный отец Роуз был одним из тех дремучих баптистов, которые во время эмоционального напряжения начинают заикаться, бекать и мекать. — Можно мне с вами переговорить?

— Дайте мне пять минут, преподобный отец. Мне нужно закончить одно небольшое дело.

— Это чрезвычайно... э... важно.

Не сомневаюсь, подумал Алан.

— И это тоже. Пять минут.

Он открыл дверь и чуть ли не втолкал Китона в кабинет, прежде чем преподобный Вилли, как любил называть его отец Брайхем, успел еще что-то сказать.

5

— Опять эта «Ночь в казино», — сказал Китон, когда Алан закрыл за ними дверь. — Помяни мое слово, он из-за этого и приперся. Отец Джон Брайхем — дубовый ирлан-

дец, но я все равно предпочитаю его этому скользкому типчику. Роуз — просто высокомерный урод.

Алан подумал: *Чья бы корова мычала...*

— Присаживайся, Дэнфорд.

Китон сел. Алан обошел свой стол, взял штрафную квитанцию, разорвал на мелкие кусочки и выбросил в мусорную корзину.

— Вот. Теперь ты доволен?

— Вполне. — Китон поднялся, чтобы уйти.

— Подожди минуточку.

Кустистые брови Китона сдвинулись, так что снизу его высокого, розового, как у младенца, лба образовалось подобие грозовой тучи.

— Пожалуйста, — добавил Алан, садясь в кресло. Он безотчетно сплел пальцы и попытался изобразить черного дрозда, но вовремя спохватился и положил руки на стол. — На следующей неделе у нас будет собрание. Будем обсуждать бюджет на февраль... — начал Алан.

— Твоя правда, — подтвердил Китон.

— ...и тут дело не столько в финансах, сколько в политике, — продолжал Алан. — Я это знаю, и ты это знаешь. Я только что, у тебя на глазах разорвал штрафную квитанцию, выписанную по всем правилам. Разорвал из политических соображений.

Китон бледно улыбнулся:

— Ты достаточно долго живешь в этом городе, и ты знаешь, как тут делаются дела, Алан. Рука руку моет.

Алан облокотился на спинку кресла, которое издало серию протестующих скрипов и щелчков — эти звуки часто снились ему после длинных тяжелых дней. Как раз таких, каким обещал быть сегодняшний день.

— Да, — сказал он. — Рука руку моет. Но до определенных пределов.

Китон снова насупился:

— Что это значит?

— Это значит, что всему есть предел. Даже в маленьких городах, где все друг на друге повязаны. В какой-то

момент политика кончается. Наверное, нужно тебе напомнить, что я не назначен на эту должность городским советом. Меня выбрали горожане. Наши избиратели. И избрали они меня для того, чтобы я их защищал, охранял и поддерживал правопорядок в городе. Я присягнул. То есть дал клятву. И я сделаю все, чтобы ее сдержать.

— Ты что, угрожаешь мне? Потому что если ты мне угрожаешь...

И тут взревел фабричный гудок. В помещении он звучал приглушенно, но Дэнфорд Китон все равно подскочил как ужаленный. Его глаза на мгновение широко распахнулись, а руки намертво вцепились в стул, на котором он сидел.

Алан опять удивился. *Он же весь возбужден, как кобыла в течке. Что с ним такое?*

Впервые у него появилась мысль, что у мистера Дэнфорда Китона — главы городской управы Касл-Рока еще с тех времен, когда сам Алан даже не слышал об этом городке, — рыльце может быть в пушку. По самые уши.

— Я тебе не угрожаю, — сказал он спокойно.

Китон немного расслабился, но все же не до конца... как будто он опасался, что гудок вновь пропоет свою песню, чтобы выставить его в дураках.

— Вот и хорошо, потому что дело не только в деньгах. Городская управа вместе с тремя окружными уполномоченными согласовывает наем — и увольнение — помощников шерифа. Плюс еще уйма всяких согласований, о которых, надеюсь, мне нет нужды тебе напоминать.

— Это всего лишь формальность.

— Так было раньше, — согласился Китон. Потом достал из внутреннего кармана сигару «Руа-Тан» и стал разминать ее между пальцами, хрустя целлофаном.

И кто кому теперь угрожает? — подумал Алан, но вслух этого не сказал. Он просто откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на Китона. Китон выдержал этот взгляд всего пару секунд и снова уставился на сигару, продолжая шуршать упаковкой.

— Если ты еще раз поставишь машину на месте для инвалидов, я сам тебя оштрафую, и *эта* квитанция не полетит в мусорную корзину, — сказал Алан. — И если ты еще раз поднимешь руку на кого-нибудь из моих помощников, я предъявлю тебе обвинение в нападении на сотрудника при исполнении. И это произойдет вне зависимости от того, сколько так называемых согласований мне требуется от управы. Потому что политика тут уже не действует. Ты это понимаешь?

Китон долго не отвечал. Он сосредоточенно разглядывал сигару, словно медитируя. Потом он поднял глаза, превратившиеся в холодные маленькие стекляшки.

— Если ты хочешь проверить, насколько я крут, можешь давить дальше.

На лице Китона читалась неприкрытая злость, но Алану показалось, что там было еще кое-что. Например, страх. Или ему это действительно показалось? Алан не был уверен, но это было не важно. Важно было другое: то, чего так боялся Китон. А он явно чего-то боялся.

— Ты понимаешь? — повторил он.

— Да. — Китон рывком содрал упаковку с сигары и швырнул ее на пол. — А *ты меня* понял? — спросил он с сигарой в зубах.

Алан подался вперед и серьезно посмотрел на Китона:

— Я понял, что ты говоришь, но черт меня подери, если я понимаю, что ты делаешь, Дэнфорд. Мы с тобой никогда не были лучшими друзьями...

— Это уж точно, — заявил Китон и откусил кончик сигары.

Секунду-другую Алан думал, что он выплюнет его на пол, и был готов закрыть на это глаза — политика-политика, — но Китон выплюнул его на ладонь и положил в девственно-чистую пепельницу, стоявшую на столе. Одинокий кусочек сигары был похож на крохотный образец собачьего дерьма.

— Но у нас всегда были нормальные рабочие отношения. И вот теперь между нами, похоже, возникло какое-то

недоразумение. Что-то не так? Если да и я могу чем-то помочь...

— Все в порядке. — Китон вскочил на ноги. Он опять разъярился, вскипел. Алан чуть ли не воочию видел струи пара, бьющие у него из ушей. — Я просто устал от этой постоянной... *травли*.

Он использовал это слово уже второй раз. И уже второй раз Алан нашел его странным и неуместным. На самом деле *весь* их разговор был странным и неуместным. И явно не совсем нормальным.

— Ну ладно, ты знаешь, где меня найти, — сказал Алан.

— Ну уж конечно, — бросил Китон, направляясь к двери.

— И пожалуйста, Дэнфорд. Не забывай о стоянке для инвалидов.

— На хрен эту стоянку! — выругался Китон и захлопнул дверь.

Алан еще долго сидел за столом, озадаченно глядя на закрытую дверь. Потом он встал, обошел стол, подобрал с пола смятый пакетик из-под сигары, бросил его в мусорную корзину и открыл дверь, чтобы пригласить преподобного Парохода Вилли.

6

— Мистер Китон выглядел очень расстроенным, — сказал преподобный Роуз. Он бережно усадил себя в кресло, только что освобожденное главой городской управы, с отвращением посмотрел на кончик сигары в пепельнице и уложил свою белую Библию на тощие колени.

— В следующем месяце у них запланировано много встреч и совещаний, — неопределенно ответил Алан. — На всю управу ложится большая нагрузка.

— Да, — согласился преподобный Роуз. — Как сказал нам Иисус: отдай Цезарю цезарево, а Богу — богово.

— Ага, — уныло пробормотал Алан. Ему вдруг захотелось курить. Что-нибудь очень крепкое, вроде «Лаки Страйк» или «Пэлл-Мэлла», под завязку набитое смолами и никотином. — Чем я обязан вашему визиту, преподобный... Роуз? — Он ужаснулся, поймав себя на том, что только что чуть не назвал святого отца преподобным *Вилли*.

Роуз снял свои круглые очки, протер их и водрузил обратно на нос. Его черные волосы, намазанные каким-то пахучим бриолином, запах которого Алан не мог опознать, блестели в лучах лампы дневного света, вделанной в потолок.

— Я хотел поговорить с вами о том непотребстве, которое отец Джон Брайхем называет «Ночью в казино», — в конце концов объявил преподобный Роуз. — Если вы помните, шеф Пангборн, я приходил к вам сразу после того, как услышал об этой ужасной затее, чтобы потребовать — во имя благоразумия — отказать им в разрешении на столь мерзостное мероприятие.

— Преподобный Роуз, если вы помните...

Роуз повелительно поднял одну руку, а вторую запустил в карман пиджака. Он вытащил из кармана брошюру размером со среднюю книгу, в которой Алан с упавшим сердцем (но без особого удивления) узнал сокращенную версию «Свода законов штата Мэн».

— И вот я вернулся, — голос Роуза звенел, как натянутая струна, — чтобы потребовать от вас запрещения этого мероприятия не только во имя благоразумия, *но и во имя закона!*

— Преподобный Роуз...

— Вот. Раздел 24, подраздел 9, параграф 2 «Свода законов штата Мэн», — перебил его преподобный Роуз. Его щеки пылали, и Алан с унынием заключил, что за последние пару минут он сменил одного безумца на другого. — Кроме специально оговоренных случаев... э, — читал преподобный Роуз. Его голос постепенно приобретал интонации церковной проповеди, знакомые наиболее истовым

прихожанам. — Азартные игры, ранее перечисленные в разделе 23 настоящего «Свода...» э-э, в которых принимаются денежные ставки, являются незаконными. — Он захлопнул брошюру и воззрился на Алана. — *Являются незаконными!!!* — повторил он с нажимом.

Алан едва подавил порыв воздеть руки к небесам и заорать: «Слава Иисусу!» Когда этот безумный порыв прошел, он сказал:

— Я в курсе того, что написано в разделах, запрещающих азартные игры, преподобный Роуз. Я изучил их еще после вашего первого визита и показал их Альберту Мартину, юристу управы. По его мнению, раздел 24 не применим в случае с «Ночью в казино». — Он сделал паузу и добавил: — И я сам, кстати, придерживаюсь такого же мнения.

— Невозможно! — вскинулся Роуз. — Они хотят превратить Дом Господень в логово игроков, и вы мне говорите, *что это легально?*

— Вполне легально, так же как и лотереи, которые «Дщери святой Изабеллы» устраивают с 1931 года.

— Это... э... не лотерея! Это рулетка!.. Игра в карты на деньги! Это... — преподобный Роуз аж задрожал, — *игральные кости!*

Алан снова поймал себя на том, что он пытается изобразить пальцами очередную птицу, и опять положил руки на стол.

— Я попросил Альберта послать запрос Джиму Тьерни, генеральному прокурору штата. Ответ был таким же. Я прошу прощения, преподобный Роуз. Я знаю, вас это оскорбляет. Меня, к примеру, бесят дети на скейтбордах. Я бы с удовольствием объявил эту забаву вне закона, но, к сожалению, не могу. У нас демократия. И иногда нам приходится терпеть что-то такое, что нам не нравится и чего мы категорически не одобряем.

— Но это *азартные игры!* — взмолился преподобный Роуз, и в его голосе звучала настоящая мука. — Это игра на деньги. Как же это законно, когда «Свод законов» гласит...

— То, что они собираются сделать, не является азартными играми. Каждый... участник... на входе делает пожертвование. В обмен они получают равное количество игровых денег. В конце вечера разыгрываются призы. Не деньги, *призы*. Видеомагнитофон, тостер, фарфоровый сервиз и все такое. — И какой-то вредный внутренний чертенок заставил его добавить: — Насколько я понял, первичное пожертвование будет даже облагаться налогом.

— Это греховное непотребство, — сказал преподобный Роуз. Его щеки бледнели. Ноздри раздувались от возмущения.

— А вот это суждение уже моральное, а не юридическое. Так делают по всей стране. Обычное благотворительное мероприятие.

— Да. — Роуз встал, прижав к груди Библию, как щит. — Так делают *католики*. Католики *обожают* азартные игры. Но я положу этому конец, с вашей ли помощью или без оной, шеф Пангборн.

Алан тоже поднялся на ноги.

— Да, и еще кое-что, преподобный Роуз. Я не шеф, а *шериф* Пангборн. Я не могу диктовать вам, что говорить на проповедях, точно так же как не могу указывать отцу Брайхему, какие мероприятия ему можно, а какие нельзя проводить в своей церкви, в доме «Дщерей святой Изабеллы» или в зале Рыцарей Колумба, пока они не нарушают законов штата. Но я могу *посоветовать* вам быть осторожным, и, похоже, вам нужен такой совет.

Роуз холодно взглянул на него и спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что вы сейчас раздражены. Плакаты, которые ваши люди расклеивают по всему городу, — это нормально. Письма в газету — тоже. Но есть предел, которого вам не стоит переступать. Послушайтесь моего совета: оставьте все как есть.

— Когда... э-э... Иисус во Храме увидел блудниц и... э-э... ростовщиков, Он не обращался ни к какому своду

законов, шериф. Когда Иисус увидел этих нечестивцев в Доме Господнем, Он не смотрел ни на какие пределы. *Господь сделал то, что Он должен был сделать, и знал, что Он прав!*

— Да, — спокойно ответил Алан. — Но вы-то не он.

Роуз посмотрел на него долгим взглядом, его глаза сверкали холодным пламенем, и Алан подумал: *Ого. У этого парня явно не все в поряде с головой.*

— Счастливо оставаться, шеф Пангборн, — холодно сказал Роуз.

В этот раз Алан не потрудился его поправить. Он только кивнул и протянул руку, прекрасно зная, что ее не пожмут. Роуз повернулся и пошел к двери, держа перед собой Библию.

— Оставьте все как есть, преподобный Роуз, хорошо?

Роуз не обернулся и не ответил. Он прошмыгнул за дверь и захлопнул ее с такой силой, что зазвенели оконные стекла. Алан сел за стол и сжал руками виски.

Где-то через минуту в кабинет заглянула Шейла Брайхем:

— Алан?

— Он ушел? — не поднимая глаз, спросил Алан.

— Проповедник? Да. Вылетел, как мартовский ветер.

— Элвис покинул здание, — опустошенно пробормотал Алан.

— Что?

— Да так. — Он посмотрел на нее. — Мне бы каких-нибудь сильных наркотиков. Посмотри в сейфе для улик, может, что и осталось.

Она улыбнулась:

— Я уже все проверила. Пустой шкаф. Может быть, кофе поможет?

Он тоже улыбнулся. Время перевалило за полдень, и день должен быть лучше, чем утро. Потому что хуже уже некуда.

— Ладно. Тащи.

— Спасибо за покупку. — Шейла закрыла дверь, и Алан наконец дал волю своим рукам. В хорошем смысле слова. Уже через пару секунд дрозды из теней летали один за другим по освещенной солнцем стене.

7

По четвергам во второй половине дня в средней школе Касл-Рока проходили обязательные кружки и внешкольные занятия. Брайан Раск был отличником, и, поскольку он не участвовал ни в каких театрально-художественных мероприятиях до самой постановки «Зимней сказки», в которой у него была роль, ему разрешали уходить пораньше. Что компенсировало поздние занятия по вторникам.

Звонок с шестого урока еще не успел отзвенеть, а Брайан уже выскочил за дверь школы. У него в рюкзаке лежали учебники и смешно выпиравший наружу плащ-дождевик, который мама заставила его надеть перед выходом из дома.

Он быстро отъехал от школы. Сердце неистово билось в груди. Ему нужно было доделать

(задание)

одну штуку.

Веселую в общем-то штуку. Теперь он знал, что́ ему нужно сделать. Все прояснилось, когда он сидел погруженный в мечты на уроке математики.

Когда Брайан спускался с Касл-Хилл по Школьной улице, впервые за день из-за облаков показалось солнце. Он взглянул влево и увидел мальчика-тень на тени-велосипеде, который составлял ему компанию на мокром тротуаре.

Тебе придется поднажать, чтобы не отстать от меня, дружище, подумал он. *Сегодня у меня много дел.*

Брайан пронесся через деловой квартал, слегка притормаживая только на перекрестках. Он проехал мимо

«Нужных вещей», даже не взглянув в ту сторону. На пересечении Понд-стрит (на которой он жил) и Форд-стрит Брайан свернул направо, вместо того чтобы ехать налево, к своему дому. На перекрестке Форд-стрит и Уиллоу он повернул налево. Улицы Уиллоу и Понд шли параллельно; задние дворы их домов соприкасались друг с другом, разделенные только сетчатым забором.

Пит и Вильма Ержик жили на Уиллоу-стрит.

Тут надо быть осторожнее.

Но он знал, *как* быть осторожным — по дороге из школы он прокрутил все в голове. Дело казалось таким пустяковым, хотя этот план появился у него в голове как бы сам собой — точно так же, как и внезапное понимание, что именно он должен сделать.

В доме Ержиков было тихо, а тротуар перед домом — пуст, но это не значило, что можно расслабиться и успокоиться. Брайан знал, что Вильма по крайней мере полдня работает в магазине Хемфилла на шоссе 117, потому что не раз видел ее там за кассовым аппаратом с ее неизменным платком на голове, но это не значило, что сейчас она там, а не дома. Ее старенький и побитый «юго» мог стоять в гараже, которого не видно с улицы.

Брайан заехал на тротуар, слез с велосипеда и поставил его на упор. Сердце стучало в висках и в горле, как оркестр тамтамов. Он подошел к двери, мысленно репетируя фразы, которые скажет, если миссис Ержик все же окажется дома.

Здравствуйте, миссис Ержик, я Брайан Раск, я живу на той стороне квартала, может быть, вы меня знаете? Я учусь в средней школе, и мы собираемся продавать подписку на журналы, чтобы школьный оркестр мог купить новую униформу, и я решил заранее выяснить, кто хочет на что подписаться. Так что, если хотите, я могу зайти к вам, когда нам раздадут подписные квитанции. А тому, кто продаст больше всего подписок, дадут приз.

На словах это звучало отлично, и вроде все было продумано, но Брайан все равно волновался. Он стоял перед

дверью, вслушиваясь в звуки дома: может быть, радио, или телевизор с очередной серией какой-нибудь «мыльной оперы» (не «Санта-Барбары», рано еще), или пылесос. Но в доме царила полная тишина, что, впрочем, тоже еще ничего не доказывало.

Брайан позвонил. Где-то в глубине дома раздалось еле слышное: *БимБом!*

Он стоял на пороге, ожидая ответа и нервно оглядываясь по сторонам, не заметил ли его кто-нибудь из соседей, но на Уиллоу-стрит не было ни души. А вокруг дома Ержиков шел высокий забор. Очень хорошо. Если ты собираешься сделать

(*задание*)

какую-то штуку, которую ты точно знаешь, что люди (мама и папа, к примеру) не очень одобрят, то высокий забор — это как раз то, что нужно.

Прошло уже полминуты, но никто не открыл ему дверь. Все идет по плану... но лучше перестраховаться. Он снова нажал на звонок, на этот раз — дважды, и из глубин дома послышалось двойное: *БимБом! БимБом!*

Опять — никакого ответа.

Ну, тогда все в порядке. Все просто отлично. В общем-то Брайан действительно нервничал. Все это было ему непривычно и даже немного пугало.

Но как бы там ни было, Брайан не смог удержаться и еще раз огляделся по сторонам, на этот раз — чуть ли не воровато, перекатил свой велосипед, не снимая его с упора, в проход между домом и гаражом, который его знакомые из компании «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже» называли подворотней. Затем он прошел на задний двор. Сердце стучало так, как никогда в жизни. Брайан боялся, что от этого бешеного сердцебиения у него будет дрожать голос. Он очень надеялся, что, если миссис Ержик окажется во дворе — вставляет лампочки или еще что-то делает, — его голос, когда он заговорит о подписке, все же не задрожит. А то она сможет что-то заподозрить. А если она что-нибудь заподозрит,

у него могут возникнуть проблемы, о которых даже думать не хочется.

Он дошел до угла дома. Оттуда была видна примерно половина заднего двора Ержиков. Внезапно все происходящее перестало казаться ему смешным. Вполне безобидная на первый взгляд шутка вдруг превратилась в *подлую* — ни больше ни меньше. Внутренний голос испуганно прошептал: *Давай-ка, родной, садись на свой велик, пока не поздно. Возвращайся домой, выпей молока и обдумай все как следует.*

Да. Это была очень хорошая мысль — очень *здравая* мысль. Брайан уже было развернулся... но тут перед его мысленным взором возникла картина, смявшая и опрокинувшая все, чего добился разумный внутренний голос. Ему представился длинный черный автомобиль — «кадиллак» или «Линкольн Марк-IV», — подъезжающий к его дому. Водитель открывает дверь, и из машины выходит мистер Лиланд Гонт. Только одет он уже не в смокинг, как у Шерлока Холмса в некоторых рассказах. Мистер Гонт, пересекавший сейчас пространство воображения Брайана, был одет в пугающий черный костюм — в точности как у гробовщика, — а его лицо было уже далеко не таким дружелюбным, как раньше. Его темно-синие глаза стали еще темнее от злости, а его губы кривились, обнажая неровные зубы... и это была не улыбка. Он направлялся к дому Брайана, а его длинная тонкая тень была похожа на висельника в фильме ужасов. Когда он дойдет до двери, он не остановится, чтобы позвонить или постучать. Он просто снесет ее. Если мама Брайана попытается встать у него на пути, он оттолкнет ее. Если папа Брайана попытается встать у него на пути, он врежет ему по лицу. И если младший брат Брайана, Шон, попытается встать у него на пути, он отшвырнет его, как бейсболист — мяч. Он поднимется по ступенькам, выкрикивая имя Брайана, и розы на обоях завянут, когда на них упадет тень висельника.

Он найдет меня, подумал Брайан в смятении и страхе. *Не важно, спрячусь я или нет, он меня найдет. Даже*

если я уеду в Бомбей. Он меня найдет. И когда он меня найдет...

Он попытался прогнать это видение, выключить внутренний телевизор, но у него ничего не вышло. Глаза мистера Гонта росли, превращаясь в синие пропасти, манившие вниз — вниз, в ужасную вечность цвета индиго. Он видел, как длинные руки мистера Гонта — его странные средние пальцы превращаются в когти — опускаются ему на плечи. От этого омерзительного прикосновения по коже бегут мурашки. Он слышит, как мистер Гонт буквально ревет: *У тебя есть кое-что принадлежащее мне, Брайан, и ты еще не расплатился за это!*

Я отдам вам ее обратно, кричит Брайан в искаженное злобой, пылающее лицо. *Пожалуйста, отпустите меня. Я отдам вам ее обратно. Только не делайте мне больно.*

Брайан пришел в себя, такой же ошалелый и завороженный, как после захода в «Нужные вещи» во вторник. Но теперь это чувство было уже далеко не таким приятным.

Он *не хотел* отдавать карточку с Сэнди Куфаксом, вот в чем дело.

Он не хотел ее отдавать, потому что это была *его* карточка.

8

Майра Эванс подошла ко входу в «Нужные вещи» как раз в тот момент, когда сын ее лучшей подруги вышел на задний двор Вильмы Ержик. Майра огляделась, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, — и это смотрелось еще более воровато, чем поведение Брайана на Уиллоу-стрит.

Если бы Кора, которая *и вправду* была ее лучшей подругой, узнала, что она здесь и, что более важно, *зачем* она здесь, то, наверное, рассорилась бы с ней на всю жизнь. Потому что Кора *тоже* хотела эту фотографию.

Не важно, подумала Майра. Две поговорки крутились в ее голове, и обе очень даже подходили к данному случаю. Одна: *Первый пришел — первый купил*. Вторая: *То, чего человек не знает, не может ему повредить*.

Как бы то ни было, перед выходом из дома Майра нацепила громадные солнечные очки. *Лучше перестраховаться* — еще одна очень полезная мудрость. Теперь она медленно подошла к двери и изучила табличку:

ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД
ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ

У Майры такого приглашения не было. Он пришла сюда, повинуясь мгновенному порыву, заведенная телефонным разговором с Корой, который состоялся буквально двадцать минут назад.

— Я всю ночь про нее думала, про фотографию! Я просто обязана ее купить, Майра. Нужно было ее купить еще в среду, но у меня в кошельке было всего-то четыре доллара, а я не уверена, что он принимает чеки. Ты же знаешь, как *неудобно*, когда в магазине тебе отказывают принять чек. Я все это время себя ругала. Знаешь, я почти не спала этой ночью. Ты, наверное, думаешь, это глупо, но это *правда*!

Майра вовсе не думала, что это глупо, и она знала, что это правда, потому что *сама* не сомкнула глаз этой ночью. А то, что Кора считает, что фотография должна достаться ей просто потому, что она ее первой увидела — как будто это дает ей какое-то высшее право, — это уже просто бред, и Кора сильно ошибается.

— И вообще, я не думаю, что она ее первой увидела, — тихо буркнула Майра себе под нос. — Вообще-то *я* ее первая увидела. Я.

На самом деле вопрос о праве первооткрывателя этой восхитительной карточки был очень спорным. Бесспорным было одно: то, что чувствовала Майра, представляя

себе, как она входит в комнату к Коре и видит эту фотографию Элвиса на стене над каминной полкой, как раз между Кориной глиняной статуэткой Элвиса и Кориной фарфоровой пивной кружкой в виде Элвиса. Когда она себе это представляла, ее желудок сжимался и мешал биться сердцу. Так она себя чувствовала только раз в жизни — в первую неделю войны с Ираком.

И это было *неправильно*. У Коры столько всяких штучек, посвященных Элвису, и она даже один раз была на его концерте. Он проходил в Концертном зале Портленда, за год или за два до того, как Король был призван на небеса к своей возлюбленной матушке.

— Эта фотография должна быть *моей*, — пробормотала Майра и, собрав всю свою храбрость, постучала в дверь.

Не успела она опустить руку, как дверь отворилась и выскочивший на крыльцо узкоплечий мужчина едва не сбил Майру с ног.

— Простите, — пробормотал он, не поднимая головы. Она еле успела узнать мистера Константина, фармацевта из аптеки «Ла Вердьер». Он перебежал через улицу и быстро пошел в направлении городской площади, прижимая к груди бумажный пакет и не глядя по сторонам.

Повернувшись к двери, Майра увидела мистера Гонта. Он стоял в дверном проеме и улыбался только своими приветливыми карими глазами.

— У меня нет специального приглашения... — тихо сказала она. Брайан Раск, который привык к тому, что Майра всегда говорит очень уверенно и даже властно, сейчас ни за что бы ее не узнал.

— Теперь есть, милая дама. — Мистер Гонт улыбнулся и пропустил ее внутрь. — Я рад, что вы вновь посетили мой скромный маленький магазинчик. Заходите и оставьте здесь толику принесенного с собой счастья!

После быстрой рекогносцировки, подтвердившей, что в магазине нет никого из знакомых, Майра Эванс проскользнула в «Нужные вещи».

Дверь за ней захлопнулась.

Из темноты показалась длиннопалая рука — белая, как у мертвеца, — нащупала висевшее на веревке кольцо и опустила жалюзи.

9

Брайан затаил дыхание и понял это только тогда, когда у него из груди вырвался долгий, свистящий вздох.

На заднем дворе Ержиков было пусто.

Вильма — видимо, вдохновленная хорошей погодой — перед уходом на работу (или куда она там пошла) вывесила сушиться белье. Оно хлопало в три ряда на теплом солнышке и освежающем ветерке. Брайан подошел к задней двери и всмотрелся в темноту дома, прикрывая глаза от солнца. Он увидел пустую кухню, подумал, не постучаться ли на всякий случай, но потом решил, что не стоит — это был просто способ отложить исполнение задуманного еще на несколько минут. В доме никого нет. Лучше всего побыстрее сделать дело и смыться отсюда подобру-поздорову.

Он медленно спустился с крыльца во двор. Веревки, растянувшиеся под грузом рубашек, штанов, белья, простыней и наволочек, были слева. Справа располагался небольшой огородик; все овощи, кроме пары тыквочек, были уже собраны. Сзади был высокий забор из сосновых досок. Брайан знал, что с другой его стороны был двор Хаверхиллов, которые жили всего в четырех домах от его собственного дома.

За ночь ливень превратил двор в настоящее болото — оставшиеся тыквы наполовину утонули в грязи. Брайан нагнулся, набрал две пригоршни темно-коричневой садовой грязи и двинулся к белью, не обращая внимания на тонкие струйки темно-коричневой воды, стекавшие между пальцев.

Самая первая веревка, ближняя к огороду, была во всю длину завешена простынями. Еще сырые, они быстро сохли на теплом ветру. Углы их лениво хлопали. Они были чистыми — девственно-белыми.

Давай, шепнул в голове голос мистера Гонта. *Вперед, Брайан. Как Сэнди Куфакс, вперед.*

Брайан отвел руки назад и вверх, за плечи, ладонями к небу. Он вовсе не удивился, что у него снова напрягся член — как в сегодняшнем сне, — и обрадовался, что не струсил. Сейчас будет *веселье*.

Он резко махнул руками вперед. Грязь сорвалась с его ладоней длинными коричневыми струями и шлепнулась на вздымающиеся простыни, расплющившись вязкими растекающимися параболами.

Брайан вернулся в сад, набрал еще две пригоршни грязи, швырнул их на простыни, снова сходил за грязью, набрал еще и опять швырнул. На него нашло какое-то буйное помешательство. Он без устали носился туда-сюда, набирал грязь и швырял ее на чистое белье.

Он так увлекся, что, наверное, носился бы так до вечера, но тут раздался чей-то крик. Сначала Брайан решил, что кричат на *него*. Он сразу сник и испустил слабый испуганный всхлип. Но потом он сообразил, что это миссис Хаверхилл всего лишь зовет свою собаку с другой стороны забора.

Но так или иначе, пора убираться отсюда. И поскорее.

На секунду он остановился, посмотрел на свою «работу», и ему вдруг стало стыдно.

Простыни защитили собой большую часть одежды, но сами были сплошь в грязи. Осталось лишь несколько редких пятен, по которым можно было узнать изначальный цвет ткани.

Брайан взглянул на свои руки, облепленные землей, и поспешил за угол дома, где был кран. Вентиль в доме не перекрыли, и из муфты ударила холодная струя. Брайан подставил под нее руки и принялся ожесточенно тереть.

Он мыл руки до тех пор, пока мельчайшие следы грязи, включая темные полосы под ногтями, не исчезли совсем. Он даже подержал под водой рукава рубашки.

Закрыв кран, он вернулся к велосипеду, поднял упор и повел его обратно к тротуару. Его сильно перепугала проехавшая по улице маленькая желтая машина. Но это был «сивик», а не «юго». Он без остановки проехал мимо, водитель не заметил маленького мальчика с покрасневшими, обветренными руками, выводившего велосипед на тротуар рядом с домом Ержиков, — маленького мальчика, у которого на лице было написано прописными буквами: ВИНОВАТ!

Когда машина уехала, Брайан сел на велосипед и нажал на педали. Он гнал что есть мочи до самого дома. Онемелость в руках прошла, но взамен они стали болеть и чесаться... и остались такими же красными.

Когда он вошел в дом, мать окликнула его из гостиной:

— Брайан, это ты?

— Да, мам!

То, что он делал во дворе у Ержиков, уже казалось каким-то сном. Разве может приличный мальчик, стоящий в светлой и чистой кухне, — мальчик, который сейчас откроет холодильник и нальет себе молока, — быть тем же самым хулиганом, который набирал полные горсти грязи и швырял ее на чистые простыни Вильмы Ержик?!

Конечно, нет.

Он налил в стакан молока и еще раз осмотрел свои руки. Они были чистыми. Красными, но чистыми. Он убрал молоко обратно в холодильник. Сердце вернулось к своему нормальному ритму.

— Брайан, в школе все хорошо? — донесся голос Коры.

— Все нормально.

— Хочешь посмотреть со мной телевизор? Сейчас начинается «Санта-Барбара», и у меня тут конфеты.

— Да, мам, — сказал он. — Только сначала схожу наверх.

— Не оставляй там стакан с молоком! Оно прокисает, воняет на весь дом и потом еще не отмывается!

— Я принесу его вниз, мам.

— Уж пожалуйста, принеси.

Брайан поднялся наверх и провел полчаса, сидя за столом и мечтая над карточкой с Сэнди Куфаксом. Когда в комнату зашел Шон, чтобы спросить, не хочет ли он сходить с ним в магазин на углу, Брайан захлопнул альбом и сказал Шону, чтобы тот убирался из его комнаты и не возвращался, пока не научится стучаться в дверь, если она закрыта. Он слышал, как брат расплакался в коридоре, но ему было его не жалко.

В конце концов пусть уже учится правилам элементарной вежливости.

10

Начальник тюрьмы закатил грандиозную вечеринку,
Позвал тюремных музыкантов, и те завыли под сурдинку,
Так завыли, что вся тюрьма ходила ходуном,
Вот это веселье — от воплей дрожал весь дом!

Король стоит, широко расставив ноги, его голубые глаза сверкают, колокольчики на его белых брюках звенят. Стекляшки-бриллианты блестят и вспыхивают в лучах прожекторов. Копна иссиня-черных волос закрывает лоб. Микрофон около губ, но все-таки не настолько близко, чтобы Майра не видела капризный изгиб его верхней губы.

Она видит все. Она в первом ряду.

Вдруг ритм-секция замолкает, и он протягивает руку, протягивает руку ЕЙ, как Брюс Спрингстин (который никогда не будет Королем, как бы он ни старался) — той девушке в клипе «Танцующий в темноте».

Сначала она слишком ошеломлена, чтобы хоть что-то сделать, слишком ошеломлена, чтобы сдвинуться с места, но сзади ее подталкивают, и ЕГО рука обхватывает ее за-

пястье, ЕГО рука вытягивает ее на сцену. Она чувствует его ЗАПАХ, смесь пота, выделанной кожи и горячего, чистого тела.

Мгновение — и Майра Эванс в объятиях Элвиса Пресли.

Шелк его костюма скользит под ее руками. Его мускулистые руки прижимают ее к себе. Его лицо, ЕГО лицо, лицо Короля — всего в паре дюймов от ее лица. Они танцуют. Майра Джозефина Эванс из Касл-Рока и Элвис Арон Пресли из Мемфиса, штат Теннесси! Они танцуют на сцене на глазах у четырех тысяч визжащих фанатов, и вокалисты на подпевках повторяют назойливый рефрен пятидесятых: «Let's Rock... Everybody let's rock».

Его бедра соприкасаются с ее бедрами; она чувствует его горячее напряжение возле своего живота. Потом он кружит ее, юбка взлетает вверх, обнажая ее ноги до самых трусиков, ее рука проворачивается в его руке, как ось в подшипнике. Он опять привлекает ее к себе, его рука скользит вниз по ее спине, к выпуклостям ягодиц, и прижимает ее к его телу. Она смотрит вниз и там, среди сияния рампы, успевает разглядеть Кору Раск. Кора смотрит на нее, ее лицо пышет ненавистью и черной завистью.

Но тут Элвис поворачивает к себе ее голову и произносит со своим сиропно-тягучим южным выговором: Дорогуша, нам полагается смотреть друг на друга!

Она не успевает ответить, его мягкие губы запечатывают ей рот; его запах, его близость к ней заполняют весь мир. В мире нет уже ничего, кроме НЕГО. А потом он раздвигает языком ее губы, и вот он уже в ней — его горячий язык. Король рок-н-ролла целует ее взасос — на глазах у Коры, на глазах у всего мира! Он еще крепче прижимает ее к себе, а вокруг гремит музыка, и Майра чувствует, как ее естество разгорается экстатическим жаром. Она никогда в жизни не заводилась вот так — даже тогда, на озере, с Тузом Мериллом. Ей хочется кричать от восторга, но ее рот запечатан его языком, и она впивается ногтями ему в спину, затянутую в шелка, и прижимается к нему бедрами под музыку «Моего пути».

11

Мистер Гонт сидел на одном из своих плюшевых стульев и наблюдал за бурным оргазмом Майры Эванс с равнодушием прирожденного экспериментатора. Она содрогалась, словно в тяжелом нервном припадке: фотография Элвиса зажата в руках, глаза закрыты, грудь судорожно вздымается, колени сжимаются и расходятся, сжимаются и расходятся. Парикмахерская завивка раскрутилась, и влажные волосы падают на лицо неопрятной копной. Двойной подбородок истекает потом, почти как у самого Элвиса во время его последней серии концертов.

— Оооох! — кричит Майра, сотрясаясь, как желе на тарелке. — Оооох! Оооо! О, Бооооже мой! Оооо, Бооожеееее! ОООООО!!!

Мистер Гонт лениво прогладил большим и указательным пальцами безупречную складку на своих черных брюках, резко подался вперед и выхватил фотографию из рук Майры. Ее глаза сразу раскрылись, полные безысходной тоски. Она потянулась за фотографией, но та была уже вне досягаемости. Тогда она начала вставать.

— Сядь, — сказал мистер Гонт.

Майра замерла, словно окаменев. Она так и не выпрямилась до конца, но и не села обратно на стул.

— Если ты хочешь еще раз увидеть эту фотографию, Майра, *сядь*.

Она покорно села, уставившись на него с выражением тупой боли. Большие пятна пота расплылись у нее под мышками и вокруг грудей.

— Пожалуйста, — выдавила она. Слово вышло сухим и пыльным, как ветер в пустыне. Она умоляюще протянула руки.

— Назови свою цену, — предложил Гонт.

Майра задумалась. Ее выпученные глаза сверкали белками на потном лице. Она то и дело нервно сглатывала.

— Сорок долларов! — выкрикнула она.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Пятьдесят!

— Не смеши меня, Майра. Как я понимаю, ты не очень-то хочешь ее получить.

— Хочу! — Слезы выступили в уголках ее глаз и потекли по щекам, смешиваясь с потом. — Я хочууу!

— Ну хорошо, — согласился он. — Хочешь. Будем считать, ты меня убедила. А вот нужна ли она тебе, Майра? Она тебе *нужна*?

— Шестьдесят! У меня больше нет! Правда!

— Майра, разве я похож на ребенка?

— Нет...

— Наверное, все же похож. Я уже старый — старше, чем ты себе представляешь, и годы оставили след у меня на лице, тут уже ничего не попишешь, — но *тебе* я, наверное, кажусь ребенком, ребенком, готовым поверить, что женщина, которая живет в новеньком двухэтажном доме, в трех кварталах от самого шикарного района города, имеет за душой всего шестьдесят долларов.

— Вы не понимаете. Мой муж...

Мистер Гонт встал, держа фотографию в руках. Милый и обходительный господин, уступивший ей дорогу при входе в магазин, исчез, как будто и не бывало.

— У вас ведь не было особого приглашения, Майра? Нет. Я вас впустил исключительно по доброте сердечной. Но теперь, боюсь, мне придется попросить вас уйти.

— Семьдесят! Семьдесят долларов!

— Не испытывайте мое терпение. Пожалуйста, уходите.

Майра упала перед ним на колени. Она судорожно рыдала, глотая слезы, потом скрючилась на полу, обхватив ноги Гонта.

— Пожалуйста! Пожалуйста, мистер Гонт! Мне очень нужна эта фотография! Я без нее не могу! Она... вы даже не представляете, что она со мной делает!

Мистер Гонт взглянул на фотографию Элвиса, и тень отвращения пробежала по его лицу.

— Не уверен, что мне захочется это знать, — сказал он. — На мой взгляд, это как-то уж слишком... потно.

— Но если это будет больше семидесяти долларов, мне придется выписывать чек. Чак узнает. Он спросит, на что я потратила эти деньги. И если я ему скажу, он... он...

— Это, простите, не моя проблема, — заявил мистер Гонт. — Я бизнесмен, торговец, а не консультант по вопросам семьи и брака. — Он смотрел на нее сверху вниз, обращаясь к ее потной макушке. — Не сомневаюсь, что на этот уникальный снимок мистера Пресли в конце карьеры покупатель обязательно найдется... миссис Раск, к примеру.

При упоминании о Коре Майра вскинула голову. Ее глаза превратились в запавшие сверкающие точки. Зубы обнажились в злобном оскале. В это мгновение вид у нее был совершенно безумный.

— Вы продадите фотографию *ей?*

— Я свободный торговец, — сказал мистер Гонт. — Именно свободная торговля сделала нашу страну великой страной. И я был бы вам очень признателен, Майра, если бы вы меня отпустили. У вас руки потные, мне и так уже придется сдавать брюки в химчистку, причем я не уверен...

— Восемьдесят! Восемьдесят долларов!

— В два раза больше, — твердо сказал мистер Гонт. — Сто шестьдесят долларов. — Он улыбнулся, обнажив неровные зубы. — Я приму у тебя чек, Майра.

Она завопила в отчаянии:

— Я не могу! Чак меня *убьет!*

— Может, и так, — согласился Гонт. — Но ты же и так умираешь от страстной и жгучей любви, разве нет?

— Сто! — захныкала Майра, снова хватая Гонта за икры и не давая ему отступить. — Пожалуйста, сто долларов!

— Сто сорок, — отрезал Гонт. — И ни центом меньше.

— Хорошо, — выпалила Майра. — Хорошо, ладно. Я заплачу...

— И разумеется, сделаешь мне минет, — с улыбкой добавил Гонт.

Она ошарашенно уставилась на него и вновь обрела дар речи лишь через пару минут.

— Что вы сказали?

— Отсосешь у меня! — пояснил он. — *Сыграешь на моей дудочке!* Откроешь свой прекрасный опломбированный ротик и *порадуешь моего дружка*.

— Боже мой, — прошептала Майра.

— Как хочешь, — сказал мистер Гонт, отвернувшись.

Она схватила его, прежде чем он успел сделать хоть шаг. Через секунду она уже возилась с его ширинкой.

Какое-то время он просто стоял, явно наслаждаясь ее унижением, а потом шлепнул ее по руке.

— Ладно, не надо. От орального секса у меня начинается амнезия.

— Что...

— Я сказал, оставь. — Он бросил ей фотографию.

Майра неуклюже взмахнула руками, кое-как умудрилась ее поймать и прижала к груди.

— Хотя нет, тебе все же придется *кое-что* сделать.

— Что? — сдавленно просипела она.

— Ты знаешь владельца бара за Оловянным мостом?

Поначалу она покачала головой, но потом поняла, о ком идет речь.

— Генри Бофорта?

— Да. Кажется, он еще владеет заведением под названием «Подвыпивший тигр». Забавное, кстати, название.

— Ну, его самого я не знаю, но имя слышала. — Она ни разу в жизни не заходила в «Подвыпившего тигра», но, как и все в городе, знала, кто им владеет и кто там работает.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты подшутила над мистером Бофортом.

— Подшутила... Как?

Гонт наклонился, взял Майру за потную, скользкую руку и помог ей подняться.

— А это, — сказал он, — мы с вами обсудим, пока вы будете выписывать чек. — Он улыбнулся, и все его обаяние

вернулось. Его карие глаза поблескивали и смеялись. — Да, кстати, хотите, чтобы я завернул фотографию в подарочную упаковку?

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Алан проскользнул в кабинку закусочной «Перекуси у Нан» и уселся напротив Полли. Ему стоило только взглянуть на нее, чтобы понять, что боль не утихла. Мало того: Полли пришлось принимать перкордан и днем, а это случалось очень и очень редко. Он понял это еще до того, как она заговорила и он услышал ее голос; понял, едва взглянув ей в глаза — они изменились. В них появилось какое-то болезненное сияние. Он научился распознавать его... распознавать, но не принимать. Ему это очень не нравилось. Он даже подумал, а вдруг она уже успела «подсесть» на эту гадость. Хотя в данном конкретном случае такую зависимость от лекарств следует считать одним из многих побочных эффектов лечения: что-то подобное предполагалось, врачи знали об этом и даже, наверное, записали в историю болезни, после чего благополучно забыли — из-за главной проблемы, которая заключалась в том, что Полли постоянно жила с болью, которую он, Алан, вряд ли сможет себе представить. Такой вот простой и безжалостный факт.

— Как дела, красавица? — спросил он, очень стараясь, чтобы его голос не выдал его мрачных мыслей. И у него вроде бы получилось.

Она улыбнулась:

— Сегодня был интересный день. *Очедь даже индересдый*, как говорил тот парень из «Вокруг смеха».

— Ты еще не такая старая, чтобы помнить эту передачу.

— Старая-старая вешалка. Кто это, Алан?

Он проследил за направлением ее взгляда и успел заметить женщину с каким-то прямоугольным свертком, которая прошла мимо окна закусочной. Ее взгляд был направлен куда-то вдаль, и шедшему навстречу мужчине пришлось отскочить в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Алан быстро перебрал в голове имена и лица и вычленил информацию «неполную и частичную», как сказал бы Норрис, обожавший полицейскую терминологию.

— Это Эванс. Мейбл или Мевис, что-то в этом роде. Жена Чака Эванса.

— У нее такой вид, будто она только что хорошенько курнула панамской марихуаны, — заметила Полли. — Мне даже завидно.

Сама Нан Робертс подошла к ним принять заказ. Она была ярой баптисткой и состояла в «Воинстве Христовом» преподобного Уильяма Роуза, и на левой груди у нее был приколот маленький желтый значок. Это был уже третий, увиденный Аланом за сегодняшний день, а сколько их еще будет... На значке был изображен игральный автомат в черном круге, перечеркнутый красной диагональной линией. Никаких лозунгов или призывов; мнение носившего этот значок относительно «Ночи в казино» было понятно без слов.

Нан была симпатичной женщиной среднего возраста с пышным роскошным бюстом и сладеньким личиком, сразу напоминавшем о маме и яблочном пироге. По мнению Алана и его помощников, яблочный пирог в закусочной у Нан был выше всяких похвал и особенно — с тающей сверху щедрой порцией ванильного мороженого. Однако многие бизнесмены — в частности, агенты по недвижимости — поимели массу разочарований, рассудив, что характер Нан соответствует ее «сладкому» облику. За милым личиком скрывался беспощадный и хваткий делец, а под пышной громадой груди, в том месте, где у людей обычно располагается сердце, была только стопка бухгалтерских книг. Нан владела немаленькой долей

недвижимости в Касл-Роке, включая по крайней мере пять офисных зданий на Главной улице, и Алан ни капельки не сомневался, что теперь, когда папаша Мерилл почил в бозе, Нан Робертс стала самой богатой особой в городе.

Нан напоминала Алану одну мадам из борделя в Утике, которую он однажды арестовал. Эта женщина предложила ему взятку, а когда он отказался, она очень добросовестно и всерьез попыталась вышибить ему мозги птичьей клеткой. Причем обитатель клетки — золотушный попугай, любивший повторять задумчиво-печальным тоном: «Имел я твою матушку, Фрэнк!» — в этот момент находился внутри. Иногда, замечая, как Нан хмурит брови, Алан чувствовал, что и она тоже способна на что-то подобное. А то, что Нан — которая в последнее время не занималась ничем, кроме кассы, — решила лично обслужить шерифа графства, казалось ему вполне естественным. Это было проявление особого внимания, и на то были свои причины.

— Здорово, Алан! — сказала она в своей обычной грубоватой манере. — Тыщу лет тебя не видела. Где ты пропадаешь?

— А, где только не пропадаю, — ответил Алан. — Там не пропадаю, тут не пропадаю.

— Ну, ты уж не забывай старых друзей. — Нан одарила его сияющей материнской улыбкой. Алан машинально отметил, что надо общаться с Нан долго-долго, чтобы заметить, что хотя она и улыбается постоянно, ее *глаза* улыбаются очень редко. — Заходи к нам почаще.

— Так зри же! Аз есмь тут!

Нан разразилась громким, заливистым смехом, так что люди у стойки — в основном лесорубы — заинтригованно покосились в их сторону. А позже, подумал Алан, они расскажут друзьям, что своими глазами видели, как Нан Робертс запанибрата болтала с шерифом. Как с лучшим другом.

— Кофе, Алан?

— Да, пожалуйста.

— А к кофе, может быть, пирога? Домашний... яблоки из Швеции, с фермы Мак-Шерри. Вчера собрали.

Хорошо еще, что она не сказала, что собирала их лично, подумал Алан.

— Нет, спасибо.

— Уверен? А ты, Полли?

Полли покачала головой.

Нан пошла за кофе.

— Ты ее недолюбливаешь, да, Алан? — тихо спросила Полли.

Его удивил этот вопрос — не то чтобы понравился не понравился, — просто удивил.

— Нан? Да нет, нормально я к ней отношусь. Просто я предпочитаю знать, что человек собой представляет на самом деле.

— И что ему нужно?

— Нет, на это я и не замахиваюсь, — рассмеялся Алан. — Знать хотя бы его намерения — это уже хорошо.

Она улыбнулась — ему очень нравилось, когда она улыбалась, — и сказала:

— Мы еще сделаем из тебя настоящего философа-янки, Алан Пангборн.

Он коснулся ее руки — на людях она постоянно носила перчатки — и улыбнулся.

Нан вернулась с чашкой черного кофе и пузатым кофейником, поставила все на стол и тут же исчезла. *Этого у нее не отнимешь,* подумал Алан, *всегда ведь чувствует, чертовка, когда сказаны все любезности и соблюдены все формальности.* Далеко *не все* люди с интересами и амбициями Нан знают, как вовремя остановиться.

— Так, — Алан отхлебнул кофе, — а теперь расскажи мне про свой интересный день.

Полли вкратце пересказала свои с Розали Дрейк утренние наблюдения: Нетти Кобб на пути к «Нужным вещам», ее сомнения перед дверью магазина — и как в итоге она все-таки собралась с духом и вошла внутрь.

— Но это же здорово, — сказал Алан. Он действительно обрадовался.

— Да, но это еще не все. Она вышла оттуда с *покупкой!* Я никогда раньше не видела Нетти такой довольной. Она как будто... парила. Да, не шла, а *парила* — вот подходящее слово. Ты же знаешь, какая она обычно робкая и зашуганная. И всегда бледная.

Алан кивнул.

— Так вот, у нее был румянец во всю щеку, и волосы были вроде как растрепанные, и она даже несколько раз рассмеялась.

— Ты уверена, что они там занимались только покупками? — Алан театрально закатил глаза.

— Не говори глупостей, — нахмурилась Полли так, как будто сегодня утром она не высказывала ничего похожего в разговоре с Розали. — В общем, она дождалась, пока ты уйдешь, потом вошла и показала нам, что купила. Ты видел ее коллекцию вещиц из цветного стекла?

— Впервые слышу. В этом городе все-таки есть кое-что, что прошло мимо моего внимания. Немного, конечно, но есть. Хочешь — верь, хочешь — не верь.

— Коллекция у нее маленькая — около полудюжины предметов. Бóльшая часть досталась ей от матери. Как-то она мне сказала, что их было больше, но кое-что разбилось. Так вот, она купила очень красивый абажур из цветного стекла. Настоящее чудо. С первого взгляда я даже решила, что это «Тиффани». Это, конечно, не так. Нетти не может позволить себе настоящий «Тиффани». Но абажур просто великолепный.

— А сколько она за него заплатила?

— Я не спрашивала. Но готова поспорить, что чулок, где она хранит деньги, изрядно поистощился.

Алан нахмурился:

— Ты уверена, что ее не надули?

— Послушай, Алан, почему ты всегда такой подозрительный? У Нетти, может быть, не все дома, но в цветном стекле она разбирается — будь здоров. И раз она говорит,

что купила абажур почти даром, значит, так оно и есть. Она была *так* счастлива!

— Ну что ж, замечательно. «Счастливый билет».

— Что?

— Так назывался один магазинчик в Утике, — пояснил Алан. — Давным-давно. Я тогда был совсем маленьким. «Счастливый билет».

— И как? Нашелся там твой счастливый билет? — поддразнила Полли.

— Понятия не имею. Я туда ни разу не заходил.

— А мистер Гонт, кажется, уверен, что для меня у него будет счастливый билетик.

— Что? Ну-ка, ну-ка, рассказывай!

— Нетти принесла мой контейнер для пирогов, и внутри была записка. От мистера Гонта. — Она пододвинула Алану свою сумочку. — Посмотри сам, а то я сегодня с застежкой не справлюсь.

Он на секунду забыл о записке.

— Что, так плохо?

— Плохо, — просто ответила Полли. — Бывало и хуже, но врать не буду... сейчас *очень* плохо. Всю неделю, как похолодало.

— Ты собираешься к доктору Ван Аллену?

Она вздохнула:

— Пока нет. Я надеюсь, что скоро должно полегчать. Каждый раз, когда боль становится невыносимой, так что я готова на стену лезть, все проходит само собой. Так было всегда. Но наверное, когда-то должен настать момент, когда боль возьмет да и не отпустит. Если к понедельнику не полегчает, я пойду к врачу. Хотя он мне ничем не поможет, разве что выпишет рецепт. Алан, я не хочу привыкать к сильным лекарствам, пока еще могу держаться.

— Но...

— И хватит, — мягко прервала его Полли. — На сегодня об этом хватит, договорились?

— Как скажешь, — неохотно уступил Алан.

— Прочти записку. Она очень милая...

Он открыл сумочку и достал тонкий конверт, который лежал на самом верху. Бумага была дорогой и шелковистой на ощупь. *Мисс Полли Чалмерс* — было написано на конверте. Почерк был вычурный, старомодный и очень изящный — словно в каком-нибудь дневнике из музея.

— Это каллиграфический почерк, — с улыбкой сказала Полли. — Раньше, где-то в юрском периоде, такому почерку обучали в школе.

Алан извлек из конверта листок бумаги. В верхней части было напечатано:

«Нужные вещи»
Касл-Рок, Мэн.
Лиланд Гонт, собственник

Рукописная часть была не настолько витиеватой, как на конверте, но и почерк, и обороты речи были приятно-старомодными.

Дорогая Полли.

Еще раз примите мою благодарность за дьявольски вкусный торт. Это мой самый любимый торт — и вкус просто божественный! Также примите мою искреннюю благодарность за Вашу чуткость и доброту — мне кажется, Вы понимали, как сильно я нервничал в день открытия, и тем более сейчас, в межсезонье.

У меня есть одна вещица (вернее, пока ее нет в магазине, но она скоро прибудет авиапочтой вместе с другими товарами), которая, как мне кажется, может Вас заинтересовать. Не буду сейчас ничего говорить; увидите сами. Это в принципе так, безделушка, но как только Вы вышли, я сразу подумал о ней. И должен сказать Вам без ложной скромности: интуиция редко меня подводит. Груз должен прибыть где-то в среду-четверг, так что если у Вас будет желание и время, сделайте мне любезность — загляните ко мне в воскресенье. Я собираюсь весь день провести в магазине — надо составить каталог

товаров — и с удовольствием покажу Вам эту вещь. Опять же, не буду забегать вперед, она скажет сама за себя... если же Вас она не заинтересует, у меня хотя бы будет возможность отблагодарить Вас за Вашу заботу и доброту и угостить Вас чаем!

Надеюсь, Нетти не разочаровалась в своей покупке. Она очень милая женщина, и смею надеяться, что абажур ей понравился.

Искренне Ваш,
Лиланд Гонт.

— Как загадочно. — Алан вернул записку в конверт и убрал его обратно в сумочку. — Ну и что ты думаешь? Пойдешь на «предмет оперативной проверки», как говорят у нас в полиции?

— При такой-то наживке — да еще после этого Нетгиного абажура — как я могу отказаться? Да, наверное, я зайду... если с руками будет получше. Хочешь, пойдем вместе, Алан? Может, ты и себе что-нибудь подберешь.

— Может быть. А может, останусь дома смотреть игру «Патриотс». Когда-нибудь им все-таки нужно выиграть.

— Вид у тебя усталый, Алан. Под глазами круги.

— День был тяжелый. Началось все с того, что мне пришлось разнимать главу городской управы и одного из наших. Иначе они бы устроили драку в комнате для мальчиков.

Полли озабоченно нахмурилась:

— В смысле?

Он рассказал ей о стычке Китона с Норрисом Риджвиком, закончив тем, как странно вел себя Китон: постоянно повторял слова *травля*, весь день, в самые неподходящие моменты. Когда он закончил, Полли надолго замолчала.

— Ну? — не выдержал Алан. — Что ты думаешь?

— Я думаю, что пройдет еще много лет, прежде чем ты будешь знать *все* о Касл-Роке. Наверное, это касается и меня. Я долго отсутствовала, и я никому не рассказываю о том, где я была и как разрешилась «моя маленькая про-

блема». Поэтому, как мне кажется, многие в городе мне не доверяют. Но ты, Алан, ты наблюдаешь, и делаешь выводы, и все помнишь. Знаешь, как я себя чувствовала, когда вернулась в Касл-Рок?

Он покачал головой.

— Как будто переключаешь каналы и вдруг натыкаешься на «мыльную оперу», которую давным-давно перестал смотреть. Даже если ты пропустил пару лет, ты все равно узнаешь персонажей и их проблемы — они по большому счету никогда по-настоящему не меняются. Смотришь сериал и словно надеваешь старые, севшие по ноге туфли.

— О чем это ты?

— Просто тут, в городе, много таких сериальных историй, которых ты не застал. Ты знаешь, что дядя Дэнфорда Китона лечился в Джунипер-Хилл в то же время, что и Нетти?

— Нет.

Она кивнула:

— Ему было около сорока, когда у него начались проблемы... с головой. Моя мать называла его шизофреником. Я не знаю, был ли у него именно этот диагноз или мама сама домыслила, но с ним точно было не все в порядке. Я помню, как он цеплялся к людям на улице и начинал им что-то доказывать: про государственный долг, про то, что Кеннеди — коммунист, и черт знает чего еще, всякую ересь, в общем. Я тогда была еще маленькой девочкой, но помню — меня это очень пугало.

— Еще бы.

— Или вот еще: иногда он ходил по улицам и громко и неразборчиво говорил сам с собой. Мама потом мне рассказывала, что я очень его боялась, когда он был в таком состоянии, пусть даже рядом был кто-то из взрослых. А потом он попытался застрелить свою жену — так я слышала по крайней мере, — но ты же знаешь, как досужие слухи искажают правду. Может, он просто помахал у нее перед носом своим табельным оружием. Но как бы там

ни было, этого было достаточно, чтобы упрятать его в тюрьму. Потом было слушание о его дееспособности, и по окончании судебного разбирательства Билла перевезли в Джунипер-Хилл.

— Он до сих пор там?

— Нет, он уже умер. Как только он попал в клинику, болезнь начала прогрессировать. Перед смертью он впал в кому. Ну, так я слышала.

— О Господи.

— Но это еще не все. Ронни Китон, отец Дэнфорда и брат Билла, в середине семидесятых провел четыре года в психиатрическом отделении в Тогусе. Сейчас он в доме престарелых под специальным присмотром. Болезнь Альцгеймера. А еще была бабушка — или двоюродная сестра, я уже точно не помню. Она покончила с собой в пятидесятых. Там был какой-то скандал. Я не совсем в курсе, но слышала как-то раз, что она предпочитала женщин мужскому полу.

— То есть это у них генетическое? Ты это хочешь сказать?

— Нет. Я ничего не хочу сказать. Просто я знаю чуть больше тебя об истории этого города, потому что это не та история, о которой произносят по праздникам речи с трибуны на городской площади. Я тебе излагаю факты. А делать выводы — это задача полиции.

Она сказала это с таким важным видом, что Алан поневоле рассмеялся. Но мысль уже накрепко засела у него в голове: может ли сумасшествие передаваться в семье генетически? В школе на занятиях по психологии им внушали, что все это — бабушкины сказки. А через несколько лет в Полицейской академии Олбани лектор сказал, что такое случается, хоть и нечасто: определенные душевные заболевания прослеживаются по генеалогическим линиям, в точности как физические особенности — голубые глаза или обилие родинок. В частности — алкоголизм. Но вот упоминал ли он шизофрению? Алан не помнил. Сколько уже лет прошло...

— Наверное, стоит порасспросить людей о Бастере, — задумчиво проговорил Алан. — А то мне что-то не нравится мысль о том, что глава городской управы в любой момент может съехать с катушек. Мне, знаете ли, не нужна здесь граната замедленного действия.

— Да, конечно. Я просто подумала, что тебе нужно об этом знать. И люди будут тебе отвечать... если ты сможешь задать *правильные* вопросы. Если вопросы будут неправильные, то наши добрые горожане будут с радостью наблюдать, как ты ходишь кругами, но не скажут ни слова.

Алан ухмыльнулся. Это была чистая правда.

— Но это еще не все. Как только Бастер ушел, меня осчастливил своим посещением сам преподобный Вилли.

— Шшш! — шикнула на него Полли, так что Алан сразу же прикусил язык. Она осмотрелась, убедилась, что их никто не подслушивает, и повернулась обратно к Алану: — Алан, иногда ты меня удивляешь. Если ты не научишься быть осмотрительнее, то через два года на выборах ты пролетишь, как фанера... и будешь стоять там с озадаченной идиотской улыбкой типа: «А шо случилося?» Нужно быть осторожнее. Если Дэнфорд Китон — это граната, то Роуз — настоящий гранатомет.

Он наклонился к ней и прошептал:

— Никакой он не гранатомет. Самоуверенный и надутый маленький мудачок — вот кто он такой.

— «Ночь в казино»?

Алан кивнул.

Полли накрыла его руки своими.

— Бедный ты мой. А ведь с виду — такой маленький сонный городок!

— Ну, обычно он такой и есть.

— Он злился, когда уходил?

— Злился?! Это еще мягко сказано. Он был просто взбешен, — сказал Алан. — Это был мой второй разговор с добрым и кротким священником о законности «Ночи в казино». Я думаю, что пока католики не проведут наконец это проклятое мероприятие и не успокоятся, мне

предстоит еще не одна встреча с нашей «церковной верхушкой».

— Так, значит, он самоуверенный и надутый маленький мудачок? — тихо спросила Полли. Лицо ее было очень серьезным, но глаза искрились смехом.

— Да. А теперь еще эти значки.

— Какие значки?

— Перечеркнутые игральные автоматы вместо обычных улыбающихся рожиц. Нан такой носит. Кто их придумал?

— Наверное, Дон Хемфилл. Он не только верный баптист, но и член Республиканского комитета штата. Дон кое-что знает об агитационных хитростях, но, мне кажется, он скоро поймет, что, когда речь идет о религии, все становится намного сложнее. — Полли погладила Алана по руке. — Успокойся, Алан. Потерпи. Подожди. В этом почти вся жизнь Касл-Рока: спокойствие, терпение и ожидание ветра, который унесет случайную тучу. Понимаешь?

Он улыбнулся, повернул руки ладонями кверху и взял Полли за руки... но осторожно и нежно.

— Понимаю. Ты свободна сегодня вечером?

— Ой, Алан, я не знаю...

— Никаких танцев-шманцев, — уверил он ее. — Просто разожжем камин, сядем в удобные мягкие кресла, и ты, к моему вящему удовольствию, вытащишь из городского шкафа еще пару-тройку скелетов.

Полли неуверенно улыбнулась:

— Алан, я думаю, что за последние шесть-семь месяцев ты повидал все скелеты, про которые я знаю, включая и те, что в *моем* шкафу. Если хочешь углубить свои знания по касл-рокологии, тебе надо завести дружбу либо со старым Ленни Партриджем, либо... с *ней*. — Она кивнула в сторону Нан и понизила голос: — Разница между Ленни и Нан заключается в том, что Ленни просто собирает информацию, а Нан Робертс пользуется тем, что знает.

— В смысле?

— В смысле, что эта дама не всегда платила полную рыночную цену за принадлежащую ей собственность, — сказала Полли.

Алан задумчиво посмотрел на нее. Он никогда в жизни не видел Полли в таком настроении: сосредоточенной, разговорчивой и подавленной одновременно. Впервые с тех пор, как он стал ее другом, а потом и любовником, Алан задумался, чей голос он сейчас слышит, Полли Чалмерс... или ее одурманивающих лекарств.

— Я думаю, сегодня мне лучше побыть одной, — вдруг сказала она. — Сегодня я не в самой лучшей форме. И это заметно даже по твоему лицу.

— Нет, Полли, это не так.

— Сейчас я пойду домой и приму горячую ванну. И не буду сегодня пить кофе. Я отключу телефон, лягу спать очень рано, и есть шанс, что, проснувшись назавтра, я почувствую себя заново родившейся. И *тогда*, может быть... ну, ты понимаешь. Но только танцы и никаких шманцев.

— Я за тебя очень переживаю, — сказал Аллан.

Она мягко коснулась его руки:

— Я знаю. Это не помогает, но я все равно очень тебе благодарна. Ты даже не представляешь как.

2

По дороге домой, проезжая мимо «Подвыпившего тигра», Хью Прист сбавил скорость... но потом снова нажал на газ. Он приехал к себе, припарковал «бьюик» и вошел в дом.

В доме было две комнаты: в одной из них Хью спал, в другой делал все остальное. В ее центре стоял поцарапанный пластиковый стол, заставленный алюминиевыми поддонами от замороженных полуфабрикатов (в их растекшемся соусе были погребены сигаретные бычки). Хью подошел к открытому шкафу, встал на цыпочки и пошарил на верхней полке. Сперва ему показалось, что лисий

хвост исчез, что кто-то влез в дом и украл его — на секунду он даже запаниковал. Но тут его рука наткнулась на шелковистую мягкость, и вздох облегчения вырвался у него из груди.

Остаток дня он провел, размышляя о лисьем хвосте — как он привяжет его к антенне «бьюика» и как здорово он будет выглядеть, весело развеваясь на ветру. Он хотел привязать хвост к антенне еще утром, но утром был дождь, и Хью совсем не хотелось, чтобы из-за сырости хвост превратился в сырую мохнатую тряпку, уныло свисающую с антенны, как дохлая тушка. Он занес хвост обратно. По дороге он безотчетно гладил рукой мягкий мех. Господи, как это было приятно!

Хью сходил в гараж (где было столько всякого барахла, что с 1984 года машина туда уже не влезала) и после недолгих поисков нашел кусок жесткой проволоки. Так, сначала надо прикрутить лисий хвост к антенне, потом чего-нибудь перекусить, а потом можно ехать в Гринспарк. Собрание общества Анонимных алкоголиков начинается в семь часов в Доме американского легиона. Может быть, начинать новую жизнь уже поздно... но надо хотя бы попробовать. Как говорится, попытка — не пытка.

Он соорудил из проволоки небольшую крепкую петлю и надел ее на толстый конец хвоста. Потом начал прикручивать другой конец к антенне, но пальцы стали терять первоначальную гибкость. Хью почувствовал, что его уверенность куда-то утекает, как вода — в песок, а на освободившееся место заползает сомнение.

Он представил себе, как он ставит машину на стоянке перед Домом американского легиона, — тут все было в порядке. Он входит в зал — и это тоже было вполне нормально. Но потом ему представился тот говнюк-недоносок, который пару дней назад выскочил на дорогу прямо перед его машиной. И вот *этот* мальчишка проходит мимо Дома американского легиона как раз в тот момент, когда он сам — находясь внутри — сидит на собрании Анонимных алкоголиков и рассказывает, что его зовут

Хью П. и что он не может избавиться от тяги к спиртному. Что-то привлекает взгляд мальчика: вспышка ярко-оранжевого в бело-голубом сиянии уличных фонарей, освещающих стоянку. Парень подходит к «бьюику» и смотрит на лисий хвост... потом робко касается, потом гладит его обеими руками. Он оглядывается по сторонам, видит, что поблизости никого нет, и ломает антенну, сдирая хвост. Хью представил себе, как этот маленький сукин сын несется в зал игровых автоматов и хвастается перед друзьями: *Ха, гляньте-ка, что я слямзил на легионовской стоянке! Неплохо, да?*

Хью взбесился в бессильной ярости, как будто все это уже случилось. На самом деле, а не у него в воображении. Он еще раз погладил свою драгоценность и всмотрелся в сгущающиеся сумерки, словно ожидал увидеть на улице толпы вороватых детей, которые собрались на той стороне и только и ждут, пока он приладит хвост и уйдет в дом. И тогда им ничто уже не помешает спереть его лисий хвост.

Нет. Он не оставит хвост без присмотра — не на того напали. В наши дни у детей совсем нет уважения. Они украдут все, что угодно, потому что им просто нравится воровать. Подержат день или два у себя, потом потеряют всякий интерес и зашвырнут куда-нибудь. Эта картина, почти видение — его драгоценный хвост валяется в грязной канаве вместе с обертками от биг-маков и пустыми пивными банками, мокнет под дождем и превращается в грязный ершик — привела его в тихое бешенство.

Только *дурак* может так рисковать..

Хью снял с антенны проволоку, крепившую хвост, вернулся в дом, убрал хвост на самую верхнюю полку и закрыл шкаф. Дверца закрывалась неплотно.

Надо будет купить замок, подумал он. *Дети куда хочешь влезут. Никакого у них уважения, никаких авторитетов. То есть абсолютно.*

Он подошел к холодильнику, достал банку пива, повертел ее в руках и вернул на место. Пиво — даже четырепять банок — не вернет его в норму. Сегодня ему нужно

что-то покрепче. Он открыл нижний шкафчик буфета, разгреб кучу кастрюль и тарелок, сваленных там, и извлек на свет Божий початую бутылку виски «Черный бархат», приберегаемую для особых случаев. Он наполнил стакан сначала наполовину, потом поразмыслил и долил доверху. Опустошив его в два глотка, Хью подождал, пока жидкий огонь растекся по желудку, и снова наполнил стакан. Настроение стало слегка подниматься, и Хью немного расслабился. Взглянув на шкаф, он улыбнулся. Там хвост в безопасности, а когда он купит хороший висячий крейговский замок, будет *совсем уже* в безопасности. Да. Хорошо, когда у тебя есть что-то, что тебе нужно и дорого, но еще лучше, когда ты уверен, что эта вещь так и останется при тебе. Это лучше всего.

Но его улыбка тут же погасла.

Так ты для чего его покупал? Чтобы держать в шкафу за семью замками?!

Хью выпил еще. Ладно, может быть, это действительно не фонтан. Но все-таки лучше, чем если его сопрет какой-нибудь вороватый мальчишка.

— В конце концов, — сказал он вслух, — сейчас уже не 1955 год. Сейчас время другое.

Он кивнул в знак согласия с самим собой. Но в голову все равно лезли самые разные мысли. Для чего он купил этот лисий хвост? Какая ему с него радость?

Впрочем, раздумывал он недолго. Еще две-три порции виски разогнали сомнения. Теперь Хью казалось, что то, что он снял хвост с антенны и убрал его в шкаф, было самым логичным решением. Он решил отложить обед; такое умное и проницательное решение заслуживало вознаграждения — выпить еще.

Он налил себе еще виски, уселся на один из кухонных табуретов со стальными трубчатыми ножками и закурил. И пока он сидел, попивая виски и стряхивая пепел на алюминиевый поднос, его мысли сами собой перешли от лисьего хвоста к Нетти Кобб. Полоумная Нетти. Надо было приколоться над полоумной Нетти. Может, на следующей

неделе, может быть, через неделю... но скорее всего уже на этой. На прощание мистер Гонт сказал, что, насколько он может судить, Хью не из тех, кто любит терять зря время, и Хью, как говорится, решил соответствовать.

Он уже предвкушал, как все будет.

Эта шутка развеселит его. Развеет скуку.

Он пил, курил, а когда — в четверть десятого — пошел в спальню и растянулся на грязных простынях, у него на лице светилась довольная улыбка.

3

Магазин Хемфилла закрывался в семь. Вильма Ержик сегодня работала в вечернюю смену. Она ушла сразу после закрытия и подъехала к дому в пятнадцать минут восьмого. Сквозь опущенные шторы гостиной наружу сочился мягкий желтый свет. Войдя в дом, Вильма принюхалась. Макароны с сыром. Неплохо... для начала.

Пит валялся на диване. Он смотрел «Колесо Фортуны», а на коленях у него лежал портлендский «Пресс-Геральд». Кстати, домашние туфли он снял.

— Я прочел твою записку, — сказал он, быстро вскочив и убрав газету. — И уже поставил запеканку. К половине восьмого можно будет вынимать. — Он смотрел на нее преданным и немного встревоженным взглядом. Как пес, желающий угодить хозяину, Пит Ержик давно научился работать по дому и весьма в том преуспел. У него бывали попытки бунта, но уже очень давно Вильма не заставала мужа валяющимся на диване в обуви, он не пытался курить в доме трубку, и скорее в августе пойдет снег, чем Пит, помочившись, забудет опустить стульчак.

— А белье снял?

На его круглом, открытом лице появилось смешанное выражение удивления и вины.

— Гос-споди! Зачитался и забыл. Я сейчас... — Он уже натягивал туфли.

— Ладно, оставь, — бросила она, направляясь в кухню.

— Вильма, я быстренько!

— Не беспокойся, — притворно-мягко сказала она. — Я вовсе не хочу, чтобы ты отрывался от свой газеты или от Ванны Уайт только потому, что я провела последние шесть часов на ногах, выбивая чеки. Сиди, сиди. Отдыхай.

Ей даже не нужно было оглядываться, чтобы увидеть его реакцию: после семи лет совместной жизни Вильма была стопроцентно уверена, что читает Питера Майкла Ержика как раскрытую книгу. У него на лице будет смесь детской обиды и легкой досады. Когда она уйдет, он еще пару минут постоит посреди комнаты с видом человека, который только что вышел из сортира и не может вспомнить, подтерся он или нет, а потом он отправится накрывать на стол и доставать запеканку. Он задаст Вильме массу вопросов о том, как прошел ее день в магазине, будет внимательно слушать ответы и ни разу не перебьет, порываясь рассказать о том, как прошел день у *него*, в его фирме «Уильямс и Браун», крупном агентстве по недвижимости, расположенном в Оксфорде. Для Вильмы это было в самый раз; она считала, что в мире нет ничего нуднее торговли недвижимостью. После ужина он, не пикнув, уберет со стола, а *она* будет читать газету. И он будет заискивать перед ней из-за такой вот мелочи — что он зачитался и не снял белье. Вильме было совсем не трудно самой снять белье, она даже любила свежий запах чистого белья, которое сохло на солнце, — но Питу об этом знать не обязательно. Пусть это останется ее маленькой тайной.

У нее была масса таких секретов, и хранила она свои тайны по одной-единственной причине: на войне все средства хороши. Иногда по возвращении домой с работы ей приходилось тратить час или даже два на перепалку с Питом, прежде чем он признавал свое полное и безоговорочное поражение, и она заменяла на карте сражения флажки, его белые — на свои красные. Сегодня бой занял всего две минуты, и Вильму это вполне устраивало.

Она была твердо уверена, что семейная жизнь — это пожизненная военная кампания, а в такой длинной кампании, где не берут пленных, не ждут пощады и вражескую территорию выжигают дотла, такие легкие победы могут быстро наскучить. Но это время еще не пришло, и Вильма вышла во двор с бельевой корзиной на сгибе локтя и сердцем, горящим в груди.

Она прошла уже полдвора и только тогда озадаченно остановилась. А где, собственно, простыни?

Они должны быть видны: большие белые прямоугольники в сгустившихся сумерках, — но их не было. Ветром, что ли, унесло? Чушь какая-то. Днем дул ветерок, но не *ураган* же! Или их украли?

Но тут поднялся ветерок, и раздался ленивый хлопок. Ага, стало быть, простыни все-таки где-то тут... Когда ты — старшая дочь в нормальной католической семье, где тринадцать детей, ты сразу узнаешь шорох висящего на веревке белья. Но *этот* звук был какой-то неправильный. Слишком тяжелый.

Вильма сделала еще шаг вперед. Ее лицо, и без того мрачное и угрюмое, как у человека, постоянно ожидающего беды, стало еще мрачнее. Теперь она различала простыни... или что-то, что *должно было быть* простынями. Но они были *темными*.

Она сделала еще шаг, и через двор пронесся порыв вечернего ветерка. Прямоугольники выпучились в ее сторону, и прежде чем Вильма успела выставить руку вперед, на нее навалилось что-то липкое и тяжелое. Что-то скользкое размазалось по ее щекам, что-то густое и влажное облепило ее. Словно ее пыталась схватить громадная холодная и липкая рука.

Вильма была не из тех, кто начинает вопить по любому поводу. Скорее наоборот. Но сейчас она закричала — закричала и выронила бельевую корзину. Снова раздался этот невнятный хлюпающий звук, и она попыталась увернуться от темного силуэта, надвигавшегося на нее. Она задела ногой упавшую корзину и упала на одно колено.

Только благодаря удаче и хорошей реакции она не пропахала носом влажную землю.

Что-то тяжелое и влажное обхватило ее сзади; влажная, липкая масса потекла по шее. Вильма опять закричала, поднялась на карачки и поползла к дому. Волосы выбились из-под платка и щекотали лицо. Это было отвратительно... но липкая, чавкающая ласка темного прямоугольника, висевшего на ее бельевой веревке, была еще более гадкой.

Дверь кухни со стуком распахнулась, и раздался встревоженный голос Пита:

— Вильма? Вильма, что с тобой?

Тяжелое движение у нее за спиной не прекращалось — отвратительные звуки, как будто грязь булькает в чьем-то гигантском горле. За забором, у Хаверхиллов, разлаялась их истеричная шавка — аж зашлась тонким противным визгом, — что не добавило Вильме хорошего настроения.

Она поднялась на ноги и увидела, что Пит удивленно таращится на нее.

— Вильма, ты что, упала? Ты в порядке?

— Да! — яростно закричала она. — Да, я упала! Да, я в порядке! Включи лучше свет!

— Ты не ушиблась...

— *Черт тебя подери, включи свет!* — завопила она и провела рукой по пальто. Рука покрылась липкой грязью. Вильма так разъярилась, что могла бы сосчитать свой пульс по ярким точкам, бившимся у нее в глазах... и сильнее всего она злилась на самое себя, за свой испуг. Пусть даже секундный.

Проклятая шавка на соседнем дворе буквально сходила с ума. Господи, как же она ненавидит собак, и особенно таких голосистых.

Силуэт Пита исчез со ступенек, дверь открылась, в мягком свете внутри протянулась рука, и двор наконец озарился ярким электрическим светом.

Вильма взглянула на себя и увидела широкую бурую полосу на животе и груди на ее новом осеннем пальто. Она вытерла лицо и посмотрела на руку — рука тоже ста-

ла коричневой. А по спине — Вильма это очень хорошо чувствовала — медленно стекала густая струя грязи.

— Грязь! — Она даже не поняла, что говорит вслух, настолько все это было невероятно. В голове не укладывалось... Кто это сделал? Кто *осмелился* на такое?

— Что ты сказала, милая? — спросил Пит. Он шагнул было к ней, но теперь остановился на безопасном расстоянии. Он знал, что к Вильме лучше не подходить, когда у нее такое лицо: как будто под кожей закопошилось гнездо только что вылупившихся змеенышей.

— *Грязь!* — заорала она, протягивая к нему руки. Густые бурые ошметки полетели во все стороны. — *Грязь, говорю! Грязь!*

Пит заглянул ей за спину и наконец понял, о чем она говорит. У него челюсть отвисла. Вильма обернулась. Мощный прожектор, закрепленный над кухонной дверью, осветил бельевые веревки и сад с беспощадной ясностью, обнажая все, что того заслуживало. Чистые простыни, вывешенные Вильмой с утра, теперь болтались унылыми, мокрыми тряпками. Они были не просто заляпаны грязью — они были пропитаны ею сверху донизу, покрыты грязью *сплошным слоем*.

Вильма посмотрела в сад и увидела глубокие рытвины в тех местах, где набирали грязь. Она увидела и вытоптанную в траве дорожку, по которой ходил взад-вперед неизвестный гряземет — набирал заряды, подходил к белью, швырял комья грязи и возвращался за новой порцией.

— Проклятие! — завопила она.

— Вильма... Пойдем в дом, дорогая, я... — Пит запнулся, пытаясь придумать, *что* он, и наконец нашелся: — Я сделаю чаю.

— Да *пошел ты* со своим чаем! — завизжала она на самой высокой ноте, на которую только была способна, и собака на соседнем дворе залаяла еще пуще. Вильма скривилась. Господи, как же она ненавидит собак, как ее это бесит... Паршивая шавка, когда же ты наконец подавишься своим поганым языком?!

Чаша ее терпения переполнилась, и Вильма накинулась на простыни, как на врага, — вцепилась обеими руками и стала срывать их с веревки. Веревка натянулась и со звоном лопнула, как гитарная струна. Простыни, висевшие на ней, шлепнулись на мокрую землю. Вильма сжала кулаки и выпучила глаза, как ребенок, закативший истерику. Она сделала один большой лягушачий прыжок и приземлилась на одну из упавших простыней. Раздался ленивый *хлюп*, простыня вздулась и опала, разбрызгивая во все стороны комья бурой слизи. Бóльшая часть попала на Вильмины новые чулки. Это стало последней каплей. Вильма оскалилась и *заверещала* от ярости. Она найдет того, кто это сделал. Ой найдет! Уж поверьте! И когда она его найдет...

— Мистер Ержик, у вас что-то случилось? — Голос мистера Хаверхилла дрожал от волнения.

— *Нет, черт тебя подери, ничего не случилось. Мы тут пьем Стерно и смотрим шоу Лоуренса Велка, и, может быть, вы уже заткнете свою брехучую собаченцию?* — провизжала Вильма.

Она слезла с простыни и встала рядом, тяжело дыша. Ее спутанные волосы в беспорядке упали на пылающее лицо. Она отбросила их назад, яростно тряхнув головой. Эта гребаная собака доведет ее до помешательства. Гребаная визгливая собака...

И тут поток ее мыслей резко остановился с почти ощутимым щелчком.

Собаки.

Гребаные визгливые шавки.

А кто живет прямо тут, за углом, на Форд-стрит?

Точнее: какая полоумная тетка живет прямо тут, за углом, с гребаной визгливой шавкой по кличке Бандит?

Нетти Кобб, кто же еще!

Эта чертова собака лаяла всю весну, таким тонким щенячьим тявканьем, которое прямо под кожу тебе влезает и все нервы выматывает, так что в итоге Вильме пришлось позвонить Нетти домой и сказать, что если она не

справляется со своей собакой и не может ее заткнуть, то пусть тогда усыпляет, а то житья никакого нет. Через неделю, когда никаких улучшений не наступило (по крайней мере таких улучшений, которые Вильма была бы согласна признать), она опять позвонила Нетти и заявила, что, если та не справляется со своей собакой, придется прибегнуть к помощи полиции. И на следующий день, ближе к вечеру, когда эта дрянная шавка устроила очередной концерт, Вильма вызвала-таки полицию.

А где-то через неделю после этого случая Нетти пришла в магазин, где работала Вильма (в отличие от Вильмы Нетти всегда очень долго раздумывала, прежде чем приниматься за дело). Она встала в очередь перед Вильминой кассой, хотя у нее не было никаких покупок. Когда подошла ее очередь, Нетти пискляво прошипела:

— Перестань портить нам жизнь, мне с Бандитом. Он очень славный маленький песик, так что оставь нас в покое, Вильма Ержик.

Вильму, всегда готовую к драке, ничуть не смутило то, что стычка происходит на ее рабочем месте. Ей это даже понравилось.

— Дамочка, вы еще не знаете, что такое по-настоящему *портить жизнь*. Но скоро узнаете, если не заткнете свою ублюдочную собаку.

Миссис Кобб стала бледной как мел, вытянулась во весь рост и так крепко стиснула свою сумочку, что сухожилия на ее тощих ручонках обозначились под кожей от кисти до локтя.

— Я тебя предупредила, — проскрипела она и поспешно направилась к выходу.

— Ой-ой-ой, я прямо уже описалась со страху! — громко крикнула Вильма ей вслед (любая, пусть даже пустячная перепалка всегда приводила ее в хорошее настроение), но Нетти прибавила шаг и, даже не обернувшись, выскочила из магазина.

После этого собака примолкла. Это даже слегка разочаровало Вильму: весна выдалась скучной, Пит не вы-

казывал признаков неповиновения, — и Вильму охватила зеленая тоска, но не в честь распускающихся деревьев и веселой зелени газонов. Чтобы раскрасить жизнь и придать ей остроту, нужна была хорошая свара. Какое-то время Вильме казалось, что Нетти — как раз подходящий объект, но раз ее собака решила все-таки последить за своими манерами, Вильма подумала, что для разнообразия можно найти и какой-то другой объект для приложения воинственных сил.

Как-то раз, в мае, собака залаяла снова. Эта шавка успела издать всего пару гавков, но Вильма тут же бросилась к телефону, чтобы позвонить Нетти; она подчеркнула номер Нетти Кобб в телефонной книге. Так... как говорится, на всякий случай.

Она сразу же приступила к делу, не тратя времени на любезности.

— Это Вильма Ержик, дорогуша. Я вот что звоню. Хочу вам сказать, что, если вы не заткнете своего пса, я заткну его сама.

— Он уже перестал! — закричала Нетти. — Я завела его в дом сразу, как только пришла и услышала, как он лает! Оставь нас с Бандитом в покое, а не то пожалеешь! Я тебя предупреждаю!

— Просто запомни, что я тебе сказала, — ответила Вильма. — С меня довольно. Когда он снова забрешет, я не буду звонить в полицию. Я сама ему глотку-то перережу.

Она повесила трубку, прежде чем Нетти успела ответить. Главное правило сражения с врагами (родственниками, соседями и мужьями) — последнее слово должно остаться за тобой.

С тех пор собака больше не лаяла. Ну, может, она иногда и тявкала, но Вильма этого не замечала. На самом деле пес Нетти Кобб никогда ее *особенно* не беспокоил, и потом, Вильма уже нашла, чем заняться, — она разругалась с владелицей парикмахерской из Касл-Вью, так что почти забыла про Нетти и ее Бандита.

Но может быть, Нетти ее не забыла? Только вчера Вильма видела ее в новом магазине. *И если бы взглядом можно было убить*, подумала Вильма, *я бы вчера не вышла из магазина.*

И сейчас, стоя над своими изгвазданными, напрочь убитыми простынями, она вспомнила испуганный и одновременно вызывающий взгляд, которым ее одарила Нетти; вспомнила, как у нее приподнялась верхняя губа, на секунду обнажив зубы. Вильма хорошо знала, что такое взгляд, исполненный злобы и ненависти, и вчера Нетти Кобб смотрела на нее именно так — с ненавистью и злобой.

Я тебя предупредила... Ты еще пожалеешь!

— Вильма, пойдем в дом, — сказал Пит, положив руку ей на плечо.

Она сбросила его руку.

— Отстань от меня.

Пит отступил на шаг. Было видно, что он готов был заломить руки в отчаянии, но не решался.

Может быть, она тоже забыла, размышляла Вильма. *А вчера вспомнила, когда увидела меня. Или она все это время что-то такое вынашивала*

(Я тебя предупредила)

в своей сдвинутой голове и вот только сейчас решилась.

В общем, Вильма окончательно уверилась, что именно Нетти испортила ее простыни: кому еще она могла насолить за последние несколько дней, да так, чтобы тот затаил злобу? В городе ее многие не любили, но на такую подлую и трусливую месть могла сподобиться только Нетти — вчера все было видно по ее взгляду, полному страха

(ты пожалеешь)

и жгучей ненависти. Вчера Нетти Кобб напомнила ей собаку, которая кусает только тогда, когда жертва поворачивается к ней спиной.

Да, это была Нетти Кобб. Чем дольше Вильма размышляла об этом, тем меньше у нее оставалось сомнений. И то, что сделала Нетти, было возмутительно и непростительно.

И вовсе не потому, что простыни были безнадежно испорчены. Не потому, что это была подлая, низкая выходка. И даже не потому, что Нетти была с тараканами в голове.

Это было непростительно, потому что Вильма испугалась.

Да, всего лишь на секунду, на ту коротенькую секунду, когда бурое *нечто* выступило из тьмы и коснулось ее лица, как мягкая лапа чудовища... но даже эта секунда страха тянулась секундой дольше, чем Вильма могла допустить.

— Вильма? — встревоженно произнес Пит, когда она повернулась к нему. Ему совсем не понравилось выражение, высвеченное прожектором на ее плоском лице: сияющая бледность и темные провалы глаз. Ему не понравился ее тяжелый и ровный взгляд. — Дорогая? С тобой все в порядке?

Она обошла его, не удостоив даже взглядом, и направилась к дому. Пит поспешил следом. Вильма вошла в дом... и первым делом пошла к телефону.

4

Когда зазвонил телефон, Нетти сидела в гостиной, держа на коленях свой новый абажур из цветного стекла. Бандит лежал у ее ног. Как только раздался звонок, Нетти вздрогнула и еще крепче вцепилась в абажур, с испугом глядя на телефон. Ей вдруг показалось — причем на секунду она преисполнилась самой что ни на есть твердой уверенности, — что это звонит Некая Важная Персона; звонит, чтобы сказать, что она должна вернуть этот чудесный абажур, потому что он принадлежит кому-то другому, что такой красивый предмет все равно не может войти в ее маленькую коллекцию, что сама мысль об этом смешна и нелепа. Это было, конечно же, глупо. И Нетти это понимала, но все равно испугалась.

Бандит поднял голову и взглянул на нее, словно спрашивая, собирается ли она поднимать трубку.

Нетти бережно отложила абажур и взяла трубку. Наверное, это всего лишь Полли — звонит, чтобы попросить завтра утром, перед работой, купить у Хемфилла кое-что к обеду.

— Здравствуйте, говорит Нетти Кобб, я вас слушаю, — хрипло выдавила она. Всю свою жизнь она страшно боялась Неких Важных Персон, и, как она давно уже поняла, лучший способ бороться с этим дурацким страхом — самой говорить, как важная персона. Страх от этого не проходит, но и не дает себе воли.

— Я знаю, что это *ты* сделала, полоумная сучка! — хлестнул ее голос из трубки. Это было внезапно и страшно, как удар ножа.

У Нетти перехватило дыхание. На лице застыло выражение затравленного ужаса, а сердце сначала ухнуло в пятки, а потом попыталось выскочить через горло. Бандит опять поднял голову и вопросительно взглянул на нее.

— Кто... Кто это...

— Ты отлично знаешь, кто это, — сказал голос в трубке.

Так оно и было. Это была Вильма Ержик. Та нехорошая злая женщина.

— Он не лаял! — Голос Нетти стал высоким и тонким, как у человека, который только что вдохнул содержимое целого шарика с гелием. — Он уже совсем вырос, и он не лает! Он вообще сейчас в доме, прямо у моих ног!

— Ну и как, понравилось тебе швыряться грязью в мои простыни, манда ты лысая? — Вильма была вне себя от ярости. Эта придурочная Нетти еще делала вид, что речь идет о *собаке*.

— Простыни? Какие простыни? Я... Я... — Нетти смотрела на абажур и как будто подпитывалась от него, набираясь уверенности и сил. — Оставь меня в покое! Это *ты* полоумная, а не я!

— Ты заплатишь за это. Я никому не спущу, чтобы в мое отсутствие ко мне залезали во двор и пачкали мое белье. Никому, НИКОМУ! Ты поняла? Дошло до твоих завернутых мозгов?! Ты не будешь знать где, ты не будешь

знать когда, и самое главное, ты не будешь знать как, но я... я тебя... ДОСТАНУ. Понятно тебе?

Нетти плотно прижала телефонную трубку к уху. Ее лицо почти полностью побелело, кроме узкой красной полоски на лбу, между бровями и линией волос. Стиснув зубы, она тяжело дышала, раздувая щеки.

— Оставь меня в покое, а не то пожалеешь! — визгливо выкрикнула она своим тонким, дрожащим голосом. Бандит вскочил, навострил уши и встревоженно распахнул глаза. Он почуял опасность и громко гавкнул. Но Нетти его не слышала. — Ты еще пожалеешь! Я... я знаю *Важных Персон! Очень хорошо* знаю! Я тебя предупредила!

Четко и медленно выговаривая слова тихим, но раскаленным от ярости голосом, Вильма произнесла:

— Лучше бы ты со мной не связывалась. Это твоя самая крупная в жизни ошибка. В общем, ты жди — я тебя достану.

Слабый щелчок в трубке.

— Ты не посмеешь! — взвыла Нетти. Слезы текли у нее по щекам, слезы ужаса и предельной, но бессильной ярости. — Ты не посмеешь, дрянная ты женщина! Я... Я...

Второй щелчок. Короткие гудки.

Нетти повесила трубку. Минут пять она просто сидела, выпрямившись в кресле и уставившись в никуда. Бандит гавкнул еще раз и положил лапы на край кресла. Нетти притянула его к себе и погладила против шерсти. Бандит лизнул ее в шею.

— Я не дам ей обидеть тебя, Бандит, — сказала она, вдыхая тепло его чистого собачьего тельца и пытаясь обрести в нем утешение. — Я не дам этой злой, дрянной женщине тебя обидеть. Она никакая не Важная Персона, вовсе нет. Она просто плохая, склочная баба, и если она попытается обидеть тебя... или меня... она пожалеет.

Тут Нетти выпрямилась, нащупала упаковку салфеток между сиденьем и спинкой кресла, достала одну и вытерла глаза. Она была очень напугана... но в душе закипала злость. Именно так она себя чувствовала перед тем,

как взять вилку для мяса и воткнуть ее в глотку спящего мужа.

Она взяла со стола абажур и нежно прижала к себе.

— Если она что-то такое затеет, она пожалеет. *Очень* пожалеет.

Она еще долго сидела вот так — с абажуром на коленях и Бандитом в ногах.

5

Норрис Риджвик медленно ехал по Главной улице в патрульной машине, рассматривая здания на западной стороне. Смена приближалась к концу, и это, как говорится, грело. Сегодня утром у него было отличное настроение — до того, как на него набросился этот бесноватый кретин. Норрис вспомнил, как он стоял перед зеркалом в туалете, поправлял фуражку и с удовольствием думал, как браво он выглядит, но сейчас эти воспоминания казались старыми и пожелтевшими, как фотографии девятнадцатого века. С того момента как этот идиот Китон схватил его в туалете, все пошло кувырком. День не задался.

Он пообедал в «Ко-Ко», кафе, где подавали жареных цыплят, на 119-м шоссе. Обычно кормят там вкусно и качественно, но в этот раз у Норриса случилась острая изжога, а потом еще и понос. Около трех часов дня на Седьмой улице около Камбер-Плейс он пробил шину гвоздем, и пришлось ее менять. При этом он машинально вытер руки о свою свежевычищенную форменную рубашку. Он хотел подсушить влажные пальцы, чтобы они не соскальзывали с ключа, но руки-то были в грязи и машинном масле, которые он размазал по всей рубашке четырьмя отчетливыми темно-серыми полосами. Пока он с унынием созерцал испорченную форму, кишечник снова ожил и приготовился к очередному могучему извержению, так что Норрису пришлось бежать в придорожные кусты. Там состоялось небольшое состязание на скорость — на пред-

мет, успеет ли он снять штаны, или и этой детали одежды сегодня не повезет. Эту гонку он выиграл... но ему очень не нравился вид кустов, под которыми он поневоле устроил полевой сортир. Слишком уж они были похожи на ядовитый сумах, и, судя по общей тенденции сегодняшнего невезучего дня, это и был сумах.

Норрис медленно проехал мимо зданий в «деловом центре» Касл-Рока: «Банк и трастовый фонд Норвегии», «Западные автоперевозки», «Перекуси у Нан», пустырь, где раньше стоял «дворец» папаши Мерилла, ателье, «Нужные вещи», «Скобяные товары»...

Вдруг Норрис резко ударил по тормозам. В витрине «Нужных вещей» он увидел... или ему это *показалось*.

Он посмотрел в зеркало заднего вида: Главная улица была пуста. В конце делового квартала светофор, на котором горел зеленый, потух на несколько секунд, а потом загорелся снова — только теперь в середине мигал желтый свет. Значит, сейчас ровно девять часов.

Норрис дал задний ход и развернулся. Взглянул на рацию и подумал, что, наверное, нужно подать сигнал 10–22 — дежурный офицер покидает машину, — но потом решил, что не надо. Ему нужно было всего лишь взглянуть на витрину. Он вывел рацию на полную громкость и подъехал поближе к витрине. Так вполне сойдет.

Тебе показалось, на самом деле там ничего нет, урезонивал он себя, подтягивая на ходу брюки уже на пути к магазину. *Зря только себя заводишь. Сегодня день у тебя неудачный, так что даже и не надейся на что-то хорошее. Это просто какой-нибудь старый спиннинг «Зебко»*...

Но это был вовсе не старый «Зебко». Удочка, выставленная в витрине, составляла довольно-таки милый ансамбль с рыболовной сетью и парой желтых резиновых сапог и уж точно была не «Зебко». Это был настоящий «Базун». Норрис не видел таких с тех пор, как умер его отец, а это было шестнадцать лет назад. Тогда Норрису было четырнадцать и он обожал «Базун» по двум причинам: за то, чем она была, и за то, что она в себе воплощала.

Что это было? Просто самая лучшая в мире удочка для пресноводной ловли.

Что она в себе воплощала? Лучшие времена. Только и всего. Время, которое тощий парнишка по имени Норрис Риджвик провел со своим стариком: когда они вдвоем пробирались сквозь лес к какой-нибудь речке на окраине города, когда они сидели в маленькой лодке посреди Касл-Рокского озера, а все вокруг было белым от густого тумана, поднимавшегося от воды маленькими колоннами пара, — тумана, который обозначал границу их личного маленького мирка, принадлежавшего только им двоим. Мира только для мужиков. В каком-то другом мире мама готовила завтрак, и это тоже был очень хороший мир — кто же спорит, — но все-таки не такой, как на озере. Никогда больше — ни до, ни после — Норрису не было так хорошо.

А когда папа умер от спазма коронарных сосудов, базуновский спиннинг куда-то пропал. Норрис помнил, что после похорон искал его в гараже, но там его уже не было. Он смотрел в погребе и даже в шкафу в родительской спальне (хотя знал, что мама скорее бы разрешила мужу хранить там слона, нежели рыболовные снасти), но «Базуна» не было нигде. Норрис подозревал, что удочку взял дядя Фил. Пару раз он почти набирался смелости, чтобы спросить дядю в лоб, но, когда разговор доходил до этой скользкой темы, он всегда отступал.

И вот теперь, глядя на спиннинг в витрине, который как две капли воды был похож на отцовский, Норрис впервые за этот дурацкий день забыл про Бастера Китона. Все перекрыло одно простое и яркое воспоминание: его отец сидит в лодке, между ног у него стоит ящик с наживками и блеснами, и вот он передает «Базун» Норрису, чтобы налить себе чашку кофе из красного, с серыми полосками, термоса. Воспоминание было настолько живым, что Норрис буквально почувствовал запах кофе, крепкого и горячего, и запах папиного лосьона «Джентльмен с Юга» — так он, кажется, назывался.

Сердце вдруг защемило от пронзительно-острой тоски: он так скучал по отцу. После стольких лет старая боль по-прежнему терзала сердце, такая же сильная и щемящая, как в тот день, когда мать, вернувшись из больницы, сказала: *Теперь нам надо крепиться, Норрис.*

Свет лампы, закрепленной над витриной, отражался яркими лучами от стальных деталей спиннинга. Старая любовь — темная и золотая любовь — снова проснулась в нем. Норрис смотрел на удочку и чувствовал запах кофе из большого красного термоса с серыми полосками; слышал спокойный и тихий плеск озера. Он опять ощущал в руках ребристую ручку спиннинга. Он и сам не заметил, как поднял руку, чтобы вытереть глаза.

— Офицер? — спросил тихий голос.

Норрис вздрогнул от неожиданности и отскочил от витрины. В первое мгновение он испугался, что все-таки напрудит в штаны — это было бы достойным завершением дня. Как говорится, последний штрих. Тем более что очень в тему. Но спазм прошел, и Норрис оглянулся. В открытых дверях магазина стоял высокий мужчина в твидовом пиджаке и смотрел на него с легкой улыбкой.

— Я вас напугал? Прошу прощения.

— Нет. — Норрис даже умудрился выдавить улыбку. Сердце у него колотилось, как паровой молот. — Ну... может, совсем чуть-чуть. Я смотрел тут на удочку у вас в витрине и вспоминал былые времена.

— Ее только сегодня доставили, — сказал высокий мужчина. — Она старая, но в безупречном состоянии. Это, знаете ли, «Базун». Не очень известная марка, но серьезные рыбаки ее ценят. Она...

— Японская, — опередил его Норрис. — Я знаю. У моего папы была такая же.

— Правда? — Улыбка хозяина магазина стала еще лучезарнее. Зубы у него были неровными и местами подгнившими, но Норрис все равно нашел ее очень приятной, эту улыбку. — Какое совпадение, не правда ли?

— Да, действительно, — согласился Норрис.

— Я Лиланд Гонт. Это мой магазин, — сказал высокий мужчина и протянул руку.

Когда его длинные пальцы сомкнулись вокруг руки Норриса, того охватило мгновенное омерзение. Рукопожатие Гонта было недолгим, и как только он убрал руку, это странное чувство тут же пропало. Норрис решил, что это у него пошаливает желудок, все еще неспокойный после тех злополучных даров моря, которые он ел на обед. В следующий раз надо будет заказать у них курятину, в конце концов они на этом и специализируются.

— Могу предложить вам эту удочку на весьма выгодных для вас условиях, — сказал мистер Гонт. — Заходите, офицер Риджвик. Давайте обсудим это дело.

Норрис испуганно вздрогнул. Он хорошо помнил, что не говорил этому старикашке, как его зовут. Он открыл было рот, чтобы поинтересоваться, откуда мистер Гонт знает его имя, но потом до него дошло... У него на рубашке была приколота маленькая карточка с именем и фамилией.

— Нет, я не могу, — сказал он и махнул рукой в сторону патрульной машины. Оттуда доносился шум работающей рации, но только шум, и ничего больше; за весь вечер его ни разу не вызвали. — Я на дежурстве... Вообще-то смена кончается в девять, но пока я не загоню машину в участок...

— Я не займу у вас много времени. Пару минут, не больше, — настаивал Гонт. Его глаза искрились весельем. — Когда я собираюсь заключить с кем-нибудь сделку, офицер Риджвик, я не люблю терять времени. Особенно если этот «кто-то» исполняет свой долг и охраняет меня и мой бизнес глухой, темной ночью.

Норрис хотел было сказать, что девять часов вечера не очень похоже на «глухую и темную ночь» и что в их тихом, сонном городке защищать жизнь и бизнес местных коммерсантов приходится не так уж часто. Но потом он оглянулся на базуновский спиннинг, и воспоминания — на удивление яркие и живые — нахлынули вновь. Он подумал о том, как хорошо было бы рано утром в субботу поехать

на озеро с такой вот снастью, захватив с собой банку червей и большой термос с кофе, который можно купить у Нан. Поехать пусть даже и одному, но все равно *как будто* с отцом.

— Ну...

— Давайте, заходите, — убеждал его Гонт. — Я вот могу продавать *по окончании* рабочего дня, а вы вполне можете покупать *до* его окончания. В конце концов, офицер Риджвик, я не думаю, что сегодня кто-нибудь соберется ограбить банк.

Норрис взглянул на здание банка на том конце улицы и рассмеялся:

— Да, пожалуй.

— Ну так что?

— Ладно, — согласился Норрис. — Но только на пару минут. Я не могу долго задерживаться.

Лиланд Гонт кашлянул и засмеялся:

— Я, кажется, уже слышу шорох моих выворачиваемых карманов. Проходите, офицер Риджвик. Я не займу у вас много времени.

— Мне правда хочется купить эту удочку, — сказал Норрис. Он знал, что так торговлю не начинают, но ничего не мог с собой сделать.

— И вы ее обязательно купите, — кивнул мистер Гонт. — Я предложу вам такую сделку, от которой вы просто не сможете отказаться, офицер Риджвик.

Он провел Норриса в магазин и закрыл дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Вильма Ержик знала своего мужа Пита вовсе не так хорошо, как ей всегда казалось.

В тот четверг, ложась спать, Вильма решила, что завтра утром она первым делом отправится к Нетти Кобб и *раз-*

берется. Она постоянно собачилась с соседями, и чаще всего эти конфликты просто выдыхались и забывались, но когда доходило до дела, то выбор оружия и поля боя Вильма всегда оставляла за собой. Первое правило склочно-боевого образа жизни: *Последнее слово всегда остается за тобой*. Второе: *Всегда делай первый ход*. В данном конкретном случае ее первым ходом и будет то, что она называла «разборкой». И она собиралась устроить разборку с Нетти, не откладывая дела в долгий ящик. Перед сном она заявила Питу, что будет считать, сколько раз она повернет голову «этой полоумной сучки», прежде чем открутит ее совсем.

Вильма думала, что не сможет заснуть этой ночью — она вся клокотала от злости и напряжения. Такое с ней случалось и раньше. Но вот что странно: она провалилась в глубокий сон чуть ли не сразу же, как легла, и, проснувшись наутро, почувствовала себя отдохнувшей и непривычно спокойной. Сидя на кухне за завтраком, Вильма задумалась, а не слишком ли рано *окончательно разбираться* с Нетти. Вчера вечером, по телефону, она напугала Нетти до полусмерти; как бы Вильма ни бесилась, уж *это* она заметила. Только глухой не заметил бы.

Так что пусть Мисс Психушка-91 еще поживет. Пусть *она* не спит по ночам, гадая, с какой стороны обрушится на нее гнев Вильмин. А Вильма пока будет действовать ей на нервы: проедет несколько раз мимо ее дома, сделает еще пару звонков. Потягивая кофе (Пит сидел напротив, трусливо поглядывая на жену из-под прикрытия газеты), она решила, что, если Нетти и вправду такая двинутая, как говорят, может быть, ей и вообще не придется *разбираться* с этой полоумной паршивкой. Этот случай вполне мог оказаться одним из тех, когда *все решается само собой*. Эта идея так ей понравилась, что она даже позволила Питу поцеловать ее, когда он собрался уходить на работу.

Мысль о том, что эта забитая мышь — ее дорогой муженек — может подсыпать ей в кофе успокоительное, была настолько нелепой, что даже не приходила ей в голову.

Но именно это Пит Ержик и сделал, и, кстати, уже не в первый раз.

Вильма знала, что муж ее жутко боялся, но даже не представляла, *насколько* сильно. Он не просто ее боялся; он жил в постоянном благоговейном ужасе, сходном с суеверным благоговением диких племен, которые почитают Великого Бога Гремящей Горы, каковой Бог может годами или даже десятилетиями молчать и никак себя не проявлять, а потом вдруг разразиться смертельной тирадой горящей лавы.

У этих диких племен — не важно, настоящих или гипотетических — всегда есть особые ритуалы почитания их божества. Они не особенно помогают, когда вулкан уже проснулся, мечет громы и молнии и испускает потоки огня, что выжигают дома и посевы, но в тихие периоды, когда Бог спит, эти обряды очень даже помогают сохранять спокойствие и присутствие духа. Пит Ержик не придумал никаких величественных ритуалов для служения Вильме; в данном случае более прозаические меры оказались гораздо действеннее. Например, успокоительные лекарства вместо облаток святого причастия.

Он записался на прием к Рэю Ван Аллену, единственному частнопрактикующему врачу в Касл-Роке, и сказал ему, что ему нужно средство от беспричинного чувства тревоги и беспокойства. Он пожаловался на большую загруженность на работе и посетовал на то, что с ростом процента обязательных комиссионных отчислений становится все труднее и труднее не думать о проблемах работы по окончании рабочего дня. А все это — нервы... В общем, ему нужно попить что-нибудь успокоительное.

Рэй Ван Аллен совершенно не разбирался в торговле недвижимостью, и тяготы, связанные с этим видом деятельности, были ему неведомы, но зато он отлично понимал, какие тяготы испытывает человек, женатый на Вильме Ержик. По его скромному мнению, Пит Ержик запросто бы избавился от беспричинной тревоги и беспокойства, если бы вообще не вылезал из офиса. Но разумеется, он

не мог высказать этого вслух. В общем, он выписал Питу рецепт на занакс и пожелал ему удачи и Божьей помощи. Ван Аллен ни капельки не сомневался, что Питу на его жизненном пути в одной упряжке с этой кобылой понадобится и то и другое.

Пит пользовался занаксом, но не злоупотребляя. И не говорил об этом Вильме; она бы взбесилась, узнав, что он ПРИНИМАЕТ УСПОКОИТЕЛЬНОЕ, что в ее понимании было равносильно наркотикам. Пит был осторожен и хранил рецепт на занакс у себя в дипломате, вместе с бумагами, которыми Вильма совершенно не интересовалась. В месяц он принимал пять или шесть таблеток, причем бóльшую часть — перед Вильмиными «критическими» днями.

Однажды — а именно прошлым летом — Вильма сцепилась с Генриеттой Лонгман, владелицей салона красоты в Касл-Хилл. Причиной скандала была испорченная «химия». На следующий день после первичной перебранки у них случился обмен «любезностями» в магазине у Хемфилла, а где-то через неделю — большая ругань на Главной улице. В тот раз дело едва не дошло до драки.

Вернувшись домой, Вильма металась по дому, как львица в клетке, и вопила, что, мол, она эту суку достанет, что она ее в больницу уложит.

— Мне бы только до нее добраться, ей потом никакой салон красоты не поможет, — шипела Вильма сквозь сжатые зубы. — Я это так не оставлю. Завтра же пойду к ней. Пойду и со всем *разберусь*.

Пит не на шутку встревожился. Он понял, что это не просто пустые угрозы. Вильма всерьез собиралась их осуществить. И бог знает, на что его дорогая супруга способна в бешенстве. Он уже представлял, как Вильма макает Генриетту головой в чан с каким-нибудь едким дерьмом и та на всю жизнь остается лысой, как Шиннед О'Коннор.

Он очень надеялся, что за ночь страсти поутихнут, но Вильма проснулась наутро еще даже злее, чем была с вечера. Он бы не поверил, что такое возможно, если бы не видел это своими глазами. Темные круги у нее под глаза-

ми говорили о том, что она не спала всю ночь. Не спала и, должно быть, копила злость.

— Вильма, — неуверенно начал он, — по-моему, тебе не стоит сегодня ходить в салон красоты. Я уверен, что если ты все обдумаешь...

— Я все обдумала еще вчера вечером. — Взгляд у Вильмы был пугающе пустым. — Я все обдумала и решила, что, когда я с ней закончу, она больше уже никому не сожжет корни волос. Когда я с ней закончу, этой гадине нужно будет приобрести собаку-поводыря, чтобы ходить дома в сортир. И если ты собираешься со мной спорить, Пит, то можешь сразу купить себе поводыря из одного с ней помета овчарок.

В отчаянии — даже не надеясь, что это сработает, но не видя другого способа предотвратить надвигающуюся катастрофу, — Пит Ержик достал из внутреннего карманчика дипломата пузырек с таблетками и бросил одну из них Вильме в кофе. И ушел на работу.

В каком-то смысле этот незамысловатый поступок стал для Пита Ержика первым причастием.

Весь день он провел в мучительном ожидании и, возвращаясь домой, уже настроился на самое худшее (чаще всего его разыгравшаяся фантазия выдавала картинки типа: «Генриетта Лонгман в луже крови, а Вильма — в камере»). Поэтому он несказанно обрадовался, застав Вильму за пением в кухне.

Пит глубоко вздохнул, опустил забрало своих эмоций и спросил как бы между прочим, как там дела с миссис Лонгман.

— Она открыла салон только после обеда, а у меня к тому времени вся злость прошла, — сказала Вильма. — Ну, я все равно зашла, чтобы выяснить отношения... вроде как я сама себе обещала. И знаешь что? Она предложила мне бокал шерри и сказала, что вернет деньги!

— Ух ты! Отлично! — воскликнул Пит, успокоившийся и довольный... и на этом история с Генриеттой благополучно закончилась. Пару дней он выжидал, не вспыхнет

ли Вильмина ярость по новой, но этого не случилось — по крайней мере не в направлении Генриетты Лонгман.

Он даже подумал, что, может быть, стоит попробовать предложить Вильме самой сходить к доктору Ван Аллену, чтобы тот выписал ей успокоительное, но после долгих и тяжких раздумий отверг эту идею. Вильма его в Африку зашвырнет (а может, и на орбиту), если он ей предложит ПРИНИМАТЬ УСПОКОИТЕЛЬНОЕ. Для нее это типа наркотиков, а наркотики — это удел отбросов. А *легкие* транквилизаторы — это для слабаков. Большое спасибо, но *она* будет сражаться с жизнью по правилам самой жизни. И кроме того, неохотно заключил для себя Пит, все было значительно проще: Вильма *любила* буйствовать. Вильма в ярости была Вильмой цельной. Вильмой, служащей высокой цели.

А он ее любит — как наше гипотетическое дикое племя любит своего Великого Бога Гремящей Горы. Его трепет и ужас даже усиливали любовь; это была ВИЛЬМА, вещь в себе, сила, с которой нельзя было не считаться, и он решался сбивать ее с курса только в тех случаях, когда она могла навредить себе... что, через некие таинственные трансформации любви, ударит и по нему тоже.

С тех пор он подсыпал ей занакс всего три раза. Третьим — и, кстати, самым кошмарным — случаем и стала «Ночь грязных простыней». Он упорно старался заставить ее выпить чаю, и когда она наконец соизволила согласиться (после короткого, но весьма содержательного телефонного разговора со сбрендившей Нетти Кобб), он заварил крепкий чай и бросил туда не одну, а целых две таблетки. И когда на следующее утро он увидел, что она более или менее успокоилась, он испытал несказанное облегчение.

Вильма Ержик — уверенная, что знает своего мужа как облупленного, — не знала о его тихих манипуляциях; но именно эти тихие манипуляции и удержали ее от того, чтобы в пятницу утром не въехать в дом Нетти на «юго», вышибив дверь, и не выдрать (во всяком случае, не попытаться выдрать) у нее все волосы.

2

Но это вовсе не значит, что Вильма забыла про Нетти, или простила ее, или вдруг усомнилась в том, что это именно Нетти испортила ее постельное белье, — такое было не под силу никаким успокоительным.

Вскоре после того как Пит ушел на работу, Вильма села в машину и медленно поехала по Уиллоу-стрит (на бампере ее «юго» красовалась наклейка: ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ, КАК Я ВОЖУ МАШИНУ, ЖАЛОБЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ 1-800-ИДИ-В-ЖОПУ). Она свернула направо на Форд-стрит, еще сбросила скорость и проползла мимо опрятного домика Нетти Кобб. Ей показалось, что одна из занавесок дрогнула, и это было хорошим началом... Но только началом.

Вильма объехала квартал (не удостоив взглядом дом Расков), проехала мимо своего дома и снова свернула на Форд-стрит. Теперь, приближаясь к дому Нетти, она дважды пробибикала и припарковалась прямо перед домом, не заглушая двигатель.

Занавеска определенно дернулась. На этот раз ошибки быть не могло. Нетти стоит у окна и смотрит. Вильма представила Нетти за занавеской, трясущуюся страха и запоздалого осознания вины, и эта картина понравилась ей даже больше, чем то, о чем она думала перед сном: как она свернет шею этой придурочной сучке и будет крутить ее голову, пока та не слетит с плеч, как у той девочки в «Изгоняющем дьявола».

— Ку-ку, я тебя вижу, — мрачно сказала Вильма, когда занавеска опустилась на место.

Она сделала еще один круг по кварталу, снова остановилась перед домом Нетти и посигналила, извещая жертву о своем появлении. На этот раз она проторчала перед домом минут пять, не меньше. Занавеска дернулась дважды. В общем, Вильма поехала домой с чувством глубокого удовлетворения и сознанием исполненного долга.

Сегодня моя притыренная подружка проведет весь остаток дня, прячась за занавеской и высматривая меня, подумала она, выходя из машины. *Она побоится и шагу ступить на улицу.*

Вильма вошла в дом с легким сердцем и шлепнулась на диван с каталогом в руках. Уже минут через десять она выбрала, что закажет: три новых комплекта простыней — белый, желтый и серо-голубой.

3

Бандит сидел на ковре посреди гостиной и смотрел на хозяйку. В конце концов он беспокойно тявкнул, как будто напоминая Нетти, что сегодня рабочий день и она опаздывает уже на полтора часа. Сегодня она собиралась пропылесосить второй этаж в доме Полли, и еще туда должен был прийти телефонист и принести новые аппараты — с большими кнопками. Вроде как людям с артритом удобнее пользоваться именно такими телефонами.

Но как же ей выйти?!

Эта бешеная полячка все еще где-то здесь, рядом.

Нетти села в кресло, держа абажур на коленях. Она не выпускала его из рук с того самого момента, как эта психованная полячка впервые проехала мимо ее дома. Потом она приехала еще раз, остановилась и посигналила... и снова уехала. Нетти надеялась, что этим все и ограничится, но не тут-то было. Эта бесноватая баба приехала в третий раз. Нетти была уверена, что эта малахольная попытается ворваться в дом. Она сидела, прижимая к себе абажур с одной стороны и Бандита — с другой, и пыталась придумать, что делать, если это произойдет. Как ей защищаться? Нетти понятия не имела.

Наконец она собралась с духом и снова выглянула в окно. Бесноватая полячка уехала. Но первоначальное облегчение почти тут же сменилось ужасом. Нетти вдруг испугалась, что Вильма затаилась где-то поблизости

и ждет, когда она выйдет на улицу. Но еще больше ее пугало другое: когда она уйдет, бешеная полячка может залезть к ней в дом.

Она вломится в дом, увидит красивый абажур и разобьет его.

Бандит опять тявкнул.

— Я знаю, — простонала она. — Я *знаю*!

Нужно идти. Ее ждали дела. Тем более что Нетти никогда не пренебрегала своими обязанностями. Потому что она знала, *кому* и *чем* она обязана. Полли Чалмерс всегда относилась к ней хорошо. Именно Полли написала рекомендацию, благодаря которой Нетти выпустили из Джунипер-Хилл; именно под поручительство Полли Нетти выдали кредит на покупку дома. Если бы не Полли, отец которой был лучшим другом ее отца, она так до сих пор и жила бы в наемной квартире по ту сторону Оловянного моста.

Но что, если она уйдет, а бешеная полячка вернется?!

Бандит не сможет защитить абажур; он очень смелый, но он всего-навсего маленький безобидный песик. Эта малахольная полячка может ударить его, если он попытается ей помешать. Нетти почувствовала, как закипают ее мозги, не в силах разрешить эту ужасную дилемму. Она опять застонала.

И тут ее осенила внезапная спасительная идея. Она вскочила, по-прежнему прижимая к груди абажур, прошла через темную комнату — она так и не решилась раздвинуть шторы, — вошла на кухню и открыла дверцу в дальнем углу. К тому концу дома был пристроен маленький сарайчик, куда можно было пройти из кухни. Там хранились дрова для камина и всякое барахло.

Единственная лампочка свисала на проводе с потолка. Никакого тумблера или выключателя не было — лампочка зажигалась, когда ее плотнее вкручивали в патрон. Нетти потянулась к ней... но передумала. Если психопатическая полячка притаилась на заднем дворе, она увидит, как зажегся свет. А если она увидит свет, то сразу поймет,

где нужно искать Неттин абажур из цветного стекла, правильно?

— Э нет, меня так просто не возьмешь, — буркнула Нетти себе под нос, пробираясь к поленнице мимо старого материного сундука и древнего книжного шкафа. — Даже и думать забудь, Вильма Ержик. Я не такая уж глупая. Вот увидишь.

Прижав абажур левой рукой к животу, правой Нетти сгребла плотную паутину, закрывавшую единственное окошко. Она осторожно выглянула в окно и пристально осмотрела свой задний двор, стреляя глазами из стороны в сторону. Во дворе не шелохнулось ни травинки. В какой-то момент ей показалось, что она видит бешеную полячку — та вроде бы скорчилась в дальнем углу двора, — но, приглядевшись, она поняла, что это просто тень от дуба, что рос на дворе у Фиронов. Нижние ветки дуба нависали и над ее двором тоже. Они слегка качались от ветра, и из-за этого ей померещилась сумасшедшая баба (сумасшедшая *польская* баба, если быть точным).

У нее за спиной заскулил Бандит. Она оглянулась. Он стоял на пороге сарая, черный силуэт со склоненной набок головой.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, мой мальчик... но мы ее одурачим. Она думает, что я глупая. Ну, она у меня *узнает*.

Нетти вернулась обратно к поленнице. Глаза постепенно привыкли к темноте, и она решила, что лампа ей и не понадобится. Поднявшись на цыпочки, она нащупала на крыше подвесного ящика ключ от буфета. Ключи от выдвижных ящиков потерялись давным-давно, но это было не страшно — Нетти уже нашла то, что нужно.

Она открыла буфет — где были лишь клочья пыли и мышиный помет — и убрала туда абажур.

— Он заслуживает места получше, я знаю, — тихо сказала она Бандиту. — Но тут он будет в безопасности, и это сейчас важнее.

Закрыв дверцу на ключ, Нетти подергала ручку. Дверца не поддалась, и Нетти почувствовала, что у нее с души свалился громадный камень. Она еще раз подергала дверцу, одобрительно кивнула и опустила ключ в карман фартука. Когда она придет к Полли, она первым делом отрежет кусок бечевки и повесит ключик на шею.

— Так! — обратилась она к Бандиту, который немедленно завилял хвостом. Наверное, он почувствовал, что кризис уже миновал. — Об этом я позаботилась, песик мой, а теперь мамочке пора на работу! Я опаздываю!

Когда Нетти уже надевала пальто, зазвонил телефон. Она шагнула было к нему, но остановилась на полпути.

Бандит громко гавкнул и посмотрел на нее с таким видом, как будто хотел сказать: «Ты что, не знаешь, что надо делать, когда звонит телефон? Даже я знаю, хотя я всего лишь *собака*».

— Нет, — сказала Нетти.

Я знаю, что это сделала ты, полоумная сучка, я знаю, что это ты, я знаю, что это ты, и я... я... Я тебя ДОСТАНУ.

— Нет, я не буду брать трубку. Я пойду на работу. Это она полоумная, а не я. Что я ей сделала?! Я ее и пальцем не тронула.

Бандит гавкнул в знак согласия.

Телефон замолчал.

Нетти расслабилась... но сердце в груди все равно колотилось так, что, казалось, оно сейчас выпрыгнет.

— Будь хорошим мальчиком, — сказала она Бандиту, погладив его по голове. — Я вернусь поздно, потому что поздно ухожу. Но я тебя очень люблю и надеюсь, что ты будешь вести себя хорошо. Как хорошая, воспитанная собачка.

Это было привычное заклинание ежедневного ритуала «Я ухожу на работу», хорошо знакомого и Бандиту, и его виляющему хвосту. Нетти открыла дверь и осмотрелась по сторонам, прежде чем выйти наружу. На секунду ей показалось, что она заметила яркую вспышку желтого в просвете между деревьями; но это был всего лишь трех-

колесный велосипед, оставленный сыном Поллардов на тротуаре.

Нетти закрыла за собой переднюю дверь, потом обошла дом, чтобы убедиться, что дверь сарая тоже закрыта. Потом она направилась к дому Полли, постоянно оглядываясь в поисках желтой машины этой сумасшедшей полячки (она так для себя и не решила, а что ей, собственно, делать, если Вильма появится, — прятаться за ближайший забор или вести себя как ни в чем не бывало). Когда Нетти дошла уже до конца квартала, ей вдруг стукнуло в голову, что она не закрыла входную дверь на замок. Озабоченно взглянув на часы, она поспешила обратно и подергала дверь. Та была плотно закрыта и заперта. Нетти с облегчением вздохнула и решила проверить замок на двери сарая. Просто на всякий случай.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — пробормотала она, обходя дом.

Она уже протянула руку к двери сарая... и замерла на месте.

Внутри снова звонил телефон.

— Она ненормальная, — прошептала Нетти. — Я же ей ничего не сделала!

Дверь была заперта, но Нетти стояла на месте, пока телефон не перестал звонить, и только потом пошла на работу.

4

На этот раз она прошла почти два квартала, и тут ей опять стукнуло в голову, что передняя дверь все-таки не заперта надлежащим образом. Она *знала,* что все в порядке, но все равно опасалась — а вдруг нет?!

Встав на углу Форд и Диконесс, она попыталась решить, что ей делать. Уже почти убедив себя, что все в порядке и надо идти дальше, она заметила желтую машину, проехавшую перекресток в квартале от нее. Это была не

Вильмина машина, это вообще был «форд», но Нетти решила, что это знамение, и поспешила обратно к дому, чтобы проверить обе двери. Закрыто. Она дошла почти до тротуара, и тут ей подумалось, что надо бы еще проверить дверцу буфета, чтобы убедиться, что она надежно закрыта.

Она *знала,* что все закрыто, но *боялась* — а вдруг нет?!

Она открыла переднюю дверь и вошла в дом. Бандит бросился к ней, радостно виляя хвостом. Она погладила его — всего один раз, потому что нужно было скорее закрыть дверь. А то ведь эта малахольная полячка может явиться в любое время.

Нетти захлопнула дверь, закрыла ее на задвижку и поспешила в сарай. Разумеется, буфет был закрыт. Она вернулась в дом и на секунду остановилась на кухне. Она опять испугалась, что дверца буфета на самом деле не заперта. Может, она недостаточно сильно потянула за ручку, чтобы быть абсолютно — на сто процентов — уверенной?! Может, дверца просто застряла?!

Она вернулась в сарай для последней проверки, и тут опять зазвонил телефон. Нетти побежала в дом, зажав в потной руке ключ от буфета. На кухне она налетела на стул, ударила голень и закричала от боли.

К тому времени как она вошла в комнату, телефон замолчал.

— Не могу я пойти на работу сегодня, — прошептала она. — Я должна... я должна...

(охранять)

Правильно. Надо остаться и охранять.

Она схватила трубку и быстро набрала номер, прежде чем робость и неуверенность попытаются вгрызться в нее, как Бандит вгрызается в свои сыромятные жевательные игрушки.

— Да? — раздался в трубке голос Полли. — Ателье «Мы тут шьем понемножку».

— Здравствуй, Полли, это я.

— Нетти? Что с тобой? Ты в порядке?

— Да, но я звоню из дома, Полли. У меня тут желудок совсем взбунтовался. — И это пока что была не ложь. — Я боюсь выходить из дома. — И это тоже была чистая правда. — Я знаю, что нужно пропылесосить второй этаж... и телефонист должен прийти... но...

— Ничего-ничего, — оборвала ее Полли. — Телефонист придет только после двух, а я все равно собираюсь уйти пораньше. Руки очень болят... долго работать не получается. Я его сама встречу.

— Если я тебе нужна, я могу...

— Нет, правда, — мягко успокоила ее Полли, и у Нетти на глаза навернулись слезы. Полли такая добрая, такая *хорошая*. — Нетти, боли не сильно острые? Может быть, вызвать доктора?

— Нет, не острые. Так, колики. Все нормально. Может быть, я приду во второй половине дня.

— Не надо, — быстро сказала Полли. — За все время, что ты у меня работаешь, ты ни разу не попросила отгулов. Давай залезай в кроватку и постарайся поспать. И сразу предупреждаю: если ты сегодня придешь, я все равно отошлю тебя обратно.

— Спасибо, Полли, — сказала Нетти. Она готова была разреветься. — Ты так добра ко мне...

— Это все потому, что ты заслуживаешь хорошего отношения. Ой, мне пора идти, Нетти. Клиенты пришли. Ложись. После обеда я позвоню узнать, как у тебя дела.

— Спасибо.

— Да не за что. Все, пока.

— Пока-пока, — сказала Нетти и повесила трубку.

Она подошла к окну и отодвинула занавеску. Улица была безлюдна — пока что. Она сходила в сарай, открыла буфет и вынула абажур. Чувство облегчения и покоя сразу взяли верх над тревогой. Она взяла абажур с собой в кухню, вымыла его теплой мыльной водой и тщательно вытерла полотенцем.

Потом открыла ящик и достала мясницкий нож. Вместе с ножом и абажуром она вернулась в гостиную и уселась в кресло. Так она и просидела все утро: с абажуром на коленях и мясницким ножом, стиснутым в правой руке.

Телефон звонил дважды.

Но Нетти не брала трубку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Пятница, одиннадцатое октября, стала красным днем календаря для только что открытого в Касл-Роке нового магазина, и особенно — когда дело подошло к полудню и народ принялся обналичивать свои чеки. Деньги для магазина — что сухие дрова для костра, а разговоры и слухи, пущенные горожанами, побывавшими здесь в среду, стали настоящей горючей жидкостью. Были, правда, и такие, кто считал, что суждения людей, невыдержанных настолько, *что они в первый же день посещают новый магазин*, недостойны доверия, но они были в значительном меньшинстве, и серебряный колокольчик над дверью «Нужных вещей» звенел практически весь день.

За прошедшие дни товаров (доставленных позже или просто распакованных) стало еще больше. Если бы кто-то дал себе труд задуматься, то версия с запоздалой доставкой показалась бы ему очень маловероятной — никаких грузовиков к магазину не подъезжало, — но так или иначе, об этом никто не задумался. Самое главное: в пятницу торговля в «Нужных вещах» шла весьма бойко.

Чего там только не было! Куклы, к примеру. Или отлично сработанные деревянные картинки-головоломки, некоторые даже двусторонние. Или уникальный шахматный набор — фигурки в виде африканских животных, вырезанные из горного хрусталя в примитивистском стиле, но невероятно талантливо: скачущие жирафы вместо

слонов-офицеров, носороги с угрожающе опущенными головами вместо ладей, шакалы — пешки, львы — короли, гибкие леопарды — ферзи. Было тут и ожерелье из черных жемчужин, явно очень дорогое и такой ослепительной красоты, что аж больно смотреть; некоторые посетители «Нужных вещей» вернулись домой, томимые непонятной тоской и под властью странного наваждения, потому что образ жемчужного ожерелья плясал у них перед глазами — черные камни на черном бархате. Излишне, наверное, говорить, что все, кто поддался очарованию украшения, были особами женского пола.

Потом была еще пара танцующих паяцев-марионеток. И музыкальная шкатулка, старая и богато изукрашенная. Мистер Гонт говорил, что она играет что-то очень необычное, но что именно — вспомнить не мог, а шкатулка была заперта. Он честно предупреждал покупателей, что им придется поискать мастера, который сделает к ней ключ; еще живы несколько старичков, которые на это способны. Несколько раз его спросили, можно ли будет вернуть шкатулку, если купивший все-таки сможет отпереть замок и обнаружит, что мелодия не в его вкусе. Мистер Гонт всякий раз улыбался и показывал на объявление на стене за прилавком:

ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ И ОБМЕНУ НЕ ПОДЛЕЖАТ.
CAVEAT EMPTOR!*

— И что *это* значит? — спросила Люсиль Данхем. Люсиль работала официанткой у Нан и зашла в «Нужные вещи» в обеденный перерыв вместе со своей подругой Роуз Эллен Майерс.

— Это значит, что если ты покупаешь кота в мешке, то у тебя останется кот, а у него — мешок. С твоими день-

*Латинская фраза, означающая примерно следующее: «ПОКУПАТЕЛЬ ДА БУДЕТ ПРЕДУПРЕЖДЕН».

гами, — сказала Роуз Эллен. Она заметила, что мистер Гонт услышал ее слова (а ведь она готова была поклясться, что только что видела его в другом конце магазина), и покраснела.

Однако мистер Гонт лишь рассмеялся:

— Все правильно. Именно это я и имел в виду!

Старый длинноствольный револьвер с табличкой: НЕД БАНТЛ — ОСОБАЯ СЕРИЯ; кукла, изображавшая мальчика с рыжими деревянными волосами и застывшей дружеской улыбкой (ПРОТОТИП ХАУДИ-ДУДИ — надпись на карточке); ящики с канцелярской дребеденью — милой, но не заслуживающей внимания; стопка старинных почтовых открыток; наборы ручек и карандашей; льняные носовые платки; мягкие игрушки. Тут были вещи на любой вкус и, — хотя в магазине не было ни одного ценника, — вроде бы и на любой кошелек.

Мистер Гонт в этот день заработал весьма неплохо. Большая часть из того, что он продал, были красивыми и интересными, но уж никак не уникальными вещами. Однако он все-таки заключил пару «особых» сделок, и все они произошли в тот момент, когда в магазине не было других посетителей.

— Когда вещи залеживаются, я начинаю нервничать, — сказал он Салли Рэтклифф, педагогу-логопеду, у которой занимался Брайан Раск, — а когда я начинаю нервничать, то становлюсь безрассудным. Для продавца это плохо, но для покупателя — это *шанс*.

Мисс Рэтклифф была благочестивой прихожанкой преподобного Роуза; среди его паствы она встретила своего жениха, Лестера Пратта, и вместе со значком «Нет — "Ночи в казино"» она носила еще один, с надписью «Я спасена! А ты?». Щепка с табличкой ОКАМЕНЕЛОЕ ДЕРЕВО СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ сразу же привлекла ее внимание, и она не стала возражать, когда мистер Гонт достал деревяшку из стеклянной витрины и вложил ей в руку. Салли приобрела ее за семнадцать долларов и клятвенное обещание невинно подшутить над Фрэнком Джуиттом, ди-

ректором средней школы Касл-Рока. Мистер Гонт предложил упаковать покупку, но Салли отказалась — сказала, что хочет держать деревяшку в руках. Когда она шла к выходу, со стороны было никак не понять: касаются ее ноги пола или она просто плывет по воздуху.

2

Звякнул серебряный колокольчик.

Кора Раск вошла в магазин с твердым намерением купить фотографию Короля и очень расстроилась, когда мистер Гонт сказал ей, что фотография уже продана. Кора спросила, кто ее купил.

— Прошу прощения, — сказал мистер Гонт, — но та женщина была из другого штата. На машине стояли оклахомские номера.

— Чтоб мне *провалиться!* — со злостью выкрикнула Кора. Пока мистер Гонт не сказал ей, что фотография продана, она даже не представляла, как ей сильно хотелось иметь этот снимок.

В магазине были еще посетители — Генри Гендрон с женой Иветт, — и мистер Гонт попросил Кору подождать минуту, пока он их обслужит. Он сказал ей, что у него, кажется, есть кое-что равноценное или даже еще лучше. После того как он продал Гендронам плюшевого мишку — подарок для дочери — и проводил их к выходу, он попросил Кору подождать еще чуть-чуть и ушел в заднюю комнату. Кора ждала, но без особого интереса и энтузиазма. На нее навалилась депрессия, серая и глубокая. Она видела сотни фотографий Короля, может быть, даже *тысячи*, у нее у самой их было с полдюжины, но *та* фотография почему-то казалась... особенной. Какая же сволочь эта бабища из Оклахомы!

Мистер Гонт вернулся с маленьким футляром для очков из змеиной кожи. Он открыл его и показал Коре авиационные очки с темно-серыми дымчатыми стеклами.

У нее перехватило дыхание; рука безотчетно потянулась к дрожащему горлу.

— Это... они... — начала она и умолкла, не в силах продолжать.

— Темные очки Короля, — закончил за нее мистер Гонт, — одна из шестидесяти пар. Но мне сказали, что эти были его любимые.

Кора купила очки за девятнадцать долларов пятьдесят центов.

— А еще мне нужна информация. — Мистер Гонт заговорщицки подмигнул Коре. — Назовем это доплатой.

— Информация? — с сомнением переспросила Кора. — Какая еще информация?

— Гляньте в окно, Кора.

Кора подошла к окну, по-прежнему сжимая очки в руках. На противоположной стороне улицы стояла патрульная машина № 1 муниципальной полиции Касл-Рока. Алан Пангборн и Билл Фуллертон стояли тут же, на тротуаре, и о чем-то беседовали.

— Видите того парня? — спросил Гонт.

— Кого? Билла Фул...

— Нет, тупая ты баба. Другого.

— Шерифа Пангборна?

— Точно.

— Да, вижу. — Кора вдруг почувствовала себя вялой и совершенно разбитой. Голос Гонта, казалось, доносился откуда-то издалека. Она не могла думать ни о чем другом, кроме своей покупки. Сейчас ей хотелось лишь одного: скорее добраться до дома и сразу опробовать покупку... но она не могла уйти без разрешения, потому что сделка еще не свершилась и не свершится до тех пор, пока *мистер Гонт не скажет*, что все — по рукам.

— Таких в моем бизнесе называют въедливым покупателем, — сказал мистер Гонт. — А что ты о нем думаешь, Кора?

— Он очень умен, — ответила Кора. — Он в жизни не станет таким шерифом, каким был старый Джордж Бан-

нерман... так мой муж говорит... но палец ему в рот не клади.

— Да ну? — Голос мистера Гонта вновь стал сварливым и чуть усталым. Глаза превратились в узкие щелочки, цепко следящие за Аланом Пангборном. — Кора, хочешь, открою тебе один маленький секрет? На умников мне наплевать, а вот въедливых покупателей я *ненавижу*. Мне они отвратительны. Я не доверяю людям, которые всюду суют свой нос и уверены в том, что им обязательно должны подсунуть бракованную вещь.

Кора молчала. Она просто стояла, зажав в руках футляр с очками Короля, и тупо пялилась в окно.

— Если мне вдруг понадобится человек, чтобы присматривать за умненьким-благоразумненьким шерифом Пангборном, кого ты мне посоветуешь, Кора?

— Полли Чалмерс, — отозвалась Кора плывущим голосом. — У них очень хорошие отношения.

Гонт покачал головой. Он не спускал глаз с Алана, который подошел к машине, мельком взглянул на «Нужные вещи», сел за руль и уехал.

— Не пойдет.

— Шейла Брайхем? — неуверенно предложила Кора. — Она в участке диспетчером работает.

— Неплохая идея, но опять отпадает. Очередной въедливый покупатель. Они попадаются в каждом городе — печально, но факт.

Мысли Коры витали в далеком тумане.

— Может быть, Эдди Варбертон? — сказала она наконец. — Он главный техник в здании муниципалитета.

Лицо мистера Гонта расплылось в улыбке.

— Уборщик! Да! То, что нужно! Просто великолепно! — перегнувшись через прилавок, он поцеловал Кору в щеку.

Она отпрянула, скривилась и начала яростно тереть то место, куда он ее чмокнул. Мистер Гонт вроде как этого и не заметил, равно как и вырвавшегося у нее возгласа

отвращения. Его лицо озарилось сияющей, лучезарной улыбкой.

Кора вышла из магазина (все еще безотчетно потирая щеку основанием ладони), столкнувшись в дверях со Стефани Бонсан и Синди Роуз Мартин из Бридж-клуба с Эш-стрит. В спешке Кора чуть не сбила с ног Стеффи; ей нетерпелось скорее добраться до дома. Прийти домой и надеть очки. Но прежде надо будет умыться и избавиться от этого тошнотворного поцелуя. От него кожа горит, как от крапивы.

Над дверью звякнул серебряный колокольчик.

3

Стеффи задержалась у окна, поглощенная красочными орнаментами старомодного калейдоскопа, а Синди Роуз подошла к мистеру Гонту и напомнила ему об их разговоре в среду: что у него может сыскаться стеклянная ваза в пару той, уже купленной.

— Да. — Мистер Гонт загадочно улыбнулся. — Очень даже вероятно. Вы можете на пару минут избавиться от своей подруги?

Синди Роуз попросила Стеффи пойти к Нан и заранее заказать кофе.

— А я сейчас подойду.

Стеффи удивленно взглянула на подругу, но ничего не сказала и вышла на улицу.

Мистер Гонт сходил в заднюю комнату и вышел с вазой. Точно такой же, которую Синди Роуз уже купила. Один в один.

— Сколько? — выдохнула Синди Роуз, погладив плавный изгиб вазы дрожащим пальцем. Она с некоторым сожалением вспомнила свою радость от дешевизны той, первой покупки. Должно быть, в тот раз он только закинул удочку. Теперь же он будет подсекать и тянуть. *Эта* ваза потянет уже не на жалкие тридцать долларов; тут он сде-

рет с нее по полной. Но ваза была ей нужна — под пару к первой на каминной полке. Ей *нужна* эта ваза.

Услышав ответ мистера Гонта, она не поверила своим ушам.

— Поскольку я тут торгую всего лишь первую неделю, почему бы мне не устроить небольшую рекламную акцию и не продать вам две по цене одной? Так что теперь она ваша, поздравляю с удачной покупкой.

Потрясение было настолько сильным, что Синди Роуз чуть не выронила вазу, которую мистер Гонт сунул ей в руки.

— Но... мне казалось, вы говорили...

— Все правильно, я говорил, — сказал он, и Синди Роуз вдруг поняла, что не может отвести взгляда от его глаз. *Франси все перепутала,* подумала она отстраненно. *Они у него не зеленые. Они серые. Темно-серые.* — Вот разве что...

— Что?

— Да... Вы знаете помощника шерифа по имени Норрис Риджвик?

Звякнул серебряный колокольчик.

Эверетт Франкель — медбрат у доктора Ван Аллена — приобрел трубку, которую Брайан Раск заметил в свой первый визит в «Нужные вещи», в обмен на двенадцать долларов и обещание подшутить над Салли Рэтклифф. Несчастный Слопи Додд — заика, который по вторникам вместе с Брайаном посещал логопедические занятия, — купил луженый чайник маме на день рождения. Это стоило ему семьдесят один цент... и обещание, данное добровольно, что он подстроит смешную шутку над женихом Салли, Лестером Праттом. Мистер Гонт сказал, что, когда придет время, он даст Слопи кое-какие вещички для этой шутки, и Слопи ответил, что это было бы «оч-ч-ч-чень х-х-хо-рошо». Джун Гэвино, жена самого преуспевающего в округе владельца молочной фермы, купила фигурную вазу за девяносто семь долларов и обещание устроить забавную проказу отцу Брайхему из церкви Богоматери Ти-

хих Вод. Вскоре после ее ухода мистер Гонт уговорил кого-то сыграть подобную шутку и над преподобным Вилли.

Это был хлопотный и плодотворный день, и, когда мистер Гонт наконец повесил на входной двери табличку ЗАКРЫТО и опустил шторы, он был хотя и усталым, но очень довольным. Дела шли отлично, и шериф Пангборн его не беспокоил и уже вряд ли побеспокоит. Это хорошо. Открытие — это самая приятная часть операции, но она же и самая нервная, а иногда даже рискованная. Конечно, Гонт мог ошибаться насчет Пангборна, но он научился доверять своим чувствам в таких делах, а Пангборн казался ему человеком, от которого было бы лучше всего избавиться... по крайней мере до тех пор, пока он не будет готов диктовать шерифу свои условия. Мистер Гонт предвидел, что следующая неделя будет не менее хлопотной, и до того, как она закончится, следует ожидать уйму сюрпризов.

Уйму.

4

Когда Алан подъехал к дому Полли в четверть шестого, Полли уже ждала его, стоя в дверях. Они поцеловались. Алан обратил внимание, что даже для такого короткого выхода на вечерний холод она натянула перчатки, и нахмурился.

— Перестань, — сказала она. — Сегодня чуть лучше. Курицу привез?

Он предъявил ей белые пакеты в пятнах жира.

— Ваш покорный слуга, госпожа.

Она сделала небольшой реверанс.

— Взаимно.

Она взяла у него пакеты и проводила его на кухню. Он вытянул из-за стола стул, развернул его, уселся верхом и принялся наблюдать, как она снимает перчатки и раскладывает курицу на стеклянном блюде. Он привез все

готовое из «Ко-Ко». Название было до отвращения деревенским, но цыплят там готовить умели (если верить Норрису, с дарами моря все обстояло значительно хуже). Единственное неудобство, когда покупаешь навынос, а ехать до дома миль двадцать — все успевает остыть. Но для чего тогда выдумали микроволновки? Алан допускал три области применения для микроволновых печей: подогреть остывший кофе, приготовить попкорн и разогреть еду, купленную в местах типа «Ко-Ко».

— Они правда лучше? — спросил он, когда она запихнула цыплят в печку и нажала соответствующие кнопки. Уточнять, что это за «они», не было необходимости — они оба знали, о чем идет речь.

— Совсем чуть-чуть, — призналась она, — но я уверена, что скоро наступит уже ощутимое улучшение. Я уже чувствую теплое покалывание в ладонях — верный признак, что все должно нормализоваться.

Полли подняла руки. Вначале она болезненно стеснялась своих искривленных, несчастных рук, и эта стесненность еще оставалась, но Полли давно поняла, что интерес Алана к ее болезни происходит исключительно из-за того, что он ее любит и переживает за ее здоровье. Ему по-прежнему казалось, что ее руки неуклюжие и одервеневшие, будто на них надеты невидимые перчатки — жесткие, негнущиеся перчатки, сработанные неумелым и нерадивым скорняком, который надел их ей на руки и навечно пришил прямо к запястьям.

— Ты сегодня принимала таблетки?

— Одну рано утром, как встала.

Вообще-то она приняла три таблетки — две утром и одну после обеда, — но боль практически не утихла. Она боялась, что выдает желаемое за действительное и покалывание, о котором только что шла речь, не более чем продукт ее собственного воображения. Полли не любила лгать Алану; она знала, что ложь и любовь — понятия несовместимые. Но она так долго жила одна, что какая-то ее часть до сих пор страшилась этого неослабевающего

внимания и заботы. Она верила ему, да — но боялась посвящать его во все.

Он все настойчивее уговаривал ее посетить клинику в Майо, и она понимала, что, если Алан узнает, насколько сильные у нее боли на самом деле, он вообще от нее не отстанет. Она не хотела, чтобы ее проклятые *руки* стали главной составляющей их любви... и еще ее пугал возможный результат обследования в подобной клинике. С болью еще как-то можно жить, но жить без надежды... не факт.

— Достань из духовки картошку, пожалуйста, — попросила она. — Мне надо позвонить Нетти.

— А что с ней?

— Живот взбунтовался. Она сегодня не приходила. Хочу убедиться, что это не желудочный грипп. Розали говорит, что сейчас эпидемия, а Нетти ужасно боится врачей.

И Алан, знавший Полли Чалмерс гораздо лучше, чем полагала сама Полли, подумал, глядя ей вслед: *Кто бы говорил, любимая*. Он был полицейским и, даже когда он был не на работе, не мог отключить привычку наблюдать и анализировать; это была привычка, ставшая второй натурой. Тем более что стремление избавиться от этой привычки очень дорого ему стоило. Если бы он был чуть-чуть наблюдательнее в последние месяцы жизни Энни, они с Тоддом, возможно, были бы живы.

Он заметил перчатки, когда Полли встретила его в дверях. Он заметил, что она стянула их зубами, а не руками, как обычно. Он видел, как она раскладывает курицу, и заметил легкую гримасу на ее лице, когда она подняла тарелку и поставила ее в микроволновку. Это были плохие признаки. Он подошел к двери из кухни в гостиную, желая понаблюдать, насколько уверенно она наберет номер. Это был верный способ узнать, насколько сильна боль. И тут его ждал приятный сюрприз. Во всяком случае, так ему показалось.

Она быстро и уверенно набрала комбинацию клавиш, а из-за того, что она стояла в дальнем конце комнаты, он

не заметил, что этот аппарат — как и все остальные — был заменен на другую модель, с большими кнопками. Он вернулся на кухню, краем уха прислушиваясь к разговору в гостиной.

— Алло, Нетти?.. Я уже собиралась повесить трубку. Я тебя разбудила?.. Да... Ага... Ну и как?.. Вот и хорошо, а то я волновалась... Нет, с ужином все в порядке, Алан привез жареного цыпленка из одного ресторанчика в Оксфорде, «Ко-Ко» называется... Да, да, точно.

Алан достал поднос из шкафчика над кухонным столом и подумал: она врет насчет рук. Не важно, насколько ловко она обращается с телефоном, — боли были такими же сильными, как и в прошлом году, если не хуже.

Мысль о том, что Полли ему солгала, не очень его огорчила; его точка зрения относительно искажения правды была намного терпимее, чем ее. Возьмем, к примеру, ребенка. Она родила его в начале 1971 года, через семь с лишним месяцев после побега из Касл-Рока. Она рассказала Алану, что ребенок — мальчик, которого она назвала Келтоном, — умер в Денвере, в возрасте трех месяцев. Внезапная смерть ребенка грудного возраста — худший кошмар молодой матери. Очень даже правдоподобная история, и у Алана не было причин сомневаться, что Келтон Чалмерс действительно умер. В версии Полли был только один изъян: это была неправда. Алан был неплохим полицейским и чувствовал, когда люди лгут.

(кроме тех случаев, когда это была Энни)

Да, подумал он. *Кроме тех случаев, когда это была Энни.* Верно подмечено, а главное — вовремя.

Почему он решил, что Полли говорит неправду? Она слишком часто моргала? У нее был слишком прямой, слишком пристальный взгляд? Что-то было не так в том, как она поднимала руку и рассеянно теребила ухо? Как она скрещивала ноги — старый детский сигнал, означающий *это все понарошку?*

Все это вместе и... ничего. По большей части это был скрытый сигнал, звучащий у него в голове, как сирена

в аэропортовском металлодетекторе, которая включается, когда через рамку проходит кто-то с металлической заплаткой на черепе.

Впрочем, эта ложь его вовсе не злила и не волновала. Бывают люди, которые обманывают ради выгоды, люди, которые лгут от боли, люди, которые врут постоянно — просто потому, что идея говорить правду им абсолютно чужда... и есть люди, которые лгут потому, что ждут подходящего момента для правды. Он знал, что ложь Полли насчет Келтона относится к этому последнему разряду, и он был готов ждать. Придет время, и она раскроет ему свои секреты. Спешить некуда.

Некуда спешить: сама мысль светилась радостью.

Ее голос, доносившийся из гостиной — спокойный, красивый и такой *правильный,* — тоже радовал и успокаивал Алана. Он еще не избавился от чувства вины за то, что приходит сюда и знает, где лежит вся посуда и утварь, за то, что он знает, в каком ящике шкафа в спальне она держит чулки и где у нее начинаются и заканчиваются полоски незагорелой кожи, но все это не имело значения, когда он слышал ее голос. Потому что ее голос медленно, но верно становился для него голосом *дома*.

— Если хочешь, я к тебе загляну попозже... Ах, ты уже... Ну и правильно, сейчас тебе нужно как следует отдохнуть... *Завтра?*

Полли рассмеялась. Рассмеялась легко и свободно, и Алан почувствовал, как от этого смеха мир вокруг обновился. Он подумал, что, если она будет вот так смеяться, он хоть всю жизнь готов ждать, пока она не раскроет ему свои секреты.

— Нетти, даже и не думай! Завтра *суббота!* Я весь день собираюсь валяться в постели и откровенно грешить!

Алан улыбнулся. Он выдвинул ящик под плитой, нашел там пару прихваток и открыл духовку. Одна картофелина, две картофелины, три картофелины, четыре. Как, интересно, они вдвоем съедят четыре громадных печеных картофелины? Хотя он должен был догадаться, что еды

будет много, потому что именно так Полли и готовит. За этими четырьмя картофелинами явно скрывался какой-то еще секрет, и когда-нибудь, когда Алан получит ответы на все свои «почему» — ну, или на большую их часть, или хотя бы на половину, — чувство вины и смущения обязательно должно пройти.

Он вынул картошку. А через секунду пискнула микроволновка.

— Ой, Нетти, мне пора...

— Все в порядке! — заорал Алан. — Я держу ситуацию под контролем! Не волнуйтесь, дамочка! Я из полиции!

— ...но если тебе что-то понадобится, обязательно позвони мне. Ты уверена, что у тебя все в порядке?.. А если что-то будет не так, ты мне скажешь?.. Хорошо... Что?.. Нет, просто спросила... Тебе того же... Спокойной ночи, Нетти.

Когда Полли вернулась на кухню, Алан уже выложил цыплят на стол и выворачивал одну из картофелин из кожуры ей на тарелку.

— Алан, милый! Не надо было... зачем?

— Обслуживание по высшему разряду, красавица. — Он понял еще одну вещь: когда руки у Полли плохи, как сейчас, ее жизнь превращается в серию маленьких и мучительных сражений; обычные, пустячные дела повседневной жизни становятся полосой изматывающих препятствий, и все их надо преодолевать... а наказанием за неудачу становятся боль и унижение.

— Садись, — сказал он. — Давай цыплятничать.

Она рассмеялась и обняла его. Его неутомимый внутренний наблюдатель отметил, что она обхватила его спину предплечьями, а не ладонями. Зато другая — не столь отстраненная и бесстрастная — часть его сознания почувствовала, как ее ладное тело прижалось к нему и как сладко пахнут ее волосы.

— Дорогой ты мой, — сказала она тихо.

Он поцеловал ее, сначала нежно и осторожно, потом — настойчивее и сильнее. Его руки скользнули вниз,

к ее упругим ягодицам. Ткань ее старых джинсов была мягкой и шелковистой, она скользила под пальцами, как бархат.

— Сядь, громила, — скомандовала она. — Сперва кушать, потом обжиматься.

— Так мне можно надеяться? — спросил он. Если ее руки не стали лучше, она переведет все в шутку и найдет предлог отказаться.

Но она ответила:

— И даже нужно.

Алан сел за стол. Пока что все шло хорошо.

Пока что.

5

Когда они убирали со стола, Полли спросила:

— Эл приедет домой на выходные?

У Алана было два сына. Старший, оставшийся в живых, сейчас учился в Милтоне, Военной академии южнее Бостона.

— Нет, — сказал Алан, собираясь мыть тарелки.

— Я просто подумала, в понедельник ведь День Колумба, три дня выходных... — сказала она как бы между прочим.

— Он в гости поедет. К Дорфу, на мыс Код, — отозвался Алан. — Дорф — это Карл Дорфман, его сосед по комнате. Эл звонил в прошлую среду и спросил, можно ему не приезжать ко мне, а поехать к Дорфу на все три дня. Я сказал: можно.

Она дотронулась до его руки. Алан повернулся к ней.

— Алан, это из-за меня?

— Что из-за тебя? — искренне удивился он.

— Ты знаешь, о чем я. Ты хороший отец и неглупый человек. Сколько раз, с тех пор как началась учеба, Эл приезжал домой?

Внезапно Алан понял, к чему она клонит, и улыбнулся.

— Один раз. И то потому, что ему нужно было повидаться со своим старым приятелем-хакером, Джимми Кэтлином. Какие-то там программы не хотели запускаться на новом Коммодоре-64, который я подарил ему на день рождения.

— Вот видишь. Об этом я и говорю! Он считает, что я слишком быстро пытаюсь занять место его матери, и...

— О Господи! — перебил ее Алан. — И долго ты вынашивала идею, что Эл считает тебя Злой Мачехой?

Полли нахмурилась:

— Надеюсь, ты мне простишь, что для меня это совсем не смешно?

Он нежно обнял ее за плечи и поцеловал в уголок губ.

— Для меня тоже. Бывает так... я как раз сегодня об этом думал... что, когда я с тобой, я себя чувствую не в своей тарелке. У меня возникает чувство, что все случилось слишком быстро. Это не так, но иногда мне так *кажется*. Ты понимаешь, о чем я?

Она кивнула и вроде бы перестала хмуриться.

— Да, конечно. В фильмах и сериалах люди предаются скорби и трагическим переживания намного дольше. А в жизни все по-другому...

— В самую точку. В кино всегда уйма переживаний и совсем мало горя. Потому что горе — оно слишком *настоящее*. Горе... — Он отпустил плечи Полли, взял вымытую тарелку и принялся протирать ее полотенцем. — Горе — *жестокая* вещь.

— Да.

— Так что иногда я тоже чувствую себя виноватым. — Он удивился собственному тону. Он говорил так, словно оправдывался. — Частью из-за того, что мне кажется, будто наши отношения развиваются как-то уж слишком быстро, хотя это не так... частью из-за того, что мне кажется, что я слишком легко пережил свои несчастья, хотя и это неправда. Мысль о том, что я еще не испил до дна свою чашу скорби, по-прежнему не дает мне покоя, не буду этого отрицать... Но я знаю, что это все ерунда... по-

тому что в душе я по-прежнему переживаю свое горе. Хотя этого, может быть, и не видно.

— Какой ты все-таки хороший человек, — тихо сказала она. — Выдающийся человек.

— Ну, не знаю... А насчет Эла... он пытается справиться с этим по-своему. Это тоже неплохой способ, и я им горжусь. Он скучает по маме, но если он до сих пор *горюет* — в чем я в общем-то не уверен, — то причина этому Тодд. Но твои мысли, что он не приезжает домой потому, что не одобряет тебя... или нас... тут даже близко такого нет.

— Рада слышать. Ты даже не представляешь, какой камень упал у меня с души. Но мне все-таки кажется, что это...

— Немного неправильно, да?

Она кивнула.

— Я знаю, о чем ты. Но поведение детей, даже если оно нормальное, как 36,6, всегда кажется взрослым каким-то не таким. Мы забываем, как легко они переживают любое горе и как быстро меняются. Эл отдаляется. От меня, от своих старых друзей вроде Джимми Кэтлина, от самого Касл-Рока. Удаляется, уносится вдаль... Как ракета с включившейся третьей ступенью. Такова жизнь... но каждый раз для родителей это становится печальным сюрпризом.

— Что-то рановато, — осторожно сказала Полли. — Семнадцать лет... рановато еще отдаляться от семьи.

— Да, все правильно. Рано, — беззлобно отозвался Алан. — Он потерял мать и брата в идиотском несчастном случае. Его жизнь пошла наперекосяк, моя — тоже. Мы поступили так, как, наверное, в нашей ситуации поступает большинство отцов и сыновей... мы попробовали собрать хоть какие-то кусочки. И я, и он неплохо справились, но я не слепой, и я вижу, что все поменялось. Моя жизнь проходит здесь, в Касл-Роке. А его — нет. Уже нет. Я думал, что это не окончательно, что он вернется сюда... но видела бы ты его взгляд, когда я намекнул, что этой

осенью можно было бы перевести его в местный колледж. Я тут же сменил тему. Он не хочет возвращаться, слишком много тут осталось воспоминаний. Может быть, все изменится... со временем... но я не собираюсь на него давить. Поняла?

— Поняла. Алан?

— Да?

— Ты по нему скучаешь?

— Да, — просто сказал Алан. — Очень скучаю. — Он вдруг понял, что готов расплакаться. Понял и испугался. Отвернувшись, он открыл кухонный шкафчик и стал укладывать туда посуду, пытаясь взять себя в руки. Проще всего было бы сменить тему, и побыстрее. — Как Нетти? — спросил он, обрадованный тем, что его голос звучит нормально.

— Говорит, что к вечеру стало лучше, но прежде чем она взяла трубку, прошло столько времени... я уже представляла, как она лежит на полу без сознания.

— Ну, может, она спала?

— Она сказала, что нет, да и по голосу не похоже. Ты же знаешь, как говорят люди, разбуженные звонком.

Он кивнул. Это была еще одна его «полицейская» особенность. Ему не раз приходилось будить людей неожиданными звонками и самому быть разбуженным столь же варварским способом.

— Она сказала, что разбирала в сарае какие-то вещи, оставшиеся от матери, но...

— Если у нее желудочный грипп, скорее всего ты застала ее в уютной маленькой комнатке на белом троне. Просто ей было неловко об этом сказать.

Полли прыснула со смеху.

— Точно. Нетти бы точно было неловко!

— И это естественно, — сказал Алан. Он заглянул в раковину и вытащил пробку. — Душа моя, все вымыто.

— Спасибо, Алан. — Она чмокнула его в щеку.

— Ой, посмотри, что я нашел, — сказал Алан. Он протянул руку и достал из-за уха у Полли монетку в пять-

десят центов. — Красавица, ты всегда хранишь деньги в таком странном месте?

— Как ты это сделал? — удивилась Полли.

— Что сделал? — Алан изобразил искреннее удивление. Монета то исчезала, то пропадала в его чутких пальцах. Он зажал ее между средним и безымянным пальцами и перевернул ладонь, а когда вернул ее в прежнее положение, монета исчезла. — Как думаешь, может, мне бросить все и уйти в цирк?

Она улыбнулась:

— Нет, лучше останься здесь, со мной. Алан, ты думаешь, я зря так волнуюсь за Нетти?

— Нет, — сказал Алан. Он запустил в карман левую руку, в которую незаметно переложил монетку, вынул ее уже без монеты и взял посудное полотенце. — Ты вытащила ее из психушки, дала работу и помогла купить дом. Ты чувствуешь за нее ответственность, и в какой-то степени ты действительно за нее отвечаешь. Если бы ты за нее не волновалась, я волновался бы за тебя.

Полли взяла из сушилки стакан. Алан заметил, как она скривилась от боли, и понял, что она не удержит стакан, хотя тот уже почти высох. Он мгновенно присел и протянул руку. Это было проделано столь грациозно, что могло бы сойти за танцевальное па. Стакан выпал и шлепнулся в его раскрытую ладонь в восемнадцати дюймах от пола.

Боль, грызшая Полли всю ночь, и сопутствующий ей страх, что Алан догадается, *насколько* ей больно, — все растворилось во внезапном наплыве желания, такого жгучего, что Полли не просто удивилась: она испугалась. Нет, «желание» — слишком робкое слово. Чувство, которое нахлынуло на нее жаркой волной, было значительно проще и примитивнее. Это была откровенная похоть.

— У тебя движения, как у дикой кошки, — сказала она, когда он выпрямился. Ее голос стал низким и томным. Она продолжала рассматривать его грациозные ноги, изгиб длинных мускулов его бедер, мягкую дугу икр. —

Как у тебя получается так быстро двигаться, ты же такой большой?

— Не знаю, — озадаченно ответил Алан. — А что такое? Полли, что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

— Я чувствую, — сказала она, — что сейчас кончу в штаны.

Тогда наконец до него тоже дошло. Сразу. Это было ни хорошо и ни плохо. Просто *было*.

— А мы сейчас это проверим, — промурлыкал он, двинувшись к ней с той же кошачьей грацией и стремительной легкостью, которую никто бы не заподозрил в нем, встретив, к примеру, на улице. — Мы сейчас это проверим. — Он поставил стакан на стол и запустил руку ей между ног, прежде чем она сообразила, что происходит.

— Алан, что ты де... — Тут его большой палец нежно, но сильно надавил ей на клитор, и «*делаешь*» превратилось в «дела-*а-а-а!*-ешь», и он подхватил ее на руки с восхитительной легкостью. Она обняла его шею, даже в такой интимный момент стараясь сделать это запястьями, чтобы не потревожить больные кисти; они торчали у него за спиной, как жесткие пучки прутьев, и вдруг оказалось, что это — единственная твердая часть ее тела. Все остальное, казалось, тает. — Алан, поставь меня *на место!*

— И даже не думай, — сказал он и поднял ее еще выше.

Она соскользнула чуть вниз, и Алан, воспользовавшись этим, пропустил свободную руку ей за спину и притянул ее к себе. Неожиданно для самой себя она начала скользить взад-вперед по его руке, как девочка на коне-качалке, а он помогал ей подниматься и опускаться, и она почувствовала себя так, словно качается на удивительных качелях, ноги в воздухе и звезды в волосах.

— Алан...

— Держись крепче, красавица. — Он засмеялся, как будто держал в руках пушинку. Она откинулась назад, не думая в нарастающем возбуждении ни о чем — она знала,

что он не даст ей упасть; а потом он притянул ее к себе, одной рукой лаская ее спину, а большим пальцем другой руки вытворяя *там* вещи, о которых она даже *не подозревала*, что такое бывает, и она вновь отстранилась, в экстазе выкрикивая его имя.

Оргазм ударил, как сладкая разрывная пуля, и разлетелся осколками по всему телу. Ее ноги взлетели дюймов на шесть выше кухонной двери (один тапочек слетел с ноги и приземлился в гостиной), голова откинулась назад, и ее темные волосы легли ему на предплечье легким щекочущим ручьем; и на самом пике удовольствия он поцеловал ее в нежную белую шею.

Он поставил ее на ноги... и тут же опять подхватил, потому что у нее подкосились колени.

— О Господи! — Она обессиленно рассмеялась. — Боже мой, Алан, я оставлю эти джинсы на память.

Алана пробило на смех, и он буквально взревел от хохота. Согнувшись пополам, он свалился на один из стульев и даже не рассмеялся, а просто заржал, держась за живот. Она шагнула к нему. Он обнял ее, посадил себе на колени и встал на ноги, держа ее на руках.

Полли почувствовала, как чарующая волна восторга и вожделения охватывает ее вновь, но в этот раз она была четче, определеннее. *Теперь,* подумала она, *это желание. Я возжелала этого мужчину.*

— Отнеси меня наверх, — сказала она. — Если боишься, что не донесешь, отнеси меня на диван. Если не донесешь до дивана, возьми меня прямо тут, на полу.

— Кажется, до гостиной меня все-таки хватит, — сказал он. — Как твои руки, красавица?

— Какие руки? — томно спросила она и закрыла глаза. Она сосредоточилась на чистой, незамутненной радости этого момента. Она плыла сквозь пространство и время в его руках, плыла в мягкой тьме, окруженная его силой. Она уткнулась лицом ему в грудь, и, когда он уложил ее на диван, она притянула его к себе... и на этот раз — не запястьями, а кистями.

6

Они провели на диване около часа, потом еще неизвестно сколько — в душе, пока горячая вода не размыла разницу между сном и реальностью. Потом они вместе залезли в постель и просто лежали, прижавшись друг к другу, слишком опустошенные и слишком довольные для чего-то другого.

Сегодня Полли собиралась заняться с Аланом любовью, но скорее для того, чтобы успокоить его, а не потому, что хотела сама. Она совершенно не ожидала такой бешеной серии вспышек и взрывов... но она была вовсе не против. Боль в руках начала брать свое, но сегодня, чтобы заснуть, ей не понадобится перкордан.

— Ты фантастический любовник.

— Ты тоже.

— Принято единогласно. — Она положила голову ему на грудь. Там, в глубине, глухо ворочалось сердце, словно бурча: «Баста, все, на сегодня хватит, никакой больше ночной сверхурочной работы для меня и моего босса». Она вспомнила — не без легкого эха испугавшей ее дикой страсти, — каким он был быстрым и сильным... но больше всего ее поразила именно его стремительность. Она знала его с тех пор, как Энни пришла работать к ней в ателье, месяцев пять назад они стали любовниками, но она даже не подозревала, что он может двигаться с такой грациозной ловкостью, как сегодня. Словно он весь целиком состоял из смешных трюков с монетами, фокусов с картами и животных-теней, о которых знали чуть ли не все дети в городе и, как только встречали Алана, тут же начинали его упрашивать показать им какую-нибудь зверюшку. Это было непривычно... но так удивительно.

Она расслабилась и почувствовала, что засыпает. Надо бы сказать Алану, что если он собирается остаться на ночь, то надо бы загнать его машину в гараж: Касл-Рок — городок небольшой, но болтливых языков в нем — хоть пруд

пруди. Но это лишнее. Алан сам обо всём позаботится. Она уже поняла, что Алан — настоящий мужик.

— Есть известия от Бастера и преподобного Вилли? — сонно спросила она.

Алан улыбнулся:

— На обоих фронтах затишье. Я всегда очень признателен мистеру Китону и преподобному Роузу, если я их не вижу в течение дня, и с этой позиции день явно удался.

— Это хорошо, — муркнула Полли.

— Да, но у меня есть новости и получше.

— Да?

— У Норриса снова хорошее настроение. Он купил удочку со спиннингом у твоего нового друга, мистера Гонта, и теперь у него все разговоры исключительно о рыбалке. Собирается поехать на выходные. Я так думаю, что он ничего не поймает, а только задницу себе отморозит — то есть то место, где у нормальных людей обычно бывает задница, — но если Норрис доволен, доволен и я. Вчера, когда Китон на него наехал, я ужасно разозлился. Над Норрисом насмехаются, потому что он тощий и странноватый, но за последние три года он стал хорошим полицейским. И я понимаю, как ему обидно, когда над ним все смеются. Это ведь не его вина, что он похож на единоутробного брата Дона Ноттса.

— Угумммм...

Полли уже погружалась в дрему. Уплывала в сладкую тьму, где нет боли. Засыпала с мечтательной и по-кошачьи довольной улыбкой.

7

К Алану сон пришел не так быстро.

В голову лезли самые разные мысли, но на этот раз уже без наигранного ликования. Теперь он страдал и сомневался. Внутренний голос терзал его: *Где мы, Алан?*

Разве это та комната? Та постель? Та женщина? Я уже ничего не понимаю.

Алану вдруг стало жалко. Но не себя, а этот предательский голос. Потому что это был чужой голос из прошлого. Он всегда подозревал, что этот говорил именно то, что сам Алан — Алан в настоящем и Алан в будущем — хотел услышать. Это был голос долга, голос скорби. И все еще — голос вины.

Чуть больше двух лет назад у Энни Пангборн начались головные боли. Не особенно сильные — во всяком случае, так она утверждала. Энни не любила рассказывать о своих болячках, как и Полли — о своем артрите. Однажды утром — это было в самом начале 1990 года — Алан брился в ванной и вдруг заметил, что с большой пластмассовой бутыли с «Анацином-3», что стояла на полке над раковиной, свалилась крышка. Он начал было прикручивать ее на место... но остановился. Неделю назад он брал отсюда пару таблеток, а всего в упаковке их было двести двадцать пять штук. Бутыль была почти полная. Теперь же она была практически пуста. Алан стер с лица остатки пены для бритья и пошел в ателье «Мы тут шьем понемножку», где работала Энни. Он вызвал жену на чашку кофе... и на пару вопросов. Он спросил ее про аспирин. Он сам был немного испуган,

(*но совсем чуть-чуть*, грустно подсказал внутренний голос)

но совсем чуть-чуть, потому что *никто* не станет принимать по сто девяносто таблеток аспирина в неделю, *никто*. Энни сказала, чтобы он не говорил глупости. «Я протирала полку над раковиной, — объяснила она, — и опрокинула бутылку. Крышка была плохо прикручена, и почти все таблетки высыпались в раковину. Они начали таять, и я их выкинула».

Так она сказала.

Но он был полицейским и даже в нерабочее время не мог избавиться от привычки наблюдать и делать выводы. Он не мог отключить свой внутренний детектор лжи. Если

внимательно присмотреться к людям, то почти всегда ясно, когда они лгут и когда говорят правду. Алан однажды допрашивал человека, который буквально в открытую сигнализировал, что он говорит неправду — во время допроса он постоянно теплял ногтем большого пальца свой выпирающий клык. Человек может лгать с совершенно честным лицом, но его тело его выдает. В общем, Алан не поверил жене и попросил ее сказать правду. И после недолгих раздумий она сказала, что — да — боли в последнее время усилились, и — да — она принимала аспирин, но — нет — она выпила далеко не все, потому что бутылка и вправду свалилась в раковину. И Алан поддался на самый старый в мире трюк, который аферисты называют «приманка с подсечкой»: если ты соврал и тебя поймали — отступи и скажи полуправду. Если бы он попристальнее всмотрелся в ее лицо, то понял бы, что она снова ему солгала. И тогда ему пришлось бы заставить ее признать то, что казалось ему невозможным, но в конце концов оказалось правдой: боли были настолько сильны, что она принимала по двадцать таблеток в день. И если бы Энни это признала, то еще до конца недели он отвез бы ее к невропатологу в Бостон или Портленд. Но она была его женой, и в те дни он еще не оставил стараний избавиться от своих полицейских привычек — в частности, от привычки внимательно наблюдать и во всем видеть подвох — в нерабочее время.

Он ограничился тем, что записал ее к доктору Ван Аллену, и она пошла на прием. Рэй ничего не нашел. И Алан не держал на него зла. Он провел обычные тесты на рефлексы, осмотрел глазное дно, проверил Энни зрение, чтобы убедиться, что в глазах у нее не двоится, и отправил ее на рентген в Оксфордскую районную больницу. Однако он не назначил ей компьютерную томографию, и когда Энни сказала, что боли прошли, Рэй ей поверил. Возможно, он даже был прав, предположил Алан. Врачи не менее чутки к языку тела, чем полицейские. Пациенты похожи на подозреваемых, и причина тому — самый обык-

новенный страх. Когда Рэй беседовал с Энни, он был, если можно так выразиться, при исполнении. Так что вполне могло быть, что за время, прошедшее с того разговора в кафе до визита Энни к врачу, ее головные боли действительно прекратились. *Может быть,* прекратились. Позже, во время долгого разговора за парой стаканов бренди в доме доктора Ван Аллена в Касл-Вью, Рэй сказал Алану, что в тех случаях, когда опухоль расположена близко к важным мозговым центрам, часто бывает, что симптомы болезни то появляются, то исчезают. «Один из главных симптомов опухоли — припадки, — сказал он Алану. — Если бы у нее случился припадок...» — Он пожал плечами. Да. *Если бы.* А может, невольным соучастником гибели его жены и ребенка был человек по имени Тэд Бомон, но и его Алан ни в чем не винил.

Не все происшествия, которые случаются в маленьких городках, становятся достоянием местных жителей вне зависимости от того, насколько их ушки держатся на макушке или как энергично они болтают языками. В Касл-Роке все знали о Фрэнке Додде, полицейском, который сошел с ума и начал убивать женщин еще при шерифе Баннермане; знали о Кадже, бешеном сенбернаре, вышедшем на тропу войны на шоссе № 3; знали, что дом на озере, принадлежавший Тэду Бомону, писателю и местной знаменитости, сгорел дотла летом 1989-го... но мало кто знал, при каких обстоятельствах случился этот пожар и что Бомона преследовал человек, на самом деле бывший не человеком, а *существом*, которому не дано иметь имени. Алан Пангборн все это знал, и иногда эти воспоминания посещали его во сне — до сих пор. К тому времени когда Алан узнал о головных болях Энни, все это вроде бы уже закончилось... хотя на самом деле нет. Из-за пьяных телефонных звонков Бомона Алан стал невольным свидетелем того, как рушилась семейная жизнь Тэда и как сам он неумолимо терял рассудок. Но тут речь шла и о его собственном душевном здоровье. В каком-то журнале Алан прочел статью о черных дырах — громадных небес-

ных телах, которые, согласно гипотезам, являются водоворотами антиматерии и ненасытно засасывают в себя все, до чего могут дотянуться. Поздней осенью 1989-го дело Бомона стало личной черной дырой Алана. Случались дни, когда он ловил себя на том, что сомневается в реальности своей жизни, и задавался вопросом: все, что с ним происходит, происходит на самом деле или ему это только кажется? Случались ночи, когда он лежал без сна, пока на востоке не загоралась красноватая полоска зари. Он боялся заснуть, боялся увидеть кошмарный сон: черный торнадо, несущийся прямо на него, черный торнадо с разлагающимися монстрами за рулем и наклейкой на бампере: ПЕРВОКЛАССНЫЙ СУКИН СЫН. В те дни он мог заорать дурным голосом при виде воробья, вспорхнувшего на ограду. И если бы его спросили, в чем дело, он бы ответил: «Когда у Энни начались проблемы, я был не в себе». Но дело тут было не только в душевном смятении. Где-то в глубинах сознания он отчаянно бился с безумием. ПЕРВОКЛАССНЫЙ СУКИН СЫН — вот так оно возвращалось к нему. Оно преследовало его. Безумие и еще — воробьи.

В тот мартовский день, когда Энни и Тодд сели в старый «скаут», который они держали для загородных поездок, и направились в магазин Хемфилла, Алан опять был в смятении. Уже потом он раз за разом прокручивал в голове ее поведение в то утро, но не мог вспомнить ничего необычного. Когда они уехали, он как раз занимался делами. Он выглянул в окно и помахал им рукой. Тодд помахал ему в ответ. В тот день он видел их живыми последний раз в жизни. Они проехали три мили по шоссе 117, и менее чем в миле от Хемфилла их машина вылетела с дороги и врезалась в дерево. Полиция штата выяснила, что Энни — обычно всегда осторожная — разогналась до семидесяти миль в час. Тодд был пристегнут ремнем, Энни — нет. Она скорее всего умерла сразу, когда вылетела через ветровое стекло, оставив в кабине ногу и половину руки. Тодд, возможно, был еще жив, когда взорвал-

ся пробитый бак. Вот *это* терзало Алана сильнее всего: то, что его десятилетний сын, ведущий шуточную астрологическую колонку в школьной газете и бывший самым ярым на свете фанатом Младшей бейсбольной лиги, мог остаться в живых, но, вероятно, сгорел заживо, пытаясь справиться с замком ремня безопасности.

Вскрытие выявило опухоль мозга. Маленькую, как сказал Ван Аллен. Размером с зернышко арахиса. Он не сказал, что ее можно было удалить, если бы ее вовремя диагностировали. Но Алан все понял — по виноватому лицу доктора и по его опущенным глазам. Ван Аллен сказал, что не исключено, что у Энни все-таки случился припадок, который мог бы раскрыть им глаза, если бы это произошло чуть раньше. Из-за припадка у нее должны были начаться судороги, как от сильного электрошока, она могла до упора вдавить педаль газа и потерять контроль. Он рассказал все это Алану не по своей воле; рассказал потому, что Алан беспощадно его выспрашивал, и еще потому, что Ван Аллен видел, что горе горем, но Алан хочет знать правду... хотя бы ту ее часть, которую можно было восстановить. «Пожалуйста, — сказал Ван Аллен, мягко сжав руку Алана, — это был просто несчастный случай. *Ужасный* несчастный случай, но ничего более. Смиритесь с этим. У вас остался еще один сын, и вы нужны ему так же, как он нужен вам. Смиритесь и займитесь делами». Алан попробовал. Сверхъестественный ужас дела Тэда Бомона, дела

(воробьи-воробушки летят)

с птицами стал забываться, и Алан честно пытался начать жить заново — вдовец, полицейский в небольшом городе, отец мальчика-подростка, быстро взрослеющего и слишком быстро отдаляющегося... не из-за Полли, нет. Из-за смерти матери и брата. Из-за ужасной, оглушительной травмы: *Сынок, у меня страшные новости; держись*... тут он, конечно, заплакал. И Эл тоже заплакал.

Но несмотря ни на что, они все-таки выстояли, хотя и по-прежнему переживали свое неизбывное горе. Но

теперь уже легче, гораздо легче... Лишь две вещи упорно отказывались уходить в небытие.

Первая: громадная бутыль с аспирином, опустошенная всего за неделю.

Вторая: Энни не пристегнулась.

Энни *всегда* пристегивалась.

После трех недель сплошных кошмаров и бессонных ночей Алан записался на прием к невропатологу в Портленде, забыв об украденных лошадях и взломанных сараях. Он пошел к врачу, потому что у этого человека могли быть ответы на вопросы, мучившие Алана, и еще потому, что он устал вытягивать ответы из Рэя Ван Аллена. Врача звали Скоупс, и впервые в жизни Алан использовал служебное положение в личных целях: он сказал Скоупсу, что вопросы, которые он задает, касаются полицейского расследования. Врач подтвердил основные подозрения Алана: да, люди с опухолью мозга иногда поступают иррационально и бывают склонны к самоубийству. Когда человек с опухолью мозга совершает самоубийство, сказал Скоупс, оно часто бывает спонтанным, период размышлений может ограничиться считанными минутами, а то и секундами. «А может ли такой человек прихватить кого-нибудь с собой?» — спросил Алан.

Скоупс, который сидел за столом, откинувшись на спинку кресла и закинув руки за голову, не мог видеть рук самого Алана, до побеления стиснутых между коленями. О да, сказал Скоупс. Такое встречается: опухоли, расположенные поблизости от мозгового ствола, часто провоцируют поведение, близкое к помешательству. Больной может прийти к выводу, что боли, которые его мучают, мучают и его близких или даже всю человеческую расу; он может вбить себе в голову, что их близкие все равно не захотят жить, когда он умрет. Скоупс вспомнил случай Чарльза Уитмена, десантника, который забрался на крышу небоскреба в Техасе и убил более двадцати человек перед тем, как пустить себе пулю в лоб. Так же известен случай одной учительницы в Иллинойсе, убившей не-

скольких учеников и покончившей собой. Вскрытие показало у обоих опухоль мозга. Так бывает, но, разумеется, не во всех случаях — и даже не в большинстве. Иногда опухоль мозга проявляется в странных, даже диковинных симптомах; иногда симптомов не бывает вообще. Заранее сказать невозможно.

Невозможно. Так что успокойся.

Хороший совет. Но, как говорится: совет-то хорош, но цена ему — грош. Потому что была бутылочка с аспирином. И непристегнутый ремень.

Больше всего Алана смущал ремень — болтался в глубине сознания, как маленькое черное облако, не желающее исчезать. Энни всегда пристегивалась. *Всегда.* Даже когда нужно было доехать до угла и обратно. А Тодд был пристегнут. Это, наверное, что-то значит. Если бы Энни решилась покончить собой и захватить на тот свет и Тодда, разве он был бы пристегнут? Даже мучаясь болью и тяжкой депрессией, даже не зная, что делать, разве Энни хотела, чтобы Тодд пострадал?

Теперь ты этого уже никогда не узнаешь. Так что оставь и не забивай себе голову.

Но даже сейчас, лежа в кровати с Полли, он не мог принять этот совет. Его мысли вновь и вновь возвращались к этой проблеме — упорные, как щенок, треплющий старый изжеванный кусок сыромятного ремня своими маленькими острыми зубками.

Во время таких ночных размышлений перед ним неизменно возникала кошмарная картина — картина, которая и привела его к Полли Чалмерс, потому что Полли была ближе всех к Энни, и, имея в виду дело Бомона и психологический урон, нанесенный им Алану, можно с уверенностью предположить, что в последние месяцы жизни Энни Полли была даже ближе к ней, чем сам Алан.

Он представлял себе, как Энни отстегивает ремень, вдавливает педаль газа в пол и отпускает руль. Отпускает руль, потому что за последние две-три секунды ей нужно было сделать еще кое-что.

Отпускает руль, чтобы отстегнуть ремень безопасности Тодда.

Другая картинка: «скаут» с ревом мчится по шоссе со скоростью семьдесят миль в час, виляет вправо, к деревьям, белое мартовское небо наливается дождем, Энни пытается отстегнуть ремень безопасности Тодда, а Тодд кричит от страха и пытается отцепить ее руки от замка. Он видит, как доброе лицо мамы вдруг превращается в ощерившуюся маску злой ведьмы. Часто Алан просыпался в поту, и в ушах у него звенел крик Тодда: *Деревья, мама! Осторожно, ДЕРЕВЬЯ-А-А-А!*

Однажды Алан собрался с духом и как-то вечером, уже под закрытие ателье пошел к Полли, чтобы пригласить ее зайти к нему на чашку кофе или, если она не захочет, напроситься к ней в гости.

Они сидели у него в кухне (*в той самой, ПРАВИЛЬНОЙ кухне*, не преминул вставить внутренний голос). Полли пила чай, Алан пил кофе и рассказывал ей — медленно и запинаясь — о своем кошмаре.

— Мне нужно знать, если это возможно, случались ли у нее периоды депрессии, которых я не замечал или о которых мне неизвестно, — сказал он. — Может, она вела себя как-то странно. Мне надо знать... — Он беспомощно замолчал. Он знал, что хочет сказать, но ему было трудно произносить слова. Как будто канал связи между его несчастным, запутавшимся разумом и губами становился все у́же и тоньше и грозил вскоре и вовсе прервать сообщение.

Собравшись с силами, он продолжил:

— Мне нужно знать, могла ли она покончить с собой. Потому что погибла не только Энни. Вместе с ней погиб Тодд, и если были какие-то признаки... только признаки, *намеки*... которых я не заметил, то я в ответе за его смерть. И мне нужно знать.

Он умолк. Сердце бешено колотилось в груди. Он провел ладонью по лбу и сам удивился тому, что ладонь стала мокрой от пота.

— Алан, — сказала Полли, положив руку ему на запястье и пристально глядя на него, — если бы я что-то такое заметила и никому не сказала, я бы тоже была виновата в том, что случилось.

Алан помнил, как его поразили ее слова. Полли могла заметить в поведении Энни нечто, ускользнувшее от его внимания; это он допускал. Но мысль, что если ты замечаешь, что кто-то ведет себя странно, то надо что-то по этому поводу предпринимать, была для него новой.

— А ты что-то заметила?

— Нет. Я много раз перебирала в памяти эти последние месяцы. Не хочу приуменьшать твое горе и боль потери, но ты не единственный, кто это чувствует, и ты не единственный, кто заработал кучу переживаний типа «а если бы я...» из-за смерти Энни и Тодда. Все эти недели я прокручивала в голове все наши с ней разговоры, но уже в свете того, что показало вскрытие. Я и сейчас вот сижу и думаю... теперь уже в свете того, что ты рассказал мне про аспирин. И знаешь что?

— Что?

— Ничего, — сказала она без всякого выражения. — Ни-че-го. Иногда мне казалось, что она бледнее обычного. Помню, пару раз она разговаривала сама с собой за работой. Вот и все странное поведение, которое я могу вспомнить, и виню себя в этом. А ты?

Алан кивнул.

— Но в основном я помню ее такой, какой она была в нашу первую встречу: приветливая, доброжелательная, всегда готовая помочь... очень хороший друг.

— Но...

Ее рука сжалась у него на запястье.

— Нет, Алан. Никаких «но». Знаешь, Рэй Ван Аллен тоже винит себя... кажется, это называется «тяжким утренним самокопанием». Ты считаешь, что он виноват, что просмотрел опухоль?

— Нет, но...

— А я? Я работала с ней бок о бок, я ее видела каждый день. В десять утра мы пили кофе, обедали в двенадцать и опять пили кофе в три. Со временем мы стали близки и многим друг с другом делились, причем достаточно откровенно. Я знаю, Алан, что ты ее полностью удовлетворял и как друг, и как любовник, и я знаю, что она очень любила своих мальчиков. Но если под влиянием болезни она стала склоняться к самоубийству... то этого я не знала. Скажи, ты винишь *меня?* — Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, но...

Она снова сжала его запястье — слегка, но со смыслом.

— Я хочу тебя кое о чем спросить. Это важно, так что подумай, прежде чем отвечать.

Алан кивнул.

— Рэй был ее доктором, и если что-то и было, он не заметил. Я была ее подругой, и если что-то и было, я не заметила. Ты был ее мужем, и если что-то и было, ты тоже этого не заметил. Но это еще не все.

— Что-то я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Еще один человек был к ней близок, — сказала Полли. — Думаю, он был к ней ближе, чем кто-либо из нас.

— Кто...

— Алан, а что говорил *Тодд?*

Алан уже вообще ничего не понимал, как будто она говорила на каком-то иностранном языке, которого он не знал. Он смотрел на нее, ожидая объяснений.

— *Тодд*, — нетерпеливо повторила Полли. — Твой сын Тодд! Который не дает тебе спать спокойно. Дело ведь в нем, да? Не в ней, в Тодде.

— Да, — сказал он. — Дело в нем. — Его голос дрожал, и срывался, и отказывался подчиняться. Алан почувствовал, что внутри у него что-то сдвинулось, что-то очень большое и основательное. И теперь, лежа в спальне у Полли, он вспомнил тот момент в кухне со сверхъестественной четкостью: ее руку на своем запястье в желтом столбе

заходящего солнца; ее волосы, искрящиеся, как золото; ее светлые глаза; ее нежную настойчивость.

— Она силой заставила Тодда сесть с ней в машину? Он отбивался? Кричал? Дрался с ней?

— Нет, конечно. Она же его ма...

— Тодд поехал с Энни в магазин. Чья это была идея? Его или ее? Можешь вспомнить?

Он собрался сказать «нет», но вдруг вспомнил. Копаясь в финансовых отчетах участка, он слышал их голоса, доносившиеся из гостиной:

Я еду в магазин, Тодд, — поедешь со мной?

А можно мне будет глянуть кассеты?

Да. И спроси у папы, ему ничего не нужно?

— Идея была ее, — сказал он Полли.

— Ты уверен?

— Да. Но она его просто спросила. Она ему не приказывала.

Это внутреннее *нечто* — нечто большое и фундаментальное — продолжало сдвигаться. И если оно упадет, оно вырвет громадный кусок у него из души, потому что корни этого *нечто* проросли очень глубоко.

— Он ее не боялся?

Теперь уже Полли допрашивала его, как сам он допрашивал Рэя Ван Аллена, и он ничего не мог сделать. И если честно, не особенно-то и хотел. В том их разговоре действительно что-то было — что-то, что он упустил в своих бесконечных ночных размышлениях.

— Тодд — Энни?! Боже, конечно, нет!

— В последние месяцы перед их гибелью?

— Нет.

— В последние недели?

— Полли, я был не в том состоянии, чтобы замечать подобные вещи. Дело Тэда Бомона, писателя... всякая чертовщина...

— Ты имеешь в виду, что ты был настолько занят, что не замечал Тодда с Энни, когда они были рядом, или просто редко бывал дома?

— Нет... да... то есть дома-то я, конечно, бывал...

Алан чувствовал себя странно, отвечая на ее вопросы. Как будто Полли накачала его новокаином и теперь использовала как боксерскую грушу. Тяжесть у него в душе — что бы это ни было — продолжала сдвигаться, набирая скорость и приближаясь к черте, после которой падение будет уже неминуемо.

— Тодд когда-нибудь говорил тебе: «Я боюсь маму»?

— Нет...

— Он когда-нибудь говорил тебе: «Папа, кажется, мама хочет убить себя и меня за компанию»?

— Полли, это уж слишком...

— Говорил?

— *Нет!*

— Он говорил, что она говорила или вела себя странно?

— Нет...

— А Эл уже уехал в школу?

— Какое это имеет...

— В гнезде остался только один птенец. Когда ты уезжал на работу, они были дома вдвоем. Она с ним завтракала, помогала делать уроки, смотрела с ним телевизор...

— Читала ему книжки... — глухо пробормотал он, не узнавая собственный голос.

— Скорее всего она была первой, кого он видел, просыпаясь наутро, и она же укладывала его спать, — сказала Полли, еще сильнее сжимая его запястье и серьезно глядя в глаза. — Если кто-то и мог заметить, что она изменилась, так это он. *Но он никому ничего не сказал.*

И вот тут эта тяжесть у него внутри сорвалась и упала. Его лицо исказилось болью. У него было такое чувство, как будто к этой штуковине был прикреплен пучок струн, соединенных с его душой, и теперь за каждую струну тянула нежная, но настойчивая рука. Его бросило в жар, в горле встал ком. Глаза защипало от слез; Полли Чалмерс двоилась, троилась и наконец раздробилась на всполохи света. Его грудь судорожно вздымалась, но легким уже не

хватало воздуха. Он схватил Полли за руку (наверное, ей было очень больно, но она не проронила ни звука).

— *Мне так ее не хватает!* — закричал он, и глубокий судорожно-болезненный вздох разорвал пополам его фразу. — *Мне не хватает их обоих, о Господи, как же я по ним скучаю*!

— Я знаю, — тихо сказала Полли. — Я знаю. В этом-то все и дело, Алан. Тебе без них плохо.

Алан заплакал. Эл плакал чуть ли не каждый день в течение двух недель, и все это время Алану нужно было его поддерживать. Сам он плакать не мог. Но теперь его прорвало. Слезы уже не подчинялись его воле. Он не мог умерить своей скорби, и — как он только что с невероятным облегчением понял — ему и не надо было ее умерять.

Слепо двигая руками, он сбил свою чашку и услышал, как где-то совсем в другом мире она упала на пол и разбилась. Он уронил на стол вдруг отяжелевшую голову, обхватил ее руками и разрыдался.

Чуть позже он почувствовал, как Полли подняла его горячую голову своими прохладными руками — своими несчастными, добрыми руками — и прижала ее к себе. Он рыдал, уткнувшись ей в живот. Еще долго-долго.

8

Ее рука начала соскальзывать у него с груди. Алан нежно снял ее руку, боясь даже легонько ударить ее и разбудить Полли. Глядя в потолок, он размышлял о том, что в тот день она, похоже, его провоцировала. Да, наверное. Она либо знала, либо интуитивно чувствовала, что ему нужно выплеснуть свое горе — гораздо больше, чем получить ответы на свои вопросы, тем более что у нее все равно не было этих ответов.

Тогда между ними все и началось, хотя он еще этого не понимал. Для него это было не начало чего-то нового,

а скорее конец чего-то старого. С того вечера и до того дня, когда Алан, собрав все свое мужество, решился-таки пригласить Полли на ужин, он очень часто вспоминал взгляд ее голубых глаз и руку, лежащую на его руке. Он думал о мягком упорстве, с которым она подталкивала его к мыслям — тем, что он проглядел или не хотел замечать. И все это время он пытался справиться с новыми чувствами относительно смерти Энни; как только глухая плотина между ним и его горем была разрушена, на него нахлынули совершенно иные чувства. Больше всего его злило то, что Энни скрывала болезнь, которую можно было бы вылечить... и что в тот день она взяла с собой сына. Кое-что из своих новых соображений он решил обсудить с Полли в «Березах» одним холодным и дождливым апрельским вечером.

— Теперь ты думаешь, что это было не *само*убийство, а убийство, — сказала она. — Потому ты так злишься, Алан.

Он покачал головой и начал было возражать, но она перегнулась через стол и прикрыла ему рот своей изуродованной рукой. Этот жест так его ошарашил, что он действительно заткнулся.

— Да, — продолжила она. — Сегодня я вовсе не собираюсь учить тебя прописным истинам. Я уже и не помню, когда я в последний раз ужинала с мужчиной, и я слишком ценю этот вечер, чтобы разыгрывать из себя генерального прокурора. Но вообще-то это неправильно — злиться на людей... по крайней мере так, как злишься *ты*... за то, что они попали в аварию, если только это не произошло по большой глупости. Если Энни с Тоддом погибли из-за неисправности тормозов, ты можешь винить себя в том, что вовремя их не проверил, или можешь подать в суд на Сонни Джакетта за халатную работу, но ты же не станешь винить *ее*. Правильно?

— Да, наверное.

— Не «наверное», а так и есть. Кто знает, может быть, это действительно был несчастный случай? Ты говорил,

что у нее мог начаться припадок, но лишь потому, что тебе так сказал доктор Ван Аллен. А тебе не приходило в голову, что она могла уворачиваться от оленя, который неожиданно выбежал на дорогу? Что все значительно проще, чем ты себе представляешь?

Да, приходило. Олень, птица, даже встречная машина, выехавшая на противоположную полосу.

— Да, но ремень безо...

— Да *забудь* ты про этот проклятый ремень! — сказала она с таким пылом, что кое-кто из посетителей, сидевших поблизости, стал оглядываться. — Может быть, у нее болела голова, и из-за этого она один-единственный раз забыла пристегнуться, но это еще не значит, что она разбила машину специально. И головная боль — очень сильная боль — как раз объясняет, почему Тодд был пристегнут! И это еще не все.

— А что еще?

— Твою злость поддерживает слишком много «если». И даже если сбылись самые худшие из твоих подозрений, ты все равно никогда этого не узнаешь.

— Да...

— И даже если бы ты знал... — Она пристально посмотрела на него. Между ними на столе стояла свеча. В ее отсветах глаза Полли казались синими, и в их глубине притаилось по искорке света. — Да, опухоль мозга — это несчастье. Но в этом нет ничьей вины, Алан. Как вы там говорите у себя в полиции? Дело закрыто из-за отсутствия обвиняемого. И пока ты это не примешь, никаких шансов не будет.

— Каких шансов?

— У *нас* не будет никаких шансов, — спокойно сказала она. — Алан, ты мне очень нравишься, и я еще не настолько стара, чтобы бояться рискнуть, но и не настолько молода, чтобы не бояться разочарований в случае, если мои чувства вырвутся из-под контроля. И я не буду давать им волю до тех пор, пока ты не разберешься в себе и не справишься с гибелью Энни и Тодда.

Он смотрел на нее, не находя слов. Над их столиком воцарилась гнетущая тишина, оранжевые отблески свечи играли на щеке Полли. Снаружи ветер выдувал долгую и печальную ноту на водосточных трубах.

— Я сказала что-то не то? — спросила Полли. — Если да, отвези меня, пожалуйста, домой. Я ненавижу неловкие ситуации. Точно так же, как я ненавижу скрывать то, что думаю.

Он протянул руку и прикоснулся к ее руке.

— Нет, ты сказала все правильно. И я рад, что ты это сказала.

Она улыбнулась:

— Тогда у нас будет шанс.

Так у них все и началось. Они не чувствовали вины за свои свидания, но понимали, что следует соблюдать осторожность — и не только потому, что Алан занимал выборную должность, а Полли нужно было хранить свое доброе имя в глазах горожан для успеха ее небольшого бизнеса, но еще и потому, что они признавали *возможность* вины. Оба были достаточно молодыми, чтобы рискнуть, но и достаточно взрослыми, чтобы удержаться от безрассудства. Осторожность еще никому никогда не мешала.

В мае у них впервые случилась постель, и Полли рассказала Алану про свою жизнь между Тогда и Сейчас... он не до конца поверил ее рассказу, но не сомневался, что придет день, когда она расскажет ему всю правду — уже без слишком прямых взглядов и слишком частых почесываний мочки уха. Он понимал, как трудно ей было решиться рассказать ему хотя бы часть из того, что она столько лет скрывала ото всех, и был согласен ждать, пока она не наберется мужества рассказать остальное. Другого пути просто не было. Потому что не нужно давить на людей. Для того чтобы влюбиться в Полли, Алану хватило — хватило с лихвой — длинного мэнского лета.

И теперь, глядя в темный потолок ее спальни, он думал, стоит ли вновь заводить разговор о свадьбе. Один раз он уже попытался, в августе, и она опять повторила свой жест, прижав руку к его губам. Не говори ничего, не надо. Тогда он еще подумал...

Но тут его мысли оборвались, и Алан легко провалился в сон.

9

Ему снилось, что он оказался в каком-то большом магазине. Он шел по проходу, такому длинному, что вдали сходился в точку. Здесь было все, что ему всегда хотелось купить, но чего он не мог себе позволить: часы, измеряющие давление, фетровая шляпа от Аберкромби и Фитча, восьмимиллиметровая кинокамера «Белл и Хаувелл», сотни других вещей... но у него за спиной стоял кто-то, кого он не мог разглядеть.

— Здесь у нас это называется приманкой для дураков, — сказал голос у него за спиной.

Алан узнал этот голос. Джордж Старк, первоклассный сукин сын, в торнадо за рулем.

— Магазин называется «Больше нечего хотеть», — продолжал голос. — Потому что у нас есть все. Любые товары, любые услуги. Только здесь все и кончается.

Алан заметил большую змею — похожую на питона с головой гремучки, — которая приближалась со стороны целой ярмарки компьютеров с вывеской БЕСПЛАТНО. Он повернулся, чтобы бежать, но гладкая, без всяких линий ладонь легла на ему на плечо и не дала сдвинуться с места.

— Давай, — настоятельно предложил голос. — Бери все, что понравится. Бери *все*, что хочешь... только плати.

Но все, что Алан брал в руки, превращалось в обгоревшую и оплавленную пряжку от ремня безопасности его сына.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

У Дэнфорда Китона не было опухоли мозга, но в то субботнее утро, когда он сидел у себя в офисе, голова у него болела *кошмарно*. Вместе со стопкой красных гроссбухов с налоговыми отчетами с 1982-го по 1989 год на столе валялись ворохи корреспонденции — письма из налоговой комиссии штата Мэн и ксерокопии его ответов.

Именно в эти годы все пошло наперекосяк. Он все видел, все понимал, но ничего не мог сделать.

Вчера вечером Китон поехал в Льюистон, вернулся около половины первого и провел остаток ночи, меряя шагами свой кабинет. Жена в это время спала на втором этаже, как всегда, накачавшись транквилизаторами. Он поймал себя на том, что все чаще и чаще посматривает на шкафчик в углу кабинета. Там, на самой верхней полке, лежали старые свитера, в основном побитые молью. Под ними лежала деревянная коробка, вырезанная его отцом задолго до того, как болезнь Альцгеймера затмила его рассудок, лишив всех навыков и воспоминаний. В коробке лежал револьвер.

В последнее время все чаще и чаще Китон ловил себя на том, что он постоянно думает про револьвер. Не для себя, нет; не в первую очередь. Для *них*. Для гонителей.

В четверть шестого он вышел из дома и поехал по полусонным улицам к зданию муниципалитета. Эдди Вербертон, с метлой в руке и «Честерфилдом» в зубах (орден святого Кристофера, из чистого золота, приобретенный в «Нужных вещах» за день до этого, был тщательно спрятан под синей блузой), наблюдал, как Китон поднялся по лестнице на второй этаж. Никто не сказал ни слова. За последний год Эдди привык, что Китон приходит и уходит в неурочные часы, а Китон так и вовсе не замечал Эдди.

Китон сгреб в кучу все бумаги, борясь с почти неодолимым желанием разорвать их в клочья и разбросать по всему кабинету, и приступил к сортировке. Корреспонденцию из налоговой — в одну стопку, свои ответы — в другую. Эти письма он держал в нижнем ящике шкафа для бумаг; ключ от ящика был только у него.

Снизу большинства писем была пометка: ДК/ШЛ. ДК, разумеется, Дэнфорд Китон. ШЛ — Ширли Лоренс, его секретарша, которая печатала письма под его диктовку. *Почти* все письма, *кроме* ответов налоговой комиссии, независимо от того, были в пометках ее инициалы или нет.

Есть вещи, которые лучше не доверять никому.

Ему в глаза бросилась одна фраза: «...мы также заметили расхождения в квартальном отчете о возвратном городском налоге (форм. 11) за 1989-й финансовый год...»

Он быстро отложил письмо в сторону.

А вот еще: «...при выборочном рассмотрении формы по компенсациям техническому персоналу за четвертый квартал 1987 года у нас появились серьезные вопросы касательно...»

В стопку.

Или вот: «...считаем, что ваш запрос об отсрочке ревизии пока преждевременен...»

Они мелькали перед глазами с тошнотворной быстротой, эти сухие канцелярские фразы, и от этого ему казалось, что он сидит на какой-то взбесившейся карусели.

«...вопросы о фондах лесопитомников имеют...»

«...не найдены записи, свидетельствующие о внесении в реестр...»

«...расходование фондов муниципального финансирования не подкреплено соответствующей документацией...»

«...отсутствующие чеки и накладные должны быть представлены...»

«...кассовые чеки при отсутствии товарных не являются достаточным основанием...»

«...может потребовать предоставления полной финансовой отчетности...»

И вот это, последнее, письмо, из-за которого он поехал в Льюистон, хотя давно уже поклялся не показываться там во время скачек.

Китон обреченно уставился на письмо. Он весь дрожал, по спине стекал пот. Вокруг глаз темнели большие круги. На губе красовалась простуда.

НАЛОГОВАЯ КОМИССИЯ
Центральное отделение
Августа, Мэн 04330

Этот гриф под эмблемой штата буквально впивался в мозги, а обращение, холодное и формальное, просто пугало.

Главе городской управы Касл-Рока.

Вот так. Никаких тебе «Дорогой Дэн» или «Уважаемый мистер Китон». Никаких наилучших пожеланий семье в конце письма. Письмо было холодным и мерзким, как кусок льда. Они сообщали ему о своем намерении провести аудиторскую проверку городской финансовой документации.

Полную ревизию.

Вся налоговая документация, отчисления в федеральный бюджет и бюджет штата, городские финансовые отчеты, дорожные фонды, муниципальные расходы на правоохранительные органы, бюджет департамента паркового хозяйства и озеленения, даже финансовую документацию экспериментального лесопитомника, финансируемого из фондов штата.

Они хотели увидеть все, причем хотели увидеть это к 17 октября. Через пять дней.

Они.

Письмо было подписано казначеем штата, главным аудитором штата и, что хуже всего, генеральным прокурором — главной ищейкой штата. Все подписи были подлинными, а не факсимильными.

— *Они*, — прошептал Китон. Он сжал письмо в кулаке, потряс им в воздухе и яростно оскалился на него. — *Ониииии!*

Он швырнул бумажку на стопку других. Закрыл папку. На корешке мелкими буквами было написано: ШТАТ МЭН. НАЛОГОВАЯ КОМИССИЯ. ВХОДЯЩИЕ. Китон уставился на закрытую папку. Потом выдернул ручку из письменного набора и большими дрожащими буквами нацарапал поверх: КОМИССИЯ ПО КАКАШКАМ! Помедлил секунду и приписал: КОМИССИЯ ИДИОТОВ! Ручку он держал в сжатом кулаке, как нож. Потом швырнул ее в стену. Она приземлилась в углу.

Китон закрыл и другую папку, содержавшую копии писем, написанных им в ответ (в каждое из них он исправно добавлял инициалы своей секретарши), писем, которые он составлял долгими бессонными ночами, писем, которые оказались совершенно непродуктивными и бесполезными. На лбу у него билась жилка.

Он встал, взял со стола эти две папки, положил их в нижний ящик, захлопнул его и проверил, хорошо ли закрылся замок. Потом подошел к окну и стал смотреть на спящий город, стараясь дышать глубоко, чтобы слегка успокоиться.

У них на него был зуб. У гонителей. В тысячный раз он гадал, кто мог натравить *их* на него. И если Китон узнает, кто этот подлый Главный Гонитель, он достанет пистолет из деревянной коробки под старыми свитерами и прикончит его к чертовой матери. Но не сразу. О нет. Он будет отстреливать по кусочку за раз, заставляя этого недоношенного ублюдка распевать национальный гимн.

Его мысли вернулись Риджвику, к этому худосочному помощнику шерифа. Может быть, это он? Он не выглядит *настолько* смышленым... но впечатление может быть обманчивым. Пангборн сказал, что Риджвик выписал штраф по его приказу, но что-то с трудом в это верится. И тогда, в туалете, когда Риджвик обозвал его Бастером, у него в глазах было что-то такое... словно бы говорящее «а

я знаю»... какой-то наглый вызов. Норрис Риджвик уже работал на этой должности, когда стали приходить первые письма? Китон был уверен, что да. Днем надо будет заглянуть в его личное дело, для верности.

А как насчет самого Пангборна? Он уж точно умен и явно ненавидит Китона (*они* все его ненавидят, *все*), и Пангборн к тому же имеет связи в Августе. Он хорошо *их* знает. Да что там! Он каждый день звонит *им* и докладывает. Телефонные счета, и в том числе по межгороду, у него просто гигантские.

А может быть, они оба? Пангборн и Риджвик?

— Одинокий Рейнджер и его верный индеец Тонто, — глухо сказал Китон и недобро усмехнулся. — Если это *ты*, Пангборн, то ты пожалеешь. А если это вы оба, то *оба* пожалеете. — Его руки медленно сжались в кулаки. — Я не намерен вечно терпеть эту травлю.

Его тщательно наманикюренные ногти впились в ладони. Он не заметил, что пошла кровь. Может быть, это Риджвик. Может быть, Пангборн. Может, Мелисса Клаттербак, фригидная сучка, городской казначей. А может, и Билл Фуллертон, заместитель главы городской управы (Китону было доподлинно известно, что Фуллертон метил на его место, и он явно не успокоится, пока его не получит)...

А может быть, *они все*.

Все вместе.

Китон испустил глубокий, болезненный вздох, так что стекло у него перед ртом запотело. Вопрос в том, что делать? Что он успеет сделать до 17-го числа?

Ответ простой: он понятия не имел.

2

Жизнь молодого Дэнфорда Китона целиком состояла из черных и белых цветов, безо всяких там полутонов, и его это вполне устраивало. В четырнадцать лет, в стар-

ших классах школы, он начал работать в семейном автомагазине: мыл и натирал воском демонстрационные машины. Их фирма, «Шевроле Китона», была одной из старейших фирм по продаже «шевроле» в Новой Англии и, так сказать, краеугольным камнем в финансовой структуре доходов Китонов. Надо признать, это была довольно солидная структура, по крайней мере до недавних пор.

В старших классах для всех и каждого он был Бастером. С помощью репетиторов он окончил школу с твердыми четверками, где «одной левой» управлял ученическим советом, и поступил в Трейнор, бизнес-колледж в Бостоне. Там он был круглым отличником и окончил колледж на три семестра раньше. Когда Китон вернулся в Касл-Рок, он сразу дал всем понять, что время, когда его называли Бастером, прошло безвозвратно.

Все шло прекрасно, пока однажды — лет девять-десять назад — он не поехал со Стивом Фрезером в Льюистон. Вот тогда-то и начались неприятности; вот тогда его четко размеченная черно-белая жизнь начала наполняться темно-серыми полутонами.

Он никогда в жизни не играл на деньги и не делал ставок — ни как Бастер в школе, ни как Дэн в Трейноре. Ни как мистер Китон из «Шевроле Китона» или служащий городской управы. Насколько ему было известно, вообще никто из его семьи не увлекался азартными играми; единственное, что ему удавалось припомнить, — это безобидные забавы вроде лото со ставкой в десять центов. Никаких особых запретов на этот счет не было, никаких *«негоже, отрок»* — просто в его семействе были другие увлечения. До своего первого появления на ипподроме Льюистона в компании со Стивом Фрезером Китон в жизни не сделал ни одной ставки. И *после* этого он нигде больше не ставил. Льюистонских бегов вполне хватило для его полного разорения.

Стив Фрезер, теперь уже лет пять как почивший в бозе, тогда был главой городской управы, а Китон — только вторым заместителем. Китон и Фрезер отправились «в

город» (так всегда назывались поездки в Льюистон) вместе с Батчем Нидо, инспектором службы соцобеспечения Касл-Рока, и Гарри Сэмюэлсом, который работал в управе почти всю свою сознательную жизнь и, видимо, намеревался оставаться там до конца своих дней. Поводом для поездки была конференция, на которую чиновники округов съехались со всего штата. Конференция, посвященная новым законам о распределении доходов... и именно распределение доходов и стало началом конца для Китона. Без него Китон рыл бы себе могилу детским совочком. А так у него появился настоящий финансовый экскаватор.

Конференция длилась два дня. Вечером первого дня Стив предложил выйти «в город» и повеселиться. Батч и Гарри отказались. Китон был не в восторге от такой компании, как Стив Фрезер, старый пердун с куском сала вместо мозгов. Но он пошел с ним. Не исключено, что он пошел бы со Стивом, даже если бы тот предложил прогуляться по самым горячим местечкам ада. В конце концов Стив был главой городской управы. Гарри Сэмюэлс будет до конца жизни довольствоваться должностью второго, третьего или даже четвертого заместителя. Батч Нидо уже дал понять, что собирается скоро уйти на покой... но у Дэнфорда Китона были амбиции, и Фрезер, каким бы он ни был старым пердуном, был ключом к воплощению этих амбиций.

Вначале они зашли в заведение «У Лиз». Над дверью висел плакат: «Повеселитесь у нашей Лиз!», и Фрезер тут же последовал этому нехитрому призыву: глотал виски с содовой стакан за стаканом, как будто виски туда добавить забыли. Он свистел стриптизершам, в основном толстым и явно староватым для этого дела, и всем без исключения — тормознутым. Китон еще подумал, что это будет долгий и скучный вечер.

Но потом они отправились на ипподром, и все изменилось.

Шла подготовка к пятому заезду, и Фрезер потащил протестующего Китона к букмекерским окошкам — с та-

ким же упрямым упорством, с каким пастушья овчарка загоняет в стадо отбившуюся овцу.

— Стив, я про это совсем ничего не знаю...

— А тебе и не надо знать, — радостно гаркнул Фрезер, дыша ему в лицо ароматами виски. — Сегодня нам повезет, Бастер. Как пить дать, повезет.

Китон понятия не имел, как делаются ставки, а неумолкаемое бормотание Фрезера мешало услышать, что говорят другие игроки, которые подходили к двухдолларовому окошку. Когда подошла его очередь, он сунул кассиру пятидолларовую банкноту и сказал:

— Четвертый номер.

— Победа, призер или пятерка? — спросил кассир, но Китон был не в состоянии отвечать. За спиной у кассира он увидел замечательную картину. Три клерка считали и складывали в пачки деньги. Громадную кучу денег. Такого количества наличных Китон в жизни не видел.

— Победа, призер или пятерка? — нетерпеливо повторил кассир. — Давай быстрее, браток, здесь тебе не библиотека.

— Победа, — сказал Китон. Он не имел ни малейшего представления, что такое «призер» или «пятерка», но прекрасно знал, что такое «победа».

Кассир всучил ему квитанцию и три доллара сдачи — доллар и двухдолларовую купюру. Пока Фрезер делал свою ставку, Китон с интересом уставился на двушку. Разумеется, он знал, что двухдолларовые банкноты в принципе существуют, но никогда еще не встречал. На ней был изображен Томас Джефферсон. На самом деле *все* вокруг было новым и занимательным: запах лошадей, попкорна, жареного арахиса; толпы куда-то спешащего народа, деловитая атмосфера. Место было *живым*. Он почувствовал это и сразу проникся. Случалось — и не раз, — что он ощущал подобную живость в себе, но впервые такое происходило в окружающем его мире. Дэнфорд Китон по прозвищу Бастер, редко ощущавший себя *частью* чего-

либо, вдруг почувствовал себя частью этого места. Неотъемлемой частью.

— Тут веселее, чем «У Лиз», — сказал он, когда Фрезер отошел от окошка.

— Да, скачки — это то, что надо, — согласился Фрезер. — Бейсбола, конечно, они не заменят, но все же. Пошли к дорожкам, скоро начнется. Ты на что ставил?

Китон не помнил. Пришлось сверяться с билетом.

— На номер четвертый.

— Нет. В смысле: призер или пятерка?

— Э-э... Победа.

Фрезер с неодобрением покачал головой и хлопнул его по плечу.

— Победа — дерьмовая ставка, Бастер. И она не становится менее дерьмовой, даже если таблица говорит обратное. Но ты еще выучишься.

Разумеется, так и случилось.

Где-то невдалеке оглушительно звякнул гонг, так что Китон аж подскочил. Голос в динамиках завопил: «Заезд начался!» По толпе разнесся громоподобный рокот, и Китон внезапно почувствовал, как его тело пронзил разряд тока. Копыта лошадей бороздили засохшую грязь дорожек. Фрезер одной рукой схватил Китона за локоть, а второй принялся расчищать путь к дорожкам. Они пробились к ограждению футах в двадцати от линии финиша.

Диктор уже комментировал гонку. Номер семь, Моя Девочка, лидирует на первом круге, за ней номер восемь, Неровное Поле, и номер девять, Как Я Вам Нравлюсь. Номер четыре по кличке Абсолютный — самое идиотское имя для лошади, которое только можно придумать, — шел шестым. Но Китону было наплевать. Его взгляд приковали несущиеся лошади, их блестящая в свете прожекторов шкура, размытое движение колес двуколок при проходе поворота, яркие цвета шелковых жокейских курток. Свернув на финишную прямую, Неровное Поле стал настигать Мою Девочку. Моя Девочка сбилась с шага, и Неровное Поле ее обошел. В тот же миг Абсолютный рванулся впе-

ред по внешней кромке — Китон понял это еще до того, как бестелесный голос комментатора сообщил об этом зрителям. Он не замечал, как Фрезер сжимает его локоть, как он кричит:

— Твоя пошла, Бастер. Твоя пошла, и *у нее есть шанс!*

Когда лошади поравнялись с тем местом, где стояли Китон и Фрезер, толпа завопила. Китон снова почувствовал, что его словно ударило током, только на этот раз это была не искорка, а настоящая молния. Он заорал вместе со всеми; на следующий день он мог говорить только шепотом — сорвал голос.

— *Абсолютный!* — ревел он. — *Давай, Абсолютный, давай, сука, БЕГИ!*

— Скачи, — просипел Фрезер, согнувшись от хохота. — Давай, сука, скачи. Ты это хотел сказать, Бастер?

Китон как будто его и не слышал. Он был в другом мире. Он посылал Абсолютному мысленные волны, телепатически подгоняя его вперед.

— Неровное Поле и Как Я Вам Нравлюсь. Как Я Вам Нравлюсь и Неровное Поле, — гремел в динамиках голос комментатора, — и Абсолютный быстро уменьшает разрыв, но осталось всего ничего, одна восьмая мили...

Лошади приближались, поднимая тучи пыли. Абсолютный шел, выгнув шею и вытянув голову, его ноги ходили, как поршни; он обошел Как Я Вам Нравлюсь и тяжело дышащего Неровное Поле как раз напротив того места, где стояли Китон и Фрезер. Пересекая финишную черту, он еще увеличил разрыв.

Когда на табло вывесили номера, Китон спросил у Фрезера, что они означают. Фрезер взглянул на квитанцию, потом на табло и беззвучно присвистнул.

— Я хоть вернул свои деньги? — испуганно спросил Китон.

— Бастер, все значительно лучше. Ставки на Абсолютного были один к тридцати.

Итак, буквально за вечер Китон заработал больше трехсот долларов. Вот так и родилась его одержимость.

3

Он снял пальто с вешалки в углу, надел его, открыл дверь и уже собирался выйти, но остановился на пороге, обернулся и оглядел комнату. На стене напротив окна висело зеркало. Китон долго и задумчиво смотрел на зеркало, потом отпустил дверную ручку и подошел к нему. Он слышал о том, как *они* используют зеркала, — не вчера ведь родился.

Он прижал лицо к холодной поверхности, не глядя на свое отражение — бледное лицо, налитые кровью глаза, — сложил ладони «биноклем» и, прищурившись, всмотрелся в глубину зеркала в поисках фотокамеры с той стороны. В поисках *их*.

Он ничего не увидел.

Китон долго стоял перед зеркалом. В конце концов он отступил назад, безразлично мазнул рукавом пальто по запачканному стеклу и вышел. Он ничего не увидел. *Пока* ничего. Но это не значит, что *они* не могут забраться к нему в кабинет, скажем, сегодня вечером, вынуть из рамы нормальное зеркало и поставить на его место другое, прозрачное с одной стороны. Такая у них, у гонителей, работа — вынюхивать и подглядывать. Теперь надо будет проверять зеркало каждый день.

— Нет проблем, — сказал он в пустоту коридора. — Надо — так сделаем. Нет проблем.

Эдди Варбертон, убиравшийся в вестибюле, даже не поднял глаз, когда Китон вышел на улицу.

Машина была припаркована с другой стороны здания, но сейчас Китон был не в том настроении, чтобы садиться за руль. Он был слишком взволнован и наверняка загнал бы свой «кадиллак» в витрину какого-нибудь магазина. Он даже не понял, что идет не к дому, а скорее прочь от него. Была суббота, семь пятнадцать утра, и в деловом районе Касл-Рока было пустынно. Он был единственным человеком на ближайшие несколько кварталов.

Ему вспомнился тот первый вечер на скачках в Льюистоне. Он как будто не делал ничего плохого. Стив Фрезер просадил тридцать долларов и заявил, что после девятого заезда уходит. Китон сказал, что пока останется. Он почти не смотрел на Фрезера и лишь краем глаза заметил, как тот ушел. Он только подумал, как хорошо, когда у тебя под ухом никто не бубнит: «Бастер то, Бастер это». Он ненавидел это прозвище, и, разумеется, Стив это знал — поэтому так его и называл.

На следующей неделе Китон снова приехал на ипподром, на этот раз — один, и проиграл шестьдесят долларов из предыдущего выигрыша. Впрочем, его это не огорчило. Хотя он нередко и думал о тех впечатляющих грудах купюр, которые видел в тот первый вечер за спиной у кассира, дело было вовсе не в деньгах. Деньги были лишь символом, который ты мог унести с собой; символом того, что ты все-таки был — пусть и недолго — частью большого шоу. Что притягивало Китона по-настоящему, так это восхитительное, ошеломляющее возбуждение, витавшее в толпе, когда раздавался гонг, с тяжелым скрежетом распахивались ворота и голос в динамиках вопил: «*Старт!!!*» Его притягивал гул толпы, когда двуколки заканчивали третий круг и выходили на финишную прямую, истеричное неистовство зрителей и выкрики, когда лошади, завершая четвертый круг, шли к финишу. В этом была настоящая жизнь — и *какая* жизнь. Здесь все было настолько живым, что...

...*что становилось опасным.*

Китон решил, что ему лучше оставить это дело. Его жизнь была вся расписана наперед. Он собирался стать главой городской управы Касл-Рока, когда Стив Фрезер откинет копыта, а потом, спустя шесть-семь лет в этой должности он намеревался пробиться в Комитет представителей штата. А потом... кто знает? Может быть, и в правительство. Человек амбициозный, талантливый и... здравомыслящий всегда сумеет пробиться наверх.

Да, здравомыслящий. Вот в этом-то и была *истинная* проблема, связанная с бегами. Он понял это не сразу, но все же достаточно быстро. Бега были местом, где люди платили деньги, получали квитанцию... и на какое-то время расставались со здравым смыслом. Китон достаточно насмотрелся на проявления безумия в своей семье, чтобы спокойно воспринимать собственное увлечение скачками. Это была яма со скользкими стенками, граната с вырванной чекой, заряженное ружье со снятым предохранителем. Если он приезжал, он не мог уйти с ипподрома, пока не заканчивался последний заезд. Он все понимал. Он пытался себя ограничивать. Однажды он уже почти дошел до выхода, прежде чем что-то в глубинах сознания — что-то могучее, загадочное, *первобытное* — проснулось и развернуло его обратно. И Китон боялся окончательного пробуждения этой силы. Пусть она лучше дремлет. От греха подальше.

Три года ему удавалось себя держать. А потом, в восемьдесят четвертом, Стив Фрезер ушел в отставку, а Китона избрали главой городской управы. Вот тогда-то и начались проблемы.

Он поехал на бега, чтобы отпраздновать победу, и — раз уж такое дело — решил пойти ва-банк. Миновав двух- и пятидолларовые окошки, он подошел к десятидолларовому. В тот вечер он проиграл сто шестьдесят долларов — больше, чем мог безболезненно потерять, но не больше, чем мог бы себе *позволить*.

Через неделю он снова поехал на ипподром, намереваясь вернуть проигранное и свести баланс к нулю. И у него почти получилось. *Почти* — очень важное слово. Так же *почти* он дошел до выхода три года назад. Еще через неделю он проиграл двести десять долларов. Это пробило дыру в их семейном бюджете, которую Миртл обязательно бы заметила; поэтому, чтобы покрыть недостачу, он позаимствовал деньги из городской кассы мелких расходов. Сотня долларов. Какой пустяк, право слово.

С этого все и началось. Точно как в яме со скользкими стенками: если ты начинаешь скользить, ты обречен. Ты можешь цепляться ногтями, зубами... и даже замедлить свое падение... но это только отсрочка. Падение уже неминуемо.

Если попробовать определить точку, после которой пути назад уже не было, то это будет лето 1989 года. Летом скачки проходят почти каждый вечер, и всю вторую половину июля и весь август Китон не пропускал ни одной. Какое-то время Миртл подозревала, что он ездит на скачки лишь для отвода глаз, а на самом деле завел себе любовницу — это было смешно, на самом деле. Теперь у Китона не встал бы, даже если бы к нему с Луны прилетела богиня Диана в своей колеснице — в распахнутой тоге и с табличкой на шее: ТРАХНИ МЕНЯ, ДЭНФОРД. Одна мысль о том, как глубоко он залез в городские фонды, заставляла его бедный отросток съеживаться до размера наперстка.

Когда Миртл наконец убедилась, что он действительно ездит на скачки, она немного расслабилась. Он стал реже бывать дома по вечерам, то есть реже показывать свой капризный и деспотичный характер, и вроде бы много он не проигрывал, потому что баланс на семейном банковском счете не особенно колебался. Просто Дэнфорд нашел себе хобби, развлечение для мужчин среднего возраста. Ну и отлично.

Подумаешь, скачки, вполне безобидное развлечение, думал Китон, когда брел по Главной улице, засунув руки глубоко в карманы пальто. Он дико хохотнул, и не будь улица совершенно пуста, на него явно бы стали оборачиваться. Миртл следила за их банковским счетом. Ей и в голову не приходило, что он запустил руки в их пенсионный фонд и страховки. Она понятия не имела, что «Шевроле Китона» стоит на пороге банкротства.

Она следила за общим банковским счетом и домашними расходами.

Он был дипломированным бухгалтером.

Когда дело касается растрат, дипломированный бухгалтер справится с этим получше большинства людей... но, как говорится, сколь веревочке ни виться, а кончик будет. Подпорка, возведенная Китоном из подчисток и махинаций, начала разваливаться осенью 1990-го. Он удерживал ее, как мог, надеясь на ипподромную удачу. К тому времени он познакомился с подпольным букмекером и делал ставки бóльшие, чем разрешалось правилами.

Но это не принесло ему удачу.

А теперь, этим летом, *травля* началась в открытую. Раньше *они* только играли с ним. Теперь *они* жаждали его крови, и до Судного дня оставалось меньше недели.

Я им еще покажу, думал Китон. *Со мной еще не покончено. У меня еще есть пара трюков.*

Вот только бы знать, каких трюков... в этом-то и была вся проблема.

Ничего. Что-нибудь придумаю. Я знаю, что-нибудь я...

Тут поток его мыслей неожиданно оборвался. Он стоял перед новым магазином «Нужные вещи», и то, что он увидел в витрине, на пару секунд вышибло из его сознания все остальное.

Там стояла картонная коробка — красочная, яркая, с картинкой на крышке. Какая-то настольная игра. Но эта настольная игра была связана со скачками, и он мог поклясться, что картинка на упаковке, изображавшая двух иноходцев, нос к носу пересекавших финишную черту, была срисована со скачек в Льюистоне. Если на заднем плане была изображена не главная трибуна, он готов был признать себя обезьяной.

Игра называлась ВЫИГРЫШНАЯ СТАВКА.

Китон почти пять минут простоял, уставившись на коробку, завороженный, как ребенок, разглядывающий витрину с электрической железной дорогой. Потом он медленно зашел под зеленый навес, чтобы глянуть, работает ли магазин по субботам. На двери болталась табличка с одним только словом:

ОТКРЫТО

Пару секунд Китон смотрел на нее с недоверием. Как и Брайан в свое время, он подумал, что ее оставили здесь по ошибке. Магазины на Главной улице Касл-Рока не открываются в семь часов утра, и особенно — по субботам. Так или иначе, он повернул ручку. Она легко поддалась.

Когда Китон открыл дверь, у него над головой звякнул крошечный серебряный колокольчик.

4

— На самом деле это не совсем игра, — сказал Лиланд Гонт, — тут вы немного ошиблись.

Китон восседал на мягком, обитом плюшем стуле с высокой спинкой, на котором до этого успели посидеть Нетти Кобб, Синди Роуз Мартин, Эдди Варбертон, Эверетт Франкель, Майра Эванс и еще пара десятков горожан. В руках он держал чашку отменного ямайского кофе. Гонт, оказавшийся замечательным парнем для жителя равнин, чуть ли не заставил его выпить кофе, но теперь Китон об этом не жалел. Гонт бережно достал коробку с витрины. Он был одет в бордовый пиджак — нарядный, но без излишней вычурности. Он сказал Китону, что частенько открывает магазин в неурочные часы, потому что страдает бессонницей.

— Еще со времен моей молодости, — сказал он с грустной улыбкой. — Эх, где она, молодость?!

Однако Китону он показался свежим, как утренний цветок, вот только глаза... они были так налиты кровью, что казалось, будто красный — их естественный цвет.

Вытащив коробку, Гонт положил ее на маленький столик рядом со стулом Китона.

— Я почему обратил на нее внимание, — сказал Китон. — Картинка сильно напоминает Льюистонский ипподром. Я там иногда бываю.

— Любите пощекотать нервишки? — с улыбкой спросил Гонт.

Китон хотел сказать, что он даже ставок не делает, но передумал. Улыбка была не просто дружелюбной, это была *сопереживающая* улыбка, и внезапно он понял, что рядом с ним — собрат по несчастью. Вот ведь как легко ошибиться в человеке! Буквально пару минут назад, пожимая протянутую Гонтом руку, он почувствовал волну отвращения, такого глубокого и сильного, что у него чуть судорога не случилась. В тот момент он подумал, что перед ним — сам Главный Гонитель. В следующий раз надо будет следить за собой, а то так недолго и до паранойи.

— Ну, всякое бывало, — сказал он.

— Стыдно признаться, я тоже, — сказал Гонт. Взгляды их встретились, и Китону показалось, что они поняли друг друга. — Я делал ставки на большинстве ипподромов от Атлантики до Тихого и уверен, что здесь, на коробке, изображен Лонгакр-Парк, в Сан-Диего. Сейчас там уже нет ипподрома, дома строятся на его месте.

— А, — сказал Китон.

— Давайте я вам все-таки покажу содержимое. Вам будет интересно.

Гонт снял крышку с коробки и осторожно вынул жестяную беговую дорожку на платформе длиной около трех футов и шириной фута в полтора. Такие игрушки выпускали во времена китоновского детства — дешевые наборы, сделанные после войны с Японией. Дорожка была точной копией двухмильного оригинала. В ней были прорезаны восемь узких щелей, и восемь узких жестяных лошадей стояли перед линией старта. Все они были припаяны к маленьким жестяным лепесткам, торчавшим из прорезей.

— Ух ты, — воскликнул Китон и улыбнулся. Эта была первая его улыбка за последние несколько недель, и она казалась неуместной на его вечно угрюмом лице.

— Это еще что, — улыбнулся в ответ Гонт. — Эта штука сделана в 1930-м или 1935 году, мистер Китон. Настоящий антиквариат. Но для людей, по-настоящему увлекавшихся скачками, это была не игрушка.

— Нет?

— Нет. Вы знаете, что такое «доска медиума»?

— Конечно. Вы задаете вопросы, а она якобы показывает ответы духов.

— Точно. Так вот, в дни Великой Депрессии было немало лошадников, веривших, что «Выигрышная ставка» — что-то вроде доски медиума для игроков на скачках.

Его глаза снова встретились с глазами Китона — дружеские, улыбающиеся, — и Китон вдруг понял, что не может отвести взгляд, как тогда, в Льюистоне, не смог уйти со скачек до окончания заездов.

— Глупо, правда?

— Ага, — сказал Китон. Но ему эта мысль показалась вовсе не глупой. Она показалась ему абсолютно... абсолютно...

Абсолютно логичной.

Гонт покопался в коробке и вытащил маленький жестяной ключ.

— Каждый раз побеждают разные лошади. Там, внутри, какой-то механизм со случайным выбором — примитивный, но достаточно эффективный. Вот смотрите.

Он вставил ключ в скважину сбоку платформы и повернул его. Послышались легкие щелчки и скрежет — заводилась пружина. Когда ключ перестал вращаться, Гонт его вынул.

— На кого ставите? — спросил он.

— На пятерку, — ответил Китон. Он склонился над дорожкой, чувствуя, как бьется сердце. Глупо, конечно, — возможно, последнее доказательство его одержимости, — но он почувствовал, как внутри нарастает прежнее возбуждение.

— Отлично, я ставлю на номер шесть. Сделаем ставку? Для интереса?

— Конечно! Сколько?

— Только не деньги, — сказал мистер Гонт. — Время, когда я играл на деньги, давно прошло, мистер Китон. Это самые неинтересные ставки. Скажем так: если выиг-

рывает ваша лошадь, я окажу вам небольшую услугу. На ваш выбор. Если выиграет моя, *вы* окажете мне небольшую услугу.

— А если выиграет какая-то другая, все ставки отменяются?

— Точно. Готовы?

— Всегда готов, — сипло сказал Китон, наклонившись еще ближе к жестяному ипподрому и зажав руки между коленями.

Около стартовой линии была прорезь, из которой торчал маленький металлический рычажок.

— Ну, поехали, — тихо сказал Гонт и опустил рычаг.

Шестерни и пружины под дорожками пришли в движение. Лошади двинулись с места, скользя параллельными курсами. Сначала они шли медленно, покачиваясь взад-вперед и продвигаясь скачками по мере того, как раскручивалась какая-то внутренняя пружина — или пружины, — но уже на первом повороте они начали набирать скорость.

Вперед вырвался номер два, за ним — номер семь, остальные шли позади плотной группой.

— Давай, пятерка! — прошептал Китон. — Давай, жми, жми, сучка!

Словно услышав его, маленький жестяной жеребец вырвался из общей кучи и стал набирать скорость. На середине круга он нагнал семерку. Номер шесть — кандидат Гонта — тоже пошел вперед.

«Выигрышная ставка» подрагивала и трещала. Лицо Китона буквально нависло над ней, как громадная полная луна. На жокея, сидевшего на лошади номер три, упала капелька пота. Если бы это был настоящий человек, промок бы вместе с конем.

На третьем повороте номер семь прибавил и догнал двойку, а пятерка Китона еле держалась. Гонтов шестой номер ее нагонял. Вся четверка с большим отрывом завершила круг, дико вибрируя в своих прорезях.

— *Поднажми, глупая сука!* — заорал Китон. Он забыл, что это всего лишь кусочки жести, которым придали грубое подобие лошадей. Он забыл, что находится в магазине у человека, которого видит впервые в жизни. Его охватило прежнее возбуждение. Его трясло, как терьера, который преследует крысу. — *Давай шевелись! Дави, сука, ДАВИ! Загребай копытами!*

Теперь пятый номер выдвинулся вперед... и стал увеличивать отрыв. Лошадь Гонта наступала ему на пятки, но он уже пересек финишную черту. Победа!

Пружина уже выдыхалась, но большинство лошадей успело добраться до старта, прежде чем механизм затих. Гонт подогнал отставших лошадей к остальным, подталкивая их пальцем.

— Уфф! — сказал Китон, вытирая пот со лба. Он был весь выжат, но все равно... так хорошо не чувствовал себя уже много дней. — Отличная штука.

— И не говорите, — согласился Гонт.

— В старые времена знали, как делать вещи, правда?

— Точно, — улыбнулся Гонт. — И кажется, я проиграл вам услугу, мистер Китон.

— Ой, ладно вам, забудьте — я и так замечательно повеселился.

— Нет, почему же. Джентльмен всегда платит свои долги. Просто дайте мне знать за день или два до того, как будете звонить своему букмекеру.

Звонить своему букмекеру.

Все его кошмары вернулись вновь. Букмекеры. Это же *их* люди! *Их* люди! В субботу *они* позвонят китоновскому букмекеру... и тогда... что? Что тогда?

Перед глазами плясали заголовки этих проклятых бульварных газет.

— Знаете, как серьезные игроки использовали эту штуку в тридцатых годах? — осторожно спросил Гонт.

— И как же? — спросил Китон, хотя ему было вовсе не интересно, пока... пока он не поднял глаза. Когда их

взгляды встретились — буквально сцепились друг с другом, — идея использовать детскую игру для определения победителей опять показалась ему очень даже здравой.

— Так вот, — продолжил Гонт, — они брали газету или «Расписание бегов» и прогоняли на ней все заезды, один за другим. Каждой лошади они давали имя из расписания — касались по очереди всех жестяных фигурок и произносили имя, — а потом заводили пружину и запускали механизм. И так всю программу: восемь, десять, двенадцать заездов. А потом шли на ипподром и ставили на те номера, что выигрывали у них дома.

— И помогало? — спросил Китон. Он сам не узнал свой голос. Глухой и хриплый, он доносился как будто откуда-то издалека. А сам он словно тонул в глазах Лиланда Гонта. Тонул в их розовой пене. Ощущение было странным, но не сказать, чтобы неприятным.

— Вроде да, — сказал Гонт. — Хотя это всего лишь глупое суеверие, но... вы не хотите купить эту штуку и попробовать самому?

— Да, — сказал Китон.

— Вам, Дэнфорд, видимо, очень нужна «Выигрышная ставка»?

— Мне нужно больше. Мне нужна не одна, мне нужно много выигрышных ставок. Очень много. Сколько вы просите?

Лиланд Гонт рассмеялся:

— О нет, так не пойдет! Я и так уже у вас в долгу! Вот что: откройте свой кошелек и дайте мне первую бумажку, которая попадется под руку. Уверен, что это будет как раз то, что надо.

Китон открыл бумажник и, не сводя взгляда с лица Гонта, выудил оттуда первую попавшуюся купюру. Разумеется, это оказалась двухдолларовая банкнота с портретом Томаса Джефферсона — такая же, как и та, что навлекла на него все беды.

5

Гонт взял банкноту и как заправский фокусник тут же заставил ее исчезнуть.

— Да, и вот еще что.

— Что?

Гонт придвинулся ближе. Он внимательно посмотрел на Китона и коснулся его колена.

— Мистер Китон, вы ведь знаете про... *них?*

У Китона перехватило дыхание, как иногда бывает в кошмарном сне.

— Да, — прошептал он. — Господи, ну конечно же, знаю.

— *Их* полно в этом городе. — Гонт перешел на тихий, конфиденциальный шепот: — Тотальное заражение. Я здесь меньше недели, но уже это заметил. Возможно, *они* выслеживают меня. Я даже в этом уверен. Мне может понадобиться ваша помощь.

— Да, — сказал Китон. Теперь он говорил намного увереннее. — Ради Бога. Все, что от меня зависит... только скажите!

— Сначала послушайте. Мы только что познакомились, и вы мне ничего не должны...

Китон, у которого было чувство, что Гонт — его лучший друг за последние десять лет, собрался было возразить, но Гонт поднял руку, и все возражения сами собой угасли.

— ...и вы не знаете, что я только что вам продал: действительно стоящую вещь, которая будет работать, или очередной мешок глупых снов... из тех, что превращаются в кошмары, если вовремя не обратишь на них внимания. Сейчас-то вы верите: у меня особый дар убеждения. Но я всегда делаю ставку на довольных покупателей, мистер Китон, и *только* на довольных покупателей. Я в этом бизнесе уже многие годы, и вся моя репутация построена именно на том, что мои покупатели всегда остаются до-

вольны. Так что берите эту игрушку. Если она вам поможет — отлично. Если нет, отдайте ее в Армию Спасения или просто зашвырните в болото. Какая у вас недостача? Пара долларов?

— Пара долларов, — зачарованно согласился Китон.

— Но если она сработает и вас больше не будут терзать эти эфемерные финансовые проблемы, приходите ко мне. Мы посидим, выпьем кофе... и поговорим о *них*.

— Все зашло слишком далеко, чтобы просто положить деньги обратно, — сказал Китон отчетливо, но отстраненно, как говорят во сне. — Там столько следов, что за пять дней мне их просто физически не замести.

— За пять дней может многое поменяться, — задумчиво произнес мистер Гонт. Он встал. — У вас впереди длинный день... и у меня тоже.

— Но *они*... — запротестовал Китон. — Как же *они?*

Гонт со змеиной грацией положил свою длинную холодную руку на запястье Китона, и даже в таком заторможенном состоянии у Китона все внутри сжалось от этого прикосновения.

— Мы обсудим это позже. Не переживайте, — сказал Гонт.

6

— Джон! — крикнул Алан Джону Лапуанту, когда тот вошел в офис со стороны аллеи. — Рад тебя видеть!

Была суббота, половина одиннадцатого утра, и офис шерифа округа Касл-Рок был, как обычно, пуст. Норрис ловил где-то рыбу, Ситон Томас уехал в Сэндфорд навестить двух старых дев — своих сестер. Шейла Брайхем была в ректории Богоматери Тихих Вод, помогала своему брату выправлять очередное письмо в газету, объясняющее безобидный характер «Ночи в казино». Отец Брайхем хотел, чтобы письмо обязательно отражало его уверенность в том, что Уильям Роуз — кретин и похож на блоху в куче

дерьма. Конечно, напечатать такое, да еще в семейной газете, не представлялось возможным, поэтому отец Брайхем и сестра Шейла старались, как могли, донести эту мысль до читателей иносказательно. Энди Клаттербак, наверное, где-то дежурил; он не звонил с тех пор, как Алан пришел в офис час назад. Пока не появился Джон, кроме него самого в здании муниципалитета был только один человек — Эдди Варбертон, возившийся с охладителем питьевой воды в углу.

— Как дела, док? — спросил Джон, усевшись на угол стола Алана.

— В субботу утром? Так себе. Смотри вот. — Алан расстегнул правый рукав своей рубашки цвета хаки и закатал его выше локтя. — Заметь, из рукава ничего не достаю.

— Ага, — буркнул Джон, достал из кармана пластинку «Джуси фрут», снял обертку и бросил жвачку в рот.

Алан показал ему свою правую ладонь, перевернул ее, показал обратную сторону и сжал руку в кулак. Указательным пальцем он вытащил из кулака тоненький шелковый уголок и взглянул на Джона, приподняв брови.

— Неплохо, а?

— Если это шарф Шейлы, то она не обрадуется, когда найдет его мятым и воняющим твоим потом, — сказал Джон, которого явно не впечатлило это маленькое чудо.

— А я виноват, что она забыла его на столе?! — искренне возмутился Алан. — К тому же волшебники не потеют. Теперь скажи «трах-тибидох и абракадабра!». — Он вытянул шарф из кулака и артистично подбросил его в воздух. Шарф немного повисел в воздухе, как ярко раскрашенная бабочка, а потом лениво приземлился на пишущую машинку Норриса. Алан взглянул на Джона и вздохнул.

— Не фонтан, да?

— Шикарный фокус, — признался Джон. — Но я уже несколько раз его видел. Тридцать или уже сорок...

— Эдди, а тебе понравилось? — крикнул Алан. — Неплохо для заштатного провинциального шерифа, а?

Эдди на секунду оторвался от охладителя, уже заполнявшегося водой из пластикового баллона с надписью РОДНИКОВАЯ ВОДА.

— Не заметил, шеф. Звиняй.

— Безнадежны. Оба, — заключил Алан. — Но я придумаю какую-нибудь новую вариацию. Ты еще будешь мне аплодировать, попомни мое слово.

— Ладно, Алан. Ты все еще хочешь, чтобы я проверил сортиры в новом ресторане на Ривер-роуд?

— Ага, хочу.

— Ну почему мне всегда достается всякая грязь? Вот Норрис, скажем. Он что, не может...

— Норрис инспектировал сортиры «Добрых воспоминаний» в июле и августе, — ответил Алан. — В июне это делал я. Перестань выкобениваться, Джонни. Сейчас твоя очередь, и я хочу, чтобы ты взял и пробы воды. В кладовке валяется целая куча специальных пробирок, которые прислали из Августы. Кажется, я видел их за коробкой с Норрисовыми крекерами. Возьми парочку и вперед.

— Ладно, — вздохнул Джон, — я съезжу. Но, рискуя опять показаться кобенящимся, все же позволю себе заметить, что проверять воду в сортирах на наличие всякой хрени — обязанность владельца ресторана. Я читал правила.

— Разумеется, — согласился Алан. — Но мы говорим о Тимми Ганьоне, Джонни. И что это означает?

— Это значит, что я не купил бы гамбургер в новой шашлычной «Речное раздолье» даже под угрозой голодной смерти.

— Правильный ответ! — провозгласил Алан. Он поднялся и хлопнул Джона по плечу. — И я надеюсь, что мы все же прикроем заведение этого грязного сукиного сына раньше, чем популяция бездомных кошек и собак в Касл-Роке начнет уменьшатся.

— Ну это ты уже слишком, Алан.

— Вовсе нет, это же Тимми Ганьон. Возьми утром пробы воды, а я сегодня же отошлю их в Августу, в Комитет по здравоохранению.

— А сам-то ты что будешь делать?

Алан раскатал рукав и застегнул пуговицу на манжете.

— Сейчас пойду в «Нужные вещи». Хочу поговорить с мистером Лиландом Гонтом. Он произвел на Полли неизгладимое впечатление, и, судя по тому, что говорят о нем в городе, она не единственная, кто поддался его обаянию. Ты его видел?

— Нет пока, — сказал Джон. Они пошли к двери. — Хотя пару раз проходил мимо. Там в витрине такая интересная мешанина.

Они прошли мимо Эдди, который как раз протирал тряпкой пластиковую бутыль охладителя. Он не взглянул в их сторону: казалось, он затерялся в каком-то своем мире. Но как только за ними захлопнулась дверь, Эдди Варбертон поспешил в будку диспетчера и снял телефонную трубку.

7

— Хорошо... да... да, я понял.

Лиланд Гонт стоял рядом с кассой, прижав к уху радиотелефон. Улыбка — тонкая, как новорожденный месяц, — не сходила с его губ.

— Спасибо, Эдди. Большое тебе спасибо.

Гонт прошел к занавеске, отделявшей магазин от остальных помещений. Нагнувшись, он частично скрылся за ней, а когда вынырнул обратно, то в руке у него покачивалась табличка.

— Да, теперь можешь идти домой... да... можешь быть уверен, я этого не забуду. Я не забываю, когда люди оказывают мне услуги, Эдди, и по этой причине очень не люблю, чтобы мне о них напоминали. Пока.

Он отключил телефон, не дожидаясь ответа, и, сложив антенну, опустил его в карман пиджака. Занавеска на двери была задернута. Запустив под нее руку, мистер Гонт снял табличку с надписью:

и заменил ее той, что держал в руках. Потом он подошел к витрине и стал наблюдать за Пангборном. Пангборн подошел и посмотрел в то же самое окно; он даже заслонил руками глаза и расплющил нос о стекло, вглядываясь в темноту магазина. И хотя Гонт стоял прямо перед ним, скрестив на груди руки, шериф его не видел.

Гонт обнаружил, что лицо Пангборна ему неприятно. Разумеется, это не было для него сюрпризом. Читать по лицам он умел даже лучше, чем запоминать их, а то, что было написано на этом лице, было написано прописными гигантскими буквами и почему-то казалось опасным.

Внезапно лицо Пангборна изменилось: веки раскрылись чуть больше, улыбчивые губы сжались в узкую щель. Гонт почувствовал короткий и совершенно нехарактерный приступ страха. *Он меня видит!* — подумал он, хотя, разумеется, это было невозможно. Шериф сделал полшага назад... и вдруг рассмеялся. Гонт тут же понял, в чем дело, но это вовсе не умерило его мгновенной и глубокой неприязни к Пангборну.

— Убирайся отсюда, шериф, — прошептал он. — Убирайся и оставь меня в покое.

8

Алан долго стоял, рассматривая витрину. Он не понимал, из-за чего, собственно, столько восторгов. Вчера вечером, перед тем как поехать к Полли, он побеседовал с Розали Дрейк, и Розали так говорила про «Нужные вещи», будто это ответ севера Новой Англии фирме «Тиффани», но фарфоровый сервиз, выставленный в витрине, никак не тянул на то, чтобы вскакивать посреди ночи и писать о нем маме. Самое большее, чего он заслуживал, — распродажа в лавке старьевщика. У некоторых тарелок были отколоты края, а посередине одной из них разбегалась тонкая паутинка трещинок.

Ладно, решил Алан, *на вкус и цвет... Может быть, этому сервизу уже двести лет, и стоит он целое состояние... просто я разбираюсь в фарфоре, как свинья в апельсинах.*

Он прикрыл руками глаза, пытаясь рассмотреть что-нибудь за витриной, но смотреть там было не на что. Свет выключен, никого нет. На миг ему показалось, что кто-то там все-таки есть: странный, призрачный *кто-то*, наблюдавший за ним с недобрым интересом. Он даже отпрянул назад и только потом понял, что это — отражение его собственного лица. Немного смущенный, он рассмеялся.

Занавеска на двери была задернута; на присоске висела табличка с рукописным текстом:

УЕХАЛ В ПОРТЛЕНД ПОЛУЧАТЬ ТОВАР
ЖАЛЬ, ЧТО МЫ С ВАМИ НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ
ЗАХОДИТЕ ЕЩЕ

Алан вынул бумажник из заднего кармана, достал визитную карточку и нацарапал на обороте:

Уважаемый мистер Гонт.
Я заходил к Вам в субботу утром, чтобы представиться и познакомиться с Вами. Жаль, что с Вами мы не встретились. Надеюсь, Вам нравится Касл-Рок. Я зайду в понедельник, выпьем по чашечке кофе. Если я могу быть Вам чем-то полезным, мои телефоны — домашний и рабочий — на обратной стороне этой карточки.
Алан Пангборн.

Он присел и просунул карточку под дверь. Потом еще раз посмотрел на витрину, удивляясь, кому может понадобиться старый сервиз сомнительного происхождения. И тут он ощутил странный, пронизывающий холодок — словно за ним пристально наблюдали. Алан оглянулся, но не увидел никого, кроме Лестера Пратта. Лестер снова обклеивал столбы этими идиотскими листовками и даже не смотрел в сторону Алана. Алан пожал плечами и пошел

обратно к зданию муниципалитета. В понедельник времени на визит будет побольше, вот в понедельник и зайду, решил он.

9

Мистер Гонт дождался, пока Алан скроется из виду, потом подошел к двери и подобрал карточку. Внимательно прочитав обе стороны, он улыбнулся. Шериф собирается навестить его в понедельник? Ну что ж, прекрасно, потому что мистеру Гонту почему-то кажется, что к понедельнику события примут такой оборот, что окружному шерифу будет просто не до этого. Совсем не до этого. Что его очень даже устраивало, потому что он и раньше встречал людей типа Пангборна и давно уяснил для себя, что таких лучше не подпускать близко, пока ты только разворачиваешь дело и накапливаешь клиентуру. Люди вроде Пангборна слишком многое видят.

— С тобой что-то произошло, шериф, — сказал Гонт. — Что-то такое, из-за чего ты стал опасным. Это даже по лицу видно. Интересно, что это было? Ты что-то сделал или что-то увидел? Или и то и другое?

Он еще долго стоял, всматриваясь в пустынную улицу. Губы кривились в нехорошей усмешке, обнажая неровные, испорченные зубы. Он говорил низким, спокойным голосом человека, который привык беседовать сам с собой:

— Как я понимаю, ты у нас вроде салонного иллюзиониста, мой полицейский друг. Любишь показывать фокусы. Что же, до моего отъезда и я покажу тебе пару фокусов. Уверен, ты удивишься.

Он смял в кулаке визитную карточку Алана. Когда она полностью скрылась у него в руке, из-под пальцев вырвался язычок голубого пламени. Он разжал руку, и в воздух вырвалась слабенькая струйка дыма, не оставив на ладони ни кусочка пепла.

— Трах-тибидох и абракадабра, — улыбнулся Гонт.

10

Миртл Китон уже в третий раз за день подошла к двери мужниного кабинета и напряженно прислушалась. Когда она встала с постели — а было только девять утра, — Дэнфорд уже заперся у себя. Сейчас уже час дня, а он все еще там. Когда она спросила, не хочет ли он пообедать, он крикнул ей, чтобы она не мешала, потому что он занят.

Миртл хотела постучать еще раз... но остановилась и снова прислушалась. Из-за двери доносился какой-то странный шум: что-то трещало, постукивало и жужжало. Это было похоже на те скрипучие звуки, которые издавали мамины часы с кукушкой перед тем, как окончательно сломались.

Она все-таки постучала.

— Дэнфорд?

— Уйди! — Голос был взволнованным, непонятно только, от страха или возбуждения.

— Дэнфорд, у тебя все в порядке?

— Да, черт возьми! Уйди, говорю тебе, и оставь меня в покое! Я скоро выйду!

Жужжание и стрекот. Стрекот и жужжание. Как гвозди в бетономешалке. Миртл стало страшно. Она очень надеялась, что у Дэнфорда не случился нервный срыв. Но вел он себя как-то странно.

— Дэнфорд, давай я схожу в пекарню и куплю пончиков?

— Да! — заорал он. — Да! Да! Купи пончиков! Купи туалетной бумаги! Сделай пластическую операцию! Иди куда хочешь! Делай что хочешь! *Только оставь меня в покое!*

Миртл пару секунд постояла у двери, собралась постучать еще раз, но потом передумала. Она уже не была уверена, что ей хочется знать, чем занимается Китон в своем кабинете. Она даже не знала, хочется ей или нет, чтобы он вообще открывал эту дверь.

Она обулась и надела теплое осеннее пальто — солнышко еще светило, но уже не грело, — и вышла к маши-

не. Подъехав к «Сельской печи» в конце Главной улицы, она купила полдюжины пончиков: с медовой глазурью для себя, с шоколадом и кокосовым орехом — для Дэнфорда. Она надеялась, что его это развеселит. *Ее* шоколад всегда приводил в хорошее настроение.

На обратном пути она мельком взглянула на витрину «Нужных вещей». То, что она там увидела, заставило ее вдавить педаль тормоза в пол обеими ногами. Если бы кто-то за ней ехал, багажник бы снес, как пить дать.

В витрине стояла самая красивая кукла, которую она видела в жизни.

Конечно же, шторы опять были подняты, и на двери красовалась табличка:

ОТКРЫТО

Конечно же.

11

Полли Чалмерс провела то субботнее утро самым необычным для нее образом: занимаясь ничегонеделанием. Она просто сидела у окна в своем венском кресле-качалке и рассматривала проезжающие машины и случайных прохожих. Алан позвонил ей перед выездом на дежурство, сказал, что не застал Лиланда Гонта, спросил, все ли у нее в порядке и не нужно ли ей чего-нибудь. Она ответила, что чувствует себя прекрасно и ей совершенно ничего не нужно. Это было вранье; чувствовала она себя паршиво, и кое-что ей действительно было нужно. Список этих вещей возглавляло лекарство от артрита.

Нет, Полли, что тебе действительно *нужно, так это мужество. Та толика мужества, необходимая для того, чтобы прийти к мужчине, которого любишь, и сказать: Алан, я не сказала тебе всей правды о тех годах, что я провела вне Касл-Рока, и я соврала тебе о том, что случилось с моим сыном. Я прошу прощения и хочу рассказать все, как было.*

Рассуждать об этом было, конечно, просто. Но когда смотришь любимому человеку в глаза или пытаешься подобрать ключ к собственному сердцу, да так, чтобы оно не разорвалось в клочья, все становится намного труднее.

Боль и ложь, ложь и боль. В последнее время вся ее жизнь, казалось, вращается вокруг этих двух понятий.

— *Как ты себя чувствуешь, Полли?*

— *Отлично, Алан. Отлично.*

На самом деле она была в ужасе. Не то чтобы боль была невыносимой — какая бы она ни была, сама боль все-таки лучше, чем ее ожидание.

Вскоре после полудня она почувствовала в руках легкое покалывание, почти вибрацию. Вокруг костяшек пальцев и у основания большого пальца образовались колечки жара. Полли чувствовала, как они пульсируют под ногтями, словно маленькие невеселые улыбки. Раньше так было — дважды. — и она знала, что будет дальше. Скоро начнется то, что ее тетя Бетти, болевшая той же формой артрита, называла уже полным приветом. «Когда мои руки начинает покалывать, как от слабого тока, я понимаю, что надвигается шторм и пора задраивать люки». Теперь Полли пыталась задраить собственные люки, впрочем, без особого успеха.

Посреди улицы шли двое мальчишек, перепасовывая друг другу футбольный мяч. Тот, что справа — младший сын Лоувза, — подал второму высокий пас. Тот чуть-чуть не достал до мяча, и мяч покатился по газону Полли. Мальчик бросился за ним, заметил Полли и помахал ей рукой. В ответ Полли тоже подняла руку... и тут же почувствовала, как взметнулась боль: так поднимается угольная пыль от сильного порыва ветра. Так же внезапно боль стихла, и осталось лишь легкое покалывание. Ей казалось, что воздух вокруг напоен электричеством, как перед сильной грозой.

Боль придет в свое время, с этим ничего не поделаешь. А то, что она соврала Алану про Келтона, это... это совсем другое. И вовсе не потому, что правда такая ужасная, такая

кричащая, такая кошмарная... и даже не потому, что он не подозревает, что ты солгала. Он все знает. Это видно по глазам. Тогда почему это так трудно, Полли? Почему?

Наверное, частично из-за артрита, частично из-за того, что она становится все более и более зависима от обезболивающих лекарств — сочетание этих двух обстоятельств затемняло рациональные мысли, так что самые ясные и понятные вещи становились чудовищно искаженными. Потом еще надо было учесть, что у Алана есть свое горе... и ту искренность, с которой он ей открылся. Он выложил все — без каких-либо колебаний.

Его чувства в связи с кошмарным несчастным случаем, унесшим жизнь Энни и Тодда, были запутанными и некрасивыми, окруженными неприятным (и пугающим) водоворотом отрицательных эмоций, но он открылся ей не раздумывая. Потому что хотел выяснить о состоянии Энни что-то такое, что ускользнуло от его внимания, но, возможно, было замечено Полли... но еще и потому, что откровенность и честность были частью его природы. Она боялась, как он отнесется к ней, когда узнает, что она не сказала ему всей правды; что ее сердце, как и руки, сковал ранний лед.

Она продолжала мрачно раскачиваться в своем кресле.

Мне придется сказать ему все, рано или поздно, но мне придется сказать ему все. Не могу понять, почему это так тяжело; почему я ему соврала в тот, первый, раз? Ведь я же его не убила, своего сына...

Она вздохнула — почти всхлипнула — и приподнялась в кресле, поискав глазами детей. Мальчики с мячом уже убежали. Она уселась обратно и закрыла глаза.

12

Она была не первой и не последней девушкой, забеременевшей в результате «невинной возни» на свидании; не первой и не последней девушкой, которая ожесточен-

но ругалась потом со своими родителями и другими родственниками. Они хотели, чтобы она вышла замуж за Пола Шиэна по прозвищу Дюк — парня, который обрюхатил ее. Она отвечала, что не вышла бы за него замуж, даже если бы он остался последним мужчиной на земле. Так и было, да. Но гордость не позволила сказать им, что это Дюк не хотел на ней жениться; его лучший друг рассказал ей, что он *уже* предпринимает панические действия, чтобы сразу, как только ему исполнится восемнадцать, записаться в морскую пехоту... и до этого осталось меньше полутора месяцев.

— Подожди, я что-то не понял, — сказал Ньютон Чалмерс и тем оборвал последний тоненький мостик между ним и дочерью. — Он достаточно хорош, чтобы ты ему дала, но недостаточно хорош для свадьбы? Так, по-твоему, выходит?

Тогда она попыталась сбежать из дому, но ее поймала мать. Если она не выйдет за парня замуж, заявила Лоррейн Чалмерс своим спокойным, ласково-урезонивающим голосом, который в свое время доводил Полли до бешенства, им придется отправить ее к тете Саре в Миннесоту. Она останется там до рождения ребенка, которого надо будет отдать на усыновление.

— Я знаю, из-за чего вы хотите отправить меня туда, — сказала Полли. — Из-за бабушки Эвелин, да? Вы боитесь, что если она узнает о моей беременности, то вычеркнет вас из завещания? Все дело в деньгах. На меня вам совсем наплевать. Да, вам на меня нас...

За ласково-урезонивающим голосом Лоррейн Чалмерс таился совсем другой темперамент. Она влепила Полли пощечину и тем оборвала последний тоненький мостик между ней и дочерью.

Итак, Полли сбежала. Это было очень-очень давно, в июле 1970-го.

Сначала она ненадолго остановилась в Денвере, где до самого рождения ребенка работала в благотворительной клинике, которую пациенты прозвали Шприцепарком.

Она была полностью готова к тому, чтобы оставить ребенка в больнице, но что-то — может быть, то ощущение, когда ты держишь в руках крохотное теплое тельце; сразу же после родов сестра дала ей подержать ребенка, — заставило ее передумать.

Она назвала мальчика Келтоном, в честь дедушки по отцовской линии. Решение оставить ребенка слегка ее напугало, потому что Полли привыкла думать о себе как о практичной и здравомыслящей девушке, а все то, что она натворила за последний год, никак не укладывалось в этот образ. Сначала практичная и здравомыслящая девушка беременеет вне брака, в то время как практичные и здравомыслящие девушки такого просто не допускают. Потом практичная и здравомыслящая девушка убегает из дому и рожает ребенка в городе, в котором раньше никогда не бывала и о котором ничего не знает. И в довершение ко всему практичная и здравомыслящая девушка решает оставить ребенка и при этом понятия не имеет, что ей делать и как жить дальше.

По крайней мере никто не смог бы ее упрекнуть, что она оставила ребенка от безразличия или от злости. Ее саму удивила эта любовь — самое простое, сильное и самое непрощающее чувство из всех известных человечеству.

И она двинулась дальше. Нет, *они* двинулись дальше. Полли сменила множество работ — в основном это была черная работа, — пока не остановилась в Сан-Франциско, куда, по-видимому, и собиралась с самого начала. В начале лета 1971-го Сан-Франциско представлял собой эдакое хипповское Средиземье, холмистый муравейник, кишащий всякими чудаками, рокерами, кришнаитами, хиппи и музыкальными группами с названиями вроде «Китовый виноград» или «Лифты тринадцатого этажа».

Согласно песне Скотта Маккензи про Сан-Франциско, которая была популярна как раз в те годы, лето там должно быть порой любви. Полли Чалмерс, которая даже тогда не имела ничего общего с хиппи, как-то эту пору любви пропустила. В здании, где они жили с Келтоном,

было полно всякой шпаны, которая носила на шее символ мира, пацифик, и в дополнение — финку в ботинке. Самыми частыми гостями в этой среде бывали судебные исполнители, репортеры и полицейские. Тогда полицейских не называли в лицо свиньями; полицейские тоже пропустили сезон любви и были по этому поводу очень злыми.

Полли подала заявление на получение пособия, но оказалось, что она недостаточно долго жила в Калифорнии, чтобы иметь на него право. Может быть, сейчас законы изменились, но в 1971 году матерям-одиночкам в Сан-Франциско было так же трудно, как и в любом другом городе. Она подала заявку в Фонд помощи нуждающимся детям и надеялась, что из этого выйдет какой-то толк. Келтон никогда не голодал, но сама она питалась лишь духом святым. Худющая молодая женщина, всегда голодная, всегда напуганная — женщина, в которой, наверное, очень немногие из бывших знакомых признали бы теперь прежнюю Полли Чалмерс. Ее воспоминания о тех трех годах, проведенных на Западном побережье, — воспоминания, хранящиеся на задворках памяти, как старая одежда на чердаке, — были искаженными и перекошенными, как обрывки кошмара.

Не в этом ли основная причина, почему ей не хотелось рассказывать Алану об этих годах? Может, ей просто не хочется ворошить этот ужас? Она не одна пережила все кошмарные последствия своей гордости, упрямого нежелания попросить о помощи, извращенного лицемерия тех лет, провозглашавших триумф свободной любви, одновременно вышвыривая незамужних женщин с детьми за борт нормального общества; с ней был Келтон, который тоже страдал. Келтон был ее талисманом, ее заложником Фортуны, пока она ожесточенно пробиралась сквозь тернии своего дурацкого крестового похода.

Самое ужасное, что ситуация начала медленно исправляться. Весной 1972-го она наконец-то добилась помощи штата, на следующий месяц ей обещали первый чек фон-

да, и она уже планировала перебраться куда-нибудь в другое место — подальше от этого гадючника.

Звонок застал ее в забегаловке, в которой она работала, и потом в ее снах Норвилл — поваренок, в те дни постоянно пытавшийся залезть ей в трусы, — раз за разом поворачивался к ней, протягивая телефонную трубку: *Полли, это полиция. Они хотят с тобой поговорить. Полли, это полиция. Они хотят с тобой поговорить.*

Они действительно хотели с ней поговорить, потому что вытащили с задымленного третьего этажа тела молодой женщины и маленького ребенка, обгоревшие до неузнаваемости. Кем был ребенок, они уже знали; если бы Полли не было на работе, они бы узнали и кто девушка.

Через три месяца после гибели Келтона она снова пошла работать. Одиночество довело ее до полусумасшествия, оно было настолько глубоким и полным, что она даже не осознавала, как сильно страдает. В конце концов она написала домой, сообщив отцу и матери только то, что она в Сан-Франциско, родила мальчика и мальчика с ней больше нет. Подробностей она не выдала бы и под пытками. Возвращаться домой она не собиралась — по крайней мере по собственной воле, — но начала понимать, что, если не восстановить хоть каких-то связей с прошлым, что-то важное у нее внутри начнет медленно отмирать, дюйм за дюймом, как могучее дерево начинает засыхать с отдельных веток, если его надолго лишить воды.

Мать сразу ответила ей, упрашивая вернуться в Касл-Рок... вернуться домой. Она вложила в письмо чек на семьсот долларов. В квартире, где жила Полли после смерти Келтона, было довольно жарко, и она прервала процесс упаковки своего багажа, чтобы выпить воды. В этот момент она вдруг поняла, что она едет домой просто потому, что ее об этом просила — почти умоляла — мать. Она как-то об этом не думала, что в общем-то было большой ошибкой. Но ведь именно ее гордость и нежелание сесть и подумать — а вовсе не жалкий шпенек Дюка Шиэна — ввергли ее во все эти передряги.

Итак, она села на свою узкую одинокую кровать и стала думать. Она думала долго и мучительно. В итоге она порвала чек и написала письмо матери. Письмо было не больше страницы, но чтобы написать его *правильно*, у нее ушло около четырех часов.

Я хочу вернуться или хотя бы попробовать, но не хочу, чтобы, когда я вернусь, мы стали откапывать старые кости и пытаться их грызть, — писала она. — *Я не знаю, возможно ли то, чего я на самом деле хочу: начать новую жизнь на старом месте, — но хочу попытаться. И у меня есть идея: давай какое-то время просто переписываться. Ты и я, я и папа. Я заметила, что на бумаге злиться и обижаться труднее, так что давайте пока так.*

Таким образом они переписывались почти полгода, и однажды, в январе 1973-го, мистер и миссис Чалмерс показались на пороге ее квартиры с чемоданами в руках. Они сказали, что поселились в отеле «Марк Хопкинс» и без нее в Касл-Рок не вернутся.

Полли смотрела на них, ощущая целую гамму переживаний: злость за их властное отношение, унылую радость от такой милой и наивной властности, страх услышать вопрос, которого она так тщательно избегала в своих письмах и от которого теперь трудно будет уйти.

Она пообещала поужинать с ними, не более — с другим решением придется пока подождать. Отец сказал, что номер в отеле они сняли всего на одну ночь. Она посоветовала позвонить туда и продлить бронь.

Перед тем как принять окончательное решение, она хотела поговорить с ними как можно дольше — прощупать то, чего она не сумела понять из писем. Но этот вечер оказался единственным, который они провели вместе. Это был последний вечер, когда она видела своего отца здоровым и сильным, и бóльшую часть вечера он ее просто бесил.

Старые аргументы, которых так легко избежать в письмах, проявились еще во время предобеденного бокала вина. Сначала это были редкие бенгальские огни, но по

мере того как отец продолжал пить, они превратились в неконтролируемый шквал огня. Он высек искру, сказав, что они оба знают, что Полли поняла свои ошибки и пора зарыть в землю топор войны. Миссис Чалмерс раздула огонь, перейдя на свой прежний спокойный, ласково-урезонивающий тон: «Где твой ребенок, милая? Уж *это-то* ты нам скажешь? Наверное, ты отдала его куда-то в приют?»

Полли знала эти голоса; знала, что они означают. Голос отца говорил о том, что он хочет восстановить контроль над ситуацией: *во что бы то ни стало* восстановить контроль. Голос матери свидетельствовал о том, что она проявляет любовь и заботу единственным известным ей способом: требуя информации. Оба голоса, такие знакомые, такие любимые и презираемые, разожгли в ней прежнюю дикую злость.

Они ушли из ресторана, не доев даже первое блюдо, и на следующий день мистер и миссис Чалмерс улетели домой. Одни.

После трехмесячного перерыва переписка нерешительно возобновилась. Первой написала мать — извинялась за тот неудачный вечер. Все «пожалуйста, приезжай» были опущены. Это удивило Полли... и немного встревожило. Ей показалось, что мать окончательно от нее отказывается. В данных обстоятельствах это было глупо и попахивало жалостью к себе, что, впрочем, ничего не меняло.

Думаю, ты сама знаешь, как тебе лучше, — писала мать. *— Нам с отцом это трудно принять, потому что для нас ты все еще маленькая девочка. Мне кажется, его испугало, что ты стала такой красивой и такой взрослой. И не надо его винить за его поведение. Он тогда плохо себя чувствовал, снова желудок пошаливал. Врачи говорят, что это желчный пузырь и что как только он согласится его удалить, все будет в порядке, но я все равно за него волнуюсь.*

Полли ответила в том же примиренческом духе. Сейчас, когда она начала ходить на бизнес-курсы и задвину-

ла в долгий ящик планы немедленно вернуться в Мэн, это было значительно легче. Но потом, в конце 1975-го, пришла телеграмма. Она была короткой и жестокой:

У ПАПЫ РАК. ОН УМИРАЕТ. ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ. ЛЮБЛЮ МАМА.

Когда Полли приехала в госпиталь в Бриджтоне, отец был еще жив. После самолета у нее кружилась голова, а вид знакомых мест возрождал старые воспоминания. С каждым поворотом дороги от Портлендского аэропорта к холмам Западного Мэна в ней нарастало удивление. *Когда я в последний раз все это видела, я была еще ребенком!*

Ньютон Чалмерс лежал в отдельной палате, периодически теряя сознание, с трубкой в носу. Вокруг голодным полукругом столпились какие-то медицинские аппараты. Он умер через три дня. Полли собиралась сразу же уехать в Калифорнию — о которой она теперь думала уже почти как о доме, — но через четыре дня после похорон отца у мамы случился тяжелый сердечный приступ.

Полли переехала к ней. Следующие три с половиной месяца она смотрела за матерью, и каждую ночь во сне ей являлся Норвилл, поваренок из той забегаловки. Норвилл протягивал ей телефонную трубку правой рукой с татуировкой в виде орла и словами ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ. *Полли, это полиция*, говорил Норвилл. *Они хотят поговорить с тобой. Полли, это полиция. Они хотят поговорить с тобой.*

Мать начала ходить и завела разговор о том, чтобы продать дом и переехать вместе с Полли в Калифорнию (то, чего она никогда бы не сделала, но Полли не стала ее разочаровывать — она стала старше и немного терпимее), но тут случился второй приступ. Итак, сырым и промозглым днем, в марте 1976-го, Полли вместе с двоюродной бабушкой Эвелин стояла на кладбище и смотрела на гроб, что стоял на подставке рядом со свежей могилой отца.

Тело отца всю зиму пролежало в кладбищенском склепе, потому что надо было дождаться весны, когда земля оттает и можно будет вырыть могилу. Это было совершен-

но неправдоподобное и кошмарное совпадение, которое даже писатель не стал бы использовать у себя в романе: мужа похоронили за день до смерти жены. *Она как будто ждала, чтобы земля приняла его раньше,* подумала Полли.

Когда окончилась поминальная служба, тетя Эвви отозвала ее в сторону. Единственная из оставшихся в живых родственников Полли стояла рядом с катафалком: тонкая женщина, одетая в черное мужское пальто и не к месту веселые красные галоши, с сигаретой в уголке рта. Когда Полли подошла, тетя Эвви чиркнула по ногтю спичкой и поднесла ее к кончику сигареты. Она глубоко затянулась и выпустила клуб дыма в холодный весенний воздух. Ее трость (тогда еще простая ясеневая тросточка; пройдет еще три года, прежде чем ей вручат именную трость от газеты «Бостон пост» как самому старому жителю города) мирно примостилась у нее в ногах.

Теперь, сидя в кресле-качалке, которое старушка наверняка бы одобрила, Полли высчитала, что той весной тете Эвви было восемьдесят восемь лет. Восемьдесят восемь, и она по-прежнему дымила как паровоз! Однако Полли не видела разницы между тетей Эвви образца семьдесят шестого года и тетей Эвви из воспоминаний раннего детства, когда сама Полли при каждой с ней встрече надеялась получить конфетку из, казалось бы, бесконечного запаса сладостей, хранившегося в кармане тетиного передника. За то время, пока Полли отсутствовала в Касл-Роке, многие вещи тут изменились, но тетя Эвви осталась такой же, как раньше.

— Ну вот, *оно* и закончилось, — сказала тетя Эвви прокуренным голосом. — Они покоятся в земле, Полли. Оба: и мать, и отец.

Полли тогда расплакалась, хотя слезы были скупыми и скудными. Она подумала, что тетя Эвви попытается ее успокоить — положит руку ей на плечо или что-нибудь в этом роде, — и уже внутренне содрогалась от предчувствия прикосновения старой женщины. Она *не хотела*, чтобы ее успокаивали.

Но оказалось, что она зря волновалась. Эвелин Чалмерс была не из тех, кто бросается утешать скорбящих; Полли потом иногда задумывалась, что тетя Эвви вообще не верила в то, что человека *возможно* утешить. Но как бы то ни было, она просто стояла, поставив трость между красных галош, курила и терпеливо ждала, когда слезы Полли иссякнут и она возьмет себя в руки.

Когда Полли слегка успокоилась, тетя Эвви спросила:

— Твой ребенок, о котором тут столько судачили, он ведь мертв, так?

Неожиданно для себя Полли кивнула, хотя она ревностно хранила этот секрет от всех.

— Его звали Келтон.

— Хорошее имя, — сказала тетя Эвви. Она медленно выпустила дым изо рта, втягивая его при этом ноздрями (Лоррейн Чалмерс называла это «двойным насосом», морща нос от отвращения). — Я поняла это сразу, как только тебя увидела. Прочла у тебя в глазах.

— Был пожар, — сказала Полли, глядя ей прямо в глаза. Ее платок давно промок, поэтому она сунула его в карман пальто и вытирала слезы кулаками, как маленькая девочка, упавшая с самоката и разбившая коленку. — Девчонка, которую я наняла, чтобы смотреть за ребенком, тоже сгорела. Скорее всего пожар начался по ее недосмотру.

— Ой-ей! — воскликнула тетя Эвви. — Хочешь, раскрою тебе одну тайну, Триша?

Полли чуть улыбнулась и кивнула. Ее настоящее имя было Патрисия, но с детства все называли ее Полли. Все, кроме тети Эвви.

— Маленький Келтон мертв... А *ты* — нет. — Тетя Эвви выбросила сигарету и для убедительности постучала костлявым пальцем по подбородку Полли. — *Ты* — нет. И что ты теперь собираешься делать?

Полли помедлила.

— Вернусь в Калифорнию, — сказала она наконец.

— Для начала неплохо. Но этого мало. — Тут тетя Эвви произнесла фразу, очень похожую на ту, которую через

несколько лет сама Полли сказала Алану Пангборну во время ужина в «Березах»: — В том, что случилось, твоей вины нет, Триша. Ты это понимаешь?

— Я... я не знаю.

— Значит, не понимаешь. И пока ты не поймешь, то не важно, куда ты поедешь или что будешь делаешь. Шансов не будет.

— Каких шансов? — озадаченно спросила Полли.

— *Твоих* шансов. Шансов жить своей жизнью. Сейчас у тебя вид человека, которому мерещатся призраки. Не все верят в призраков, но я — верю. Ты знаешь, кто они такие?

Полли медленно покачала головой.

— Мужчины и женщины, которые не могут расстаться с прошлым, — сказала тетя Эвви. — *Вот* кто такие призраки. А не *они*, — махнула она рукой в сторону гроба, что стоял рядом со свежей могилой. — Мертвые мертвы. Мы их хороним, и они остаются в земле.

— Я чувствую...

— Да. Ты чувствуешь, а *они* не чувствуют. Твоя мать и мой племянник — они не чувствуют. Твой мертвый ребенок — он тоже не чувствует. Ты понимаешь?

Она понимала. Отчасти.

— Ты права, что не хочешь остаться здесь, Полли. По крайней мере не сейчас. Возвращайся к себе. Или поезжай еще куда-нибудь: в Солт-Лейк-Сити, Гонолулу, Багдад — куда угодно. Не важно куда, потому что рано или поздно ты все равно *вернешься* сюда. Это написано у тебя на лице, это в том, как ты ходишь, в том, как ты говоришь, даже в том, как ты прищуриваешься, когда смотришь на незнакомого человека. Касл-Рок создан для тебя, а ты — для него. Не спеши. «Живи там, где твое место» — так написано в одной книге. Но *живи*, Триша. Не будь призраком. Если ты превратишься в призрака, будет лучше, если ты останешься там.

Старуха осмотрелась вокруг.

— В этом проклятом городишке и так слишком много призраков, — сказала она.

— Я постараюсь, тетя Эвви.

— Да, я знаю. Этого у тебя не отнимешь. Ты была хорошим, добрым ребенком, хотя и не очень удачливым. Ну, удача — это для дураков. Ведь им, бедненьким, больше не на что надеяться. Я знаю, что ты и сейчас хорошая и добрая, и это самое главное. Мне кажется, ты должна справиться. — Она на секунду умолкла и добавила быстро и чуть ли не высокомерно: — Я люблю тебя, Триша Чалмерс. И всегда любила.

— Я тебя тоже люблю, тетя Эвви.

Тут они обнялись — неуклюже и настороженно, как проявляют чувства старые и очень молодые люди. Полли почувствовала аромат прежних сухих духов тети Эвви — дрожь фиалок — и снова расплакалась.

Когда они разжали объятия, тетя Эвви сунула руку в карман пальто. Полли думала, что она достанет платок, и даже слегка обалдела — неужели после стольких лет она наконец увидит, как плачет эта невозмутимая старуха?! Но вместо платка тетя Эвви вытащила карамельку в обертке, как в те славные дни, когда Полли Чалмерс была совсем маленькой девочкой с косичками, свисающими на запачканную блузку.

— Хочешь конфетку, милая? — с улыбкой спросила она.

13

День постепенно сдавался сумеркам.

Полли выпрямилась в кресле-качалке, осознав, что чуть не заснула. Она случайно ударила руку, и вверх до самого плеча промчалась вспышка белой боли, которую сменило более щадящее покалывание. Понятно: будет приступ. Ближе к вечеру или завтра, но будет очень сильный приступ.

Полли, не стоит волноваться о том, чего ты изменить не можешь, а одну вещь ты можешь изменить, должна из-

менить. Ты должна рассказать Алану правду про Келтона. Ты должна выпустить этого призрака из своего сердца.

Но против этого восстал другой голос — сердитый, испуганный, торопливый. Голос гордыни, решила она, но ее потрясли те сила и напор, с которыми этот голос доказывал, что прошлые дни, прошлую жизнь ворошить не надо... ни для кого, даже для Алана. Кроме того, короткая жизнь и несчастная смерть ее сына не должны стать достоянием длинных острых языков городских сплетниц.

Что еще за дурость, Триша? — возмутилась внутренняя тетя Эвви — теперь уже покойная тетя Эвви, которая прожила столько лет и до самого конца дымила как паровоз. *Что такого случится, когда Алан узнает, как погиб Келтон? Что такого случится, даже если об этом узнают все сплетники города, от Ленни Партриджа до Миртл Китон включительно? Ты глупая гусыня... неужели ты думаешь, что кого-то заботит этот твой ребенок? Не будь о себе такого высокого мнения, эти новости уже протухли. Они не стоят второй чашки кофе у Нан.*

Может, и так... но это был *ее* ребенок, черт побери, *ЕЕ!* И в своей жизни, и в своей смерти он принадлежал только ей. И она тоже принадлежала только себе: ни маме, ни папе, ни Дюку Шиэну. Она принадлежала себе. Та напуганная маленькая девочка, каждый вечер стиравшая свои трусики в ржавой кухонной раковине, потому что у нее их было всего три пары, та напуганная девочка, которая постоянно ждала, что у нее на губе или под ноздрей вскочит простуда, та девочка, которая иногда сидела у окна, что выходило на вентиляционную решетку, и рыдала, положив голову на руки, — та девочка принадлежала *ей.* Воспоминания о том, как она сидит с сыном во мраке ночи, кормит Келтона своей маленькой грудью и одновременно читает книгу Джона Д. Макдональда под далекий вой сирен, разносящийся по тесным, горбатым улицам города, — эти воспоминания тоже *ее.* Слезы, которые она пролила, одинокая тишина, которую она все-таки вынесла, длинные туманные дни в закусочной, когда

она отбивалась от настойчивых домогательств Норвилла Бейтса, стыд, ценой которого она наконец добилась мрачного перемирия, независимость и достоинство, за которые она боролась с таким трудом и так неубедительно хранила... все это принадлежало ей и не должно было стать достоянием города.

Полли, дело не в городе, и ты это знаешь! Дело в том, чем ты должна поделиться с Аланом.

Она покачала головой, сама того не замечая. Она провела слишком много бессонных ночей, чтобы сдать свой внутренний мир без боя. В свое время она все расскажет Алану. Она и не собиралась хранить все в секрете *так* долго, но время еще не пришло. Пока не пришло... и особенно теперь, когда, судя по рукам, несколько следующих дней она не сможет думать вообще ни о чем, кроме них.

Зазвонил телефон. Наверное, это Алан вернулся с патрулирования и хочет узнать, как дела. Полли встала и подошла к телефону. Осторожно, двумя руками она взяла трубку, готовая говорить ему то, что, как ей казалось, он хотел услышать. Голос тети Эвви пытался вмешаться, пытался убедить ее, что это неправильное поведение — инфантильное, самооправдывающее и, может быть, даже опасное поведение. Но Полли быстренько от него оградилась.

— Алло, — весело сказала она. — Ой, привет, Алан! Как ты? Хорошо.

Она выслушала ответ, улыбнулась. Если бы в этот момент она посмотрелась в зеркало, то увидела бы женщину, которая, казалось, беззвучно кричит... но она не смотрела в зеркало.

— Все хорошо, Алан. У меня все хорошо.

14

Скоро пора будет ехать на ипподром.

Скоро.

— Давай, — прошептал Дэнфорд Китон. Пот стекал по его лицу, как масло. — Давай, давай, давай.

Он скрючился над «Выигрышной ставкой». Он смел все со стола, чтобы хватило места поставить игру, и провел весь день, проигрывая заезды. Он начал с книги «История скачек: сорок лет Кентукки-дерби». Прогнал как минимум две дюжины дерби, давая жестяным лошадкам имена участников, как говорил мистер Гонт. И жестяные лошадки, получившие имена победителей дерби, неизменно приходили первыми. Это происходило раз за разом. Это было чудесно — так чудесно, что время летело незаметно. Было уже четыре часа дня, когда до него дошло, что он гоняет давно прошедшие скачки, в то время как ему надо «пройти» еще десять заездов, которые запланированы на сегодня на ипподроме в Льюистоне.

Пришло время делать деньги.

Сегодняшний номер льюистонской «Дейли сан», раскрытый на разделе скачек, лежал слева от «Выигрышной ставки». Справа лежал листок, выдранный из блокнота. На листе большими торопливыми каракулями было написано:

1-й заезд: БАЗУКА ДЖОАН
2-й заезд: ФИЛЛИ ДЕЛЬФИЯ
3-й заезд: ЧУДО ТАММИ
4-й заезд: Я В ОТПАДЕ
5-й заезд: ОТ ДЖОРДЖА
6-й заезд: ШУСТРИК
7-й заезд: ГРОМ КАСКО
8-й заезд: ЛЮБИМЫЙ СЫНИШКА
9-й заезд: ТИКО-ТИКО

В пять часов Дэнфорд Китон уже доигрывал последний заезд. Жестяные лошадки качались и дергались, мчась по прорезям. Одна из них вышла вперед на шесть корпусов и раньше всех пересекла финишную черту.

Китон схватил газету и вновь впился взглядом в расписание. Его лицо просияло, словно на него снизошло благословение Божье.

— Малабар! — прошептал он и потряс кулаками в воздухе. Карандаш, зажатый в одном из них, вылетел и куда-то закатился. — Малабар! Тридцать к одному! *Как минимум* тридцать к одному! Боже мой, Малабар!

Тяжело дыша, он нацарапал кличку лошади на клочке бумаги. Спустя пять минут «Выигрышная ставка» была надежно заперта в шкафу в кабинете, а сам Дэнфорд Китон мчался в своем «кадиллаке» в Льюистон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Без четверти десять утром в воскресенье Нетти Кобб надела пальто и быстро его застегнула. У нее на лице отпечаталось выражение мрачной решительности. Она стояла в кухне. Бандит сидел на полу, смотрел на нее снизу вверх и всем своим видом как будто спрашивал, действительно ли она собирается выйти из дома на этот раз.

— Да, собираюсь, — сказала она.

Бандит брякнул хвостом по полу, как бы заявляя, что он так и знал.

— Я сделала лазанью для Полли и хочу отнести ее ей. Абажур заперт в буфете, и я *знаю*, что он там заперт, и мне вовсе не нужно идти проверять, потому что я точно знаю. Эта полоумная полячка не сделает меня узницей в моем собственном доме. И если я увижу ее на улице, то я ей покажу! Я ее предупреждала!

Ей *надо было* выйти из дома. Просто необходимо выйти, и она это знала. Она не выходила на улицу целых два дня и начала понимать, что чем дольше все это будет тянуться, тем труднее ей будет решиться потом. Чем больше времени она просидит дома с задернутыми шторами, тем труднее ей будет открыть эти шторы. Она чувствовала, как прежний беспорядочный ужас обволакивает ее мысли.

Сегодня утром она встала рано — в пять утра! — приготовила для Полли замечательную лазанью, именно так, как она любит, со шпинатом и грибами. Грибы были консервированные, потому что вчера вечером она не отважилась выйти на рынок, но лазанья все равно получилась хорошей. Сейчас она стояла на кухонном столе, в судочке, закрытом сверху алюминиевой фольгой.

Нетти взяла лазанью и прошла через гостиную к выходу.

— Будь хорошим послушным мальчиком, Бандит. Я вернусь через час. Если только Полли не угостит меня кофе, потому что тогда я, наверное, задержусь. Но все будет хорошо. Мне не о чем волноваться. Ведь я ничего не делала с простынями этой безумной полячки, и если она будет меня доставать, я покажу ей, где раки зимуют.

Бандит уверенно гавкнул в знак того, что он все понял и полностью с ней согласен.

Она открыла дверь и осторожно выглянула наружу, но не увидела ничего особенного. На Форд-стрит было пусто, как только может быть пусто на улочке маленького городка в воскресенье утром. Вдалеке звенел колокол — собирал на службу верных баптистов преподобного Роуза. Второй колокол созывал к мессе католиков отца Брайхема.

Собрав все свое мужество, Нетти вышла на крыльцо, поставила судок на ступеньку и заперла дверь. Потом царапнула ключом по тыльной стороне ладони, оставив тонкую красную полоску. Нагнувшись, чтобы поднять судок, она подумала: *Теперь, когда ты пройдешь полквартала — или даже еще раньше, — и тебе вдруг покажется, что на самом деле дверь не заперта, то ты точно вспомнишь, что это тебе только кажется. Ты ведь поставила на пол лазанью, чтобы запереть дверь. А если ты все равно не поверишь, тогда посмотришь на свою руку и вспомнишь, как ты поцарапала ее ключом от входной двери... уже после того, как заперла дом. Ты это вспомнишь, Нетти, и сможешь перебороть сомнения.*

Это была очень хорошая, здравая мысль, и использовать ключ, чтобы царапнуть руку, — это тоже была очень дельная мысль. Царапина на руке — это что-то *конкретное*, осязаемое; и впервые за последние два дня (и две практически бессонные ночи) Нетти *действительно* более или менее успокоилась и почувствовала себя увереннее. Она направилась к тротуару с высоко поднятой головой, сжимая губы так плотно, что они превратились в тонкую белую линию. Выйдя на тротуар, она осмотрелась в поисках маленькой желтой машины бесноватой полячки. Если бы таковая обнаружилась, Нетти твердо намеревалась подойти к ней и сказать этой придурочной бабе, чтобы она оставила ее в покое. Но желтой машины не было. На улице стоял только оранжевый пикап, да и тот пустой.

Хорошо.

Нетти зашагала по улице к дому Полли, и когда ее начинали одолевать сомнения, она напоминала себе, что абажур надежно заперт в буфете, Бандит охраняет дом и входная дверь заперта на ключ. Последнее — самое главное. Входная дверь заперта, и, для того чтобы в этом не сомневаться, ей достаточно посмотреть на бледнеющую красную отметину на руке.

Вот так, с высоко поднятой головой, Нетти прошла целый квартал и свернула за угол, даже не оглянувшись.

2

Когда ненормальная Нетти скрылась из виду, Хью Прист выпрямился за рулем своего оранжевого пикапа, который он вывел с пустой стоянки в семь часов утра (он успел пригнуться, как только эта придурочная вышла за дверь). Он поставил передачу в нейтралку, и пикап медленно и бесшумно подкатился к дому Нетти Кобб.

3

Звонок в дверь вывел Полли из состояния, которое нельзя было назвать сном. Скорее это было наркотическое забытье с живыми картинками. Она села на постели и обнаружила, что спала в домашнем халате. Когда только успела надеть?! Сначала она не могла вспомнить, и это ее напугало. Но потом она вспомнила. Боль, которую она ждала с таким страхом, прибыла точно по расписанию — наверное, самая жуткая боль за все время. Боль разбудила ее в пять утра. Она пошла в туалет пописать, но обнаружила, что даже не может оторвать кусок туалетной бумаги, чтобы подтереться. Поэтому она приняла таблетку, надела халат и села в кресло у окна спальни — ждать, чтобы подействовало лекарство. Через какое-то время она начала засыпать и вернулась в постель.

Руки были как две грубые глиняные фигуры, обожженные почти до трещин. Боль была одновременно горячей и очень холодной; она вгрызалась ей в руки до самых костей, словно сложная сеть отравленных проводов. Полли в отчаянии подняла руки — свои несчастные скрюченные руки, страшные, искривленные. В дверь опять позвонили. Полли слабо застонала.

Она вышла на лестничную площадку, держа руки перед собой, как собака-попрошайка держит лапы, когда просит конфетку или кусочек сахара.

— Кто там? — крикнула она. Голос был все еще хриплым со сна. Во рту был какой-то противный привкус, чем-то похожий на запах использованного наполнителя в кошачьем туалете.

— Это Нетти! — донесся ответ из-за двери. — Полли, у тебя все в порядке?

Нетти. Боже, что Нетти здесь делает в воскресенье, да еще в такую рань?!

— Все хорошо. Просто я не одета. Открой своим ключом!

Услышав щелчок замка, Полли поспешила обратно в спальню. Взглянув на часы, она с удивлением обнаружила, что уже не так и рано. Скорее наоборот. На самом деле ей не нужно было переодеваться. Для Нетти сойдет и домашний халат. Ей нужно было принять таблетку. Просто *необходимо* принять таблетку.

Она и не думала, что ее состояние *настолько* тяжелое, пока не попыталась взять лекарство. Таблетки — на самом деле капсулы — лежали в маленьком стеклянном блюдце на каминной полке. Она без проблем смогла запустить в блюдце руку, но вдруг оказалось, что взять с блюдца таблетку она не может. Ее руки были похожи на клещи какой-то машины, которую заклинило из-за отсутствия смазки.

Полли попробовала еще раз, волевым усилием заставляя руку двигаться. Результат был плачевным: слабое дрожание пальцев и очередной взрыв боли. Это была уже последняя капля. Полли буквально зарычала от досады и боли.

— Полли? — донесся снизу встревоженный голос Нетти. Полли подумала, что вот жители Касл-Рока считают Нетти «немного того, не от мира сего», но когда дело касалось Поллиных проблем со здоровьем, тут Нетти всегда была на высоте. Она хорошо знала Полли, и обмануть ее было никак не возможно... и еще Нетти любила ее, и поэтому тоже ее нельзя было обмануть. — Полли, ты правда в порядке?

— Сейчас я спущусь, подожди секундочку, — крикнула Полли, очень стараясь, чтобы ее голос звучал живо и весело. Она убрала руку с блюдца и нагнулась над ним, мысленно умоляя: *Боже, не дай ей подняться именно сейчас. Прошу тебя, Боже. Не дай ей увидеть, как я это делаю.*

Она опустила голову к блюдцу, как собака, решившая полакать из миски и прищемившая язык. На нее навалились боль, стыд и страх и, что самое мерзкое, глухая депрессия, которая перекрасила окружающий мир в бурый

и серый траур. Языком она прижала одну из капсул к краю блюдца, кое-как умудрилась зацепить ее губами — уже не как собака, а, скорее, как муравьед, вкушающий лакомую козявку, — и проглотила.

Глотая лекарство, она снова поймала себя на той же мысли: *Я все отдам, чтобы избавиться от этой боли. Все, что угодно.*

4

С некоторых пор Хью Прист почти не видел снов; в последнее время он уже не ложился спать, а, скорее, терял сознание. Но этой ночью ему приснился сон, настоящий сон. В этом сне он увидел все, что ему нужно было знать, и все, что ему нужно было сделать.

Во сне он на кухне пил пиво и смотрел телешоу «Грандиозная распродажа». Все призы были из этого нового магазина «Нужные вещи». А у всех участников передачи шла кровь из глаз и ушей. Они смеялись и улыбались, но выглядели перепуганными.

Внезапно какой-то приглушенный сдавленный голос позвал:

— Хью! Хью! Выпусти меня, Хью!

Голос доносился из шкафа. Хью распахнул дверцу, готовый растерзать любого, кто там запрятался. Но внутри не было никого: обычная свалка — ботинки, шарфы, пальто, рыболовные снасти и два ружья.

— Хью!

Он поднял голову, потому что голос шел с верхней полки.

Это был лисий хвост. Лисий хвост *говорил*. И Хью сразу узнал этот голос. Это был голос Лиланда Гонта. Он взял хвост в руки, вновь ощутив его бархатистую мягкость, похожую то на шелк, то на шерсть, а на самом деле не похожую ни на что. Потому что он был особенным, этот хвост. Единственным и неповторимым.

— Спасибо, Хью, — сказал лисий хвост. — На полке так душно. А еще ты там оставил свою старую трубку. Уф, как же она воняет.

— Тебя переложить в другое место? — спросил Хью. Он чувствовал себя неловко, разговаривая с лисьим хвостом. Даже во сне.

— Не, я вроде как привыкаю уже. Нам надо поговорить. Тебе нужно кое-что сделать, помнишь? Ты обещал.

— Полоумная Нетти, — кивнул Хью. — Надо подшутить над полоумной Нетти.

— Точно, — подтвердил хвост. — И прямо сегодня, сразу же как проснешься. Слушай внимательно.

И Хью стал слушать.

Хвост сказал, что в Неттином доме, кроме собаки, никого не будет, но теперь, когда Хью уже подошел к двери, он решил постучать. На всякий случай. Внутри послышался частый стук когтей по деревянному полу, и больше ничего. Он постучал еще раз, для верности. С той стороны раздался один-единственный «Гав!».

— Бандит? — спросил Хью. Хвост сказал ему, как зовут собаку. Хорошая кличка для собаки, пусть даже у тетки, которая ее выдумала, давным-давно крыша съехала.

Снова раздался «Гав!», хотя и не такой уверенный, как в первый раз.

Из нагрудного кармана своей шерстяной охотничьей куртки Хью достал связку ключей. Эта связка была у него уже много лет, он даже не помнил, от чего была половина из этих ключей. Но три-четыре ключа были того же типа, что и ключ от Неттиной двери.

Хью огляделся по сторонам, убедился, что улица по-прежнему пуста, и принялся подбирать ключ.

5

Как только Нетти увидела серое, опухшее лицо и запавшие глаза Полли, ее собственные страхи, грызшие ее всю дорогу от дома, сразу же отступили на второй план.

Ей даже не нужно было смотреть на Поллины руки (Полли держала их на уровне пояса — опустить их вниз означало бы обречь себя на ужасные мучения), чтобы понять, что с ней происходит.

Лазанья была бесцеремонно брошена на столик у подножия лестницы. Если бы она шлепнулась на пол, Нетти бы даже и не обернулась. Издерганная, нервная женщина, какой она виделась кумушкам Касл-Рока, женщина, которая как будто все время бежит от каких-то злодеев, хотя — на самом деле — она всего лишь вышла на почту, сейчас этой женщины не было и в помине. На ее месте возникла другая Нетти. Нетти Полли Чалмерс.

— Спускайся, — решительно проговорила она. — Иди в гостиную. Я принесу терморукавицы.

— Нетти, со мной все в порядке, — слабо произнесла Полли. — Я приняла таблетку, и через пару минут...

Но Нетти уже взяла ее под руку и повела в гостиную.

— Что случилось? Может, ты их отлежала во сне?

— Нет, от этого я бы проснулась. Просто... — Полли рассмеялась. Странным и нездоровым смехом. — Просто боли опять начались. Я знала, что сегодня будет плохо, но не ожидала, что будет *настолько* плохо. И терморукавицы тут не помогут.

— Иногда ведь помогают. Ты ведь знаешь, что помогают. Посиди тут.

Тон Нетти не допускал никаких возражений. Она усадила Полли в мягкое кресло, а сама побежала в ванную за рукавицами. Полли перестала ими пользоваться больше года назад, но Нетти, казалось, относилась к ним со сверхъестественным благоговением. «Куриный суп по версии Нетти»*, однажды назвал их Алан, и Полли тогда искренне посмеялась.

Полли сидела в кресле, положив руки на подлокотники, и не отрываясь смотрела на диван, стоявший в другом

* Имеется в виду старая шутка про еврейскую маму, которая всех и вся лечила куриным супом.

конце комнаты, — в пятницу они с Аланом занимались на нем любовью. Тогда ее руки совсем не болели. С тех пор как будто прошла целая вечность. Сейчас ей казалось, что то удовольствие — не важно, насколько сильное и пронзительное, — было чем-то призрачным, эфемерным. Любовь кружит голову, да. Но не любовь движет миром. По убеждению Полли, вселенную на ее хрустальной оси вращают вопли тяжелораненых и стоны больных.

Ты, глупый диван, подумала она. *Глупый пустой диван, что мне теперь с тебя толку?*

Нетти вернулась с рукавицами. Они были похожи на стеганые кухонные прихватки, соединенные изолированным проводом. Из левой рукавицы торчал электрический шнур с вилкой. Полли увидела рекламу этих рукавичек в «Домашнем хозяйстве». Она позвонила в Государственный фонд борьбы с артритом, и ей там сказали, что в некоторых случаях эти рукавицы дают временное облегчение. А когда она показала журнал доктору Ван Аллену, он сказал так:

— Ну, можно попробовать. Хуже от них не будет.

Даже тогда, два года назад, эта фраза уже успела изрядно ей надоесть.

— Нетти, через пару минут...

— ...тебе станет лучше, — закончила за нее Нетти. — Разумеется, тебе станет лучше. И может быть, не без помощи этих штук. Давай сюда руки.

Полли сдалась и послушно вытянула руки. Нетти раскрыла рукавицы и надела их на руки Полли с осторожной сосредоточенностью сапера, который пробует разминировать пластиковую бомбу со взведенным механизмом. Ее прикосновения были нежными, опытными и сочувственными. Полли не думала, что рукавицы помогут... а вот искренняя забота Нетти *уже* возымела действие.

Нетти взяла вилку, встала на колени и воткнула ее в розетку у самого пола. Рукавицы слабо загудели, и первые волны сухого тепла щекотно прошли по рукам.

— Нетти, ты слишком ко мне добра, — мягко сказала Полли. — Ты это знаешь?

— Даже *слишком* — этого все равно мало, — ответила Нетти. Ее голос звучал слегка хрипло, а глаза ярко сияли. — Полли, я знаю, что не должна в это вмешиваться, но я больше не могу спокойно смотреть, как ты мучаешься. Ты должна что-то сделать со своими руками. *Должна*. Нельзя себя так изводить.

— Я знаю, милая. Я знаю. — Полли предприняла титаническое усилие, чтобы пробиться сквозь стену депрессии, которая выстроилась у нее в голове. — Кстати, Нетти, а почему ты пришла? Я так думаю, явно не для того, чтобы поджарить мне руки. Что-нибудь случилось?

Нетти улыбнулась:

— Я испекла тебе лазанью.

— Правда? Ой, Нетти, не надо было тебе...

— Не надо? А я считаю, что надо. Сегодня ты точно готовить не сможешь, и завтра тоже. Я положу ее в холодильник.

— Спасибо. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна.

— Я сама рада, что решила ее приготовить. А теперь, когда я тебя увидела, рада вдвойне. — Она подошла к двери и обернулась. *Луч солнца упал* ей на лицо, и в это мгновение Полли могла бы увидеть, какой выжатой и усталой была сама Нетти, но она ничего не заметила. Из-за боли. — Сиди и не смей вставать!

Полли рассмеялась, удивив и себя, и Нетти:

— А как я, по-твоему, встану?! Я же в ловушке!

Нетти вышла из комнаты, и через пару минут в кухне послышался звук открывающейся и закрывающейся дверцы холодильника: Нетти убрала туда лазанью. Потом она крикнула:

— Может быть, кофе сварить? Выпьешь чашечку? Я помогу.

— Да, — ответила Полли. — С удовольствием. — Теперь рукавицы гудели громче; они уже прилично нагре-

лись. Либо они все-таки помогали, либо начала действовать таблетка, причем быстрее, чем та, что она приняла в пять часов. Скорее всего дело было в сочетании того и другого. — Только, Нетти, если тебе нужно идти...

Нетти показалась в дверях. Она надела свой фартук, и в одной руке у нее был старый луженый кофейник. Она принципиально не пользовалась новым тошибовским автоматом... но Полли давно признала, что кофе из кофейника Нетти был не в пример лучше.

— А куда мне идти-то? — сказала Нетти. — К тому же дом заперт и Бандит его охраняет.

— Ага. — Полли кивнула, улыбнувшись про себя. Она хорошо знала Бандита. Тот еще грозный охранник. Весит целых двадцать фунтов* и всегда готов предоставить брюхо на предмет почесать первому встречному: почтальону, электрику, коммивояжеру, продающему всякий хлам, — любому, зашедшему в дом.

— Все равно ей придется оставить меня в покое, — сказала Нетти. — Я ее предупредила. И потом, я ее уже два дня не видела и не слышала. Наверняка до нее наконец дошло, что я говорила серьезно.

— Кого предупредила? О чем? — не поняла Полли, но Нетти уже вышла из комнаты, а Полли и вправду была прикована к креслу электрическим шнуром от своей грелки. А к тому времени как Нетти вернулась с кофейным подносом, перкордан уже слегка затуманил мозги, и Полли забыла это странное высказывание... что, впрочем, было и неудивительно: Нетти часто говорила странности.

Нетти добавила в кофе Полли сливки и сахар и поднесла чашку к ее губам, так чтобы Полли могла отпивать понемножку. Они болтали о том о сем, и, само собой, очень скоро их разговор перешел на новый магазин. Нетти еще раз рассказала Полли о том, как она покупала свой абажур из цветного стекла, но далеко не в таких захватывающих деталях, какие Полли могла бы ожидать от рас-

*Около восьми килограммов.

сказа о столь экстраординарном событии в жизни Нетти. Зато ей вспомнилась другая деталь: записка, переданная мистером Гонтом в контейнере для пирога.

— Да, чуть не забыла... мистер Гонт просил меня сегодня к нему зайти. Он сказал, что у него есть какая-то штука, которая может быть мне интересной.

— Куда ты пойдешь?! С твоими-то руками!

— Не знаю. Может быть, и схожу. Мне уже лучше. Кажется, в этот раз рукавицы действительно помогли, даже чуть-чуть. И потом, *что-то* же мне надо делать? Не могу же я целый день тут сидеть. — Полли посмотрела на Нетти с шутливой мольбой.

— Да, наверное. — Внезапно Нетти посетила идея: — Знаешь что? Я могла бы зайти к нему по дороге домой и попросить, чтобы он сам к тебе заглянул.

— Ой, нет, Нетти, не надо. Тебе же не по дороге!

— Да ладно, какая-то пара кварталов. К тому же мне и самой хочется посмотреть — вдруг у него там окажется еще что-нибудь из цветного стекла. Денег у меня с собой нет, но он ведь об этом не знает, а за просмотр денег не берут, правильно?

— Да, но звать его сюда...

— А я объясню, что с тобой, — решительно проговорила Нетти, собирая чашки обратно на поднос. — Почему бы и нет? Владельцы частных магазинов часто устраивают показы товаров на дому. Тем более если вещь стоящая.

Полли смотрела на Нетти с любовью и благодарностью.

— Знаешь, Нетти, здесь ты совсем другая.

Нетти удивилась:

— Я?!

— Да.

— И какая?

— Хорошая. Ладно, не важно. Если у меня не будет повторного приступа, я думаю, что ближе к вечеру я все равно выйду из дома. Но если ты все-таки забежишь в «Нужные вещи»...

— Я точно зайду. — Нетти так и пылала рвением. Теперь эта идея заслонила все ее прежние страхи. Сделать что-то для Полли, без сомнения, было лучшим лекарством для ее расшатанных нервов.

— ...и если он будет там, дай ему мой телефон и попроси позвонить, если товар, который он собирался мне предложить, уже пришел. Сделаешь?

— Запросто! — Нетти совсем расхрабрилась. Она взяла поднос и унесла его на кухню. Там она сняла фартук, повесила его на крючок и вернулась в гостиную, чтобы снять с Полли рукавицы. Пальто она уже надела. Полли еще раз поблагодарила ее — и не только за лазанью. Руки по-прежнему очень болели, но теперь боль стала хотя бы терпимее. Она снова могла двигать пальцами.

— Спасибо, Нетти.

— Пожалуйста. И знаешь что? Ты *действительно* выглядишь лучше. Когда я вошла и тебя увидела, я по-настоящему испугалась. Пока я не ушла... тебе что-нибудь еще нужно?

— Да вроде не нужно. — Полли потянулась и неуклюже схватила Неттину руку своими руками, все еще красными и горячими от грелки. — Я очень рада, что ты зашла, милая.

В тех редких случаях, когда Нетти улыбалась, она улыбалась не только губами, но и всем лицом, — будто утреннее солнце пробивалось сквозь тучи.

— Я люблю тебя, Полли.

Это тронуло Полли.

— Я тоже люблю тебя, Нетти.

Нетти вышла. Полли еще не знала, что видит Нетти в последний раз.

6

Замок на входной двери дома Нетти Кобб был не сложнее защелки на коробке с леденцами. Первый же ключ, который попробовал Хью, после короткой возни отпер дверь.

На полу прихожей сидел маленький песик, желтый с белой манишкой. Когда на него упали лучи утреннего солнца и вслед за ними — широкая тень Хью, он громко гавкнул.

— Ты, наверное, Бандит, — ласково сказал Хью и полез в карман.

Песик еще раз гавкнул и брякнулся на спину, растопырив все четыре лапы: мол, чешите мне пузико.

— Ай, какой молодец! — сказал Хью.

Песик забарабанил по полу куцым обрубком хвоста, видимо, в знак согласия. Хью прикрыл дверь и присел на корточки. Одной рукой он почесал правую сторону грудки Бандита, магическим образом связанную с правой же задней лапой, отчего та начала судорожно дергаться. Другой рукой он достал из кармана швейцарский армейский нож.

— Хорошая псина! — промычал Хью. — Хороший мальчик!

Он перестал чесать пса и достал из кармана клочок бумаги, на котором его почерком, похожим на закорючки двоечника-первоклассника, было написано то, что продиктовал ему лисий хвост. Хью, даже не одеваясь, вскочил с постели и быстренько все записал, чтобы не забыть ни единого слова:

Я никому не позволю закидывать грязью мои чистые простыни. Я же тебе говорила, что достану тебя!

Он вытянул штопор, скрытый в одной из прорезей ножа, и наколол на него записку. Потом повернул рукоятку ножа так, чтобы штопор торчал между указательным и безымянным пальцами. Он снова принялся почесывать Бандита, который так и лежал на спине, приветливо глядя на Хью. *Радости полные штаны*, подумал Хью.

— Да! Какие мы умные и красивые! А какие у нас лапки! — мурлыкал Хью, продолжая скрести жесткую шерсть. Бандит был похож на собаку, которая кверху но-

гами едет на невидимом велосипеде. — Конечно! Конечно! А знаешь, что у меня есть? У меня есть лисий хвост! Правда-правда!

Хью поднес руку со штопором к белому пятну на груди Бандита.

— И знаешь что? *Я хочу, чтобы он оставался у меня и дальше!*

Он с силой опустил руку. Левой, которой он чесал Бандита, он прижал песика к полу, а правой три раза прокрутил штопор. Теплая кровь брызнула вверх, залив обе его руки. Пес несколько раз дернулся и затих. Не лаять ему больше. Вот такие дела.

Хью резко выпрямился. Сердце бешено колотилось в груди. Только теперь до него дошло, что он сделал ужасную вещь — просто невообразимую вещь. Может быть, Нетти и была полоумной, а может, и нет... но она была одна-одинешенька в этом мире, и он только что убил пса, который скорее всего был ее единственным другом в этом дерьмовом мире.

Он вытер липкие руки о рубашку. На темной шерсти кровь была практически незаметна. Хью не мог отвести глаз от мертвого пса. Он это сделал. Да, он это сделал. Но ему было трудно в это поверить. Что это на него нашло? Казалось, что он был в каком-то трансе или что-то типа того.

Внутренний голос, который иногда рассказывал ему о встречах Анонимных алкоголиков, прорезался снова. *Да, ты это сделал... и когда-нибудь ты в это поверишь, дай только время. И не был ты ни в каком трансе; ты знал, что делаешь.*

И для чего.

Паника накатила тяжелой волной. Пора убираться отсюда. Хью медленно попятился к выходу, потом испустил хриплый вопль и врезался со всего маху в закрытую дверь. Слепо нашарив за спиной ручку, он повернул ее и выскользнул из дома придурочной Нетти. Дико озираясь по сторонам, он чуть ли не бегом рванул к своему фур-

гончику. Он почему-то решил, что уже полгорода собралось на улице, чтобы его осудить. Но на улице не было никого, кроме мальчишки, гнавшего на велосипеде. В багажник велосипеда под странным углом был засунут пенопластовый холодильник для пикников. Парнишка мельком взглянул на Хью Приста и покатил дальше. Улица совсем опустела, лишь колокольный звон раздавался вдали... на этот раз он созывал методистов.

Хью поспешил к машине. Он приказал себе не бежать, но, приблизившись к грузовику, все же сорвался на рысь. В спешке он долго возился с дверью, никак не мог попасть ключом в замок. Потом сел за руль и с третьей или четвертой попытки все-таки вогнал ключ в замок зажигания — эта сволочь никак не хотела втыкаться на место. Пришлось взять себя в руки, слегка успокоиться, и только тогда эта погань вошла в гнездо. Его лоб покрылся бисеринками пота. Хью пережил не одно похмелье, но по сравнению с *этим* любое похмелье было как праздник. Его теперешнее состояние было больше похоже на начинающуюся малярию или еще какую-нибудь хрень.

Фургончик завелся и выплюнул клуб голубоватого дыма из выхлопной трубы. Нога Хью соскользнула со сцепления, машина резко рванула вперед и заглохла. Яростно пыхтя, Хью завел двигатель по новой и быстро уехал прочь.

К тому времени как он доехал до автобазы и пересел с казенного фургончика в свой побитый «бьюик», и Бандит, и те ужасные вещи, которые он с ним проделал штопором, стерлись из его памяти. Теперь он думал о других, значительно более важных вещах. Возвращаясь на автобазу, он почему-то уверился в том, что за это время кто-то влез к нему в дом и украл лисий хвост.

Хью гнал машину, как сумасшедший. Затормозил в десяти сантиметрах от своего прогнившего крыльца, засыпав его гравием и окутав клубами пыли, выскочил из машины и взлетел по ступенькам. Вбежав в дом, он бросился к шкафу, рывком открыл дверцу и, встав на цыпочки, принял-

ся лихорадочно шарить по верхней полке трясущимися руками.

Ничего, кроме голого дерева. Хью даже всхлипнул от страха и злобы. Но потом его левая рука утонула в том самом мягком на свете бархате, который не был ни шелком, ни шерстью, и сразу же успокоился. Волна облегчения накрыла его с головой. Это было как пища для страждущего, отдых для утомленного... хинин для больного малярией. Глухое стаккато в его груди начало потихонечку утихать. Он снял лисий хвост с полки и уселся за кухонный стол. Уложив хвост на колени, Хью принялся гладить его обеими руками.

Так он просидел часа три, если не больше.

7

Хью не узнал мальчика на велосипеде, но это был Брайан Раск. Этой ночью Брайану тоже приснился сон, и в результате сегодня утром ему тоже пришлось выполнять поручение.

Действие в этом сне происходило перед самым началом седьмой игры чемпионата страны по бейсболу — какого-то доисторического чемпионата времен Элвиса Пресли, — и в этом матче встречались давние соперники. Можно даже сказать, что это было бейсбольное воплощение апокалиптического противостояния двух мощных сил: «Доджерс» против «Янки». Сэнди Куфакс стоял на площадке, разминаясь перед броском. А между подачами он беседовал с Брайаном Раском — объяснял Брайану, что ему нужно сделать. Объяснял очень доходчиво и подробно. Брайан усвоил все с первого раза. Без всяких проблем.

Проблема была в другом: Брайану не хотелось этого делать.

Споря с бейсбольной легендой, с *самим* Сэнди Куфаксом, Брайан чувствовал себя как последний червяк, но все равно возражал до последнего.

— Вы не понимаете, мистер Куфакс, — говорил он. — Я должен был подшутить над Вильмой Ержик, и я это сделал. *Уже* сделал!

— Ну и что? — отвечал Сэнди Куфакс.

— Ну, такой был договор. Восемьдесят пять центов и одна услуга.

— А ты уверен, дружище? Что только одна услуга? Уверен? Он что, так и сказал: «Одна услуга, и все, мы в расчете»? Вот прямо так и сказал?

Брайан не был уверен, что мистер Гонт сказал именно так, но ощущение, что его поимели, росло с каждой секундой. Нет, даже не *поимели*. *Зацапали*. Приманили, как мышь в мышеловку.

— Я тебе вот что скажу, дружище. Договор...

Он умолк, не закончив фразу, и с шумом выдохнул воздух, подавая жесткий высокий пас. Мяч влетел в перчатку принимающего со звуком ружейного выстрела и выбил из нее тучу пыли. А Брайан вдруг понял, что ему знакомы эти живые голубые глаза, сверкавшие из-за маски подающего. Это был мистер Гонт. Брайну стало не по себе.

Сэнди Куфакс принял обратный пас мистера Гонта и посмотрел на Брайана. Его глаза были пустыми, как шарики из коричневого стекла.

— Договор — это совсем другое. Так что слушай *меня*, дружище. Я тебе объясню, что такое договор.

Глаза Сэнди Куфакса вовсе не были карими, вдруг понял во сне Брайан; они были голубыми, и так и должно было быть, потому что тот Сэнди Куфакс из сна был не просто Сэнди Куфаксом, но и мистером Гонтом *тоже*.

— Но...

Куфакс-Гонт поднял руку в перчатке.

— Я тебе вот что скажу, дружище: я *ненавижу* это слово. Из всех слов в английском языке это — самое отвратительное. Даже больше того. По-моему, это самое мерзкое слово *во всех* языках. Знаешь, что это за слово такое: «Но»? Так лошадей погоняют.

Человек в старомодной форме «Бруклин Доджерс» положил мяч в перчатку и повернулся к Брайану. Сомнений не оставалось: это был мистер Гонт, и Брайан почувствовал, как его сердце сжала ледяная, давящая рука страха.

— Да, Брайан, я действительно велел тебе сыграть шутку над Вильмой Ержик, но я же не говорил, что эта шутка будет *одной-единственной*. Это *ты* так решил, дружище. Ты мне веришь, или, может, включить тебе запись нашего разговора?

— Я вам верю, — сказал Брайан упавшим голосом. Он из последних сил сдерживался, чтобы не разреветься. — Я вам верю, но...

— Что я только что говорил тебе про это слово?

Брайан опустил голову и тяжело вздохнул.

— В искусстве торговли тебе еще надо многому научиться, — сказал Куфакс-Гонт. — И тебе, и всем остальным в Касл-Роке. Вот, кстати, одна из причин, почему я приехал сюда. Провести семинар по высокому искусству торговли. Был тут у вас один тип, Мериллом звали, вот он в этом кое-что понимал... но это было давно и неправда, и где теперь этот Мерилл? — Лиланд Гонт улыбнулся, обнажив свои крупные, неровные зубы на узком, задумчивом лице Сэнди Куфакса. — И кстати, определение понятия «сделка». Тут мне тоже придется провести некоторый ликбез, а то очень уж все запущено.

— Но... — Слово слетело с губ Брайана прежде, чем он успел сообразить, что этого лучше не говорить.

— Никаких «но», — решительно заявил Куфакс-Гонт. Он наклонился вперед. Его глаза внимательно наблюдали за мальчиком из-под козырька бейсболки. — Ему лучше знать, мистеру Гонту.

Брайан открыл было рот, но не смог произнести ни звука. Горячие, готовые прорваться наружу слезы щипали глаза.

Большая холодная рука легла ему на плечо. Легла и сжала.

— *Повтори!*

— Мистер Гонт... — Брайан тяжело сглотнул, чтобы освободить место для слов. — Ему лучше знать, мистеру Гонту.

— Так-то лучше, дружище. И это значит, что ты будешь делать все, что я скажу, иначе...

Брайан собрал всю свою волю и предпринял последнюю попытку.

— А что, если я все равно откажусь? Что, если я скажу, что не понял этих как-вы-их-там-называете... ваших условий?

Куфакс-Гонт достал из ловушки бейсбольный мяч и сжал его другой рукой. Из швов выступили капельки крови.

— Вообще-то теперь уже поздно идти на попятный, Брайан, — сказал он тихо. — Действительно поздно. Видишь ли, это уже седьмая игра чемпионата. Тут слабаков нет: или пан, или пропал. Ты посмотри вокруг. Давай, посмотри получше.

Брайан огляделся по сторонам и с удивлением обнаружил, что стадион был забит под завязку, так что зрители стояли даже в проходах между трибунами... *и он знал их всех.* Он увидел своих родителей, сидевших в букмекерской ложе за «домом». Его логопедический класс во главе с мисс Рэтклифф и ее тупым дружком, Лестером Праттом, расположился вдоль линии первой базы. Ребята стояли, попивая «Королевскую корону» и поглощая хотдоги. Весь личный состав полицейского управления Касл-Рока расселся на открытой трибуне с пивом в бумажных стаканчиках с портретами участниц конкурса «Мисс Райнгольд». Были там и ребята из воскресной школы, и глава городской управы, и Майра и Чак Эвансы, и куча родни — тетки, дядьки, двоюродные и троюродные братья и сестры. За третьей базой сидел Сонни Джакетт; а когда Куфакс-Гонт бросил кровоточащий мяч и он снова врезался в перчатку-ловушку с тем же оглушительным звуком, похожим на выстрел, Брайан заметил, что лицо под маской теперь было лицом Хью Приста.

— Перееду тебя, дружочек, — сказал Хью, подавая мяч назад. — Размажу тебя по дороге.

— Понимаешь, дружище, дело уже не в бейсбольной карточке, — сказал Куфакс-Гонт. — Ты и сам, наверное, уже понял, а? Когда ты швырялся грязью в простыни Вильмы Ержик, ты что-то такое начал... Как идиот, который забрался в горы, и орет дурным голосом, и своими истошными воплями вызывает лавину. Теперь у тебя простой выбор. Можно бежать вперед... а можно стоять, где стоишь, и тогда лавина тебя накроет.

Во сне Брайан все же расплакался. Он понял. Он ясно увидел, что уже слишком поздно идти на попятный.

Мистер Гонт сжал мяч в руке. Полилась кровь, и его пальцы утонули в белой, плотной оболочке.

— Если ты не хочешь, чтобы все в Касл-Роке узнали, что именно ты начал эту лавину, Брайан, то лучше тебе сделать то, что я тебе говорю.

Брайан расплакался еще пуще.

— Когда ты имеешь дело со мной, — сказал мистер Гонт, замахиваясь для броска, — нужно помнить две вещи: мистер Гонт лучше знает, что надо делать... и сделка завершена тогда, когда мистер Гонт скажет, что она завершена.

Он подал мяч с подкруткой «во все стороны». Это был специальный прием, который делал подачи Сэнди Куфакса практически неберущимися (по крайней мере таково было скромное мнение папы Брайана), и, когда мяч влетел в перчатку Хью Приста, на этот раз он взорвался. Кровь, волосы и ошметки кожи разлетелись в лучах яркого осеннего солнца. На этом месте Брайан проснулся, плача в подушку.

8

Теперь он ехал выполнять задание мистера Гонта. Улизнуть из дома оказалось совсем не трудно; он просто сказал отцу с матерью, что не хочет идти в церковь, по-

тому что «что-то живот побаливает» (что, в сущности, было правдой). Как только они ушли, он начал готовиться.

Ехать было тяжело и неудобно — в багажнике лежал походный холодильник. Он был очень тяжелым, и пока Брайан добирался до дома Ержиков, он успел взмокнуть и сбить дыхание. На этот раз не было никаких колебаний, никаких звонков в дверь, никакой заготовленной заранее легенды. Дом был пуст. Сэнди Куфакс — Лиланд Гонт сказал ему во сне, что Ержики задержатся в церкви после одиннадцатичасовой мессы, чтобы обсудить предстоящие празднества «Ночи в казино», а потом пойдут в гости к друзьям. Брайан поверил ему. Все, чего он сейчас хотел, так это как можно скорее разделаться с этим противным заданием. И как только он все закончит, он сразу поедет домой, поставит велик на место и до вечера будет валяться в постели.

Обхватив холодильник обеими руками, Брайан достал его из багажника и поставил на траву. Высокий забор скрывал его от посторонних взглядов. То, что он собирался сделать, было довольно шумным мероприятием, но Куфакс-Гонт сказал, чтобы он не волновался по этому поводу. Он сказал, что большинство жителей Уиллоустрит — истовые католики, и почти все, даже те, кто не ходит на одиннадцатичасовую мессу, уйдут из дома в восемь утра и впоследствии отправятся по своим воскресным делам. Брайан не знал, правда это или нет. Он был уверен лишь в двух вещах: мистер Гонт лучше знает, что и как надо делать, и что дело сделано только тогда, когда мистер Гонт скажет, что оно сделано.

А дело было такое.

Брайан открыл холодильник. В нем лежало около дюжины здоровенных булыжников. Они были завернуты в листки, вырванные из школьного блокнота Брайана, и обмотаны одной или двумя резинками. На каждом листе большими буквами было написано:

Я ЖЕ ПРОСИЛА ОСТАВИТЬ МЕНЯ В ПОКОЕ.
ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Брайан взял один из камней и подошел поближе к большому окну Ержиковой гостиной — в шестидесятые годы, когда строился этот дом, такие окна называли «панорамными». Он отвел руку для броска, поколебался секунду и запустил камень в окно, стараясь закрутить его так, как Сэнди Куфакс крутил мячи в седьмой игре чемпионата. Раздался оглушительный звон, за которым последовал гулкий удар камня о пол гостиной.

Эти звуки оказали на Брайана странное действие. Страх улетучился, и его отвращение к этому поручению — которое только с большой натяжкой, да и то при наличии весьма богатой фантазии можно было бы назвать невинной шуткой, — тоже прошло. Звук бьющегося стекла возбудил его... и пробудил те же чувства, которые Брайан переживал, мечтая о мисс Рэтклифф... пусть это были всего лишь глупые фантазии. Зато теперь все было *по-настоящему*.

К тому же только сейчас он понял, что хочет карточку Сэнди Куфакса больше всего на свете. Это открыло ему еще одну истину насчет чувства собственности и того особого психического состояния, которое оно вызывает: чем больше ты делаешь для того, чтобы сохранить какую-то свою вещь, тем она тебе дороже.

Брайан взял еще два камня, подошел к разбитому окну, заглянул внутрь и увидел камень, который только что бросил туда. Он лежал в проходе между гостиной и кухней. Камень смотрелся там неуместно — как болотный сапог на церковном алтаре или роза на капоте грязного трактора. Одна из резинок, прижимавших записку к камню, лопнула, другая была в порядке. Взгляд Брайана наткнулся на большой сониевский телевизор, который стоял слева от двери в гостиную.

Брайан размахнулся и швырнул камень. Он попал в самую середину экрана. Кинескоп тихо, со вспышкой взо-

рвался; на ковер посыпался дождь из стеклянной крупы. Телевизор покачнулся на подставке, но удержался.

— Вторая подача! — пробормотал Брайан и рассмеялся странным и сдавленным смехом.

Второй камень он бросил в собрание всякой керамической дребедени, расставленной на столике рядом с диваном, но промахнулся. Камень глухо ударился в стену и выбил кусок штукатурки.

Брайан схватил холодильник и перетащил его за угол дома. Там он разбил оба окна спальни. Завернув за угол еще раз, он запустил камень размером с кирпич в дверь кухни, высадив там стекло, а потом швырнул в образовавшуюся дыру еще несколько камней. Один из них вдребезги разнес кухонный комбайн, стоявший на столе. Другой пробил стеклянную дверцу и приземлился внутри микроволновки.

— Третья подача! На скамейку, дружище! — заорал Брайан и расхохотался так, что чуть не описался.

Потом истерика кончилась, и он завершил обход дома. Холодильник стал ощутимо легче, и теперь Брайан нес его одной рукой. Последние три камня достались подвальным окнам, обсаженным по периметру Вильминами осенними цветами. Брайан решил вытоптать пару клумб — для полноты картины. Потом он закрыл холодильник, вернулся к велосипеду, уложил холодильник в багажник и поехал домой.

Мислабурски жили по соседству с Ержиками. Когда Брайан выезжал со двора Ержиков, миссис Мислабурски открыла переднюю дверь и вышла на крыльцо. Ярко-зеленый халат, волосы убраны под красный платок — ходячая реклама тура «Рождество в аду».

— Мальчик, что там происходит? — резко спросила она.

— Не знаю. Наверное, мистер и миссис Ержик ссорятся, — не останавливаясь, ответил Брайан. — Я заехал спросить, не нужен ли им человек, чтобы зимой расчищать дорожки от снега, но решил, что сейчас не время.

Миссис Мислабурски одарила дом Ержиков коротким недобрым взглядом. Из-за забора ей был виден только второй этаж.

— На твоем месте я бы вообще сюда не возвращалась, — сказала она. — Эта женщина напоминает мне таких, знаешь, маленьких рыбок, которые в Южной Америке водятся. Ну, которые корову целиком съедают.

— Пираньи, — подсказал Брайан.

— Ага, точно. Пираньи.

Брайан поехал дальше. Сердце бешено колотилось, но это было совсем не похоже на тот громоподобный бой, когда тебе кажется, что оно сейчас выскочит из груди или взорвется внутри. У него было странное ощущение, что он все еще спит и видит сон. Он вообще не чувствовал себя собой — Брайаном Раском, почти отличником, у которого в школе одни четверки и пятерки, Брайаном Раском, который состоял в ученическом совете и Лиге хороших учеников, Брайаном Раском, примерным мальчиком, который всегда имел только «отлично» по поведению.

— Она скоро точно убьет кого-нибудь! — крикнула вслед Брайану миссис Мислабурски. — Помяни мое слово.

— И я ни чуточки не удивлюсь, — прошептал Брайан себе под нос.

Он действительно провалялся в постели до вечера. В другое время это встревожило бы Кору; может быть, она даже отвезла бы сына к врачу. Но сегодня она вроде бы и не заметила, что Брайану нездоровится. Все из-за этих чудесных очков, которые ей продал мистер Гонт — она была околдована ими, другого слова и не подберешь.

Брайан встал с кровати около шести, минут за пятнадцать до того, как папа вернулся с рыбалки. Встал, пошел на кухню и достал из холодильника банку пепси. Он себя чувствовал намного лучше.

Конечно, нельзя было бы утверждать наверняка, но у него было такое чувство, что он выполнил свою часть сделки с мистером Гонтом.

И еще он решил, что мистеру Гонту действительно лучше знать.

9

Нетти Кобб — не ожидавшая никаких неприятных сюрпризов, приготовленных для нее дома, без всяких дурных предчувствий, в отличном настроении, — шла по Главной улице к «Нужным вещам». Интуиция ей подсказывала, что, несмотря на воскресное утро, магазин будет открыт, и она не обманулась в своих ожиданиях.

— Миссис Кобб! — воскликнул мистер Гонт. — Как я рад снова вас видеть!

— Спасибо, мистер Гонт, взаимно, — ответила она... и это действительно было так.

Мистер Гонт подошел поближе и протянул руку для рукопожатия, но Нетти отдернула свою. Это было ужасно, невежливо, непозволительно, но она ничего не могла с собой поделать. И мистер Гонт, кажется, это понял, благослови его Господь. Он улыбнулся, подошел к двери, прикрыл ее и поменял табличку «Открыто» на «Закрыто» с ловкостью профессионального шулера, который вытягивает из рукава козырного туза.

— Присаживайтесь, миссис Кобб. Пожалуйста, садитесь.

— Ну, ладно... но я зашла лишь на минуточку. Чтобы сказать, что Полли... у Полли... — Нетти чувствовала себя странно. Не то чтобы плохо, а *странно*. Голова почему-то вдруг закружилась. Она не совсем грациозно плюхнулась на ближайший из плюшевых стульев. Потом мистер Гонт оказался перед ней, глядя ей прямо в глаза, и казалось, что весь мир замкнулся на нем, и мистер Гонт продолжал расти, заполняя собой все пространство.

— Полли себя плохо чувствует? — подсказал он.

— Да-да, — благодарно кивнула Нетти. — Все ее руки, понимаете. У нее...

— Артрит, да, я знаю. Это ужасно. Какая жалость, всякое бывает, жизнь дерьмо и смерть не лучше, мы рождены, чтобы завтра сдохнуть. Я знаю, Нетти. — Глаза мистера Гонта становились все больше и больше. — Но мне уже нет необходимости ей звонить... и уж тем более заходить. Сейчас ей значительно лучше.

— Правда? — спросила Нетти, слыша свой голос как будто со стороны.

— Чтоб мне сдохнуть! Разумеется, они все еще болят, что само по себе хорошо, но болят не так сильно, чтобы она не смогла прийти, что еще лучше, да, Нетти?

— Да, — тихо сказала Нетти, понятия не имея, о чем идет речь.

— У вас, — сказал мистер Гонт мягким, самым дружелюбным голосом, на который только был способен, — впереди еще долгий и трудный день, Нетти.

— Да? — Для нее это было новостью; остаток дня она планировала провести за вязанием, сидя в любимом кресле в гостиной, а вечером посмотреть телевизор.

— Да. Очень важный и трудный день. Так что вы посидите тут, а я вам кое-что принесу. Хорошо?

— Хорошо...

— Вот и славно. И закройте глаза, голубушка. Отдохните *по-настоящему*, Нетти!

Нетти послушно закрыла глаза. Прошло неизвестно сколько времени, а потом мистер Гонт приказал ей открыть глаза. Она вновь подчинилась и была где-то разочарована. Когда люди просят, чтобы ты закрыл глаза, это значит, что они собираются дать тебе что-то приятное. Подарок. Сюрприз. Она-то надеялась, что, когда откроет глаза, у мистера Гонта в руках будет еще один абажур из цветного стекла, но у него оказалась лишь пачка бумаги. Листки были маленькими и розовыми, с шапкой вверху:

ШТРАФ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

— Ой, — вырвалось у Нетти. — А я думала, это будет цветное стекло.

— А *я* думаю, что цветное стекло больше вам не понадобится, Нетти.

— Нет? — Снова разочарование, только на этот раз уже сильнее.

— Нет. Печально, но факт. Насколько я помню, вы мне кое-что обещали? — Мистер Гонт сел рядом с ней. — Вы не забыли?

— Нет, — сказала она. — Не забыла. Вы хотели, чтобы я подшутила над Бастером. Подложила ему какие-то бумаги.

— Правильно, Нетти, отлично. Ключ, который я дал в прошлый раз, все еще у вас?

Медленно, как пловчиха в подводном балете, Нетти вытащила ключ из кармана пальто и показала его мистеру Гонту.

— Замечательно! — сказал он ей с искренней теплотой в голосе. — А теперь уберите его обратно. Только не потеряйте.

Она так и сделала.

— Теперь вот что. Бумаги. — Он вложил ей в одну руку стопку розовых листочков, а в другую — ролик скотча.

В сознании Нетти раздался тревожный звоночек. Но еле слышно, как будто издалека.

— Это ведь не займет много времени? Мне надо домой. Пора покормить Бандита. Это мой маленький песик.

— Я знаю про Бандита. — Мистер Гонт одарил Нетти лучезарной улыбкой. — Только есть у меня предчувствие, что сегодня у него не будет особого аппетита. И еще я не думаю, что вам стоит переживать о том, чтобы он не нагадил на пол в кухне.

— Но...

Он коснулся ее губ своим длинным пальцем, и ее чуть не вырвало.

— Не надо, — промямлила она, вжавшись в кресло. — Не надо, это нехорошо.

— Мне уже говорили, — спокойно кивнул мистер Гонт. — И если ты, Нетти, правда не хочешь, чтобы тебе было нехорошо, никогда больше не произноси при мне это слово.

— Какое слово?

— *«Но»*. Я его не люблю. Вообще-то честнее было бы сказать, что я его *ненавижу*. При таком выборе замечательных и красивых слов в этом вонючем словечке нет никакой необходимости. Я хочу, чтобы ты мне говорила другие слова. Нетти, я хочу, чтобы ты говорила слова, которые я люблю. Слова, которые я *обожаю*.

— Какие слова?

— Мистер Гонт лучше знает. Скажи.

— Мистер Гонт лучше знает, — повторила Нетти, и как только она это произнесла, она поняла, что это абсолютная и совершенная правда.

— Мистеру Гонту *всегда* лучше знать.

— Мистеру Гонту *всегда* лучше знать.

— Правильно. В точности как отец, — сказал мистер Гонт и омерзительно расхохотался. Его смех походил на скрежет каменных плит, сдвигающихся глубоко под землей, а глаза быстро меняли цвет: от синего к зеленому и от карего к черному. — Нетти, слушай меня внимательно. Окажешь мне эту маленькую услугу и можешь спокойно идти домой. Ты поняла?

Нетти все поняла.

И слушала очень внимательно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Южный Париж — маленький и убогий фабричный городишко в восемнадцати милях к северо-востоку от Касл-Рока — далеко не единственный задрипанный мэнский город, названный в честь европейского города или

страны; тут есть Мадрид (местные произносят как Мёдрид), Швеция, Норвегия, Этна, Кале, Кембридж и Франкфурт. Кто-то, возможно, и знает, почему столько занюханных придорожных поселков заимело такие громкие экзотические названия, но этот «кто-то» — точно не я.

Зато я знаю, что около двадцати лет назад один очень хороший французский повар из Нью-Йорка решил открыть свой собственный ресторан в Краю Озер штата Мэн, а *потом* он решил, что для подобного предприятия не найти лучшего места, чем городок под названием Южный Париж. Даже вонь от дубящихся шкур не смогла повлиять на его решение и заставить его передумать. В результате в Южном Париже появилось заведение общественного питания под названием «Морис». И по сей день оно стоит там же, где стояло сначала, — на шоссе 117, за железнодорожным переездом и как раз через дорогу от «Макдоналдса». И именно в этот самый «Морис» в воскресенье 13 октября Дэнфорд «Бастер» Китон привез свою жену на предмет пообедать.

Миртл провела большую часть этого воскресенья в экстатическом полузабытьи, и причиной тому был отнюдь не обед у «Мориса», хотя кормят там замечательно. Последние несколько месяцев — на самом деле уже почти год — жизнь с Дэнфордом стала более чем неприятной. Он вообще не обращал внимания на жену... за исключением, пожалуй, тех случаев, когда он на нее орал. Ее самооценка, которая и так была невысокой, скатилась на уровень ниже нуля. Как и любая женщина, Миртл знала, что обидеть и сделать больно можно не только кулаками. Обидеть и ранить можно и словом, а Дэнфорд Китон умел пользоваться словами; за последний год он нанес жене тысячи невидимых ран.

Она и не подозревала о том, что он играет на скачках, и действительно верила, что он ездит на ипподром, чтобы просто посмотреть. Не знала она и о растрате казенных средств. Она *знала*, что некоторые члены семейства Дэнфорда вели себя... скажем так, нестабильно, но у самого

Дэнфорда вроде бы не было никаких странностей. Он не пьянствовал, не забывал одеться, перед тем как выйти на улицу, не разговаривал сам с собой и с невидимыми собеседниками, так что Миртл была уверена, что с ним все в порядке. Из чего она сделала вывод, что это *с ней* что-то не то. И в какой-то момент из-за этого «что-то» Дэнфорд ее разлюбил.

Последние полгода она пыталась смириться с безрадостной перспективой провести ближайшие лет тридцать или даже сорок в качестве нелюбимой жены человека, который с каждым днем становился все более раздражительным, полным мрачного сарказма и совершенно к ней безразличным. Для Дэнфорда она стала всего лишь мебелью... естественно, если она не мешалась под ногами и не давала поводов для раздражения. Если такое случалось — обед не был готов, когда Дэнфорду хотелось обедать, пол в кабинете казался ему грязным, или даже если разделы в газете шли не в обычном порядке, когда он спускался к завтраку, — он называл ее безнадежной тупицей и говорил, что если у нее отвалится задница, то все, можно сказать заднице «до свидания» — она уже не найдется. Он говорил, что если бы ее мозги превратились в порох, то она не сумела бы высморкаться без капсюля. Вначале Миртл пыталась как-то возражать и защищаться, но он разносил ее защитные укрепления, как картонные стены детского игрушечного замка. Если она злилась, он забивал ее злость своей жгучей яростью, которая ее пугала. Со временем она перестала злиться и погрузилась в пучину безрадостной обреченности. Когда он злился, она только беспомощно улыбалась, обещала исправиться, шла в спальню и тихо плакала, пытаясь понять, что с ней случилось, и очень-очень-*очень* жалея, что у нее даже нет подруги, с которой можно поговорить.

Вместо этого она говорила с куклами, которых начала собирать в первые годы их совместной жизни с Дэнфордом. Раньше она хранила их в ящике на чердаке, но год назад перенесла их в комнату для шитья и иногда — вы-

плакавшись в спальне — приходила туда и играла с ними. *Они* никогда не орали. *Они* никогда ею не пренебрегали. *Они* не задавали вопросов, как она стала такой тупой: своими талантами или специально брала уроки.

Вчера, в этом новом магазине, она нашла самую прелестную куклу в мире.

И сегодня все изменилось.

Сегодня утром, если быть совсем точной.

Миртл опустила руку под стол и ущипнула себя (уже не в первый раз за сегодня), чтобы убедиться, что это не сон. И это действительно был не сон. Она по-прежнему сидела в «Морисе», в мягких лучах осеннего солнца, и Дэнфорд был здесь же, напротив нее. Он ел с аппетитом, а у него на лице сияла довольная улыбка, казавшаяся почти неуместной — потому что это была первая его улыбка, которую Миртл увидела за многие месяцы.

Она не знала, чем вызвана столь разительная перемена, и боялась спросить. Она знала, что вчера вечером он ездил на Льюистонский ипподром — куда он, собственно, ездил почти каждый вечер (видимо, потому, что там он встречался с людьми более интересными, чем те, с кем он каждый день общался в Касл-Роке; например, со своей женой), — и, проснувшись наутро, она ожидала увидеть его половину постели пустой (или, что в последнее время случалось все чаще, она ожидала увидеть, что он вообще не ложился и, стало быть, провел остаток ночи, кемаря в кресле у себя в кабинете) и услышать, как он что-то бормочет явно не в настроении, сидя в гостиной внизу.

Но вместо этого Миртл увидела, что он лежит рядом с ней, в красной полосатой пижаме, которую она подарила ему на прошлое Рождество. Она *впервые* увидела, чтобы он надевал эту пижаму — вообще, насколько она знала, он ее даже и не разворачивал. Дэнфорд не спал. Он повернулся к ней и улыбнулся. Сначала эта улыбка ее испугала. Она подумала, что он собрался ее убить.

Но он коснулся ее груди и заговорщицки подмигнул.

— Как насчет этого самого, Миртл? Или ты утром не любишь?

Они занялись любовью. Впервые за последние полгода. И Дэнфорд был просто *великолепен*. И вот теперь они здесь: обедают у «Мориса», словно двое молодых влюбленных.

Она не знала, что было причиной таких разительных перемен в ее муже, да и не хотела знать. Она хотела лишь насладиться ими сполна и очень надеялась, что это продлится подольше.

— Все хорошо, Миртл? — спросил Китон, отрываясь от тарелки и вытирая лицо салфеткой.

Она нерешительно протянула руку через стол и коснулась его руки.

— Все прекрасно. Все просто... чудесно.

Ей пришлось убрать руку, чтобы украдкой вытереть слезы.

2

Китон продолжал с аппетитом уплетать свой «беф бурньян», или как это называется по-французски. Причина его замечательного настроения была проста. Все лошади, которых он вчера выбрал при помощи «Выигрышной ставки», пришли к финишу первыми. Даже Малабар в десятом забеге, при ставках тридцать к одному. Он вернулся домой прямо-таки окрыленный, с деньгами, распиханными по карманам пальто. Восемнадцать тысяч долларов! Букмекер, наверное, до сих пор удивляется, куда подевались его денежки. А никуда они не подевались — надежно упрятаны в глубине шкафчика в кабинете Китона. В толстом таком конверте. Конверт лежал в коробке с драгоценной «Выигрышной ставкой».

Дэнфорд замечательно выспался — впервые за несколько месяцев, — а проснувшись, вдруг обнаружил, что у него родилась гениальная идея насчет аудита. Разуме-

ется, идея, пусть даже и гениальная, — это еще не все, но это намного лучше, чем беспорядочная предгрозовая тьма, клубившаяся у него в голове с того самого дня, как пришло это кошмарное письмо. Оказалось, что все, что ему было нужно, чтобы снять свои мозги с нейтралки и подвигнуть их к действию, — это один выигрышный вечер на скачках.

Он все равно бы не смог полностью возместить недостачу до часа «Икс», это, как говорится, и ежу понятно. Для начала: ипподром в Льюистоне был единственным, работавшим в осенний период по вечерам. Он мог бы, конечно, объехать ближайшие городишки и сделать пару тысяч на тамошних бегах, но и этого было бы недостаточно. Тем более что нельзя так отчаянно рисковать несколько раз подряд. Букмекер начнет что-то подозревать и вообще откажется принимать его ставки.

Но он вполне может успеть сделать частичное возмещение и тем самым приуменьшить видимый масштаб махинаций. Он может выдумать какую-нибудь историю. Стопроцентный проект развития, который не выгорел. Ужасная ошибка... за которую несет ответственность лично он, но которую можно исправить, и она *уже* исправляется. Он укажет на то, что *по-настоящему* нечистый на руку человек на его месте использовал бы отсрочки по платежам для того, чтобы выгрести еще больше денег из городской кубышки — чем больше, тем лучше, — а потом сбежать куда-нибудь (где много солнца, пальм, золотых пляжей и молоденьких девушек в купальниках на грани приличия), туда, где никто его не найдет.

Он может разыграть из себя Иисуса Христа и предложить тем, кто сам без греха, бросить в него первый камень. Это бы их озадачило, потому что если среди них есть хотя бы один, кто время от времени не запускал бы руку в государственную казну, то Китон готов съесть штаны этого мужика. Без соли.

Им придется дать ему время. Теперь, когда он был в состоянии выбраться из истерии и как следует обдумать

ситуацию, он был уверен, что все не так плохо. В конце концов они тоже политики. Они понимают, что, после того как они покончат с Дэнфордом Китоном, у журналистов найдутся деготь и перья и для них тоже — для чиновников, призванных охранять общественное доверие. Они знают, какие вопросы всплывут на поверхность после публичного разбирательства или (не дай Бог) суда по обвинению в растрате. Вопросы типа: «Сколько лет — сколько *финансовых* лет, если угодно, джентльмены, — длилась эта маленькая и безобидная операция мистера Китона?» Или: «Как случилось, что Государственная налоговая комиссия так долго чухалась и не почуяла, что пахнет жареным, намного раньше?» Вопросы, которые не понравятся многим амбициозным людям.

Китон верил, что сможет с этим разобраться. Гарантий, конечно, нет. Но попробовать стоит.

Спасибо мистеру Лиланду Гонту.

Господи, он обожает Лиланда Гонта.

— Дэнфорд? — застенчиво спросила Миртл.

Он вопросительно взглянул на нее.

— У меня это самый счастливый день за последние несколько лет. Я просто хочу, чтобы ты это знал. Это был замечательный день. С тобой. Спасибо.

— О! — сказал он. С ним случилась одна очень странная вещь. Он вдруг осознал, что не может вспомнить имя женщины, сидящей с ним за столом. — Да, Миртл, мне тоже понравилось.

— Ты сегодня поедешь на бега?

— Нет, — сказал он. — Сегодня, пожалуй, останусь дома.

— Хорошо, — сказала она. На самом деле это было не просто хорошо. Это было настолько чудесно, что она снова чуть не расплакалась.

Он улыбнулся ей. Это была не та прежняя милая улыбка, которая околдовала и покорила ее в самом начале их знакомства, — не та, но очень похожая.

— Слушай, Миртл! Как ты насчет десерта?
Она хихикнула и шлепнула его салфеткой.
— Ах *ты!*

3

Дом Китонов — на самом деле даже не дом, а вилла, — располагался на Касл-Вью. Нетти Кобб пришлось пройти приличное расстояние в гору, и, когда она наконец добралась до места, ноги у нее гудели, а сама она сильно замерзла. По дороге ей встретились трое или четверо прохожих, которые не обратили на нее никакого внимания; они сосредоточенно кутались в свои теплые пальто и куртки и поднимали воротники, потому что ветер усилился и пронизывал насквозь. Рекламное приложение к «Санди телеграм» промчалось по тротуару и воспарило в яркое голубое небо, как разноцветная лохматая птица. Нетти свернула к дому Китонов. Мистер Гонт сказал, что Бастера с Миртл не будет дома, а мистеру Гонту лучше знать. Ворота гаража были подняты, «кадиллака» Китона внутри не наблюдалось.

Нетти прошла по дорожке, остановилась у входной двери и достала из кармана пальто пачку бумаг и скотч. Сейчас ей больше всего хотелось оказаться дома: сидеть у себя в гостиной и смотреть вместе с Бандитом какой-нибудь воскресный сериал. Но она уже скоро вернется домой, надо лишь выполнить поручение. Может, сегодня она даже не станет вязать. Просто посидит в кресле, держа на коленях абажур из цветного стекла. Оторвав первую розовую бумаженцию, она прилепила ее рядом с кнопкой звонка, на табличку с надписью КИТОНЫ и КОММИВОЯЖЕРАМ ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ чуть ниже. Убрав бумажки и клейкую ленту обратно в левый карман, она достала из правого ключ и вставила его в замок. Прежде чем открыть дверь, Нетти мельком взглянула на только что приклеенный листок.

Несмотря на усталость и холод, она улыбнулась. Это была и вправду хорошая шутка, особенно если учесть, как Бастер водит машину. Удивительно даже, что он еще никого не задавил. Хотя Нетти очень бы не хотелось оказаться на месте того человека, кто подписывал эту штрафную квитанцию. Бастер — человек вспыльчивый и обидчивый. Даже в детстве он не понимал шуток.

Она повернула ключ. Замок открылся легко. Нетти вошла в дом.

4

— Еще кофе? — спросил Китон.

— Я уже не могу, — сказала Миртл. — В меня больше не лезет. — Она улыбнулась.

— Тогда поехали домой. Я хочу посмотреть «Патриотов». — Он взглянул на часы. — Если мы поспешим, то успеем к началу.

Миртл кивнула, переполненная счастьем. Телевизор стоял в гостиной, и раз Дэн собрался смотреть игру, это значит, что он не просидит весь день, запершись у себя в кабинете.

— Тогда поехали.

Китон поднял руку.

— Официант! Счет, пожалуйста.

5

Нетти уже не хотела домой — ей понравилось в доме Бастера.

Во-первых, тут было тепло. Во-вторых, пребывание в чужом доме пробудило в Нетти незнакомое ей раньше ощущение власти: она как бы разглядывала жизнь двух посторонних людей изнутри. Она поднялась на второй

этаж, чтобы посмотреть, как обставлены комнаты. Комнат, кстати, было немало, и особенно если учесть, что детей у Китонов не было. Но, как говаривала ее мать, к имущим рукам деньги липнут.

Нетти открыла комод Миртл и порылась в ее белье. Кое-что было шелковым. Отличные вещички, но Нетти показалось, что большая часть этих хороших и дорогих вещей была довольно старой. То же самое касалось и платьев, развешанных в шкафу. Нетти зашла в ванную, рассмотрела лекарства в аптечке, а потом пошла в комнату для шитья, где отдала должное куклам. Приятный дом. Милый дом. Жалко только, что живет в этом доме не человек, а кусок дерьма.

Нетти взглянула на часы и решила, что пора все-таки начинать расклеивать квитанции. И она сейчас и начнет.

Вот только осмотрит первый этаж.

6

— Дэнфорд, а ты не слишком гонишь? — испуганно пролепетала Миртл, когда они обогнали медленно ползущий грузовик. Встречная машина отчаянно загудела, но Китон уже вернулся на свою полосу.

— Я хочу успеть к началу, — сказал он и свернул налево, на съезд на Мапл-Шугар-роуд сразу за указателем КАСЛ-РОК 8 МИЛЬ.

7

Нетти включила телевизор — у Китонов был большой цветной «Мицубиси» — и минут пять посмотрела какой-то фильм с Авой Гарднер и Грегори Пеком. Грегори, кажется, был влюблен в Аву, хотя трудно сказать — может быть, он любил совершенно другую женщину. Там была ядерная

война. Грегори Пек управлял подводной лодкой. Все это слабо интересовало Нетти, поэтому она выключила телевизор, прилепила на экран розовую бумажку и пошла на кухню. Там она провела ревизию всей посуды (тарелки были отличные, хорошей фирмы, зато кастрюли и чайники — не то, о чем стоит упоминать в мемуарах), потом открыла холодильник и поморщилась. Слишком много остатков. Много остатков от прошлых обедов и ужинов — явный признак нерадивой хозяйки. Но Бастер этого не поймет, на что хочешь можно поспорить. Мужики вроде Бастера Китона заблудятся на кухне даже с собакой-поводырем, компасом и подробной картой.

Нетти еще раз взглянула на часы и всполошилась. Она слишком долго бродила по дому. *Слишком* долго. Она принялась торопливо отрывать розовые квитанции и расклеивать их где попало — на холодильник, на плиту, на телефон, висевший на стене рядом с дверью в гараж, на выключатель. И чем быстрее Нетти носилась по кухне, расклеивая листочки, тем сильнее она нервничала.

8

Нетти только приступила к делу, когда красный «кадиллак» Китона переехал через Оловянный мост и вырулил на Уотермилл-лейн, откуда была уже прямая дорога до Касл-Вью.

— Дэнфорд? — вдруг спросила Миртл. — Ты можешь высадить меня у дома Аманды Уильямс? Я знаю, это немного не по пути, но у нее мой набор для фондю. Я подумала... — Робкая улыбка тронула уголки ее губ. — Я подумала, что стоит побаловать тебя... нас. После футбола. Ты просто высади меня, и все.

Он уже открыл рот, чтобы сказать ей, что Уильямсы живут *совсем* в другой стороне, что игра вот-вот начнется и что она может забрать свой дерьмовый фондю завтра.

Он все равно не любил сыр в таком виде — расплавленном, полужидком. К тому же в нем, наверное, полно микробов.

Но потом он передумал. Помимо него самого, в Совет городской управы входили два тупоголовых осла и одна тупоголовая стерва, Мэнди Уильямс. В прошлую пятницу Китону пришлось постараться, чтобы переговорить с Биллом Фуллертоном, городским парикмахером, и Гарри Сэмюэлсом, единственным в городе гробовщиком. Нужно было представить все так, как будто это были случайные разговоры. Всегда оставалась возможность, что налоговое управление шлет запросы и письма и *им тоже*. Он успокаивал себя, что это не так — пока что, — но в пятницу этой сучки Уильямс не было в городе.

— Ладно, — сказал он и добавил как бы между прочим: — Кстати, спроси у нее, нет ли каких новостей по городским делам.

— Ой, дорогой, ты же знаешь, я все сделаю не так... я же в этом ничего не понимаю...

— *Это* я знаю, но *спросить*-то ты можешь? Ты ж не настолько тупая?!

— Нет, — поспешно пробормотала она.

Он коснулся ее руки.

— Извини.

Она уставилась на него, остолбенев от изумления. Он перед ней *извинился!* Наверняка за годы их совместной жизни он когда-нибудь и просил у нее прощения, но Миртл не могла припомнить подобного случая.

— Просто спроси у нее, о чем там болтают в правительстве штата, — сказал он. — О правилах землепользования или об этих гребаных очистных сооружениях... может быть, о налогах. Я бы и сам зашел, просто хочу успеть к началу игры.

— Хорошо, Дэн.

Дом Уильямсов стоял на полпути к Касл-Вью. Китон подрулил к дому и остановился за машиной Аманды. Иностранной, конечно же. «Вольво». Китон подозревал, что

Мэнди Уильямс была скрытой коммунисткой, или лесбиянкой, или и тем, и другим вместе.

Миртл открыла дверцу и вышла, несмело помахав мужу рукой и нервно улыбнувшись.

— Через полчасика я буду дома.

— Отлично. Не забудь спросить у нее про городские дела, — сказал он. И если рассказ Миртл... без сомнения, она все перепутает и переврет, и тем не менее... если по рассказу Миртл можно будет понять, что Аманда Уильямс хоть на йоту затянула петлю у него на шее, он разберется с ней персонально... но завтра. Не сегодня. Этот день принадлежит ему. Сегодня он слишком доволен и счастлив, и ему не хочется портить хороший день разборками с Амандой Уильямс. Ему даже видеть ее не хочется.

Он еле дождался, пока Миртл захлопнет дверцу, и рванул задним ходом обратно на улицу.

9

Нетти как раз прилепила последний розовый прямоугольник на дверцу шкафа в кабинете Китона, когда снаружи послышался шорох шин подъезжающей к дому машины. У нее вырвался сдавленный вскрик. Она застыла, не в силах сдвинуться с места.

Попалась! — вопил в панике внутренний голос, пока она прислушивалась к мягкому, отлаженному бормотанию мощного двигателя «кадиллака». *Попалась! Господи Боже, спаси и сохрани, я попалась! Он убьет меня!*

Ей ответил голос мистера Гонта. Теперь он был уже не таким мягким и доброжелательным; он был холодным и властным и исходил из какого-то глубинного центра у нее в мозгу. *Он, может быть, и убьет тебя, Нетти, но ЕСЛИ поймает. А если ты впадешь в панику, то он точно тебя поймает. Ответ прост: не паникуй. Выйди из комнаты. Сейчас же. Не беги, но поторопись. И старайся не шуметь.*

На негнущихся ногах Нетти прошла по вытертому турецкому ковру, шепча про себя, как молитву:

— Мистеру Гонту лучше знать.

Она вышла в гостиную. Розовые бумажки таращились на нее со всех свободных поверхностей. Одна даже свисала с люстры на длинном куске скотча.

Звук двигателя стал глуше. Бастер заехал в гараж.

Пошла, Нетти! Давай! Это единственный шанс!

Она пролетела через гостиную, наткнулась на пуфик и растянулась на полу, чуть не раскроив себе череп. Если бы не ковровая дорожка, Нетти бы точно вырубилась. Перед глазами поплыли яркие звездочки и круги. Она вскочила на ноги. Кажется, она разбила лоб в кровь, но об этом она будет думать потом. Передняя дверь никак не открывалась. Нетти лихорадочно дергала ручку. Звук двигателя затих — Китон заглушил машину. Нетти затравленно оглянулась в направлении кухни. Она видела дверь гаража: ту, через которую должен войти Китон. На двери красовалась одна из наклеенных ею квитанций.

Ручка наконец поддалась, но дверь все равно не открылась. Что-то заело.

В гараже громко захлопнулась дверь, и оттуда донесся металлический лязг — это загрохотали в пазах автоматические ворота гаража. Нетти услышала гулкие звуки шагов по бетонному полу. Бастер что-то насвистывал.

Лихорадочный взгляд Нетти, замутненный стекающей со лба кровью, наткнулся на фиксатор замка. Он был нажат. Поэтому дверь и не открывалась. Она, должно быть, сама и нажала его, когда вошла в дом, хотя и не помнила этого. Нетти разблокировала фиксатор, открыла дверь и выскользнула наружу.

И буквально через секунду открылась дверь между кухней и гаражом. Дэнфорд Китон вошел в дом, расстегивая на ходу пальто. Он резко остановился. Свист застыл у него на губах. Он замер на месте, так и не убрав руку с пуговицы. Он медленно оглядел кухню. Он не верил своим глазам.

Если бы он сразу пошел в гостиную, он успел бы увидеть, как Нетти несется через лужайку дикими прыжками — ее расстегнутое пальто полощется на ветру, словно крылья гигантской летучей мыши. Скорее всего он бы ее не узнал, но хотя бы *увидел*, что это женщина, а это сильно бы повлияло на последующие события. Однако вид всех этих розовых листочков приковал его к месту, и в первый момент его ошеломленный разум смог выжать из себя одну только мысль. Словно неоновая реклама, у него в его голове мерцала — вспыхивала и гасла — яркая надпись: ГОНИТЕЛИ! ГОНИТЕЛИ! ГОНИТЕЛИ!

10

Нетти добралась до тротуара и на всех парах помчалась вниз. Каблуки ее туфель выбивали испуганную чечетку, и ей постоянно мерещилось, что она слышит не только свои шаги — Бастер бежит за ней. Бастер ее преследует, и когда он ее поймает, он изобьет ее, обязательно изобьет... но это было не важно. Это *вообще* не имело значения, потому что он мог ей сделать намного хуже. Бастер был большим человеком в городе, и если он решит запихнуть ее обратно в Джунипер-Хилл, он это сделает. Поэтому Нетти бежала. Кровь струилась по лбу и заливала глаза, и Нетти вдруг показалось, что она видит все через мутные красные линзы, как будто все эти красивые домики на Касл-Вью принялись разом сочиться кровью. Она вытерла глаза рукавом и побежала дальше.

На улице было пусто. В окна тоже никто не смотрел. Те, кто сейчас был дома, сидели у телевизоров и смотрели игру «Патриотов» с «Джетс». Нетти увидел только один человек.

Тэнси Уильямс, полная впечатлений после их с мамой двухдневной поездки к дедушке в Портленд, сидела в гостиной, смотрела в окно и сосала конфетку в обнимку

с Оуэном, своим любимым плюшевым медведем. Она-то и увидела Нетти, которая мимо пронеслась как угорелая.

— Мама, тетя бежит, — сказала Тэнси.

Аманда Уильямс с Миртл Китон сидели на кухне и пили кофе. Кастрюлька для фондю стояла на столе между ними. Миртл спросила, есть ли какие-то городские новости, о которых Дэну следует знать, а Аманда сочла этот вопрос весьма странным. Если Бастеру надо было что-то выяснить, почему он сам не зашел? И вообще, подобные вопросы как-то не принято задавать вечером в воскресенье, когда люди заслуженно отдыхают перед началом новой рабочей недели.

— Золотко, у мамы гости. Мама занята.

— А на ней кровь, — доложила Тэнси.

Аманда улыбнулась Миртл:

— Я *говорила* Бадди, что если он все же возьмет в прокате эту кассету с «Фатальным пристрастием», то пусть хотя бы дождется, пока Тэнси заснет.

А Нетти Кобб все бежала по улице. Она добралась уже до перекрестка Касл-Вью и Лорель, и тут ей пришлось остановиться. Она привалилась к каменному забору, окружавшему дворик библиотеки, и закашлялась, задыхаясь. В левом боку сильно кололо.

Оглянувшись на холм, она увидела, что улица пуста. Бастер вовсе за ней не гнался — все это были ее фантазии. Отдышавшись, Нетти разыскала в карманах салфетки и вытерла кровь. Попутно она обнаружила, что ключ от китовского дома куда-то делся. Он мог выпасть у нее из кармана, пока она бежала по улице, но скорее всего он остался в замке входной двери. Но разве теперь это важно? Она успела выбраться из дома до того, как Бастер ее заметил, — вот что действительно было важно. Она искренне поблагодарила Господа за то, что голос мистера Гонта заговорил с ней так вовремя, и ей почему-то и в голову не пришло, что в дом Бастера она попала как раз из-за мистера Гонта.

Она взглянула на пятнышко крови на салфетке и решила, что могло быть и хуже. Кровь уже почти останови-

лась. Боль в левом боку потихонечку утихала. Нетти оттолкнулась от каменной стены и поплелась к дому, опустив голову, чтобы ссадина на лбу не так бросалась в глаза.

Дом — вот о чем надо думать. Дом и ее замечательный абажур из цветного стекла. Дом и воскресный сериал. Дом и Бандит. Дóма — с запертой дверью, опущенными шторами, включенным телевизором и Бандитом, спящим у ее ног, — все, что было в доме Китона, покажется ей страшным сном наподобие тех, что снились ей в Джунипер-Хилл после убийства мужа.

Дом, самое лучшее место на свете.

Нетти пошла быстрее. Уже скоро она будет дома.

11

После мессы Пит и Вильма Ержик поехали в гости к Пуласки. Они пообедали, а после обеда Пит с Джейком Пуласки уселись перед телевизором посмотреть, как «Патриоты» надерут задницу Нью-Йорку. Вильме было плевать на футбол-бейсбол-баскетбол-хоккей и тому подобное. Ее волновал только один вид спорта — борьба. И хотя Пит, конечно же, не догадывался и даже представить себе не мог, но его жена запросто — как говорится, даже глазом не моргнув, — променяла бы его на борца по имени Вождь Джей Крепкий Лук.

Вильма помогла Фриде убрать и помыть посуду, а потом сказала, что поедет домой — смотреть фильм. Сегодня в воскресной программе показывали «На пляже» с Грегори Пеком. Она крикнула Питу, что берет машину.

— Хорошо, — отозвался он, не отрывая взгляда от экрана. — Я даже не прочь прогуляться.

— Как тебе повезло, — пробормотала Вильма себе под нос, выходя на улицу.

Вообще-то у Вильмы было хорошее настроение, и основная тому причина — предстоящая «Ночь в казино». Вопреки ее опасениям, отец Джон не отступил от заду-

манного, и ей очень понравилось, как он выглядел сегодня утром во время проповеди, которая называлась «Пусть каждый возделывает свою ниву». Его голос был, как всегда, мягок, но в его голубых глазах и вздернутом подбородке не было даже намека на какую-то мягкость. И все его витиеватые садово-огородные метафоры не скрыли от Вильмы и остальных прихожан истинного значения его слов: если баптисты будут и дальше совать свой коллективный нос в католическую морковную грядку, то непременно получат пинка по своей коллективной заднице.

А надирание задниц (и особенно в таком масштабе) всегда приводило Вильму в хорошее расположение духа.

Но перспектива надрать «баптистскую задницу» была не единственной радостью Вильмы в это воскресенье. Сегодня ей не пришлось готовить воскресный обед плюс к тому Пит надежно застрял у Джейка и Фриды. Если повезет, он проведет там весь вечер, наблюдая за тем, как мужики стараются разорвать друг другу селезенки, и она спокойно посмотрит кино. Но сначала надо будет позвонить ее старой доброй подружке Нетти. Она и так уже хорошо запугала эту полоумную Нетти Кобб... хорошо для начала. *Только* для начала. Нетти еще предстоит расплатиться *за заляпанные грязью* простыни, и расплатиться сполна. Пришло время сделать еще несколько ходов в наступлении на Мисс Психушка-91 года. Эта мысль наполнила Вильму радостным предвкушением, и она покатила домой на максимально допустимой скорости.

12

Медленно, как во сне, Дэнфорд Китон подошел к холодильнику и сорвал с него розовый листок. Вверху жирным шрифтом шла надпись:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

А ниже было написано:

Пока это только предупреждение — но, пожалуйста, прочтите внимательно и примите к сведению!

Вы уже один раз — или несколько раз — нарушили правила дорожного движения. На этот раз инспектор решил «ограничиться предупреждением», но записал номер вашей машины, так что в следующий раз вас уже оштрафуют. Помните: правила дорожного движения обязательны ДЛЯ ВСЕХ.

Будьте осторожны за рулем!

Сохраните жизнь и здоровье себе и другим!

Местное полицейское управление благодарит вас за понимание.

Под этим назидательным пассажем шел ряд строчек: ПРОИЗВОДИТЕЛЬ АВТОТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, МОДЕЛЬ и ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОМЕР. Первые две позиции были заполнены без затей: «кадиллак» и «севилль» соответственно. А в графе ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОМЕР было вписано:

БАСТЕР 1

В целом «предупреждение» представляло собой список обычных нарушений, как-то: неисправность сигнала, неисправность габаритных огней, парковка в неположенном месте. Ни один из этих пунктов отмечен не был. Внизу стоял пункт ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ с двумя пустыми строчками. Вот *он* был помечен галочкой. Две строчки, оставленные для описания нарушения, были аккуратно заполнены тем же почерком, что и вверху.

ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ БОЛЬШИМ МУДАКОМ В КАСЛ-РОКЕ.

В самом низу шла графа ВЫПИСАЛ ИНСПЕКТОР; там стояла печатная факсимильная подпись Норриса Риджвика.

Медленно, очень медленно Китон сжал бумагу в руке. Она захрустела и постепенно исчезла, сминаясь, в большом кулаке Китона. Он стоял посреди кухни, обводя разъяренным взглядом другие розовые прямоугольнички. На лбу яростно билась жилка.

— Я его убью, — прошептал Китон. — Клянусь Богом и всеми святыми, я убью этого худосочного долбоеба.

13

Когда Нетти добралась до дому, было только двадцать минут второго, но ей казалось, что с сегодняшнего утра прошли месяцы, может быть, даже годы. Когда она вышла на подъездную дорожку к дому, все ее страхи свалились с плеч, словно невидимый груз. Голова все еще побаливала от удара, но Нетти решила, что головная боль — небольшая цена за возможность вернуться домой невредимой и незамеченной.

Ключ от дома она не потеряла — он лежал в кармане платья. Она вставила ключ в замок и позвала:

— Бандит? Бандит, я дома!

Дверь распахнулась.

— Где мой сыночек, ммм? И где мы прячемся? Ой, мы голодные... — В прихожей было темно, и сначала она не заметила маленькое нечто, лежащее на полу. Она вынула ключ из двери и вошла внутрь. — Сыночек хочет кушать! Кушать он хо...

Ее нога наткнулась на что-то мягкое и пружинящее одновременно. Оборвав фразу на полуслове, Нетти взглянула вниз и увидела Бандита.

Первые пару минут она пыталась убедить себя, что все это на самом деле обман зрения и то, что она видит, — неправда, неправда, *неправда*. И это вовсе не Бандит лежит на полу с какой-то гадостью, торчащей у него из груди, — этого просто не может быть!

Нетти закрыла дверь и принялась судорожно шарить рукой по стене, нащупывая выключатель. Наконец свет зажегся, и она *увидела*. Бандит лежал на полу. Он лежал на спине, как бы подставляя живот для того, чтобы его почесали, а у него из груди торчало что-то красное, похожее на... похожее на...

Нетти пронзительно закричала — крик получился высоким и тонким, словно писк гигантского комара, — и упала на колени рядом с собакой.

— *Бандит! О Господи Боже! Господи Боже, Бандит, ты жив? Ты ведь не умер?*

Ее рука — холодная, такая холодная рука — неуклюже билась об эту красную штуку, что торчала из груди Бандита. В конце концов она ухватила ее и выдернула со всей силой, рожденной из глубин печали и страха. Штопор с треском вышел наружу, увлекая с собой кусочки мяса, сгустки крови и клочья шерсти, а после него осталась рваная дыра размером с небольшую монету. Нетти завизжала. Она выронила окровавленный нож и прижала к себе это маленькое, закоченевшее тельце.

— *Бандит!* — рыдала она. — *Песик мой! Нет! О нет!*

Она баюкала его, прижимая к груди, — пыталась вернуть его к жизни, отдав часть своего тепла, но в ней как будто и не осталось тепла. Она была очень холодной. Холодной.

Сколько она так сидела — Бог знает. Потом несчастная бережно уложила остывший трупик собаки на пол и нашарила на полу швейцарский армейский нож с открытым окровавленным штопором. Сначала она просто тупо смотрела на него, но, заметив записку, проткнутую штопором, вышла из оцепенения. Занемевшими пальцами она сняла лист бумаги с ножа и рассмотрела поближе. Бумага была заскорузлой от крови ее бедного песика, но слова все равно можно было разобрать:

Я никому не позволю закидывать грязью мои чистые простыни. Я же тебе говорила, что достану тебя!

Безумное горе и страх постепенно отступили. Теперь в глазах Нетти было лишь мрачное понимание — жесткий блеск, тускло сверкавший, как старое серебро. Щеки, побледневшие, как бумага, когда она наконец поняла, что случилось с Бандитом, залились багровой краской. Рот ощерился в нехорошей усмешке. Она произнесла только два слова, жарких, хрипящих, скрежещущих:

— *Ты... мразь.*

Она смяла листок и швырнула его в стену. Записка отскочила и приземлилась рядом с телом Бандита. Нетти подскочила к ней, подняла, плюнула на нее и опять отшвырнула. Потом поднялась и медленно прошла на кухню, судорожно сжимая и разжимая кулаки.

14

Вильма Ержик припарковала машину у дома и поднялась на крыльцо, роясь в сумке в поисках ключей. Она напевала себе под нос песенку «Миром движет любовь». Она нашла ключ, вставила его в замок... и замерла, потому что уловила краем глаза какое-то движение. Она посмотрела направо и ошалело уставилась на окно.

Занавески гостиной развевались и хлопали на ветру. Они развевались *снаружи*. А причина, почему они развевались *снаружи*, была проста: панорамное окно, заменить которое три года назад стоило Клуни четыреста долларов (их сынуля-дебил расколотил его бейсбольным мячом), было разбито. Длинные стрелы стекла тянулись от рамы к центральной дыре.

— Какого *хрена?!* — заорала Вильма и с такой силой провернула ключ в замке, что он чуть не сломался.

Она ворвалась внутрь, захлопнула за собой дверь и... застыла на месте. Впервые за всю свою сознательную жизнь Вильма Вадловски Ержик была до такой степени потрясена, что впала в самый настоящий ступор.

Гостиная лежала в руинах. Телевизор — их роскошный широкоэкранный телевизор, за который они еще даже не выплатили весь кредит — им оставалось одиннадцать платежей, — был полностью раскурочен. Кинескоп лежал на ковре тысячей сверкающих осколков, внутренние детали обуглились и дымились. В штукатурке стены напротив зияла огромная дыра. Внизу валялся большой пакет, перетянутый резинками. Еще один, точно такой же, лежал на пути на кухню. Вильма закрыла дверь и подошла к пакету, лежавшему на пороге. Какая-то ее часть — явно не самая рациональная — вопила об осторожности, потому что это могла быть и бомба. Проходя мимо телевизора, Вильма почувствовала горячий и неприятный запах: нечто среднее между горелой изоляцией и обугленной ветчиной.

Она присела над пакетом на пороге кухни и увидела, что это вовсе не пакет, по крайней мере не в обычном смысле. Это был камень с прикрепленной к нему разлинованной страницей из блокнота. Она вытянула бумагу из-под удерживавшей ее резинки и прочитала:

Я же просила оставить меня в покое.
Это мое последнее предупреждение.

Она перечитала записку дважды, пригляделась к другому камню. Подошла к нему и стащила бумажку с него. Та же бумага, та же записка. Она выпрямилась, держа в каждой руке по мятому листу бумаги, и принялась тупо вертеть головой, глядя то на правый листок, то на левый, то на правый, то на левый — как человек, наблюдающий за напряженным матчем в пинг-понг. Наконец она произнесла три слова:

— Нетти. Вот сучка.

Вильма зашла в кухню и со свистом выдохнула воздух. Вынимая камень из микроволновки, она порезала руку осколком стекла, и прежде чем извлечь записку, рассеянно вытащила стекло из раны. Тот же текст.

Вильма обошла остальные комнаты и обнаружила новые разрушения. Она собрала все записки. Все то же самое. Вернувшись в кухню, она еще раз оглядела разгром, по-прежнему не веря своим глазам.

— Нетти, — повторила она.

В конце концов айсберг заторможенного потрясения, который как бы заморозил ее, начал таять. И первое чувство, которое пробилось сквозь этот лед, было вовсе не злостью, а удивлением. Тю, подумала она, да эта баба *и вправду* чокнутая. Иначе и быть не может, если она вытворяет подобные вещи со мной — *со мной!* — и при этом надеется дожить до заката. Она думает, с кем она дело имеет?! Я что, похожа на Ребекку с фермы «Дерьмоеды»?!

Рука Вильмы непроизвольно сжалась в кулак, сминая записки. Она нагнулась и провела хрустящей бумажной гвоздикой, торчавшей из кулака, по своему широченному заду.

— Да я подтираюсь твоими последними предупреждениями! — закричала она и отшвырнула листы. Потом еще раз обвела удивленным взглядом свою разгромленную кухню. Дыра в микроволновке. Глубокая вмятина в холодильнике. Повсюду — битое стекло. В соседней комнате телевизор, стоивший им почти шестьсот долларов, вонял, как фритюрница, набитая собачьим дерьмом. И кто все это сделал? Кто?!

Конечно же, Нетти Кобб, кто же еще. Мисс Психушка-91-го года.

Вильма заулыбалась.

Человеку, не знавшему Вильму Ержик, могло бы показаться, что это ласковая улыбка, добрая улыбка, улыбка любви и дружбы. Ее глаза так и сияли; непосвященный мог бы принять этот блеск за выражение крайнего восторга. Но если бы рядом вдруг оказался Пит Ержик, который знал Вильму немного лучше, одного выражения ее лица хватило бы, чтобы он побил все рекорды по скорости бега *подальше отсюда*.

— Нет, — сказала Вильма мягким, чуть ли не ласковым голосом. — Нет, милочка. Ты просто не понимаешь. Ты не понимаешь, что это такое — связываться с Вильмой Ержик. Ты и понятия не имеешь, что значит связываться с Вильмой Вадловски Ержик.

Она улыбнулась еще лучезарнее.

— Но ты скоро поймешь.

На стене рядом с микроволновкой были закреплены две намагниченные полоски стали. Почти все ножи, что висели на них, были сбиты камнем, который Брайан запустил в микроволновку. Сейчас они валялись на столе. Вильма выбрала самый длинный разделочный нож с белой костяной ручкой и медленно провела пораненной рукой по лезвию, смачивая его своей кровью.

— Я тебя просвещу.

Сжимая нож в руке, Вильма прошла через гостиную. Под низкими каблуками ее черных «церковных» туфель хрустело стекло выбитых окон и взорванного кинескопа. Она вышла на улицу, даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на ключ, прошла через лужайку и направилась к Форд-стрит.

15

В тот же самый момент, когда Вильма выбрала нож из кучи, сваленной на кухонном столе, Нетти Кобб достала из ящика большой тесак. Она знала, что он очень острый, потому что недели три назад Билл Фуллертон наточил его у себя в мастерской при парикмахерской.

Нетти повернулась и медленно пошла к выходу. Лишь на секунду она задержалась возле Бандита — несчастного песика, который в жизни не сделал никому ничего плохого.

— Я ее предупреждала, — тихо сказала она, гладя шерстку Бандита. — Я ее предупреждала. Я этой бешеной полячке дала все шансы. Мой хороший, мой умный песик.

Подожди меня. Подожди, потому что я буду с тобой очень скоро.

Она вышла из дома и, как и Вильма, даже не заперла дверь. Безопасность больше не волновала Нетти. Она замерла на крыльце на секунду, сделала пару глубоких вдохов, прошла через лужайку и направилась к Уиллоу-стрит.

16

Дэнфорд Китон влетел в кабинет и рывком распахнул дверцу шкафа. Он залез в самую глубину, наткнувшись руками на заднюю стенку. На какую-то долю секунды ему показалось, что игра исчезла, что этот проклятый взломщик-гонитель, помощник шерифа, забрал ее, а вместе с ней — и его, Китона, будущее. Это было ужасно, невыносимо... но тут его рука наткнулась на картонную коробку. Он судорожно поднял крышку — жестяной ипподром был на месте. И пухлый конверт тоже никуда не делся. Китон помял сверток в руках, прислушиваясь к хрусту банкнот, и вернул его на место.

Китон бросился к окну — не идет ли Миртл. Она не должна видеть эти розовые листочки. Надо убрать их все до ее прихода... А сколько их тут? Он оглядел кабинет и увидел, что эти отвратные бумаженции висят повсюду. Несколько сотен? Тысяча? Вполне вероятно. Даже *две тысячи* не казалось таким уж невероятным. Впрочем, если жена вернется до того, как он завершит уборку, ей придется подождать снаружи, потому что он не собирался впускать ее в дом, пока все эти ублюдочные листочки — все до единого — не сгорят в кухонной печи. Все... до... единого.

Китон сдернул листок, висевший на люстре. Скотч прилип к его щеке, и он оторвал его, скрипнув зубами от злости. На этом листке в графе ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ было написано:

РАСТРАТА

Китон подошел к торшеру, что стоял рядом с креслом. На абажуре висел листок:

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ:
ПРИСВОЕНИЕ ГОРОДСКИХ ФОНДОВ

На телевизоре:

ПЕРЕДРЮЧИЛ ВСЕХ ЛОШАДОК

На стекле, закрывавшем его «Диплом достойного гражданина», выданный Лайонс-Клубом:

ТРАХАЛ РОДНУЮ МАМОЧКУ

На кухонной двери:

СПУСКАЛ КАЗЕННЫЕ ДЕНЬГИ
НА ЛЬЮИСТОНСКОМ ИППОДРОМЕ

На двери в гараж:

ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ ПАРАНОЙЯ

Китон носился по квартире с выпученными, налитыми кровью глазами, собирая бумажки. Его редеющие волосы сбились в лохматый клубок. Вскоре он уже начал задыхаться и кашлять и его щеки приобрели уродливый бордово-малиновый оттенок. Он был похож на толстого ребенка с лицом взрослого человека, который участвует в некой странной, но отчаянно важной охоте за сокровищами.

С серванта он сорвал:

ВОРОВСТВО ИЗ ГОРОДСКИХ ПЕНСИОННЫХ ФОНДОВ
ДЛЯ ИГРЫ В ЛОШАДОК

Китон бросился в кабинет со стопкой листков, зажатых в правом кулаке, и продолжил «сбор урожая». Здеш-

ние предупреждения сосредоточились на одном-единственном понятии, с ужасающей аккуратностью вписанном в пустые графы:

РАСТРАТА
ВОРОВСТВО
КРАЖА
РАСТРАТА
МОШЕННИЧЕСТВО
ПРИСВОЕНИЕ КАЗЕННЫХ СРЕДСТВ
НЕСООТВЕТСТВИЕ ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ
РАСТРАТА

Чаще всего — именно это слово, жгучее, кричащее, обвиняющее:

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ: РАСТРАТА

Он услышал шум снаружи и опять подбежал к окну. Может быть, это Миртл. А может, Норрис Риджвик — вернулся поиздеваться над ним. Если бы это был Риджвик, Китон достал бы пистолет и пристрелил бы его к чертовой матери. Но не в голову. Выстрел в голову — слишком мягкое наказание для такой мрази, как Риджвик. Китон продырявил бы ему кишки и оставил бы орать на лужайке до самой смерти. Долгой и мучительной.

Но это был всего-навсего «скаут» Гарсонов, направляющийся в сторону центра. Скотт Гарсон был самым серьезным банкиром в городе. Китон с женой иногда бывали в гостях у Гарсонов или приглашали их к себе на ужин: это были приятные люди, к тому же сам Гарсон был из тех людей, с которыми нужно поддерживать добрые отношения. Интересно, а что бы сказал Гарсон, увидев эти бумажки? Что бы он сказал об этом слове — РАСТРАТА, — кричащем с розовых бланков предупреждения, кричащем, как женщина, которую насилуют ночью на улице?

Китон бегом вернулся в гостиную. Он ничего не пропустил? Вроде бы нет. Все собрал, по край...

Нет! Вот еще одна! На первой балясине лестницы! Ничего себе, а если бы он ее не заметил?! Боже правый!

Китон подбежал к лестнице и сорвал наклейку.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ: ДЕРЬМОКАР
МОДЕЛЬ: СТАРАЯ И РЖАВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОМЕР: СТАРЫЙ ХРЕН 1
ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ: ФИНАНСОВАЯ ПЕДЕРАСТИЯ

Еще? Где еще? Китон вяло пробежался по комнатам первого этажа. Перед его рубашки выбился из брюк, и над пряжкой ремня бултыхалось волосатое брюхо. Вроде бы больше нет ни одной... внизу, во всяком случае.

Он еще раз взглянул в окно, чтобы удостовериться, что Миртл пока не видно, и поднялся наверх, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце.

17

Вильма и Нетти сошлись на углу Уиллоу и Форд. Они застыли, сверля друг друга глазами — ну прямо стрелки в дешевом вестерне. Ветер игрался полами их пальто, словно дурашливый пес. Солнце то пряталось, то выглядывало из-за туч, тени которых пробегали по земле, как торопливые прохожие.

Обе улицы были пустынны: ни машин, ни пешеходов. Перекресток был полностью в их распоряжении.

— Ты убила мою собаку, скотина!

— Ты разбила мой телевизор! Ты разбила мои окна! Ты разбила мою *микроволновку*, ты, полоумная сука!

— Я тебя предупреждала!

— Засунь свое предупреждение в свою старую грязную задницу!

— Я убью тебя!

— Подойди хоть на шаг, и тут точно кого-то убьют, но уж никак не меня!

Последнюю фразу Вильма произнесла с тревогой и нарастающим удивлением: глядя на лицо Нетти, она впервые осознала, что здесь все гораздо серьезнее, чем она думала поначалу. Здесь дело может и не ограничиться вырванным клоком волос или фонарем под глазом. И вообще, что тут Нетти-то делает?! Где элемент неожиданности?! Почему все происходит так быстро?!

Но Вильма унаследовала свой воинственный нрав от польских казаков, а это о чем-то уже говорит. Она решила, что сейчас не время задаваться вопросами. Сейчас будет битва — и это главное.

Нетти бросилась на нее, занося свой тесак для удара. Она оскалилась чуть ли не по-звериному, и длинный вопль вырвался у нее из горла.

Вильма присела, держа нож лезвием вверх, как небольшое копье. Когда Нетти приблизилась вплотную, Вильма *выставила его вперед. Лезвие* вонзилось Нетти в живот и пошло вверх, распарывая желудок, из которого тут же вырвалась струя какой-то вонючей массы. Вильма сама ужаснулась тому, что сделала, — да что ужаснулась, она просто не верила, что она это сделала; это было немыслимо, невозможно, — и резко расслабила руки. Восходящее движение ножа остановилось до того, как его острие вонзилось Нетти в сердце.

— АААААХ ТЫ ГАААДИНАА! — заверещала Нетти и опустила тесак. С тупым хрустом пробив ключицу, он по рукоять погрузился в плечо Вильмы.

Боль, вонзившаяся в Вильму раскаленным прутом, вымыла у нее из сознания все сомнения. Осталась только неистовая казачка. Она высвободила нож.

Нетти сделала то же самое. Для этого пришлось схватить тесак обеими руками, и когда ей все-таки удалось вырвать его из трещины в кости, целый ворох ее кишок вывалился из кровавой дыры в ее платье и повис лоснящимся узлом.

Две женщины медленно кружили, настороженно присматриваясь друг к другу и рисуя ногами дорожки из собственной крови. Тротуар стал похож на дьявольскую танцевальную диаграмму. Нетти почувствовала, как мир вокруг стал пульсировать большими, медленными толчками — вещи теряли цвет, оставляя ее в белесом мареве, а потом медленно возвращались. Она слышала, как кровь колотится у нее в висках. Гулкие, медленные удары. Она знала, что ранена, но боли не чувствовала. Поэтому она решила, что Вильма просто чуть-чуть поцарапала ей бок.

Вильма знала, что ранена очень серьезно — она не могла поднять правую руку, и платье у нее на спине насквозь пропиталось кровью. Однако она и не думала отступать. Вильма Ержик никогда в жизни не отступала. Никогда в жизни.

— *Эй!* — раздался чей-то тонкий голос с той стороны улицы. — *Эй! Уважаемые, что вы там делаете? Немедленно прекратите! Прекратите сейчас же, а то я полицию вызову!*

Вильма повернулась на голос, выпустив Нетти из виду буквально на долю секунды. Нетти шагнула вперед и со свистом рубанула тесаком по широкой дуге. Он прошел сквозь мякоть Вильминого бедра и лязгнул по тазовой кости. Кость раскололась. Фонтаном брызнула кровь. Вильма закричала и отпрянула назад, рассекая ножом воздух перед собой. Она споткнулась о собственную ногу и рухнула на тротуар.

— *Эй! Эй!* — это кричала со своего крыльца какая-то старушка. Она прижимала к горлу шаль мышиного цвета. Из-за толстых очков ее широко распахнутые глаза казались огромными водянистыми колесами ужаса. Теперь она уже вовсю голосила: — *Помогите! Полиция! Убивают! Убиваааают!*

Женщины на углу Уиллоу и Форд не обращали на нее внимания. Вильма шлепнулась в кровавое месиво рядом

с дорожным знаком, но, видя, что Нетти, пошатываясь, надвигается на нее, она все же сумела сесть, прислонившись к столбу, и выставила перед собой нож, уперев его в колено.

— Давай, сука, — прорычала она. — Иди сюда, если идешь.

Нетти подошла, беззвучно двигая губами. Клубок ее выпавших внутренностей болтался взад-вперед, как недоношенный плод. Нетти наткнулась ногой на вытянутую ногу Вильмы и повалилась вперед. Разделочный нож воткнулся ей чуть ниже грудины. Она выдохнула воздух пополам с кровью и из последних сил подняла тесак. С глухим хрустом он погрузился в череп Вильмы Ержик. Вильма затряслась в конвульсиях. Ее тело содрогалось и извивалось, и с каждым рывком и ударом разделочный нож все глубже и глубже погружался в грудь Нетти.

— Убила... моего... песика, — выдохнула Нетти, с каждым словом орошая запрокинутое лицо Вильмы новым потоком крови. Потом она содрогнулась всем телом и обмякла. Ее голова свесилась вниз, стукнувшись о столб.

Дергающаяся нога Вильмы сползла в канаву. Ее лучшие парадно-выходные «церковные» туфли слетели и валялись теперь в куче листьев, указывая низкими каблуками на несущиеся по небу облака. Ее пальцы сжались раз... другой... и уже больше не шевелились.

Две мертвые женщины лежали друг на друге, словно любовники, окрашивая своей кровью опавшие листья.

— *УБИВАААААААААЮЮЮЮЮЮТ!* — опять завопила старушка на той стороне улицы. Потом она качнулась назад и упала в обморок.

Другие соседи начали подходить к окнам и открывать двери. Кое-кто вышел на улицу и приблизился к месту происшествия. Но, разглядев лужи крови, эти редкие «смельчаки» быстренько убегали, прикрыв рот руками.

Кто-то все-таки позвонил в полицию.

18

Полли Чалмерс медленно шла по улице к «Нужным вещам» — выходя из дома, она надела на свои больные руки пару самых теплых перчаток, — и вдруг услышала полицейские сирены. Она остановилась, наблюдая за тем, как один из трех коричневых патрульных «плимутов» с включенными мигалками пронесся через перекресток Главной и Лорель. Он *уже* делал миль пятьдесят в час и еще разгонялся. Сразу за ним шла вторая машина.

Нахмурившись, Полли проводила их взглядом. Сирены и мчащиеся на всех парах полицейские машины — большая редкость в Касл-Роке. Что могло случиться? Наверняка кое-что посерьезнее, чем забравшаяся на дерево кошка. Надо будет вечером спросить у Алана.

Полли повернулась и увидела, что Лиланд Гонт стоит на пороге своего магазина и тоже наблюдает за полицейскими машинами с выражением легкого удивления на лице. Что ж, вот и ответ на один из вопросов: магазин работает. Нетти ей так и не перезвонила, хотя и обещала. Впрочем, это не особенно удивило Полли. Нетти частенько все забывала, так уж были устроены ее мозги — ничего в голове не держалось.

Она пошла дальше. Увидев ее, мистер Гонт заулыбался:

— Мисс Чалмерс! Как мило, что вы зашли!

Она слабо улыбнулась в ответ. Боль, слегка отступившая утром, опять разыгралась, сплетая замысловатую паутину из тонких, болезненных нитей, прошивающих ее плоть.

— Мне казалось, мы договорились, что просто Полли.

— Тогда, стало быть, Полли. Проходите, пожалуйста. Очень рад вас видеть. Что это за оживление на улице?

— Не знаю, — сказала она. Он придержал ей дверь. — Может, кому-то плохо, и его надо везти в больницу. А «скорая помощь» в Норвегии по выходным тормозит кошмарно. Хотя зачем бы тогда посылать *две* патрульные машины...

Полли вошла в магазин, и мистер Гонт закрыл за ней дверь. Звякнул колокольчик. Занавески на двери были задернуты, и по сравнению с буйством солнца снаружи внутри магазина было сумрачно... хотя, подумала Полли, если полумрак может быть приятным, то это был именно такой полумрак. Небольшая настольная лампа отбрасывала пятно золотого света на прилавок рядом со старомодным кассовым аппаратом. Там же лежала открытая книга. «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

Полли заметила, как внимательно мистер Гонт на нее смотрит, и опять улыбнулась.

— Руки очень болели последние дни, — объяснила она. — Так что сейчас я, наверное, выгляжу несколько хуже, чем Деми Мур.

— Вы выглядите как женщина, которая очень устала и которой сейчас очень плохо.

Улыбка у нее на лице дрогнула. В его голосе звучало искреннее понимание и сочувствие, и Полли даже испугалась, что сейчас расплачется. И мысль, удержавшая поток слез, была довольно странной: *Его руки. Если я расплачусь, он станет меня утешать. И коснется меня.*

Она удержала улыбку.

— Ничего, как-нибудь выживу, не впервой. Скажите, а Нетти Кобб к вам не заходила?

— Сегодня? — Он нахмурился. — Нет, сегодня нет. Если бы она зашла, я показал бы ей новые поступления из цветного стекла. Только вчера пришли. Не такие красивые, как та вещица, которую я ей продал в прошлый раз, но, мне кажется, она бы заинтересовалась. А почему вы спрашиваете?

— Да так, просто... — сказала Полли. — Она сказала, что, возможно, заглянет к вам, но Нетти, она... Она часто бывает забывчивой.

— Как я понимаю, жизнь к ней была не особенно благосклонна, — серьезно заметил мистер Гонт.

— Да, — машинально согласилась Полли. Ее вдруг охватила какая-то странная заторможенность. Казалось,

она не может отвести взгляда от его глаз. Но потом ее рука стукнулась о стеклянную поверхность прилавка, и наваждение прошло. Полли скривилась от боли.

— Вы в порядке?

— Да, спасибо, — сказала Полли, но это была ложь; она была далеко не в порядке.

И мистер Гонт это прекрасно понял.

— Нет, вы не в порядке, — решительно заявил он. — Потому я собираюсь немедленно прекратить эту светскую беседу. Предмет, о котором я вам писал, уже прибыл. Я отдам его вам и отправлю домой.

— *Отдадите?*

— Нет, я вовсе не предлагаю вам его подарить, — сказал он, подходя к кассе. — Мы для этого еще недостаточно хорошо друг друга знаем.

Она улыбнулась. Понятно, что он был хорошим и вежливым человеком, который — что вполне естественно — хотел как-то отблагодарить первого человека в Касл-Роке, который сделал что-то приятное ему. Но ей было трудно ему ответить; ей было трудно просто поддерживать разговор. Руки болели прямо-таки немилосердно. Теперь она уже жалела о том, что пришла. Каким бы мистер Гонт ни был добрым и понимающим, сейчас ей больше всего хотелось вернуться домой и принять болеутоляющее.

— Есть вещи, которые продавец просто обязан предоставлять на пробу, если у него есть совесть. — Мистер Гонт вынул связку ключей и отпер ящик под кассовым аппаратом. — Если по истечении пары дней вы решите, что она вам не помогла... а я должен вас предупредить, что скорее всего так оно и окажется... вы вернете ее обратно. С другой стороны, если вам станет лучше, мы поговорим о цене. — Он улыбнулся. — Разумеется, для вас цена будет минимальной. Честное слово.

Полли озадаченно посмотрела на мистера Гонта. Если ей станет лучше? О чем это он?

Он вынул из ящика небольшую белую коробку и положил ее на прилавок. Потом открыл крышку и взял с мяг-

кой подкладки маленький серебряный предмет на тонкой цепочке.

Что-то вроде кулона, только больше похоже на ситечко для чая или на увеличенный наперсток.

— Это вещь из Египта, Полли. Очень древняя. Не такая древняя, как пирамиды — нет, конечно же! — но все равно очень старая. Внутри что-то есть. Какая-то трава, наверное. Но это всего лишь предположение, я точно не знаю. — Он пошевелил пальцами. Серебряное ситечко (если это было ситечко) на конце цепочки слегка качнулось. Внутри что-то сместилось, пересыпалось с тихим шелестом. И этот шелест почему-то показался Полли неприятным.

— Это называется *ацка*, или, может, *ацака*, — сказал мистер Гонт. — Так или иначе, это амулет, призванный защищать от боли.

Полли попыталась улыбнуться. Она хотела быть вежливой, но *серьезно*... она тащилась сюда ради *этого?!* Ладно, было бы еще на что посмотреть... была бы эта штука красивой или хотя бы изящной. Но она же просто безобразная, если не сказать хуже.

— Я не думаю...

— Я тоже, — мягко перебил он, — но отчаянные ситуации часто требуют отчаянных мер. Уверяю вас, эта *вещь настоящая... ну, как минимум* в том смысле, что она сделана не в Тайване. Это настоящее египетское изделие. Разумеется, не историческая реликвия, но гарантированно — произведение искусства. Период Нового Царства. К нему прилагается сертификат подлинности, подтверждающий, что этот предмет является инструментом *бенкалитис*, то есть белой магии. Попробуйте его поносить. Я понимаю, как глупо все это звучит. Но на нашей грешной земле случаются вещи, которые мы просто не в состоянии себе представить, даже при самой что ни на есть богатой фантазии.

— Вы действительно в это верите? — спросила Полли.

— Да. Я видел вещи, по сравнению с которыми исцеляющий медальон или амулет кажется таким же обычным и будничным, как крепкий кофе на завтрак. — В его карих глазах промелькнула искра. — *И немало* подобных вещей. Дальние, пыльные уголки этого мира буквально завалены таинственным барахлом, Полли. Но это не важно; сейчас речь идет о *вас*. Еще в прошлый раз, когда боль не была такой сильной, я почувствовал, как вам тяжело. Я подумал, что эта маленькая... вещичка... что ее можно попробовать. В конце концов, что вы теряете? Все, что вы перепробовали, не помогло...

— Я правда признательна вам за заботу, мистер Гонт, но...

— Лиланд.

— Да, верно. Я признательна вам за заботу, *Лиланд*, но, боюсь, я не настолько суеверна.

Она подняла глаза и увидела, что он очень внимательно на нее смотрит.

— Не важно, суеверны вы или нет, Полли... потому что это *существует* помимо нас. — Он пошевелил пальцами, и *ацка* легонько качнулась на конце цепочки.

Полли открыла рот, но слова замерли у нее на губах. Она вдруг вспомнила, что как-то весной Нетти, уходя домой, забыла у нее свой журнал «Внутренний глаз». Вяло перелистывая страницы и пробегая глазами статьи о детях-оборотнях в Кливленде и геологических образованиях на Луне в форме лица президента Кеннеди, Полли наткнулась на рекламу, посвященную какому-то «Молитвенному вызову Древних». Предполагалось, что он излечивает головные боли, желудочные колики и артрит.

Над рекламным текстом был черно-белый рисунок. Мужчина с длинной бородой и в шляпе волшебника (то ли Нострадамус, то ли Гэндальф, решила Полли) держал над человеком в инвалидной коляске нечто похожее на детскую юлу. Эта псевдоюла отбрасывала на инвалида конус какого-то излучения, и хотя прямо в рекламе этого не

говорилось, смысл рисунка был ясен: после такого лечения больной сможет участвовать в затяжных танцевальных марафонах. Чушь полнейшая, суеверная байда для людей, которые надломились, если вообще не поехали крышей под непрерывным давлением боли или собственной беспомощности, и все же...

Полли долго рассматривала эту рекламу, и, какой бы нелепой она ни была, она всерьез задумала позвонить по номеру, указанному в рекламе, и уже даже почти сняла трубку. Потому что рано или поздно...

— Рано или поздно больной человек может обратиться к еще более сомнительным средствам, если есть хоть какая-то вероятность, что они приведут к облегчению, — сказал мистер Гонт. — Разве не так?

— Я... Я не...

— Лечение холодом... электрорукавицы... даже радиационное облучение... Разве все это вам помогло?

— Откуда вы знаете?

— Хороший продавец строит свой бизнес на знании нужд и желаний клиентов, — сказал мистер Гонт своим тихим, гипнотизирующим голосом. Он подошел к Полли и протянул ей серебряную цепочку с висюлькой-ацкой.

Полли невольно отпрянула от его рук с длинными острыми ногтями.

— Не бойтесь, милая. Я до вас не дотронусь. Если вы успокоитесь... и будете сидеть тихо.

И Полли вдруг успокоилась. И замерла неподвижно. Она скрестила перед собой руки (все еще одетые в шерстяные перчатки) и позволила мистеру Гонту надеть серебряную цепочку себе на шею. Он надел на нее цепочку, словно любящий отец — свадебный венец на голову единственной дочери. У Полли было такое чувство, как будто она сейчас где-то далеко-далеко — и от мистера Гонта, и от «Нужных вещей», от Касл-Рока и даже от себя самой. Ей представлялось, что она стоит на какой-то пыльной равнине, под безграничным небом, и на сотни миль вокруг — ни единой живой души.

Ацка тихо звякнула о молнию ее короткого кожаного пальто.

— Заправьте ее под куртку. А когда вернетесь домой, заправьте и под блузку. Ее надо носить ближе к коже, для максимального эффекта.

— Я не могу заправить ее под куртку, — вяло проговорила Полли. — Молния... Я не могу расстегнуть молнию.

— Не можете расстегнуть? А попробуйте.

Полли сняла перчатку с правой руки и попробовала согнуть большой и указательный пальцы, так чтобы схватить язычок молнии и стащить его вниз. К ее несказанному удивлению, у нее это получилось.

— Вот видите?!

Маленький серебряный шар лег ей на грудь поверх блузки. Он показался ей очень тяжелым, и это было не самое приятное ощущение. *Интересно*, рассеянно подумала Полли, *что там внутри издает этот шелест?* Мистер Гонт говорил, что это какая-то трава, но Полли казалось, что это вовсе не листья и даже не порошок. Там, внутри, что-то как будто само перекатывалось. Как живое.

Мистер Гонт, видимо, понял причину ее дискомфорта.

— Вы привыкнете, и даже раньше, чем кажется. Уж поверьте мне.

Снаружи, в тысяче миль отсюда, снова раздались сирены. Они завывали, как растревоженные духи мертвых.

Мистер Гонт повернулся, оторвав взгляд от глаз Полли, и Полли как будто очнулась. Она была несколько обескуражена, но все же чувствовала себя хорошо, как после короткого, но освежающего сна. Волнение и ощущение неудобства прошли.

— Руки все еще болят, — сказала она, и так оно и было... вот только болели они вроде бы меньше. Или ей это только казалось? Может быть, мистер Гонт владеет техникой гипноза и как-то воздействовал на сознание Полли, чтобы уговорить ее принять ацку. Хотя все могло

быть и проще: на улице было холодно, а в магазине тепло — а суставы всегда болят меньше в тепле.

— Вряд ли обещанный эффект проявляется мгновенно, — сухо проговорил мистер Гонт. — Но обещайте хотя бы попробовать. Хорошо, Полли?

Она пожала плечами.

— Хорошо.

В конце концов с нее ведь не убудет. Шарик был не настолько большой, чтобы выпячиваться из-под блузки или свитера. Ей не придется отвечать на вопросы, что у нее там такое. Никто даже не будет знать, что она носит этот кулон, а это самое главное. Потому что Розали Дрейк наверняка удивится, а Алан — суеверный не больше, чем пень, — сочтет это смешным. Что касается Нетти... ну, Нетти будет лишь благоговейно молчать, узнав, что Полли носит древний магический талисман, как те, которые продаются через ее любимый «Внутренний глаз».

— Только его нужно носить не снимая. Даже в душе, — сказал мистер Гонт. — В нем вполне можно мыться. Он из чистого серебра, и он не ржавеет.

— А если я его сниму?

Мистер Гонт деликатно кашлянул в кулак, как бы смутившись.

— Ну, благотворный эффект ацки... он как бы накапливается. Сегодня его обладателю становится лучше, завтра — еще чуть-чуть лучше, послезавтра — еще чуть-чуть, и так далее. Так мне, во всяком случае, говорили.

Кто говорил? — подумала Полли.

— Однако когда ты снимаешь ацку, ты сразу же возвращаешься к прежнему болезненному состоянию, причем именно сразу, а не постепенно. И потом, когда ты ее надеваешь, тебе нужно опять дожидаться, пока не наступит существенное улучшение.

Полли рассмеялась. Она понимала, что это невежливо, но ничего не могла с собой поделать. Однако Лиланд Гонт не обиделся. Наоборот. Он сам рассмеялся.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал он, — но я хочу лишь помочь. Вы мне верите?

— Верю, — сказала она, — и очень вам благодарна.

Но пока он провожал ее до выхода, она все-таки призадумалась. Как-то все это странно. Это непонятное состояние, близкое к трансу, в котором она пребывала, когда он повесил цепочку с ацкой ей на шею. Отвращение при одной только мысли о том, что он может к ней прикоснуться. Все это как-то не вяжется с ощущением искреннего дружелюбия, уважения и сострадания, которым он так и лучится.

Может быть, он *и вправду* ее загипнотизировал? Дурацкая мысль... но действительно ли дурацкая? Полли попыталась вспомнить, что именно она чувствовала, когда они обсуждали ацку, — и не смогла. Если он что-то такое и сделал, то скорее всего это вышло случайно, причем не без ее помощи. Наверное, она приняла слишком много перкордана, и от этого ей было сонно. Именно этот снотворный эффект больше всего раздражал ее в обезболивающих таблетках. Ходишь, словно дурная... Нет, если по правде, то *больше всего* ее раздражало, что они перестали действовать так, как должны были действовать.

— Я бы довез вас до дому, если бы водил машину, — сказал мистер Гонт. — Но я так и не научился этой премудрости.

— Ничего-ничего, — ответила Полли. — Я вам и так очень признательна.

— Давайте вы меня поблагодарите потом, если эта штука поможет, — возразил он. — Удачного вам дня.

Снова раздались сирены. Где-то в восточной части города, ближе к Элм, Уиллоу, Понд и Форд-стрит. Полли повернулась в ту сторону. Что-то в этих сиренах, и особенно в такой тихий день, навевало смутную тревогу и будило плохие предчувствия — не что-то конкретное, а так, просто предчувствия чего-то нехорошего. Вой сирен стал затихать, раскручиваясь в прозрачном осеннем воздухе, словно невидимая пружина.

Она обернулась, чтобы поделиться своими мыслями с мистером Гонтом, но дверь магазина уже закрылась. Табличка:

ЗАКРЫТО

легонько раскачивалась взад-вперед между опущенными занавесками и стеклом. Он так тихо закрыл дверь, что она даже и не заметила.

Полли медленно побрела домой. Она не успела дойти до конца Главной улицы, и тут мимо промчалась еще одна полицейская машина, теперь уже из полиции штата.

19

— Дэнфорд?

Миртл Китон вошла в дом. Она зажала котелок для фондю под левым локтем, чтобы было удобнее вытащить ключ, забытый Дэнфордом в замке.

— Дэнфорд, я дома!

Ответа не было, и телевизор был выключен. Странно, Дэнфорд ведь собирался смотреть футбол, поэтому так и спешил домой. Миртл подумала, что он мог пойти посмотреть игру у кого-нибудь в гостях, у Гарсонов, например, но ворота гаража были закрыты, то есть машина стояла внутри. А Дэнфорд никогда не ходил пешком туда, куда можно поехать на машине. Особенно тут, на Касл-Вью с ее крутыми подъемами.

— Дэнфорд, ты дома?

Ни ответа, ни привета. В столовой один стул перевернут. Нахмурившись, Миртл поставила фондю на стол и подняла стул. В сердце звякнули первые нотки тревоги. Она подошла к двери кабинета, которая оказалась закрыта. Миртл приложила ухо к двери и прислушалась. Это скрипит его стул или ей показалось?

— Дэнфорд? Ты тут?

Нет ответа, но она вроде бы услышала тихое покашливание. Легкое беспокойство переросло в тревогу. Дэнфорд в последнее время был сильно загружен — он был единственным членом управы, который работал по-настоящему, — и он весил явно больше нормы. А вдруг у него сердечный приступ? Что, если он лежит на полу, совершенно беспомощный? Что, если звуки, которые она слышала, — это вовсе не кашель, а судорожное дыхание Дэнфорда... вдруг ему не хватает воздуха?!

Чудные утро и день, которые они провели вместе, вполне могли кончиться вот таким ужасом. Это было даже закономерно: сначала восхитительное вознесение к высотам блаженства, потом — кошмарное падение. Она коснулась дверной ручки и... отдернула руку и нервно провела ладонью по подбородку. Получив пару раз взбучку, она уяснила, что *никто* не должен входить в кабинет Дэнфорда без стука... и никто никогда-никогда-*никогда* не войдет в его *святую святых* без приглашения.

Да, но если у него приступ... или... или...

Она вспомнила перевернутый стул в гостиной, и новая порция тревоги переполнила ее сердце.

А вдруг он пришел домой, а тут был грабитель? Что, если этот грабитель врезал Дэнфорду по голове, вырубил его и затащил в кабинет?

Она постучала в дверь.

— Дэнфорд? У тебя все в порядке?

Молчание. Ни звука. Только тиканье старых напольных часов в гостиной и... да, точно: скрип кресла в кабинете Дэнфорда.

Ее рука опять потянулась к дверной ручке.

— Дэнфорд, ты...

Она уже почти коснулась холодной поверхности ручки, как вдруг изнутри раздался взбешенный рев, заставивший ее с визгом отскочить назад:

— *Оставь меня в покое! Неужели это так трудно: просто оставить меня в покое?! Тупая ты сучка!*

Миртл застонала. Сердце бешено заколотилось в груди. Она испугалась, и не просто от неожиданности. В голосе мужа звучали ярость и неприкрытая ненависть. После спокойного и приятного утра и обеда вдвоем в ресторане он не мог бы обидеть ее сильнее, даже если бы искромсал ей лицо гвоздями.

— Дэнфорд... Я думала, тебе плохо... — Ее собственный голос звучал так тихо, что она сама с трудом его различала.

— *Отстань от меня!* — Судя по звуку его голоса, он стоял прямо за дверью.

О Боже, он как будто с ума сошел. Да, действительно. У него такой странный голос... Как такое возможно?! Но ведь люди не сходят с ума просто так. Значит, что-то случилось. Но что такого могло случиться за те полчаса, пока я была у Аманды?!

Ответов на эти вопросы не было. Только боль. Поэтому Миртл поднялась наверх, в комнату для шитья, достала из шкафа свою чудную новую куклу и пошла с ней в спальню. Там она скинула туфли и легла на кровать, взяв куклу на руки.

Где-то вдалеке завывали сирены. Миртл не обратила на них внимания.

В это время дня их спальня была очень красивой, полной яркого октябрьского солнца. Но Миртл этого не замечала. Она видела лишь темноту. Она чувствовала только горечь — глубокую, все затмевающую горечь, которую не могла облегчить даже красивая кукла. Эта горечь, казалось, набилась ей в легкие и мешала дышать.

Сегодня утром она была счастлива — по-настоящему счастлива. И *он* тоже был счастлив. В этом она не сомневалась. А потом вдруг все стало еще хуже, чем было. Намного хуже.

Что случилось?

Господи, что случилось и кто в этом виноват?

Миртл обняла куклу и уставилась в потолок, а потом она все же не выдержала и разрыдалась.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

До конца этого долгого октябрьского воскресенья оставалось всего сорок пять минут. Дверь подвала правительственного корпуса больницы Кеннебек-Вэлли отворилась, и оттуда вышел шериф Алан Пангборн. Он шел, низко опустив голову и еле передвигая ноги. Его ботинки, обтянутые полиэтиленовыми больничными бахилами, шаркали по линолеуму. Дверь у него за спиной захлопнулась. На двери было написано:

МОРГ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

В другом конце коридора уборщик в сером комбинезоне медленно и лениво полировал пол электрическим полотером. Алан подошел к нему, снимая на ходу больничную шапочку. Задрав зеленый больничный халат, он запихнул шапочку в задний карман джинсов. Мягкий шорох щеток навевал на него сон. Если бы у него был выбор, он бы ни за что не приехал в эту больницу в Августе по собственной воле.

Уборщик заметил Алана и выключил свой агрегат.

— Друг, ты что-то хреново выглядишь, — сказал он вместо приветствия.

— И неудивительно. Закурить не найдется?

Уборщик достал из нагрудного кармана пачку «Лаки Страйк» и вытряс одну сигарету.

— Только здесь не курят, — сказал он, взглянув в сторону морга. — Док Райан не разрешает.

Алан кивнул:

— А где тогда?

Уборщик провел его за угол и показал на дверь примерно посередине коридора.

— Она ведет к аллее за больницей. Подопри ее чем-нибудь, чтобы не захлопнулась, а то придется все здание обходить. Спички есть?

Алан пошел по коридору.

— У меня зажигалка. Спасибо за курево.

— Я слышал, сегодня вроде как была двойная работка, — крикнул уборщик ему вслед.

— Ага, — ответил Алан, не оборачиваясь.

— Дерьмовая работенка все эти вскрытия...

— Да, — согласился Алан.

У *него за спиной* снова раздалось мягкое жужжание полотера. Дерьмовая работенка, очень верно подмечено. Вскрытие Нетти Кобб и Вильмы Ержик было двадцать третьим и двадцать четвертым по счету в его полицейской карьере. Все они были паршивыми, надо сказать, но *эти* два пока что держали безоговорочную пальму первенства по дерьмовости.

Дверь, которую указал ему уборщик, оказалась пожарным выходом, оборудованным аварийной задвижкой. Алан поискал, чем бы ее подоткнуть, но не нашел ничего подходящего. В итоге он стащил с себя зеленый больничный халат, скомкал его и открыл дверь. Ночной воздух ворвался внутрь, холодный, но невероятно свежий после застоявшегося спирто-формалинового запаха морга и палаты для вскрытия. Алан подложил под дверь скомканный халат и шагнул наружу. Он осторожно прикрыл дверь, убедился, что комок прорезиненной ткани не даст двери захлопнуться. Потом он прислонился к стене рядом с тонкой полоской света, пробивавшегося через дверную щель, и закурил.

От первой затяжки он сразу поплыл. Уже два года Алан пытался бросить курить и почти добивался успеха. А потом что-то случалось. В этом благословение и проклятие полицейской работы: всегда что-то случается.

Алан посмотрел на звезды — обычно это его успокаивало, — но увидел лишь несколько штук. Мешали яркие фонари, окружавшие здания. Он сумел различить только Большую Медведицу, Ориона и мерцающую красноватую точку, наверное, Марс.

Марс, подумал он. *Точно. Без сомнения, это он. Около полудня захватчики с Марса высадились в Касл-Роке, и пер-*

выми, кто им встретился из землян, были Нетти и сучка Ержик. Инопланетяне их покусали и заразили бешенством. Это единственное разумное объяснение.

Он подумал, а может, пойти и сказать Генри Райану, главному патологоанатому штата Мэн: «Док, это было вторжение пришельцев. Дело закрыто». Вряд ли Райана это развеселит. Для него эта ночь тоже была не из самых приятных.

Алан глубоко затянулся. Вкус был просто бесподобный, и не важно — плывешь ты или нет. Теперь он понял, почему во всех медицинских учреждениях Америки запрещено курение. Джон Кельвин был на сто процентов прав: штука, которая доставляет такое божественное удовольствие, просто по определению не может быть полезной. Но это вообще, а пока что: эй, кочегар, поддай никотину, чтобы мне стало совсем хорошо!

Он отстраненно подумал о том, как круто было бы купить целый блок тех же самых «страйков», оторвать с обоих краев крышки и поджечь все это безобразие газовой горелкой. А еще лучше было бы надраться. Хотя как раз сейчас напиваться не стоит. Еще один закон подлости: *Когда тебе* нужно *напиться, ты не можешь себе этого позволить. Хорошо алкоголикам*, мрачно подумал Алан, *хотят — пьют, и не хотят — тоже пьют. Красота.*

Узкая щелочка света вдруг выросла в полосу. Алан поднял глаза и увидел Норриса Риджвика. Норрис вышел наружу и прислонился к стене с другой стороны двери. На нем все еще была зеленая шапочка, только она сбилась набок. Цвет лица Норриса соответствовал цвету халата.

— Боже мой, Алан.

— Они у тебя первые?

— Нет, я был на вскрытии, когда учился в Уиндхеме. Отравление дымом. Но эти... Господи, Алан.

— Да, — кивнул он и выдохнул дым. — Именно, Господи.

— У тебя есть еще сигарета?

— Нет, извини. Я и эту стрельнул у уборщика. — Алан посмотрел на помощника с легким недоумением. — Я не знал, что ты куришь.

— Я не курю. Но уже думаю, может, начать?

Алан усмехнулся.

— Я жду не дождусь завтрашней рыбалки. Или, когда что-то такое случается, выходные тоже летят к чертям?

Алан подумал и покачал головой. На самом деле никаких пришельцев с Марса не было; дело казалось донельзя простым. И как раз из-за этого оно и было таким ужасным. Но это еще не причина лишать Норриса заслуженных выходных.

— Здорово, — сказал Норрис и тут же добавил: — Но если ты скажешь, Алан, я выйду на работу. Без проблем.

— Да справимся, Норрис. Джон и Клат предоставили мне полный отчет. Клат с ребятами из угрозыска разговаривали с Питом Ержиком, а Джон с другой группой разбирались с Нетти. Они и друг с другом держали связь. Дело вполне очевидно. Страшно, но очевидно.

И именно это его и смущало. Где-то в глубине души — в самой глубине — он чувствовал какую-то фальшь.

— Так что там у них случилось? Я имею в виду, эта сучка Ержик напрашивалась уже не один год, но я думал, что в случае если кто-то в итоге не сможет сдержаться, все ограничится фонарем под глазом или, самое страшное, сломанной рукой... но *такое*. Может, она просто вцепилась не в того человека?

— Это похоже на правду, — сказал Алан. — Вильма совершила большую ошибку. Затевать войну с Нетти...

— Войну?

— Прошлой весной Полли подарила Нетти щенка. Вначале он лаял. Ну так, как и все щенки... Никто из соседей не жаловался. Только Вильма развонялась по этому поводу.

— Правда? Но я что-то не помню, чтобы были какие-то жалобы...

— Она подала официальную жалобу только раз. Я сам ее принял, по просьбе Полли. Она чувствовала себя отчасти ответственной, потому что это она подарила щенка. Нетти сказала, что постарается держать его в доме, и на этом все закончилось. Для меня. Собака больше не лаяла, но Вильма продолжала крыситься на Нетти. Полли говорит, что Нетти, завидев Вильму, переходила на другую сторону улицы, даже если та была в двух кварталах. В общем, Нетти боялась Вильму. Только что не крестилась и не носила амулеты от дурного глаза. А на прошлой неделе на нее что-то нашло. Наверное, нервы не выдержали. Когда Пит и Вильма были на работе, она пришла к ним и заляпала грязью висевшее во дворе белье.

Норрис присвистнул.

— А *эту* жалобу мы получали?

Алан покачал головой.

— Больше не было никаких жалоб. Дамочки предпочли решить все между собой.

— А Пит Ержик?

— Ты что, Пита не знаешь?

— Ну... — Норрис запнулся. Подумал о Пите. Подумал о Вильме. Подумал о них обоих. Медленно кивнул. — Пит боялся, что, если он начнет изображать из себя рефери, Вильма сожрет его с потрохами... и поэтому стоял в стороне. Правильно?

— Вроде того. Вообще-то он поначалу вмешался... ну вроде как утихомирил Вильму. Клат говорит, Пит рассказывал, что Вильма намеревалась бежать к Нетти сразу, как только увидела простыни. Она была готова к бою. Предварительно она позвонила Нетти и заявила, что оторвет ей голову и насрет на освободившееся место.

Норрис кивнул. Между вскрытием Вильмы и вскрытием Нетти он позвонил в диспетчерскую полицейского управления и запросил список жалоб на каждую из женщин. Список Нетти был коротким: всего один пункт. Она сломалась и убила своего мужа. Финита ля комедия. Ни-

каких «заслуг» ни до, ни после, включая последние несколько лет после возвращения из клиники. С Вильмой — совсем другой компот. Она никого не убивала, но список жалоб — на нее и от нее — был длиннющим, начиная еще со времен ее учебы в старших классах школы, когда она дала в глаз подменяющей учительнице за то, что та ее наказала. Также было два случая, когда обеспокоенные женщины, имевшие несчастье попасть в черный список Вильмы, попросили защиты у полиции. За эти годы Вильму обвиняли в трех нападениях. В итоге все обвинения были сняты, но нетрудно понять, что никто в здравом уме и трезвой памяти не стал бы связываться с Вильмой Ержик.

— Да. Хуже варианта придумать трудно, — пробормотал Норрис.

— Это и есть самый худший.

— А как муж ее отговорил?

— *Он не* отговаривал, он сделал лучше. Он сказал Клату, что подбросил ей в чай две таблетки занакса и этим чуть выпустил пар. Ержик говорит, что думал, что этим все и ограничится. То есть на следующий день Вильма вроде как успокоилась.

— Алан, ты ему веришь?

— Да... насколько вообще можно верить человеку, не переговорив с ним лично.

— А что это он ей подсыпал? Какую-нибудь наркоту?

— Транквилизатор. Ержик сказал, что он уже пару раз прибегал к этому способу и что Вильма всегда успокаивалась. Он думал, что и на этот раз помогло.

— А оно не помогло.

— Да, но вначале подействовало. Вильма же не поскакала кусать Нетти за задницу. Но я уверен, что она продолжала оскорблять Нетти и пугать ее; этот способ она обкатала, когда скандалила из-за собаки. Пару раз позвонить. Пару раз проехаться мимо дома. Нетти была впечатлительной женщиной. Подобные вещи ее нервировали. Джон Лапуант и те следователи, к которым я его прико-

мандировал, сегодня переговорили с Полли. Полли говорит, что Нетти была чем-то встревожена. Она утром заходила к Полли и что-то такое сказала... очень неопределенное. Полли тогда не поняла. — Алан вздохнул. — Сейчас она очень жалеет, что была невнимательна.

— А как Полли это перенесла?

— Вроде нормально. — Он дважды звонил ей сегодня, один раз из дома рядом с местом происшествия, другой — уже из госпиталя. Оба раза ее голос звучал спокойно, но под внешней маской спокойствия и самообладания чувствовались и слезы, и растерянность. Алан почти не удивился, когда во время первого звонка выяснилось, что она уже знала практически все: новости — и особенно плохие новости — в маленьких городках распространяются быстро.

— И что же вызвало большой взрыв?

Алан удивленно взглянул на Норриса, но потом понял, что тот еще не в курсе. Алан получил более или менее подробный отчет от Джона Лапуанта в перерыве между двумя вскрытиями, а Норрис в это время говорил с Шейлой Брайхем по другому телефону.

— Одна из них решила поторопить события, — сказал Алан. — По-моему, это была Вильма, но детали пока неясны. Предположительно Вильма сегодня утром заявилась к Нетти домой, пока та была у Полли. Нетти не заперла дверь или как следует не захлопнула, и ее распахнуло ветром... ты же знаешь, какой сегодня был ветер.

— О да!

— Вильма, возможно, хотела просто проехаться мимо дома Нетти, чтобы напомнить о себе. Но заметила открытую дверь и решила, скажем так, усугубить. Может, все было и *не совсем* так, но похоже на правду.

Как только Алан произнес это вслух, он понял, что это ложь. Это было *совсем не похоже* на правду, вот в чем проблема. *Должно было* быть правдой, он *хотел*, чтобы это была правда, но... Его больше всего донимало, что причин для сомнений практически не было, по крайней мере та-

ких, в которые можно ткнуть пальцем. Разве что его удивляло, что Нетти вдруг повела себя так беззаботно и не только не заперла дверь, но даже не прикрыла ее за собой. И это при том, что она *так* боялась Вильму. Но одного этого было мало. Этого было мало, потому что в голове у Нетти не все шестеренки крутились, как надо, и поэтому нельзя было предполагать, что такой человек может сделать, а чего не может. И все же...

— И что Вильма сделала? — спросил Норрис. — Разнесла все в доме?

— Убила Неттиного пса.

— *ЧТО?!*

— Что слышал.

— Господи! Вот же *сука!*

— Ну, это мы знали и раньше, правильно?

— Да, но все же...

Ну вот, опять это *все же*. Пусть даже от Норриса Ридживика, который даже после стольких лет работы заполнял по меньшей мере двадцать процентов своих отчетов именно этой сакраментальной фразой: *Да, но все же...*

— Проткнула швейцарским армейским ножом. Штопором. А под штопор подсунула записку, что, мол, это месть за ее поруганные простыни. Потом Нетти пришла к Вильме с грудой камней. Она завернула их в листки бумаги и перетянула резиновыми кольцами. На листках было написано, что эти камни — ее последнее предупреждение. Она высадила ими все окна на первом этаже в доме у Ержиков.

— Матерь Божья, — прошептал Норрис не без доли восхищения.

— Около десяти тридцати Ержики ушли на одиннадцатичасовую мессу. После мессы пообедали у Пуласки. Пит Ержик остался в гостях смотреть футбол с Джейком Пуласки, так что на этот раз у него не было даже возможности попытаться остудить Вильмин пыл.

— А на углу они встретились случайно?

— Сомневаюсь. Скорее всего Вильма пришла домой, увидела разрушения и позвонила Нетти.

— Ты думаешь, это была вроде как дуэль?

— Что-то типа того.

Норрис присвистнул. Потом он какое-то время молчал, стиснув руки за спиной и глядя в темноту.

— Алан, а почему мы вообще должны присутствовать на этих треклятых вскрытиях? — спросил он наконец.

— Наверное, так положено по правилам, — сказал Алан, но тут было и что-то еще... по крайней мере для него. Когда дело кажется запутанным и непонятным (а сейчас был именно такой случай, несмотря на его кажущуюся простоту), во время вскрытия могут проясниться кое-какие детали, которые столкнут твои мысли с нейтралки — желательно, не на заднюю передачу, — и тогда, может быть, найдется хоть бы какая-нибудь зацепка. А будет крючок, так хоть шляпу повесишь.

— Тогда, видимо, пришло время нанять специального офицера на должность соблюдателя правил, — проворчал Норрис, и Алан рассмеялся.

Впрочем, *внутри* ему было совсем не смешно, и не только потому, что ближайшие дни будут очень трудными для Полли. Что-то в этом деле было не так. Вроде снаружи все ясно, но в глубине, где обитает инстинкт (а зачастую и прячется так, что его не найдешь), пришельцы с Марса казались Алану более логичным объяснением.

Да ладно, хватит тебе! Ты же только что Норрису разложил все по полочкам, от А до Я, уложившись в пару затяжек!

Да, разложил. И это тоже его беспокоило. Две женщины — одна с неустойчивой психикой, а другая насквозь пропитанная злобой — встретились на углу улицы и порезали друг друга на ремни, как парочка удолбанных в дым наркоманов... и причина настолько проста?!

Алан не знал, что и думать. А посему он щелчком отбросил окурок и начал прокручивать все в голове по новой.

2

Для Алана все началось со звонка Энди Клаттербака. Он только что выключил телевизор (смотрел начало игры «Патриотс» — «Джетс»: «Патриоты» продували, касание земли и гол с поля, и как раз начиналась вторая четверть) и уже надевал пальто, когда раздался звонок. Алан собирался сходить в «Нужные вещи» и поговорить с мистером Гонтом. Не исключено, что там бы он встретился с Полли. Но звонок Клата изменил его планы.

Вот что сказал ему Клат: когда он вернулся с обеда, Эдди Варбертон сидел на телефоне. В районе «древесных улиц»* поднялась какая-то суматоха. Какая-то женская драка. Эдди попросил Клата позвонить шерифу и поставить его в известность.

— А какого хрена, вообще, Эдди Варбертон вдруг стал отвечать на звонки в нашем офисе? — раздраженно спросил Алан.

— Ну, может быть, он увидел, что в диспетчерской никого нет, и решил...

— Он не хуже других знает правила. Когда в диспетчерской никого нет, то все звонки принимаются на автоответчик.

— Я не знаю, почему он взял трубку, — сказал Клат с плохо скрываемым нетерпением. — Сейчас важно не это. Второй звонок о том же происшествии был четыре минуты назад, я еще говорил с Эдди. Звонила старушка. Имени не назвала. То ли была слишком взволнованна, то ли не захотела. Так или иначе, она говорит, что на углу Форд и Уиллоу происходит серьезная драка. Две женщины. Говорит: с ножами. И они все еще там.

— Все еще дерутся?

— Нет, лежат. Обе. Бой окончен.

---

*Игра слов. Названия улиц — Элм-стрит, Уиллоу-стрит — переводятся как улица Вязов, улица Ив.

— Хорошо. — Мысли Алана неслись все быстрее и быстрее, как экспресс, набирающий скорость. — Ты зарегистрировал звонок?

— Обижаешь, начальник.

— Ладно. Сегодня Ситон дежурит, так? Отправляй его туда.

— Уже отправил.

— Молодец. Теперь звони в полицию штата.

— Следаков вызывать?

— Пока не надо. Просто доложи, объясни, что и как. Я скоро подъеду.

Добравшись до места преступления и увидев масштаб разрушений, Алан тут же вызвал по рации Оксфордскую штаб-квартиру полиции штата и попросил их срочно прислать следственную группу... или две, если есть возможность. К тому времени Клат и Ситон стояли спиной к распростертым телам и, расставив руки, уговаривали толпу разойтись по домам. Подъехал Норрис, присмотрелся и вынул из багажника ролик желтой ленты с надписью МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. На ней лежал толстый слой пыли, и Норрис сказал Алану, что не уверен, что лента вообще будет клеиться — такая она старая.

Лента все-таки клеилась. Норрис протянул ее по стволам дубов, сформировав большой треугольник вокруг двух женщин, как бы обнявшихся под столбом дорожного знака. Зеваки не разошлись, хотя и отступили подальше. Сначала их было около пятидесяти, но их число неуклонно росло по мере того, как звонки по телефону и «черезаборная голосовая почта» делали свое дело. Энди Клаттербак и Ситон Томас уже были готовы вытащить пушки и палить в воздух. И Алан их понимал.

В штате Мэн расследованием убийств занимается следственный уголовный отдел полиции штата, и самое страшное время для полиции маленьких городов — это как раз промежуток между обнаружением преступления и приез-

дом следственной группы. Местные полицейские прекрасно знают, что именно в это время так называемая цепь улик почти всегда оказывается разорванной. А еще они знали, что каждое их движение в этот период времени будет тщательно рассмотрено досужими наблюдателями, большинство из которых судейские или прокурорские работники, считающие, что полицейские в маленьких городах и даже в округах — сплошь и рядом необразованные деревенские мужланы с сальными рожами и пальцами, как сосиски.

К тому же безмолвные кучки людей, топчущиеся на газонах по всей улице, выглядели страшновато. Они напоминали Алану зомби из «Рассвета мертвецов».

Он взял мегафон с заднего сиденья своей машины и наорал на зевак, чтобы те расходились по домам. Это подействовало. Еще раз прокрутив в голове правила поведения в такой ситуации, он запросил по рации диспетчерскую. Ему ответила Сандра Макмиллан. Она была не такой надежной, как Шейла Брайхем, но выбирать не приходилось... Однако Алан предполагал, что Шейла все равно узнает о происшедшем и скоро появится. Если и не из чувства долга, то из любопытства — уж точно.

Алан попросил Сэнди найти Рэя Ван Аллена. Рэй был по совместительству местным судмедэкспертом — да и коронером тоже, — поэтому Алан хотел, чтобы к приезду следователей из полиции штата Ван Аллен тоже был здесь. По возможности.

— Вас поняла, шериф, — важно сказала Сэнди. — Обстановка спокойная.

Алан вернулся к своим помощникам.

— Кто из вас установил факт смерти?

Его сердце упало, когда Клат и Сит Томас с мрачным удивлением уставились друг на друга. Один-ноль в пользу «доброжелателей». Или нет? Следователи еще не прибыли, хотя сирены их машин уже были слышны. Алан нырнул под желтую ленту и подошел к дорожному знаку,

ступая на цыпочках, как ребенок, который пытается улизнуть из дому после отбоя.

Свернувшаяся кровь скопилась в основном между двумя телами и забитой опавшими листьями канавой, но щедрая россыпь бордовых капель — криминалисты называют это «обратной струей» — образовала вокруг них довольно правильный круг. Алан опустился на одно колено на самой границе этого круга, вытянул руку и обнаружил, что может дотронуться до трупов — что это именно трупы, он, разумеется, не сомневался, — но только в том случае, если максимально наклонится вперед, практически на грани потери равновесия.

Он взглянул на Норриса, Сита и Клата. Они сбились в кучку и таращились на него квадратными глазами.

— Сфотографируйте меня, — сказал он.

Клат с Ситоном тупо уставились на него, как будто он попросил заказать пиццу, зато Норрис сбегал к машине Алана и вернулся со стареньким «Полароидом», предназначенным для фотосъемки на местах преступлений. На будущей встрече комиссии по ассигнованиями Алан собирался выбить для управления хотя бы один новый нормальный фотоаппарат, но сейчас это собрание представлялось ему почему-то не слишком значительным.

Норрис включил «Полароид», навел его на Алана и нажал кнопку. Тихонько взвизгнул моторчик.

— Сними еще раз, на всякий случай, — попросил Алан. — И так, чтобы тела тоже влезли. Я не хочу, чтобы эти ребята потом говорили, что мы разрушили цепь улик.

Норрис сделал еще один снимок, запечатлевший положение тел у дорожного знака и подтверждающий, что Алан находился вне круга растекшейся крови. Потом Алан вновь наклонился вперед и приложил пальцы к залитой кровью шее женщины, лежавшей сверху. Пульса, естественно, не было, но от этого легкого прикосновения ее голова соскользнула со столба и свесилась набок. Алан узнал Нетти и сразу подумал о Полли.

И еще он подумал: *О Боже.* Потом он проверил пульс Вильмы, хотя это было излишне — достаточно было взглянуть на раскроенный череп и засевший в нем тесак. Ее щеки и лоб были покрыты крошечными пятнышками крови, похожими на татуировки полинезийских туземцев.

Алан встал и вернулся к живым — по ту сторону желтой ленты. Он все думал о Полли, хотя и понимал, что так нельзя. Если он хочет по-настоящему разобраться с этим делом, нужно выкинуть из головы все, что к нему не относится. Интересно, узнал ли кто-нибудь из зевак Нетти Кобб? Если да, то Полли узнает о происшедшем еще до того, как он успеет ей позвонить. Он очень надеялся, что ей не придет в голову заявиться сюда самой.

Сейчас не об этом надо волноваться, напомнил он себе. *У тебя тут двойное убийство, судя по всему.*

— Доставай блокнот, — сказал он Норрису. — Будешь за секретаря.

— Черт возьми, Алан, ты же знаешь мой почерк.

— Не важно, записывай.

Норрис всучил «Полароид» Клату и достал из заднего кармана записную книжку. Вместе с ней выпала пачка бланков предупреждения о нарушении правил дорожного движения с его факсимильной подписью, пропечатанной внизу. Норрис нагнулся, подобрал ее и машинально убрал обратно в карман.

— Я хочу, чтобы ты отметил, что голова женщины, лежащей сверху, назовем ее предполагаемой жертвой № 1, упиралась в столб. Я непреднамеренно сдвинул ее, проверяя пульс.

Как легко сбиться на полицейский язык, подумал Алан, *язык, на котором машины становятся «автомобилями», воришки — «незаконно проникшими в жилое помещение», а мертвые горожане — «предполагаемыми жертвами». Полицейский язык — как скользкая стена из стекла.*

Он повернулся к Клату и попросил его сфотографировать новое положение тел, очень довольный тем, что

зафиксировал первоначальное их положение до того, как прикоснулся к ним.

Он опять обратился к Норрису:

— Запиши еще, что когда голова жертвы № 1 поменяла свое положение, я ее опознал как Нетишию Кобб.

Ситон присвистнул.

— Так это что, *Нетти?*

— Да. Это она.

Норрис закончил писать и спросил:

— И что нам теперь делать, Алан?

— Дожидаться криминалистов и сохранять бодрый работоспособный вид, — отозвался Алан.

Через три минуты к месту происшествия на двух машинах подъехала следственная группа; сразу за ними подрулил Рэй Ван Аллен на своей развалюхе «субару». Еще через пять минут появились ребята из полиции штата в синем микроавтобусе, причем все как один, выбравшись из машины, задымили сигарами. Алан ни капельки не удивился. Тела еще не остыли, и дело происходило на открытом воздухе, но сигарный ритуал оставался неизменным.

Началась неприятная работа, именуемая на полицейском языке «зачисткой места преступления». Она продолжалась до темноты. Алану уже приходилось работать с Генри Пейтоном, начальником Оксфордского отделения полиции штата (который номинально возглавлял это дело, а также следственную группу из уголовного отдела). Генри был трудягой, к тому же трудягой дотошным, причем при полном отсутствии воображения. Но на него можно было положиться, и поэтому Алан счел возможным дать себе краткую передышку и пошел звонить Полли.

Вернувшись, он обнаружил, что на руки трупов уже надели полиэтиленовые мешки. У Вильмы Ержик с ноги спала туфля, и ее оголившуюся ступню тоже упаковали в мешок. Криминалисты сделали больше трехсот фотоснимков. К тому времени подъехали еще люди из полиции штата. Часть из них сдерживала толпу, которая старалась

прорваться поближе, остальные теснили телевизионщиков. Полицейский художник делал быстрые зарисовки схемы места преступления. В конце концов занялись и самими телами. С ними «расправились» быстро. Осталась всего одна процедура, самая неприятная. Пейтон вручил Алану пару одноразовых хирургических перчаток и пластиковый пакет для улик.

— Нож или тесак?

— Тесак, — сказал Алан. Из двух зол лучше выбрать меньшее. Правда, зло, погруженное в мозги Вильмы Ежик, вряд ли можно считать меньшим; но он не хотел дотрагиваться до Нетти. Она ему нравилась.

Наконец орудия преступления были извлечены, должным образом зарегистрированы, упакованы и отправлены в Августу, и обе группы приступили к обследованию территории вокруг тел, все еще распластанных в последнем объятии и обрамленных рамочкой из запекшейся крови, похожей на красно-коричневую эмаль. Когда Рэй Ван Аллен наконец разрешил перенести их в машину «скорой», санитарам сначала пришлось отрывать Нетти от Вильмы.

Почти все это время полиция Касл-Рока стояла чуть поодаль, чувствуя себя чужими на этом празднике жизни.

Когда завораживающий балет под названием «Осмотр места происшествия» уже подходил к концу, Генри Пейтон присоединился к Алану, стоявшему в стороне.

— Не самый приятный способ провести воскресенье, — заметил он.

Алан кивнул.

— Да еще голова эта сдвинулась... Не повезло тебе, одно слово.

Алан кивнул еще раз.

— Но я не думаю, что кто-то будет тебя доставать. Как минимум один снимок первоначального положения ты сделал. — Он посмотрел на Норриса, который разговаривал с Клатом и только что подъехавшим Джоном Лапуан-

том. — Тебе еще повезло, что парнишка не закрыл пальцами объектив.

— Не, Норрис бы не закрыл.

— Ну-ну. Да в общем-то и так все ясно.

Алан согласился. В этом-то и была проблема: он почувствовал это еще тогда, задолго до того, как они с Норрисом завершили свое воскресное дежурство в аллее за больницей Кеннебек-Вэлли. Все было *слишком* ясно и просто.

— Пойдешь на вскрытие? — спросил Генри.

— Да. А кто проведет вскрытие, Райан?

— Насколько я понял.

— Я возьму с собой Норриса. Вначале тела повезут в Оксфорд?

— Ага. Там мы их регистрируем.

— Если мы с Норрисом выедем прямо сейчас, то приедем в Августу раньше?

Генри Пейтон кивнул:

— Ага.

— Я хочу послать с каждой следственной группой по одному своему человеку. В качестве наблюдателей. Это можно устроить?

Пейтон помолчал, обдумывая просьбу Алана.

— Стоп, а кто будет тут охранять закон и порядок? Старик Сит Томас?

Алан почувствовал прилив бешенства, который трудно было бы отнести на счет обычного раздражения. День был длинный, и Алан выслушал от Генри уже достаточно «теплых слов» в адрес своих помощников... но собачиться с Генри не стоило, потому что это дело номинально числилось в ведении полиции штата, и главным по делу был именно Генри. Так что Алан прикусил язык.

— Да ладно тебе, Генри. Воскресенье, вечер. Даже «Подвыпивший тигр» закрыт.

— А что это ты так вцепился-то в это дело? Тут что, что-нибудь *этакое* имеется, чего я не знаю? По-моему,

здесь все просто: между дамочками случилось недоразумение, а та, что сверху, уже один раз кого-то кокнула. И не просто кого-то, а любимого муженька.

Алан секунду подумал.

— Да нет, ничего *этакого*. По крайней мере о чем бы я знал. Вот только...

— В голове не укладывается?

— Ну, что-то вроде.

— Ладно. Можешь отправить с нашими своих людей, но только чтобы они молчали и не путались под ногами.

Алан улыбнулся. Он подумал, что, может быть, стоит сказать Пейтону, что даже если бы он приказал Клату и Джону Лапуанту принять самое деятельное участие в расследовании, они скорее всего постарались бы «откосить» от подобной чести, но решил, что не стоит.

— Они будут молчать, — сказал он только. — Можешь не сомневаться.

3

И вот они с Риджвиком стоят в темноте, под конец самого долгого воскресенья за всю историю человечества. Но он все же закончился, этот день. И сегодня закончилось кое-что еще: жизни Нетти и Вильмы.

— Ночевать будем в мотеле? — нерешительно спросил Норрис. Алан не умел читать мысли, но он и так понял, о чем думал Норрис *на самом деле*: завтрашняя рыбалка накрывается медным тазом.

— Зачем? — Алан нагнулся и подобрал халат, подпиравший дверь. — Ноги в руки — и вперед.

— Ага, — энергично кивнул Норрис. Впервые с момента их встречи на месте преступления он выглядел счастливым.

Через пять минут они уже ехали в Касл-Рок по шоссе № 43, буравя ночную тьму светом фар. Когда они приехали домой, понедельнику было уже три часа от роду.

4

Алан остановил машину перед зданием муниципалитета. Его фургончик был припаркован рядом со стареньким «фольксвагеном»-«жуком» Норриса в дальнем конце стоянки.

— Ты прямо домой? — спросил он Норриса.

Норрис смущенно улыбнулся и опустил глаза.

— Сейчас только переоденусь в гражданку.

— Норрис, сколько раз я тебя просил не использовать туалет в качестве раздевалки?

— Да ладно тебе, Алан... я же не каждый день...

Однако они оба знали, что именно *каждый день*.

Алан вздохнул:

— Ладно уж. Денек у нас тот еще выдался. Извини.

Норрис пожал плечами.

— Что ж ты хочешь — убийство. Не каждый день такое случается. Но уж если случается, тут, наверное, всех цепляет.

— Скажи Сэнди или Шейле, если кто-то из них еще в офисе, чтобы записали тебе сверхурочные.

— И чтобы мне Бастер потом всю печенку выел? — невесело усмехнулся Норрис. — Нет уж, спасибо, я пас. Обойдусь как-нибудь.

— Он опять тебя доставал? — За последние пару дней Алан совсем забыл о главе городской управы.

— Нет, но при встрече таким взглядом одаривает, что... Если бы взглядом можно было убить, я сейчас был бы мертвее Нетти с Вильмой, вместе взятых.

— Завтра я сам запишу тебе сверхурочные.

— Ну, если там будет твое имя, тогда все нормально. — Норрис шагнул к двери с надписью СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД. — Спокойной ночи, Алан.

— Удачной рыбалки.

Норрис расцвел:

— Спасибо. Ты бы видел, какую удочку я купил в этом новом магазине. Потрясающая штука.

Алан ухмыльнулся:

— Верю, верю. Я все собираюсь повидаться с этим парнем... похоже, что у него есть для каждого что-нибудь интересное, так, может, и для меня что найдется?

— Почему бы и нет? — согласился Норрис. — У него много чего интересного. Так что стоит взглянуть.

— Спокойной ночи, Норрис. И еще раз спасибо.

— Не за что, — отмахнулся Норрис, но ему явно понравилось, что Алан его поблагодарил.

Алан сел в свою машину, выехал со стоянки и вырулил на Главную улицу. Он машинально приглядывался к домам по обе стороны дороги, не только запоминая увиденное, но и делая выводы. Например, он увидел свет в жилом помещении «Нужных вещей». Местные уже давно все спят. Может быть, мистер Гонт страдает бессонницей? Надо ему позвонить, напомнил себе Алан, но это пока подождет, вначале нужно завершить скорбные процедуры, связанные с Нетти и Вильмой.

Он добрался до угла Главной и Лорель, включил левый поворотник, но на перекрестке нажал на тормоз и повернул направо. Ему не хотелось домой — в это пустое, холодное место?! В этом доме теперь слишком много запертых дверей, за которыми прячется слишком много воспоминаний. А на другом конце города есть живая женщина, которая, может быть, именно сейчас отчаянно в нем нуждается. Может быть, почти так же, как сам Алан — тоже живой мужчина — нуждается в ней.

Через пять минут Алан выключил фары и тихо подкатил к дому Полли. Дверь, конечно, будет заперта, но он знал, под каким углом коврика лежит ключ.

5

— А ты что тут делаешь до сих пор? — Норрис вошел в офис, развязывая на ходу галстук.

Сандра Макмиллан, блеклая блондинка, уже лет двадцать работавшая диспетчером на полставки на этом участке, как раз надевала пальто. Вид у нее был усталый.

— Шейла купила билеты на концерт Билла Косби в Портленде, — сказала она. — Она хотела остаться, но я ее выгнала... вытолкала чуть ли не силой. Ну правда, не так уж часто Билл Косби бывает в Мэне.

А как часто две женщины решают пустить друг дружку на фарш из-за собаки, взятой из окружного приюта? — подумал Норрис... но вслух этого не сказал.

— Не часто, наверное.

— Я такого вообще не припомню. — Сэнди тяжко вздохнула. — Скажу тебе по секрету... теперь, когда все закончилось, я почти жалею о том, что не согласилась, когда Шейла хотела остаться. Сегодня тут был сумасшедший дом. Из телекомпаний штата звонили чуть ли не по десять раз, и до одиннадцати часов контора была похожа на супермаркет в новогоднюю распродажу.

— Ладно, иди домой. Я тебе разрешаю. Ты включила Паршивца?

Паршивцем они называли машину, которая переводила звонки к Алану домой, когда в диспетчерской никого не было. Если после четырех звонков Алан не брал трубку, Паршивец говорил звонившему, чтобы тот звонил в Оксфорд, в полицию штата. Конечно, такая система не годилась бы для большого города, но в округе Касл, самом малонаселенном из всех шестнадцати округов Мэна, она вполне себя оправдывала.

— Включила.

— Хорошо. Мне почему-то кажется, что Алан еще очень не скоро окажется дома.

Сэнди понимающе прищурилась.

— От лейтенанта Пейтона что-нибудь слышно? — спросил Норрис.

— Ни слова. — Она запнулась. — Норрис, это было очень ужасно? Я про этих женщин.

— Еще бы, приятного мало, — согласился он.

Его одежда висела на вешалке, зацепленной за ручку картотеки. Он взял вешалку и пошел к туалету. За последние три года у него вошло в привычку переодеваться в мужском туалете.

— Иди домой, Сэнди, я сам все закрою.

Он толкнул дверь туалета и повесил вешалку на дверцу кабинки. Уже расстегивая форму, Норрис услышал легкий стук в дверь.

— Норрис? — позвала Сэнди.

— Да здесь в общем-то больше и нет никого, — отозвался он.

— Чуть не забыла. Тебе кто-то подарок принес. У тебя на столе лежит.

Рука Норриса застыла на молнии брюк.

— Подарок? От кого?

— Не знаю. Говорю же, тут был сумасшедший дом. Но там есть карточка. И такой симпатичный бантик. Наверное, от какой-нибудь тайной поклонницы.

— Ага. Такой тайной, что даже я о ней ничего не знаю, — с наигранной горечью проговорил Норрис. Он снял брюки, повесил их на ручку двери и стал натягивать джинсы.

Стоявшая за дверью Сэнди Макмиллан недобро усмехнулась.

— Сегодня еще заходил мистер Китон, — сказал она. — Может, это от него подарок. Вроде признания в любви.

Норрис засмеялся:

— Да, это было бы нечто.

— В общем, завтра расскажешь, я умираю от любопытства. Внушительный сверток. Спокойной ночи, Норрис.

— Спокойной ночи.

Что еще за подарок? — призадумался он, застегивая ширинку.

6

Сэнди вышла на улицу и сразу же подняла воротник пальто. Было ужасно холодно. Впрочем, оно и понятно: зима уже не за горами. Синди Роуз Мартин, адвокатская

жена, была среди многочисленных «гостей», заходивших сегодня в участок. Сэнди не сказала об этом Норрису; он не входил в избранный круг общения семейства Мартинов. Синди Роуз сказала, что ищет мужа, что показалось Сэнди вполне логичным (хотя вокруг царил такой бедлам, что Сэнди, наверное, не удивилась бы, даже если бы кто-нибудь вдруг стал искать Михаила Барышникова), потому что Альберт Мартин нередко оказывал юридические услуги муниципальной полиции.

Сэнди сказала, что сегодня она мистера Мартина здесь не видела, но Синди Роуз может пройти наверх и проверить, не поднялся ли он туда вместе с мистером Китоном. Синди Роуз сказала: почему бы нет, раз уж я все равно пришла. И тут коммутатор снова расцвел огнями, как новогодняя елка, так что Сэнди не заметила, как Синди Роуз вынула из своей объемистой сумки большую коробку, обернутую в блестящую бумагу, с синим бархатным бантом на крышке, и положила ее на стол Норриса Ридж-вика. Ее симпатичное лицо озарилось довольной улыбкой, но эта улыбка была вовсе не симпатичной. Скорее зловещей.

7

Норрис услышал, как тихо захлопнулась входная дверь, а потом — еле слышно — завелся двигатель. Он заправил рубашку в джинсы, надел туфли и тщательно расправил форму на вешалке. Принюхавшись к подмышкам рубашки, он решил, что ее можно пока не стирать. Вот и хорошо: цент сэкономишь — доллар сбережешь.

Выйдя из туалета, он водрузил вешалку на ручку входной двери, так чтобы точно увидеть ее, когда он соберется уходить. Это было немаловажно: в прошлый раз, когда он оставил свои шмотки в конторе, Алан ревел как медведь. Сказал, что у них тут полицейский участок, а не прачечная.

Он подошел к своему столу. Действительно, кто-то оставил для него подарок: коробку, обернутую в синюю фольгу, с синей лентой с пышным бантом на крышке. Под лентой лежал белый квадратный конверт. Сильно заинтригованный, Норрис вынул конверт и открыл его. Внутри лежала открытка. На ней заглавными буквами было написано короткое загадочное послание:

!!!!! ТОЛЬКО НАПОМИНАНИЕ!!!!!

Он нахмурился. Он знал только двоих людей, которые постоянно ему о чем-то напоминали. Алан и мать... но мать умерла уже пять лет назад. Он взял сверток в руки, сорвал ленточку, осторожно снял бант и отложил его в сторонку. Потом он содрал упаковочную бумагу, под которой оказалась белая картонная коробка. Она была около фута в длину и по четыре дюйма в ширину и высоту. Крышка была заклеена скотчем.

Оторвав скотч, Норрис снял крышку. Под ней обнаружилось несколько салфеток, достаточно тонких, чтобы можно было разглядеть плоскую поверхность с какими-то выступающими углами, но непрозрачных, так что было все равно непонятно, что именно там лежит.

Норрис запустил руку в коробку, чтобы вынуть салфетки, и его средний палец уперся во что-то твердое — выпирающий металлический рычаг. Тяжелая стальная челюсть сомкнулась на бумаге, захватив попутно и три пальца Норриса. Руку пронзила резкая боль. Норрис закричал и отскочил назад, схватившись левой рукой за запястье правой. Коробка упала на пол.

Черт подери, блиин, как же *больно!* Свободной рукой он схватил ворох салфеток, свисавших смятой шуршащей лентой, и отшвырнул их прочь. Оказалось, что ему в руку вцепилась громадная мышеловка. Кто-то завел ее, упаковал в коробку, обложил салфетками и обернул в красивую синюю бумагу. Теперь она намертво сжала три пальца у него на правой руке. Ноготь на указательном пальце был

сорван напрочь, остался только кровоточащий полумесяц открытого мяса.

— *Господи!* — взвыл Норрис. Сперва — от боли и шока — он принялся дубасить мышеловкой по столу Джона Лапуанта, вместо того чтобы просто отогнуть стальную рамку. Разумеется, этим он ничего не добился — только еще больше повредил пальцы о металлический угол стола. Он опять завопил, схватил рамку и отодвинул ее. Пальцы освободились, и мышеловка грохнулась на пол. Когда ее деревянное основание коснулось пола, проволочная челюсть снова защелкнулась с мерзким лязгом.

Норрис минут пять приходил в себя, потом кинулся обратно в туалет, открыл холодную воду левой рукой и подставил правую под струю. Раненая рука пульсировала болью, как воспаленный зуб мудрости. Норрис стоял, скалясь в болезненной гримасе и наблюдая за струйками крови, что сворачивались алыми спиралями в водовороте стока. Ему вспомнились слова Сэнди: *Заходил мистер Китон... признание в любви.*

И открытка: ТОЛЬКО НАПОМИНАНИЕ.

Разумеется, это был Бастер. Норрис ни капельки в этом не сомневался. Сюрприз как раз в стиле Бастера.

— Сукин ты сын, — прорычал Норрис.

Пальцы онемели от холодной воды, и болезненная пульсация чуть поутихла, но он знал, что, когда вернется домой, все начнется по новой. Аспирин немного поможет, но о нормальном сне этой ночью можно забыть. Как и о завтрашней рыбалке.

Ну нет, не дождетесь. Я поеду на рыбалку, даже если моя гребаная рука вообще на хрен отвалится. Я столько ждал этого дня, столько к нему готовился, и никакой Дэнфорд На Хрен Бастер меня не остановит.

Он закрыл кран и бережно высушил руку бумажным полотенцем. Пальцы вроде бы не были сломаны, но они уже начали опухать, несмотря на холодную воду. На пальцах на второй фаланге осталась темная красно-пурпурная полоса от проволоки мышеловки. Открытая плоть в том

месте, где раньше был ноготь на указательном пальце, сочилась капельками крови, и Норрис снова почувствовал тупую пульсацию.

Вернувшись в пустую контору, он подобрал мышеловку, валявшуюся у стола Джона, и подошел к своему столу. Положил ее обратно в коробку и убрал в верхний ящик стола. Достал бутылочку с аспирином и проглотил сразу три таблетки. Потом собрал оберточную бумагу, салфетки, ленту и бант и выбросил все это в мусорную корзину, прикрыв сверху испорченными и смятыми отчетами.

Норрис не собирался никому рассказывать об этой грязной шутке: ни Алану, ни кому-то еще. Смеяться они не будут, но он знал, что они подумают... или думал, что знал: *Только Норрис Риджвик попадется на такие штуки... кому еще придет в голову сунуть руку прямо во взведенную мышеловку?!*

Наверное, от какой-нибудь тайной поклонницы... Заходил мистер Китон... признание в любви.

— Я сам разберусь, — сказал Норрис низким и мрачным голосом, прижимая к груди раненую руку. — Как надо и когда надо.

И тут у него в голове вдруг мелькнула тревожная мысль: а что, если Бастер не ограничился мышеловкой, которая в конце концов могла бы просто не сработать? Что, если он забрался к Норрису в дом? А там базуновская удочка, и она даже не заперта; Норрис просто поставил ее в сарае, рядом с сачком.

А что, если Бастер ее сломает?!

— Пусть только попробует, я его самого сломаю, — сказал Норрис вслух. Даже не сказал, а чуть ли не прорычал грозным рыком. Если бы Генри Пейтон — да и любой из его коллег — услышал его сейчас, он бы сильно удивился.

Уходя, Норрис не запер дверь. Даже боль в руке была на время забыта. Сейчас было важно одно: как можно скорее добраться до дому. Добраться до дому и убедиться, что удочка на месте и с ней все в порядке.

8

Когда Алан тихонечко вошел в комнату, силуэт под одеялом даже не шелохнулся, и он решил, что Полли спит — вероятно, не без помощи перкордана. Он тихо разделся и скользнул в постель рядом с ней. Но, устроившись на подушке, он увидел, что глаза у нее открыты и она внимательно наблюдает за ним. Он даже подскочил от неожиданности.

— Что за таинственный незнакомец покушается на постель девицы? — тихо спросила она.

— Это всего лишь я, — улыбнулся он. — Прошу прощения, что пробудил вас, мадемуазель.

— Я не спала, — сказала она и обняла его за шею. А он обнял ее за талию и притянул к себе. Ему нравилось, когда она была такая сонная и теплая — как живая уютная печка. Ему в грудь на секунду уперлось что-то твердое, и Алан понял, что на груди под рубашкой у Полли надета какая-то штука. Что-то типа кулона, который сразу сместился и повис на красивой серебряной цепочке между ее левой грудью и подмышкой.

— Ты в порядке? — спросил он.

Не разрывая объятий, Полли уткнулась лицом в его шею.

— Нет, — вздохнула она и заплакала.

Алан обнял ее, гладя по волосам.

— Алан, ну почему она мне ничего не сказала... об этой женщине? — немного успокоившись, спросила Полли. Она чуть отодвинулась от него. Его глаза привыкли к темноте, и теперь он сумел рассмотреть ее лицо: темные глаза, темные волосы, белая кожа.

— Я не знаю, — сказал он.

— Если бы она мне сказала, я бы что-то предприняла! Я бы сама пошла к этой Вильме Ержик, и... и...

Сейчас был не лучший момент, чтобы говорить ей о том, что Нетти скорее всего вела игру со своей стороны почти с таким же задором и злостью, как и сама Вильма; что обе — и Нетти, и Вильма — зашли слишком далеко,

так что их было уже не остановить. И они *сами* уже не могли остановиться.

— Сейчас полчетвертого утра, — сказал он. — Не самое подходящее время для разговоров, кто и что должен был сделать. — Помолчав, он продолжил: — Ты вроде бы говорила Джону Лапуанту, что сегодня утром... то есть уже вчера утром... Нетти тебе что-то такое сказала про Вильму. Не помнишь, что именно она сказала?

Полли секунду подумала.

— Ну, тогда я еще не знала, что она говорит про Вильму. Нетти занесла мне лазанью. А мои руки... мне было *очень* плохо. Она сразу это поняла. Нетти, она иногда где-то витает... витала... но она всегда замечала, если со мной что-то не так.

— Она тебя очень любила, — с грустью сказал Алан, чем вызвал новый поток слез. Он ожидал этого, потому что сейчас ей надо было выплакать эти слезы, иначе они бы сожгли ее изнутри.

Справившись с собой, Полли продолжила:

— Она снова достала эти электроварежки. Только на этот раз они *действительно* помогли, по крайней мере мне стало легче. Потом она сварила мне кофе. Я спросила, не нужно ли ей домой, и она ответила, что нет. Она сказала, что Бандит охраняет дом, и добавила что-то вроде: «Надеюсь, она наконец оставит меня в покое. Ее что-то не слышно и не видно. Может быть, до нее наконец дошло». За точность я не ручаюсь, но что-то вроде того.

— В котором часу она приходила?

— Где-то в четверть одиннадцатого. Может, чуть раньше, может, чуть позже, но не сильно. А что? Алан, это что-то меняет?

Ложась в постель, Алан думал, что заснет через десять секунд после того, как его голова коснется подушки. Теперь сон как рукой сняло и голова работала вовсю.

— Нет, — сказал он, подумав. — Это ничего не меняет. Просто лишний раз подтверждает, что Нетти думала о Вильме.

— Я до сих пор не могу поверить. Вроде ее состояние улучшилось, причем значительно. Помнишь, я тебе говорила, как она собиралась с духом, чтобы в прошлый четверг в одиночку зайти в «Нужные вещи»?

— Да.

Он расцепила руки и легла на спину. Алан услышал тихий металлический звон и снова не стал заострять на этом внимание. Его мозг обрабатывал информацию, переваривая услышанное от Полли — вертел ее слова так и этак, как ювелир вертит в руках подозрительный камень.

— Я займусь подготовкой похорон, — сказала Полли. — У Нетти есть родственники в Ярмуте. Но они и с живой-то с ней не особенно общались, а уж теперь, когда ее больше нет... вряд ли кто-то из них приедет. Но позвонить им придется. Алан, а мне можно будет зайти к Нетти домой? У нее там была книжка с адресами и телефонами.

— Лучше я тебе ее принесу. Пока доктор Райан не представит отчет о вскрытии, из ее дома нельзя ничего выносить, но если ты просто перепишешь телефоны, большого вреда не случится, я думаю.

— Спасибо.

Ему вдруг пришла в голову одна мысль:

— Полли, а в котором часу Нетти ушла от тебя?

— Без пятнадцати одиннадцать, наверное. Или в одиннадцать. Вряд ли она просидела тут целый час. А что?

— Нет, ничего, — сказал он. Если бы Нетти пробыла у Полли достаточно долго, у нее просто физически не хватило бы времени вернуться домой, обнаружить мертвую собаку, собрать камни, написать записки, привязать их к камням, дойти до дома Вильмы и перебить там все окна. Но если Нетти пробыла у Полли только до десяти сорока пяти, у нее оставалось в запасе добрых два часа. Времени, как говорится, вагон.

Эй, Алан! — это был тот же фальшиво-приветливый голос, который обычно заводил разговоры об Энни и Тодде. *Тебе оно надо — во всем этом копаться?! По-моему, тут и так все ясно.*

Ясно-то ясно, но у Алана все равно оставались сомнения. Было здесь несколько неувязок. Например, у него в голове не укладывалось, как Нетти умудрилась дотащить такую груду камней до дома Ержиков? Машины у нее не было. Она вообще не умела водить.

Да кончай забивать себе голову, посоветовал голос. *Записки она написала дома, резинки взяла у себя на кухне. Ей* не нужно *было тащить никакие камни: в саду на заднем дворе у Вильмы этих камней — завались. Правильно?*

Правильно. Но он почему-то не мог избавиться от мысли, что камни были не со двора Вильмы, что их принесли к дому Вильмы *уже обернутыми* в записки. Конкретных причин для подобного вывода у него не было, но так почему-то казалось правильнее... так мог сделать ребенок или некто, *думающий*, как ребенок.

Человек вроде Нетти Кобб.

Ладно, оставь... брось уже! Все!

Но он все равно продолжал сомневаться и размышлять.

Полли коснулась его щеки.

— Я очень рада, что ты пришел, Алан. Для тебя этот день был, наверное, еще ужаснее.

— Да, денек выдался не из легких, но теперь все позади. Тебе тоже надо успокоиться, Полли. Тебе нужно как следует выспаться. Завтра тебе предстоит много работы. *Принести* тебе таблетку?

— Не надо, руки не так уж и сильно болят. Алан... — Она беспокойно заерзала под одеялом.

— Что?

— Ничего. Не важно. Кажется, я могу заснуть; сейчас, когда ты рядом. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милая.

Она отвернулась от него, закуталась в одеяло и затихла. Он вспомнил, как она его обнимала, — вспомнил, как она сцепила руки у него на шее. Если она смогла согнуть пальцы, значит, *и вправду* чувствовала себя лучше. Это была очень хорошая новость, лучшая новость за весь этот

вечер. Хорошо бы такие новости были всегда. *Только* такие новости.

Полли вскоре заснула и начала слегка похрапывать. Алану это даже нравилось. Хорошо делить постель с живым человеком — с *настоящим* человеком, который тихонько посапывает во сне... и иногда перетягивает на себя одеяло. Он улыбнулся в темноте.

Потом его мысли вернулись к убийствам и улыбка угасла.

Надеюсь, она оставит меня в покое. Ее не слышно и не видно, может быть, до нее наконец дошло.

Ее не слышно и не видно.

Может быть, до нее наконец дошло.

На такое дело даже не нужно заводить следствие; даже Сит Томас может в точности рассказать, что именно произошло, — стоит только один раз взглянуть на место преступления. Вместо дуэльных пистолетов здесь фигурировали кухонные принадлежности, но результат был таким же, какого и следовало ожидать: два тела со швами от вскрытия в морге. Остается вопрос: *почему* это произошло? У Алана были еще вопросы, и он очень надеялся их разрешить до того, как тела Нетти и Вильмы будут преданы земле.

Но сейчас для него было главное не найти ответы, а избавиться от смутного беспокойства,

(Может быть, до нее наконец дошло.)

которое донимало его весь вечер.

Ему казалось — еще немного, и он поймет, что именно здесь не так.

Алан представлял себе преступление как сад, окруженный высокой стеной. Тебе нужно попасть внутрь, и ты ищешь калитку. Иногда этих калиток несколько, иногда — только одна. Но она есть *всегда*. Потому что а как иначе входил садовник, разбивший этот самый сад? Вход может быть виден издалека, с указующей на него стрелкой и мигающей неоновой вывеской: ВАМ СЮДА. А может быть наподобие узкого лаза, который так сильно зарос плющом,

что тебе приходится попотеть, прежде чем ты на него наткнешься. Но он есть *всегда*, этот вход, и если ты готов поплутать и не боишься царапин и волдырей от колючих и ядовитых растений — иной раз приходится силой ломиться сквозь заросли, — рано или поздно ты его найдешь.

Бывает, что вход — это улика, найденная на месте преступления. Или свидетель. Или верное заключение, прочно основанное на событиях и логике. В данном случае Алан сделал следующие выводы: во-первых, Вильма следовала давно отработанной схеме оскорблений и порчи нервов; во-вторых, в этот раз она выбрала неподходящий *объект для приложения своей* стервозности; и в-третьих, Нетти сорвалась, как и в тот раз, когда убила своего мужа.

Ее не слышно и не видно.

Эти слова Нетти что-то меняли? Какие предположения может вызвать одна эта фраза у башковитых ребят в фуражках? Алан понятия не имел.

Он смотрел в темноту и гадал, поможет это ему обнаружить калитку в сад или нет.

А может быть, Нетти ничего такого и не говорила?

Может быть, Полли что-то не так расслышала?

В принципе такое возможно, но Алану в это не верилось. И действия Нетти — с определенного момента — подтверждали слова Полли. В пятницу Нетти не пришла к Полли, сказалась больной. Может быть, ей и вправду нездоровилось, но могло быть и так, что она просто боялась нарваться на Вильму. Это было логично: по словам Пита Ержика, Вильма, когда обнаружила загубленные простыни, как минимум один раз звонила и угрожала Нетти. Позже она могла позвонить еще не раз, так что Пит даже об этом не знал. Но в воскресенье утром Нетти зашла навестить Полли и принесла ей еды. Смогла бы она это сделать, если бы Вильма по-прежнему ей угрожала? Алан думал, что вряд ли.

Потом была еще эта странность с камнями. К каждому камню была привязана записка: *Я ЖЕ ПРОСИЛА ОСТАВИТЬ*

МЕНЯ В ПОКОЕ. ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Предупреждение обычно означает, что у того, кого предупреждают, еще есть время исправиться, но для Вильмы и Нетти время уже вышло. Всего лишь через два часа они встретились на том злополучном углу.

Допустим, этому есть объяснение. Когда Нетти нашла собаку, она взбеленилась. Аналогично отреагировала и Вильма, когда вернулась домой и увидела разгром. Одна из них позвонила другой... и старт был дан.

Алан перевернулся на бок. Жалко, что теперь не то время, когда полиция фиксировала все местные звонки. Если бы он мог доказать тот факт, что Вильма и Нетти говорили между собой перед встречей, то чувствовал бы себя намного лучше. Ладно, примем последний звонок как данность. Остаются записки.

Вот как все должно было произойти, размышлял он. *Нетти возвращается от Полли и видит, что ее собаку убили. Она читает записку под штопором. Потом она пишет одни и те же слова на четырнадцати или шестнадцати листках и кладет их в карман вместе с пучком резинок. Потом она идет к Вильме, заходит на задний двор, набирает камней, заворачивает их в записки, закрепляет записки резинками. Все это она проделывает* до того, *как начать швырять камни, потому что, если бы она начала подбирать камни и привязывать к ним записки* в ходе *веселья, на это ушло бы слишком много времени. Закончив громить дом Вильмы, она возвращается домой и причитает над убитым животным.*

Тут *все* не так.

Полнейшая чушь.

Предположительная цепь событий и действий совершенно не вязалась с тем, что он знал про Нетти Кобб. Убийство мужа стало итогом многочисленных издевательств, но *само по себе* оно было импульсивным порывом женщины с поврежденным рассудком. Если старые записи Джорджа Баннермана не врут, Альбион Кобб не получал от Нетти никаких предупреждений и ультиматумов.

Вариант, представлявшийся Алану верным, смотрелся намного проще: Нетти возвращается от Полли, видит убитого пса, мчится на кухню, берет тесак и идет к дому Вильмы, чтобы нарезать эту польскую задницу крупными кубиками.

Но если так, то кто разбил окна Вильмы Ержик?

— Настали *странные* времена, — пробормотал он и перевернулся на другой бок.

Джон Лапуант примкнул к группе следователей, которые занимались передвижениями Нетти — разумеется, теми, о которых было известно. Она пришла к Полли с лазаньей. Сказала Полли, что, вероятно, по дороге домой заглянет в «Нужные вещи», и если хозяин, Лиланд Гонт, вдруг окажется в магазине, то она его предупредит, что Полли, наверное, зайдет ближе к вечеру. Полли говорила, что мистер Гонт пригласил ее посмотреть какую-то вещицу и она попросила Нетти ему передать, что она придет, хотя и не точно, потому что с утра у нее сильно болели *руки*.

Если бы Нетти зашла в «Нужные вещи», если бы она задержалась там на какое-то время — рассматривала товары, болтала с владельцем, которого весь город считал настоящей душкой и с которым Алан так до сих пор и не познакомился, — это значительно сузило бы временной промежуток, отпущенный на «погром с камнями» и дало бы все основания предположить, что окна в доме Вильмы побила вовсе не Нетти, а некий таинственный камнеметатель. Но она туда не заходила. Магазин был закрыт. Гонт сказал Полли и ребятам из следственной группы, что не видел Нетти с того самого дня, когда она купила у него абажур из цветного стекла. Все утро он просидел в задней комнате: вносил товары в каталог и слушал классическую музыку. Если кто-то и стучал, он все равно не услышал бы. Поэтому Нетти пошла прямо домой, и, стало быть, у нее было достаточно времени, чтобы устроить погром в доме Вильмы, хотя Алан почему-то упорно не верил, что она это сделала.

Временной промежуток у Вильмы Ержик был еще у́же. Ее муж все утро — с восьми до начала одиннадцатого — провел в подвале. Возился со своим деревообрабатывающим станком. Потом он увидел, что время поджимает, выключил станок и поднялся наверх, чтобы успеть переодеться к одиннадцатичасовой мессе. Когда он вошел в спальню, Вильма, по его словам, была в душе, и у Алана не было причин сомневаться в правдивости показаний вдовца.

А могло быть и так: где-то между девятью тридцатью пятью и девятью сорока Вильма уезжает из дома, чтобы устроить Нетти очередную психологическую атаку. Пит в подвале клепает свои скворечники и даже не знает, что она уехала. Вильма подъезжает к дому Нетти в четверть десятого — через считанные минуты после того, как Нетти ушла к Полли, — видит распахнутую дверь и решает воспользоваться благоприятной возможностью. Она ставит машину, заходит в дом. Повинуясь мгновенному импульсу, убивает собаку и пишет записку, после чего спокойно уходит. Никто из соседей не помнит ярко-желтого «юго»... но вряд ли это доказывает, что его там не было. Почти никого не было дома: кто-то был в церкви, кто-то в гостях.

Вильма возвращается домой, поднимается на второй этаж — в это время ее муж выключает внизу электролобзик, или рейсмусовый станок, или что там у него еще есть, — и быстренько раздевается. Когда Пит заходит в ванную, чтобы смыть с рук древесную пыль, Вильма уже стоит в душе; может быть, и даже скорее всего, она еще и не успела намокнуть.

Единственной логичной деталью во всем этом умозрительном построении было то, что Пит Ерик обнаружил свою жену в душе. Все остальное казалось притянутым за уши. Штопор, которым Вильма убила собаку, был опасным оружием, но слишком коротким. Она *должна была* испачкать руки в крови. То есть как только Вильма вернулась домой, первым делом ей нужно было попасть в ван-

ную — смыть кровь. Вильма буквально впритык разминулась с Нетти у нее дома и так же впритык — с собственным мужем у себя в ванной. Возможно такое? Да. С большим скрипом, но все же возможно.

Оставь это, Алан. Оставь и давай-ка спать.

Но заснуть он не мог, потому что все это была просто чушь. *Несусветная* чушь.

Алан еще раз перевернулся. Внизу часы мелодично пробили четыре утра. Все его рассуждения так ни к чему и не привели, но он все равно продолжал размышлять, просто не в силах «выключить думалку» и заснуть.

Он честно пытался представить, как Нетти сидит за кухонным столом и терпеливо выписывает по двадцатому разу: ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, — а ее любимая собака лежит мертвой. Но представить такое не получалось, как бы он ни старался. То, что он принимал за калитку, ведущую в сад, оказалось искусным *изображением калитки* на высокой и гладкой стене. Trompe l'oeil*.

Так была ли Нетти у дома Ержиков на Уиллоу-стрит? Швыряла ли она камнями в эти проклятые окна? Он не знал ответов на эти вопросы. Он знал только одно: Нетти Кобб по-прежнему оставалась притчей во языцех у них в Касл-Роке... чокнутая дамочка, которая убила мужа и провела столько лет в Джунипер-Хилл. В маленьких городках такие люди всегда на виду. В тех редких случаях, когда она делала что-то такое, чего обычно не делала, это всегда замечали. И если бы воскресным утром Нетти Кобб появилась на Уиллоу-стрит — шла бы по улице, может быть, бормоча проклятия, и уж точно в слезах, — ее бы *непременно* заметили. Завтра Алан будет стучаться в двери и задавать вопросы.

Наконец он начал засыпать. Последнее, что он запомнил из мысленных образов, проплывавших перед глаза-

* В живописи — картина, как правило, натюрморт, как бы вызывающий обман зрения, заставляющий думать, что это реальные, а не нарисованные объекты.

ми, — это груда камней, обернутых в бумагу и обмотанных резинками. И Алан снова подумал: *Если это не Нетти, то кто же?*

9

Рано утром в понедельник, еще до рассвета новой недели, что обещала быть не менее интересной, молодой человек по имени Рикки Бизонетт пробрался сквозь живую изгородь, окружавшую баптистский пасторат. Преподобный Уильям Роуз спал сном праведника в своем крошечном домике.

Рикки, парень девятнадцати лет, необремененный мозгами, работал на автостанции «Суноко» у Сонни. Его рабочий день закончился несколько часов назад, но он не пошел домой, а засел в офисе, дожидаясь подходящего времени, чтобы подшутить над преподобным Роузом. В пятницу Рикки заглянул в новый магазин и разговорился с хозяином, который оказался весьма интересным дядькой. Слово за слово, и в какой-то момент Рикки вдруг обнаружил, что рассказывает мистеру Гонту свое самое сокровенное, самое тайное желание. Он упомянул имя одной молоденькой актрисы-модели — *совсем* молоденькой актрисы-модели — и сказал мистеру Гонту, что отдал бы все, что угодно, за фотографии этой юной особы в голом виде.

— А знаете, — сказал мистер Гонт, — кажется, у меня есть для вас кое-что интересное. — Он оглядел магазин, чтобы убедиться, что кроме них двоих там никого нет, потом подошел к двери и перевернул табличку с ОТКРЫТО на ЗАКРЫТО. Вернувшись к своему месту за кассовым аппаратом, он порылся под столиком и достал какой-то коричневый конверт. — Вот, взгляните, мистер Бизонетт. — Мистер Гонт испустил смешок, достойный старого развратника. — Вам понравится. Глаз не сможете отвести.

Рикки не просто понравилось — он буквально *остолбенел*. Это была та самая девица, которую вожделел Рикки — *должна была быть* она! — но она была не просто голой. На одних фотографиях она была с одним хорошо известным актером. На других — с двумя известными актерами, один из которых годился ей в дедушки. А на третьих...

Но прежде чем Рикки успел рассмотреть все снимки (а их там было не менее пятидесяти, все на хорошей глянцевой бумаге размером восемь на десять дюймов), мистер Гонт отобрал у него пачку.

— Но это же... — Рикки поперхнулся, упоминая имя, *отлично известное читателям* дорогих глянцевых журналов и зрителям дорогих глянцевых ток-шоу.

— О нет, — сказал мистер Гонт, хотя его светло-зеленые глаза в это время шептали: *О да.* — Я уверен, что это не он... хотя сходство, надо признать, поразительное, не так ли? Продажа подобных картинок, естественно, незаконна... даже если не принимать во внимание порнографическое содержание, этой девчонке не больше *семнадцати*, кем бы она ни была... но, может быть, вы меня уговорите, и я их вам уступлю, мистер Бизонетт. Лихорадка в моей крови — не малярия, а зуд коммерсанта. Итак, *поторгуемся?*

И они поторговались. В результате Рикки Бизонетт приобрел семьдесят две порнографические открытки за тридцать шесть долларов... и обещание провернуть небольшую шалость.

Пригнувшись, он перебежал через газон пастората, на секунду остановился в тени крыльца, оглянулся и взбежал по ступенькам. Он достал из кармана белую открытку и опустил ее в прорезь для почты, придержав крышку прорези пальцем, чтобы она не звякнула. Потом он перепрыгнул через перила крыльца и припустил к изгороди. У него были большие планы на те два или три часа, оставшиеся до рассвета; у него было все необходимое для осуществления этих планов — семьдесят две фотографии и большая бутыль крема для рук.

Открытка была похожа на большую моль, залетевшую через прорезь для почты на выцветший коврик под дверью длинного коридора баптистского пастората. Она приземлилась надписью вверх:

Как вы там, тупые баптистские мышееды?
Мы пишем вам, чтобы сказать: пора вам завязывать с этой вонью насчет нашей «Ночи в казино». Мы просто хотим как следует повеселиться и вас, кстати, не трогаем. Как бы там ни было, некоторые из нас, Верных Католиков, устали от вашего баптистского дерьма. Мы и так знаем, что вы, баптисты, обыкновенные жополизы. И тебе лучше прислушаться к нашим словам, преподобный Пароход Виллли. Не суй свой членонос в наши дела, а не то мы и тебя, и твоих членоголовых друзей макнем в такое дерьмо, что вы на ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОВОНЯЕТЕ!
Оставьте нас в покое, тупые баптистские мышееды, или ВЫ, СУКИНЫ ДЕТИ, СИЛЬНО ПОЖАЛЕЕТЕ.
Пока еще «просто предупреждение» от
КАТОЛИКОВ КАСЛ-РОКА,
КОТОРЫМ НЕ НАПЛЕВАТЬ.

Преподобный Роуз обнаружил это послание, когда спустился за утренней почтой. Его реакцию я описывать не берусь, лучше представьте сами.

10

Лиланд Гонт стоял, заложив руки за спину, у окна у себя в комнате над магазином и смотрел на город. Его просторная четырехкомнатная квартира непременно вызвала бы у горожан удивленные пересуды: она была пуста, абсолютно пуста. Ни кровати, ни техники, даже стульев — и то не было. Шкафы были пусты и стояли открытыми. Несколько свалявшихся комков пыли, подталкиваемые сквозняком, лениво прогуливались по полу, не обезобра-

женном коврами. Единственным предметом обстановки — весьма условным — было обрамление окон: уютные клетчатые занавески. Да и то лишь потому, что они были видны с улицы.

Город пока еще спал. Магазины стояли темные, перекресток Главной улицы и Уотермилл оживлял только сонно мигающий желтым светофор. Гонт смотрел на город нежным взглядом влюбленного. Пока это был не *его* город, но ждать оставалось недолго. Он уже наложил на него руку. Горожане пока что этого не знали... но ничего, узнают. Узнают.

Открытие прошло на ура. Без сучка без задоринки.

Мистер Гонт любил думать о себе как об электрике человеческих душ. В таком маленьком городе, как Касл-Рок, все электрические щиты расположены рядом, один за другим. Все, что ему нужно сделать, — это открыть дверцы щитков... и провести небольшую перекоммутацию. Сначала ты подключил Вильму Ержик к Нетти Кобб, используя провода из двух других коробок — парнишки по имени Брайан Раск и пьянчуги Хью Приста. Таким же образом ты закоротил друг на друга и остальных: Бастера Китона — на Норриса Риджвика, Фрэнка Джуитта — на Джорджа Нельсона, Салли Рэтклифф — на Лестера Пратта.

На каком-то этапе ты проверяешь одну из своих скруток, чтобы убедиться, что все работает как надо — вот как сегодня, — а потом залегаешь на дно и время от времени посылаешь по цепи заряд, чтобы не было скучно. Чтобы напряжение не спадало. Но по большей части ты просто тихо сидишь и ждешь, пока все закончится... а потом собираешь сливки.

Все сливки.

Все сразу.

Все, что для этого нужно, — это понимать человеческую природу и...

— Разумеется, *многое* упирается в средства и твою собственную настойчивость, — размышлял вслух Лиланд Гонт, глядя на спящий город.

А почему? Ну... просто потому. Просто потому.

Люди всегда тряслись над своими душами, но он все равно соберет максимальное их количество, когда будет прикрывать дело; для Лиланда Гонта людские души были как охотничьи трофеи, как чучело здоровенной рыбы для заядлого рыбака. В нынешние практичные времена, полные здравого смысла и логики, они стоили мало, но он все равно набирал их как можно больше. В противном случае игра просто лишалась азарта.

И все же по большей части он это делал для собственного удовольствия. Не для пополнения коллекции, а просто для развлечения. Теперь для него только это имело значение, поскольку годы идут и идут и развлечение ищешь везде, где можешь.

Мистер Гонт сцепил руки перед собой — руки, пугавшие всякого, кому «повезло» испытать их змеиное прикосновение, — и сложил их в замок: костяшки правой руки уперты в ладонь левой, и наоборот. Его ногти, длинные, желтые и крепкие, были к тому же и очень острыми, так что уже через пару секунд они прокололи кожу на пальцах, выпустив наружу редкие струйки темной густой крови.

Брайан Раск вскрикнул во сне.

Майра Эванс дотянулась рукой до промежности и начала бешено мастурбировать: ей снилось, что Король занимается с ней любовью.

Дэнфорду Китону снилось, что он лежит посреди прямого финишного отрезка на Льюистонской трассе для скачек и пытается закрыть лицо, а кони в бешеной скачке мчатся прямо на него.

Салли Рэтклифф во сне открыла дверь «мустанга» Лестера Пратта и увидела, что машина полна змей.

Хью Прист проснулся от собственного крика, вызванного следующим видением: Генри Бофорт, бармен «Подвыпившего тигра», плеснул бензина для зажигалок на лисий хвост и поджег его.

Эверетту Франкелю, помощнику Рэя Ван Аллена, приснилось, что он взял в рот новую трубку, но ее мундштук превратился в лезвие бритвы и отрезал ему язык.

Полли Чалмерс слабо застонала во сне, а внутри ее маленького серебряного амулета что-то зашевелилось и сдвинулось с шорохом, похожим на шелест маленьких пыльных крыльев. От него пошел тонкий, пыльный аромат... как дрожь фиалок.

Лиланд Гонт чуть ослабил замок. Его большие, неровные зубы обнажились в довольной и одновременно невообразимо отталкивающей улыбке. Во всем Касл-Роке кошмарные сны рассеялись, и спящие расслабились.

На время.

Скоро взойдет солнце и начнется новый день, полный сюрпризов и неожиданностей. Кажется, пришло время завести себе помощника... но не такого, которого не коснутся процессы, запущенные умелой рукой мистера Гонта. Разумеется, нет.

Это испортило бы все веселье.

Лиланд Гонт стоял у окна и смотрел на беззащитный город, распростертый внизу в мягкой тьме.

ЧАСТЬ 2
Грандиозная распродажа

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Понедельник, 14 октября, День Колумба, выдался ясным и жарким. Местные ворчали на жару, и когда собирались в группки — на городской площади, в кафе у Нан, на скамейках перед входом в муниципалитет, — говорили, что это очень-очень странная погода. Должно быть, во всем виноваты эти проклятые нефтяные пожары в Кувейте, говорили они, или дело в озоновой дырке, про которую вечно бубнят по телику. Старожилы божились, что со времен их далекой молодости не случалось такого, чтобы уже в семь утра на улице было семьдесят градусов*.

Конечно, это была неправда, и большинство горожан (если вообще не все) это прекрасно знали; каждые два-три года, как по расписанию, бабье лето решает слегка пошалить и одаривает город четырьмя-пятью жаркими днями, которые не отличишь от июльских. А потом одним распрекрасным утром ты просыпаешься от жуткого колотуна, смотришь в окно и видишь, что трава на лужайке у тебя перед домом стоит торчком от мороза, как прическа у панка, а в воздухе пляшет пара одиноких снежинок. Всем это известно, но, согласитесь, как повод для беседы погода подходит просто идеально. Никто не спорит; когда насту-

* По Фаренгейту; по Цельсию — двадцать один градус.

пила такая теплынь, спорить просто не хочется. Спорщики вообще выглядят отвратительно, а если жителям Касл-Рока понадобился бы пример того, что происходит, когда спор переходит границы, им не нужно было далеко ходить — всего лишь до перекрестка Уиллоу и Форд-стрит.

— Эти бабы нашли друг друга, — вещал Ленни Партридж, стоя на лестнице перед зданием суда, расположенного в том же доме, что и муниципалитет, — старейший житель Касл-Рока и первый городской сплетник. — Обе чокнутые, как две крысы из бомжовской ночлежки. Эта Коббиха... она же мужу нож в глотку воткнула... о чем еще говорить? — Ленни многозначительно почесал в паху. — Как свинью заколола, вот ведь. Та еще штучка! Есть бабы чокнутые прямо с рождения! — Взглянув на небо, он добавил: — В такую жару я бы на месте шерифа Пангборна заставил Генри Бофорта прикрыть «Тигра». Пока погодка не устаканится.

— Ну, старина, это я как-нибудь переживу, — сказал Чарли Фортин. — Мне никто не мешает затариться пивом на пару дней у Хемфилла и наклюкаться дома.

Эта фраза была встречена дружным хохотом мужиков из узкого кружка, собравшегося около Ленни, и удостоилась даже скупого смешка самого мистера Партриджа. Потом кружок распался. Большинству нужно было работать, выходной там, не выходной — не важно. Грузовики, перевозившие бумажную пульпу и припаркованые на стоянке у забегаловки Нан, уже потихонечку разъезжались, кто — в Швецию, кто — в Ноддс-Ридж, а кто и дальше — в Касл-Лейк.

2

Дэнфорд Китон сидел у себя в кабинете в одних трусах. Трусы были влажными. Он не выходил из этой комнаты с воскресного вечера, когда совершил вылазку в муниципалитет. Там он забрал папку «Налоговые выплаты» и при-

вез ее домой. Глава городской управы Касл-Рока уже в третий раз смазывал свой кольт. В какой-то момент он собирался его зарядить. Чтобы убить жену. Но потом передумал и решил поехать в муниципалитет, найти этого сукиного сына Риджвика (Бастер понятия не имел, что у того выходной) и убить лучше *его*. В конце концов он пришел к выводу, что единственный верный способ покончить с гонителями — запереться в собственном кабинете и пустить пулю в лоб. Других вариантов нет. Их не сумела остановить даже настольная игра, которая с помощью странной магии выбирает победителей скачек. Куда уж там. Этот урок он усвоил еще вчера, обнаружив по возвращении домой эти гадкие розовые бумажки.

Зазвонил телефон. Китон нажал на спуск кольта. Раздался сухой щелчок. Если бы пистолет был заряжен, пуля пробила бы пол.

Он сорвал трубку с аппарата.

— Вы что, не можете ни на минуту оставить меня в покое? — заорал он раздраженно.

В ответ раздался тихий голос, который сразу унял эту ярость. Это был голос мистера Гонта, пролившийся на измученную душу Китона исцеляющим бальзамом.

— Как вам моя игрушка, мистер Китон?

— Изумительно! Все сработало! — произнес Китон голосом триумфатора. На секунду он даже забыл, что задумал убийство и самоубийство. — Я собрал урожай с каждого забега.

— Замечательно, — сказал мистер Гонт.

Лицо Китона вновь омрачилось. Он заговорил почти шепотом:

— Вчера... когда я вернулся домой... — Он вдруг понял, что не может продолжать. А еще через секунду понял, к своему несказанному удивлению и еще большему удовольствию, что этого и не нужно.

— Вы обнаружили, что *они* побывали у вас дома? — спросил мистер Гонт.

— Да! *Да!* Как вы дога...

— В этом городе *они* повсюду, — сказал мистер Гонт. — Я уже говорил вам об этом в прошлый раз.

— Да! И... — Китон внезапно осекся, скривившись в предчувствии опасности. — Они могли подключиться к этой линии, вы понимаете, мистер Гонт?! *Они нас могут прослушивать прямо сейчас!*

Мистер Гонт был спокоен.

— Да, могут. Но не подслушивают. Пожалуйста, не считайте меня настолько наивным, мистер Китон. Я встречался с ними и раньше. Не раз.

— Я вам верю. — Китон понял, что дикая радость, которую приносила ему «Выигрышная ставка», просто ничто по сравнению с этим: после стольких лет темноты и борьбы в одиночку вдруг обнаружить единомышленника.

— У меня к линии подключено одно небольшое устройство. — Мистер Гонт перешел на свой обычный спокойный и вкрадчивый тон. — Если линия прослушивается, загорается индикатор. Я как раз смотрю на него, и он темный. Темный, как многие сердца в этом городе.

— Вы уже знаете? — Голос у Дэнфорда Китона дрожал и срывался. Он чуть не расплакался.

— Да. Я позвонил как раз для того, чтобы вы не пороли горячку, мистер Китон. — Какой мягкий, баюкающий голос. Под звуки этого голоса Китон поплыл, как детский шарик, наполненный гелием. — Это слишком облегчило бы *им* задачу, мистер Китон. Вы хоть раз представляли себе, что будет, если вы умрете?

— Нет, — промямлил Китон. Он смотрел в окно. Его глаза были остекленелыми и пустыми.

— Да *они* праздник устроят, — тихо, но убедительно произнес мистер Гонт. — Насосутся ликера в офисе шерифа Пангборна! А потом все поедут на кладбище и будут дружно мочиться на вашу могилу!

— Шериф Пангборн? — неуверенно переспросил Китон.

— А вы что, всерьез думаете, что этот квелый Риджвик стал бы вести себя так без соответствующих приказов от начальства?

— Нет, конечно, нет. — Теперь все прояснялось. *Они*. Это всегда были *сни*. Громыхающее темное облако, что окружает тебя со всех сторон. Ты пытаешься схватить это облако, разжимаешь кулаки, а там — ничего. Теперь до него начало доходить, что у *них* были лица и имена. И что *они* уязвимы. И это принесло ему ни с чем не сравнимую радость.

— Пангборн, Фуллертон, Сэмюэлс, дура Уильямс, да ваша собственная жена... но я подозреваю, мистер Китон, и подозреваю с достаточными основаниями, что верховодит у них Алан Пангборн. Если это действительно так, он будет даже рад, если вы убьете одного или двоих из его подчиненных и тем самым дадите ему возможность убрать вас с дороги. Вообще-то есть у меня подозрение, что он как раз к этому и стремится в последнее время. Но вы не дадите себя одурачить, правда, мистер Китон?

— *Нееееет!* — яростно прошипел Китон. — Что я должен делать?

— Сегодня — ничего. Займитесь обычными делами. Если хотите, поезжайте на скачки, получите удовольствие от своей покупки. Если *они* увидят, что вы ведете себя как обычно, это выбьет *их* из равновесия. Мы посеем смятение и неуверенность в стане врага.

— Смятение и неуверенность, — медленно, смакуя каждый слог, повторил Китон.

— Да. Я кое-что запланировал и, когда придет время, обязательно дам вам знать.

— Обещаете?

— Разумеется, мистер Китон. Вы для меня очень важны. На самом деле я даже могу сказать, что без вас мне не обойтись.

Мистер Гонт повесил трубку. Китон убрал пистолет и набор для чистки оружия. Потом он поднялся наверх, запихал свою пропитанную потом одежду в корзину для

грязного белья, принял душ и оделся. Когда он спустился вниз, Миртл сперва отпрянула от него, но Китон мило заговорил с ней и поцеловал в щечку. Миртл расслабилась. Какой бы у мужа ни был кризис, кажется, он прошел.

3

Эверетт Франкель, большой рыжий мужик, выглядел настоящим стопроцентным ирландцем... что, впрочем, и неудивительно, потому что он и был настоящим ирландцем по линии матери. Он работал медбратом у Рэя Ван Аллена уже четыре года — с тех пор как списался с флота. В это утро он пришел на работу в четверть восьмого, и Нэнси Ремидж, старшая сестра, попросила его съездить на ферму Бургмайеров. У Эллен Бургмайер ночью было что-то вроде эпилептического припадка, сказала она. Если диагноз Эверетта подтвердит, что это действительно был припадок, ее нужно будет привезти в город, чтобы доктор, который скоро появится, осмотрел ее и решил, надо ли ей ложиться в больницу на обследование.

Обычно Эверетт не обрадовался бы такому поручению — сразу с места в карьер тащиться на домашний вызов, особенно так далеко от города, — но таким жарким утром поездка за город была в самый раз.

К тому же у него с собой была трубка.

Забравшись в свой «плимут», он сразу полез в бардачок и достал ее.

Это была пенковая трубка с широкой и глубокой чашей. Мастер, ее вырезавший, знал свое дело: птицы, цветы и лоза обвивали чашу в орнаменте, который, казалось, менялся в зависимости от угла зрения. Эверетт оставлял трубку в бардачке вовсе не потому, что курение в помещении поликлиники было строжайшим образом запрещено; ему просто не хотелось, чтобы другие люди (и особенно любопытная кошка вроде Нэнси Ремидж) рассма-

тривали его трубку. Сначала они захотят узнать, где он ее раздобыл. Потом — сколько заплатил.

И наверняка найдутся такие, которые захотят ее заполучить.

Эверетт зажал мундштук губами, в который раз удивляясь, как идеально он сидит у него во рту — на своем месте. Он сдвинул зеркальце заднего вида, чтобы в него посмотреться, и полностью одобрил увиденное. Ему казалось, что трубка делает его старше, мудрее и интереснее. И сейчас, когда трубка торчала, чуть свешиваясь вправо, он действительно чувствовал себя старше, мудрее и интереснее.

Он поехал по Главной улице, намереваясь пересечь Оловянный мост, отделяющий город от пригорода, и притормозил напротив «Нужных вещей». Зеленый навес притягивал его, как наживка. Ему вдруг показалось, что это очень важно — просто необходимо — остановиться.

Он свернул на обочину, вылез из машины, но вспомнил, что в зубах у него по-прежнему зажата трубка. Он вынул ее (с легким сожалением) и снова запер в бардачке. В этот раз он почти дошел до навеса, а потом вернулся к машине и запер все четыре дверцы. С такой чудной трубкой лучше не рисковать. Ее кто угодно может спереть. Кто угодно.

Эверетт подошел к магазину и остановился, разочарованный. На окне висела табличка:

КОЛУМБОВ ДЕНЬ
ЗАКРЫТО

Эверетт уже собрался идти к машине, но тут дверь отворилась. На пороге стоял мистер Гонт, который смотрелся весьма шикарно в своем желто-коричневом пиджаке с заплатками на локтях и угольно-серых брюках.

— Заходите, мистер Франкель, — сказал он. — Рад вас видеть.

— Я вообще-то ехал из города — по делам... и я подумал, может, остановиться и сказать вам еще раз, как мне нравится эта трубка. Я всегда хотел иметь такую.

Сияющий мистер Гонт ответил:

— Я знаю.

— Но я вижу, вы закрыты, так что не буду вас беспокоить...

— Для моих любимых покупателей магазин никогда не закрывается, мистер Франкель, а вас я тоже включил в этот список. Проходите. — Мистер Гонт протянул руку.

Эверетт отпрянул. Лиланд Гонт рассмеялся и отошел в сторону, пропуская юного медбрата внутрь.

— Я правда не могу остаться... — начал было Эверетт, но почувствовал, что ноги сами несут его в полумрак магазина, как будто они лучше знают, что делать.

— Конечно, — сказал мистер Гонт. — Целитель должен являться вовремя, разрывая оковы болезни, стягивающие тело, и... — его улыбка стала еще лучезарнее,— изгоняя бесов, отягчающих дух. Я прав?

— Наверное, — сказал Эверетт. Когда мистер Гонт закрыл дверь, он почувствовал легкий укол беспокойства. Оставалось надеяться, что с трубкой все будет в порядке. А то иногда ведь машины взламывают. Прямо средь бела дня.

— С трубкой ничего не случится, — утешил его мистер Гонт. Он извлек из внутреннего кармана простой конверт, на котором было написано: *Моей единственной любви*. — Вы помните, что вы мне обещали? Устроить небольшой розыгрыш, доктор Франкель?

— Я не док...

Мистер Гонт так грозно нахмурил брови, что Эверетт невольно отпрянул, прикусив язык.

— Вы помните или нет? — резко спросил мистер Гонт. — Вам лучше поторопиться с ответом, потому что я уже не настолько уверен касательно трубки, как секунду назад.

— Помню! — встревоженно сказал Эверетт. — Салли Рэтклифф! Логопед!

Грозовая туча посреди лба мистер Гонта более или менее рассеялась. Эверетт Франкель тоже слегка расслабился.

— Правильно. И сейчас наступил этот самый момент, доктор. Держите.

Он протянул конверт. Эверетт взял его, тщательно избегая прикасаться к руке мистера Гонта.

— Сегодня в школе выходной, но юная мисс Рэтклифф сидит в учительской, заполняет журналы, — сказал мистер Гонт. — Я понимаю, что это немного не по пути к ферме Бургмайеров...

— Откуда вам все известно? — поразился Эверетт.

Мистер Гонт нетерпеливо отмахнулся.

— ...но на обратном пути вам ничто не мешает туда заехать.

— А как...

— А поскольку ко всем посторонним в школе, даже когда там нет учеников, относятся подозрительно, вы объясните свое появление необходимостью навестить местную медсестру. Так?

— Если она там, то, наверное, так, — сказал Эверетт. — На самом деле мне действительно надо туда заглянуть, потому что...

— Вы не забрали записи о вакцинации, — закончил за него мистер Гонт. — Вот и чудненько. На самом деле ее там не будет, но вы же не можете знать заранее? Просто постучитесь в медпункт и уйдете. Но по пути... не важно, туда или обратно... я попрошу вас подложить этот конверт в машину, которую мисс Рэтклифф одолжила у своего молодого человека. Положите его под сиденье водителя... но так, чтобы один уголок торчал наружу.

Эверетт прекрасно знал, кто этот «молодой человек мисс Рэтклифф»: учитель физкультуры у старших классов. Имея право выбора, он предпочел бы подшутить над самим Лестером Праттом, а не над его невестой. Пратт был

накачанным молодым баптистом, из тех, что ходят в синих спортивных костюмах с белыми лампасами на штанах. Люди его типа выделяют через поры не только пот, но и Иисуса, причем в равных (и немалых) количествах. Эверетту он не нравился. Иногда он гадал, переспал уже Лестер с Салли или нет — вот уж рыбка что надо. Он был уверен, что ответ скорее всего отрицательный. А еще он думал, что, когда Лестер слишком уж распаляется во время всяких там обжиманцев на крыльце дома, Салли скорее всего заставляет его делать приседания или бегать вокруг дома, чтобы он слегка поостыл.

— Салли опять ездит на праттмобиле?

— Да, — сказал мистер Гонт. — Вы уже закончили упражняться в остроумии, доктор Франкель?

— Ну, вроде, — смутился тот. На самом деле он испытал чувство глубочайшего облегчения. С самого начала его несколько тревожила эта «шутка», на которую он согласился. Теперь он понял, что напрасно беспокоился. Мистер Гонт не заставил его подложить хлопушку ей в обувь или налить слабительного в шоколадное молоко... А от конверта много ли вреда?

Мистер Гонт вновь улыбнулся своей сияющей улыбкой.

— Вот и хорошо, — сказал он. Он шагнул к Эверетту, который не на шутку перепугался — подумал, что мистер Гонт собирается пожать ему руку или даже обнять его.

Эверетт поспешно попятился. Мистер Гонт, в свою очередь, обошел его, подошел к входной двери и широко ее распахнул.

— Наслаждайтесь своей трубкой, — сказал он. — Я вам не говорил, что когда-то она принадлежала сэру Артуру Конан Дойлю, создателю великого Шерлока Холмса?

— Нет! — вырвалось у Эверетта Франкеля.

— Конечно же, не говорил, — сказал мистер Гонт, улыбаясь. — Ведь это было бы неправдой... А я никогда не лгу, когда речь идет о бизнесе, доктор Франкель. И не забудьте вашего маленького обязательства.

— Не забуду.

— Тогда доброго вам дня.

— Вам того ж...

Но говорить было уже не с кем. Дверь с опущенной шторой закрылась за его спиной.

Пару секунд Эверетт просто стоял, тупо таращась на дверь, потом медленно побрел в сторону своего «плимута». Если бы кому-нибудь вздумалось заставить его написать отчет о только что завершившемся разговоре — что он говорил мистеру Гонту и что мистер Гонт говорил ему, — то результат вышел бы плачевный, потому что Эверетт почти ничего не запомнил. Он чувствовал себя как человек, которому вкатили разумную дозу легкого наркотического обезболивающего.

Первое, что он сделал, уже сидя снова за рулем, — открыл бардачок, положил туда конверт с надписью «*Моей единственной любви*» и достал трубку. Единственное, что он запомнил, — как мистер Гонт поддразнил его, сказав, что это была трубка великого Конан Дойля. Он ведь почти поверил. Глупость какая! Стоит лишь взять эту вещицу в зубы и сжать мундштук, чтобы это понять. Настоящим владельцем этой трубки был Герман Геринг.

Эверетт Франкель завел машину и медленно выехал из города. Пока он ехал к бургмайеровской ферме, ему пришлось всего дважды сворачивать на обочину. Чтобы убедиться, насколько ему идет эта трубка.

4

Альберт Гендрон держал стоматологическую клинику в Касл-билдинг, уродливом кирпичном образовании, расположенном напротив здания муниципалитета и приземистой бетонной кубышки, где размещалось окружное Управление по водоснабжению. Касл-билдинг отбрасывало свою тень на реку Касл и на Оловянный мост аж с 1924 года; в нем нашли пристанище три из пяти адвока-

тов округа, окулист, лор, пара независимых агентов по недвижимости, консультант по кредитованию, контора «Горячий звонок» и багетная мастерская. Полдюжины остальных офисов в данный момент пустовали.

Альберт, который был стойким приверженцем и прихожанином Богоматери Тихих Вод еще со времен старого отца О'Нила, уже начал сдавать; его волосы, когда-то черные, теперь превратились в пепельные, его широкие плечи согнулись, но он по-прежнему оставался мужчиной невероятных размеров: шести футов семи дюймов роста, двухсот восьмидесяти фунтов веса. Он был самым крупным человеком в городе, если не во всем округе.

Он медленно поднимался по узкой лестнице на четвертый, самый верхний этаж, останавливаясь между пролетами для того, чтобы перевести дух и прислушаться к сердечным шумам, которые, как говорит доктор Ван Аллен, у него таки есть. На середине последнего пролета он увидел лист бумаги, прилепленный к матовому стеклу двери его офиса, на котором было написано: АЛЬБЕРТУ ГЕНДРОНУ, ДОКТОРУ СТОМАТОЛОГИИ.

Он сумел разглядеть обращение, несмотря на то что до двери оставалось еще пять ступенек, и его сердце забилось сильнее, наплевав на шумы и на все остальное. И вовсе не напряжение заставило поршни в его двигателе двигаться быстрее — это была ярость.

СЛУШАЙ ТЫ, ЖИВОГЛОТ ВОНЮЧИЙ! — было написано в самом верху листка ярко-красным маркером. Альберт сорвал листок с двери и быстро его прочел. Читая, он дышал носом — шумно и мощно, как паровоз. Сейчас он был похож на разъяренного быка.

СЛУШАЙ ТЫ, ЖИВОГЛОТ ВОНЮЧИЙ!

Мы пытались вас урезонить — «Имеющий уши да услышит», — но это не помогло. ВЫ ИДЕТЕ ПО ПУТИ ПРОКЛЯТИЯ И ПО ДЕЛАМ ВАШИМ СУДИМЫ БУДЕТЕ. Мы терпели ваше папское идолопоклонство и даже ваше распутное служение Вавилонской Блуднице. Но вы зашли

слишком далеко. В КАСЛ-РОКЕ НЕ БУДЕТ НИКАКИХ ДИАВОЛЬСКИХ ИГРИЩ В КОСТИ!

Настоящие христиане этой осенью чувствуют в Касл-Роке запах СЕРЫ и ПЛАМЕНИ АДСКОГО. Вы этого не чуете, потому что носы ваши забиты вашими же грехами и разложением духовным. УСЛЫШЬТЕ НАШЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ВНЕМЛИТЕ ЕМУ: ОСТАВЬТЕ ВАШ ПЛАН ПРЕВРАТИТЬ СЕЙ ГРАД В ПРИТОН ВОРОВ И ИГРОКОВ, ИЛИ ВЫ ПОЧУЕТЕ ПЛАМЯ АДСКОЕ! ВЫ ПОЧУЕТЕ СЕРУ!

«Да обратятся нечестивые в ад, все народы, забывающие Бога». Пс. 9:18

УСЛЫШЬТЕ И ВНЕМЛИТЕ, ИНАЧЕ ПЛАЧ ВАШ И КРИК СИЛЬНЫ БУДУТ ВЕЛЬМИ.

БАПТИСТЫ КАСЛ-РОКА,

КОТОРЫМ НЕ ВСЕ РАВНО.

— Дерьмо на палочке, — произнес Альберт, смяв записку в ладони величиной с лопату. — Эти притыренные баптистские продавцы обуви в итоге и вправду сбрендили.

Открыв свой офис, он первым делом позвонил отцу Джону и сказал ему, что обстановка в связи с «Ночью в казино» накаляется.

— Не волнуйся, Альберт, — спокойно сказал отец Брайхем. — Если этот идиот полезет в драку, он узнает, что мы, хе-хе, живоглоты, умеем дать сдачи... я прав?

— Ты прав, отче, — сказал Альберт. Он все еще держал в руке смятую бумаженцию. Теперь он посмотрел на нее с неприятной улыбкой, выглядывавшей из-под его моржовых усов. — Ты прав.

5

В четверть одиннадцатого на цифровом табло, вывешенном перед банком, высветились цифры, говорящие, что температура в Касл-Роке поднялась до семидесяти семи

градусов*. На дальнем конце Оловянного моста не по сезону жаркое солнце породило яркий блик, дневную звезду в том месте, где шоссе № 117 выходило из-за горизонта. Алан Пангборн сидел в своем офисе, готовил отчеты по делу Кобб — Ержик и не видел этого отражения от стекла и металла. Да если бы и увидел, его бы вряд ли это заинтересовало — в конце концов это была всего лишь машина. Так или иначе, немилосердно яркий отблеск хрома и стекла, приближавшийся к мосту на скорости миль семьдесят в час, ознаменовал собой начало значительной вехи в судьбе Алана Пангборна... и всего города тоже.

В витрине «Нужных вещей» табличка с надписью:

КОЛУМБОВ ДЕНЬ
ЗАКРЫТО

сменилась табличкой

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК

6

Приблизившись к зоне, где максимальная скорость была двадцать пять миль, машина делала все пятьдесят. Она переехала мост. Автомобиль был такой, что ребята из старших классов все поголовно умерли бы от зависти: ярко-зеленый «додж челленджер» с настолько сильнофорсированной задней подвеской, что машина чуть ли не пахала носом землю. Через тонированные стекла можно было разглядеть раму безопасности, проходящую по крыше между передними и задними сиденьями. Задняя часть машины была похоронена под наклейками: HEARST, FUELLY, FRAM, QUKER STATE, GOODYEAR WIDE OVALS, RAM CHARGER**. Хромированные дюзы выхлопов не переста-

*25 градусов по Цельсию.

**Фирмы, занимающиеся маслом, шинами и всякими автомобильными прибамбасами.

вали бубнить, питаемые девяносто шестым бензином, который продавался только на шоссе Оксфорд-Плейнс, у самого Портленда.

На перекрестке Главной и Лорель машина тормознула и с визгом свернула на пустое парковочное место перед парикмахерской. Клиентов в этот момент там не было; Билл Фуллертон и Генри Гендрон, второй парикмахер, сидели в креслах для посетителей под старыми рекламными плакатами «Бриогеля» и «Волшебного орехового масла». Они поделили между собой утреннюю газету. Когда водитель подъехавшей машины надавил на педаль газа, заставив выхлопную трубу закашляться дымом, оба брадобрея подняли головы.

— Машина смерти как она есть, на мой скромный взгляд, — сказал Генри.

Билл согласно кивнул и ущипнул себя за нижнюю губу.

— Ага.

Они выжидающе наблюдали, как водитель выключил зажигание и открыл дверцу. Из темных внутренностей «челленджера» появилась нога, обутая в высокий потертый армейский ботинок. За ботинком начиналась черная и тоже весьма потрепанная джинса. Спустя мгновение водитель вылез наружу, снял темные очки, повесил их на ворот рубашки и лениво огляделся по сторонам.

— Ого, — сказал Генри. — Похоже, нам выпала плохая карта.

Билл Фуллертон оторвался от спортивного раздела газеты, и у него слегка отвисла челюсть.

— Туз Мерилл, — сказал он. — Чтоб мне провалиться.

— Какого черта он тут делает? — раздраженно спросил Генри. — Я думал, что он в Микеник-Фоллс, живет там *по-ихнему*.

— Хрен его знает, — сказал Билл и снова оттянул нижнюю губу. — Ты глянь на него! Серый, как крыса, и, наверное, в два раза злее. Сколько ему лет, Генри?

Генри пожал плечами:

— Больше сорока и меньше пятидесяти, точно не знаю. Да кому какая разница? Добра от него не жди.

Как бы услышав его, Туз повернулся лицом к витрине и медленно и насмешливо помахал им рукой. Двое парикмахеров недовольно зафыркали и что-то забубнили, как две старые девы, до которых дошло, что тонкий оценивающий свист, исходящий из бильярдной, предназначался именно им, а не кому-то другому. Туз засунул руки в карманы джинсов и вразвалку пошел по улице — человек, обладающий всем временем мира и всей крутизной обозримой вселенной.

— Как думаешь, может, стоит позвонить шерифу Пангборну? — спросил Генри.

Билл Фуллертон еще раз оттянул нижнюю губу.

— А оно тебе надо? Он и сам скоро узнает, что Туз вернулся в город.

Они молча смотрели вслед Тузу, пока тот не скрылся из виду.

7

Наблюдая, как Туз прогуливается по тротуару, никто никогда бы не догадался, что у этого человека отчаянная проблема. Та же проблема, что и у Бастера Китона, только еще покруче: Туз задолжал кое-кому нехилую кучу денег. Если быть точным, больше восьмидесяти тысяч. Но худшее, что могли сделать кредиторы Бастера, — это посадить его за решетку. А вот если Туз не вернет деньги, причем очень скоро, скажем так, к первому ноября, *его* кредиторы уложат его в землю.

Мальчишки, которых Туз Мерилл когда-то терроризировал — ребята вроде Терри Дачампа, Криса Чамберса и Верна Тессио, — узнали бы его с первого взгляда, несмотря на седеющие волосы. В те годы, когда Туз работал на местной текстильной фабрике (закрывшейся пять лет назад), все было еще не так плохо. Тогда его хобби было

пиво и мелкие кражи. Из-за первого он прилично набрал вес, а из-за второго удостоился пристального внимания старого шерифа Джорджа Баннермана. Потом Туз открыл для себя кокаин.

Он ушел с фабрики. Сбросил пятьдесят фунтов, сидя на больших — *очень* больших — дозах, и в итоге совершил ограбление первой степени. Его финансовая ситуация начала колебаться вверх-вниз с гигантской амплитудой, с которой знакомы лишь оптовые маклеры на бирже и кокаиновые дилеры. Он мог начать месяц на полном голяке, а закончить его с суммой в пятьдесят — шестьдесят тысяч долларов, зарытой где-нибудь под корнями засохшей яблони за его домом в Кранберри-Боуг. Сегодня он мог шикарно отобедать в дорогом французском ресторане у «Мориса», а завтра — давиться макаронами и высохшим сыром у себя в трейлере. Все зависело от рынка и снабжения, потому что Туз, как и большинство продавцов кокаина, был одновременно своим самым любимым и преданным покупателем.

Где-то через год после того, как новый Туз — длинный, тощий, сутулый, уже седеющий — наконец перерос свои комплексы, от которых избавлялся с тех пор, как расстался с системой среднего образования, он встретил двух парней из Коннектикута, которые торговали оружием и взрывчаткой. Туз сразу их заприметил. Как и он сам, братья Корсон были своими самыми любимыми и преданными клиентами. Они предложили Тузу быть их эксклюзивным представителем в центральном Мэне, и он с благодарностью принял это предложение. Это решение было не более деловым, чем решение торговать кокаином. Если в этом мире и было что-то, что Туз любил больше автомобилей и марафета, то это было оружие.

Как-то раз во время очередного финансового кризиса он решил повидать своего дядюшку, которому была должна половина города и который, по слухам, как сыр в масле катался. Туз не видел причины, почему бы дядюшка отказался дать ему заем; он был молод (ну... сорок восемь...

относительно молод), у него были какие-то перспективы, и к тому же он — кровный родственник.

Его дядя, однако, имел совершенно другой взгляд на вещи.

— Не-а, — сказал Реджинальд Марион Мерилл по прозвищу Папаша. — Я знаю, откуда ты берешь деньги... когда они у тебя есть. С этой белой дряни.

— Ой, дядя Реджинальд...

— Не перебивай *меня*... У тебя даже сейчас нос в этом дерьме. Очень неосторожно. Идиоты, которые продают это дерьмо и сами же употребляют, *всегда* становятся неосторожными. А неосторожные люди оказываются в Шенке*. И то если очень повезет. А если не повезет, удобряют собой кусок болота длиной шесть футов и глубиной три фута. Я не могу собирать деньги с людей, которые умерли или мотают срок. И тебе я не дам взаймы даже капельки пота со своей грязной задницы — вот что я хотел сказать.

Это недоразумение случилось почти сразу после того, как Алан Пангборн вступил в должность шерифа округа Касл. И свое первое крупное дело Алан раскрыл, приличноудивив Туза и его двух друзей, пытавшихся взломать сейф в офисе Генри Бофорта в «Подвыпившем тигре». Дело было простым, как в книжке по криминалистике, и Туз загремел в Шоушенк — не прошло и четырех месяцев после предупреждения, данного ему дядей.

Он вышел весной 1989 года и переехал в Микеник-Фоллс. Начал работать; Шоссе Оксфорд-Плейнс принимало участие в программе по трудоустройству условно-досрочно освобожденных, и Джон Мерилл по прозвищу Туз получил место гаражного механика на полставки.

Вокруг болталось множество его старых друзей, не говоря уже о старых клиентах, и вскоре Туз опять начал крутить дела и страдать носовыми кровотечениями.

---

*Имеется в виду Шоушенк, тюрьма для особо опасных преступников в штате Мэн.

Он работал в Шоссе до официального окончания срока и ушел в тот же день. Ему позвонили от Летучих Братьев Корсон из Дэнбери, Коннектикут, и вскоре он вовсю торговал огнестрельным оружием, не забывая и о боливийской веселящей пудре.

Поначалу все вроде бы шло хорошо; незаметно для себя самого он перешел с пистолетов, ружей и самозарядных винтовок на автоматическое и полуавтоматическое оружие. Обвал наступил в июне, когда он продал ракету класса «земля-куда-нибудь» морячку с южноамериканским акцентом. Морячок поставил ящик на пол и заплатил Тузу семнадцать тысяч долларов свежими стодолларовыми купюрами с неповторяющимися номерами.

— А что вы с ней будете делать? — с некоторым удивлением полюбопытствовал Туз.

— Все, что пожэлаэте, сэньор, — без улыбки ответил моряк.

А в июле все и случилось. Туз до сих пор так и не понял, как такое могло случиться. Он жалел лишь об одном: что связался с братьями Корсон, с их оружием и с их порошком. Правда, было уже поздно лить слезы раскаяния. Он взялся за доставку двух фунтов колумбийского порошка от одного поставщика из Портленда; сделку финансировали Майк и Дэйв Корсоны. Они вложили в нее около восьмидесяти пяти штук. Порошок стоил раза в два дороже того, что за него просили: настоящий проверенный термояд. Туз понимал, что восемьдесят пять кило гринов — не совсем та сумма, к которой он привык, но чувствовал себя достаточно уверенно. В те дни Туз Мерилл жил под девизом «Нет проблем!». С тех пор все изменилось. Сильно изменилось.

Изменения наступили в ту самую секунду, когда Дэйв Корсон позвонил из Дэнбери, Коннектикут, и спросил Туза, соображает ли тот, что делает, пытаясь выдать пищевую соду за кокаин. Парень из Портленда, видимо, надул Туза, и, когда Дэйв это понял, его голос утратил дружеские нотки. Он стал очень даже *недружественным*.

Туз мог смыться. Вместо этого он собрал все свое мужество — которое не следовало недооценивать, несмотря на его уже немолодой возраст, — и пошел на встречу с братьями Корсон. Он объяснил им свою точку зрения. Объяснение происходило в «додже»-микроавтобусе с ковром от стены до стены, водяной кроватью с подогревом и зеркальным потолком. Он говорил очень убедительно. Ему *пришлось* говорить очень убедительно, потому что микроавтобус был припаркован на обочине старой грунтовой дороги в нескольких милях от Дэнбери, за рулем сидел негр по кличке Тимми Каланча, а Летучие Братья, Майк и Дэйв, сидели по обе стороны от Туза с заряженными пистолетами.

Во время этой беседы Туз поймал себя на том, что вспоминает разговор с дядей перед ограблением «Подвыпившего тигра». *Неосторожные люди оказываются в Шенке. И то если очень повезет. А если не повезет, удобряют собой кусок болота длиной шесть футов и глубиной три фута.* Ну что ж, с первой половиной Папаша попал в точку, и теперь Туз собирался предпринять все возможное, чтобы избежать второй части. В болоте не бывает амнистий и досрочного освобождения.

Он говорил весьма убедительно. И в какой-то момент он сказал два волшебных слова: Даки Морин.

— Что ты там нес про Даки? — вскинулся Майк Корсон, выпучив свои налитые кровью глаза. — Ты уверен, что это был он?

— Конечно, уверен, — ответил Туз. — А что?

Летучие Братья Корсон переглянулись и вдруг заржали. Туз не понимал причины этого смеха, но все равно был доволен. Хороший знак.

— А как он выглядел? — спросил Дэйв Корсон.

— Высокий такой, хотя и пониже этого. — Туз ткнул пальцем в сторону водителя, болтавшего головой в такт музыке, слышной только ему. — Но все равно высокий. Он канук, индеец. Мой говорить вот так. Есть маленький золотой сережка.

— Да, это старый Даффи Дак, — согласился Майк Корсон.

— Удивительно, как его никто не пришиб до сих пор, — добавил Дэйв Корсон. Он взглянул на брата, и оба покачали головами в удивленном согласии.

— Я думал, что он в порядке, — сказал Туз. — Даки *всегда* был на уровне.

— Ты же вроде тогда на курорте был? — спросил Майк Корсон.

— Небольшой отпуск в отеле «За решеткой», — добавил Дэйв Корсон.

— Ты, похоже, как раз сидел, когда Дакмен изменил почерк, — объяснил Майк. — Вот с тех пор он и скатился.

— В последнее время у Даки появился один небольшой трюк, — продолжил Дэйв. — Слышал про ловлю «на живца», Туз?

Туз на секунду задумался и покачал головой.

— Слышал, слышал, — сказал Дэйв. — Потому что из-за него твои яйца сейчас в тисках. Даки показал тебе много пакетов с белым порошком. Один был заполнен шикарнейшим марафетом. А остальные были полны дерьма. Как и ты.

— Но мы же проверили! — закричал Туз. — Я выбрал пакет наугад!

Майк и Дэйв снова переглянулись с мрачными усмешками.

— Они проверили, — сказал Дэйв Корсон.

— Выбрали пакет наугад, — добавил Майк Корсон.

Оба закатили глаза и уставились на отражения друг друга в зеркальном потолке.

— И? — спросил Туз, переводя взгляд с одного на другого. Он был рад, что они знали этого Даки, и еще он был рад, что они поверили, что он не хотел их обмануть, но все равно был весь на нервах. Они обращались с ним как с законченным болваном, а он этого не любил.

— Что «и»? — огрызнулся Майк Корсон. — Если бы ты не думал, что *сам* выбрал мешок для проверки, сделка

бы не состоялась, не так ли? Даки, как фокусник, проделывает один и тот же трюк с подменой карты. «Выберите карту, любую карту». Про это-то ты точно слышал, Тузёл?

Пистолеты пистолетами, но Туз разъярился:

— Не смей меня так называть!

— А как тебя называть? — спросил Дэйв. — Ты нам должен восемьдесят пять штук, а взамен мы имеем целую кучу пищевой соды ценой в полтора доллара. Можем называть тебя Хьюберт Дж. Говноед, если хочешь, конечно.

Братья снова переглянулись. Между ними произошел безмолвный диалог. Дэйв встал и похлопал Тимми Каланчу по спине. Отдал ему пистолет. Потом Дэйв с Майком вышли наружу и встали плечом к плечу в зарослях сумаха на краю какого-то фермерского поля. Туз не знал, о чем они говорят, но прекрасно понимал, что происходит. Они решали, что им с ним делать.

Он сидел на краю водяной кровати, потел, как свинья, и ждал их возвращения. Каланча развалился на вращающемся кресле, из которого только что вылез Майк Корсон. Он сидел, наставив пушку на Туза и все так же мотая головой. Туз слышал — очень слабо, но слышал, — как из наушников Тимми доносятся голоса Марвина Гея и Тамми Террел. Песня «Как я ошибся».

Майк и Дэйв вернулись в машину.

— Мы даем тебе три месяца на исправление, — сказал Майк. Туз чуть не подпрыгнул от облегчения. — Сейчас нам больше нужны наши деньги, чем удовольствие содрать с тебя кожу. Но есть еще одна причина.

— Мы хотим придавить Даки Морина, — сказал Дэйв. — А то он слишком разошелся.

— Он портит нам всем репутацию, — пояснил Майк.

— Мы уверены, что ты сможешь его найти, — продолжал Дэйв. — Мы уверены, что он понял, что однажды Тузёл — на всю жизнь Тузёл.

— Вопросы есть, Тузёл? — спросил Майк.

Вопросов у Туза не было. Он был рад уже тому, что доживет до следующих выходных.

— Последний срок — первое ноября, — сказал Дейв. — Либо ты принесешь деньги к первому ноября и мы разберемся с Даки, либо мы устроим опыт — сколько кусков можно от тебя оттяпать, прежде чем твоей душе станет не за что держаться в теле.

8

Когда дела шли в гору, у Туза всегда было в запасе около дюжины разных крупнокалиберных стволов, автоматических и полуавтоматических. Большую часть времени он проводил, пытаясь превратить оружие в наличность. А потом превращал наличность в кокаин. Когда нужно по-быстрому раздобыть крупную сумму, лучше порошка еще ничего не придумано.

Но теперь оружейный рынок как-то притих. Туз продал половину своего арсенала — да и то только мелочь — и завис. Во второй неделе сентября в Льюистоне, в баре «Образец», у него была назначена встреча с многообещающим покупателем. Тот клялся и божился, что купит от шести до десяти автоматов, если за партией будет стоять авторитетный делец. Туз мог это устроить — Летучие Братья Корсон были самыми авторитетными из всех торговцев оружием, которых он знал.

Туз зашел в грязный туалет, чтобы нюхнуть пару полосок перед окончательным заключением сделки. Его распирало счастливое, легкое чувство. Он уже предвкушал много-много портретов американских президентов; ему казалось, что он видит свет в конце тоннеля.

Он положил на туалетный бачок зеркальце, которое всегда носил в нагрудном кармане, и насыпал туда кокаин, и тут у писсуара рядом с его кабинкой раздался голос. Туз так никогда и не узнал, чей это был голос, но одно он знал твердо: этот таинственный доброжелатель спас его от того, чтобы загреметь в федеральную тюрьму лет этак на пятнадцать.

— Тип, с которым ты говорил, подключен. У него микрофон, — сказал этот голос, и Туз, выйдя из туалета, смылся через запасный выход.

9

После этого случая (Тузу и в голову не приходило, что его невидимый информатор мог просто прикалываться) на него навалился странный паралич. Он стал бояться всего; покупал порошок только для себя. У него никогда в жизни не было подобного ощущения полного тупика. Это его бесило, но он не знал, что предпринять. Каждое утро он первым делом смотрел на календарь. Ноябрь приближался на всех парах.

А в один прекрасный день он проснулся перед рассветом с мыслью, сверкавшей, как синяя молния: надо ехать домой. Надо вернуться в Касл-Рок. Ответ следует искать там. Это казалось правильным... но даже если все обернется плохо, может быть, смена обстановки хотя бы избавит его от этой воздушной пробки в голове.

В Микеник-Фоллс он был просто Джоном Мериллом, бывшим зеком, который живет в фургоне с пластиковыми окнами и картонной дверью. В Касл-Роке он всегда был *Тузом* Мериллом, настоящим чудовищем, что являлось в кошмарах целому поколению местных детишек. В Микеник-Фоллс он был всего лишь презренным белым отребьем, у которого есть собранный по заказу «додж», но нет для него гаража. В Касл-Роке он был — пусть и недолго — чем-то вроде короля.

Так вот, он вернулся... и что теперь?

Туз не знал. Город казался меньше, мрачнее и пустее, чем он его помнил. Он не сомневался, что Пангборн держится начеку, и уже очень скоро старый Билл Фуллертон возьмет его под локоток и расскажет, кто объявился в городе. Тогда Пангборн разыщет его и спросит, какого черта он тут собирается делать. Он спросит, есть ли у Туза

работа. Работы у него не было, и теперь он даже не мог сказать, что приехал навестить дядьку, потому что Папаша сгорел вместе со своей лавкой старья. Ладно, Туз, скажет Пангборн, давай-ка усаживайся в свою замечательную машину и уматывай отсюда ко всем чертям.

И что он должен ему ответить?

Туз понятия не имел, зато он знал другое: та самая синяя вспышка, которая разбудила его в то утро, по-прежнему мигает у него в голове.

Место, на котором когда-то стоял «Эмпориум Галлориум», все еще пустовало. Сорняки, уличный мусор и обгорелые доски. Многочисленные осколки разбитого стекла отсвечивали в ярком солнечном свете. Здесь не на что было смотреть, но Туз все равно хотел увидеть это место. Он обернулся и перешел на другую сторону улицы. И тут он заметил зеленый навес с надписью:

НУЖНЫЕ ВЕЩИ

Что еще за магазин такой, «Нужные вещи»?! Туз подошел ближе, миновав пустырь, где стояло предприятие его дяди, — вряд ли кто-то его займет в ближайшее время. Первое, что бросилось ему в глаза, было объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК

Он не обратил на него внимания. Зачем бы он ни приехал сюда, в Касл-Рок, уж точно — не за тем, чтобы устроиться на должность кладовщика.

Но в витрине было выставлено несколько шикарных штучек — такие вещички он непременно захватил бы с собой во время ночной уборки в доме какого-нибудь богача. Шахматный набор с фигурками в виде диких животных. Ожерелье из черного жемчуга; Тузу оно показалось дорогим, но жемчужины почти наверняка были искусственные. В этом захолустном городке никто не мог бы себе позволить нитку настоящего черного жемчуга. Но

работа очень даже неплохая; они были очень похожи на настоящие. И...

Туз прищурил глаза, разглядывая книгу, стоявшую за ожерельем. Она стояла на подставке, так что можно было легко разглядеть обложку с силуэтами двух мужчин, стоящих на пригорке. У одного в руках была кирка, у другого — лопата. Они, кажется, что-то копали. Книга называлась *«Тайники и клады Новой Англии»*. Имя автора было напечатано маленькими буквами под картинкой.

Реджинальд Мерилл.

Туз подошел к двери и взялся за ручку. Она легко поддалась. Над головой звякнул колокольчик. Туз Мерилл вошел в «Нужные вещи».

10

— Нет, — сказал Туз, разглядывая книгу, которую мистер Гонт снял с витрины и дал ему в руки. — Я не про эту говорил. Вы не ту взяли, наверное.

— Это единственная книга на витрине, уверяю вас, — произнес мистер Гонт слегка удивленно. — Посмотрите сами, если не верите.

Туз чуть было не полез смотреть, но в итоге просто разочарованно вздохнул:

— Верю, верю...

Книга, которую вручил ему хозяин магазина, была «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона. Видимо, так оно и было: он думал о Папаше, вот ему и почудилось. Все-таки зря он вернулся в Касл-Рок. Это было ошибкой. Какого хрена он сюда поперся?!

— Э-э... послушайте, у вас тут очень интересный магазинчик, но мне пора. Еще увидимся, мистер...

— Гонт, — сказал хозяин, протягивая руку. — Лиланд Гонт.

Туз тоже протянул руку для рукопожатия. В момент контакта по его руке прокатилась горячая электризующая

волна. Его мозг вновь наполнился темно-синим светом — в этот раз целым снопом, пульсирующим и ярким.

Он высвободил руку, не понимая, где находится, растерянный, еле держащийся на ногах.

— *Что* это было? — прошептал он.

— Кажется, это называется «привлечением внимания», — сказал мистер Гонт. — Вы же хотите уделить мне толику своего внимания, мистер Мерилл?

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я же не называл своего имени.

— О, я знаю, кто вы такой, — рассмеялся мистер Гонт. — Я вас ждал.

— Как вы могли меня ждать? Я сам не знал, что приеду сюда, пока в машину не сел!

— Секундочку, я прошу прощения.

Гонт направился к окну, нагнулся и подобрал табличку, стоявшую у стены. Потом подошел к двери, снял табличку:

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК

и повесил

КОЛУМБОВ ДЕНЬ
ЗАКРЫТО

на прежнее место.

— Зачем вы это сделали? — Туз чувствовал себя так, будто наткнулся на ограду из колючей проволоки, к которой был подведен ток.

— У владельцев магазинов есть такая привычка: когда вакансия заполняется, они снимают объявление о приеме на работу, — сказал мистер Гонт с некоторым нажимом. — Мой бизнес в Касл-Роке набрал достаточные обороты, и теперь мне нужна серьезная поддержка плюс дополнительная пара рук. А то я стал быстро уставать.

— Э-э! Я вовсе не собираюсь...

— К тому же мне нужен водитель, — перебил мистер Гонт. — Это, насколько я знаю, ваш основной талант.

Вашим первым заданием, Туз, будет съездить в Бостон. Там в гараже вас ждет автомобиль. Вам он понравится. Это «таккер».

— «Таккер»? — На мгновение Туз забыл, что он приехал в город вовсе не для того, чтобы наниматься в кладовщики... или шоферы. — Что, как в кино?

— Не совсем, — сказал мистер Гонт. Он зашел за старомодный кассовый аппарат, вытащил откуда-то ключ и отпер нижний ящик. Оттуда он извлек два маленьких конверта. Один из них он положил на прилавок. Второй протянул Тузу. — Он немного модифицирован. Вот. Ключи.

— Эй, минутку! Я же сказал...

Глаза мистера Гонта были какого-то странного цвета, который Туз никак не мог определить, но они сначала потемнели, а потом сверкнули, причем так, что у Туза вновь подкосились колени.

— Сейчас ты в глубокой заднице, Туз, но если не прекратишь вести себя, точно страус, который зарылся башкой в песок, я могу потерять всяческое желание тебе помочь. Помощники в магазине идут по дюжине за пять центов. Я знаю, поверь мне. За все эти годы я нанимал их сотнями. Может, тысячами. Так что кончай выкорячиваться *и бери ключи.*

Туз взял маленький конверт. Когда кончики его пальцев дотронулись до руки мистера Гонта, темный, но ослепительный огонь заполнил всю его голову. Он застонал.

— Ты поедешь по адресу, который я тебе дам, — сказал мистер Гонт, — оставишь свою машину там, где сейчас стоит моя. Вернуться надо не позже полуночи. Но я думаю, что ты появишься гораздо раньше. Моя машина намного быстрее, чем кажется.

Он ухмыльнулся, обнажив зубы.

Туз попробовал еще раз:

— Послушайте, мистер...

— Гонт.

Туз неуклюже кивнул. Его движения были похожи на движения марионетки, управляемой начинающим неумелым кукольником.

— В других обстоятельствах я бы принял ваше предложение. Вы... интересный. — Это было не совсем *то* слово, но другого он подобрать не смог. — Но вы правы, я действительно в глубокой... заднице, и если в течение двух недель я не найду крупную сумму наличности...

— А что вы с книгой решили? — спросил мистер Гонт. Судя по его тону, он был доволен. — Вы же из-за нее зашли?

— Это не та, что...

Он обнаружил, что все еще держит книгу в руках, и еще раз взглянул на обложку. Рисунок был тем же, но название вернулось к первоначальному варианту, который он прочел в витрине: *«Тайники и клады Новой Англии»*. Реджинальд Мерилл.

— Что это? — медленно спросил он. Но тут до него дошло. Он находился вовсе не в Касл-Роке; он у себя дома, в Микеник-Фоллс, лежит на своей грязной кровати, и все это ему снится.

— Мне кажется, это похоже на книгу, — высказался мистер Гонт. — А вашего дядюшку разве не Реджинальдом Мериллом звали? Какое забавное совпадение.

— Мой дядя в жизни не писал ничего, кроме счетов и долговых расписок, — сказал Туз все тем же медленным, сонным голосом. Он опять посмотрел на Гонта и обнаружил, что не может отвести глаз. Глаза Гонта меняли цвет. Голубые... серые... карие... черные.

— Ну, — признал мистер Гонт, — имя на этой книге может быть и псевдонимом. Может, я сам ее написал.

— Вы?!

Мистер Гонт подпер рукой подбородок.

— Может быть, это вообще не книга. Может быть, все особые вещи, которые я здесь продаю, на самом деле не то, чем кажутся. Может, это обычное серое барахло с одной замечательной особенностью: способностью прини-

мать форму вещей, которые люди видят в своих снах? — Он помолчал и задумчиво добавил: — Может, это и есть сны.

— Я не понимаю.

Мистер Гонт улыбнулся:

— Я знаю. Это не важно. Туз, если бы ваш дядя *действительно* написал книгу, разве она не была бы посвящена кладам? Вы же не будете спорить, что сокровища — не важно, зарытые в землю или оттягивающие карман его ближнего, — особенно интересовали этого достопочтенного джентльмена?

— Ну да, денежки он любил, — мрачно заметил Туз.

— И что с ними стало? — спросил мистер Гонт. — Он вам что-нибудь оставил? Конечно, оставил; вы же — единственный его родственник.

— Он мне ни единого гребаного цента не оставил! — яростно завопил Туз. — Все в этом городе говорили, что этот ублюдок, мой дядюшка, хранит как зеницу ока свои первые десять центов, но после его смерти на банковском счету было всего-навсего четыре тысячи долларов. Все ушло на похороны и на разборку дерьма, что осталось от пожара. А когда они вскрыли его банковскую ячейку, знаете, что в ней нашли?

— Да, — сказал мистер Гонт, и хотя его лицо было серьезным, даже сочувствующим, глаза от души смеялись. — Торговые марки. Шесть альбомов Пледовых марок и четырнадцать — Золотых купонов*.

— Вот именно! — яростно выпалил Туз. Он недобро покосился на *«Тайники и клады Новой Англии»*. Его удивление и чувство сонливой потерянности на мгновение утонули в этой ярости. — И знаете что? Сейчас Золотые купоны даже сдать некуда! Разорилась та компания. Все в Касл-Роке его боялись, даже я опасался, и все думали,

*Торговые марки — очень популярные в 50–60-е годы купоны, выдававшиеся вместе с покупками. Их собирали, вклеивали в специальные альбомы, которые потом можно было обменять на призы или скидки.

что он богат, как чертов Скрудж Макдак, а он умер банкротом.

— Может, он просто не доверял банкам, — тихо сказал мистер Гонт. — Может, он где-то зарыл свои деньги. Туз, вы не думали, что и такое возможно?

Туз открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Закрыл.

— Прекрати, — сказал мистер Гонт совершенно другим тоном. — Ты похож на рыбу в аквариуме.

Туз посмотрел на книгу у себя в руках. Он положил ее на прилавок и стал листать страницы, испещренные мелким шрифтом. Из книги что-то выпало. Большой и ветхий обрывок коричневой бумаги. Туз его сразу узнал. Это был кусок, оторванный от бумажного пакета, которые выдают в магазине Хемфилла. Как часто, еще маленьким мальчиком, он видел, как его дядя отрывает кусок коричневой бумаги от одного из пакетов, валявшихся под его допотопной кассой. Сколько раз он видел, как дядюшка что-то чертил на таком обрывке... или писал для кого-то долговую расписку?

Дрожащими руками он развернул бумажку.

Это была карта — ясно с первого взгляда, — но вначале он ничего в ней не понял: просто пучок линий, крестиков и кривых кружков.

— Какого хрена?

— Вам нужно сосредоточиться, — посоветовал мистер Гонт. — Вот это должно помочь.

Туз поднял взгляд. Из стеклянного шкафчика за кассой Гонт достал маленькое зеркальце в серебряной рамке. Потом он открыл второй конверт, который достал из ящика под кассовым аппаратом, и щедрой рукой сыпанул кокаина на гладкую поверхность стекла. От опытного взгляда Туза не укрылось то обстоятельство, что по качеству кокаин был просто сказочный — светильник над прилавком выбил из чистейшего порошка тысячи малюсеньких огоньков.

— Гос-споди, мистер! — У Туза аж засвербило в носу от предвкушения. — Он колумбийский?

— Нет, это особый гибрид, — сказал мистер Гонт. — Родом с Равнин Ленга. — Из внутреннего кармана пиджака он достал золотой нож для бумаг и стал выстраивать горку в длинные ровные линии.

— А где это?

— Далеко-далеко за холмами, — не поднимая головы, ответил мистер Гонт. — Не задавайте слишком много вопросов, Туз. Должникам следует просто наслаждаться приятными неожиданностями, которые преподносит им жизнь.

Он убрал нож для бумаг, извлек из того же кармана короткую стеклянную соломинку и вручил ее Тузу.

— Угощайтесь.

Трубочка была на удивление тяжелой: не стекло, а какой-то вид горного хрусталя, подумал Туз. Он нагнулся над зеркалом и замер в нерешительности. А что, если у этого мужика СПИД или что-то вроде?

Не задавайте слишком много вопросов, Туз. Должникам следует просто наслаждаться приятными неожиданностями, которые преподносит им жизнь.

— Аминь, — сказал Туз и втянул порошок. Голова наполнилась слабым банановo-лимонным ароматом, который почему-то всегда бывает у хорошего кокаина. Он был мягким, но мощным. Сердце Туза забилось чаще. В то же время мысли обрели ясность и остроту хорошо заточенной бритвы. Он вспомнил фразу, которую какой-то парень сказал ему через некоторое время после того, как Туз влюбился в эту штуку: *Когда нюхнешь, у вещей появляется больше имен. Намного больше имен.*

Тогда он не понял смысла, зато сейчас...

Он предложил трубочку Гонту, но тот покачал головой.

— Только после пяти, — сказал он. — Это все вам, Туз.

— Спасибо.

Он посмотрел на карту и обнаружил, что прекрасно ее понимает. Две параллельные линии с X посередине — это, конечно, Оловянный мост. *Как только ты это поймешь, все сразу становится на свои места.* Линия, проходящая

между ними, прямо через X и за край бумаги — шоссе № 117. Маленький кружок с кружком побольше должен изображать молочную ферму Гэвино; большой кружок, очевидно, коровник. Все было ясно, как божий день.

Туз снова нагнулся над зеркалом.

— Заряжай и... пли! — промычал он и втянул еще две полоски. Бабах! Бумс! — Господи Иисусе, какая же крепкая гадость! — сказал он срывающимся голосом.

— Нюхня что надо, — признал мистер Гонт.

Туз вскинул голову. Ему показалось, что этот человек смеется над ним, но лицо мистера Гонта было спокойным и ясным. Туз снова согнулся над картой.

Теперь его внимание привлекли крестики. Их тут было семь, нет, восемь. Один вроде бы был на заболоченном мертвом участке, принадлежавшем старику Требелхорну... правда, старик Требелхорн умер много лет назад... но разве не было разговоров о том, что его дядя Реджинальд забрал большую часть этой земли в счет долгов?

Вот еще один, на краю заказника с другой стороны Касл-Вью, если он не ошибся в направлениях. Еще два стояло на городской трассе № 3, рядом с кружком, обозначавшим скорее всего дом Джо Камбера, ферму «Семь дубов». Два других расположились на участке, которым, кажется, владел Даймонд Матч, к западу от озера Касл.

Туз воззрился на Гонта дикими, налитыми кровью глазами.

— Он что, правда зарыл свои деньги? И эти места помечены крестиками? *Там, где он зарыл клады?*

Мистер Гонт элегантно пожал плечами.

— Я не знаю. Какая-то логика в этом есть, но поведение людей очень редко согласуется с логикой.

— Но это *возможно*, — сказал Туз. Он был возбужден кокаином и этим открытием; ощущение было такое, как будто в мышцы рук и живота ему вживили пучки медных проводов. Его желтушное лицо, испещренное оспинами, приняло сизоватый оттенок. — Очень даже возможно! Все эти места, где крестики... *Все они могут быть собственно-*

стью Папаши! Видите? Он мог отдать все эти земли на ответственное управление, или как эта хрень называется... чтобы никто ее не купил... и не начал ничего строить... чтобы там ничего не рыть.

Он втянул остатки кокаина и наклонился над прилавком. Его выпученные, налитые кровью глаза бегали во все стороны.

— Тогда я не только вылезу из задницы, — сказал он тихим, дрожащим голосом. — Да я смогу стать *богачом!*

— Да, — сказал мистер Гонт. — Я бы даже сказал, что такая вероятность весьма велика. Но учтите вот это, Туз. — Он ткнул пальцем в плакат на стене:

ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ И ОБМЕНУ НЕ ПОДЛЕЖАТ.
CAVEAT EMPTOR!

Туз тупо уставился на плакат.

— И что это значит?

— Это значит, что вы не первый человек, который решил, что нашел ключ к богатству в старой книге, — сказал мистер Гонт. — И еще это значит, что мне по-прежнему нужен кладовщик и водитель.

Туз посмотрел на него почти в шоке. Потом рассмеялся.

— Вы смеетесь, да? — Он ткнул в карту. — Мне здесь копать и копать.

Мистер Гонт печально вздохнул, сложил обрывок бумаги, положил его обратно в книгу и саму книгу спрятал где-то под кассой. Все это он проделал с невероятной скоростью.

— Эй! — заорал Туз. — Вы что делаете?

— Я только что вспомнил, что уже пообещал эту книгу другому покупателю, мистер Мерилл. Прошу меня извинить. К тому же магазин в общем-то закрыт. Колумбов день, вы же знаете.

— Да подождите вы!

— Конечно, если бы вы приняли предложенную вам работу, я бы, наверное, что-то придумал. Но, как я убедился, вы очень заняты; вероятно, вам нужно будет привести в порядок все свои дела перед тем, как братья Корсон пустят вас на фарш.

Туз снова принялся хватать ртом воздух. Он попытался вспомнить, где были расположены маленькие крестики, — и не смог. В его воспаленном, взвинченном кокаином мозгу все они слились в один большой крест... такие кресты ставят на кладбищах.

— Ладно! — закричал он. — Ладно, черт с вами, возьмусь я за эту гребаную работу!

— В таком случае, думаю, я таки смогу договориться с тем человеком и продать эту книгу вам, — сказал мистер Гонт. Он выдвинул один из ящиков и сверился с прейскурантом. — Она стоит доллар пятьдесят. — Его неровные, попорченные зубы обнажились в широкой улыбке. — С учетом скидки, как работнику магазина, с вас доллар тридцать пять.

Туз вытащил из заднего кармана бумажник, выронил его, нагнулся, чтобы поднять, и чуть не размозжил голову о прилавок.

— Но мне нужны будут отгулы, — сказал он мистеру Гонту.

— Разумеется.

— Мне ведь серьезно нужно копать.

— Естественно.

— Время не ждет.

— Хорошо, что вы это понимаете.

— Можно сразу по возвращении из Бостона?

— А вы не устанете?

— Мистер Гонт, я не могу себе позволить уставать.

— Тут я могу вам помочь, — сказал мистер Гонт. Его улыбка стала еще шире, и зубы теперь торчали, как у скелета. — Есть у меня одно средство.

— Что? — переспросил Туз. — Что вы сказали?

— Простите?

— Ничего, — сказал Туз. — Проехали.

— Как скажете. Ключи у вас?

Туз удивленно обнаружил, что успел запихать конверт с ключами в задний карман.

— Хорошо. — Мистер Гонт оттарабанил на своей старинной кассе $1.35, взял у Туза пятидолларовую купюру и дал ему три доллара шестьдесят пять центов сдачи. Туз принял их, как во сне. — Так, — сказал мистер Гонт. — Вот вам мои указания, Туз. Запомните главное: вернуться к полуночи. Если к полуночи вас тут не будет, я очень расстроюсь. А когда я расстроен, я иногда выхожу из себя. А когда я выхожу из себя, от меня лучше держаться подальше.

— А вы что, превращаетесь в чудище? — пошутил Туз.

Мистер Гонт посмотрел на него с такой свирепой ухмылкой, что Туз поневоле отпрянул.

— Да. Именно так я и делаю. Превращаюсь в чудище. Именно так. А теперь слушай внимательно.

Туз слушал очень внимательно.

11

В четверть одиннадцатого, когда Алан уже собирался к Нан выпить чашечку кофе, Шейла Брайхем вызвала его по селектору. Сонни Джакетт на линии, сообщила она. Он упорно твердит, что будет говорить только с Аланом и больше ни с кем.

Алан взял трубку.

— Привет, Сонни. Что-то случилось?

— Да уж, — протянул Сонни своим носовым южным говором. — Придется подложить тебе на тарелку еще хлопот, несмотря на вчерашнюю двойную добавку. Шериф, мне кажется, в городе появился твой старый дружок.

— И кто же?

— Туз Мерилл. Я видел его машину.

Вот черт, какие еще будут сюрпризы? — подумал Алан.

— Ты его видел?

— Нет, но с машиной ошибиться не мог. Ярко-зеленый «додж челленджер», дети их называют «гадюками». Я его уже видал.

— Ну, спасибо, Сонни.

— Не за что. Алан, теперь эта оторва опять в Касл-Роке поселится?

— Не знаю, — сказал Алан и, вешая трубку, подумал: *Но обязательно выясню.*

12

Как раз рядом с «челленджером» было незанятое место. Алан поставил свою патрульную машину рядом с ним и вышел наружу. Он увидел, что Билл Фуллертон и Генри Гендрон с живым интересом наблюдают за ним через витрину парикмахерской, и махнул им рукой. Генри выразительно потыкал пальцем на другую сторону улицы. Алан кивнул и пошел туда. Вчера Вильма Ержик и Нетти Кобб закололи друг друга, сегодня в городе появился Туз Мерилл. *Этот город превращается в цирк Барнума и Бейли,* подумал он.

Дойдя до тротуара на другой стороне улицы, он увидел, как Туз вышел из тени зеленого навеса над «Нужными вещами». Он что-то держал в руке. Сначала Алан не разглядел; что именно, а когда разглядел, не поверил своим глазам. Туз Мерилл был не из тех людей, в руках у которых ты ожидаешь увидеть книгу.

Они сошлись перед пустым участком, где когда-то стоял «Эмпориум Галлориум».

— Привет, Туз, — сказал Алан.

Туз, казалось, ничуть не удивился. Он снял темные очки с ворота рубашки, растряс их одной рукой и надел.

— Так-так-так, как делишки, босс?

— Что ты делаешь в Касл-Роке, Туз? — спокойно спросил Алан.

Туз с неподдельным интересом посмотрел на небо. В стеклах его «рэй-банов» мелькнули яркие блики.

— Идеальный день для прогулки, — сказал он. — Погодка прямо летняя.

— Очень хорошо, — согласился Алан. — А права у тебя в порядке?

Туз укоризненно посмотрел на Алана:

— Разве я сел бы за руль без документов? Это же незаконно.

— Это не ответ.

— Я пересдал на права, как только вышел. Теперь я добропорядочный гражданин. Удовлетворен, босс?

— Думаю, лучше все-таки перепроверить. — Алан выжидающе вытянул руку.

— Я и не ожидал, что ты мне поверишь! — сказал Туз. Он говорил в том же насмешливом, издевательском тоне, но за ним уже скрывалась злость.

— Скажем так, я просто родом из Миссури.

Туз переложил книгу в левую руку, чтобы вытащить бумажник, и Алан успел рассмотреть название книги. Это был *«Остров сокровищ»* Роберта Льюиса Стивенсона.

Он проверил права. Они были подписаны и действительны.

— Документы на машину лежат в бардачке, если хочешь, можем перейти на ту сторону и тоже проверить. — Теперь злость в голосе Туза слышалась явственнее. В нем пробивалось прежнее высокомерие.

— Ладно, тут я тебе поверю. Так зачем ты на самом деле сюда приехал?

— Я приехал посмотреть на это. — Туз ткнул пальцем в пожарище. — Не знаю зачем, но приехал. Сомневаюсь, что ты мне поверишь, но именно так все и обстоит.

К собственному удивлению, Алан ему поверил.

— Я вижу, ты еще и книгу купил.

— Я умею читать, — вскинулся Туз. — Хотя ты, наверное, и в этом тоже сомневаешься.

— Ну-ну. — Алан запустил большие пальцы за ремень. — Пустырь ты обозрел и книгу приобрел.

— Ух ты! Поэт, однако.

— Может, и так. Молодец, Туз, что заметил. А теперь тебе самое время катиться из города на все четыре стороны. Согласен?

— А если нет? Найдешь причину, чтобы запихать меня за решетку? Шериф Пангборн, в вашем словаре есть место для слова «реабилитация»?

— Да, — сказал Алан. — Но Туз Мерилл никак с этим словом не вяжется.

— Не доводи меня.

— Я тебя не довожу. Когда начну доводить, ты поймешь.

Туз снял очки.

— Ребята, вы не умеете вовремя остановиться. Не умеете... бля... вот в чем дело.

Алан промолчал.

Туз взял себя в руки. Он снова надел очки.

— Знаешь, я, наверное, все-таки *уеду*. Мне надо кое-куда попасть и кое-кого повидать.

— Отлично. Бог любит людей в трудах праведных.

— Но если я захочу вернуться, я вернусь. Ты меня слышишь?

— Я тебя слышу, Туз, и хочу сказать, что с твоей стороны это будет весьма опрометчиво. Ты *меня* слышишь?

— Ты меня не запугаешь.

— Если так, — сказал Алан, — то ты еще тупее, чем я думал.

Туз посмотрел на Алана сквозь черные стекла своих очков и расхохотался. Странный это был смех, жутковатый и чуть диковатый. Но Алана это не волновало. Он стоял и смотрел, как Туз перешел на ту сторону улицы — вразвалочку, как престарелый рокер, — открыл дверцу машины и сел за руль. Движок взревел почти сразу. Из выхлопных труб вылетела струя густого дыма; прохожие остановились, чтобы посмотреть на это зрелище.

Глушитель запрещенной модели. Фары галогеновые. Я мог бы его оштрафовать, подумал Алан.

А смысл? У него были заботы и посерьезнее, чем Туз Мерилл, который все равно уже уехал. Ну и скатертью дорожка.

Он наблюдал за тем, как зеленый «челленджер» делает разворот прямо на Главной улице (что тоже было нарушением) и направляется прочь из города. Потом он обернулся и задумчиво посмотрел на зеленый навес. Туз вернулся в свой родной город и купил книгу. «Остров сокровищ». Он купил ее в «Нужных вещах».

А разве сегодня магазин не закрыт, подумал Алан. *Что там за вывеска?*

Он подошел ко входу в магазин. Насчет таблички он не ошибся.

КОЛУМБОВ ДЕНЬ
ЗАКРЫТО

Если он впустил Туза, может, и меня впустит, подумал Алан, собираясь постучать. Но не успел он дотронуться до двери, у него на поясе запищал пейджер. Алан нажал на кнопку, чтобы эта сволочь заткнулась, и нерешительно застыл перед дверью... но в общем-то сомнений тут быть не могло. Если вы адвокат или бизнесмен, вы можете себе позволить какое-то время игнорировать срочные вызовы, но если вы — шериф округа, да еще избранный, а не назначенный, то тут вопросов быть не должно.

Алан перешел через улицу, остановился на той стороне и обернулся. Он чувствовал себя ведущим в детской игре «тише едешь — дальше будешь», который резко оборачивается, чтобы засечь движение остальных игроков и отослать их обратно на старт. Чувство, что за ним наблюдают, вернулось и стало сильнее. Он был уверен, что заметил, как дернулась занавеска на двери со стороны мистера Гонта.

Но тщетно. Магазин нежился под неестественно жаркими лучами октябрьского солнца, и если бы Алан не

видел своими глазами, как оттуда выходит Туз, он мог бы поклясться, что в магазине действительно пусто, несмотря ни на какие предчувствия.

Он подошел к своей машине, дотянулся до микрофона и вышел на связь.

— Звонил Генри Пейтон, — доложила Шейла. — Отчет Генри Райана о Нетти Кобб и Вильме Ержик уже у него на руках. Как понял?

— Понял, прием.

— Генри говорит, что, если ты хочешь получить его с пылу с жару, он будет на месте до полудня. Прием.

— Ладно. Я на Главной. Скоро буду.

— Да, Алан.

— Что?

— Генри еще спросил, собираемся ли мы в этом веке обзавестись факсом, чтобы он мог присылать документы прямо сюда, вместо того чтобы звонить тебе и читать их вслух. Прием.

— Скажи ему, чтобы он написал письмо Главе городской управы, — проворчал Алан. — Бюджет не я составляю, и он это прекрасно знает.

— Я просто передаю *его* слова, и нечего на меня рычать. Прием.

Алан подумал, что Шейла и сама тоже порыкивала.

— Ладно, конец связи.

Он сел в машину и повесил микрофон на место. Взглянув на часы, он увидел, что уже половина одиннадцатого и температура поднялась до восьмидесяти двух градусов. *Боже, только этого нам не хватало: у всего города один большой солнечный удар.*

Погруженный в мысли, Алан медленно подъехал к зданию муниципалитета. Он не мог избавиться от ощущения, что в Касл-Роке что-то происходит — что-то скользит к самому краю и скоро сорвется и выйдет из-под контроля. Дурацкое ощущение, полная чушь, но он не мог от него избавиться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

На праздники все городские школы были закрыты, но Брайан Раск не пошел бы в школу, даже если бы она работала.

Брайан заболел.

Это была не какая-то физическая болезнь, вроде ветрянки или коклюша, и даже не понос, самая унизительная из всех болезней. Не было это и нервным расстройством — хотя в последнее время он действительно сильно нервничал, тут дело было совсем в другом. Та его часть, которая подхватила болезнь, лежала где-то на подсознательном уровне; какая-то особая часть его организма, недоступная никаким иголкам и микроскопам, стала больной и унылой. Он всегда был веселым и жизнерадостным мальчиком, как будто подсвеченным внутренним солнышком. Но теперь это солнышко скрылось, затянутое толстым слоем серых туч, которые все громоздились и громоздились друг на друга.

Тучи начали собираться в тот день, когда он бросался грязью в простыни Вильмы Ержик; они сгустились, когда мистер Гонт явился к нему во сне, одетый в униформу «Доджеров», и сказал, что он еще не расплатился за карточку Сэнди Куфакса... но сегодня утром, когда Брайан спустился завтраку, штормовая завеса стала уже сплошной.

Его отец, одетый в серую спецовку, которую он носил на работе (компания «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже»), сидел на кухне и читал портлендский «Пресс-Геральд».

— Проклятые «Патриотс», — пробурчал он из-за газетной баррикады. — В какой, интересно, заднице они надеются раздобыть полузащитника, который умеет прилично кидать этот дерьмовый мяч?!

— Не ругайся при детях, — сказала Кора, стоявшая у плиты, причем сказала спокойно, без своей обычной экзальтированной одержимости. Ее мысли витали совсем не здесь.

Брайан сел на свое место и налил молока в тарелку с кукурузными хлопьями.

— Брай, слышь! — радостно завопил Шон. — Давай сёдня сходим в город. Поиграем на автоматах.

— Может, и сходим, — сказал Брайан. — Я даже... — И тут он увидел заголовок на первой странице газеты и умолк на полуслове.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА. В КАСЛ-РОКЕ УБИТЫ ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

«Это была дуэль», — сообщает наш источник в полиции штата.

Там же были фотографии этих двух женщин. Брайан узнал обеих. Одна из них, Нетти Кобб, жила неподалеку от перекрестка на Форд-стрит. Мама говорила, что она чокнутая, но Брайану так не казалось. Он пару раз останавливался, чтобы погладить ее собаку, и Нетти вела себя совершенно нормально.

На второй фотографии была Вильма Ержик.

Брайан потыкал ложкой в своей тарелке, но так ничего и не съел. Когда отец ушел на работу, он просто выкинул промокшие хлопья в мусор и поднялся в свою комнату. Он ожидал, что мама поднимется следом и начнет допрос, почему это он выбросил в мусор хорошую еду, в то время как дети в Африке голодают (она, кажется, была свято убеждена, что мысли о голодающих детях должны улучшать аппетит), но она не пришла; кажется, это утро она провела в каком-то своем мире.

Зато Шон был тут как тут и по-прежнему не давал ему покоя.

— Ну что, Брай? Пойдешь в город? Пойдешь? — Он аж пританцовывал от предвкушения. — В игрушки поиграем, может, зайдем в тот новый магазин, где в витрине всякие странные штуки...

— Не смей туда лезть! — закричал Брайан так, что его младший брат испуганно отскочил назад. — Ой, — сказал Брайан. — Извини. Просто не надо туда ходить, Шоно. Трухлявое это место.

У Шона тряслась нижняя губа.

— Но Кевин Пелки говорил...

— И кому ты поверишь? Этому сопляку или своему родному брату? Не надо, там нехорошо, Шон. Там... — Он облизнул губы и сказал то, что считал абсолютной правдой: — Это плохое место.

— Что с тобой происходит? — спросил Шон. Судя по голосу, он был сильно напуган. — Ты все выходные какой-то вообще тормознутый! И мама тоже!

— Просто я себя плохо чувствую.

— Ну... — Шон задумался. Потом расцвел. — А может, поиграешь на автоматах — и выздоровеешь? Мы можем сыграть в «Воздушный рейд», Брай! У них есть «Воздушный рейд»! Там ты сидишь вроде как внутри кабины, а она двигается и болтается взад-вперед. Такой кайф!

Брайан обдумал это предложение. Он даже представить себе не мог, как пойдет в зал видеоигр. Не сегодня, может, вообще никогда. Там будут все остальные ребята — сегодня выходной и придется постоять в очереди, если хочешь попасть на хорошие игрушки типа «Воздушного рейда», — но он уже был не таким, как они, и, возможно, уже никогда не будет.

В конце концов карточка 1956 года с Сэнди Куфаксом есть у *него*.

Но он все равно хотел сделать Шону что-то приятное, да кому угодно, лишь бы загладить ту ужасную вещь, которую он сделал с Вильмой Ержик. Поэтому он сказал Шону, что тот может пойти поиграть в видеоигры, и даже

дал ему мелочи. Брайан вытряс ее из своего личного «банка» в большой пластиковой бутылке из-под колы.

— Мамочка! — сказал Шон, выпучив глаза. — Здесь же восемь... девять... десять четвертаков! Тебе что, правда *так* плохо?

— Наверное, да. Ты давай веселись, Шоно. И не говори маме, а то она заставит тебя их вернуть.

— Она в своей комнате, возится с этим темными очками, — сказал Шон. — Она даже не знает, живы мы или нет. — Он подумал секунду и добавил: — Ненавижу эти очки. Они очень страшные. — Потом он присмотрелся к старшему брату и сказал: — А ты правда плохо выглядишь, Брай.

— Да, — согласился Брайан. — Я, наверное, лягу.

— Ладно... Я тебя подожду немного. Скажи, если станет лучше. Я пока мультики посмотрю на пятьдесят шестом канале. Станет лучше — спускайся. — Шон позвенел монетками в сжатом кулаке.

— Обязательно, — сказал Брайан и тихо закрыл дверь за младшим братом.

Но лучше ему не стало. Наоборот, ему становилось все *(облачнее)*

хуже и хуже. Он думал о мистере Гонте. Он думал о Сэнди Куфаксе. Он думал о громком заголовке в газете: СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА. В КАСЛ-РОКЕ УБИТЫ ДВЕ ЖЕНЩИНЫ. Он думал о фотографиях, о знакомых лицах, составленных из черно-белых зернистых точек.

Один раз он почти уснул, но тут в спальне родителей включился проигрыватель. Мама снова поставила эту заезженную сорокапятку Элвиса. Почти все выходные она только и делала, что слушала своего Элвиса. Мысли вились и роились в голове Брайана, как мусор, поднятый смерчем.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА.

— Говорили, что ты — первый класс... но это все чушь. Это была дуэль.

СМЕРТЕЛЬНАЯ: Нетти Кобб, дама с собачкой.
— Ты так ничего и не понял...
Если хочешь иметь со мной дело, надо помнить две вещи.
СХВАТКА: Вильма Ержик, дама с простынями.
Мистеру Гонту лучше знать.
— ...и ты мне не друг.
...дуэль не закончена, пока мистер Гонт не СКАЖЕТ, что она закончена.

Мысли кружились, словно взвихренный коктейль из страха, вины и жалости к себе, под ритмы золотых хитов Элвиса Пресли. Ближе ко второй половине дня у Брайана скрутило желудок. Он прямо в носках поспешил в туалет в конце коридора, плотно закрыл дверь и как можно тише вытошнил в унитаз. Мать не слышала. Она так и сидела у себя в комнате, и Элвис ей напевал, что хочет быть ее плюшевым мишкой.

Когда Брайан возвращался к себе в комнату, чувствуя себя совершенно несчастным, его вдруг охватила ужасная, необъяснимая уверенность: его Сэнди Куфакс пропал. Кто-то украл его прошлой ночью, пока он спал. Из-за этой карточки он стал соучастником убийства, а теперь она пропала.

Он пустился бегом, чуть не шлепнулся, поскользнувшись на ковре, и схватил альбом для бейсбольных карточек, лежавший на шкафу. Он так быстро листал страницы, что некоторые сорвались с колец. Карточка — *эта* карточка — была на месте: узкое лицо Сэнди Куфакса смотрело на Брайана из-под пластикового покрытия на последней странице. Она была на месте. Брайан почувствовал несказанное облегчение.

Он достал карточку из кармашка, подошел к кровати и улегся с карточкой в руках. Он не представлял, как можно выпустить из рук такое сокровище. Это все, что он вынес из всего этого кошмара. Единственное. Карточка больше ему не нравилась, но она принадлежала ему. Если бы он мог вернуть к жизни Нетти Кобб и Вильму Ержик, спалив ее дотла, то он уже носился бы по дому в поисках

спичек (во всяком случае, он так думал); но он не мог их оживить, а если так, то лишиться карточки и остаться ни с чем было бы совсем уже нехорошо.

Брайан вытянул руки, уставился в потолок и прислушался к гулкому голосу Элвиса, который теперь пел «Деревянное сердце». Неудивительно, что Шон сказал, что он плохо выглядит: лицо белое, глаза большие и безразличные, под глазами темные круги. *А сердце, наверное, стало совсем деревянным*, подумал он.

Внезапно новая мысль — совершенно ужасная, жуткая мысль — прорезала тьму вялой апатии с шипящей, мгновенной яркостью метеора: *Его же видели!*

Он сел в постели, с ужасом глядя на себя в зеркальную дверь гардероба. Ярко-зеленый халат! Ярко-красный платок, накинутый на бигуди! Миссис Мислабурски!

Мальчик, что там происходит?

Не знаю. Наверное, мистер и миссис Ержик ссорятся.

Брайан слез с кровати и подошел к окну, почти ожидая увидеть там шерифа Пангборна, подъезжающего к их дому на патрульной машине. Никакого шерифа там не было, но ждать оставалось недолго. Потому что две женщины убили друг друга в смертельной схватке; идет расследование. Миссис Мислабурски будет давать показания. Она скажет, что видела мальчика у дома Ержиков. Этого мальчика, скажет она шерифу, зовут Брайан Раск.

Внизу зазвонил телефон. Мать не взяла трубку, несмотря на то что у нее в спальне стоял параллельный аппарат. Она продолжала петь вместе с пластинкой. В конце концов трубку взял Шон.

— Кто говорит?

Брайан спокойно подумал: *Он вытянет из меня все. Я не умею врать, тем более — полицейскому. Я даже миссис Леру не смог соврать, когда ее вазу разбили. Он все узнает, и я сяду в тюрьму за убийство.*

В этот момент Брайан впервые подумал о самоубийстве. Эти мысли не были ни мрачными, ни романтическими — наоборот, очень спокойными, даже рациональ-

ными. В гараже у папы было ружье, и в эту минуту ружье казалось прекрасным выбором. Ружье казалось ответом на все вопросы.

— *Бра-аинн! К телефону!*

— Я не хочу говорить со Стэном! — крикнул он. — Скажи, пусть завтра перезвонит!

— Это не Стэн! — крикнул в ответ Шон. — Это какой-то мужик. Взрослый.

Брайану показалось, что его сердце схватили громадные ледяные руки — схватили и сжали. Вот и все, это звонит шериф Пангборн.

Брайан? У меня к тебе несколько вопросов. Серьезных вопросов. Боюсь, что, если ты прямо сейчас не придешь сюда и не ответишь на них, я буду вынужден приехать к тебе сам с ордером на арест. Придется приехать к тебе в полицейской машине. Скоро твое имя появится в газетах, твою фотографию будут показывать по телевизору, и все твои друзья тебя увидят. Тебя увидят и твои мама с папой, и твой младший брат. А когда покажут фотографию, диктор скажет: «Это Брайан Раск, мальчик, который замешан в убийстве Вильмы Ержик и Нетти Кобб».

— К-к-кто это? — тонким испуганным голосом крикнул он.

— Не знаю! — Шона оторвали от «Трансформеров», и он поэтому злился. — Кажется, его зовут Кроуфикс. Ну, что-то такое.

Кроуфикс?

Брайан стоял в дверях спальни, прислушиваясь к своему бешено колотящемуся сердцу. На его бледных щеках горели красные пятна, как клоунский грим.

Не Кроуфикс.

Куфакс.

Сэнди Куфакс позвонил ему по телефону. Правда, Брайан догадывался, кто это *на самом деле*.

Спускаясь по лестнице, он еле передвигал ноги. Телефонная трубка весила не менее пятисот фунтов.

— Привет, Брайан, — негромко сказал мистер Гонт.

— З-з-здравствуйте, — тем же срывающимся писклявым голосом отозвался Брайан.

— Тебе не о чем волноваться, — сказал мистер Гонт. — Если бы миссис Мислабурски видела, как ты кидаешь камни, она бы не спросила тебя, что ты там делал, правда?

— Откуда вы все это знаете? — Брайана вдруг затошнило.

— Не важно. Важно, что ты, Брайан, все сделал правильно. То, что должен был сделать. Ты сказал ей, что мистер и миссис Ержик, наверное, ссорятся. Если даже полиция тебя найдет, они будут думать, что ты видел того, кто кидает камни. Они решат, что ты его не видел, потому что он был за домом.

Брайан заглянул в гостиную, где стоял телевизор, чтобы убедиться, что Шон не подслушивает. Так и было: брат сидел перед телевизором по-турецки с мешком воздушной кукурузы на коленях.

— Я не могу врать! — прошептал он в трубку. — Я всегда попадаюсь!

— *Не в этот раз*, Брайан, — сказал мистер Гонт. — В этот раз ты покажешь себя настоящим чемпионом.

Самое ужасное, что и сейчас Брайан подумал, что мистеру Гонту действительно лучше знать.

2

Пока старший сын Коры Раск думал о самоубийстве и тихим, отчаянным шепотом спорил с мистером Гонтом, сама Кора Раск, в домашнем халате, танцевала под Элвиса Пресли у себя в спальне.

Только она была вовсе не в спальне.

Надевая солнечные очки, которые продал ей мистер Гонт, она тут же оказывалась в Грейсленде.

Она танцевала в шикарных залах, пахнущих масляной краской и жареной едой, в залах, где тишину нарушали лишь еле заметный гул кондиционеров (в Грейсленде от-

крывались далеко не все окна; многие из них были забиты и абсолютно все — занавешены), шорох ее собственных шагов по мягким коврам и Элвис, поющий «Исполнилась моя мечта» своим завораживающим, чудным голосом. Она танцевала под громадной люстрой из французского хрусталя в столовой и возле павлинов из цветного стекла. Она касалась рукой портьер из дорогого синего бархата. Мебель была во французском провинциальном стиле. Стены — кроваво-красного цвета.

Потом, как в кино, сменился план, и Кора очутилась в подвале. На одной стене там были вешалки из оленьих рогов, на другой — колонны из золотых дисков, вставленных в рамочку. Третью стену составляли ряды выключенных телевизоров. За длинным изогнутым баром на полках теснились бутылки с лимонадом: апельсиновым, лимонным и мандариновым.

На старом проигрывателе щелкнуло устройство для смены пластинок. Новая сорокапятка сменила предыдущую. Элвис запел «Голубые Гавайи», и Кора уплыла в Комнату Джунглей с ее потрясающими божками Тики, диваном с горгульями и зеркалом, украшенным рамкой из перьев, надерганных из грудок живых фазанов.

Она танцевала. Она танцевала в темных очках, купленных в «Нужных вещах». Она танцевала в Грейсленде, пока ее старший сын лежал на кровати, смотрел на узкое лицо Сэнди Куфакса и думал о ружьях и алиби.

3

Здание средней школы Касл-Рока представляло собой мрачную груду красного кирпича между почтамтом и библиотекой — напоминание о тех временах, когда городские головы пребывали в непоколебимой уверенности, что школа должна походить на тюрьму. Это здание было построено в 1926 году и служило замечательной иллюстрацией данной мысли. Каждый год город на шаг приближался

к решению построить новую школу — с нормальными окнами вместо узких амбразур, с игровой площадкой, которая не выглядела бы как физкультурная зона в колонии, и классами, в которых дети не мерзли бы зимой.

Логопедический класс — или класс речевой терапии — Салли Рэтклифф, ко всему прочему, находился в подвале, зажатый между кочегаркой и кладовкой с ее стопками бумажных полотенец, коробками мела, учебниками и бочками с какими-то непонятными вонючими красными опилками. В комнатке стояли учительский стол и шесть парт, и развернуться там можно было с большим трудом, но Салли все равно постаралась сделать это место как можно более приветливым и веселым. Она знала, что большинство детей, ходивших на ее уроки — заики, шепелявые, дислектики, — ненавидели свои дефекты. Их мучили сверстники и дотошно допрашивали родители. И ей совсем не хотелось, чтобы они еще и занимались в унылой и серой обстановке.

Итак, на пыльных потолочных трубах висели две передвижные доски, стены были увешаны портретами теле- и рок-звезд, а на дверь был наклеен большой плакат с Гарфилдом. Гарфилд улыбался и говорил: «Если крутой кот вроде меня может болтать всякую чушь, то для тебя это вообще не проблема!»

Бумаги и журналы Салли были ужасно запущены, несмотря на то что с начала занятий прошло всего пять недель. Она собиралась посвятить этот день тому, чтобы привести их в порядок, но в четверть второго она сгребла журналы в кучу, запихала обратно в шкафчик и закрыла его на ключ. Она сказала себе, что день слишком хорош для того, чтобы сидеть, скрючившись в подвале, даже если кочегарка через стену столь милостиво затихла. Естественно, это была не вся правда. На этот вечер у Салли были весьма определенные планы.

Она хотела вернуться домой, сесть в свое кресло у окна, чтобы солнце заливало ее колени, и помедитировать над чудесной щепкой, купленной в «Нужных вещах».

Она все больше и больше убеждалась, что щепка была настоящим, неподдельным чудом — одним из тех маленьких, божественных сокровищ, рассыпанных Господом по поверхности земли, чтобы верующие в Него могли их отыскать. Держать эту щепку в руках было... как выпить стакан свежей, чистой воды из колодца в жаркий день. Держать ее в руках было как насытиться в голод.

Держа ее в руках, Салли впадала в экстаз.

Но при всем том что-то ее беспокоило. Она спрятала щепку в нижний ящик комода у себя в спальне, под нижним бельем, она всегда запирала входную дверь, когда куда-нибудь уходила, но все равно она страшно боялась, что кто-то вломится в дом и украдет

(*священную реликвию*)

ее щепку. Она понимала, что это все глупости: какой вор позарится на старый серый кусок дерева, даже если найдет?! Но если грабитель случайно *коснется* его... если звуки и видения заполнят *его* сознание, как они заполняют ее каждый раз, как она сжимает щепку в своем кулачке...

...тогда...

Поэтому она поедет домой. Переоденется в шорты и майку и проведет час (а может, и больше) в тихой

(*экзальтации*)

медитации, ощущая, как пол под ней превращается в медленно вздымающуюся и опадающую палубу корабля, слыша, как животные в трюме мычат, рычат и кукарекают, чувствуя свет и тепло иного солнца, ожидая волшебного момента — она была уверена, что он наступит, этот момент, если она будет держать щепку достаточно долго и будет вести себя очень тихо и очень много молиться, — когда нос громадного деревянного судна с мягким скрежетом коснется вершины горы. Она не знала, почему Бог счел ее достойной, почему он избрал ее из всех верующих мира и благословил ее этим ярким, сияющим чудом, но теперь, когда ОН это сделал, Салли собиралась впитать этот опыт как можно полнее и глубже.

Она вышла через боковую дверь и пересекла спортивную площадку, направляясь к школьной автостоянке, — высокая молодая девушка со светлыми волосами и длинными ногами. Эти ноги были неизменным поводом к оживленным спорам в парикмахерской, когда Салли Рэтклифф проплывала мимо в своих мягких туфельках на низком каблуке, обычно с сумочкой в одной руке и Библией, набитой закладками, — в другой.

— Иисусе, у этой девчонки ноги растут от шеи, — сказал однажды Бобби Дугас.

— Пусть они тебя не волнуют, — ответил Чарли Фортин. — Тебе не светит почувствовать, как они обвиваются вокруг твоей задницы. Она принадлежит Иисусу и Лестеру Пратту. Именно в такой последовательности.

И вся парикмахерская взорвалась настоящим, от всей души, хохотом. А снаружи Салли Рэтклифф шла своей дорогой на Библейские курсы для молодежи, которые по четвергам проводил преподобный Роуз, — вся такая сияющая, беззаботная, плотно закутанная в собственную радостную невинность и чистоту.

Если бы в тот момент в парикмахерской оказался Лестер Пратт, никаких шуток о ногах Салли и о *чем-нибудь еще*, что есть у Салли, разумеется, не прозвучало бы. Он заходил туда примерно раз в три недели, чтобы укоротить щетину на своем черепе. Всем, кому это не все равно, было ясно, что Лестер пребывает в непоколебимой уверенности, что Салли пукает духами, а срет петуниями, и не дай вам Бог спорить о подобных вещах с упертым товарищем вроде Лестера. Он был достаточно дружелюбным парнем, но в вопросах Бога и Салли его серьезность не уступала танковой броне. Парень вроде Лестера может запросто оторвать тебе руки и ноги и приставить их заново — другим, более интересным способом.

Они с Салли общались довольно тесно, но еще ни разу они не доходили *до дела*. После этих забав Лестер обычно возвращался домой совершенно разобранный: голова идет кругом от радости, яйца трещат от недосказанности. Он

потом долго не спал, мечтая о той ночи (ждать которой осталось недолго), когда ему не нужно будет останавливаться. Иногда он всерьез опасался, как бы не утопить ее, когда они в первый раз по-настоящему сделают ЭТО.

Салли тоже с нетерпением ждала свадьбы, когда закончится их воздержание... хотя в последние дни объятия Лестера казались ей уже не такими важными. Она долго решала, стоит ли рассказывать ему о куске дерева со Святой Земли, который она купила в «Нужных вещах», и в итоге решила не говорить. Она *расскажет*, конечно: чудесами надо делиться. Не поделиться чудом было бы несомненным грехом. Но Салли с удивлением (и некоторым разочарованием) поняла, что каждый раз, когда она представляет, как показывает Лестеру щепку и предлагает ее подержать, чувства ревнивой собственницы берут верх.

Нет! — закричал злой детский голос, когда она впервые подумала об этом. *Нет, это мое! Для него это совсем не так важно, как для меня! Не так!*

Придет день, и она разделит с ним это чудо, так же как придет день, и она разделит с ним свое тело — но ни для того, ни для другого время еще не пришло.

Этот жаркий октябрьский день принадлежал только ей.

На стоянке было совсем мало машин, и «мустанг» Лестера был самым новым и красивым из всех. С ее собственной машиной была куча проблем: что-то постоянно ломалось в трансмиссии, — но на самом деле это была не проблема. Когда утром Салли позвонила Лесу и спросила, можно ли будет опять взять его машину (вчера днем она только что вернула ее после очередного шестидневного «займа»), он тут же согласился ее подогнать. «Обратно я пробегусь, — сказал он, — а потом мы с ребятами все равно собирались поиграть в футбол». Салли догадывалась, что он стал бы настаивать, даже если бы машина была ему действительно нужна, и ей это казалось вполне естественным. Она сознавала — нечетко, скорее интуитивно, чем благодаря опыту, — что, если она попросит, Лес будет прыгать сквозь горящие кольца, как лев в цирке. Между

ними давно уже установилась иерархия одностороннего почитания, которую она приняла с наивной непосредственностью. Лес поклонялся ей; оба они поклонялись Господу; все шло так, как надо; мир без конца, аминь.

Она села в «мустанг», повернулась, чтобы положить сумочку, и тут ее взгляд наткнулся на что-то белое под пассажирским сиденьем. Вроде бы какой-то конверт.

Она нагнулась и подняла его, удивляясь подобной находке; обычно Лес содержал машину в идеальном порядке. Но на конверте было написано одно-единственное слово, от которого у Салли екнуло сердце. *«Моей единственной любви»* — было написано на конверте кошмарным витиеватым почерком.

Женским почерком.

Салли перевернула конверт. Он был заклеен; больше никаких надписей на нем не было.

— Моей единственной любви? — с сомнением проговорила Салли и вдруг поняла, что сидит в машине Лестера с закрытыми окнами и потеет, как в бане. Она включила зажигание, опустила стекло со своей стороны и потянулась, чтобы открыть окно со стороны пассажирского сиденья.

Ей показалось, что от кресла исходит легкий аромат духов. Если так, то это точно не ее духи; она вообще не пользуется ни духами, ни косметикой. Религия научила ее, что все эти вещи — инструменты распутниц (к тому же она в них и не нуждалась).

Да и не духи это вовсе. Просто пахнет клевером, что растет вдоль спортплощадки, вот и все.

— Моей единственной любви? — повторила она.

Конверт хранил молчание. Просто лежал у нее в руках.

Она прощупала его, потом прогнула взад-вперед. Внутри лежал лист бумаги, как минимум один, и что-то еще. *Что-то еще* было похоже на фотографию.

Она поднесла конверт к лобовому стеклу и посмотрела на свет, но без толку. После секундного колебания она вышла из машины и еще раз попробовала рассмотреть

конверт на свет. Разглядела только светлый прямоугольник — наверное, письмо — и прямоугольник потемнее, скорее всего фотография, приложенная к письму от

(Моей единственной любви)

того, кто послал это Лесу.

Хотя, разумеется, это письмо не посылали — по крайней мере по почте. На конверте не было ни марки, ни адреса. Только три странных слова. И конверт не открывали, что тоже ясно... а это значит — что? Что кто-то залез в «мустанг» Лестера, пока Салли возилась со своими журналами?

Может, и так. А может, кто-то залез в машину прошлой ночью, даже вчера, и подложил этот конверт, а Лестер просто его не заметил. В конце концов из-под сиденья торчал только уголок; он мог показаться наружу только сегодня утром, когда она ехала в школу.

— Здравствуйте, мисс Рэтклифф! — крикнул кто-то.

Салли вздрогнула и поспешно спрятала конверт в складках юбки. Ее сердце виновато стучало.

Это был маленький Билли Маршан, пересекавший спортивную площадку со скейтбордом под мышкой. Салли помахала ему рукой и юркнула в машину. У нее горело лицо. Это было глупо — нет, просто по-идиотски, — но она вела себя почти так же, как если бы Билли застал ее за чем-то очень неподобающим.

А разве не так? Разве ты не пыталась подсмотреть в чужое письмо?!

Тогда-то она почувствовала первый укол ревности. А может, письмо адресовано *ей*; многие в Касл-Роке знали, что она водит машину Леса почти так же часто, как и свою, и особенно — в последние недели. И даже если письмо предназначалось не ей, ей принадлежал сам Лестер Пратт. Разве она не была на сто процентов уверена — как могут быть уверены лишь молодые и красивые женщины, — что ради нее он будет прыгать сквозь огонь?

Моей единственной любви.

Нет, это письмо предназначено не для нее. Почерк был явно женский, а женщина вряд ли обратилась бы к Салли подобным образом. Значит, конверт оставили для Лестера. И...

Решение явилось внезапно, как гром среди ясного неба, и она с облегчением вздохнула. Лестер был учителем физкультуры в старших классах. У него в группе были одни мальчики, но множество девочек — юных и впечатлительных девочек — видели его каждый день. А Лес был очень красивым парнем.

Какая-нибудь школьница с мозгами набекрень подсунула в машину записку. Вот и все. Она даже не осмелилась положить ее на переднюю панель, где конверт сразу заметили бы.

— Он будет не против, если я его открою, — сказала Салли вслух и оторвала от конверта узкую полоску, которая проследовала в пепельницу, не знавшую, что такое сигарета. — Сегодня вечером посмеемся.

Она наклонила конверт, и ей на руку выпала фотография. Увидев ее, Салли почувствовала, что у нее остановилось сердце. Потом она резко выдохнула воздух. Краска залила ей щеки, рука прикрыла открытый от изумления рот.

Салли никогда не бывала в «Подвыпившем тигре», поэтому она не поняла, что там на заднем плане, но *настолько* невинной она, конечно же, не была. Она смотрела телевизор и ходила в кино и знала, как выглядит пивной бар. На фото мужчина и женщина сидели за столиком в углу (в уютном уголке, услужливо подсказало ей воображение) какой-то большой залы. На столе стояли пивной кувшин и два бокала «Пильзнера». Вокруг стояли другие столы, и за ними тоже сидели люди. На заднем плане виднелся танцпол.

Мужчина и женщина целовались.

Она была одета в топик с блестками, оставлявший открытым живот, и белую льняную юбку. Очень *короткую*

юбку. Мужчина одной рукой фамильярно гладил ее по животу, а вторую руку *вообще запустил ей под юбку*, задирая ее еще выше. Салли казалось, что у женщины были видны трусики.

Какая дешевка, подумала Салли со злостью.

Мужчина сидел спиной к фотографу; Салли был виден только подбородок и одно ухо. Но было заметно, что он очень мускулистый и что его черные волосы пострижены почти под ноль. На нем была синяя обтягивающая майка и синие спортивные штаны с белой полоской.

Лестер.

Лестер проводит разведку под юбкой у какой-то дешевки.

Нет! — вопило в панике ее сознание. *Это не может быть Лестер! Лестер не ходит по барам! Он даже не пьет! И он никогда не поцелует другую женщину, потому что любит меня! Я знаю это, потому что...*

— Потому что он так сказал, — с ужасом услышала Салли свой собственный голос, тусклый и безжизненный. Она хотела смять фотографию и выбросить ее в окно, но как?! А вдруг кто-то ее найдет и что он подумает?!

Она снова склонилась над фотографией, изучая ее ревнивым, пристальным взглядом.

Голова мужчины закрывала почти все лицо женщины, но Салли видела линию ее бровей, угол глаза, левую щеку и абрис челюсти. Что самое главное: она разглядела прическу — темные волосы с начесом и обесцвеченными прядями, обрамлявшими лоб.

Темные волосы были у Джуди Либби. И Джуди Либби носила прическу с начесом и прядями вокруг лба.

Ты ошибаешься. Нет, еще хуже: ты сходишь с ума. Лес расстался с Джуди, когда она порвала с церковью. И тогда же она уехала. В Портленд или Бостон, в общем, куда-то туда. Это чья-то злая и извращенная шутка. Ты же знаешь, что Лес никогда бы...

Знаешь? Откуда?!

Все ее самодовольство обратилось против нее же самой, и голос, которого не было раньше, заговорил из самых глубин ее сердца: *Доверие невинности — лучшее орудие лжеца.*

Хотя, честно говоря, не факт, что это Джуди, и не факт, что это Лестер. В конце концов никто не может уверенно опознать двух целующихся людей. Иногда, когда приходишь в кино с опозданием, не узнаешь людей на экране, даже если они оба — суперзвезды. Приходится ждать, пока они вновь не посмотрят в камеру.

Но это же не кино, возразил новый голос. *Это жизнь. И если это не они, то что тогда делает этот конверт в машине Лестера*?

Салли присмотрелась к правой руке женщины, которая обнимала шею

(Лестера)

ее дружка. Длинные ногти покрашены темным лаком. Такой маникюр был у Джуди Либби. Салли помнила, что ни капельки не удивилась, когда Джуди перестала ходить в церковь. *Девушка с такими ногтями*, вспомнила она свои мысли по этому поводу, *думает вовсе не об Иисусе Христе.*

Ну ладно. Скорее всего это Джуди Либби. Но это же не значит, что с ней именно Лестер. Может быть, это Джуди и подложила конверт. Может быть, это всего лишь грязная попытка отомстить им обоим, потому что Лестер бросил ее, когда в конце концов понял, что она такая же христианка, как Иуда Искариот. На самом деле, многие парни стригутся ежиком, и любой может надеть синюю майку и спортивные брюки с белыми полосами на штанинах.

Но тут ее взгляд упал на одну деталь, и ей будто всадили нож в самое сердце. На руке у мужчины были часы — электронные. Она узнала их, несмотря на то что они были немного не в фокусе. Она не могла их не узнать: она сама подарила их Лестеру на день рождения, еще месяца не прошло.

Это может быть совпадением, упорно твердила она себе. Часы «Сейко» — не самые дорогие, дороже она не могла бы себе позволить. Такие часы могут быть у кого угодно. Но новый голос издевательски расхохотался. Новый голос осведомился, не шутит ли она. Но и это еще не все. Салли не видела руки под юбкой, но зато хорошо видела локоть. Чуть ниже сустава виднелись две большие родинки, образуя почти правильную восьмерку.

Сколько раз она любовно проводила рукой по этим самым родинкам, когда сидела с Лестером на диване-качалке у себя на крыльце? Сколько раз она целовала их, когда он ласкал ее грудь (бронированную плотным лифчиком, специально отобранным для таких случаев) и шептал ей на ушко всякие милые нежности и обещания вечной любви.

Итак, это был Лестер. Часы можно надеть и снять, а вот родинки... Обрывок одной старой песенки крутился в ее голове: «Плохие девчонки... тут-тут... бип-бип...»

— Дешевка, дешевка, дешевка! — злобно прошипела Салли, глядя на фотографию. Как он мог к ней вернуться?! Как?!

Может быть, произнес новый голос, *он вернулся к ней потому, что она позволяет ему делать то, что не позволяешь ты?*

Ее грудь судорожно вздымалась, с губ слетали вздохи боли и злобы.

Но в баре! Лестер же не...

И тут ее поразила очередная вспышка понимания. Если Лестер встречался с Джуди и если он лгал Салли про *это*, то ложь насчет выпивки уже практически ничего не значит, так?

Дрожащей рукой Салли отложила в сторону фотографию и вытащила из конверта записку. Листок бумаги персикового цвета с волнистым краем. От него исходил какой-то легкий аромат, насыщенный и сладкий. Салли поднесла записку к носу и глубоко вдохнула.

— Дешевка! — закричала она с надрывом.

Если бы Джуди Либби оказалась сейчас в пределах досягаемости, Салли расцарапала бы этой гадине всю рожу. Жалко, что Джуди сейчас нет поблизости. И Лестера тоже. Не скоро он сможет играть в свой футбол. Ох не скоро.

Она развернула записку. Текст был короткий, написанный округлым почерком школьницы, обучавшейся по методу Палмера.

Дорогой Лес.

Фелисия сделала эту фотку, когда мы сидели в «Тигре» в тот вечер. Она сказала, что будет нас шантажировать! Но она просто дразнится. Она отдала фотку мне, а я отдаю тебе — как сувенир на память о нашей РОСКОШНОЙ НОЧИ. Было ТАК НЕПРИЛИЧНО, с твоей стороны, запускать лапищу мне под юбку прямо там, «на глазах у всех», но мне это ТАК ЗАВЕЛО. И потом, ты ТАКОЙ СИЛЬНЫЙ. А фотография вышла хорошая. Чем больше я на нее смотрю, тем больше я завожусь. Присмотрись повнимательнее, увидишь мои трусики! Хорошо, что Фелисии не было рядом, когда их на мне не было!!! Скоро увидимся, а эту фотку мы сохраним «в Мое воспоминание». Я тоже буду думать о тебе и о твоем БОЛЬШОМ МОЛОДЦЕ. Нет, лучше мне остановиться, потому что если я буду так продолжать, мне придется сделать кое-что некрасивое. И перестань волноваться о САМ ЗНАЕШЬ КОМ. Она слишком занята Иисусом, чтобы досаждать о НАС.

Твоя
Джуди.

Салли просидела за рулем лестеровского «мустанга» почти полчаса, вновь и вновь перечитывая записку, ее чувства закрутились в тугой жгут злости, ревности и обиды. В ее мыслях и ощущениях также был намек и на сексуальное возбуждение — но в этом она никогда и никому не призналась бы, даже себе.

Эта глупая сучка даже не знает, как правильно пишется слово «слишком», подумала она.

Она выискивала глазами новые и новые зацепки. Большая их часть была написана большими печатными буквами.

Наша РОСКОШНАЯ НОЧЬ.
ТАК НЕПРИЛИЧНО.
ТАК ЗАВЕЛО.
ТАКОЙ СИЛЬНЫЙ.
О твоем БОЛЬШОМ МОЛОДЦЕ.

Но больше всего ее бесила фраза:

...а эту фотку ты сохрани «в Мое воспоминание»...

богохульное извращение таинства святого причастия.

Непрошеные непристойные видения возникали у нее в голове. Лестер присосался к груди Джуди Либби, а она говорит: «Бери и пей, в Мое воспоминание». Лестер стоит на коленях между расставленных ног Джуди Либби, а она говорит: «Бери и ешь, в Мое воспоминание».

Салли скомкала листок персиковой бумаги и швырнула его на пол. Она резко выпрямилась в кресле; ее дыхание стало сбивчивым и тяжелым, волосы свисали путаными потными прядями (все время, пока она читала записку, ее рука машинально поправляла волосы). Потом она нагнулась, подобрала листок, выровняла его и запихнула обратно в конверт вместе с фотографией. У нее так сильно тряслись руки, что это ей удалось только с третьей попытки, и в итоге конверт был разорван чуть ли не до половины.

— Дешевка! — снова выкрикнула она и разрыдалась жгучими, горячими слезами; они жгли глаза, как кислота. — *Сука! А ты! Ты! Лживый ублюдок!*

Салли вогнала ключ в замок зажигания. «Мустанг» зарокотал почти с такой же бешеной злостью, какую чувствовала она. Включив передачу, она вылетела с парковки в клубах голубого дыма и диком визге горящей резины.

Билли Маршан, тренировавший разгон на своем скейтборде, удивленно взглянул ей вслед.

4

Уже через пятнадцать минут она была дома и рылась в бельевом шкафу у себя в спальне. Она искала щепку и никак не могла найти. Ее злость на Джуди и на своего лживого женишка поблекла в сравнении с ошеломляющим ужасом — что, если щепка и в самом деле пропала?! Что, если ее и вправду украли?!

Салли захватила с собой из машины порванный конверт и только сейчас поняла, что до сих пор держит его в руке. Это осложняло поиски. Она отшвырнула его в сторону и вытащила из ящика все белье двумя большими охапками и свалила их на пол. Как раз тогда, когда она уже готова была закричать от панического ужаса, ярости и разочарования, щепка нашлась. Просто Салли так сильно дернула ящик, когда открывала, что щепка соскользнула в задний левый угол.

Салли взяла ее в руку и тут же почувствовала, как ее наполняют мир и спокойствие. Свободной рукой она схватила конверт и вытянула перед собой обе руки: добро и зло, святое и проклятое, альфу и омегу. Потом она запихнула разорванный конверт в ящик и накидала сверху кучу нижнего белья.

Салли села, скрестила ноги и склонилась над щепкой. Она закрыла глаза, ожидая, когда пол начнет медленно покачиваться у нее под ногами, когда в ее душу снизойдет мир и покой, когда она услышит голоса животных, бедных глупых животных, спасенных в час ужаса милостью Господней.

Но вместо этого она услышала голос человека, который продал ей эту щепку. *Тебе надо серьезно с этим разобраться*, сказал мистер Гонт из глубины реликвии. *Надо разобраться с этим... грязным делом раз и навсегда.*

— Да, — сказала Салли Рэтклифф. — Да, я знаю.

Она провела весь остаток дня, сидя в своей душной девичьей спальне, думая и грезя в темном кругу, очерченном вокруг нее окаменелым деревом, — и эта странная чернота была похожа на капюшон разъяренной кобры.

5

— Посмотри на короля, он во всем зеленом... айко-айко как-то раз... он не мужик, он машина любви...

Пока Салли Рэтклифф медитировала в своей черноте, Полли Чалмерс сидела в лучах яркого света у окна, чуть приоткрытого по случаю не по сезону жаркого октябрьского вечера. Она вертела швейную машинку и распевала «Айко-Айко» своим чистым, приятным альтом.

Розали Дрейк подошла к ней и сказала:

— Я знаю одного человека, которому сегодня значительно лучше. *Намного* лучше, судя по радостным напевам.

Полли улыбнулась Розали странной улыбкой.

— И да, и нет, — сказала она.

— Это значит, что тебе лучше, так что тебе даже слегка неудобно.

Полли пару секунд обдумывала эту фразу, а потом кивнула. Это было не совсем то, но близко. Две женщины, умершие вчера, сегодня опять были вместе, в похоронном бюро Сэмюэлса. Их будут отпевать в разных церквях, но завтра днем Нетти и Вильма снова станут соседками... уже на городском кладбище. Полли чувствовала себя частично ответственной за их смерть; в конце концов, если бы не она, Нетти не вернулась бы в Касл-Рок. Это *она* писала все необходимые письма, посещала все нужные слушания и даже нашла Нетти Кобб жилье. А почему? Самое странное, что сейчас Полли уже и не помнила, почему она бросилась помогать Нетти; она помнила только, что тогда это казалось ей актом христианского милосердия и данью старой семейной дружбе.

Полли вовсе не собиралась ни уклоняться от чувства вины, ни обсуждать это с кем бы то ни было (Алан даже и не пытался ее разговорить, что было весьма мудро с его стороны), но она не была уверена, что сейчас поступила бы по-другому. Если Нетти и вправду была больной, то Полли здесь ничем не могла помочь. Но если бы Полли тогда не вмешалась, Нетти никогда бы не провела три счастливых и плодотворных года в Касл-Роке. Возможно, три года нормальной жизни — это лучше, чем долгие серые годы, которые она провела бы в лечебнице, прежде чем старость или простая скука забрали бы ее в мир иной. И если Полли своими действиями вписала имя Нетти в ордер на убийство Вильмы Ержик, разве не Вильминой рукой был составлен сам этот документ? В конце концов это Вильма, а не Полли воткнула штопор в бок приветливой и ласковой собачки Нетти Кобб.

Но помимо всех этих тягостных размышлений, Полли просто скорбела об утрате хорошего друга и удивлялась тому, что Нетти оказалась способна совершить *такое*, хотя Полли казалось, что несчастная почти выздоровела.

Большую часть утра она провела, занимаясь приготовлениями к похоронам и вызванивая Неттиных родственников (она почему-то не удивилась, когда все они под разными предлогами отказались приехать на похороны), и эта работа — формальные ритуалы смерти — помогла ей справиться со своей печалью... для чего, собственно, и предназначены похоронные процедуры.

Однако кое-какие вещи по-прежнему не давали ей покоя.

Лазанья, к примеру, все еще лежала в холодильнике, закрытая сверху фольгой, чтобы не высохла. Полли решила, что они с Аланом съедят ее сегодня за ужином, если он зайдет, конечно. Одна она не смогла бы себя заставить. Просто не выдержала бы.

Полли все вспоминала, как быстро Нетти разглядела, что у нее болят руки, как она почувствовала эту боль и как принесла рукавицы, настаивая, что в этот раз они обяза-

тельно помогут. И конечно, последнее, что она ей сказала: «Я люблю тебя, Полли».

— Земля вызывает Полли, Земля вызывает Полли, как слышно, как слышно? — пропела Розали. Сегодня утром они с Полли вспоминали Нетти, обменивались какими-то забавными случаями и происшествиями и, обнявшись, рыдали в два голоса в задней комнате среди завалов одежды. Теперь Розали снова лучилась счастьем, может быть, потому, что услышала, как Полли поет.

Или потому, что до нее еще не дошла реальность происшедшего, подумала Полли. Ее как будто окутало темное облако — не совсем-совсем черное, нет, но все же достаточно темное и мешающее разглядеть, что происходит вокруг. Именно это и делает нашу скорбь такой хрупкой.

— Я тебя слышу, — сказала Полли. — Мне действительно лучше, и мне слегка неудобно, что я так радуюсь. Ты довольна?

— Почти, — кивнула Розали. — Я не знаю, чему удивилась больше, когда зашла в ателье: тому, что ты поешь, или тому, что ты пользуешься швейной машинкой. Покажи свои руки.

Полли вытянула руки перед собой. Ее кисти с искривленными пальцами и узлами Хебергена, из-за которых суставы казались раздутыми, вряд ли можно было перепутать с холеными кистями королевы красоты, но Розали увидела, что с прошлой пятницы — когда постоянная сильная боль заставила Полли уйти пораньше — отек очень заметно спал.

— Ого! А они, вообще, болят?

— Болят, конечно, но все равно, так хорошо я себя не чувствовала уже несколько месяцев. Смотри.

Она медленно сжала кулаки. Потом — так же осторожно — разжала.

— Я как минимум месяц не могла этого сделать. — На самом деле все было еще хуже: она была не в состоянии сжать руку в кулак (без того чтобы не упасть в обморок от боли) с апреля или мая.

— *Ого!*

— В общем, мне правда лучше, — сказала Полли. — Если бы тут еще была Нетти, чтобы разделить эту радость, все было бы вообще идеально.

Они услышали, как открылась входная дверь в ателье.

— Ты не посмотришь, кто там? — спросила Полли. — Я хочу закончить этот рукав.

— Конечно. — Розали сорвалась с места, но тут же остановилась и обернулась. — Нетти не возражала бы против твоего хорошего самочувствия.

Полли кивнула.

— Я знаю, — сказала она благодарно.

Розали вышла в зал, чтобы обслужить клиента. Как только она ушла, Полли безотчетно коснулась рукой маленького бугорка размером с желудь — кулона, висевшего под ее розовым свитером между грудей.

Ацка, какое чудное слово, подумала она и опять застучала машинкой, передвигая платье — первую оригинальную модель с прошлого лета — под трепещущей серебряной искоркой швейной иглы.

Она рассеянно размышляла о том, сколько мистер Гонт запросит за этот амулет. Сколько бы он ни попросил, все равно это будет до смешного мало. *Я не буду — не могу — так думать, когда дойдет до торговли*, твердила она себе; но правда есть правда. Сколько бы он ни запросил, она заранее согласна с его ценой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Городская управа Касл-Рока пользовалась услугами одной секретарши, молодой женщины с экзотическим именем Ариадна Сен-Клер. Это была жизнерадостная и веселая молодая особа, не обремененная большим умом,

но зато неутомимая и привлекательная. У нее была большая красивая грудь, которая пряталась под, казалось, бесконечным запасом мягких свитеров из ангоры, и хорошая кожа. Правда, зрение у нее было очень плохое. Ее большие карие глаза утопали за толстенными линзами очков. Бастеру она нравилась. Он считал, что она слишком тупая и поэтому не может быть одной из *них*.

Где-то в четвертом часу Ариадна заглянула к нему в кабинет.

— Мистер Китон, пришел Дик Брэдфорд. Ему нужна ваша подпись на запрос на закупку.

— Давайте я посмотрю, — сказал Бастер, поспешно запихивая в ящик стола спортивный раздел льюистонского «Дейли сан», раскрытого на расписании бегов.

Сегодня он чувствовал себя намного лучше. Гадкие розовые листки сгорели в кухонной печи, Миртл перестала шарахаться от него, как побитая собака (Миртл его больше не волновала, но жить рядом с женщиной, считающей, что ты Джек Потрошитель... можно, конечно, но утомляет), к тому же он рассчитывал сорвать неплохой куш на сегодняшних скачках в Льюистоне. Потому что в выходные людские толпы (не говоря уже о выигрышах) будут больше.

Он уже начал мыслить в терминах куинелла и трифекта*.

Что касается шерифа Мудозвона и его помощника Дерьмоеда, да и всей этой теплой компании вообще... что ж, они с мистером Гонтом знают о *них*, и Бастер был уверен, что его команде есть что *им* противопоставить.

Поэтому сейчас он смог спокойно пригласить Ариадну в кабинет и даже насладиться видом ее полузабытых прелестей — в частности, ее массивного бюста, который плавно покачивался, удерживаемый, без сомнения, внушительным сооружением под названием бюстгальтер.

Ариадна положила листок с формой запроса ему на стол. Бастер взял его в руки и откинулся в своем кресле,

* Разные типы ставок.

чтобы ознакомиться с содержимым документа. Запрашиваемая сумма была указана в самом верху: девятьсот сорок долларов. Получатель — льюистонская фирма «Строительные материалы и приспособления». В графе «Назначение платежа» Дик вписал 16 ЯЩИКОВ ДИНАМИТА. Пониже, в разделе комментарии/примечания, он написал:

Мы в итоге добрались до гранитного выступа в гравийном карьере, что на Пятой городской трассе. Геологи штата предупреждали нас об этом еще в 1987 году (можете посмотреть мой отчет). Как бы то ни было, за ним еще полно гравия, но чтобы дотуда добраться, скалу надо взрывать, причем непременно до наступления морозов и снега. Если придется всю зиму закупать гравий в Норвеси, налогоплательщики нас живьем съедят. Два-три хороших взрыва решат эту проблему, а в «Материалах» есть приличный запас магеритовской взрывчатки, я проверял. Завтра к полудню мы уже можем ее подвезти, а в среду — начать взрывные работы. Если кто-нибудь из Управы пожелает приехать и посмотреть, все ли на месте, — площадка у меня размечена, указатели расставлены.

Ниже Дик накорябал свою подпись.

Бастер дважды перечитал запрос, задумчиво цокая языком. Ариадна ждала. Потом он наклонился вперед, кое-что изменил, добавил примечание, поставил свои инициалы в обоих местах и подписался. Вручая Ариадне розовый листок, он улыбался.

— Вот! — сказал он. — А еще говорят, что я скупердяй!

Ариадна взглянула на бумажку. Бастер исправил сумму на четырнадцать сотен. Под обоснованием запроса он приписал: *Лучше взять сразу ящиков двадцать, а то вдруг не хватит.*

— Вы не поедете осматривать карьер, мистер Китон?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. — Бастер откинулся в кресле и сцепил руки на шее. — Но попросите

Дика позвонить мне, когда прибудет груз. Не игрушка все-таки. Мы же не хотим, чтобы он оказался не в тех руках?

— Нет, конечно, — сказала Ариадна и поспешила выйти. В улыбке мистера Китона было что-то такое... от чего у нее мурашки по спине поползли.

Бастер развернул кресло так, чтобы видеть Главную улицу, которая была значительно оживленнее, чем когда он смотрел на нее в момент отчаяния, в пятницу утром. С тех пор многое произошло, и он предполагал, что в ближайшие несколько дней произойдет еще больше. Еще бы, с двадцатью ящиками таггартовского динамита на складе Управления общественных работ — от которого у него, естественно, был ключ — может случиться все что угодно.

Все что угодно.

2

Ровно в четыре часа дня Туз Мерилл пересек мост Тобин и въехал в Бостон, но когда добрался до места назначения (он очень надеялся, что это был именно тот гараж), был уже шестой час. Место, которое указал ему мистер Гонт, располагалось в странном, почти безлюдном трущобном районе Кембриджа, в центре запутанного клубка петляющих улочек. Половина из них имела одностороннее движение; остальные оканчивались тупиками. Разрушенные здания в этой зоне разложения уже отбрасывали длинные тени, когда Туз наконец остановился на Уиппл-стрит перед одноэтажным зданием из шлакоблоков. Оно стояло в центре запущенного пустыря.

Вокруг дома шла проволочная ограда, но толка от этого не было: ворота кто-то украл, остались одни петли. Туз провел свой «челленджер» через зияющий просвет и медленно подъехал к зданию.

Стены были сплошными и голыми — ни окон, ни украшений. Разбитая подъездная дорожка вела к двери

гаража, расположенного в той части здания, что была обращена к реке Чарльз. В этой двери тоже не было окна. «Челленджер» жалобно скрипел рессорами, подскакивая на ухабах и ямках, которые когда-то были асфальтовой дорогой. Он проехал мимо брошенной детской коляски, стоявшей на куче битого стекла. Сломанная кукла пристально таращилась на него своим единственным голубым глазом — полголовы было вдавлено внутрь. Туз припарковался прямо перед закрытой гаражной дверью. И что прикажете делать? Это здание выглядит так, будто к нему никто не подходил года эдак с 1945-го.

Он вылез из машины и вытащил из нагрудного кармана листок бумаги. На листке был записан адрес места, где должна была стоять машина мистера Гонта. Туз еще раз сверился с запиской. Последние несколько домов он проехал, предположив, что это *скорее всего* Уиппл-стрит, 85, но кто эту хрень знает? В таких местах на домах никогда нет номерных табличек, а вокруг не видно ни души, так что даже спросить не у кого. Вообще весь этот район вызывал какое-то жутковатое, опустошенное чувство, так что Тузу было немного не по себе. Пустыри. Разобранные машины, из которых вытащили все мало-мальски нужные детали и медные провода.

Пустые здания, ожидающие момента, когда все, кому надо, получат свои отступные, и бетонный шар отправит их в небытие. Кривые улицы, упирающиеся в грязные дворы и заваленные мусором тупики. У него целый час ушел только на то, чтобы найти Уиппл-стрит, и теперь он почти жалел, что он ее таки нашел. Это была та часть города, где полиция иной раз находит детские тела, запиханные в ржавые мусорные баки или в выброшенные холодильники.

Туз подошел к гаражу и поискал глазами кнопку звонка. Ее не было. Приложив ухо к ржавому металлу, он прислушался. Тут может быть не совсем официальный магазин; парень, имеющий доступ к высококачественному кокаину — такому, каким угостил его Гонт, — вполне

может якшаться с людьми, которые торгуют «порше» и «ламборгини» с черного хода.

Ни звука.

Видимо, это все-таки не то место. Даже близко не то, подумал Туз, но ведь он проехал всю эту улицу из конца в конец и не видел другого здания, достаточно большого — и достаточно крепкого, — чтобы держать в нем ретромашину. Если только он не промазал кардинально и не угодил в совершенно другую часть города. Он занервничал. *Вам надо вернуться к полуночи*, сказал мистер Гонт. *Если к полуночи вас тут не будет, я очень расстроюсь. А когда я расстроен, я иногда выхожу из себя.*

Расслабься, велел себе Туз. *Он просто старый дурак с плохими зубными протезами. Может быть, даже педик.*

Но расслабиться он не мог, тем более что он не верил, что мистер Лиланд Гонт — просто старый дурак с плохими вставными зубами. И еще: он совсем не хотел убедиться в обратном.

На теперешний момент важно было одно: приближались сумерки, и Тузу вовсе не улыбалось задерживаться в этом злачном районе после наступления темноты. Здесь было что-то не так. И не только из-за пугающих зданий с пустыми, слепыми окнами и обгорелых машин с развороченными внутренностями. Подъезжая к Уиппл-стрит, он не заметил ни одного человека, идущего по тротуару, сидящего у подъезда или выглядывающего из окна... но в то же время его не покидало ощущение, что за ним наблюдают. Ощущение, кстати, до сих пор не прошло: мурашки так и ползали по спине.

Казалось, что он уже не в Бостоне. Это место больше походило на гребаную «Сумеречную зону».

Если к полуночи вас тут не будет, я очень расстроюсь.

Туз сжал кулак и забарабанил в ржавую, плоскую рожу гаражной двери.

— Эй! Не хотите взглянуть на новые образцы кухонной посуды?

Тишина.

На двери была ручка. Он подергал ее. Хоть бы хны. Дверь даже не сдвинулась, не говоря уже о том, чтобы повернуться на ржавых петлях.

Туз выдохнул воздух сквозь сжатые зубы и нервно осмотрелся. Его «челленджер» стоял неподалеку, и сейчас больше всего на свете ему хотелось сесть в машину и убраться отсюда как можно скорее. Но он не посмел.

Он обошел здание по кругу, но ничего интересного не обнаружил. Вообще ничего. Просто кладка из шлакоблоков, выкрашенная в неприятный сопливо-зеленый цвет. На задней стене гаража было намалевано какое-то странное граффити, и пару секунд Туз смотрел на него, не понимая, почему у него волосы встали дыбом.

ЙОГ-СОТОТ КРУТ

кричали поблекшие красные буквы*.

Он вернулся обратно к двери и задумался. *И чего теперь?*

Поскольку ничего конструктивного ему в голову не пришло, Туз просто залез в свой «челленджер» и сидел там, уставившись в дверь гаража. Потом, не выдержав, он обеими руками нажал на сигнал.

В ту же секунду дверь гаража бесшумно поднялась вверх. Туз уставился на нее, раскрыв рот, и первым его побуждением было завести мотор «челленджера» и умчаться отсюда как можно дальше. Для начала подойдет Нью-Мексико. Но потом он вспомнил про мистера Гонта и медленно выбрался из машины. Когда он подошел к гаражу, дверь как раз поднялась до конца.

Внутри помещение было ярко освещено дюжиной двухсотваттных лампочек, свисавших с потолка на толстых проводах. Над каждой лампочкой был закреплен жестяной абажур конической формы, поэтому на полу образовалось

* Йог-Сотот — монстр-хранитель ворот из произведений Лавкрафта.

двенадцать ярких кругов света. В дальнем конце гаража на цементном полу стояла машина, накрытая чехлом. У стены стоял стол, заваленный инструментами. У другой стены были составлены три ящика. Сверху на них стоял старомодный катушечный магнитофон.

Больше в гараже не было ничего.

— Кто открыл дверь? — сипло спросил Туз. — Кто открыл эту гребаную дверь?

Ответа не было.

3

Он загнал «челленджер» внутрь и поставил его у задней стены — места было предостаточно. Потом он вернулся ко входу. На внутренней стороне двери был закреплен пульт. Туз нажал клавишу ВНИЗ. Пустырь, на котором стояло это загадочное здание, постепенно тонул в тенях, и это его нервировало. Ему постоянно мерещились там какие-то передвижения.

Дверь встала на место без малейшего звука. Ожидая, когда она закроется до конца, Туз вертел головой в поисках звукового датчика, среагировавшего на его клаксон, но не нашел ничего похожего. Однако он должен был быть — гаражные двери не открываются сами по себе.

Хотя, подумал он, *если такое дерьмо где и случается в этом городе, то лучше места, чем Уиппл-стрит, не найти.*

Туз подошел к постаменту из ящиков, увенчанному магнитофоном. «Йог-Сотот крут», — вдруг вспомнил он, и его передернуло. Он понятия не имел, что это за хер такой, Йог-Сотот. Наверное, какой-нибудь растаманский певец с девятнадцатью фунтами дредов на грязном скальпе. Тузу почему-то не нравилось, как звучит это имя. Думать о нем казалось плохой идеей. Даже опасной идеей.

На одну из бобин магнитофона была приклеена бумажка. На ней заглавными буквами было написано два слова:

ВКЛЮЧИ МЕНЯ

Туз снял бумажку и нажал на кнопку PLAY. Катушки завертелись, и, услышав голос в динамике, Туз даже слегка подскочил. Хотя кого он тут ожидал услышать? Ричарда Никсона?

— Привет, Туз, — сказал записанный на пленку голос мистера Гонта. — Добро пожаловать в Бостон. Пожалуйста, сними чехол с моей машины и загрузи туда ящики. В них — мои особые товары, которые, я думаю, скоро понадобятся. Боюсь, один ящик тебе придется положить на заднее сиденье — багажник «таккера» не такой уж вместительный. Твоя машина будет здесь в безопасности, и обратная поездка не доставит никаких проблем. И пожалуйста, помни: чем раньше ты вернешься, тем раньше сможешь начать разведку мест, отмеченных на твоей карте. Приятного путешествия.

Все. Только шипение пустой ленты и тонкий свист вращающейся бобины.

Туз еще где-то с минуту вслушивался в звуки магнитофона. Ситуация и так была странной... но становилась все страньше и страньше. Мистер Гонт побывал здесь сегодня днем... должен был побывать, потому что он упомянул про карту, а до сегодняшнего утра Туз в глаза не видал ни карты, ни самого мистера Гонта. Может быть, старый стервятник слетал сюда на личном самолете, пока он, Туз, вел машину? Но зачем? И что это все значит?

А ведь его здесь не было, подумал Туз. *Плевать, возможно, это или нет, но его здесь не было. Взять хотя бы этот проклятый магнитофон. Сейчас такими никто не пользуется. И этим магнитофоном уже давно никто не пользовался. Он весь в пыли. И записка тоже была вся пыльная. Все тут ждало тебя много-много лет. Может, еще с тех пор, когда Пангборн упек тебя в Шоушенк.*

Да, но это же херня какая-то выходит.

Чушь полнейшая.

Но несмотря ни на что, глубоко внутри какая-то часть его сознания верила в это. Мистера Гонта сегодня не было в Бостоне. Как говорится, даже рядом не стояло. Мистер Гонт провел весь сегодняшний день в Касл-Роке — Туз это знал, — стоя у окна, рассматривая прохожих, иногда снимая табличку:

ЗАКРЫТО
КОЛУМБОВ ДЕНЬ

и вешая вместо нее

ОТКРЫТО

если приближался клиент — человек, с которым мистеру Гонту хотелось бы «делать бизнес».

Но что собой представлял его бизнес?

Туз не был уверен, что хочет знать. Но содержимое этих ящиков его очень даже интересовало. Если уж ему придется везти их до самого Касл-Рока, то в конце концов он *имел право* знать.

Он нажал кнопку STOP на магнитофоне и переставил его на пол. Потом взял со стола ломик и молоток. Вернувшись к ящикам, Туз поддел плоским концом ломика крышку одного из них. Гвозди с жалобным скрипом поддались. Содержимое ящика было накрыто толстой промасленной бумагой. Убрав ее, Туз едва не подавился от изумления.

Детонаторы.

Десятки детонаторов.

Может быть, *сотни* детонаторов, каждый из которых лежит в своем отдельном отсеке.

Господи Боже мой, что он собирается делать? Начать Третью мировую войну?

Туз заколотил крышку и поставил ящик на пол. Сердце бешено стучало в груди. Потом он открыл второй ящик, ожидая увидеть в нем ровные ряды толстых красных палочек, похожих на шутихи.

Но там был не динамит. Пистолеты.

Всего дюжины две. Крупнокалиберные автоматические пистолеты. Над ними вился запах заводской смазки. Туз не знал, что это за модель — сделано вроде в Германии, — но знал, что это значит: от двадцати до пожизненного, если его поймают в Массачусетсе. Содружество очень нехорошо относилось к хранению и ношению огнестрельного оружия, и особенно автоматического.

Этот ящик он отложил, не забивая крышки. Открыв третий, он обнаружил обоймы к пистолетам.

Туз отступил назад, нервно теребя губу рукой.

Детонаторы.

Автоматические пистолеты.

Боезапас.

Так *это* и есть товар?

— Нет уж, пожалуйста, без меня, — тихо произнес он, покачав головой. — Я вне игры. Даже и не уговаривай.

Мексиканский маршрут казался все предпочтительнее и предпочтительнее. А может быть, даже Рио. Туз не знал, что затеял мистер Гонт — новую мышеловку или новый электрический стул, — но для себя не желал ни того, ни другого. Он смывается отсюда. Прямо сейчас.

Его взгляд упал на ящик с пистолетами.

И беру с собой одну такую игрушку, подумал он. *На всякий случай. Назовем это сувениром на память.* Он двинулся к ящику, и в этот момент катушки магнитофона вновь завертелись — сами по себе.

— Даже не думай об этом, Туз, — холодно произнес голос мистера Гонта, и Туз невольно вскрикнул. — Не вздумай играть со мной. Если только попробуешь, процедура, которую собирались с тобой провести братья Корсон, покажется тебе увеселительным пикником на природе. Теперь ты мой. Слушай меня, и мы замечательно повеселимся. Слушай меня, и ты отомстишь всем в Касл-Роке, кто когда-нибудь причинил тебе вред... и ты станешь богатым. А пойдешь против меня — будешь обречен на вечную боль.

Магнитофон остановился.

Взгляд Туза проследил за шнуром питания. Вилка лежала на полу, покрытая толстым слоем пыли.

К тому же в стенах не было розеток.

4

Неожиданно Туз успокоился, и это вполне можно было объяснить. Тому, что его эмоциональный барометр застыл, было две причины.

Во-первых, Туз как бы отстал от времени. Он чувствовал бы себя как дома, если бы жил в пещере и таскал за волосы жену в свободное от швыряния камней во врагов время. Он был человеком, полностью предсказуемым лишь при столкновении с силой, абсолютно превосходящей его по мощи и по возможностям. Подобные столкновения случались нечасто, но в таких случаях он полностью подчинялся превосходящей силе. Хотя он этого и не осознавал, но именно это качество и удерживало его от побега от братьев Корсон. В людях вроде Туза Мерилла есть только одно желание сильнее потребности доминировать: привычка падать на спину и подставлять незащищенную шею, когда появляется настоящий вожак стаи.

Вторая причина была еще проще: он предпочел считать, что все это понарошку. Умом он понимал, что это неправда, но поверить своим чувствам было труднее; Туз не хотел даже *задумываться* о мире, в котором присутствует мистер Гонт. Гораздо легче — и безопаснее — прекратить лишние мыслительные процессы и тихо заняться своими делами. И если он так поступит, то можно надеяться, что он проснется в своем знакомом мире. В том мире были свои опасности, но это были опасности, которые можно понять.

Он забил крышки ящиков с пистолетами и патронами. Потом подошел к накрытой машине и сдернул холщовый

чехол, покрытый толстым слоем пыли. Сдернул... и на секунду забыл все на свете, застыв в немом восхищении.

Да, это был «таккер», и он был прекрасен.

Он был покрашен в канареечно-желтый цвет. Обтекаемый корпус поблескивал хромом на боках и на прорезном бампере. Из середины радиатора смотрела третья фара, а выше ее шел орнамент, похожий на двигатель футуристического экспресса.

Туз медленно обошел машину, пожирая ее глазами.

По обе стороны багажника стояли хромированные решетки; Туз не знал, для чего они предназначены. Толстые гудийровские покрышки были настолько чистыми, что чуть ли не светились. По крышке багажника вилась мягкая хромовая надпись: «Таккер-талисман». Туз не слышал о такой модели. Он всегда думал, что «торпедо» была единственной машиной, выпущенной Престоном Таккером.

«Ну, старичок, у тебя снова проблемы, — машина была без номеров. — И как ты собираешься добраться до Мэна в машине, которая сверкает, как фонарь в ночи, без номеров, с полным багажником оружия и взрывчатки?»

Да. ДА! Конечно, это была плохая идея; *очень* плохая идея... но альтернатива — включавшая в себя разборки с мистером Лиландом Гонтом — казалась намного хуже. К тому же какая разница, это ведь *сон*.

Он вытряс из конверта ключи и подошел к багажнику, тщетно высматривая замочную скважину. Через пару секунд он вспомнил фильм с Джеффом Бриджесом и понял, в чем дело. Как у немецкого «фольксвагена»-«жука» и «шевроле» Корвэйра, у «таккера» сзади был *двигатель*. А багажник был спереди.

Без особых проблем он обнаружил замочную скважину прямо под третьей фарой. Он открыл багажник — там было пусто, за исключением одного предмета: маленькой бутылочки с белым порошком и ложечкой, прикрепленной к крышке цепочкой. К цепочке был прикреплен малень-

кий кусочек бумаги. Туз оторвал его и прочел послание, выписанное маленькими заглавными буквами:

НЮХНИ МЕНЯ

Он так и сделал.

5

Чувствуя себя намного лучше после небольшой дозы ни с чем не сравнимого подкрепления от мистера Гонта, расцветившего мозг, как музыкальный автомат Генри Бофорта, Туз погрузил в багажник оружие и детонаторы. Нагнувшись над багажником, он на мгновение замер, чтобы глубоко вдохнуть. У седана был тот самый неповторимый запах новой машины, не похожий ни на что в мире, и, сев за руль, Туз обнаружил, что машина действительно *совершенно* новая: на табло пробега «талисмана» мистера Гонта значилось 00000,0.

Туз повернул ключ в замке зажигания.

«Талисман» завелся с низким, грудным, потрясающим рокотом. Сколько лошадок у него под капотом? Судя по звуку — целое стадо. В тюремной библиотеке было много книг по автомобилям, и Туз прочел почти все. «Таккер-торпедо» имел двигатель объемом около трехсот пятидесяти кубических дюймов, как и у большинства машин, выпущенных мистером Фордом с 1948 по 1952 год. В нем было примерно сто пятьдесят лошадиных сил.

В *этом* автомобиле их было больше. *Намного* больше.

Тузу захотелось выйти, обойти машину и попробовать открыть капот... но от этой идеи повеяло тем же жутковатым чувством, что и от дикого имени: Йог-что-то-там. Не самая удачная мысль. Самое лучшее — отогнать эту штуковину в Касл-Рок, и как можно скорее.

Он собрался вылезти, чтобы открыть дверь при помощи пульта, потом нажал на клаксон, просто ради интере-

са, чтобы посмотреть, что произойдет. И кое-что произошло. Дверь бесшумно въехала под потолок.

Нет, тут точно где-то спрятан датчик, сказал он себе, но сам себе не поверил. Впрочем, его это уже и не особенно волновало. Он перешел на первую передачу и медленно вывел машину из гаража. Выехав на разбитую дорогу, ведущую к дыре в заборе, он нажал на гудок и увидел в зеркале заднего вида, что свет в гараже погас и дверь заскользила вниз. Еще Туз разглядел блик на корпусе своего «челленджера», стоявшего носом к стене. У него вдруг возникло странное чувство, что свою машину он больше не увидит. Но его это тоже не волновало.

6

«Талисман» не просто мчался, как молния; казалось, он сам знает дорогу к Сорроу-драйв и повороту на север. Каждый раз поворотники зажигались сами собой. Когда это происходило, Туз просто послушно поворачивал. В мгновение ока жуткие трущобы маленького Кембриджа, где он нашел «таккер», остались позади, а впереди замаячил мост Тобин, более известный как Мост через Волшебную Реку — черный силуэт на темнеющем небе.

Туз включил фары, и вокруг машины сразу разлился фонтан света. С поворотом руля поворачивался и сноп света. Эта центральная фара — та еще штучка. Неудивительно, что они разорили несчастного изобретателя этой машины, подумал Туз.

Он был уже в тридцати милях к северу от Бостона, когда вдруг заметил, что стрелка уровня топлива лежит на нуле. Он заехал на ближайшую заправочную станцию, стоявшую рядом с шоссе. Парень-заправщик поправил грязной рукой бейсболку и с достоинством подошел к машине.

— Хорошая тачка! — сказал он. — Где взяли?

Не раздумывая, Туз ответил:

— Равнины Ленга, Йог-Сотот Винтедж Моторс.

— Чо?

— Давай заправляй, сынок. Это тебе не «Что? Где? Когда?».

— А! — Парень повнимательнее присмотрелся к Тузу и сразу сделался угодливым и любезным. — Конечно! На раз-два!

Он вставил шланг в топливный бак, но насос замолк, отщелкав всего четырнадцать центов. Заправщик попытался залить вручную, но добился лишь того, что бензин вытек наружу и заструился по желтому боку машины.

— Ей, похоже, не нужно бензина, — неуверенно сказал заправщик.

— Может, и нет.

— Может быть, горловина заби...

— Вытри бензин с машины. Ты хочешь, чтобы краска вздулась? Да что с тобой?! Давай шевелись!

Парень бросился за тряпкой, а Туз пошел в туалет, чтобы «припудрить носик». Когда он вышел, заправщик стоял на порядочном расстоянии от «талисмана», нервно теребя тряпку в руках.

Он боится, подумал Туз. *Но чего он боится? Меня?*

Нет, парень в мобиловском комбинезоне даже не смотрел в сторону Туза. Он не сводил взгляда с «таккера».

Он хотел прикоснуться к машине, догадался Туз.

Он все понял и мрачно усмехнулся.

Парень пытался дотронуться до машины, и что-то произошло. Что именно — не так уж и важно. Но оно научило его, что можно смотреть, но не трогать, — вот что имело значение.

— Платить не надо, — сказал заправщик.

— Еще бы. — Туз сел за руль и быстро уехал. У него появилась новая мысль о «талисмане». С одной стороны, она пугала, с другой стороны, была просто *потрясающей*. Он подумал, что, может быть, датчик уровня топлива всегда стоит на нуле... и при этом бак всегда полон.

7

Пункт сбора дорожной пошлины на границе Нью-Хэмпшира работает автоматически: бросаешь доллар мелочью (ПЕННИ ПРОСЬБА НЕ БРОСАТЬ) в корзинку, висящую на опоре, и шлагбаум поднимается. Правда, когда Туз подкатил «таккер талисман» к проволочной корзине, зеленый свет зажегся сам по себе вместе с маленькой надписью: ПОШЛИНА ОПЛАЧЕНА, СПАСИБО.

— Еще бы, — мурлыкнул Туз, въезжая в Мэн.

Оставив позади Портленд, он разогнал «талисман» до восьмидесяти миль в час, причем движок это совершенно не напрягло. Выезжая из Фальмута, он переехал через холм. А как раз под холмом стоял с включенной мигалкой патруль полиции штата. Сквозь лобовое стекло мелькнул торпедовидный силуэт радара.

Так, подумал Туз. *Попался. Полный пипец. Черт меня подери, и чего это я гнал с таким-то дерьмом в багажнике?!*

Но он знал *чего*, и дело было не в кокаине. Не в этот раз. Это сам «талисман». Он сам *хотел* мчаться. Туз смотрел на спидометр, сбрасывал газ... и через пять минут замечал, что педаль вновь на две трети вдавлена в пол.

Он ждал, что патрульная машина сейчас оживет, врубит сирену и бросится в погоню... но этого не случилось. «Таккер» пронесся у них под носом на скорости больше восьмидесяти миль, а эта таратайка даже не сдвинулась.

Ладно, может быть, мистер полисмен отходил в кустики.

Но Туз прекрасно все понимал. Когда ты видишь торчащий из окна радар, то понимаешь, что парень внутри не спит и готов к погоне. А случилось вот что: полицейский не видел «талисмана». Звучит дико, да. Но это чистая правда. Большая желтая машина с тремя фарами, разрывающими темноту, была невидима для высокотехнологичного оборудования и полиции, которая оным оборудованием пользовалась.

Улыбаясь во весь рот, Туз разогнал «таккер-талисман» мистера Гонта до ста десяти миль в час. Он прибыл в Касл-Рок в четверть девятого, имея почти четыре часа в запасе.

8

Мистер Гонт вышел из магазина и встал под навесом, наблюдая, как Туз пристраивает «талисман» на парковочной площадке перед «Нужными вещами».

— Вы быстро доехали, Туз.

— Ага. Машина — что надо.

— Да уж, — сказал мистер Гонт и провел рукой по мягким изгибам переднего крыла. — Единственная в своем роде. Вы привезли груз?

— Да. Мистер Гонт, я, конечно, понимаю, что ваша машина не совсем обычная, но мне все-таки кажется, что имеет смысл поставить на нее номера, чтобы инспекция не...

— В этом нет необходимости, — перебил его мистер Гонт. — Поставьте, пожалуйста, машину в аллее за магазином, позже я с ней разберусь.

— Как? Где? — Туз вдруг почувствовал, что не хочет возвращать машину мистеру Гонту. И вовсе не потому, что он оставил свою машину в Бостоне и ему нужен был транспорт для ночных вылазок на раскопки; просто после «талисмана» любая машина, которую он когда-либо водил, включая и «челленджер», казалась никчемной грудой железа.

— Это мое дело, — сказал мистер Гонт, невозмутимо глядя на Туза. — Вам будет легче, если вы будете представлять себе свою работу у меня как службу в армии. У вас есть три варианта: правильный, неправильный и мой. И если вы будете всегда придерживаться третьего варианта, избежите многих неприятностей. Все понятно?

— Да. Да, все понятно.

— Отлично. Теперь подгоните машину к задней двери.

Туз зарулил за угол и плавно остановился у узкой аллейки, проходившей за деловыми зданиями западной стороны Главной улицы. Задняя дверь «Нужных вещей» была открыта. Мистер Гонт стоял в конусе желтого света и ждал. Он даже не шевельнулся, чтобы помочь Тузу, пока тот перетаскивал ящики в подсобное помещение, пыхтя от натуги. Сам Туз даже не подозревал, что очень многие покупатели были бы сильно удивлены, увидев эту комнату. Когда мистер Гонт скрывался за бархатной занавеской, отделявшей эту комнату от торгового зала, все они слышали звуки передвигаемых ящиков, шуршание бумаги, стук коробок... но пока Туз не внес туда ящики и не сложил их в дальнем углу, комната была абсолютно пуста.

Хотя нет — не совсем пуста. В дальнем углу лежала рыжая норвежская крыса, прижатая пружинной рамкой большой мышеловки. У нее была сломана шея, и передние зубы торчали в оскале смерти.

— Молодец, — сказал мистер Гонт, потирая руки и улыбаясь. — Отличная работа, удачный вечер. Вы превзошли все мои ожидания, просто класс.

— Спасибо, сэр. — Туз сам не поверил тому, что сказал. Никогда в жизни он никого не называл «сэром».

— Вот вам за труды. — Мистер Гонт вручил Тузу маленький коричневый конверт. Туз прощупал его пальцами и ощутил податливую мягкость порошка. — Вы ведь сегодня ночью займетесь поисками? Тут как раз необходимое для поддержания сил количество энергетического порошка, как говорилось в одной старой рекламе.

Туз вдруг застыл с ошалелым видом.

— О черт! Черт! Я же оставил книгу... книгу с картой... в моей машине! Она в Бостоне осталась! Проклятие!

Мистер Гонт улыбнулся.

— А по-моему, нет, — сказал он. — По-моему, она в «таккере».

— Да нет же, я...

— Может, все же проверите?

Туз послушался, и, конечно же, книга была в «таккере», лежала на приборном щитке, плотно прижатая к патентованному выпуклому стеклу. «Тайники и клады Новой Англии». Он схватил ее и быстро пролистал. Карта была на месте. Туз уставился на Гонта с отупелой благодарностью.

— Ваши услуги мне не понадобятся до завтрашнего вечера, примерно в это же время, — сказал мистер Гонт. — Советую вам светлое время суток провести дома, в Микеник-Фоллс. Вам это будет полезно; боюсь, что сегодня вы ляжете поздно. Если я не ошибаюсь, у вас впереди долгая ночь и вам есть чем заняться.

Туз подумал о маленьких крестиках на карте и кивнул.

— И еще, — добавил мистер Гонт. — С вашей стороны было бы благоразумнее не попадаться на глаза шерифу Пангборну в ближайшие пару дней. А потом уже можно будет его не бояться. — Его неровные зубы обнажились в широкой, хищной улыбке. — К концу недели большинство вещей, волновавших жителей этого города, потеряют свое значение. А вы как думаете, Туз?

— Как скажете, — ответил Туз. Он опять погружался в то сонное, зачарованное состояние и не хотел ему сопротивляться. — Я только не знаю, как мне отсюда уехать.

— Все устроено, — улыбнулся мистер Гонт. — Перед магазином стоит машина с ключами в замке зажигания. Машина компании, так сказать. Боюсь, это всего лишь «шевроле» — самый *обычный* «шевроле», — но он вполне обеспечит приемлемое, ненавязчивое передвижение. Вам бы, конечно, больше понравился телефургон, но...

— Телефургон? Какой телефургон?

Мистер Гонт пропустил вопрос мимо ушей.

— Но, уверяю вас, «шевроле» удовлетворит все ваши транспортные потребности. Только больше, пожалуйста, не нарывайтесь на полицейские патрули. Это обычная машина. И вы так легко не отделаетесь.

Туз с удивлением услышал свой собственный голос, который произнес:

— Мне бы хотелось иметь машину вроде вашего «такера», мистер Гонт, сэр. Она просто великолепна.

— Ну, может быть, мы и сумеем что-то придумать. Видите ли, Туз, у меня очень простой принцип бизнеса. Хотите узнать какой?

— Хочу. — Он не покривил душой.

— Все продается. Вот моя философия. Все продается.

— Все продается, — как во сне повторил Туз. — Ого! Круто!

— Вот именно! Круто! А теперь, Туз, я, наверное, все же поужинаю. Весь день крутился как проклятый, не успел даже поесть, хотя сегодня и выходной. Я бы с удовольствием пригласил вас присоединиться, но...

— Ой, нет, я не могу...

— Да-да, я понимаю. Вам нужно ехать и копать? Тогда жду вас завтра вечером, с восьми до девяти.

— С восьми до девяти.

— Да. Как стемнеет.

— Когда никто не увидит и никто не узнает, — зачарованно произнес Туз.

— Вы поняли самую суть! Спокойной ночи, Туз.

Мистер Гонт протянул руку. Туз потянулся, чтобы пожать ее... но тут заметил, что рука не пустая. В ней была зажата та самая рыжая крыса из мышеловки. Туз с отвращением отдернул руку. Он не понял, для чего мистеру Гонту понадобилось подбирать дохлую крысу. Или это не та?

Туз решил, что это не важно. Он все равно не собирался обмениваться рукопожатиями с дохлой крысой, будь даже мистер Гонт самым кайфным чуваком на свете.

Мистер Гонт улыбнулся:

— Простите. С годами я становлюсь все забывчивее. Чуть не отдал вам свой ужин.

— Ужин, — пискнул Туз.

— Да, мой ужин. — Толстый желтый ноготь раздвинул белый мех на животе у крысы; ее внутренности вывалились на лишенную линий ладонь мистера Гонта. Больше Туз

ничего не видел, потому что мистер Гонт зашел внутрь и уже закрывал за собой дверь. — Стоп, а куда я положил сыр?

Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

Туз согнулся пополам, убежденный, что сейчас заблюет собственные ботинки. Желудок сжался, комок подкатил к горлу... и ушел обратно.

Потому что он видел не то, что ему показалось, он видел.

— Это была шутка, — пробормотал он. — Он достал из кармана резиновую крысу. Просто шутка.

Ой ли? А внутренности? А холодная слизь, их покрывавшая? Это что, тоже резиновое?!

Ты просто устал, сказал себе Туз. *Тебе померещилось, вот и все. Это была резиновая крыса. А все остальное... забудь.*

В этот момент все странности сегодняшнего дня — заброшенный гараж, самоуправляемый «таккер», даже дикое граффити, ЙОГ-СОТОТ КРУТ, — слились воедино, и мощный голос у него в голове завопил: *Удирай отсюда! Убирайся, пока не поздно.*

Вот это была и правда *дикая* мысль. Там, в ночи, его поджидали деньги. *Много* денег. *Может быть, это твоя удача, сукин ты сын!*

Несколько минут Туз стоял в темноте аллеи, словно робот с севшей батареей. Постепенно к нему возвращалось чувство реальности — ощущение *самого себя*, — и он решил и вправду забыть про крысу. Важен был порошок, важна была карта, наверное, важна была простая бизнес-политика мистера Гонта, и больше ничего. Он не мог *допустить*, чтобы его занимало что-то еще.

Он прошелся до конца аллеи и, обогнув последний дом, подошел к фасаду «Нужных вещей». Магазин был закрыт, свет внутри не горел, как и в других магазинах на Главной улице. «Шевроле-селебрити» стоял прямо перед магазином мистера Гонта, как он и обещал. Туз попытался вспомнить, была ли тут эта машина, когда он вернулся

из Бостона в «талисмане», и не смог. Каждый раз, когда он пытался восстановить в памяти последние несколько минут, то натыкался на глухую стену; он помнил только, как протянул руку — совершенно естественное действие, когда тебе предлагают руку для рукопожатия, — и вдруг увидел, что мистер Гонт держит в руке здоровенную дохлую крысу.

Теперь я, наверное, все же поужинаю. Я бы с удовольствием пригласил вас присоединиться, но...

На это тоже можно было не обращать внимания. «Шеви» стоял, где обещано, а все остальное не важно. Туз открыл дверцу, положил драгоценную книгу на переднее пассажирское сиденье и вытащил ключи из замка зажигания. Потом обошел машину и открыл багажник. В нем крест-накрест лежали кирка и лопата с короткой ручкой. Присмотревшись, Туз обнаружил, что мистер Гонт положил даже пару толстых рабочих перчаток.

— Мистер Гонт обо всем позаботился, — сказал он и захлопнул багажник. При этом он заметил наклейку на заднем бампере:

Я ♥ ВСЯКОЕ СТАРЬЕ

Туз рассмеялся. Он все еще смеялся, когда переезжал Оловянный мост по направлению к дому старого Требелхорна, где намеревался произвести первые раскопки. Въезжая на холм Пандерли сразу за мостом, он проехал мимо кабриолета, где сидела компания молодых парней, во всю глотку оравших песню «Какой Иисус хороший друг» в полной баптистской гармонии.

9

Среди этих молодых людей был и Лестер Айвенго Пратт. После футбола они с ребятами поехали на озеро Оберн, в двадцати пяти милях от города. Там проходил

недельный палаточный фестиваль, и Вик Тремейн сказал, что сегодня в пять вечера состоится молельное собрание и пение гимнов в честь Колумбова дня. Поскольку машина Лестера была у Салли и у них не было никаких планов на сегодняшний вечер — ни кино, ни ужина в «Макдоналдсе» в Южном Париже, — он решил съездить на озеро вместе с Виком и другими ребятами, тоже добрыми христианами.

Он, конечно же, знал, почему остальные парни с такой охотой согласились на эту поездку, и причиной тому была не религия — скажем, *не только* религия. На палаточных фестивалях, кочевавших по северу Новой Англии, начиная с мая и заканчивая большой, на весь штат, ярмаркой в конце октября, — всегда собиралось много красивых девчонок, и хоровое пение (не говоря уже о горячих проповедях и порции доброго христианского духа) способствовало тому, что они становились веселыми и сговорчивыми.

Лестер, у которого уже была девушка, взирал на их планы с превосходством давно женатого мужчины, могущего задать жару стайке неопытных молодых бычков. Сам он поехал просто по дружбе, за компанию; кроме того, он никогда не отказывался послушать хорошую проповедь и немного попеть после хорошей беготни по полю со столкновением лбами и пиханием плечами. Это был замечательный способ остыть и расслабиться.

Хорошее получилось собрание, единственный минус — слишком много людей в финале пожелали спастись. В результате все затянулось значительно дольше, чем хотелось бы Лестеру. Он собирался позвонить Салли и спросить, не хочет ли она сходить в «Викси» поесть мороженого или попить лимонаду. Девушки, как он заметил, любят спонтанные предложения.

Машина проехала Оловянный мост, и Вик высадил Лестера на углу Главной и Уотермилл-лейн.

— Отличная была игра, Лес! — крикнул Билл Макфарленд с заднего сиденья.

— А то! — со смехом ответил Лестер. — Давайте повторим ее в пятницу. Может быть, мне удастся сломать тебе руку, а не просто растянуть, как сегодня.

Четверо парней в машине Вика от всей души заржали над этой шуткой, и Вик надавил на газ. Звуки песни «Иисус — твой друг навеки» постепенно растворились в странном, по-летнему жарком воздухе. Вообще-то каким бы теплым ни было бабье лето, после захода солнца на улице все равно прохладно. А вот сегодня — нет.

Лестер медленно пошел к дому. У него ныло все тело, он жутко устал, но все равно был доволен сегодняшним днем. Все дни хороши, если ты отдал сердце Иисусу, но есть дни, которые лучше и удачнее всех остальных. Сегодня случился как раз такой день, и сейчас Лестеру хотелось лишь одного: принять душ, позвонить Салли и залезть под одеяло.

Он смотрел в небо на звезды, пытаясь разглядеть созвездие Ориона, когда сворачивал с тротуара к дому. Вследствие этого он со всего маху врезался яйцами в багажник собственного «мустанга».

— *У-у-уф!!!* — завопил Лестер Пратт. Он отпрыгнул назад, схватившись за больное место. Через какое-то время он смог поднять голову и взглянуть на свою машину, хотя в глазах по-прежнему плясали искры. Какого хрена она тут делает, его машина?! «Хонда» Салли выйдет из ремонта не раньше среды, а скорее всего в четверг-пятницу — праздники и все такое.

Но тут до него дошло. Салли была у него! Она приехала, пока он отсутствовал, и сейчас ждет его! Может быть, она решила, что сегодня — именно *та* ночь! Секс до свадьбы — вещь, конечно, неправильная, но нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. И если Салли согласна, он был готов пойти на такой грех.

— Вот так дела! — с энтузиазмом вскричал Лестер Пратт. — Моя сладкая Салли в чем мать родила!

Он досеменил до крыльца, все еще сжимая руками мошонку. Кстати, теперь она ныла не только от боли, но

и от предвкушения. Вынув ключ из-под коврика, Лестер вошел в дом.

— Салли? Салли, ты где? Извини, я опоздал... мы с ребятами ездили на фестиваль на озере Оберн и...

Он прислушался. Ответа не было, а это значит, что ее тут нет. Если только...

Лестер взлетел вверх по лестнице (насколько это позволяло его состояние). Он надеялся найти ее спящей в постели. Она откроет глаза и сядет, простыня соскользнет с ее чудной груди (которую он щупал — ну, скажем так, условно, — но еще ни разу не видел); она протянет к нему руки, широко распахнет свои прекрасные сонные васильковые глаза, и к тому времени, как часы пробьют десять, они оба расстанутся со своей девственностью.

Но Салли не было в спальне. Одеяло и простыня валялись на полу, впрочем, как всегда; Лестер был из тех людей, которые не могут просто проснуться и встать с постели — они выскакивают из кровати, сметая все на своем пути, они жаждут не только встретить новый день, но и столкнуться с ним, вытолкать на газон, заставить подавиться мячом.

Лестер спустился вниз с задумчивой складкой на широком, открытом лице. Машина была здесь, а Салли — нет. Что это значит? Он понятия не имел, но ему это очень не нравилось.

Он включил лампочку над крыльцом и вышел наружу, чтобы осмотреть машину — может, Салли оставила записку. Спустившись с крыльца, он застыл на месте. Записка и вправду была. Через все лобовое стекло — ярко-розовой краской, наверное, из его собственного гаража — заглавными буквами:

КАТИСЬ ТЫ К ЧЕРТУ, ЛЖИВЫЙ УБЛЮДОК

Лестер простоял на крыльце целую вечность, вновь и вновь перечитывая послание своей невесты. Молельное собрание? Из-за этого весь сыр-бор? Она что, решила,

что он поехал на молельное собрание на озеро Оберн, чтобы знакомиться с девками? Несчастному пришла в голову только эта причина. Глупость какая-то, полный бред.

Он зашел в дом и позвонил Салли. Телефон издал дюжины две звонков, но трубку никто не взял.

10

Салли знала, что он позвонит, и поэтому напросилась переночевать у Ирен Лютьенс. Ирен, чуть ли не лопавшаяся от любопытства, сказала, что да, конечно, какой вопрос. Салли была настолько взволнована *чем-то*, что выглядела просто ужасно. Ирен не поверила своим глазам, но так оно и было.

Салли вовсе не собиралась откровенничать с Ирен или с кем-то еще. Все это было слишком ужасно, слишком позорно. Эту тайну она унесет с собой в могилу. Поэтому первые полчаса она не отвечала на вопросы Ирен. А потом рассказ полился сам собой вместе с горячим потоком слез. Ирен обнимала ее, успокаивала и слушала, округлив глаза от удивления.

— Ничего-ничего, — мурлыкала Ирен, укачивая Салли. — Ничего, Салли, Иисус любит тебя, даже если этот мерзавец — нет. И я люблю. И преподобный Роуз тоже любит. Ты же оставила кое-что на память этой перекачанной скотине?

Салли закивала головой, шмыгая носом, и Ирен погладила ее по голове. Ирен не могла дождаться утра, чтобы начать обзванивать подружек. Они просто не поверят! Ирен жалела Салли — нет, правда жалела, — но она обрадовалась случившемуся. Салли была слишком красивой и слишком невинной, прямо святой до чертиков. И так приятно видеть ее падение и несчастье.

А Лестер был самым красивым парнем в их церкви. *Если они с Салли расстанутся, вдруг он положит на меня*

глаз? подумала Ирен. *Иногда он так на меня смотрит, словно гадает, какое на мне белье, так что все возможно...*

— Я себя чувствую просто ужасно! — рыдала Салли. — Это такая *грязь!*

— Конечно, дорогая, — сказала Ирен, гладя ее по волосам и продолжая укачивать. — Эта фотография с письмом все еще у тебя?

— Я их сожгла! — прорыдала Салли в мокрый бюст Ирен, и новый вал печали и горя накрыл ее с головой.

— Конечно, сожгла, — промурлыкала Ирен. — И правильно сделала.

Плакса несчастная, могла хотя бы подождать, пока я не посмотрю, подумала она.

Салли провела ночь в комнате для гостей, почти не смыкая глаз. Поток слез иссяк, так что большую часть ночи она пролежала, уставившись сухими глазами в темноту, охваченная темными и жестоко-умиротворяющими фантазиями страшной мести, придумать которую может лишь брошенный и потерявший былую самоуверенность влюбленный.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Первый клиент «по специальному приглашению» явился к мистеру Гонту ровно в восемь часов утра во вторник. Это была Люсиль Данхем, одна из официанток в забегаловке у Нан. Люсиль была охвачена глубокой и безнадежной страстью к черному жемчугу в витрине «Нужных вещей». Она знала, что не может даже надеяться когда-либо приобрести такую дорогую вещь — даже через миллион лет. Особенно с той зарплатой, которую ей платит сквалыга Нан Робертс. Однако мистер Гонт предложил ей обсудить этот вопрос наедине — без того, чтобы полгоро-

да заглядывало им через плечо и прислушивалось (фигурально выражаясь), — и Люсиль заглотнула наживку, как голодная рыба весной набрасывается на блесну.

В восемь двадцать она вышла из «Нужных вещей» с оторопелой, завороженной радостью на лице. Ожерелье из крупного черного жемчуга досталось ей по невероятной цене: тридцать восемь долларов пятьдесят центов. Ну, правда, она еще пообещала разыграть — совершенно безобидно — этого накрахмаленного министра-баптиста Уильяма Роуза. Это она сделает легко, одной левой; даже с удовольствием. Этот надутый мистер, постоянно цитирующий Библию, ни разу не оставил ей на чай даже десяти центов. Ни разу! Люсиль (правоверная методистка, не имевшая ни малейшего желания трясти хвостом под эти буги-вуги в пятницу) знала, что каждому воздастся на небесах по заслугам его; а вот преподобный Роуз, наверное, и не слышал, что отдавать — это богоугоднее, чем принимать.

Ну ладно, она ему отплатит... к тому же шутка и вправду была безобидная. Так сказал мистер Гонт.

Сей джентльмен проводил ее взглядом с приятной улыбкой на лице. День обещал быть *крайне* напряженным: встречи с покупателями каждые полчаса плюс масса телефонных звонков. Карнавал был хорошо подготовлен. Главный аттракцион успешно прошел проверку; время общего старта не за горами. Как всегда, когда доходило до этой стадии, где бы это ни происходило — в Ливане, Анкаре, западных провинциях Канады или прямо под боком, в Хиксвилле, — всегда ощущение было такое, что в сутках слишком мало часов. Тем не менее он старался сделать все, что в его силах, чтобы добиться цели, ведь руки в работе — счастливые руки, труд облагораживает, и...

...и если его старые глаза ему не изменяли, второй сегодняшний покупатель, Иветт Гендрон, уже спешил сюда.

— Долгий и трудный, такой трудный день, — пробормотал мистер Гонт и изобразил на лице широкую, приветственную улыбку.

2

Алан Пангборн прибыл в участок ровно в восемь тридцать. Там его уже дожидалась записка, прилепленная к телефонному аппарату. В семь сорок пять звонил Генри Пейтон из полиции штата. Он просил, чтобы Алан как можно скорее ему перезвонил. Алан уселся в кресло, плечом прижал трубку к уху и нажал кнопку автодозвона. Из верхнего ящика стола он достал четыре серебряных доллара.

— Привет, Алан, — сказал Генри. — Боюсь, у меня плохие новости о твоем двойном убийстве.

— О, оказывается, теперь это *мое* двойное убийство, — сказал Алан. Он зажал четыре монеты в кулак, сжал его и раскрыл ладонь. Теперь их стало три. Откинувшись в кресле, он положил ноги на стол. — Наверное, новости *очень* плохие.

— Ты, кажется, не удивлен.

— Не-а. — Он опять сжал кулак и «выдавил» нижний доллар из стопки. Эта операция требовала особого мастерства... но Алану его было не занимать. Серебряный доллар выскользнул у него из кулака и скрылся в рукаве. Там он тихонько звякнул о первую монету — на реальном представлении этот звук был бы скрыт всякой магической болтовней. Теперь на раскрытой ладони лежали всего две монеты.

— Может, поделишься соображениями? — раздраженно спросил Генри.

— Последние два дня я очень много об этом думал, — сказал Алан. На самом деле все было гораздо хуже: с того момента в воскресенье, когда он увидел, что одна из убитых женщин — Нетти Кобб, он *постоянно* думал об убийстве. Оно не давало ему покоя даже во сне, и ощущение, что не все так просто, как кажется, постепенно перешло в уверенность. Поэтому звонок Генри Алан воспринял не как неприятность, а как облегчение, поскольку этот звонок избавил его от необходимости звонить самому.

Он сжал руку с монетами.

Звяк.

Открыл ладонь. Один доллар.

— И что тебя озадачило? — спросил Генри.

— Все, — просто ответил Алан. — Начиная с того, что все это вообще произошло. Больше всего меня раздражает, как работают временные рамки преступления... или, вернее сказать, не работают. Я все пытаюсь представить себе, как Нетти Кобб приходит домой, находит свою собаку убитой, а потом сидит и пишет эти записки. И знаешь что? У меня никак не получается. И с каждой неудачной попыткой я все больше задумываюсь, сколько еще упустил из виду.

Алан еще раз сжал кулак, потом разжал, и его ладонь оказалась пуста.

— Ага. Тогда, может быть, мои плохие новости, наоборот, тебя обрадуют. Я не знаю, кто убил собаку миссис Кобб, но почти точно это была не Вильма Ержик.

Алан сдернул ноги со стола. Монеты вылетели из рукава и просыпались на стол редким серебряным дождем. Одна из них докатилась до края и начала падать. Алан стремительно выбросил руку и подхватил ее на лету.

— Генри, давай выкладывай все, что есть.

— Ладно. Начнем с собаки. Ее обследовал Джон Палин, ветеринарный врач из Южного Портленда. Он у нас вроде Генри Райана, только для животных. Так вот, он утверждает, что, поскольку штопор попал точно в сердце и пес умер практически мгновенно, можно примерно установить время смерти.

— Это мне нравится, — сказал Алан. Он подумал о романах Агаты Кристи, которые пачками читала Энни. Судя по этим романам, любой дышащий на ладан деревенский доктор мог с легкостью определить, что смерть наступила между половиной пятого и пятнадцатью минутами шестого. Проработав в правоохранительных органах более двадцати лет, Алан знал более реальный ответ на вопрос

о времени смерти: «Где-то на прошлой неделе. Или на позапрошлой...»

— Да неужели? В общем, доктор Палин утверждает, что собака умерла между десятью и двенадцатью. А Питер Ержик говорит, что, когда он вошел в спальню, чтобы переодеться для церкви — *в самом начале одиннадцатого*, — его жена принимала душ.

— Да, но мы и так знали, что времени у нее маловато, — сказал Алан. Он был немного разочарован. — Ведь этот парень, Палин, он допускает какую-то погрешность, если только не считает себя Господом Богом. Чтобы Вильма идеально смотрелась, всего-то и нужно пятнадцать минут.

— Да? И как она тебе, Алан? Смотрится?

Пангборн подумал, потом тяжело вздохнул:

— Сказать по правде, старик, не смотрится она. Никак не смотрится. — Алан помолчал и заставил себя добавить: — Но все равно глупо было бы пересматривать дело на основании отчета какого-то собачьего доктора и временно́й вилки в пятнадцать минут.

— Ладно, перейдем к записке под штопором. Помнишь ее?

— «Я никому не позволю закидывать грязью мои чистые простыни. Я же тебе говорила, что достану тебя!»

— Слово в слово. Эксперт-графолог в Августе все еще с ней колупается, но Питер Ержик дал нам образец почерка жены. Ксерокопии записки и образца почерка сейчас передо мной. Они не совпадают. Вообще *никак!*

— Чушь какая-то!

— А вот и не чушь. Я думал, что ты-то как раз и не удивишься.

— Я знал, что здесь что-то не так, но меня больше всего смущали эти камни с записками. По времени все очень тесно, конечно, и это тоже меня беспокоило, но не так сильно, как эти проклятые камни. Просто это похоже на Вильму. Ты уверен, что она не изменила почерк? — Он сам не верил тому, что сказал — идея анонимности совер-

шенно не вписывалась в Вильмин стиль. Но следовало учесть и такую возможность.

— Я? Я уверен. Но я не эксперт и в суде свидетельствовать не буду. Поэтому записка сейчас у графолога.

— И когда он составит отчет?

— А кто знает? Пока попробуй поверить мне на слово, Алан. Это две большие разницы. Ничего общего.

— Хорошо, если это не Вильма, значит, это был кто-то, кто хотел, чтобы Нетти *поверила*, будто это она. Но кто? И *зачем? Зачем*, ради всего святого?

— Вот этого я тебе не скажу, дорогой. Но у меня есть еще кое-что.

— Давай добивай. — Алан ссыпал доллары обратно в ящик и изобразил на стене высокого, тощего мужчину в цилиндре. Тот проковылял в сторону двери, а на обратном пути цилиндр превратился в трость.

— Кто бы ни убил эту собаку, он оставил кровавые отпечатки пальцев на внутренней ручке входной двери дома Кобб. Вот такие дела.

— Тысяча чертей!

— Полсотни — самое большее, на что можно рассчитывать. Они смазаны, отпечатки. Видимо, подозреваемый их оставил, когда уже выходил из дома.

— Совсем не годятся?

— Мы сняли несколько фрагментов, которые могут сгодиться, хотя опять же не факт, что суд их примет. Мы послали их в дактилоскопическую лабораторию ФБР в Виргинии. Они такое там вытворяют с частичными отпечатками... но они страшные тормоза. Результатов придется ждать дней десять, не меньше. Я сам сравнил эти отпечатки с отпечатками, снятыми нашим вечно задумчивым судмедэкспертом.

— Не сходятся?

— Это как с почерком, Алан. Сравнить части с целым. И если я с чем-то подобным попробую выйти в суд, защита мне голову отгрызет. Но раз уж мы, так сказать, сидим в куче дерьма, то я скажу прямо: они не имеют

вообще ничего общего. Размер, например. У Вильмы Ержик руки были маленькие. А отпечатки оставлены человеком с большими руками. Даже делая скидку на то, что все смазано, руки просто гигантские.

— Мужские?

— Я уверен. Но еще раз повторяю: я не пойду с этим в суд.

— Это не важно. — На стене появился маяк из тени, который тут же превратился в пирамиду. Пирамида раскрылась, как цветок, и стала гусем, летящим на фоне солнца. Алан попытался представить себе лицо мужчины — не Вильмы Ержик, а *мужчины*, — забравшегося в дом Нетти воскресным утром. Мужчины, убившего штопором Неттиного Бандита и подставившего Вильму. Ничего, кроме расплывчатых теней. — Генри, кому такое могло прийти в голову, если не Вильме?

— Понятия не имею. Зато у нас может быть свидетель инцидента с камнями.

— *Что?!* Кто?!

— Я сказал *может быть*, помнишь?

— Я слышал, что ты сказал. Не зли меня, кто это?

— Ребенок. Одна дама, живущая по соседству с Ержиками, услышала шум и вышла на крыльцо посмотреть, что происходит. Она говорит, что подумала, может быть, «эта сука» — ее слова — окончательно взбесилась и выкинула мужа в окно. Она увидела, как какой-то мальчик испуганно улепетывает на велосипеде от дома Ержиков. Дама спросила у него, что там происходит. Парень ответил, что ему кажется, будто миссис и мистер Ержик скандалят. Поскольку соседка думала так же и шум к тому времени прекратился, она как-то об этом и позабыла.

— Наверное, это Джиллиан Мислабурски, — сказал Алан. — Дом с другой от Ержиков стороны пустует, выставлен на продажу.

— Точно. Джиллиан Мислахренски. У меня записано.

— А что за мальчик?

— Не знаю. Она его узнала, но не смогла вспомнить имя. Говорит, он живет по соседству, может быть, в том же квартале. Мы его найдем.

— Сколько лет?

— Говорит, между одиннадцатью и четырнадцатью.

— Генри! Будь другом, дай *мне* его найти. Очень тебя прошу.

— Давай, — мгновенно согласился Генри, и Алан расслабился. — Я вообще не понимаю, почему мы должны вести эти расследования, когда преступление случается прямо в столице округа. В Портленде и Бангоре этим занимаются самостоятельно, а почему в Касл-Роке нельзя? Бог ты мой, я даже не знал, как произносится фамилия этой женщины, пока ты не сказал!

— В Рокс много подводных камней, — рассеянно произнес Алан. Он оторвал розовый бланк предупреждения и записал на обратной стороне: *Джилл Мислабурски* и *Мальчик, 11—14.*

— Если мои ребята найдут этого парня, он увидит три больших джипа полиции штата и так напугается, что забудет обо всем на свете, — сказал Генри. — А тебя он скорее всего знает. Ты же ходишь по школам и устраиваешь там беседы?

— Да, по программе «Скажем «нет» наркотикам» и в День закона и безопасности.

Алан покопался в памяти, пытаясь припомнить мальчишек, живущих в том же квартале, что Ержики и Мислабурски. Если Джилл Мислабурски его узнала, но не знала имени, скорее всего это значит, что парень живет за углом или на Понд-стрит. Алан поспешно накорябал на листке бумаги три фамилии: Делуа, Раск, Беллингем. Были, наверное, и еще дети подходящего возраста, которых он с ходу не вспомнил, но для начала хватит и этих троих. Быстрый опрос наверняка выявит того, кого надо.

— Джилл сказала, в котором часу она слышала шум и видела мальчика? — спросил Алан.

— Она не уверена, но думает, что после одиннадцати.

— Значит, это были не Ержики, потому что Ержики в это время были на мессе.

— Правильно.

— Тогда это был наш таинственный камнемет.

— Снова в самую точку.

— Вот кто действительно *странный* тип.

— Три правильных ответа подряд. Еще один ответ, и ты выиграешь тостер.

— А вдруг тот парнишка видел, кто это был?

— Обычно в таких случаях я говорю: «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой», но эта дама, Мислабурски, сказала, что он был напуган, так что это не исключено. Если он видел, кто там кидался камнями, то ставлю виски и пиво, что это была не Нетти Кобб. Я думаю, кто-то стравил их между собой. Просто так. Ради забавы.

Но Алан, знавший свой город лучше, чем Генри, решил, что подобное невозможно.

— А может быть, это сам паренек? — сказал он. — Может, *поэтому* он был напуган? Тогда у нас на руках обычный случай вандализма.

— В мире, где есть Майкл Джексон и урод вроде Акс-ла Роуза, возможно все, — сказал Генри. — Но ты же знаешь, что вероятность обычного вандализма была бы намного выше, будь парнишке лет этак шестнадцать-семнадцать.

— Да, — согласился Алан.

— И зачем вообще строить предположения, если ты можешь найти мальчишку? Ты ведь можешь, да?

— Я уверен. Но хочу дождаться конца уроков, если ты не против. Сам знаешь, пугать его — вовсе не лучший вариант.

— Я согласен; наши две дамочки никуда не убегут, только в могилу. Тут, правда, полно репортеров, но это мелочь. Я их, как мух, отгоню.

Алан выглянул в окно как раз вовремя, чтобы заметить микроавтобус телевизионщиков из WMTW-TV, который

медленно катил по Главной, направляясь, очевидно, к парадному входу в здание суда, тут же за углом.

— Да, они и сюда добрались, — сказал он.

— Сможешь перезвонить мне к пяти?

— К четырем, — сказал Алан. — Спасибо, Генри.

— Не за что, — ответил Генри Пейтон и повесил трубку.

Алан едва не сорвался с места, чтобы разыскать Норриса Риджвика и обо всем ему рассказать. Но потом он вспомнил, что Норрис в данную минуту скорее всего отмораживает себе задницу посреди озера Касл, сжимая в руке свою новую удочку.

Он еще немного поупражнялся с теневым зверинцем и встал. На душе почему-то было неспокойно. Не мешало бы проехаться по кварталу, где случилось двойное убийство. Может, когда он увидит эти дома, ему в голову придет еще пара семей, где есть мальчики подходящего под описание возраста... и кто знает? Может быть, то, что Генри Пейтон сказал про детей, также подходит и к польским женщинам среднего возраста, покупавшим себе одежду в «Лейн Брийант». Память Джилл Мислабурски может выдать результаты получше, если вопросы будет задавать кто-то знакомый.

Алан уже потянулся за форменной фуражкой, висевшей на верхнем крючке вешалки, но, подумав, оставил ее на месте. Будет лучше, решил он, если он будет выглядеть полуофициально. И даже, уж если на то пошло, стоит взять «универсал», а не патрульную машину.

Он вышел из кабинета и растерянно замер посреди приемной. Джон Лапуант превратил свой стол и все пространство вокруг в подобие противопаводковых заграждений. Везде были свалены бумаги. Ящики громоздились друг на друга на столе у Джона, изображая из себя Вавилонскую башню. Все это шаткое сооружение грозило обвалиться в любую секунду. И Джон, обычно самый приветливый и веселый из всех полицейских в участке, сидел весь багровый и матерился.

— Джонни, я сейчас вымою тебе рот с мылом, — усмехнулся Алан.

Джон вздрогнул и обернулся. Он улыбнулся в ответ, но как-то растерянно и стыдливо.

— Извини, Алан, я...

Но Алан уже сорвался с места. Он пересек комнату с той же гибкой, бесшумной стремительностью, которая так поразила Полли в среду вечером. У Джона Лапуанта отвисла челюсть. Но краем глаза он все же успел заметить, куда метнулся Алан: два выдвижных ящика, которые он составил на столе, начали съезжать.

Алан двигался достаточно быстро и сумел избежать полной катастрофы, но падения верхнего ящика он предотвратить не смог. Тот приземлился ему на ногу; во все стороны полетели бумаги, скрепки, резинки и скобки для степлера. Два остальных ящика Алану удалось прижать руками к краю стола.

— Святой Иисусе! Ничего себе бросок, Алан! — выдохнул Джон.

— Спасибо, Джон, — сказал Алан, болезненно улыбаясь. Ящики начали соскальзывать вниз. Прижимать их не имело смысла, от этого отъезжал сам стол. К тому же у него ныла ступня, ушибленная первым ящиком. — Можешь высказать мне все свои комплименты, я их с удовольствием выслушаю. Но в перерывах, если тебе не трудно, убери этот проклятый ящик с моей ноги.

— О! Черт! Конечно! Конечно! — Джон бросился поднимать ящик. Он сделал это с таким усердием, что нечаянно толкнул Алана. Шериф потерял тщательно высчитанный момент давления на ящики. Они обрушились вниз и тоже приземлились ему на ногу.

— *Ооо!* — взвыл Алан. Он потянулся к правой ступне, но решил, что левая болит сильнее. — *Идиот!*

— Боже, Алан, извини!

— Что у тебя там было? Половина каменоломни округа?

— Я просто давно не убирался в столе.

Джон виновато улыбнулся и принялся как попало запихивать бумаги и конторскую ерунду обратно в ящики. Его в общем-то симпатичное лицо горело, как огонь. Он встал на колени и нырнул под стол Клата, чтобы собрать скрепки и бумаги, залетевшие туда, и при этом свалил высокую стопку форм и рапортов, которую сам же нагромоздил на полу. Теперь приемная полицейского участка походила на местность, пострадавшую от торнадо.

— Упс! — сказал Джон.

— Упс, — повторил за ним Алан, сидя на столе Норриса Риджвика и пытаясь массировать пальцы ног через тяжелые форменные ботинки из толстой кожи. — Упс — это хорошо. Очень точное описание ситуации. Я всегда именно так и представлял себе «Упс».

— Извини, — снова сказал Джон, извиваясь на животе под столом и сгребая разбросанные по полу канцелярские принадлежности. Алан не знал, плакать ему или смеяться. Ноги Джона дергались туда-сюда, еще больше разбрасывая бумаги по полу.

— Джон, вылезай оттуда! — сказал Алан. Он пытался сдержать смех, но понимал, что эту битву он скорее всего проиграет.

Лапуант дернулся. Его голова неслабо стукнулась снизу о крышку стола. Еще одна стопка бумаги, лежавшая на самом краю, чтобы дать место ящикам, полетела вниз. Большая часть просто шлепнулась на пол, а пара десятков листков еще слегка попорхала в воздухе.

Так он весь день будет тут убираться, обреченно подумал Алан. *А может, неделю.*

Больше сдерживаться не было сил. Алан расхохотался. Энди Клаттербак, сидевший в кабинке диспетчера, вышел посмотреть, что происходит.

— Шериф? — спросил он. — Все в порядке?

— Да, — сказал Алан. Он посмотрел на рапорты и формы, разбросанные по всем доступным поверхностям, и снова расхохотался. — Джон решил разобраться с бумагами, вот и все.

Джон выполз из-под стола и выпрямился. Он выглядел как человек, страстно желающий, чтобы его выставили на всеобщее порицание или хотя бы заставили сделать сорок отжиманий. Вся его прежде безукоризненная форма была покрыта пылью; и это заставило Алана, несмотря на все веселье, сделать мысленную зарубку — с тех пор как Эдди Варбертон мыл полы под столами, прошло *слишком* много времени. Потом он снова расхохотался. Просто не мог сдержаться. Клат растерянно переводил взгляд с Алана на Джона и обратно, не понимая, в чем дело.

— Ладно, — сказал Алан, в конце концов взяв себя в руки. — Джон, а что ты вообще ищешь? Святой Грааль? Потерянную гармонию? Что?

— Свой бумажник, — ответил Джон, безуспешно пытаясь очистить форменную куртку. — Не могу найти свой проклятый бумажник.

— Машину проверил?

— Обе. — Джон с отвращением посмотрел на астероидный пояс из бумаг, окружавших его стол. — Патрульную машину, в которой я дежурил вчера вечером, и свой «понтиак». Но иногда, когда я сижу в офисе, я убираю его в ящик стола, потому что он оттопыривает задний карман. Ну, я и решил поискать в столе...

— Джон, он бы не так оттягивал тебе задницу, если бы ты не пихал в него что ни попадя, — заметил Энди Клаттербак.

— Клат, — сказал Алан, — иди поиграйся в машинке.

— Чего?

Алан закатил глаза.

— Иди займись чем-нибудь. Мы с Джоном тут сами управимся; нас учили вести расследования. Если у нас ничего не получится, мы тебя обязательно позовем.

— Ну конечно. Я же помочь хотел. Видел бы ты его бумажник. Выглядит, словно в нем целая библиотека Конгресса упихана. Я вообще...

— Спасибо за конструктивное замечание, Клат. Увидимся позже.

— Ладно, — сказал Клат. — Всегда рад помочь. Пока, уважаемые.

Алан опять закатил глаза. Он был готов снова расхохотаться, но на этот раз смог с собой совладать. Судя по несчастному выражению лица Джона, для него эта утрата была нешуточной. Он был смущен, но лишь частично. Алан сам пару раз терял бумажник и знал это хреновое чувство. Потеря денег и последующая возня с восстановлением кредитных карточек — только малая часть предстоящего геморроя, причем не обязательно худшая. Ты раз за разом вспоминаешь всякие мелочи, запиханные в бумажник, которые могут показаться ненужным мусором постороннему человеку, но для тебя будут невосполнимы.

Джон сел на корточки и принялся собирать бумаги, сортируя их и укладывая в пачки. Вид у него был безутешный. Алан начал ему помогать.

— Алан, ноги сильно ушиб?

— Нет. Ты же знаешь, эти ботинки... все равно что надеть на ноги покрышки от трактора. Сколько было в бумажнике?

— Да баксов двадцать, не больше. Но я купил охотничью лицензию, и она была там. И кредитная карточка. Теперь придется звонить в банк и говорить, чтобы ее заблокировали. Но больше всего мне жалко фотографии. Мама с папой, сестры... ну ты знаешь. Все такое.

Разумеется, дело было вовсе не в фотографиях матери, отца или одной из его сестер; он убивается из-за той, на которой был снят с Салли Рэтклифф. Клат щелкнул их на ярмарке месяца за три до того, как Салли порвала с Джоном в пользу этого твердолобого Лестера Пратта.

— Ну, это-то как раз вернется, — сказал Алан. — Деньги и карточку ты уже не увидишь, но бумажник и фотографии рано или поздно всплывут. Обычно так и бывает. Ты же сам знаешь.

— Да, — вздохнул Джон. — Я просто... Черт, я все пытаюсь вспомнить, был ли бумажник у меня сегодня утром, когда я пришел на работу. И ничего не выходит.

— Надеюсь, он найдется. Повесь объявление о пропаже.

— Так и сделаю. И уберу весь это бардак.

— Я знаю, Джон. Успокойся.

Качая головой, Алан вышел на стоянку.

3

Над дверью «Нужных вещей» звякнул маленький серебряный колокольчик, и Бабз Миллер, привилегированный член бридж-клуба с Эш-стрит, несколько застенчиво вошла внутрь.

— Миссис Миллер! — приветствовал ее мистер Гонт, склонившись над листом бумаги, что лежал рядом с кассовым аппаратом. Он поставил на листочке маленькую галочку. — Как славно, что вы зашли! Как раз вовремя! Вас ведь интересовала музыкальная шкатулка? Отличная работа.

— Да, я хотела поговорить о шкатулке, — кивнула Бабз. — Но она, наверное, уже продана. — Ей было трудно представить, как такую прелесть можно было *не купить*. От одной этой мысли у нее замирало сердце. Мелодия, которую играла шкатулка, та, которую так и не смог вспомнить мистер Гонт... Бабз, кажется, знала, что это за мелодия. Однажды она танцевала под эту музыку в павильоне на Старом пляже в Орчарде с капитаном футбольной команды, а чуть позже, тем же вечером, она добровольно отдала ему свою девственность пред ликом великолепной майской луны. Он довел ее до первого и последнего в ее жизни оргазма, воспоминание о котором до сих пор бурлило в ее жилах, и та самая музыка пульсировала у нее в голове, как раскаленная проволока.

— Нет, пока не продана, — сказал мистер Гонт. Он достал шкатулку из стеклянного ящика, где она скрывалась за «Полароидом», и поставил ее на прилавок. При виде сокровища лицо Бабз озарилось улыбкой.

— Я не могу себе позволить такую покупку, — сказала она, — по крайней мере прямо сейчас. Но мне она очень нравится, правда, мистер Гонт, и если бы можно было выплачивать ее стоимость по частям... если такая возможность есть...

Мистер Гонт улыбнулся. Это была элегантная, располагающая улыбка.

— Мне кажется, вы зря волнуетесь, — сказал он. — Мне кажется, вас приятно удивит цена этой шкатулки, миссис Миллер. *Очень* удивит. Присаживайтесь. Давайте поговорим.

Она села.

Он подошел к ней.

Их взгляды встретились.

У нее в голове вновь зазвучала полузабытая мелодия...

И она потерялась в этой мелодии.

4

— Теперь я вспоминаю, — сказала Алану Джиллиан Мислабурски. — Это был мальчик Расков. Билли, кажется, его зовут. Или Брюс.

Они стояли у нее в гостиной, где царил громадный телевизор «Сони» и гигантское гипсовое распятие над ним. На экране мелькала Опра. Судя по тому, как Иисус выкатил свои гипсовые глаза под терновым венцом, он предпочитал Джеральдо. Или «Бракоразводный процесс». Миссис Мислабурски предложила Алану кофе, от которого он отказался.

— Брайан, — подсказал он.

— Точно! — оживилась она. — Брайан!

На ней был все тот же ядовито-зеленый халат, но уже без красного платка. У нее на голове аляповатой короной курчавились букли размером с картонные цилиндрики, которые остаются от рулонов туалетной бумаги.

— Вы уверены, миссис Мислабурски?

— Да. Как раз сегодня утром, когда проснулась, я вспомнила, кто это был. Его отец пару лет назад делал алюминиевую облицовку на нашем доме. Мальчик приходил ему помогать. Хороший мальчик вроде бы.

— А что он там делал, вы не в курсе?

— Он сказал, что хотел спросить, не наняли ли они уже кого-нибудь на зиму, чтобы чистить снег на подъездной дорожке. Думаю, он не соврал. Сказал, что приедет позже, когда они перестанут скандалить. Бедняжка был так напуган, и было отчего. — Она покачала головой. Кудряшки пружинисто запрыгали. — Мне жаль, что она вот так умерла... — Джилл Мислабурски заговорщицки понизила голос. — Но я рада за Пита. Никто не знает, что ему пришлось вынести, живя с этой женщиной. *Никто.* — Она многозначительно посмотрела на Иисуса на стене, потом вновь перевела взгляд на Алана.

— Ага, — сказал он. — А больше вы ничего не заметили, миссис Мислабурски? Дом, шум, мальчик? Может быть, что-то еще?

Она приложила палец к носу и задумчиво подняла голову.

— Да нет, вроде все. У мальчика... Брайана Раска... в багажнике велосипеда лежал переносной холодильник. Я обратила на это внимание, но не знала, что...

— Во-от! — поднял руку Алан. В голове как будто зажегся зеленый свет. — Холодильник?

— Да, вы знаете, такие обычно берут с собой на пикники или там на рыбалку. Я запомнила, потому что он был явно великоват для этого багажника. Казалось, что он вот-вот вывалится.

— Спасибо, миссис Мислабурски, — сказал Алан. — Большое вам спасибо.

— А это что-то значит? Какая-то зацепка?

— Да, без сомнения. — Хотя сам он еще пока не был уверен.

Генри Пейтон сказал: *вероятность обычного вандализма была бы намного выше, будь парнишке лет этак шест-*

надцать-семнадцать. Алан тоже так думал... но он и раньше встречал двенадцатилетних вандалов, а в холодильнике для пикника можно небось привезти много-много камней.

С этого момента предстоящий сегодня днем разговор с Брайаном Раском заинтересовал его гораздо сильнее.

5

Снова звякнул серебряный колокольчик, и в «Нужные вещи» вошел Сонни Джакетт — медленно и осторожно, теребя в руках свою пропитанную маслом бейсболку с эмблемой «Суноко». Его вид говорил сам за себя: как бы он ни старался вести себя осторожно, он обязательно что-нибудь здесь разобьет, тем более что кругом полно ценных и хрупких вещей; у него было написано на лице, что ломать и крушить — это отнюдь не его желание, а его карма.

— Мистер Джакетт! — как обычно радушно вскричал Лиланд Гонт, не забыв поставить еще одну галочку в списке, что лежал на прилавке. — Как я рад, что вы нашли время зайти!

Сонни продвинулся на три шага внутрь магазина и остановился, обеспокоенно переводя взгляд со стеклянных витрин на мистера Гонта и обратно.

— Ну, — пробурчал он, — я, вощем, покупать не буду ничё. Сразу сказать, вощем, хочу. Харри Сэмюэлс, вощем, мне сказал, что вас тут типа можно утром застать. Сказал, вощем, что у вас тут ключей есть набор. Неплохой. Я тут типа ищу как раз, но в магазинах по мне ничё не продается. Ну, не подходит ничё. Так шо, если шо, вы меня простите, сэр.

— Признателен вам за честность, — сказал мистер Гонт, — но не зарекайтесь заранее, мистер Джакетт. Это очень хороший набор ключей со сменными головками — двухстандартный, подстраиваемый.

— Чё, правда? — У Сонни чуть глаза на лоб не полезли от удивления. Он слышал, что такие ключи существуют — универсальные накидные ключи, которые позволяют работать и на импортных, и на отечественных машинах. — Серьезно?

— Да. Я их спрятал в подсобке, как только услышал, что вы, мистер Джакетт, ищете такой набор. Иначе бы они влет ушли, вы же понимаете. А я хотел, чтобы вы хоть взглянули, прежде чем кто-то их купит.

Сонни отреагировал с мгновенной подозрительностью янки:

— А вам это еще зачем?

— Потому что у меня классическая машина, а классические машины нуждаются в частом ремонте. А я слышал, что вы — лучший механик по эту сторону от Дерри.

— А-а. — Сонни расслабился. — Ну, мож, и так. А что у вас за тачка?

— «Таккер».

Сонни посмотрел на мистера Гонта с нескрываемым уважением:

— «Торпедо»! Шикарная штучка!

— Нет. У меня «талисман».

— Ого! В жизни не слышал про «таккер-талисман».

— Их было сделано всего лишь две штуки: прототип и мой. В 1953 году. Через какое-то время мистер Таккер переехал в Бразилию и там скончался. — Мистер Гонт улыбнулся своим воспоминаниям. — Престон был замечательным парнем и настоящим волшебником, когда дело касалось автодизайна... но бизнесменом он не был.

— Да ну?

— Да. — Туман в глазах мистера Гонта рассеялся. — Но все это в прошлом, а мы в настоящем. Перевернули страницу, мистер Джакетт. Я так всегда говорю: переворачиваем страницу, глядя вперед, весело идем в будущее и никогда не оглядываемся.

Сонни смущенно взглянул на мистера Гонта и промолчал.

— Давайте, я покажу вам набор ключей.

Сонни согласился не сразу. Вместо этого он снова принялся разглядывать содержимое стеклянных шкафов.

— Я, вощем, не могу себе чё-то такое позволить. Счета и так длинные, как язык у тещи. Иногда я, ваще, думаю: мож, бросить все на фиг и уехать отсюда?

— Я знаю, о чем вы, — сказал мистер Гонт. — Все эти проклятые республиканцы.

Насупленное, подозрительное лицо Сонни сразу расслабилось.

— Во, тут вы правы, дружище! — вмиг оживился он. — Джордж Буш почти развалил эту страну... он и эта проклятая война! Но разве у демократов есть кто-то, кто победит на выборах?

— Сомневаюсь, — сказал мистер Гонт.

— Джесси Джексон, к примеру, ниггер.

Он вызывающе посмотрел на мистера Гонта, который слегка наклонил голову, как бы говоря: *Да, мой друг, можете говорить откровенно. Мы оба с вами из тех людей, которые не боятся назвать негра негром.* Сонни Джакетт расслабился еще больше, перестал стесняться своих промасленных рук и почувствовал себя увереннее.

— Я, вощем, против ниггеров ничего не имею, вы ж понимаете, но от мысли, что в Белом доме сядет черномазый — *в Белом доме!* — меня аж корежит.

— Ну разумеется, — согласился мистер Гонт.

— А этот макаронник из Нью-Йорка... Мар-и-о Ку-хуамо! Что, тип с таким именем сможет побить этого четырехглазого хрыча в Белом доме?!

— Нет, — сказал мистер Гонт. Он поднял правую руку, отодвинув указательный палец на четверть дюйма от большого. — К тому же я не доверяю людям с маленькой головкой.

Сонни примерно секунду таращился на него, потом шлепнул себя по колену и закашлялся визгливым смехом.

— Не доверяю людям с маленькой... Ха! Шикарно, мужик! Черт, ваще, вот ведь ввернул!

Мистер Гонт ухмыльнулся. Сонни ухмыльнулся в ответ.

Мистер Гонт достал набор ключей, лежавший в кожаном футляре с бархатной подкладкой — самый прекрасный набор накидных ключей из хромистой стали, который Сонни Джакетт видел в жизни.

Они улыбались друг другу над накидными ключами, скаля зубы, как обезьяны, которые вот-вот подерутся.

И разумеется, Сонни купил набор. Цена была ошеломительно низкой: каких-то сто семьдесят долларов плюс пара действительно смешных приколов над Доном Хемфиллом и преподобным Роузом. Сонни сказал мистеру Гонту, что ему будет даже приятно слегка отравить жизнь этим псалмопевцам, республиканским уродам.

Они ухмылялись, обсуждая шутки, которые Сонни сыграет над Паровозом Вилли и Доном Хемфиллом.

Сонни Джакетт и Лиланд Гонт — просто два человека, которые улыбаются друг другу.

А над дверью вновь звякнул маленький колокольчик.

6

Генри Бофорт, владелец и управляющий «Подвыпившего тигра», жил примерно в четверти мили от работы. Майра Эванс поставила машину на стоянке у бара — в это жаркое, не по сезону, солнечное утро стоянка была абсолютно пуста — и пошла к дому. Учитывая специфику ее задачи, подобные предосторожности были оправданны. Причин для волнения не было. «Подвыпивший тигр» не закрывался раньше часа ночи, и Генри редко вставал раньше часа дня. Все шторы на обоих этажах дома были задернуты. Его машина стояла перед домом: прекрасно сохранившийся «тандерберд» выпуска 60-х годов, радость и гордость Генри Бофорта.

Майра была одета в джинсы и синюю рабочую рубашку мужа. Рубашку она не заправила, так что ее полы болтались у нее чуть ли не у колен. Они скрывали ремень

и свисающие с него ножны. Чак Эванс коллекционировал предметы, связанные со Второй мировой войной (и хотя Майра этого не знала, он уже успел сделать покупку в новом магазине), и в ножнах был японский штык. Майра сняла его со стены в подвальном «святилище» Чака полчаса назад. При каждом шаге штык тяжело шлепал ее по ляжке.

Она очень торопилась завершить это задание, чтобы поскорее вернуться к фотографии Элвиса. Как она обнаружила, когда держишь в руках этот снимок, ты участвуешь в целой истории. Истории не настоящей, но во многом — даже *во всем* — казавшейся лучше реальной. Первый акт — это концерт, когда Король вытаскивает ее на сцену, чтобы потанцевать. Второй акт происходит в Зеленой комнате после шоу, а третий — в лимузине. Машину ведет один из мемфисских ребят Элвиса, а сам Король даже не считает нужным поднять непрозрачную стеклянную перегородку между салоном и кабиной водителя, прежде чем по дороге в аэропорт заняться с Майрой самыми неприличными и восхитительными вещами.

Акт четвертый происходил в самолете. На борту «Лизы Марии», личного реактивного самолета Элвиса... на большой двуспальной кровати за переборкой пилотской кабины. Этим актом Майра наслаждалась вчера и сегодня утром: летала в постели с Элвисом на высоте в тридцать две тысячи футов. Она была бы не против остаться там с ним навсегда, но знала, что это никак не возможно. Впереди был еще пятый акт: Грейсленд. Когда они прилетят туда, все станет еще лучше.

Но сначала ей надо еще кое-что сделать.

Сегодня утром, когда муж ушел, она лежала в постели совершенно голая, за исключением пояса для чулок (Король недвусмысленно дал понять, что хочет, чтобы Майра его не снимала), лежала, крепко зажав в руках фотографию, стонала и ерзала на простыне. Но тут двуспальная кровать вдруг исчезла. Еле заметный гул двигателей «Лизы

Марии» тоже исчез. Исчез даже запах одеколона «Английская кожа», которым пользовался Элвис.

А вместо всех этих приятных вещей перед Майрой возникло лицо мистера Гонта... но он уже был совсем не похож на того человека в магазине. Кожа у него на лице выглядела обожженной, покрытой волдырями от какого-то неведомого ожога. Она пульсировала и дергалась, как будто под ней жило что-то еще и это *что-то* пыталось выбраться на свободу. А когда он улыбнулся, его большие квадратные зубы превратились в двойной ряд клыков.

— Время пришло, Майра, — сказал мистер Гонт.

— Я хочу остаться с Элвисом, — захныкала она. — Я все сделаю, но потом... ну пожалуйста, не сейчас.

— Нет, прямо сейчас. Ты обещала, а обещания надо выполнять. Если ты меня подведешь, Майра, я очень расстроюсь.

Она услышала резкий щелчок. Посмотрев вниз, несчастная с ужасом обнаружила извилистую трещину, пересекшую стекло, что закрывало лицо Элвиса.

— *Нет!* — завопила она. — *Нет, не делайте этого!*

— Это делаю не я, — со смехом сказал мистер Гонт. — Это делаешь *ты сама*. Делаешь потому, что ты глупая и ленивая маленькая сучка. Майра, дорогуша, это Америка. В постели дела тут делают только шлюхи. Уважаемым людям в Америке приходится вставать с кровати и *зарабатывать* вещи, которые им нужны... или терять их навечно. Кажется, ты это забыла. Разумеется, для меня не проблема найти кого-нибудь еще для этой маленькой шутки над мистером Бофортом, но что касается твоего прелестного *постельного романа* с Королем...

По стеклу, закрывавшему фотографию, серебряной молнией пробежала вторая трещина. Майра с ужасом следила за тем, как лицо под стеклом — видимо, под влиянием просочившегося туда воздуха — начало стареть и покрываться морщинами.

— Нет! Я все сделаю! Прямо сейчас! Я уже встаю, видите? Только перестаньте! ПРЕКРАТИТЕ!

Майра взлетела с кровати со скоростью человека, неожиданно обнаружившего, что делит постель с гнездом скорпионов.

— Стало быть, ты сдержишь слово, Майра, — сказал мистер Гонт. Теперь он говорил как будто из какой-то глубокой щели у нее в мозгу. — Ты ведь знаешь, что надо делать?

— Да знаю я! — Майра с отчаянием посмотрела на фотографию — снимок старого, больного человека с лицом, оплывшим и одутловатым от излишеств и чрезмерных удовольствий. Рука, державшая микрофон, походила на ястребиную лапу.

— Когда ты вернешься, выполнив свое задание, — успокоил ее мистер Гонт, — фотография станет прежней. Только постарайся, Майра, чтобы тебя никто не увидел. Если кто-нибудь увидит тебя, ты больше уже не увидишь *его*.

— Я постараюсь! — прошептала она. — Клянусь, никто меня не заметит!

Теперь, приближаясь к дому Генри Бофорта, она вспомнила эту фразу и осторожно оглянулась, дабы убедиться, что на улице никого нет. Улица была пуста в обе стороны. На чьей-то скошенной лужайке каркала одинокая ворона. Больше ни звука. Казалось, день пульсирует, как живое существо, и земля очарована медленным стуком громадного сердца.

Майра пошла к дому, подбирая на ходу подол рубахи, чтобы убедиться, что ножны и штык на месте. Пот стекал между лопатками под застежку лифчика, щекоча и раздражая. Хотя Майра этого и не знала (и не поверила бы, даже если бы ей сказали), в тишине этого ясного дня она обрела некую неуловимую красоту. Ее расплывчатое, невыразительное лицо наполнилось в эти минуты глубокой сосредоточенностью и осознанием предстоящей ей миссии, чего давно уже не случалось. На нем впервые со школьных лет, когда она поставила себе целью съесть все пончики, пирожки и пирожные в мире, обозначились скулы. Последние четыре дня она была слишком занята

фантастическим сексом с Королем и совершенно не думала о еде. Ее волосы, обычно свисавшие на лицо рыхлыми, неопрятными патлами, теперь были завязаны в небольшой хвостик, открывая брови. Может быть, из-за шока, вызванного внезапным выбросом гормонов и резким уменьшением потребления сахара после многолетней передозировки, прошло большинство прыщей, с двенадцатилетнего возраста извергавшихся у нее на лице маленькими вулканами. Еще больше изменились ее глаза: громадные, синие, почти светящиеся. Это были глаза не Майры Эванс. Это были глаза дикого зверя, который в любой момент мог взбеситься.

Она дошла до машины Генри. На 117-м шоссе показалась машина — старый полуразвалившийся деревенский пикап, направлявшийся в сторону города. Майра скользнула за «тандерберд» и скорчилась за бампером, дожидаясь, пока пикап не исчезнет из виду. Потом она выпрямилась, извлекла из нагрудного кармана сложенный листок, развернула его, тщательно разровняла и подсунула под один из дворников, так чтобы его сразу можно было заметить. На листке было написано:

Не смей указывать мне, когда пить, а когда не пить! И только попробуй еще раз не отдать мне ключи от моей машины, дерьмовый французик!

Майра еще раз огляделась по сторонам, но единственным движущимся объектом в обозримой вселенной была одна-единственная ворона, возможно, та же самая, что каркала раньше. Она уселась на верхушку телеграфного столба как раз напротив дома Бофорта, наверное, чтобы поглазеть на Майру.

Миссис Эванс обнажила штык, крепко схватила его обеими руками и по самое не хочу вогнала его в белый бок левой передней шины. Она зажмурилась, ожидая громкого взрыва, но раздалось только еле слышное *ушшшш!* — звук, который издает большой мужик после

предательского удара в солнечное сплетение. Машина ощутимо накренилась влево. Майра провернула штык, расширяя дыру, благодаря в душе Чака за то, что тот регулярно натачивал свои железяки.

Закончив вырезать рваную улыбку на быстро сдувающейся шине, она обошла машину и проколола еще одну шину с другой стороны. Несмотря на то что фотография тянула ее обратно, Майра вдруг поняла, что пришла сюда не зря. Все оказалось таким возбуждающим. Она представила себе, какое лицо будет у Генри, когда он обнаружит свою драгоценную машину в таком непотребном виде, и это ее завело. Бог знает почему, но она решила, что, вернувшись на борт «Лизы Марии», она сможет показать Элвису парочку новых трюков.

Когда дело дошло до задних шин, штык перестал входить в резину с прежней легкостью. Но Майра добавила толику энтузиазма, энергично дырявя белые стенки покрышек.

Когда работа была закончена, когда все четыре покрышки были не только пробиты, но и вывернуты наизнанку, Майра чуть отступила назад, чтобы обозреть результаты своего труда. Она тяжело дышала и вытирала пот со лба быстрыми, по-мужски резкими движениями. «Тандерберд» Генри Бофорта теперь сидел на хороших шесть дюймов ниже, чем до ее прихода. Его диски покоились на рваных резиновых ошметках, когда-то бывших дорогими радиальными покрышками. И хотя ее об этом и не просили, Майра решила добавить к имеющейся картине еще пару мазков. Она провела острием штыка по отполированному боку машины, оставив на нем длинную извилистую царапину.

Штык издал слабый, визгливый скрип, и Майра испуганно взглянула на дом, почему-то уверенная, что Генри Бофорт услышал этот скрип, и сейчас отодвинет штору спальни, и увидит ее... и тогда все пропало.

Этого не случилось, но она поняла, что пора уходить. Она и так уже слишком тут задержалась, к тому же дома

в спальне ее ждал Король. Майра поспешила к тротуару, запихивая штык обратно в ножны и снова пряча его под рубашкой. По дороге до «Подвыпившего тигра» ее обогнала только одна машина, ехавшая в том же направлении — если водитель не всматривался в зеркальце заднего вида, то разглядеть он мог только спину Майры.

Майра села в свою машину, сняла резинку с волос, так что они снова повисли вокруг лица, как заскорузлые макаронины, и поехала домой. Машину она вела одной рукой. Вторая рука была занята «нехорошим делом» пониже пояса. Войдя в дом, она сразу же понеслась в спальню, перепрыгивая через три ступеньки. Фотография по-прежнему лежала на кровати. Майра скинула туфли, стащила джинсы, схватила карточку и запрыгнула с ней в кровать. Трещины исчезли со стекла; Король возвратил себе молодость и красоту.

То же самое можно было сказать и про Майру Эванс... по крайней мере сейчас.

7

Серебряный колокольчик над дверью снова пропел свою звонкую песенку.

— Здравствуйте, миссис Поттер! — приветливо сказал мистер Гонт и поставил очередную галочку на листке, что лежал рядом с кассовым аппаратом. — А я уж подумал, что вы не придете!

— Я тоже думала, что не приду, — сказала Ленор Поттер. Она выглядела расстроенной и потерянной. Ее пепельные волосы, обычно уложенные идеально, сейчас топорщились неопрятным клубком. Нижняя юбка на целый дюйм выглядывала из-под дорогой юбки из серой саржи, а под глазами были темные круги. Сами глаза бегали с места на место со злой, раздраженной подозрительностью.

— Вы же хотели посмотреть куклу Хауди-Дуди? Мне кажется, вы говорили, что у вас целая коллекция детских игруш...

— Боюсь, сегодня я не могу смотреть на такие нежные вещи, — сказала Ленор. Она была женой самого богатого адвоката в Касл-Роке и поэтому говорила рублеными, адвокатскими фразами. — Я в очень плохом состоянии духа. У меня пурпурный день. Не просто красный, а пурпурный!

Мистер Гонт подошел к ней, изобразив на лице озабоченность и сочувствие.

— Дражайшая леди, что случилось? Вы выглядите ужасно!

— *Конечно*, я выгляжу ужасно! — взорвалась она. — Нормальное течение моей ауры было прервано! Вместо голубого, цвета спокойствия и благополучия, вся моя *калава* стала ярко-пурпурной! И во всем виновата эта сука! Эта высокомерная стерва!

Мистер Гонт начал проделывать какие-то успокаивающие движения, при этом совершенно не прикасаясь к телу Ленор.

— Какая стерва, миссис Поттер? — спросил он, прекрасно зная ответ.

— Бонсан, конечно! Бонсан! Эта мерзкая лгунья Бонсан! Моя аура никогда не была пурпурной, мистер Гонт! Иногда розоватой и однажды, когда меня в Оксфорде чуть не переехал тот пьяный идиот, мне показалось, что она стала красной на пару минут, но *пурпурной!* Так жить *нельзя!*

— Конечно, нет, — сочувственно проговорил мистер Гонт. — Никто от вас этого и не требует, дорогая моя.

Его глаза наконец встретились с ее бегающими глазами. Это было нелегко, но в итоге ему удалось поймать ее взгляд. И когда это произошло, Ленор почти сразу успокоилась. Она вдруг обнаружила, что смотреть в глаза мистера Гонта — все равно как рассматривать свою ауру во

время дыхательных упражнений, потребления правильной пищи (по большей части проросших бобов и тофу) и ухода за поверхностью своей калавы — это минимум час медитации утром и еще час вечером, перед отходом ко сну. Его глаза были спокойного голубого цвета, цвета безоблачного неба.

— Идите сюда, — сказал Гонт. — Присаживайтесь. — Он подвел ее к ряду высоких кресел, обитых плюшем, в которых за последнюю неделю пересидело уже столько жителей Касл-Рока. — Расскажите мне, что случилось.

— Она всегда меня ненавидела, — заявила Ленор. — Она всегда считала, что ее муж не поднялся в фирме на ту высоту, на какую она хотела, потому что его удерживал мой муж. И что на это его подбивала я. У этой женщины мало мозгов, здоровенная грудь и грязно-серая аура. Вы знаете этот тип.

— Прекрасно знаю, — кивнул мистер Гонт.

— Но до сегодняшнего утра я и не представляла, как сильно она меня ненавидит. — Ленор Поттер снова разволновалась, несмотря на влияние мистера Гонта. — Все мои цветники разорены! Уничтожены! Все, что вчера было таким чудесным, сегодня гибнет! Все, что питало мою ауру и очищало калаву, убито! Этой стервой! Этой гребаной СУЧКОЙ БОНСАН!

Кисти Ленор сами собой сжались в кулаки, скрывая тщательно наманикюренные ногти. Она забарабанила кулачками по резным ручкам кресел.

— Хризантемы, астры, ноготки, рододендрон... эта сука явилась ночью и вырвала их из земли. Разбросала везде! Вы знаете, где сегодня утром оказалась моя орнаментальная капуста, мистер Гонт?

— Нет, и где же? — участливо спросил он, продолжая ласкать воздух вокруг нее.

Вообще-то он имел некоторое представление о том, где оказалась эта самая капуста, и без тени сомнений он знал, кто ответствен за порчу калавы: Мелисса Клаттербак.

Ленор Поттер не подозревала жену помощника шерифа Клаттербака, потому что *не знала* жену помощника шерифа Клаттербака, как и Мелисса Клаттербак не была знакома с Ленор; здоровались на улице — и все. Со стороны Мелиссы в этом поступке не было злости (*кроме, конечно, здорового злорадства, которое ощущает любой человек, выдирающий из земли чьи-то обожаемые сокровища*, подумал мистер Гонт). Она выдрала цветники Ленор Поттер в качестве частичной оплаты за сервиз лиможского фарфора. Да, приятная работа, но кто сказал, что труд обязательно должен быть противным, как горькая микстура?

— Все мои цветы на улице! — закричала Ленор. — Посреди Касл-Вью! Она ни росточка не упустила! Даже африканские маргаритки выдрала! Все погибло! *Все... погибло!*

— Вы ее видели?

— Мне *не надо* ее видеть! Она единственная в этом городе так меня ненавидит! И все газоны утыканы дырками от ее высоких каблуков. Клянусь, эта маленькая дрянь не снимает туфли даже в постели. О, мистер Гонт, — завывала она. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, все становится *пурпурным!* Что мне делать? Что?!

Мистер Гонт промолчал. Он просто смотрел на нее, не отпуская взглядом ее глаз, пока она не успокоилась и не затихла.

— Так лучше? — спросил он наконец.

— Да! — ответила она тихо. — Кажется, я снова вижу синий цвет...

— Но вы слишком взволнованны, чтобы даже думать о покупках.

— Да...

— Она должна заплатить.

— Да.

— И если она еще раз попробует сделать что-то подобное, тогда она *точно* заплатит!

— *Да!*

— У меня есть именно то, что нужно. Посидите здесь, миссис Поттер, я мигом вернусь. А вы пока думайте о синем.

— О синем, — сонно повторила она.

Когда мистер Гонт вернулся, он вложил ей в руки один из автоматических пистолетов, привезенных Тузом из Кембриджа. Оружие масляно мерцало вороненой сталью под направленными лампами. Оно было заряжено.

Ленор подняла пистолет на уровень глаз. Она смотрела на него с явным удовольствием и еще большим облегчением.

— Вы понимаете, я никогда никого не заставляю стрелять в людей, — сказал мистер Гонт. — Если только тому нет веской причины. Но похоже, у вас *есть* очень веская причина, миссис Поттер. Не цветы... мы оба знаем, что это не самое важное в жизни. Но ваша карма... ваша калава... что еще у нас есть — у всех нас?! — Он усмехнулся.

— Ничего, — согласилась Ленор и прицелилась в стену. — Пау. Пау, пау, пау. Вот тебе, завистливая дрянь с круглыми каблуками. Надеюсь, твой муж закончит жизнь в мусорном баке. Большего он не заслуживает. Вы *оба* большего не заслуживаете.

— Видите тут маленький рычажок, миссис Поттер? — сказал мистер Гонт.

— Да, вижу.

— Это предохранитель. Если эта сука попробует снова забраться к вам в сад, попытается еще нагадить, сначала надо его повернуть. Вам понятно?

— О да! — сказала Ленор сомнамбулическим голосом. — Я все поняла. *Пау!*

— Никто вас не осудит. В конце концов человеку надо защищать свою собственность. Человеку надо защищать всю карму. Эта гадина Бонсан скорее всего больше не появится, но если *все-таки*...

Гонт многозначительно посмотрел на нее.

— Если появится, то ей настанет конец. — Ленор подняла ствол пистолета к губам и нежно его поцеловала.

— Положите его в сумочку, — велел мистер Гонт, — и идите домой. Вы же не знаете, может, она сейчас как раз на вашем дворе! А может быть, даже в доме!

Ленор забеспокоилась. В ее голубой ауре закружились тонкие нити зловеще пурпурного цвета. Она встала и убрала пистолет в сумочку. Мистер Гонт отвел взгляд в сторону, и Ленор тут же растерянно заморгала.

— Простите меня, мистер Гонт, но, видимо, о Хауди-Дуди мы поговорим в другой раз. Сейчас мне лучше пойти домой. Я же не знаю, может, эта Бонсан сейчас у меня во дворе. А может быть, даже в *доме!*

— Какой ужас! — сказал мистер Гонт.

— Да, но собственность означает ответственность. Ее надо защищать. Сколько я вам должна за... за... — Она не могла вспомнить, что конкретно он ей продал, хотя очень скоро она это поймет. Она судорожно схватилась за сумочку.

— Никаких денег. Этот товар сегодня на распродаже. Считайте, что это... — улыбка мистера Гонта стала еще лучезарнее, — бесплатный подарок от фирмы.

— Спасибо, — сказала Ленор. — Мне стало настолько лучше...

— Как всегда, — произнес мистер Гонт с небольшим поклоном. — Всегда к вашим услугам.

8

Норрис Риджвик был не на рыбалке.

Норрис Риджвик был у дома Хью Приста — заглядывал с улицы в окно его спальни.

Хью храпел в потолок, раскинувшись на постели морской звездой. Из одежды на нем были только семейные трусы с темными следами засохшей мочи. В своих волосатых граблях он сжимал кусок какого-то всклокоченного меха. Норрис не мог разглядеть точно — лапы у Хью были слишком большими, а окно слишком грязным, — но

скорее всего это был старый, объеденный молью лисий хвост. Хотя какая разница, что там у него было. Главное, что Хью спит.

Норрис вернулся к своей машине, стоявшей за «бьюиком» Хью. Он открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и залез в кабину. Корзина для рыбы стояла на полу. Базуновская удочка лежала на заднем сиденье — Норрис решил, что будет лучше и *безопаснее* возить ее с собой.

Он так ее и не опробовал. Просто побоялся. Взял ее с собой на озеро, размотал, все приготовил... и застыл в нерешительности перед первым же замахом — то есть замахнуться-то он замахнулся, а вот забросить удочку так и не смог.

Что, если, подумал он, *наживку возьмет настоящая, большая рыбина? Смоки, к примеру?*

Смоки — старая форель — был дежурной легендой местных рыбаков. Говорили, что он имеет два фута в длину, хитер, как хорек, силен, как горностай, и крепок, как гвозди. Старожилы рассказывали, что челюсти Смоки ощетинены крючками незадачливых рыболовов, подцепивших его... но не сумевших удержать.

Что, если Смоки закусит лесу?

Конечно, думать, что озерная форель, даже такая крупная, как Смоки (если Смоки вообще существует), может сломать базуновскую удочку, было чистой воды безумием, но Норрису это казалось возможным... особенно если учесть, что в последнее время его буквально преследуют неудачи. Он явственно слышал резкий хруст, переживал леденящий ужас от вида удочки, разломанной на две половинки — одна на дне лодки, другая плавает невдалеке. А если удочка сломана — капец котенку, ничего с ней уже не сделаешь, только в мусорку выбросить.

В итоге рыбу он ловил своей старой «Зебко». Рыба не клевала... зато он, кажется, задремал, и ему приснился мистер Гонт, одетый в высокие болотные сапоги и широкополую шляпу, с наживками из перьев, заткнутыми за

ленту. Он сидел в лодке в тридцати футах от берега, а Норрис стоял на западном берегу, рядом со старой времянкой отца, которую на самом деле сожгли лет десять назад. Он стоял и слушал, а мистер Гонт говорил. Он напомнил Норрису о его обещании, и Норрис проснулся, уверенный: вчера он поступил правильно, использовав вместо «Базуна» старую «Зебко». Базуновская удочка была слишком хороша, *слишком*. Идти на такой риск было бы настоящим преступлением.

А пока что Норрис открыл корзину, достал оттуда длинный нож для потрошения рыбы и вернулся к «бьюику».

Так ему и надо, этому вонючему забулдыге, твердил он себе, но некто у него внутри с этим не соглашался. Внутренний голос убеждал Норриса, что он совершает ужасную и непоправимую ошибку. Он же полицейский; если бы он застал кого-то за подобным занятием, он бы его арестовал. Если называть вещи своими именами, это же чистой воды вандализм, а вандализм — это плохо. Это противозаконно.

Тебе решать, Норрис, неожиданно у него в голове раздался голос мистера Гонта. *Это твоя удочка. И твоя Богом данная свободная воля. Выбор за тобой. Он всегда есть. Но...*

Мистер Гонт не закончил. Да и не нужно было заканчивать. Норрис и так понимал, что если он сейчас пойдет на попятный, то, вернувшись в свою машину, он найдет удочку переломленной надвое. Потому что у каждого выбора есть последствия. Потому что в Америке можно получить все, что угодно, если ты можешь за это заплатить. А если не можешь или откажешься заплатить, то ничего и не получишь.

К тому же Хью сделал бы со мной то же самое — без всяких душевных терзаний. И не за такую чудесную удочку, как мой «Базун». Хью Прист перерезал бы глотку родной матери за бутылку кукурузного виски и пачку сигарет.

Этими мыслями он заглушил чувство вины. А когда что-то внутри попыталось запротестовать и попросило его опомниться или хотя бы сначала подумать, он отмахнул-

ся. Потом он присел на корточки и принялся дырявить шины «бьюика». Мало-помалу его энтузиазм возрастал, как и у Майры Эванс. В качестве бесплатного приложения он разбил у несчастной машины все габариты и фары. А под конец, как завершающий штрих, налепил на лобовое стекло записку:

Пока это только предупреждение.
Хьюберт, ты знаешь, что будет в следующий раз.
В последний раз ты долбал мой музыкальный автомат.
Лучше тебе вообще не показываться у меня в баре!

Покончив с машиной, он пробрался обратно к окну спальни. Сердце так и норовило вырваться из его узкой груди. Хью Прист по-прежнему крепко спал, сжимая в руках все тот же облезлый клочок меха.

Зачем ему эта старая грязная штука? Он ее держит, как будто это его любимая игрушка.

Норрис вернулся в машину, поставил скорость на нейтралку и дал машине возможность бесшумно скатиться к дороге. Он завел двигатель, только когда выехал на улицу, и тут же дал по газам. У него жутко болела голова. Желудок слегка сводило. Норрис продолжал убеждать себя, что это не важно. Все хорошо, все просто отлично, черт подери, у него все замечательно!

Это не особенно помогало, пока он не перегнулся через кресло и не взял в левую руку гибкую, тонкую удочку. И тогда на него вновь снизошло спокойствие.

Норрис не выпускал удочку из рук до самого дома.

9

Звякнул серебряный колокольчик.

Слопи Додд вошел в «Нужные вещи».

— Привет, Слопи! — сказал мистер Гонт.

— З-з-здрав-в-вствуйте, м-м-мистер Г-г-го...

— У меня в магазине заикаться не надо, Слопи, — укоризненно произнес мистер Гонт. Он поднял руку, раздвинув средний и указательный пальцы в виде вилки. Потом провел ими в воздухе перед лицом Слопи, и мальчик почувствовал, как что-то — какой-то узловатый, запутанный клубок у него в мозгу — волшебным образом рассосалось. У него отвисла челюсть.

— Что вы сделали? — выдохнул он. Слова слетали с его губ легко, словно бусинки с порванных бус.

— Фокус, которому с большим удовольствием выучилась бы мисс Рэтклифф, — улыбнулся мистер Гонт. Он не забыл поставить отметку на своем листке рядом с именем Слопи. Посмотрев на большие напольные часы, довольно тикавшие в углу (они показывали четверть первого), он спросил: — Ты рано ушел из школы. Тебя никто не хватится?

— Нет. — Слопи по-прежнему стоял с отвисшей челюстью. Казалось, что он пытается посмотреть на свои губы, чтобы увидеть слова, слетающие с них удивительно плавно и уверенно. — Я сказал миссис Девисс, что у меня болит живот. Она послала меня к медсестре. Сестре я сказал, что мне уже лучше, но живот все равно болит. Она спросила, дойду ли я сам до дому. Я сказал «да», и она меня отпустила. — Слопи сделал паузу. — Я пришел потому, что заснул в коридоре. Мне снилось, что вы меня звали.

— Так и было. — Мистер Гонт подпер пальцами подбородок и улыбнулся мальчику. — Скажи, твоей маме понравился оловянный чайник, который ты ей подарил?

Краска залила щеки Слопи, придав им цвет старого кирпича. Он начал что-то говорить, потом сдался и уставился в пол.

— Ты оставил его себе, да? — произнес мистер Гонт своим самым мягким и добрым голосом.

Слопи кивнул, все еще глядя на носки своих ботинок. Ему было стыдно и обидно. Но хуже всего было чувство горечи и несправедливости: мистер Гонт убрал этот противный, бесивший его узел у него из головы... и что это дало? Он был слишком смущен, чтобы говорить.

— Но скажи мне, ради всего святого, зачем двенадцатилетнему мальчику вдруг понадобился оловянный чайник?

Чубчик Слопи, весело пружинивший еще пару минут назад, сейчас только уныло мотнулся вместе с головой. Он не знал, зачем двенадцатилетнему мальчику вдруг понадобился оловянный чайник. Он знал только одно: что хотел оставить чайник себе. Он ему нравился. Очень сильно... сильно... нравился.

— ...приятный, — пробормотал он в итоге.

— Прошу прощения, что? — переспросил мистер Гонт, удивленно приподняв бровь.

— Я сказал, что мне нравится, какой он *приятный*.

— Слопи, Слопи, — сказал мистер Гонт, обходя прилавок, — мне не нужно этого объяснять. Я прекрасно знаю то особое состояние, которое называется «радостью обладания». Я его сделал краеугольным камнем своей карьеры.

Слопи Додд в ужасе отшатнулся от мистера Гонта.

— Не трогайте меня! *Пожалуйста!*

— Слопи, я совсем не хочу к тебе прикасаться. И я вовсе не собираюсь рассказывать твоей маме о чайнике. Он твой. Можешь делать с ним все, что захочешь. Я даже *одобряю* твое решение.

— Вы... правда?

— Серьезно! Я не шучу! Люди, которые любят себя, — это счастливые люди. Я верю в это всем сердцем. Но, Слопи...

Слопи чуточку поднял голову и посмотрел на мистера Гонта через завесу своих рыжих волос.

— Пришло время за него расплатиться.

— А! — На лице Слопи отразилось безграничное облегчение. — Вот чего вы хотели! Я думал... — Но продолжить он не смог или не решился. Он не был уверен, *чего* хотел мистер Гонт.

— Да. Ты помнишь, над кем обещал подшутить?

— Еще бы. Над тренером Праттом.

— Все правильно. В этой шутке две части: ты должен кое-что кое-куда положить и кое-что сказать тренеру

Пратту. И если ты будешь точно следовать моим указаниям, чайник станет твоим навсегда.

— А я смогу всегда так говорить? — с надеждой спросил Слопи. — Я смогу навсегда перестать заикаться?

Мистер Гонт печально вздохнул:

— Боюсь, что, как только ты выйдешь из моего магазина, Слопи, все станет по-прежнему. Кажется, у меня где-то в ящиках завалялось одно противозаикательное устройство, но...

— Пожалуйста, мистер Гонт! Прошу вас! Я *ненавижу* заикаться! Я все сделаю! *Все что угодно и с кем угодно!*

— Я знаю, что сделаешь, Слопи. Но в этом-то и состоит проблема. У меня кончаются шутки и приколы, которые надо подстроить; можно сказать, что в моей визитнице не осталось свободного места. Ты просто не сможешь со мной расплатиться.

Слопи долго молчал, обдумывая услышанное. Потом он заговорил, тихо и застенчиво:

— А вы можете... в смысле, бывает, что вы... просто что-то кому-то дарите, мистер Гонт?

На лицо Лиланда Гонта набежала тень глубокой печали.

— О, Слопи! Как часто я сам задавался этим вопросом, и как мне этого хотелось! В моей груди глубокий и нерастраченный колодезь милосердия. Но...

— Но?

— Это будет уже не бизнес, — закончил мистер Гонт, одарив Слопи своей самой сочувствующей улыбкой... но его глаза хищно сверкнули, так что Слопи испуганно отступил назад. — Ты все понял?

— Э... да! Я понял!

— К тому же, — продолжал мистер Гонт, — ближайшие пара часов для меня будут решающими. Когда карусель приходит в движение, ее уже не остановишь... но пока мне приходится выбирать девизом слово «благоразумие». Если ты ни с того ни с сего перестанешь заикаться, это вызовет недоумение. Начнутся вопросы... а это плохо. Шериф и так сует свой нос куда не надо. — Его лицо на

мгновение затуманилось, но потом вновь разгладилось, и он улыбнулся своей кошмарной улыбкой, демонстрирующей кривые желтые зубы. — Но с ним я разберусь.

— С шерифом Пангборном?

— Да, именно с шерифом Пангборном. — Мистер Гонт поднял два пальца и еще раз провел рукой перед лицом Слопи, от лба к подбородку. — Но мы о нем не говорили, правильно?

— О ком? — удивленно спросил Слопи.

— Вот именно.

Сегодня Лиланд Гонт был одет в темно-серый замшевый пиджак. Он извлек из кармана черный кожаный бумажник и протянул его Слопи, который взял его осторожно, стараясь не коснуться пальцев мистера Гонта.

— Ты же знаешь машину тренера Пратта?

— «Мустанг»? Конечно!

— Положи это туда. Под пассажирское сиденье, чтобы торчал только уголок. Прямо сейчас иди к школе: нужно, чтобы бумажник оказался на месте до последнего звонка. Понятно?

— Да.

— Потом подожди, пока Пратт не выйдет из школы. И когда он выйдет...

Мистер Гонт перешел на шепот; Слопи смотрел на него, но его глаза были затянуты поволокой, и он только тупо кивал головой.

Через пару минут Слопи Додд вышел на улицу с бумажником Джона Лапуанта в кармане.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Нетти лежала в простом сером гробу, за который заплатила Полли Чалмерс. Алан предложил внести свою лепту в расходы, но она отказалась, причем так просто

и бесповоротно, что ему ничего другого не оставалось, как с уважением принять ее решение. Гроб стоял на стальной подставке над ямой, вырытой под могилу, недалеко от участка, где покоились родственники Полли. Земля, вынутая из могилы, была накрыта ковром из ярко-зеленого искусственного дерна, немилосердно сверкавшего в лучах яркого солнца. От этой фальшивки Алана всегда передергивало. Было в этом что-то издевательское, отталкивающее. Эта «веселенькая» искусственная трава нравилась Алану еще меньше, чем обычай гробовщиков раскрашивать мертвых и обряжать их в лучшую одежду, как будто покойники собираются на важную деловую встречу в Бостоне вместо длительного гниения среди древесных корней и червей.

По просьбе Полли службу вел преподобный Том Киллингворт, методистский священник, дважды в неделю проводивший службы в Джунипер-Хилл и хорошо знавший Нетти. Его проповедь была короткой, но теплой, полной личных воспоминаний о Нетти Кобб — женщине, медленно и трудно выходившей из глубин безумия, женщине, принявшей смелое и мужественное решение еще раз попытаться найти общий язык с миром, так жестоко с ней обошедшимся.

— Когда я был маленьким, — сказал Том Киллингворт, — моя мать повесила в комнате для шитья табличку с одним ирландским высказыванием. Она гласила: «Дай Бог тебе оказаться в раю за полчаса до того, как дьявол узнает о твоей смерти». Нетти Кобб прожила тяжелую жизнь, прискорбную во многих отношениях, но несмотря ни на что, я уверен, что ее ничего не связывает с дьяволом. Несмотря на ее ужасную безвременную кончину, мое сердце верит, что она обрела покой в раю и что дьяволу до сих пор об этом неизвестно. — Киллингворт поднял ладони в традиционном жесте благословения. — Помолимся же за упокой души усопшей.

С дальней стороны холма, где в это же самое время хоронили Вильму Ержик, донесся нестройный хор голосов

под руководством отца Джона Брайхема. С той стороны машины выстроились плотным рядом от места захоронения до восточных ворот кладбища; но люди приехали из-за Пита Ержика, живого Пита Ержика, а вовсе не из-за его мертвой жены. Со стороны Нетти присутствовали лишь пятеро скорбящих: Полли, Алан, Розали Дрейк, старый Ленни Партридж (который, в сущности, посещал все похороны, если только земле предавали не солдата папского воинства) и Норрис Риджвик. Норрис был бледен и выглядел расстроенно. Наверное, не было клева, подумал Алан.

— Да благословит нас Господь, и да сохранит Он светлую память о Нетти Кобб в наших сердцах, — сказал Килингворт, и Полли, стоявшая рядом с Аланом, опять заплакала. Он обнял ее, и она с благодарностью прижалась к его плечу и сжала его ладонь. — Да обратит Господь лик Свой на тебя; да прольет Он на тебя благодать Свою; да упокоит Он Душу твою во веки веков. Аминь.

День выдался еще жарче, чем в Колумбов день, и, когда Алан поднял голову, острые лучики яркого света отразились от подставки гроба и заставили его зажмуриться. Он вытер пот со лба свободной рукой. Полли покопалась в сумочке и вынула свежую салфетку, чтобы вытереть заплаканные глаза.

— Милая, как ты?

— Со мной все в порядке... но я плачу о ней, Алан. Бедная Нетти. Бедная, бедная Нетти. Почему так случилось? Почему?! — И она вновь разрыдалась.

Алан, который тоже задавался этим вопросом, заключил ее в объятия. Через ее плечо он увидел Норриса, понуро плетущегося к тому месту, где стояли машины, приехавшие на похороны Нетти. Он походил на человека либо не понимающего, где находится, либо не до конца проснувшегося. Алан нахмурился. Потом к Норрису подошла Розали Дрейк и что-то ему сказала, а Норрис обнял ее за плечи.

Он тоже ее знал, подумал Алан. *И он просто расстроен. А ты сам слишком много блуждаешь в тенях. Может быть, самый главный вопрос, над которым тебе надо подумать прежде всего: что происходит с тобой?*

Тут подошел Киллингворт, и Полли, взяв себя в руки, поблагодарила его. Киллингворт протянул ей обе руки. С растущим изумлением Алан наблюдал, как бесстрашно Полли позволила своим рукам утонуть в громадных ладонях священника. Он не помнил, чтобы она когда-либо так свободно и не задумываясь протягивала руки для рукопожатия.

Ей не просто лучше — ей *намного* лучше. Что, черт возьми, происходит?

На другой стороне холма гнусавый и неприятный голос отца Брайхема провозгласил:

— Покойся с миром.

— С миром, — хором повторили остальные.

Алан взглянул на серый гроб рядом с отвратительным холмиком, покрытым фальшивой зеленью, и подумал: *Покойся с миром, Нетти. Отныне и во веки веков, покойся с миром.*

2

Когда двойные похороны на городском кладбище подходили к концу, Эдди Варбертон остановился перед домом Полли. Он выбрался из машины — не такой красавицы, как та, что угробил этот дешевый ублюдок из «Суноко»; просто средство передвижения и не более того, — и воровато осмотрелся. Все вроде спокойно; улица дремлет под по-летнему жарким солнцем.

Эдди подошел к крыльцу Полли, на ходу вытаскивая из кармана официального вида конверт. Мистер Гонт позвонил ему десять минут назад и сказал, что пора расплачиваться за медальон, и вот он здесь... разумеется.

Мистер Гонт, он из тех людей, которые говорят тебе «ты лягушка», — и ты послушно скачешь.

Он взбежал на крыльцо. Слабый порыв ветра качнул колокольчики над дверью, и они нежно зазвенели. Это был самый тихий и спокойный звук, который только можно представить, но Эдди все равно вздрогнул. Он еще раз оглянулся, потом осмотрел конверт. Адресовано: «Мисс Патрисии Чалмерс». Ох ты, Боже мой! Эдди и не знал, что Полли на самом деле зовут Патрисия, да его это и не особенно волновало. В его задачу входило выполнить поручение и поскорее катиться отсюда ко всем чертям.

Он бросил письмо в прорезь почтового ящика. Конверт шлепнулся на пол на остальную почту: два каталога и телепрограмму. Обычный деловой конверт с именем и адресом Полли, расположенными чуть ниже тарифной марки в правом верхнем углу, и обратным адресом в верхнем левом углу:

94112, Калифорния, Сан-Франциско
Гири-стрит, 666
Детский фонд сан-францисского департамента социального обеспечения

3

— Что случилось? — спросил Алан, когда они с Полли медленно спускались с холма к «универсалу» Алана. Он хотел перекинуться парой фраз с Норрисом, но тот уже сел в свой «фольксваген» и уехал. Наверное, обратно на озеро, чтобы успеть порыбачить до захода солнца.

Полли посмотрела на него и улыбнулась, хотя ее глаза все еще были красными, а лицо — по-прежнему бледным.

— В смысле?

— Твои руки. Что помогло? Похоже на волшебство.

— Да, — сказала она и вытянула руки перед собой, растопырив пальцы. — Настоящее волшебство. — Ее настороженная улыбка стала чуть-чуть естественнее.

Ее пальцы все еще были искривлены, костяшки по-прежнему увеличены, но кошмарный отек, столь явный еще в пятницу, теперь практически исчез.

— Ну же, леди. Выкладывай.

— Я не знаю, хочу ли я говорить об этом, — сказала она. — Мне немного неловко.

Они остановились, чтобы помахать Розали, проехавшей мимо на своей старой синей «тойоте».

— Да ладно тебе, — сказал Алан. — Колись.

— Ну, — потупилась она, — кажется, я наконец нашла того самого доктора. — Ее щеки медленно залила краска.

— И кто это?

— Доктор Гонт, — нервно хохотнула она. — Доктор Лиланд Гонт.

— *Гонт?!* — с удивлением переспросил Алан. — А он здесь при чем?

— Подвези меня к его магазину, и я все тебе расскажу.

4

Через пять минут (одно из самых больших преимуществ жизни в Касл-Роке заключается в том, что почти все находится «в пяти минутах отсюда») Алан остановил машину перед «Нужными вещами». В витрине висела табличка:

ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ

Алану вдруг пришло в голову (раньше он как-то об этом не думал), что вести бизнес подобным образом в маленьком городишке — идея довольно дурацкая.

— Алан? — нерешительно сказала Полли. — Ты не злишься?

— Нет, я не злюсь. Какого черта я должен злиться?! Я даже не знаю, что у меня за настроение. Может быть... —

Он хохотнул, покачал головой и продолжил: — Может быть, у меня состояние, которое Тодд называл «все ухи в лапше». Шарлатанские средства? Пол, это так на тебя не похоже.

Она тут же поджала губы и холодно взглянула на Алана.

— Я не говорила «шарлатанские». Шарлатанские штучки — это для всяких клуш... и тронутых медиумов из рекламок в «Третьем глазе». Нельзя называть шарлатанским предмет, который тебе помогает. Тебе так не кажется?

Он уже открыл рот — не зная, правда, что сказать, — но она опередила его возражения:

— Посмотри. — Полли выставила руки на свет и несколько раз сжала и разжала кулаки.

— Ладно, согласен. Я не так выразился. Я хотел...

— Вот уж точно, *не так* выразился.

— Извини.

Она развернулась к нему всем телом, как любила сидеть Энни в их «семейной машине Пангборнов». *Почему я до сих пор ее не продал?* — подумал Алан. *С ума я сошел, что ли?*

Полли нежно коснулась его руки.

— Нехорошо получилось. Мы же никогда не ругаемся, и я хочу, чтобы так продолжалось и дальше. Сегодня я похоронила близкую подругу. И я не хочу ссориться со своим бойфрендом.

Он усмехнулся:

— Так вот кто я тебе? Твой бойфренд?

— Хм... ты мой друг. Можно мне так тебя называть?

Он обнял ее, удивляясь про себя, как близко они подошли к тому, чтобы по-настоящему поругаться. И не потому, что ей стало хуже, — потому что ей стало *лучше*.

— Милая, называй как хочешь. Я тебя очень люблю.

— И мы не поссоримся, несмотря ни на что.

Он серьезно кивнул:

— Несмотря ни на что.

— Потому что я тоже тебя люблю, Алан.

Он поцеловал ее в щеку.

— Покажи мне эту цацку, которую тебе отдал Гонт.

— Да не цацка, а *ацка*. И он мне ее не отдал, а дал на пробу. Поэтому я и хотела заехать сюда, в магазин, — чтобы ее купить. Я же сказала. Надеюсь, что он не захочет взамен луну с неба и пару звезд.

Алан посмотрел на табличку, на шторы, задернутые на дверях, и подумал: *Боюсь, именно этого он и захочет, моя дорогая.*

Ему все это очень не нравилось. Во время похорон он не мог отвести глаз от рук Полли: наблюдал, как она непринужденно обращается с замком своей сумочки, копается в ней в поисках салфеток, потом защелкивает замочек кончиками пальцев, вместо того чтобы сделать это большими пальцами, которые, как правило, меньше болели. Он знал, что ее состояние улучшилось, но рассказ о волшебных чарах — и то обстоятельство, что Полли не рассказала об этом сразу, — заставили его нервничать. Это попахивало какими-то тайными играми.

ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ

Кроме пары фешенебельных ресторанов вроде «Мориса», у них в округе не было заведений, которые принимали бы посетителей по приглашениям. Но даже к «Морису» можно зайти прямо с улицы, и в девяти случаях из десяти получить столик — разумеется, речь не идет о туристическом сезоне.

ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ

И тем не менее он замечал (краем глаза, но все же), как народ всю неделю входит и выходит из этого магазина. Может быть, не стадами, но все же клиентов было достаточно, чтобы понять, что правила бизнеса мистера Гонта вовсе ему не вредят — как это ни странно. Иногда

покупатели приходили к нему небольшими группами, по двое или по трое, но гораздо чаще они приходили поодиночке... или так казалось Алану, который сейчас прокручивал в памяти прошедшую неделю. А разве не так работают аферисты? Они отрезают тебя от потока, остаются наедине с тобой, потихонечку пудрят мозги, а потом предлагают купить тоннель Линкольна по эксклюзивной, сказочно низкой цене.

— Алан? — Полли легонько стукнула кулаком ему по лбу. — Алан, ты тут?

Он улыбнулся:

— Я тут Полли.

На похороны она надела синюю кофточку и такого же цвета шарфик. Пока Алан думал, она сняла шарф и расстегнула две верхние пуговицы белой блузки, надетой под кофту.

— Еще, — плотоядно ощерился Алан. — Давай же, не останавливайся! Народ хочет эротики!

— Перестань, — сказала она недовольным тоном, но все же не смогла сдержать улыбки. — Мы сидим посреди главной улицы в половине третьего дня. К тому же мы только что с похорон, если ты вдруг забыл.

Он нахмурился:

— Что, уже правда так поздно?

— Ну, если половина третьего это поздно, то да. — Она постучала по его запястью. — Ты иногда смотришь на эту штуку со стрелками?

Он взглянул на часы и увидел, что сейчас уже даже не половина третьего, а почти без пятнадцати три. Последний урок в школе заканчивается в три часа. Если он хочет перехватить Брайана Раска на выходе, то пора двигаться.

— Покажи эту свою побрякушку, — попросил он.

Полли потянула за цепочку и вытащила на свет маленький серебряный кулон. Она держала его на ладони, но закрыла ладонь, когда Алан потянулся, чтобы взять ацку.

— Нет... я думаю, тебе не стоит к ней прикасаться. — Она улыбалась, но его движение явно вывело ее из равновесия. — А то вдруг ты собьешь вибрации или что-то еще.

— Ой, да ладно тебе, Пол, — сказал он раздраженно.

— Слушай, давай договоримся, а? — В ее голосе снова звучала злость. Полли пыталась ее контролировать, но злость брала верх. — Тебе легко с этим шутить. Это ведь не тебе приходится валандаться с телефоном с громадными кнопками и принимать перкордан лошадиными дозами.

— Э-э, Полли, это уже...

— Нет, никаких «Э-э, Полли». — У нее на щеках выступили яркие пятна. Частично ее злость была обусловлена очень простой и понятной причиной: в воскресенье она чувствовала себя точно так же, как и Алан сейчас. С тех пор что-то случилось, что-то в ней изменилось, и примириться с этой переменой было нелегко. — Эта штука работает. Я знаю, что это глупо, невозможно... но это так! В воскресенье утром, когда пришла Нетти, я ужасно страдала. Я уже всерьез задумывалась о том, что эту проблему можно решить только одним по-настоящему действенным способом. Двойной ампутацией. Вот как мне было больно... Алан, я действительно думала: «Ну конечно же, ампутация! Как же я не подумала об этом раньше? Это же так просто!» А теперь, буквально через два дня, я чувствую только «фантомную боль», как называет ее доктор Ван Аллен, да и та уже отступает. Я помню, как год назад я целую неделю просидела на диете из одного неочищенного риса... только потому, что она могла бы помочь. Чем это хуже?

По мере того как она говорила, злость постепенно уходила из ее голоса, и под конец она уже почти умоляла.

— Не знаю, Полли. Правда не знаю...

Она раскрыла ладонь, придерживая ацку большим и указательным пальцами. Алан наклонился, чтобы получше ее рассмотреть, но больше не пытался дотронуться.

Ацка представляла собой небольшой серебряный кулончик в виде неправильного шара. Малюсенькие отверстия, не больше газетного растра, пронизывали всю нижнюю половину. Кулон ярко блестел в лучах солнца.

Пока Алан смотрел на ацку, его охватило странное, необъяснимое чувство: эта штука ему не нравилась. *Совсем* не нравилась. Он едва сдерживался, чтобы не сорвать кулон с цепочкой и не выкинуть их в окно.

Да, конечно! Замечательная идея, мужик! Сделаешь это и будешь потом собирать выбитые зубы сломанными руками.

— Иногда я вроде бы чувствую, как там внутри что-то движется, — улыбаясь, сказала Полли. — Как в мексиканских прыгающих бобах. Глупо, правда?

— Не знаю.

С нехорошим предчувствием он наблюдал, как Полли прячет ацку обратно под блузку... но как только ацка пропала из виду и пальцы Полли — непривычно гибкие, надо признать, — стали застегивать блузку, это предчувствие тут же угасло. Зато подозрение, что мистер Лиланд Гонт пытается обмануть женщину, которую он, Алан, любит, росло как на дрожжах... и если это правда, то она далеко не единственная, кого хотел обмануть мистер Гонт.

— А ты не думала, что дело вовсе не в этой штуке? — Он говорил, тщательно подбирая слова, с осторожностью человека, который пытается перейти бурный поток по скользким камням. — У тебя и раньше бывали ремиссии.

— Бывали, знаю. — Полли начала терять терпение. — Это все-таки мои руки.

— Полли, я просто пытаюсь...

— Я знала, что ты скорее всего воспримешь все именно так, как сейчас. Но факты говорят сами за себя, Алан. Я знаю, что такое ревматическая ремиссия, и, дорогой мой, это не совсем то. Лет пять или шесть назад у меня бывали периоды улучшения, но *так* хорошо я не чувствовала себя даже в лучшие из них. Сейчас все по-другому. Это похоже на... — Она запнулась и как-то странно взмах-

нула руками. — Это как вновь стать здоровой. Я не надеюсь, что ты поймешь, что я имею в виду, но объяснить лучше я вряд ли смогу.

Алан хмуро кивнул. Он понял, о чем она говорила, и понял, что она была искренна. Может быть, ацка раскрыла какие-нибудь лечащие центры в ее мозгу. Интересно, такое вообще возможно, если учесть, что природа ее болезни была не психосоматической? Розенкрейцеры думали, что такое случается сплошь и рядом. Так же считают и миллионы людей, купивших книгу Рона Хаббарда «Дианетика». Алан не имел на этот счет определенного мнения, но он знал одно — ему ни разу еще не встречался слепец, прозревший благодаря сосредоточенным размышлениям, или раненый человек, остановивший кровотечение усилием воли.

И еще у него было стойкое ощущение, что здесь что-то не так. Что-то во всей этой ситуации плохо пахло. Даже воняло, как тухлая рыба, пролежавшая три дня на солнце.

— Давай прекратим этот спор, — сказала Полли. — Я стараюсь не злиться на тебя, и меня это изматывает. Пойдем со мной. Сам поговоришь с мистером Гонтом. Все равно тебе пора с ним познакомиться. Может быть, он объяснит, как работает этот талисман: что он делает... и чего не делает.

Алан опять посмотрел на часы. Без четырнадцати минут три. Он уже был готов согласиться на ее предложение и оставить Брайана Раска на потом. Но застать паренька на пути из школы — вне дома — казалось правильнее всего. Когда рядом не будет матери, которая взовьется, как львица, защищающая своего детеныша, будет перебивать или даже советовать сыну молчать, Алан сможет добиться ответов на свои вопросы. Да, видимо, так и придется сделать: если выяснится, что ее сыну есть что скрывать, или миссис Раск просто *подумает*, что ему есть что скрывать, тогда получить нужную информацию станет практически невозможно.

На одной чаше весов — предполагаемый мошенник; на другой — Брайан Раск, возможно, имеющий ключ к тайне двойного убийства.

— Не могу, дорогая, — сказал он. — Как-нибудь в другой раз. Мне нужно съездить в школу и кое с кем поговорить, причем ехать надо немедленно.

— Это касается Нетти?

— Это касается Вильмы Ержик... но если мои предположения верны, то и Нетти тоже. Если что-нибудь выяснится, я тебе сообщу. А пока я тебя попрошу об одном одолжении...

— Алан, я ее куплю! Речь идет о *моих* руках, не о твоих!

— Покупай, я ничего тебе не говорю. Но выпиши ему чек, вот и все. Нет причины, по которой он отказался бы его принять... если он честный бизнесмен. Ты живешь в этом городе, банк через дорогу. Но зато, если всплывут какие-то штучки, у тебя будет пара дней, чтобы отменить платеж.

— Посмотрим, — сказала Полли. Ее голос звучал спокойно, но Алан понял, что он все-таки соскользнул с одного из этих скользких камней и плюхнулся в воду. — Алан, ты думаешь, что он жулик? Ты думаешь, что он отберет денежку у легковерной простушки, свернет свой шатер и скроется в нощи?

— Я не знаю, — так же спокойно ответил Алан. — Но вспомни, что он всего лишь неделю в городе. Так что чек будет просто разумной предосторожностью.

Да, все это было разумно. Полли не спорила. Но ее злила эта разумность и упрямый рационализм перед лицом того, что она считала настоящим чудом. Она с трудом удерживалась от того, чтобы не щелкнуть пальцами у него перед носом и не заорать: «А это ты ВИДИШЬ, Алан? Ты что, ОСЛЕП?» А то, что Алан был прав, и если у мистера Гонта все в порядке, то проблем с ее чеком у него быть не должно, злило ее еще больше.

Осторожнее, шепнул внутренний голос. *Осторожнее, не горячись, подумай, прежде чем раскрывать рот. Помни, ты любишь этого человека.*

Но тут встрял другой голос, чужой, холодный и незнакомый: *Люблю? В самом деле люблю?*

— Спасибо, — сказала она, сжав губы и отодвигаясь от него. — Спасибо, что ты соблюдаешь мои интересы. Иногда я забываю, как сильно я в этом нуждаюсь, извини. Я обязательно выпишу ему чек.

— Полли...

— Нет, Алан. Не надо ничего говорить. Я больше не могу злиться. — Полли открыла дверь и выскользнула наружу. Ее юбка скользнула вверх, на секунду обнажив обворожительное бедро.

Алан тоже собрался выйти, чтобы догнать ее, поговорить, успокоить и убедить, что высказал свои опасения лишь потому, что он за нее беспокоится. Но тут он снова взглянул на часы. Без десяти три. Даже если гнать всю дорогу, он может упустить Брайана Раска.

— Поговорим вечером, — крикнул он из окна.

— Хорошо, — ответила Полли. — Поговорим. — Даже не обернувшись, она пошла к двери под зеленым навесом. Прежде чем развернуться и поехать в обратную сторону, Алан услышал звон маленького колокольчика.

5

— Мисс Чалмерс! — приветливо воскликнул мистер Гонт, поставив галочку в своем списке. Список уже приближался к концу: Полли была предпоследней.

— Полли... пожалуйста, — сказала она.

— Прошу прощения. — Он улыбнулся еще лучезарнее. — Полли.

Она улыбнулась в ответ, но улыбка получилась вымученной. Теперь, когда Алан уехал, она пожалела, что они

расстались *вот так*. Внезапно она поняла, что вот-вот расплачется.

— Мисс Чалмерс? Полли? Вы себя плохо чувствуете? — Мистер Гонт обошел прилавок и подошел к ней. — Вы очень бледная. — Его лицо покрылось морщинами неподдельной заботы. *И о таком душевном человеке Алан думает невесть что*, подумала Полли. *Если бы он хоть раз его увидел...*

— Это, наверное, из-за солнца, — сказала она нетвердо. — Там так жарко.

— А тут прохладно, — сказал мистер Гонт. — Проходите, Полли. Присаживайтесь.

Он провел ее, почти касаясь рукой поясницы, но все-таки не дотрагиваясь, к красному креслу, обитому плюшем. Она села, сдвинув колени.

— Я вас видел в окно, — сказал Гонт. Он сел рядом с ней и скрестил на коленях свои длинные руки. — Мне показалось, что вы с шерифом о чем-то спорите.

— Да так, ерунда, — сказал она, но одинокая слезинка сорвалась с уголка ее глаза и скатилась по щеке.

— Напротив, — сказал он. — Это очень важно.

Она удивленно взглянула на него... и карие глаза мистера Гонта буквально впились в ее глаза. А раньше они были карими? Полли не могла вспомнить. Но сейчас, когда она смотрела ему в глаза, вся печаль этого дня — похороны несчастной Нетти, дурацкая ссора с Аланом — начала рассеиваться.

— Важно?

— Полли, — сказал он тихо. — Я думаю, все уладится. Все будет хорошо. Если вы мне поверите. Вы мне верите?

— Да, — сказала Полли, хотя что-то в ее душе как бы издалека и едва слышно, но тем не менее отчаянно призывало опомниться. — Я верю вам. И не важно, что говорит Алан, я верю вам всем сердцем.

— Вот и славно, — сказал мистер Гонт и взял Полли за руку. Ее лицо на мгновение исказилось от отвращения,

но тут же вернулось к прежнему сонному и расслабленному выражению. — Очень хорошо. И твоему другу шерифу нечего волноваться: твой чек подойдет мне не хуже золота.

6

Алан понял, что опоздает, если не включит мигалку и не поставит ее на крышу. Он не хотел этого делать. Он не хотел, чтобы Брайан Раск видел полицейскую машину с включенной сиреной. Он хотел, чтобы мальчик видел немного просевший «универсал», какой, возможно, водит и его отец.

Ехать к школе было уже слишком поздно. Алан остановился на перекрестке Главной и Школьной улиц. По логике, именно этой дорогой должен идти домой Брайан; оставалось надеяться, что законы логики сегодня все-таки выйдут на работу.

Алан вышел из машины, присел на бампер и полез в карман за жвачкой. Он уже разворачивал пластинку, когда в здании школы раздался звонок, возвещавший об окончании занятий.

Шериф решил, что обязательно поговорит с мистером Лиландом Гонтом из Экрона, штат Огайо, как только закончит с Брайаном Раском, пусть даже сегодня в магазин пускают лишь по особым приглашениям... но потом передумал. Сначала он позвонит в офис Главного прокурора в Августе, чтобы они прошерстили картотеку — не числится ли за Гонтом каких афер. Если там ничего нет, пусть пошлют запрос в центральный вычислительный центр ФБР в Вашингтоне — этот центр, по мнению Алана, был самым лучшим из того немногого, что сделала в свое время администрация Никсона.

Первые дети уже шли по улице: орали, толкались, смеялись. Алану вдруг пришла в голову одна мысль, и он открыл дверцу машины со стороны водителя. Потом он

открыл бардачок и порылся в сваленных там вещах. Банка с сюрпризом Тодда выпала на коврик.

Алан уже готов был сдаться, когда наконец нашел, что искал. Он захлопнул бардачок. В руках он держал небольшой картонный пакет с надписью:

Фокус с бумажным букетом
Компания «Магия Блакстона»
Паттерсон, Нью-Джерси,
Грир-стрит, 19

Из этого пакета Алан извлек толстую пачку разноцветной оберточной бумаги и засунул ее под ремешок часов. У всех фокусников есть несколько «потайных мест» на теле и в одежде, и у каждого есть свой любимый тайник. У Алана таким тайником был ремешок часов.

Позаботившись о знаменитом бумажном букете, Алан откинулся на спинку сиденья и стал ждать Брайана Раска. А вот и он — едет на велосипеде, бешено крутит педали и рассекает группки пешеходов ростом «метр с кепкой». Алан сразу насторожился, но потом он разглядел, что это один из близнецов Хэнлонов, и позволил себе расслабиться.

— А ну потише, а то оштрафую, — проворчал Алан, когда паренек пронесся мимо него. Джей Хэнлон оглянулся, перепугался и чуть не въехал в дерево. Дальше он поехал уже не так быстро.

Алан посмотрел ему вслед с довольной улыбкой и развернулся лицом к школе, возобновив наблюдение за дорогой в ожидании Брайана Раска.

7

Через пять минут после последнего звонка Салли Рэтклифф поднялась из своего логопедического кабинета на первый этаж и направилась в сторону учительской. Ко-

ридор стремительно пустел, потому что снаружи была отличная погода и там уже вовсю вопили детишки. Они с визгом и криками бежали к остановке на углу, где их сонно поджидали автобусы № 2 и № 3. Салли торопливо стучала каблучками. В руке она держала светло-коричневый конверт, прижав его к нежной округлости груди той стороной, на которой обычно пишут имя. В данном случае это был Фрэнк Джуитт.

Она остановилась у кабинета № 6, следующего за учительской, и заглянула внутрь сквозь армированное стекло. Мистер Джуитт был там — говорил что-то учителям, имевшим отношение к преподаванию осенних и зимних видов спорта. Фрэнк Джуитт был маленьким кругленьким человечком; он всегда напоминал Салли мистера Уотерби, директора школы из комиксов Арчи. У него, как и у мистера Уотерби, постоянно соскальзывали с носа очки.

Справа от него сидела Элис Таннер, школьная секретарша. Кажется, она делала какие-то заметки.

Мистер Джуитт повернул голову, увидел в окне Салли и чопорно улыбнулся. Она помахала ему рукой и заставила себя улыбнуться в ответ. Она еще помнила время, когда улыбаться было для нее естественным; после молитвы улыбка была самой естественной вещью в мире.

Некоторые преподаватели тоже повернулись в ее сторону, чтобы посмотреть, кому улыбается их бесстрашный лидер. Элис Таннер тоже повернулась и жеманно «сделала ручкой», одарив Салли сахариновой улыбкой.

Они знают, подумала Салли. *Они все до единого знают, что произошло у них с Лестером. Прошлой ночью Ирен была такой доброй... она так ей сочувствовала... а на самом деле мечтала перерезать ей глотку. Сучка.*

Салли помахала в ответ, чувствуя, как робкая — и насквозь фальшивая — улыбка растянула ее губы. *Чтоб тебя самосвал сбил по дороге домой, шлюха поганая*, подумала она и пошла дальше, цокая каблучками.

Когда мистер Гонт позвонил ей после работы и сказал, что нужно внести последний взнос за чудесную щепку,

Салли отреагировала с энтузиазмом и даже с каким-то извращенным удовольствием. У нее было предчувствие, что «маленькая шутка», которую она обещала сыграть с мистером Джуиттом, будет не слишком доброй, и это ее устраивало. Сегодня она была злой.

Дотронувшись до дверной ручки директорского кабинета, она остановилась.

Да что это с тобой? — сказала она себе. *У тебя есть волшебная щепка... удивительный, святой кусок дерева с удивительными, святыми видениями. Разве подобные вещи не должны поднимать настроение? Успокаивать? Приближать к всемогущему Господу? А ты не становишься спокойнее и ближе к кому-нибудь. Твоя голова словно набита колючей проволокой.*

— Да, но это не моя вина, и не вина щепки, — пробормотала Салли. — Во всем виноват Лестер. Мистер Лестер Пратт по прозвищу Большой Член.

Маленькая девочка в очках и с громадными пластинками на зубах оторвалась от плаката на стене и с удивлением уставилась на Салли.

— А ты что уставилась, Ирвина? — спросила Салли.

Ирвина растерянно моргнула.

— Нисего, миз Рат-Клиф.

— Тогда давай топай отсюда, рассматривай свое ничего где-нибудь другом месте, — рявкнула Салли. — Уроки уже кончились.

Ирвина посеменила к выходу, часто оглядываясь, словно не верила своим глазам и ушам.

Салли открыла дверь и заглянула внутрь. Пакет лежал именно там, где сказал мистер Гонт: за мусорными баками около кафетерия. Имя мистера Джуитта она написала на нем сама.

Еще раз оглянувшись, чтобы убедиться, что эта шлюшка, Элис Таннер, не идет следом, Салли открыла дверь директорского кабинета, пересекла комнату и положила конверт на стол Фрэнка Джуитта. Оставался еще один «пункт программы».

Она открыла верхний ящик стола и достала оттуда тяжелые ножницы. Потом наклонилась и подергала нижний ящик. Заперт. Мистер Гонт сказал, что скорее всего так и будет. Салли глянула в приемную, где по-прежнему было пусто. Хорошо. Замечательно. Она воткнула острие ножниц в щель между запертым ящиком и столом и с усилием подняла их вверх. Дерево крякнуло, треснуло, и Салли почувствовала, как ее соски непривычно, но очень приятно затвердели. Весело. Страшно, но весело.

Она передвинула ножницы — еще глубже — и опять подняла их вверх. Замок сломался, и ящик выкатился на направляющих, открывая свое содержимое. У Салли от удивления и потрясения отвисла челюсть. Она захихикала. Только эти полузадушенные звуки походили скорее на вскрики, чем на смех.

— О, мистер Джуитт, какой вы, оказывается, шалун!

В ящике лежала стопка журналов, и тот, что был сверху, и в самом деле назывался «Шалун». На обложке красовалась фотография мальчика лет девяти. На нем был надет мотоциклетный шлем 50-х годов и... больше ничего.

Салли вытащила журналы из ящика — их там была дюжина, если не больше. *Счастливые детишки. Голенькие прелестницы. Поцелуй на ветру. Деревенский мир Бобби.* Она смотрела на них и не верила своим глазам. Откуда вообще берутся подобные вещи? Их точно не продают в аптеке, даже с самой верхней полки, про которую иногда говорил преподобный Роуз в своих проповедях, — той, на которой написано: ТОЛЬКО ОТ 18 И СТАРШЕ.

Внезапно у нее в голове раздался хорошо знакомый голос: *Скорее, Салли. Собрание почти окончено, ты же не хочешь, чтобы тебя тут поймали?*

Но ему ответил другой голос, женский, и Салли почти что его узнала. Слушать этот второй голос было словно говорить с кем-то по телефону, когда туда подключился еще и третий собеседник.

И поделом, сказал второй голос. *Это было бы просто отлично.*

Салли отмахнулась от этого голоса и сделала то, что ей приказал мистер Гонт: разбросала нехорошие журналы по всему кабинету мистера Джуитта. Потом положила ножницы на место и быстро вышла из кабинета, закрыв за собой дверь. Открыв дверь приемной, она выглянула в коридор. Там было пусто... но голоса в соседней комнате стали громче, кто-то смеялся. Они действительно расходятся; сегодня собрание было необычно коротким.

Слава Богу за мистера Гонта! — подумала она и выскользнула в коридор. Она уже почти дошла до двери и тут услышала, как из комнаты № 6 выходят люди. Салли не обернулась. Она вдруг поняла, что последние пять минут и думать забыла про мистера Лестера Пратта по прозвищу Большой Член, и это очень ее обрадовало. Теперь она со спокойной душой может отправляться домой. Там она примет горячую ванну с пеной, а потом достанет чудесную щепку и проведет целых два *часа*, не думая о мистере Лестере Большой Член. Как это будет здорово! Да, точно! Точ...

Что ты наделала? Что было в этом конверте? Кто спрятал его около кафетерия? Что ты затеяла, Салли? Что за механизм запустила в действие?

Салли остановилась. На висках и на лбу выступил пот. Ее глаза широко распахнулись, зрачки тоже расширились, как у испуганной оленихи. Потом все пришло в норму, и она пошла дальше. Сегодня на ней были брюки, и они так приятно скользили по коже, что ей поневоле вспомнились объятия с Лестером.

Мне плевать на то, что я сделала, подумала она. *На самом деле, и поделом ему. Да. Он заслуживает всяческих гадостей, изображает из себя мистера Уотерби, а сам читает такие отвратительные журналы. Надеюсь, его удар хватит, когда он войдет к себе в кабинет.*

— Да, надеюсь, его *на хрен* хватит удар, — прошептала она. Впервые в жизни она произнесла вслух это слово на букву «Х», и ее соски вновь напряглись и сладко заныли. Салли пошла быстрее, рассеянно думая, что в ванне мож-

но заняться и кое-чем еще. Ей вдруг пришло в голову, что *кое-что* можно сделать самой. Она точно не знала, как удовлетворить это желание... но надеялась, что разберется.

В конце-то концов, кто сам не плошает, тому и Бог помогает.

8

— Как по-вашему, цена приемлемая? — спросил мистер Гонт у Полли.

Полли начала было отвечать, но умолкла на полуслове. Казалось, что-то отвлекло внимание мистера Гонта — он пялился куда-то в пространство и беззвучно шевелил губами, словно молился.

— Мистер Гонт?

Он слегка вздрогнул и улыбнулся Полли:

— Прошу прощения. Я иногда выпадаю, когда о чем-то задумаюсь.

— Цена не просто приемлемая, — сказала Полли. — Она просто *невероятная*. — Она достала чековую книжку. Сначала она сомневалась, правильно ли сделала, что пришла, но потом все сомнения разом рассеялись под дружелюбным взглядом мистера Гонта. Когда их взгляды встретились, вопросы и сомнения отпали сами собой.

В чеке, который она вручила мистеру Гонту, была указана сумма в сорок шесть долларов. Мистер Гонт тщательно сложил чек и спрятал его в нагрудный карман пиджака.

— Обязательно заполните корешок, — сказал мистер Гонт. — Ваш любопытный дружок непременно захочет его посмотреть.

— Он придет с вами познакомиться, — сказала Полли. — Он думает, что вы мошенник.

— У него много мыслей и планов, — улыбнулся мистер Гонт. — Но его планы изменятся, а мысли развеются, как туман ветреным утром. Это я вам обещаю.

— Вы... что вы хотите с ним сделать?

— Я?! Вы меня неправильно поняли, Патрисия Чалмерс. Я пацифист — самый миролюбивый из всех пацифистов в мире. Я не подниму руки на шерифа. Я просто имел в виду, что сегодня у него появятся дела с той стороны моста. Он этого пока не знает, но... всему свое время.

— О!

— А теперь, Полли...

— Да?

— Ваш чек еще не является полной оплатой за ацку.

— Нет?

— Нет. — Он держал в руках чистый белый конверт. Полли не поняла, откуда он вдруг появился, этот конверт, но почему-то вовсе не удивилась. — Для того чтобы окончательно расплатиться за ваш амулет, Полли, вам нужно будет помочь мне сыграть одну небольшую шутку.

— С Аланом? — Она вдруг встревожилась, как дикий кролик, почуявший запах пожара в жаркий летний полдень. — Вы про *Алана* говорите?

— Абсолютно и бесповоротно *нет*, — сказал он. — Просить вас подшутить над кем-то, кого вы знаете и кого, как вам кажется, *любите*, было бы неэтично.

— Правда?

— Да... хотя мне кажется, что вам стоит как следует поразмыслить о ваших взаимоотношениях с шерифом. В итоге все упрется в простой выбор: либо маленькая боль сейчас, либо сильные страдания позже. Другими словами: тише едешь, дальше будешь.

— Я не понимаю...

— Я знаю. Проверите почту — поймете. Видите ли, я не единственный, о ком вынюхивает его длинный, любопытный нос. Ладно, давайте пока обсудим то самое небольшое невинное развлечение, в котором вам нужно будет принять участие. Есть один парень... я недавно принял его на работу. Его фамилия Мерилл.

— Туз Мерилл?

Улыбка на лице Гонта погасла.

— Не прерывайте меня, Полли. Никогда не прерывайте меня, когда я говорю. Если только вы не хотите, чтобы ваши руки распухли, как шарики, наполненные ядовитым газом.

Полли отпрянула от него с испуганными глазами, которые тем не менее оставались сонными и замороченными.

— Я... Извините. Я не хотела...

— Ничего. Ваши извинения приняты... на этот раз. А теперь послушайте меня. И слушайте очень внимательно.

9

Фрэнк Джуитт и Брион Макгинли, учитель географии и по совместительству тренер по баскетболу, вышли из комнаты № 6 сразу за Элис Таннер. Фрэнк ухмылялся и рассказывал Бриону *анекдот, услышанный вчера вечером* от продавца книг. В анекдоте речь шла о враче, который никак не мог поставить диагноз одной женщине: то ли болезнь Альцгеймера, то ли СПИД.

— Так вот, муж этой бабы отводит врача в сторонку, — продолжал Фрэнк, когда они вошли в приемную. Элис нагнулась над столом, роясь в корреспонденции, и Фрэнк понизил голос. Элис не совсем адекватно воспринимает некоторые шутки.

— Ну и? — *Брион тоже начал ухмыляться.*

— Он расстроен. Он говорит: «Черт, док... и это все, что вы можете сделать? Но ведь можно же как-то выяснить, чем конкретно она больна?!»

Элис выбрала две розовые формы для объявлений и направилась в кабинет. Она дошла до порога и остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену. Но ни Джуитт, ни Макгинли этого не заметили.

— «Да нет проблем, — говорит доктор. — Отвези ее миль на двадцать в глубь леса и оставь там. Если найдет дорогу домой, ни в коем случае не трахай».

Брион Макгинли тупо уставился на своего босса, а потом взорвался искренним хохотом. Директор Джуитт присоединился к нему. Они так ржали, что не расслышали, как Элис позвала Фрэнка. Во второй раз она уже не позвала — она буквально *провизжала* его имя.

Фрэнк поспешил к ней.

— Элис? Какого... — Когда он увидел «какого», холодный ужас пронзил его сердце. Слова застряли в глотке. Он почувствовал, как съежилась кожа у него на яичках; его семенные железы как будто вдруг захотели убраться туда, откуда появились.

Журналы.

Секретные журналы из нижнего ящика.

Они были раскиданы по всему кабинету, как кошмарные конфетти: мальчики в школьной форме, мальчики на сеновалах, мальчики в соломенных шляпах, мальчики на игрушечных лошадках.

— Ну и ну! — произнес чей-то голос слева от Фрэнка, хриплый от ужаса и удивления. Повернув голову (при этом его шейные позвонки заскрипели, как ржавые дверные петли), Фрэнк увидел Бриона Макгинли, который таращился на журналы. Его глаза чуть ли не вылезали из орбит.

«Подстава, — попытался сказать Фрэнк. — Тупая шутка, это не мои журналы. Достаточно один раз взглянуть на них, чтобы понять, что они не... не представляют интереса для человека моего... моей...»

Твоей — чего?

Этого он и сам не знал, да и черт с ним, все равно он не мог произнести ни слова. Он как будто онемел.

Трое взрослых людей замерли в шоке и молча рассматривали кабинет Фрэнка Джуитта, директора школы. Журнал, каким-то чудом державшийся на подлокотнике кресла для посетителей, зашелестел страницами от горячего сквозняка, что ворвался в полуоткрытое окно, и шлепнулся на пол. «Сочные парнишки», — завлекала обложка.

Подстава подставой, допустим, я это скажу... а они мне поверят? А если ящик стола взломали? Что я скажу тогда?

— Миссис Таннер, — раздался девчачий голос у них за спиной. Все трое — Джуитт, Таннер и Макгинли — разом обернулись. Перед ними стояли две девочки-восьмиклассницы в красно-белых костюмах болельщиц. Элис Таннер и Брион Макгинли практически одновременно попытались закрыть собой дверной проем в кабинет Фрэнка (сам Фрэнк словно окаменел и прирос к полу), но они опоздали. Девочки широко распахнули глаза. Одна из них — Дарлин Викери — прижала пальцы к своим пухлым розовым губкам и потрясенно уставилась на Фрэнка Джуитта.

Фрэнк подумал: *Отлично. Великолепно. Завтра к полудню об этом узнает вся школа. А к вечеру — весь город.*

— Уходите, девочки, — сказала миссис Таннер. — Кто-то очень зло подшутил над мистером Джуиттом... очень зло и неприлично... и вы не скажете никому ни слова. Вы поняли?

— Да, миссис Таннер, — сказала Эрин Макэвой; уже через три минуты она расскажет своей лучшей подруге, Донне Болье, что весь кабинет мистера Джуитта разукрашен фотографиями мальчиков, на которых из одежды надеты только тяжелые металлические браслеты.

— Да, миссис Таннер, — сказала Дарлин Викери; через пять минут она расскажет то же самое *своей* лучшей подруге, Натали Прист.

— А теперь марш отсюда, — сказал Брион Макгинли. Он старался говорить построже, но его голос все равно был хриплым от потрясения. — Быстро, быстро.

Девочки убежали, их юбки шлепали по загорелым, крепким коленкам.

Брион медленно повернулся к Фрэнку.

— Я думаю... — начал он, но Фрэнк его не слушал. Медленно, словно лунатик, он вошел в свой кабинет. За-

крыл за собой дверь с аккуратной надписью ДИРЕКТОР и принялся собирать журналы.

А может, напишешь письменное признание? — кричала одна часть его разума.

Он не обратил на нее внимания. Другой голос — примитивный голос выживания, поселившийся в темных глубинах сознания, — тоже не молчал, и этот голос ненавязчиво указал, что сейчас Фрэнк наиболее уязвим. Если он сейчас попытается поговорить с Элис или Брионом, если попробует объяснить происшедшее, то просто сам же себя и выдаст. Уж лучше сразу повеситься, чтобы не мучиться.

Элис постучала в дверь. Фрэнк сделал вид, что не слышит. Он медленно обошел кабинет, подбирая журналы, которые собирал последние девять лет — получал по подписке на почте в Гейтс-Фоллс, каждый раз опасаясь, что сейчас на него *точно* навалится вся полиция штата или почтовая инспекция. Но Бог миловал. Зато теперь... вот.

Они не поверят, что журналы твои, продолжал второй голос. *Они не позволят себе поверить. Это значило бы перевернуть все свои привычные и удобные провинциальные представления о жизни. Когда возьмешь себя в руки, ты все им объяснишь. Но... кто мог это сделать? Кому это понадобилось?* (Фрэнку почему-то не пришло в голову спросить у себя, зачем он вообще притащил эти журналы в школу.)

На ум Фрэнку Джуитту пришел только один человек — единственный житель Касл-Рока, который знал о его тайной жизни. Джордж Т. Нельсон, преподаватель резьбы по дереву в старших классах. Джордж Т. Нельсон, который, несмотря на весь свой непомерный мачизм, был настоящим гомиком. Джордж Т. Нельсон, с которым Фрэнк Джуитт как-то раз посетил одну вечеринку в Бостоне, вечеринку, на которой присутствовало много мужчин среднего возраста и небольшая группа обнаженных мальчиков.

Вечеринка, за которую можно загреметь в тюрягу до конца своих дней. Вечеринка...

На столе лежал светло-коричневый конверт с его именем. У Фрэнка Джуитта засосало под ложечкой, как будто он находился в оборвавшемся лифте, который стремительно падает вниз. Он обернулся и увидел, что Элис и Брион пялятся на него, чуть ли не щека к щеке. Глаза выпучены, рты раскрыты. *Теперь я знаю, каково быть рыбкой в аквариуме*, подумал он.

Он махнул им рукой — уходите, мол. *Уходите.* Они не ушли, и почему-то его это не удивило. Это был настоящий кошмар, а кошмары никогда не уходят, когда их об этом просят. Фрэнк чувствовал себя потерянным, сбитым с толку... но где-то внутри, как искорка под кучей влажных углей, тлело синее пламя ярости.

Он сел за стол и положил стопку журналов на пол. Ящик был взломан, как он и боялся. Разорвав конверт, он обнаружил, что большую часть содержимого составляют глянцевые фотографии. На снимках он был с Джорджем Т. Нельсоном на той самой вечеринке в Бостоне. Они кувыркались с парой-тройкой смазливых парнишек (самому старшему из которых вряд ли было больше двенадцати лет), и на всех фотографиях лицо Джорджа Т. Нельсона было почти невозможно различить, зато Фрэнк Джуитт был виден во всей красе.

Это тоже не особенно удивило Фрэнка.

Помимо фотографий, в конверте была записка. Он вынул ее и прочел.

Фрэнк, старина.

Жаль так с тобой поступать, но мне придется смыться из города, и нет времени на реверансы. Мне нужно 2000 долларов. Вечером, в семь часов, принесешь их ко мне домой. Я не знаю, как ты там вывернешься, но уверен: поднапряжешься немного и выкрутишься — для такого скользкого типа, как ты, это не проблема. А что-

Бі тьі не расслабляйся, спроси себя: может, тьі хочешь увидеть эти фотографии развешанными по всему городу под плакатами «Ночи в казино»? Старичок, тебя из города вышвырнут, как куренка. Запомни, две штуки самое позднее к 19:15, или тьі пожалеешь, что родился с членом между ног.

Твой друг

Джордж.

Твой друг.

Твой *друг!*

Фрэнк уставился на подпись с поддельным и потрясенным ужасом.

Твой гнилоротый ублюдочный предательский Иуда — *ДРУГ?!*

Брион Макгинли все еще стучал в дверь, но когда Фрэнк Джуитт наконец оторвался от записки, которую так пристально изучал, кулак Бриона завис в воздухе. Лицо директора было бледным как воск, за исключением двух ярких клоунских пятен на скулах. Его зубы обнажились в пугающей улыбке.

Теперь он был совсем не похож на мистера Уотерби.

Мой друг, подумал Фрэнк. Он смял записку, одновременно собирая фотографии обратно в конверт. Синяя искорка ярости стала теперь оранжевой. Сырые угли потихонечку занимались. *Хорошо, я приду. Я приду, и мы с моим другом Джорджем Т. Нельсоном обсудим нашу проблему.*

— Обязательно, — сказал Фрэнк Джуитт и нехорошо улыбнулся. — *Обязательно.*

10

Уже перевалило за четверть четвертого, и Алан решил было, что Брайан Раск поехал другой дорогой: поток школьников, расходившихся по домам, практически иссяк. Но вдруг, когда Алан уже полез в карман за ключами,

вдали показалась одинокая фигурка на велосипеде. Мальчик ехал медленно, навалившись на руль, так что Алан с трудом рассмотрел его лицо.

Зато он видел, что лежало в багажнике велосипеда: пенопластовый холодильник для пикников.

11

— Ты все поняла? — спросил Гонт у Полли, в руках у которой теперь был конверт.

— Да, я... Я поняла. Поняла, — ответила Полли, но ее сонное лицо было мрачным.

— Что-то ты выглядишь не особенно радостной.

— Я... я не знаю...

— Амулеты вроде *ацки* не всегда помогают, если люди несчастливы, — сказал мистер Гонт. Он указал на еле заметный бугорок у нее под блузкой, и Полли вновь показалось, что внутри кулона что-то шевельнулось. В ту же секунду острые иглы боли влились ей в руки и раскинулись сетью ржавых стальных крючков. Полли громко застонала.

Мистер Гонт согнул палец в призывном жесте. Она снова почувствовала движение в серебряном шаре — на этот раз еще отчетливее, — и боль прошла.

— Ты же не хочешь вернуться к прежнему состоянию? А, Полли? — мягким шелковым голосом спросил мистер Гонт.

— Нет! — воскликнула она. Ее грудь судорожно вздымалась в такт неровному дыханию. Руки принялись совершать какие-то странные моющие движения, а испуганные глаза панически впились в мистера Гонта.

— Знаешь, все может стать еще хуже. Согласна?

— Да! Да, согласна!

— И никто тебя не понимает. Даже шериф. Он не знает, что это такое — просыпаться в два часа ночи с адской болью в руках.

Она покачала головой и заплакала.

— Делай, как я скажу, Полли, и тебе не придется больше так просыпаться. Даже более того: делай, как я скажу, и если кто-нибудь в Касл-Роке разнюхает, что твой ребенок сгорел заживо в сан-францисской меблирашке, то он узнает об этом не от меня.

Полли издала долгий, хриплый вой — крик человека, безнадежно запутавшегося в мучительном кошмаре.

Мистер Гонт улыбнулся:

— Ад — это не только черти и раскаленные сковородки, да, Полли?

— Откуда вы про него знаете, про ребенка? — прошептала она. — Никто не знал. Даже Алан. Я сказала Алану...

— Я знаю, потому что знать — это мой бизнес. А его бизнес — подозревать. Алан никогда не верил в то, что ты ему сказала.

— Он сказал...

— Я уверен, он говорил много чего интересного, но он не верил тебе. Женщина, которую ты взяла в няньки, была наркоманкой. Это была не твоя вина, но последовательность событий, приведшая к трагическому концу, несомненно, явилась следствием личного выбора. *Твоего* выбора, Полли. Девчонка, которую ты наняла, чтобы присматривать за Келтоном, укололась и выбросила сигарету — или косяк — в мусорную корзину. Она была пальцем, который нажал на курок, но ружье было заряжено твоей гордостью, твоей неспособностью склонить голову перед родителями и другими достойными людьми Касл-Рока.

Полли разрыдалась еще сильнее.

— Разве девушке нельзя сохранить свою гордость? — мягко спросил мистер Гонт. — Когда все остальное пойдет прахом, разве нельзя ей сохранить хотя бы *это*, последнюю монету, без которой ее кошелек будет уже совершенно пуст?

Полли подняла свое залитое слезами лицо, и теперь оно было упрямым и твердым.

— Я думала, что это только мое дело, — сказала она. — Я и теперь так думаю. Если это гордыня, то что с того?

— Да, — сказал мистер Гонт. — Это слова победителя... Но они же пытались тебя вернуть, да? Твои родители? Наверное, это было не слишком приятно — тем более с ребенком, который служил бы им постоянным напоминанием о позоре, да и в таком болоте, как этот ваш городишко, добропорядочные обыватели уж непременно бы стали чесать языки... но ты все же *могла бы* вернуться.

— Да? И всю жизнь потом биться, пытаясь выбраться из-под материнского каблука?! — выкрикнула она яростным, некрасивым голосом, не имевшим ничего общего с ее обычным голосом, мягким и тихим.

— Да, — сказал мистер Гонт. — И ты осталась там, где осталась. У тебя был Келтон, у тебя была твоя гордость. А когда Келтон погиб, у тебя все еще оставалась гордость. Не так ли?

Полли закрыла лицо руками и застонала от горечи и обиды.

— *Эта* боль сильнее, чем артрит, я не прав? — спросил мистер Гонт. Полли кивнула, не поднимая головы. Мистер Гонт заложил свои уродливые, длиннопалые руки за голову и заявил философским тоном: — Вот оно, человечество! Какое благородство! Какая готовность жертвовать собой... нет, не собой, а другими!

— Не надо! — простонала она. — Пожалуйста, не надо!

— Это ведь секрет, Патрисия?

— Да.

Он коснулся ее лба. Полли издала сдавленный стон, но не отшатнулась.

— Это еще одна дверь в ад, которую ты не хотела бы открывать?

Она снова кивнула, не поднимая головы.

— Тогда делай, как я говорю, Полли, — прошептал он. Убрав ее руки от лица, он начал их гладить. — Делай, как я говорю, и держи язык за зубами. — Он пристально всмотрелся в ее мокрые щеки и подпухшие, красные глаза.

Легкая тень отвращения скользнула по его губам. — Не знаю, что меня раздражает больше: плачущие женщины или смеющиеся мужчины. Вытри лицо, черт подери.

Полли медленно вынула из сумочки платок и вытерла глаза.

— Вот и славно, — сказал Гонт, вставая. — Сейчас я отпущу тебя домой, Полли; тебе есть чем заняться. Хочу лишь сказать, что иметь с тобой дело было сплошным удовольствием. Я всегда наслаждаюсь, работая с дамами, сохранившими в себе каплю гордости.

12

— Эй, Брайан, хочешь посмотреть фокус?

Мальчик на велосипеде резко вскинул голову, ветер отбросил волосы у него со лба, и на лице Брайана Алан увидел безошибочное выражение: чистый и неподдельный ужас.

— Фокус? — дрожащим голосом спросил мальчик. — Какой фокус?

Алан не знал, чего так боится ребенок, но он понял одно: его магия, на которую он всегда полагался при работе с детьми, когда нужно было разбить лед, сегодня по какой-то причине совершенно не годилась. Лучше поскорее с этим разделаться и начать все сначала.

Он вытянул левую руку — ту, на которой часы, — и улыбнулся бледному, напряженному, насмерть напуганному Брайану.

— Вот смотри, в рукаве у меня ничего нет и рука у меня не искусственная. А сейчас... *престо грандиозо!*

Алан медленно провел правой ладонью по левой руке, ловко выхватив пакетик большим пальцем из-под ремешка часов. Сжав руку в кулак, он оторвал почти микроскопическую петельку, которая не давала пакетику раскрыться. Потом хлопнул в ладоши, развел их, и там, где не было ничего, кроме воздуха, расцвел большой букет аляповатых цветов из жатой бумаги.

Алан проделывал этот трюк сотни раз и с чистой совестью мог считать этот раз не самым худшим, но ожидаемого эффекта — мгновение оторопелого удивления, за которым следует улыбка, состоящая на треть из изумления и на две трети из восторга, — не последовало. Брайан лишь мельком глянул на букет (в его взгляде читалось громадное облегчение, как будто он ожидал намного менее приятного сюрприза) и снова уставился на Алана.

— Ловко, а? — спросил Алан. Он растянул губы в широкой улыбке, такой же естественной и натуральной, как вставная челюсть его прадедушки.

— Да, — сказал Брайан.

— Ага. Вижу, ты прямо-таки сражен. — Алан свел руки вместе, умело складывая букет обратно. Получилось легко — слишком легко. Пора покупать новый экземпляр «Фокуса с бумажным букетом»; долго они не держатся. В этом уже ослабла пружина, и бумага скоро начнет рваться.

Он снова раскрыл ладони, улыбаясь с чуть большей надеждой. Букет исчез, превратившись в маленький пакетик под ремешком часов. Брайан Раск не ответил на его улыбку; у него на лице не читалось вообще ничего. Остатки летнего загара не могли скрыть ни бледности, ни обычных юношеских прыщей: россыпь прыщиков на лбу, большой прыщ на губе и угревая сыпь на носу. Под глазами у Брайана темнели синеватые круги, как будто в последнее время он отчаянно не высыпался.

Да, с парнем явно что-то творится, подумал Алан. *У него серьезные проблемы, может быть, даже внутренний надлом.* Напрашивались два вывода: либо Брайан Раск действительно видел того, кто разгромил дом Ержиков, либо сделал это сам. Обе возможности были вполне логичными, но Алан с трудом мог представить размер и тяжесть груза вины, мучившей этого мальчика.

— Хороший фокус, шериф Пангборн, — сказал Брайан бесцветным, лишенным эмоций голосом. — Правда хороший.

— Спасибо, рад, что тебе он понравился. Знаешь, о чем я хочу с тобой поговорить, Брайан?

— Да... кажется, — сказал Брайан, и Алану вдруг показалось, что сейчас он признается, что это он разбил окна. Прямо тут, на улице, возьмет и признается, а Алан сделает гигантский шаг вперед к разгадке трагедии, приключившейся между Вильмой и Нетти.

Но Брайан больше ничего не сказал. Он только смотрел на Алана своими усталыми, покрасневшими глазами.

— Что случилось, сынок? — спросил Алан. — Что там произошло, у дома Ержиков?

— Не знаю, — вяло сказал Брайан. — Но вчера ночью я видел сон, как раз об этом. И в воскресенье тоже. Мне снится, что я снова иду в этот дом, только во сне я вижу, от чего там такой шум на самом деле.

— И от чего, Брайан?

— Там чудовище. — Голос Брайана не изменился, но в уголках глаз заблестели слезы. — Во сне я стучу в дверь вместо того, чтобы сразу уехать, как я сделал на самом деле... дверь открывается, и там чудовище, и оно... меня... съедает. — Слезинки сорвались с ресниц и медленно покатились по прыщавым щекам Брайана.

Да, подумал Алан, *это может быть и обычный страх. Страх, который маленький мальчик может испытать, не вовремя открыв дверь родительской спальни, когда папа с мамой занимаются любовью. Ему очень страшно. Просто потому, что он еще слишком мал, чтобы понять, что происходит, и решает, что они дерутся. А может, он даже подумает, что раз они так шумят, то пытаются убить друг друга.*

Но...

Но что-то тут было не так. Слишком просто. Похоже, парнишка пытается отболтаться, несмотря на загнанный вид, несмотря на то что его взгляд кричит: *Я хочу все рассказать.* Что это значит? Алан не был уверен, но опыт ему подсказывал, что наиболее разумное объяснение будет такое: Брайан знал того, кто бросал камни. Может быть,

это был кто-то, кого Брайан считал обязанным защищать. Или тот камнеметатель знал, что Брайан его видел, и Брайан это тоже знал. Может быть, мальчик просто боится мести.

— Кто-то закидал камнями дом Ержиков, — сказал Алан тихим и (как он очень надеялся) успокаивающим голосом.

— Да, сэр, — выдохнул Брайан. — Наверное. Может, оно и так. Я-то думал, что они дерутся, но это могли быть и камни. Трах, бах.

Свежо предание... подумал Алан.

— Так ты подумал, что они скандалят или даже дерутся?

— Да, сэр.

— Ты правда так подумал?

— Да, сэр.

Алан вздохнул:

— Ну, теперь ты знаешь, что это было. И ты знаешь, к чему это привело. Тем более что бросаться камнями в чужие окна — это само по себе очень серьезное преступление, даже если обходится без последствий.

— Да, сэр.

— А тут еще кое-что произошло потом. Ты ведь знаешь *что*, Брайан?

— Да, сэр.

Эти глаза на спокойном, бледном лице... Алан понял две вещи: мальчик действительно *хочет* рассказать ему, что произошло, хочет, но ни за что не расскажет.

— Брайан, у тебя очень подавленный вид.

— Да, сэр.

— «Да, сэр»... Это значит, что ты *и вправду* подавлен?

Брайан кивнул, и еще две слезинки выкатились из его глаз. В душе Алана боролись два сильных и противоречивых чувства: искренняя жалость и дикое раздражение.

— И отчего ты подавлен, Брайан? Скажи мне.

— Мне раньше снился очень хороший сон, — сказал Брайан еле слышно. — Он был глупый, но все равно хо-

роший. Он был про мисс Рэтклифф, моего логопеда. Теперь я знаю, что он был глупый. Раньше я этого не понимал, и так было лучше. И знаете что? Теперь я знаю еще больше.

Опять эти темные, несчастные глаза.

— А новый сон... про чудовище, которое кидает камни... он меня пугает, шериф Пангборн... но подавлен я из-за того, что я теперь знаю. Это как знать секрет фокуса.

Он чуть кивнул головой, и Алан готов был поклясться, что Брайан смотрел на ремешок его часов.

— Иногда лучше быть глупым и ничего не знать. Теперь я это понял.

Алан положил руку на плечо мальчика.

— Брайан, давай прекратим эту ерунду! Расскажи мне, что произошло.

— Я приехал узнать, нужен ли им кто-нибудь, чтобы зимой чистить снег вокруг дома, — сказал мальчик безжизненным, механическим голосом, испугавшим Алана. Парнишка ничем не отличался от обычного американского ребенка одиннадцати-двенадцати лет: кроссовки, джинсы, майка с Бартом Симпсоном, — но говорил он как плохо запрограммированный робот на грани перегрузки. Впервые Алану пришла в голову мысль, что, может быть, Брайан Раск видел собственных родителей, бьющих стекла у Ержиков. — Я услышал шум, — продолжал мальчик. Он говорил простыми и ясными фразами, как полицейские детективы говорят в суде (их этому специально учат). — Непонятный шум, он меня напугал. Удары, звон... что-то ломалось. Я уехал оттуда как можно скорее. Женщина на крыльце соседнего дома спросила меня, что происходит. Кажется, она тоже была напугана.

— Да, — сказал Алан. — Джиллиан Мислабурски. Я говорил с ней. — Он дотронулся до пенопластового холодильника, криво сидящего в багажнике велосипеда. От

него не ускользнуло, как при этом сжались губы Брайана. — В то утро, в воскресенье, этот холодильник был с тобой?

— Да, сэр, — сказал Брайан. Он вытер лицо тыльной стороной ладони и настороженно посмотрел на Алана.

— А что в нем было?

Брайан ничего не сказал, но Алану показалось, что его губы дрожат.

— Что в нем было, Брайан?

Брайан опять промолчал.

— В нем были камни?

Медленно и заторможенно Брайан покачал головой.

— Нет.

Алан спросил в третий раз:

— Что в нем было?

— То же, что и сейчас, — прошептал Брайан.

— Можно открыть посмотреть?

— Да, сэр, — безвольно произнес Брайан. — Наверное, можно.

Алан откинул крышку холодильника и заглянул внутрь.

Там были бейсбольные карточки: «Топпс», «Флир», «Донрасс».

— Это мой обменный фонд. Я их везде вожу с собой, — сказал Брайан.

— Ты... возишь их с собой?

— Да, сэр.

— Зачем, Брайан? Зачем таскать с собой холодильник, набитый бейсбольными карточками?

— Я же сказал, это обменки. Никогда не знаешь, вдруг подвернется шанс на хорошую сделку? Я до сих пор ищу Джо Фоя, он был в команде «Невозможной мечты» в 67-м, и первую карточку Майка Гринвелла. Он мой любимый игрок у «Аллигаторов». — Теперь Алану показалось, что в глазах мальчика появился слабый блеск удивления; он почти слышал телепатический голос, распевающий: *Об-*

манули дурака на четыре кулака! Обманули! Конечно, никто его не дразнил. Это его собственное раздражение издевалось над ним голосом мальчика.

Или нет?

«Ладно, а что ты *думал* найти в этом холодильнике? Груду камней с привязанными к ним записками? Ты действительно думал, что он сейчас ехал к чьему-то еще дому, чтобы повторить ту же самую развлекаловку?»

Да, признал он. Именно так он и думал. Брайан Раск, Ужасный «От-горшка-два-вершка», Сотрясатель Касл-Рока. Хуже всего было другое: Алан был уверен, что Брайан Раск прекрасно понимал, что творилось в голове у шерифа.

Обманули дурака на четыре кулака! Обманули шерифа!

— Брайан, пожалуйста, скажи мне, что происходит. Если знаешь, расскажи.

Брайан молча закрыл крышку холодильника. Щелчок замка мягко растаял в теплом осеннем мареве.

— Не можешь сказать?

Брайан медленно кивнул. Алан понял это так, что он действительно что-то знал, но сказать не мог.

— Тогда скажи хотя бы вот что: тебе страшно, да? Страшно?

Мальчик снова кивнул.

— Скажи мне, чего ты боишься, сынок. Может быть, я смогу с этим справиться. — Он слегка постучал пальцем по бляхе, прикрепленной к левому клапану форменной рубашки. — Мне поэтому и платят деньги, чтобы я носил эту звезду. Потому что у меня иногда получается прогнать страхи.

— Я... — начал Брайан, но в эту секунду проснулась рация, которую Алан установил под панелью своей патрульной машины три-четыре года назад.

— Номер первый, номер первый, вызывает база. Как слышно. Прием.

Взгляд Брайана оторвался от Алана и обратился к патрульной машине и звукам голоса Шейлы Брайхем — го-

лоса власти, голоса полиции. Алан понял, что если мальчик и собирался что-то ему рассказать (при условии что он не выдавал желаемое за действительное), то теперь все кончено. Лицо Брайана, начавшее было оживать, захлопнулось, как раковина.

— Ты поезжай домой, Брайан. Мы еще поговорим об этом... о твоих снах... позже. Хорошо?

— Да, сэр, — сказал Брайан. — Наверное.

— А пока подумай о том, что я тебе сказал: главная работа шерифа — прогонять страхи.

— Мне пора домой, шериф. Если я задержусь, мама будет ругаться.

Алан кивнул:

— Ну, этого нам не надо. Пока, Брайан.

Он проводил мальчика взглядом. Брайан свесил голову, и казалось, не ехал на велосипеде, а волочил его между ног. Что-то тут было неправильно, настолько неправильно, что Алану показалось, что происшествие с Вильмой и Нетти было менее важным, чем то, что оставило этот унылый след на затравленном лице ребенка.

Женщины мертвы, им уже не поможешь. А Брайан Раск был еще жив.

Алан подошел к старенькому «универсалу», который давным-давно надо было продать, схватил микрофон и нажал кнопку передачи.

— Да, Шейла. Это номер первый. Слышу тебя хорошо. Прием.

— Тебе звонил Генри Пейтон, — сказала Шейла. — Сказал, что-то срочное. Просил связать тебя прямо по рации. Прием.

— Давай, — сказал Алан. Он почувствовал, как его пульс набирает скорость.

— Это может занять пару минут. Прием.

— Отлично. Жду. Номер первый, отбой.

Он облокотился на крыло машины, сжимая в руке микрофон. Ему нетерпелось узнать, что же в жизни Генри Пейтона случилось такого срочного.

13

Когда Полли добралась до дому, было уже двадцать минут четвертого, и она чувствовала себя так, словно ее разодрали на две половинки. С одной стороны, она ощущала настоятельную необходимость заняться поручением мистера Гонта (ей не нравилось думать об этом как о проказе — из Полли Чалмерс вряд ли бы получилась проказница), чтобы поскорее с ним разделаться и окончательно завладеть *ацкой*. В голове промелькнула фраза, что сделка будет завершена тогда, когда мистер Гонт скажет, что она завершена.

С другой стороны, она ощущала настоятельную необходимость связаться с Аланом, чтобы рассказать ему, что произошло... ну, или хотя бы то, что она *могла* вспомнить. А она помнила только одно — и то, что она запомнила, наполняло ее стыдом и ужасом, но забыть такое было невозможно, — а именно: мистер Лиланд Гонт ненавидел человека, которого Полли любила, и мистер Гонт готовил что-то — *что-то* — очень нехорошее. Алан должен знать. Даже если *ацка* перестанет действовать, он должен знать.

Ты и вправду этого хочешь?

Да — какая-то ее часть именно этого и хотела. Та часть, что боялась мистера Гонта, даже несмотря на то что Полли не могла вспомнить, чем конкретно вызван этот страх.

Полли, ты хочешь вернуться к прежнему состоянию? Чтобы твои руки опять стали, словно изрешеченные шрапнелью?

Нет... но она не хотела, чтобы пострадал Алан. Не хотела она и того, чтобы планы мистера Гонта в отношении всего города (так ей казалось) осуществились. И ей очень не нравилась перспектива самой поучаствовать в осуществлении этих планов, ехать в заброшенный дом в конце шоссе № 3, чтобы устроить там какой-то подвох, которого она даже не понимала.

Эти противоречивые желания, каждое со своим собственным убедительным голосом, боролись в ней по дороге к дому. Если мистер Гонт как-то ее загипнотизировал (Полли была в этом уверена, когда выходила из магазина, но со временем эта уверенность начала проходить), то гипноз начал уже терять действие (ей действительно так казалось). Впервые в жизни она чувствовала себя настолько беспомощной и неспособной принять решение. Как будто из ее души разом похитили весь запас решительности.

В итоге она решила последовать совету мистера Гонта (хотя уже не могла сформулировать сам совет). Сначала она разберет почту, потом позвонит Алану и расскажет, чего от нее хотел мистер Гонт.

«Если ты это сделаешь, — мрачно заявил внутренний голос, — ацка *действительно* перестанет действовать. И ты это знаешь».

Да... но ее все равно донимали мысли о том, что правильно, а что нет. Нужно будет позвонить Алану и извиниться за свои резкие слова, а потом рассказать про мистера Гонта. Может быть, стоит даже отдать ему конверт, врученный мистером Гонтом, — тот, который она должна положить в жестянку.

Может быть.

Подумав об этом, Полли почувствовала, что ей стало немного легче. Она вставила ключ в замочную скважину входной двери — в который раз радуясь, как это легко получается, — и повернула его. Почта, как обычно, лежала на ковре у двери. Сегодня на удивление немного. Обычно после выходных с почты привозят целую груду макулатуры. Полли нагнулась и подняла весь ворох бумаг. Программа кабельного телевидения с улыбающимся, невозможно красивым лицом Тома Круза; два каталога одежды, один от «Норчау», другой от «Шарпер Имидж». Еще...

Полли увидела письмо, и ледяной ужас сковал все внутри. Патрисии Чалмерс, город Касл-Рок, из Детского

фонда сан-францисского департамента социального обеспечения... с Гири-стрит, 666. Эта контора накрепко врезалась в память Полли за время ее вынужденных визитов туда! Всего три посещения. Три разговора с тремя бюрократами из отдела помощи нуждающимся детям, двое из которых — мужики, смотревшие на нее, как ты смотришь на липкий конфетный фантик, прилипший к твоим лучшим туфлям. Третьим бюрократом оказалась невероятных размеров грузная негритянка, которая знала, как слушать и как смеяться, и именно эта женщина в итоге выдала Полли разрешение на получение материальной помощи. Да, она хорошо помнила Гири-стрит, дом 666, второй этаж. *Очень* хорошо. Она помнила, как свет из большого окна в конце коридора ложился длинным молочным бликом на линолеумный пол; она помнила раскатистый шум печатных машинок, что доносился из комнат с всегда открытыми дверьми; она помнила кучку мужчин, куривших рядом с заполненной песком урной в дальнем конце коридора, и как они на нее смотрели. И лучше всего она помнила, каково было ей приходить туда в своем лучшем выходном туалете — темный полиэстеровый брючный костюм, белая шелковая блузка, почти прозрачные чулки, туфельки с низкими каблуками, — и ощущать жуткий страх и щемящее одиночество, потому что полумрак на втором этаже дома № 666 на Гири-стрит казался ей местом без души и сердца. В конечном счете ее просьбу удовлетворили, но испытания, которые она при этом прошла... взгляды мужчин, щупавшие ее грудь (они были одеты намного лучше, чем Норвилл в столовой, но в общем-то разница была не особо заметна); губы мужчин, сжимавшиеся в чванливом неодобрении при обсуждении проблемы под названием «Келтон Чалмерс» и подзаборного отпрыска этой шлюшки, этой девчонки по вызову, которая сейчас не похожа на хиппи, но это *сейчас*, а когда она выйдет отсюда, она тут же снимет шелковую блузку и брючки, не говоря уже о лифчике, и натянет пару узких

расклешенных джинсов и подвязанную на животе рубаху, демонстрирующую соски. Их взгляды говорили сами за себя, и, хотя ответы из департамента приходили по почте, Полли сразу поняла, что в *ее* письме будет отказ. Каждый раз, выходя из этого здания, она плакала, и жгучие слезы прожгли тогда у нее на лице невидимые морщины, не разгладившиеся до сих пор. Слезы и взгляды людей на улице, беззастенчиво таращившихся на нее с тупым любопытством.

Она не хотела вспоминать о тех временах и о том коридоре, но сейчас все вернулось — так отчетливо, она даже чувствовала запах мастики для пола, видела солнечные блики на полу, слышала гулкий, сонный грохот старых механических пишущих машинок, закрашивающих чернотой еще один конторский день.

Чего им нужно? Господи, чего им может понадобиться через столько лет?!

Порви его не читая! — завопил внутренний голос, и так отчаянно и повелительно, что Полли чуть не подчинилась. Но вместо этого она все-таки вскрыла конверт. Внутри был один-единственный листок. Ксерокопия. Хотя конверт был адресован Полли, само письмо предназначалось другому человеку — шерифу Алану Пангборну. Странно...

Взгляд Полли упал на конец письма. Имя, впечатанное под подписью, ничего ей не говорило. Джон Л. Перлмуттер. Посмотрев еще ниже, она увидела в самом низу свое имя: «Копия: Патрисии Чалмерс». Это объясняло, почему письмо, адресованное Алану, попало к ней.

Полли уселась на банкетку в прихожей и начала читать. По мере чтения по ее лицу пробегали заметные волны эмоций, как облака в неспокойный, ветреный день: удивление, понимание, стыд, ужас, злость и, наконец, ярость. Один раз она закричала — *Нет!* — и вскочила на ноги, но потом заставила себя сесть и прочесть письмо еще раз. Медленно, от начала до конца.

Детский фонд сан-францисского департамента
социального обеспечения
94112, Калифорния, Сан-Франциско
Гири-стрит, 666
23 сентября, 1991

04055, Мэн, Касл-Рок
Здание муниципалитета, стр. 2.
Управление окружной полиции
Шерифу Алану Пангборну

Дорогой шериф Пангборн!

В ответ на ваше письмо от 1 сентября сего года сообщаю, что не могу предоставить вам никакой информации по вашему запросу. По правилам нашего Департамента выдавать информацию о подававших прошение на пособие для нуждающихся детей (ПНД) мы можем только по соответствующему решению суда. Я показал ваше письмо Мартину Д. Чангу, нашему главному юристу, который посоветовал мне известить вас, что копия вашего письма будет направлена генеральному прокурору Калифорнии. Я попросил мистера Чанга выяснить, насколько вообще законна ваша просьба. Какими бы ни были результаты этого расследования, позволю заметить вам от себя, что нахожу ваш интерес к жизни этой женщины в Сан-Франциско неприемлемым и оскорбительным.

Надеюсь, шериф Пангборн, что вы оставите это дело прежде, чем у вас возникнут юридические неприятности.

Искренне Ваш,

Джон Л. Перлмуттер
Заместитель директора
Копия: Патрисии Чалмерс

Прочитав это страшное письмо в четвертый раз, Полли выпрямилась и направилась в кухню. Он двигалась

медленно и грациозно — скорее плыла, чем шла. Сначала ее глаза затуманились смятением и растерянностью, но, когда она сняла трубку и набрала номер полицейского управления, ее взгляд прояснился. Теперь в нем была только злость — злость на грани ненависти.

Ее любовник копался в ее прошлом... эта мысль показалась ей одновременно невероятной и странно, пугающе правдоподобной. За последние несколько месяцев она много раз сравнивала себя и Алана Пангборна и каждый раз чувствовала себя проигравшей. Его слезы — ее фальшивое показное спокойствие, скрывавшее стыд, боль и скрытую дерзкую гордыню. Его честность — ее пусть небольшая, но ложь. Каким святым он казался по сравнению с ней! Каким обескураживающе совершенным! И каким лицемерным казалось ее желание отгородиться от прошлого!

И все это время он разнюхивал, пытаясь выяснить правду о Келтоне Чалмерсе. У нее за спиной.

— Мерзавец, — прошептала она, и костяшки ее руки, сжимавшей трубку, побелели от напряжения.

14

Обычно Лестер Пратт уходил из школы в компании нескольких друзей; они заходили к Хемфиллу, выпивали по стаканчику лимонада, а потом ехали к кому-нибудь домой, чтобы попеть гимны, во что-нибудь поиграть или просто побездельничать. Однако сегодня Лестер вышел из здания один, закинув на спину свой рюкзак (он презирал обычные учительские портфели) и повесив голову. Если бы Алан случайно увидел, как Лестер понуро плетется к стоянке, его поразило бы сходство этого человека с Брайаном Раском.

Три раза за этот день Лестер пытался связаться с Салли, чтобы выяснить, из-за каких грехов вавилонских она на него так взъелась. Последний раз — во время пятой

перемены. Он знал, что у Салли занятия в средней школе и она обязательно должна быть на месте, но ему удалось прорваться не дальше Моны Лоулесс, подруги Салли, которая преподавала математику в шестых и седьмых классах.

— Она не может подойти к телефону, — сказала ему Мона, демонстрируя теплоту, сравнимую с брикетом мороженого, пролежавшего три года во льду.

— Но почему? — спросил он, чуть ли не хныча. — Скажи мне, Мона, почему?!

— Я не знаю. — Тон Моны изменился с простого мороженого на словесный эквивалент жидкого азота. — Я знаю только, что она ночевала у Ирен Лютьенс и, похоже, всю ночь проплакала, и она говорит, что не хочет тебя видеть. —*И это все по твоей вине,* говорил холодный тон Моны, *я это знаю, потому что ты — мужик, а все мужики — козлы; это просто один из примеров, подтверждающих правило.*

— А я не понимаю, в чем дело! — закричал Лестер. — Хоть это ты ей скажи! Скажи, что я не знаю, из-за чего она на меня так злится! Скажи, что бы это ни было, это просто недоразумение, потому что я правда не знаю, в чем дело!

Последовала долгая пауза. Когда Мона заговорила вновь, ее голос стал чуточку теплее. Несильно, но все-таки чуть получше жидкого азота.

— Ладно, Лестер. Я ей передам.

Теперь он поднял голову, смутно надеясь, что Салли сидит на пассажирском сиденье у него в «мустанге», готовая поцеловаться и помириться, но машина была пуста. Единственным живым человеком поблизости был полудурок Слопи Додд, пытавшийся кататься на своем скейтборде.

Стив Эдвардс нагнал Лестера и шлепнул его по плечу.

— Лес, дружище! Зайдешь ко мне на стаканчик коки? Ребята должны подтянуться. Мы собираемся поговорить об оскорбительной наглости католиков. Сегодня в церкви

большое собрание, если ты помнишь, и было бы очень неплохо, если бы вся верующая молодежь выступила единым фронтом, когда дойдет до принятия решений. Я говорил с Доном Хемфиллом, и тот ответил: молодцы, давайте действуйте. — Он посмотрел на Лестера, как будто ожидая подзатыльника.

— Сегодня я не смогу, Стив. Как-нибудь в другой раз.

— Лес, ну как же ты не понимаешь?! Другого раза может и не быть! На этот раз папские прихвостни не шутят!

— Я не смогу прийти, — повторил Лестер. «А если ты не дурак, — говорило его лицо, — то перестанешь меня доставать».

— Да, но... почему?

Потому что я должен выяснить, что так взбесило мою девушку, подумал Лестер. *И я это выясню, даже если придется вытрясти из нее правду.*

А вслух он сказал:

— У меня дела, Стив. Важные дела. Поверь мне на слово.

— Если это из-за Салли, Лес...

У Лестера угрожающе сверкнули глаза.

— Насчет Салли ты лучше заткнись!

Стив, человек по природе своей мягкий и неагрессивный, которого растормошила возня вокруг «Ночи в казино», пока еще недостаточно раскочегарился для того, чтобы перешагнуть через столь ясно очерченную Лестером Праттом черту. Но сдаваться он тоже не собирался. Без Лестера Пратта собрание «Верующей молодежи» было пустой тратой времени, пусть даже все остальные придут на собрание в полном составе. Поэтому Стив попытался уговорить Лестера:

— Ты же знаешь про анонимку, которую подбросили Биллу?

— Да, — ответил Лестер.

Преподобный Роуз нашел открытку на полу вестибюля: ту гадостную открытку, адресованную «Вонючему жи-

воглоту». Преподобный пустил ее по кругу на спешно созванном собрании «Верующей молодежи», потому что, как он сказал, в такое невозможно поверить, пока не увидишь своими глазами. Трудно полностью осознать, добавил преподобный Роуз, в какие глубины греха готовы ввергнуть себя католики, лишь бы заткнуть рот благочестивым противникам их сатанинской ночи порока; возможно, увидев своими глазами этот мерзкий плевок, «честные молодые люди» поймут, с кем имеют дело. «Народная мудрость гласит: предупрежден, значит... э... вооружен», — завершил свою речь преподобный Роуз. Потом он вынул открытку (она лежала в пластиковой папочке, словно была заразной) и пустил ее по рукам.

Когда Лестер ее прочитал, он был готов настучать по башке всем городским католикам, но сейчас вся эта затея казалась ему маловажной и немного детской. И правда, кому будет хуже, если католики поиграют на игрушечные деньги, а потом раздарят несколько пар новых шин и кухонных приборов? Когда доходило до выбора между католиками и Салли Рэтклифф, Лестер знал, что его больше волнует.

— ...собрании, чтобы выработать решения и спланировать наши последующие шаги! — продолжал Стив. Он снова разгорячился: — Мы должны перехватить инициативу, Лес... мы обязаны! Преподобный Билл говорит, что эти так называемые католики, которым не все равно, пока только болтают. Но их следующий шаг может...

— Слушай, Стив, делай что хочешь, *но оставь меня в покое!*

Стив запнулся и ошалело уставился на Лестера, явно ожидая, что Лестер, обычно самый невозмутимый из всех парней, сейчас опомнится и извинится. Когда стало ясно, что извинений не будет, он развернулся и пошел обратно к школе.

— Ну и настроение у тебя сегодня, — сказал он, отойдя на приличное расстояние.

— Вот именно! — язвительно крикнул ему вслед Лестер. Он сжал кулаки и вызывающе подбоченился.

Лестер был не просто зол; он страдал, у него все болело, и, самое главное, у него болела душа, и ему было просто необходимо все это на ком-нибудь выместить. Нет, конечно, не на бедняге Стиве Эдвардсе; то, что он позволил себе разозлиться на Стива, как будто включило в нем некое реле. Реле послало заряд электричества на мозговые устройства, которые обычно не подавали признаков жизни. Впервые с тех пор, как Лестер влюбился в Салли, он — обычно само спокойствие — жутко на нее разозлился. Какое право она имела его посылать?! Какое право она имела обзывать его мерзавцем?!

Она на что-то разозлилась, правильно? Да, конечно, она разозлилась. Может, он даже дал ей какой-то повод. Он понятия не имел, что бы это могло быть, но скажем (в качестве предположения), что он действительно дал ей повод. Но разве это дает ей право вот так срываться и даже не дать ему возможности объясниться? Разве это дает ей право ночевать у Ирен Лютьенс, чтобы он не мог к ней прорваться, или отказываться говорить с ним по телефону, или брать в качестве парламентера Мону Лоулесс?!

Я найду ее, подумал Лестер, *и выясню, что ее так расстроило. А когда все выяснится, мы помиримся. А когда мы помиримся, я прочту ей лекцию, которую читают всем новичкам, начинающим заниматься баскетболом: о том, что доверие — ключ к командной игре.*

Он снял с плеча рюкзак, закинул его на заднее сиденье и сел в машину. Его внимание привлек какой-то предмет, торчавший из-под пассажирского сиденья. Похоже, бумажник.

Лестер поднял его, решив сперва, что его обронила Салли. Если она забыла его в машине в прошлые выходные, то сейчас уже должна была бы хватиться. Она будет волноваться. И если он успокоит ее насчет бумажника, остальная часть разговора может пойти уже легче.

Но этот бумажник не был похож на кошелек Салли; он понял это после первого же осмотра. Бумажник был черный и кожаный. А у Салли был синий бархатный кошелек, причем намного меньше.

Удивленный, Лестер открыл бумажник. Первое, что бросилось ему в глаза, ударило, как бревно, в солнечное сплетение. Удостоверение офицера полиции Джона Лапуанта.

Какого дьявола Джон Лапуант делал в *его* машине?!

Все выходные машина была у Салли, услужливо подсказала память. *Так какого черта, ты думаешь, он делал в твоей машине?*

— Нет, — сказал он. — Нет, не может быть. Она не станет с ним встречаться. Ни за что на свете.

Но она с ним *встречалась*. Она встречалась с помощником шерифа Джоном Лапуантом больше года, вопреки нараставшей вражде между католиками и баптистами Касл-Рока. Правда, разошлись они еще до скандала с «Ночью в казино», но...

Лестер вышел из машины и начал копаться в кармашках бумажника. Его изумление росло. Вот права Джона, с фотографией, где у него еще маленькие усики, которые он отращивал, ухаживая за Салли. Некоторые ребята называют такие усики «губкощекоталками». А вот охотничья лицензия Джона. Вот фотографии его родителей. Рыболовная лицензия. А вот... вот...

Лестер ошалело уставился на снимок, лежавший в самом низу. Джон и Салли. Парень и его девушка. Они стояли перед какой-то палаткой, напоминающей ярмарочный тир. Они смотрели друг на друга и смеялись. Салли держала в руках пушистого плюшевого медведя. Лапуант, похоже, только что выиграл для нее эту игрушку.

Лестер таращился на фотографию. На лбу у него билась жилка.

Как она его назвала? Лживый ублюдок?

— Кто бы говорил, — прошептал Лестер Пратт.

Внутри вспыхнула ярость. Это произошло мгновенно. И когда кто-то дотронулся до его плеча, Лестер быстро развернулся, выронив бумажник и сжав кулаки. Он чуть не врезал безобидному заике Слопи Додду, да так, что если бы все-таки врезал, тот бы отлетел на середину стоянки, если не дальше.

— Ты-ты-тыренер П-пратт? — промямлил Слопи. Его глаза были величиной с полдолларовую монету, но испуган он не был. Заинтересован, но не испуган. — У в-в-вас в-все в по-порядке?

— Все хорошо, — глухо сказал Лестер. — Иди домой, Слопи. Не надо кататься на скейтборде по стоянке.

Он нагнулся, чтобы поднять бумажник, но Слопи был на два фута ближе к земле и опередил его. С удивлением взглянув на фото Джона Лапуанта на водительских правах, Слопи сказал:

— Уху. Т-тот же са-а-амый п-п-парень.

Он прыгнул на свою доску и собрался уезжать. Лестер успел схватить его за майку. Доска выскочила из-под ног Слопи, покатилась дальше, наткнулась на ямку и перевернулась. Майка Слопи, с эмблемой AC/DC — «Если ты рокер, ты с нами!» — разошлась по шву на вороте, но Слопи не стал возмущаться; казалось, он вообще был не особенно удивлен действиями Лестера, не говоря уже о том, что он нисколечко не испугался. Но Лестер этого не заметил. Лестеру было не до нюансов. Он был из тех больших и обычно спокойных людей, скрывающих под спокойствием резкий, взрывной темперамент — разрушительный торнадо, выжидающий подходящего момента. Есть люди, которые всю жизнь живут и не знают, что в них таится. Но Лестер все-таки обнаружил в себе этот бешеный шторм (или, скорее, наоборот: бешеный шторм обнаружил Лестера) и теперь полностью находился во власти стихии.

Сжав майку мальчика в кулаке размером почти что с брусок консервированной ветчины, Лестер нагнулся к Слопи. Вена в центре его лба запульсировала сильнее.

— Что значит «тот же самый»?

— Это тот же па-парень, что вы-встретил м-м-мисс Ра-ра-рэтклифф после школы в п-пятницу.

— Он встретил ее после школы? — хрипло переспросил Лестер. Он встряхнул Слопи так, что у того клацнули зубы. — Ты уверен?

— Да, — сказал Слопи. — Они у-уехали на вашей м-ммашине, т-тренер Пратт. М-машину вел о-он.

— Вел машину? Сидел за рулем? Джон Лапуант вел мою машину, а рядом сидела Салли?!

— Н-ну этот в-вот, — сказал Слопи, тыча пальцем в фотографию. — П-перед тем как с-сесть, он ее п-п-поцеловал.

— Поцеловал, — пробормотал Лестер. Его лицо окаменело. — Значит, поцеловал.

— О, ка-ка-канечно, — ответил Слопи, и у него на лице расцвела широкая (чуть ли не порочная) улыбка.

Вкрадчивым, бархатным голосом, так не похожим на его обычный тон «давайте им всем врежем», Лестер спросил:

— А она его поцеловала? Как думаешь, Слопи?

Слопи радостно выкатил глаза.

— Я бы с-сказал, что д-да! Они п-просто вз-засос целовались, т-тренер Пратт!

— Взасос, значит, — пропел Лестер своим новым бархатным голосом.

— Аха!

— По-настоящему, без шуток? — уточнил Лестер.

— То-точно.

Лестер отпустил Слопестера (как его называли новые знакомые) и выпрямился. Вена посреди его лба вздулась, как пожарный шланг. Он улыбнулся. Улыбка была неприятной, она демонстрировала намного больше зубов, чем полагается иметь нормальному человеку. Его голубые глаза сжались в маленькие треугольнички. Короткая стрижка стояла дыбом и торчала во все стороны.

— Ты-ты-тыренер Пратт? — спросил Слопи. — Что-то н-н-не т-так?

— Нет, — сказал Лестер Пратт своим новым бархатным голосом. Улыбка даже не шелохнулась. — Ничего непоправимого. — В мыслях он уже схватил за горло лживого, папалюбивого, плюшемедведевыигрывающего, девицекрадущего, дерьмоедствующего лягушатника Джона Лапуанта. Дерьмо, а не человек. Дерьмо, научившее девушку, которую Лестер любил, девушку, даже не разнимавшую губ, когда Лестер ее целовал, целоваться взасос.

Сначала он разберется с Джоном Лапуантом. А потом поговорит с Салли.

Что-то типа того.

— Ничего непоправимого, — повторил он своим новым голосом и скользнул обратно за руль «мустанга». Машина заметно накренилась под двумястами двадцатью фунтами живого веса, уместившимися в водительском кресле. Лестер завел двигатель, мотор издал несколько голодных тигриных рыков, и машина сорвалась с места, взвизгнув шинами. Слопестер пошел к своему скейтборду, кашляя и театрально отмахиваясь от пыли.

Воротник его старой майки был полностью оторван и теперь болтался на торчащих ключицах Слопи, как круглое черное ожерелье. Мальчик улыбался. Он сделал все, как сказал мистер Гонт, и сделал безупречно. Тренер Пратт как будто совсем рехнулся.

Сейчас можно было вернуться домой и посмотреть на чайник.

— Н-но я все ра-а-авно хотел б-бы пе-перестать заикаться, — заметил Слопи, не обращаясь ни к кому конкретно.

Он вспрыгнул на скейтборд и уехал.

15

Шейле пришлось попотеть, чтобы соединить Алана с Генри Пейтоном — ей даже показалось, что она потеряла связь с Генри и теперь придется ему перезванивать, —

и как только она завершила все технологические операции, загорелся сигнал персонального телефона Алана. Шейла отложила сигарету, которую собиралась прикурить, и подняла трубку.

— Полицейское управление округа Касл, номер шерифа Пангборна.

— Привет, Шейла, мне надо поговорить с Аланом.

— Полли? — Шейла нахмурилась. Она сразу узнала Полли, но впервые слышала, чтобы та говорила так, как сейчас: холодно и отрывисто, как секретарша в большой компании. — Это ты?

— Да, — сказала Полли. — Мне надо срочно поговорить с Аланом.

— Ой, Полли, сейчас нельзя. Он разговаривает с Генри Пейтоном...

— Поставь на ожидание, — перебила ее Полли. — Я подожду.

Шейла разволновалась:

— Ну... ой... Я-то поставлю, но это будет сложнее. Понимаешь, Алан как бы... на выезде. Я Генри через рацию пустила.

— Если пустила Генри, сможешь и меня с ним связать, — холодно сказала Полли. — Так?

— Да, но я не знаю, сколько времени...

— Мне не важно, сколько они будут разговаривать, — заявила Полли. — Поставь меня на ожидание, и когда они закончат, соедини с Аланом. Я бы не стала настаивать, но это действительно важно, ты же знаешь, Шейла.

Да, Шейла знала. Но она знала и другое: Полли начала ее пугать.

— Полли, с тобой все в порядке?

Последовала длинная пауза. Потом Полли ответила вопросом на вопрос:

— Шейла, ты печатала для шерифа Пангборна какие-нибудь письма, адресованные в Детский фонд Департамента социального обеспечения в Сан-Франциско? Или, может, видела конверт с таким адресом?

В мозгу у Шейлы зажегся красный сигнал тревоги — даже целая батарея. Для нее Алан был почти кумиром, а Полли Чалмерс явно в чем-то его обвиняла. Шейла не знала в чем, но обвинительный тон она учуяла сразу.

— Мы не можем разглашать подобную информацию, — сказала она, и ее собственный тон стал холоднее на двадцать градусов. — Наверное, тебе лучше спросить у шерифа.

— Да, наверное, так будет лучше. Поставь меня в очередь и, когда сможешь, соедини с ним.

— Полли, что случилось? Ты злишься на Алана? Ты же знаешь, что он никогда не сделает чего-то та...

— Я уже ничего не знаю, — сказала Полли. — Если я спросила тебя о чем-то таком, о чем нельзя спрашивать, то прошу прощения. А теперь, пожалуйста, поставь меня на ожидание и соедини, как только он освободится, или мне придется выйти и искать его самой.

— Нет, не надо. Я соединю, — сказала Шейла. Она чувствовала, что случилось что-то ужасное. Как многие женщины Касл-Рока, она думала, что Алан и Полли отчаянно любят друг друга, и, как многие женщины Касл-Рока, Шейла хотела видеть в них героев сказки, где все хорошо кончается... где любовь обязательно побеждает. Но сейчас Полли была не просто рассержена; она была полна боли и чего-то еще. Шейле показалось, что ненависти. — Ставлю на ожидание. Уже поставила.

— Прекрасно, спасибо, Шейла.

— Не за что. — Она нажала кнопку «очередь», прикурила сигарету и глубоко затянулась, хмуро глядя на тлеющий огонек.

16

— Алан? — кричал в трубку Генри Пейтон. — Алан, ты меня слышишь? — Голос, как у футбольного комментатора в пустой жестяной коробке.

— Слышу, Генри.

— Мне полчаса назад позвонили из ФБР, — проквакал Генри из рации. — Нам дико повезло с отпечатками.

Сердце Алана забилось чаще.

— С дверной ручки в доме Нетти? Которые смазанные?

— Да. У нас уверенное совпадение с одним жителем твоего города. Причина задержания: мелкая кража в 1977-м. С него сняли отпечатки.

— Не тяни, кто это?

— Имя этого человека: Хью Альберт Прист.

— Хью Прист?! — Алан подумал, что он ослышался. Даже если бы Генри назвал Дж. Дэнфорда Куэйла*, то он бы, наверное, удивился меньше. Насколько Алан был в курсе, Хью Прист даже не был знаком с Нетти. — Зачем Хью Присту было убивать Неттину собаку? Или бить Вильмины окна?

— Я не знаю этого джентльмена, поэтому не скажу, — ответил Генри. — Почему бы тебе не спросить у него самого? Вообще, почему бы тебе прямо сейчас не поехать, пока он не решил посетить родственников в Пересохшем Болоте, что в Южной Дакоте?

— Правильно, — сказал Алан. — Поговорим позже, Генри. Спасибо.

— Только держи меня в курсе. Считается, что это все же моя операция.

— Хорошо. Как только, так сразу.

Раздался резкий металлический щелчок, и дальше рация передавала только гул телефонной линии. Алан мельком представил, что сказали бы «AT&T» и «Nynex» по поводу издевательств над их аппаратурой, и собрался повесить микрофон на место. Но тут телефонный гул прервал голос Шейлы Брайхем — нехарактерно нерешительный.

— Шериф, у меня на проводе Полли Чалмерс. Она просит, чтобы я соединила ее по рации как можно быстрее. Прием.

---

*В те годы — вице-президент США.

Алан моргнул.

— Полли? — Неожиданно он испугался, как обычно пугаешься, когда телефон звонит в три часа ночи. Полли никогда раньше не требовала такой срочной связи, и, если бы его спросили, Алан сказал бы, что никогда и не потребует: это шло бы вразрез с ее представлениями о корректном поведении, а для Полли корректное поведение было очень даже важным. — А что случилось, Шейла, она не сказала? Прием.

— Нет, шериф.

Нет. Конечно же, нет. Он это тоже знал. Полли не любила распространяться о своих проблемах. И если бы Алан не был так удивлен, он бы не задал этого вопроса.

— Шериф?

— Соединяй, Шейла. Прием.

— Отбой, шериф.

Щелк!

Он стоял, освещенный солнцем, и его сердце билось слишком сильно и слишком часто. Ему это не нравилось.

Снова — *щелк!* — и потом голос Шейлы, далекий, почти неслышный:

— Полли, можешь говорить, связь включена.

— Алан? — Звук был таким громким, что он отпрянул. Это был голос сказочного великана... злого великана. Он сразу все понял — хватило одного слова.

— Да, Полли, я слушаю.

Пауза. Где-то далеко-далеко жужжали и гудели другие голоса, другие разговоры. У него было время подумать, что разговор оборвался... он почти надеялся на это.

— Алан, я знаю, что линия прослушивается, — сказала она. — Но ты поймешь, о чем я. Как ты мог? Как ты мог?!

Что-то знакомое было в этом разговоре. *Что-то...* но что?

— Полли, я не понимаю.

— Все ты понимаешь, — сказала она. Ее голос становился все ниже, все неразборчивее, и Алан понял, что если она и не плачет сейчас, то скоро расплачется. — Это так

тяжело: узнать, что твои представления о человеке оказываются неправильными... ты думаешь, ты его знаешь, этого человека... но вдруг оказывается, что не знаешь. Трудно осознавать, что лицо, которое ты любила, оказалось маской.

Что-то знакомое. Да, конечно. Теперь Алан понял *что*. Это как в кошмарах, в которых он раз за разом переживал гибель Энни и Тодда. В кошмарах, в которых он стоял на обочине и наблюдал, как они проезжают мимо на «скауте». Они ехали навстречу смерти. Он пытался махать руками, но руки были слишком тяжелыми. Он пытался кричать, но забыл, как открыть рот. Они проезжали мимо, словно он был невидим. И сейчас то же самое: для Полли он стал невидим.

— Энни... — Он с ужасом понял, *чье* имя произнес, и быстро поправился. — *Полли*. Я не понимаю, о чем ты говоришь, Полли, но...

— Понимаешь! — неожиданно закричала она. — Не отпирайся! Не мог дождаться, пока я сама не скажу? Но ведь ты мог бы спросить! Почему ты решил разнюхивать за моей спиной? *Как ты посмел разнюхивать за моей спиной?!*

Он закрыл глаза в попытке остановить бешеный бег спутанных мыслей — не помогло. Вместо этого перед глазами встала уродливая картина: Майк Нортон, из норвежского «Джорнал-Реджистер», согнувшись над микропленкой газеты, яростно строчит что-то в блокноте своим куриным почерком.

— Я действительно не понимаю, о чем ты. Тут какое-то недоразумение. Давай встретимся, поговорим...

— Нет. Я не уверена, что хочу тебя видеть.

— Нет, нам *надо* встретиться. Я буду через... я буду...

Но в голове звучал голос Генри Пейтона. *Почему бы тебе прямо сейчас не поехать, пока он не решил посетить родственников в Пересохшем Болоте, что в Южной Дакоте?*

— Ты будешь что? — спросила она. — Ты будешь *что?*

— Я кое-что вспомнил, — медленно сказал Алан.

— Ой, правда? Уж не о том ли письме, которое ты написал в начале сентября? В Сан-Франциско?

— Я понятия не имею, о чем ты, Полли. Сейчас я не могу приехать, потому что возникли... другие дела, очень срочные. По работе. Но позже...

В аппарате что-то трещало, но Алан все равно очень ясно расслышал, что сказала ему Полли:

— Алан, как ты не понимаешь?! Не будет никаких *позже*, все кончено. Ты...

— Полли, *пожалуйста*...

— Нет! Оставь меня! Оставь меня в покое, ты... мерзавец, полицейская ищейка!

Щелк!

И снова — лишь гул телефонной линии. Алан поднял голову и осмотрелся, словно не понимая, где он и как сюда попал. Взгляд был рассеянным и озадаченным, такое выражение бывает у боксеров за секунду до того, как их колени подломятся и они улягутся на ринг в тяжелом нокауте.

Как такое могло случиться? Тем более так *быстро?*

Алан не имел представления. Похоже, на прошлой неделе у всего города малость поехала крыша... и Полли тоже подцепила инфекцию.

Щелк!

— Э-э-э... шериф? — Голос Шейлы, и по ее приглушенному, неуверенному тону Алан сразу понял, что по крайней мере часть его разговора с Полли не миновала ее ушей. — Алан, как слышишь? Алан?

Алану вдруг захотелось — *страшно* захотелось — выдрать микрофон из рации и зашвырнуть его в кусты за тротуаром. И уехать. Куда угодно. Перестать думать обо всем этом и просто поехать за солнцем.

Вместо этого он собрал всю свою волю и заставил себя думать про Хью Приста. Так было нужно, потому что, кажется, именно действия Хью привели к смерти двух женщин. Сейчас нужно было заняться Хью, а не Полли... и от этой мысли Алан почувствовал громадное облегчение.

Он нажал на кнопку ПЕРЕДАЧА.

— Да, Шейла. Прием.

— Алан, связь с Полли, кажется, оборвалась. Я... э-э... ты только не подумай, что я подслушивала, но...

— Все нормально, Шейла, мы уже закончили. — В этом выражении был еще один, страшный смысл, но он не стал об этом задумываться. — Кто сейчас где находится? Прием.

— Джон скоро подъедет сюда, — сказала Шейла, явно обрадованная сменой темы. — Клат патрулирует. Около Касл-Вью, согласно последней отметке.

— Хорошо. — Перед мысленным взором Алана попыталось всплыть лицо Полли, искаженное дикой ненавистью. Он отогнал его и сосредоточился на Хью Присте. Какую-то пугающую секунду он вообще не видел лиц — только зияющую пустоту.

— Алан? Ты там? Прием.

— Да, куда же я денусь. Свяжись с Клатом и скажи, чтобы он подъехал к дому Хью Приста в конце дороги на Касл-Хилл. Он знает где. Я думаю, Хью сейчас на работе, но если вдруг у него выходной, пусть Клат заберет его и привезет в управление для допроса.

— Поняла.

— Пусть соблюдает максимальную осторожность. Скажи ему, что Хью подозревают в причастности к смертям Нетти Кобб и Вильмы Ержик.

— Ого! — Шейла сразу встревожилась и заинтересовалась. — Поняла, шериф.

— Сам я еду на автобазу. Надеюсь, что Хью там. Отбой.

Он повесил микрофон на место (ощущение было такое, что он продержал микрофон в руках года четыре, не выпуская) и подумал: *Если бы ты сказал Полли то, что только что выдал Шейле, ситуация была бы, наверное, не такой безнадежной.*

Или нет... как можно говорить такое, когда не знаешь, что творится на самом деле? Полли обвинила его в том,

что он что-то разнюхивает у нее за спиной. Слишком все это обобщенно, без малейших намеков на что-то конкретное. И это еще не все. Попросить диспетчера пропустить телефонный звонок через рацию было нормальной частью полицейской работы. То же самое — дать знать своим офицерам, что они имеют дело с опасным человеком. А вот делиться такой информацией со своей девушкой по открытой радиотелефонной линии — совсем другое дело. Он все сделал правильно и прекрасно это знал.

Однако это не успокоило боли в сердце. Алан вновь попытался сосредоточиться на предстоящем деле: поиск Хью Приста, его арест, вызов к нему чертова адвоката, если таковой потребуется, и, наконец, вопрос, зачем он проткнул штопором собаку Нетти Кобб.

Ему действительно удалось отвлечься на пару минут, но, когда он завел двигатель и развернулся, у него перед глазами все равно стояло лицо Полли, а вовсе не Хью.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

В то же самое время, когда Алан направлялся в другую часть города, чтобы арестовать Хью Приста, Генри Бофорт стоял около своего «тандерберда» и внимательно его разглядывал. В руке он держал записку, вынутую из-под дворника. Урон, нанесенный шинам этим пропитым ублюдком, еще можно было восстановить, но царапина, красовавшаяся по всему правому боку машины, разъярила его окончательно.

Генри еще раз прочел записку, а потом зачитал ее вслух:

— «Не смей указывать мне, когда пить, а когда не пить! И только попробуй еще раз не отдать мне ключи от моей машины, дерьмовый французик!»

Кому он в последнее время не давал надираться? Куче народу. Редкая ночь проходила без того, чтобы он не отказал кому-то в выпивке. Но ключи... такой человек был только один.

Один.

— Скотина, — тихо и задумчиво произнес владелец и управляющий «Подвыпившего тигра». — Тупой недоношенный сукин сын.

Он собрался зайти в дом за ружьем, но передумал. «Тигр» был как раз по дороге, а там, за барной стойкой, стоял специальный ящик, в котором хранился двуствольный винчестер со спиленными стволами. Генри держал его там еще с тех пор, когда его пытался ограбить этот кретин Туз Мерилл. У Генри не было разрешения на хранение оружия, тем более что такой обрез был абсолютно незаконным, и Генри ни разу им не воспользовался.

Но сегодня, возможно, придется.

Он потрогал уродливую царапину, которую Хью оставил на боку его «тандерберда», и смял записку в кулаке. Билли Таппер сейчас уже должен быть в «Тигре»: пол помыть, крышки выгрести. Генри возьмет обрез и одолжит у Билли его «понтиак». И откроет сезон охоты на мудаков.

Генри швырнул скомканную записку на газон.

— Ты опять принялся за таблетки, Хью, но после сегодня тебе уже не придется их пить. Никогда; это я гарантирую. — Он в последний раз провел рукой по царапине. Никогда в жизни он так не злился. — Я гарантирую, сволочь.

Он быстрым шагом направился к бару.

2

Учиняя разгром в спальне Джорджа Т. Нельсона, Фрэнк Джуитт нашел под матрасом двуспальной кровати пол-унции кокаина. Он смыл порошок в унитаз и, наблюдая за водоворотом, вдруг почувствовал позывы в кишеч-

нике. Начал было расстегивать штаны, но потом передумал и вернулся в разоренную спальню. Фрэнк подумал, что он, наверное, сошел с ума, но это его уже не волновало. Сумасшедшие не задумываются о будущем. Сумасшедших будущее не тревожит.

Среди немногих непотревоженных вещей, оставшихся в спальне Джорджа Т. Нельсона, была фотография на стене. Фотография какой-то старушки. Она была вставлена в дорогую золотую рамочку, и поэтому Фрэнк предположил, что на снимке — боготворимая Джорджем Т. Нельсоном оного Джорджа Т. Нельсона мамочка. Новый позыв в животе. Фрэнк снял фотографию со стены и положил на пол. Потом расстегнул штаны, аккуратно сел сверху на корточки и сделал сами понимаете что.

Это был апогей того дня, который, как оказалось впоследствии, был просто поганым днем. Хуже некуда.

3

Ленни Партридж, старейший житель Касл-Рока и обладатель именной тросточки от «Бостон пост», которая до него принадлежала тетушке Эвви Чалмерс, к тому же водил и самую старую в Касл-Роке машину — «шевроле бел-эйр» 1966 года, которая когда-то была белой. Теперь она приобрела оригинальный смазанный цвет, вернее, отсутствие цвета — назовем это оттенком дорожной грязи. Машина была не в самом хорошем состоянии. Заднее стекло несколько лет назад пришлось поменять на хлопающий всепогодный пластик, металл днища так проржавел, что сквозь сложную резьбу по ржавчине была видна дорога, а выхлопная труба висела, как истлевшая рука человека, умершего в очень засушливой местности. Все прокладки давным-давно пришли в негодность. Когда Ленни вел свой «бел-эйр», вокруг распространялись клубы вонючего синеватого дыма, поэтому поля, через которые он каждый день проезжал по пути в город, выглядели

так, словно какой-то летчик-убийца только что опрыскал их гербицидами. «Шевроле» сжирал три (а иногда и четыре) кварты масла в день. Это ненормальное количество совершенно не беспокоило Ленни — он покупал у Сонни Джакетта переработанное даймондовское масло в пятигалонных пластиковых канистрах, каждый раз напоминая Сонни том, чтобы тот скостил ему десять центов... скидка почетного долгожителя. А поскольку его «бел-эйр» никогда не ездил со скоростью выше тридцати миль в час, можно было с уверенностью предположить, что эта машина протянет дольше, чем сам Ленни.

Как раз в то время, когда Генри Бофорт шагал по дороге к «Подвыпившему тигру», почти в пяти милях оттуда, с другой стороны Оловянного моста, Ленни вел свой ржавый «бел-эйр» к вершине Касл-Вью.

А там посреди дороги стоял человек, подняв обе руки в повелительном жесте. Он был босиком и по пояс голый. Из всей одежды на нем были только штаны цвета хаки с расстегнутой ширинкой и какой-то побитый молью меховой шнурок.

Сердце в костлявой груди Ленни сделало сальто с переворотом, и он вдавил в пол педаль тормоза — обеими ногами, обутыми в медленно разлагающиеся тапочки. Вдавил так, что педаль чуть не коснулась асфальта, и «бел-эйр» остановился буквально в трех футах от человека на дороге, в котором Ленни узнал Хью Приста. Хью даже не сдвинулся с места. Когда машина остановилась, он быстро подбежал к водительской дверце. Ленни сидел и таращился на него, судорожно прижав обе руки к байковой фуфайке и пытаясь понять, разорвалось у него сердце или еще нет.

— Хью! — выдохнул Ленни. — Какого дьявола ты вытворяешь?! Я тебя чуть не переехал! Я...

Хью открыл водительскую дверцу и попытался влезть внутрь. Облысевшее боа у него на шее качнулось вперед, и Ленни отшатнулся. Оно было похоже на полусгнивший

лисий хвост, почти лишенный остатков меха. К тому же от него воняло.

Хью схватил его за грудки и выволок из машины. Ленни взвизгнул от ужаса и негодования.

— Извини, старичок, — сказал Хью бесстрастным голосом человека, у которого есть проблемы побольше этой. — Мне нужна твоя машина. Моя немножечко... не работает.

— Не смей...

Но Хью все-таки посмел. Он швырнул Ленни через дорогу, словно старик был мешком тряпья. Когда Ленни приземлился, раздался отчетливый хруст, и его возмущенные вопли сменились скорбными, плаксивыми криками боли. Он сломал ключицу и два ребра.

Не обращая внимания на крики старика, Хью сел за руль «шевроле» и надавил на газ. Двигатель взвыл, словно от удивления, и из болтавшейся на честном слове выхлопной трубы вырвалось облако синего дыма. Хью поехал вниз по склону холма и успел набрать пятьдесят миль в час раньше, чем Ленни Партридж сумел перевалиться на спину.

4

Энди Клаттербак свернул на Касл-Хилл-роуд примерно в 15.35. Он проехал мимо старого масложора Ленни Партриджа и не обратил на него внимания; мысли Клата были полностью заняты Хью Пристом, а старый ржавый «бел-эйр» был совсем из другой оперы.

Клат не имел ни малейшего представления, как и почему Хью Прист может быть связан со смертями Вильмы и Нетти. Ну и ладно — он простой солдат, и ему не надо думать. *Как* и *почему* — это работа других, и сегодня он был доволен таким раскладом, как никогда. Он знал одно: Хью — грязный пьянчуга, которого не исправили годы.

Такой тип способен на все... и особенно хорошо надравшись.

Он скорее всего все равно на работе, подумал Клат, но, приближаясь к развалюхе, которую Хью называл своим домом, все-таки отстегнул хлястик на кобуре служебного пистолета. Просто на всякий пожарный. И тут он заметил солнечный блик, отразившийся от стекла и хрома автомобиля, стоявшего у дома Хью, и его нервы напряглись, как телеграфные провода при сильном ветре. Машина Хью стояла на месте, а если чья-то машина стоит у дома, то ее хозяин, как правило, находится в доме. Это непреложный факт провинциальной действительности.

Когда Хью уходил из дома пешком, он повернул направо, в сторону холма. Если бы Клат посмотрел в том направлении, он бы заметил Ленни Партриджа, лежащего на бруствере дороги и копошащегося, как цыпленок, принимающий пылевую ванну; но он туда не смотрел. Тонкие, птичьи крики Ленни доходили до ушей Клата, но проходили сквозь мозг, не вызывая ни малейшего отклика.

Перед тем как выбраться из машины, Клат достал пистолет.

5

Уильяму Тапперу было всего девятнадцать, и он никогда бы не стал лучшим студентом Кембриджа, но ему все же хватило ума насторожиться, когда Генри вошел в «Тигра» в двадцать минут четвертого в последний день тихого, мирного существования Касл-Рока. Ему хватило ума и для того, чтобы понять: лучше не спорить и отдать Генри ключи от «понтиака». В таком состоянии Генри (который в других обстоятельствах был лучшим боссом из всех, на кого Билли когда-либо работал) просто вырубил бы его и все равно взял бы ключи.

В первый и, наверное, единственный раз в своей жизни Билли пошел на хитрость.

— Генри, — сказал он робко, — мне кажется, тебе надо выпить. Я бы тоже не прочь. Давай я налью по рюмке нам обоим, а потом ты пойдешь по своим делам.

Генри скрылся за барной стойкой. Билли слышал, как он там копается и пыхтит, ругаясь себе под нос. Наконец он выпрямился, держа в руках прямоугольную деревянную коробку с маленьким замком. Он положил коробку на стойку бара и принялся перебирать связку ключей, висевшую у него на поясе.

Он обдумал сказанное Билли, хотел отказаться, но потом передумал. Почему бы не пропустить стаканчик; это успокоит и руки, и нервы. Он нашел нужный ключ, открыл замок и отложил его в сторону.

— Ладно, но если пить, то тогда прямо сейчас. «Шивас». Тебе — простой, мне — двойной. — Он наставил палец на Билли. Билли невольно отпрянул, ему вдруг показалось, что Генри сейчас добавит: *Но ты идешь со мной.* — И не говори своей матушке о том, что я тебе разрешаю тут пить спиртное, ты понял?

— Да, сэр, — с облегчением согласился Билли и быстренько побежал за бутылкой, пока Генри не передумал. — Прекрасно понял.

6

Дик Брэдфорд, человек, управлявший самым большим и самым дорогим предприятием Касл-Рока — Управлением общественных работ, — был сильно расстроен.

— Нет, его здесь нет, — сказал он Алану. — И сегодня вообще не было. Если увидишь его раньше меня, сделай одолжение, скажи ему, что он уволен.

— Дик, а чего ты вообще его столько держал?

Они стояли на солнцепеке у входа в городской гараж № 1. Слева, у склада, стоял грузовик, с которого трое

мужчин сгружали маленькие, но явно тяжелые ящики. На каждом ящике стоял значок: красный ромбик — знак взрывчатых материалов. Из сарая доносился гул кондиционера. Непривычно было слушать включенный кондиционер в октябре, но в плане погоды эта неделя в Касл-Роке была совершенно непредсказуемой.

— Я держал его дольше, чем следовало бы, — признался Дик, пригладив седеющую шевелюру. — Мне казалось, что где-то внутри в нем скрывался неплохой человек. — Дик был плотным и коренастым мужчиной — с гидрантами вместо ног, — и вид у него был воинственный, словно в любую минуту он был готов дать кому-то под зад. Однако Дик был одним из самых мягких и добрых людей из всех, кого знал Алан. — Если он не был пьян или накачан таблетками, то работал как зверь. И у него в лице было что-то такое, что заставляло поверить, что он все-таки не из тех, кто будет пить до посинения... до тех пор, пока дьявол не вручит им путевку в ад. Может, будь у него постоянная работа, он бы выправился и встал на ноги. Но в последнюю неделю...

— Что в последнюю неделю?

— Мужик вообще съехал с катушек. Выглядел так, будто постоянно ходил под мухой, причем я не имею в виду только выпивку. Глаза запали... и когда он с тобой говорил, он не смотрел тебе в глаза — все время куда-то в сторону. И еще, он начал разговаривать сам с собой.

— О чем?

— Понятия не имею. Сомневаюсь, что кто-нибудь из ребят знает. Мне не нравится увольнять людей, но насчет Хью я решил твердо. Еще до того, как ты подъехал. Хватит с меня.

— Секунду, Дик. — Алан вернулся к машине, вызвал Шейлу и сказал ей, что Хью с утра не было на работе. — Шейла, попробуй связаться с Клатом и скажи ему, чтобы поостерегся. И пошли Джона ему на подмогу. — Он на секунду умолк, решая, стоит ли говорить то, что он собирался сказать. Тем более что он знал, что подобная пред-

осторожность иногда выливается в ненужную стрельбу. Но он был обязан позаботиться о своих офицерах и поэтому продолжил: — Пусть Клат с Джоном имеют в виду, что Хью вооружен и опасен. Поняла?

— Вооружен и опасен. Прием.

— Ладно, отбой.

Он повесил микрофон на место и вернулся к Дику.

— Как думаешь, мог он убраться из города?

— Он?! — Дик наклонил голову и сплюнул табачную жвачку. — Типы вроде него ни за что не уедут из города, пока не получат оставшуюся зарплату до последнего цента. А большинство из них вообще никуда не уезжает. Когда дело доходит до «выбрать дорогу из города», на них нападает склероз.

Что-то привлекло внимание Дика, и он повернулся к грузчикам.

— Вы смотрите, что делаете! Вы разгружать их должны, а не играться.

— Слушай, у тебя тут до хрена хлопушек, — заметил Алан.

— Эгей, двадцать ящиков. Собираются взрывать гранитный выход на пятом карьере. По мне, так остатков хватит на то, чтобы зашвырнуть Хью на Марс. Если он туда захочет.

— А зачем брали так много?

— Вопрос не ко мне. Бастер добавил к моему заказу бог знает с какой такой радости. Обычно он чуть ли в штаны не делает, увидев счет за электричество на месяц... если только не надвигаются морозы. Кондиционер жрет энергию, как проклятый, но либо так, либо динамит «потеет». Все говорят, что новая взрывчатка уже не «потеет», но лучше перестраховаться.

— Бастер добавил взрывчатки к твоему заказу, — задумался Алан.

— Да, вроде четыре или шесть ящиков. Точно не помню. Каких только чудес не бывает в мире.

— Да, ты прав. Дик, можно мне позвонить?

— Да ради Бога.

Целую минуту Алан просидел за столом Дика, потея и слушая длинные гудки в доме Полли. Телефон звонил и звонил, но трубку никто не брал. Алан прекратил попытки.

Он медленно вышел из офиса, опустив голову. Дик запер дверь динамитного склада, и, когда он повернулся к Алану, его лицо было вытянутым и несчастным.

— Алан, где-то в глубине Хью Прист действительно неплохой человек. Клянусь Господом, неплохой. Такое бывает. И чаще, чем можно себе представить. Но с Хью... — Он пожал плечами. — Ох-хо-хо. Ничего не вышло.

Алан кивнул.

— С тобой все в порядке, Алан?

— Все нормально, — улыбнулся Алан. Но про себя он подумал, что с ним явно не все в порядке. Впечатление такое, что у него едет крыша. И у Полли. И у Хью. И у Брайана Раска. Сегодня у всех снесло башню.

— Хочешь воды или холодного чаю? У меня есть.

— Спасибо, но мне надо ехать.

— Ладно. Дай знать, чем все закончится.

Этого Алан пообещать не мог, но у него было предчувствие — очень нехорошее предчувствие, — что через день-два Дик сам обо всем прочитает в газетах. Или увидит в новостях по телевизору.

7

Старый «шевроле бел-эйр» Ленни Партриджа подъехал к «Нужным вещам» в начале пятого, и из него выбрался «герой дня». Ширинка у Хью по-прежнему была расстегнута, лисий хвост так и болтался на шее. Он прошел к магазину, шлепая босыми ногами по горячему асфальту, и открыл дверь. Над дверью звякнул серебряный колокольчик.

Его не видел никто, кроме Чарли Фортина, который стоял в дверях «Западных автоперевозок» и курил одну из своих вонючих самокруток.

— Старый Хью окончательно свихнулся, — заметил Чарли, не обращаясь ни к кому конкретно.

Мистер Гонт встретил Хью с милой, выжидающей улыбкой... как будто босые и голопузые мужики с полусгнившими лисьими хвостами на шее заходят к нему в магазин каждый день. Он сделал отметку в списке, что лежал рядом с кассовым аппаратом. Последнюю отметку.

— У меня проблема, — сказал Хью мистеру Гонту. Его глаза вертелись в глазницах, как бильярдные шары. — И теперь очень серьезная.

— Я знаю, — сказал мистер Гонт.

— Я подумал, что мне надо прийти сюда, к вам. Не знаю... Вы мне приснились. Я... Я не знаю, куда мне еще идти.

— Вы пришли, куда нужно, Хью.

— Он порезал мне шины, — прошептал Хью. — Бофорт, это дерьмо, хозяин «Подвыпившего тигра». И оставил записку «Хьюберт, ты знаешь, что будет в следующий раз». Я знаю, про что он. Уж поверьте, я знаю. — Он погладил рукой клочковатый мех у себя на шее, и по его лицу разлилось благоговение. Оно бы смотрелось дебильным, если бы не было таким искренним. — Мой хороший, любимый хвост.

— Может, вам стоило бы им заняться? — задумчиво предположил мистер Гонт. — Пока *он* не занялся вами? Я знаю, что это звучит несколько... скажем так... *экстремально*... но если учесть...

— Да! Да! Именно этого я и хочу!

— Тогда мне есть что вам предложить. — Мистер Гонт нагнулся, пошарил под стойкой и достал автоматический пистолет. Он подвинул пистолет к краю стеклянного прилавка. — Полная обойма.

Хью взял его в руки. Его растерянность тут же исчезла, стоило ему лишь ощутить тяжесть оружия в руках. Пистолет слегка пах оружейным маслом.

— Я... я бумажник оставил дома.

— Ну, об этом можно не волноваться, — сказал мистер Гонт. — Мы в «Нужных вещах» страхуем проданный товар. — Его лицо неожиданно ожесточилось. Зубы обнажились в хищном оскале, и глаза засверкали. — Достань его! — закричал Гонт низким, хриплым голосом. — Достань ублюдка, который хочет испортить то, что принадлежит тебе! Покажи ему, Хью! Защити себя! Защити свою *собственность!*

Хью заулыбался:

— Спасибо, мистер Гонт. Большое спасибо.

— Не за что, — сказал мистер Гонт, молниеносно возвращаясь к своей обычной манере разговора, но колокольчик над дверью уже сообщил, что Хью вышел из магазина, на ходу запихивая пистолет за пояс.

Мистер Гонт встал у окна, наблюдая, как Хью садится за баранку старого «шевроле» и выруливает на улицу. Грузовик с эмблемой «Будвайзера», медленно кативший по мостовой, резко загудел и вильнул, чтобы избежать столкновения.

— Покажи ему, Хью, — прошептал мистер Гонт. Его волосы и уши дымились; клубы дыма потолще вырвались из ноздрей и изо рта между испорченными зубами. — Покажи всем, кого встретишь. Вечеринка началась, парниша.

Мистер Гонт запрокинул голову и громко захохотал.

8

Джон Лапуант поспешил к боковой двери полицейского управления, выходившей к парковке. Он был возбужден и взволнован. Надо же, вооружен и опасен. Не так уж часто приходится арестовывать вооруженного и опасного подозреваемого. И уж точно — не в таком сонном городишке, как Касл-Рок. Он уже забыл и про свой про-

павший бумажник (сейчас ему было не до того), и про Салли Рэтклифф.

Он потянулся к дверной ручке, но тут дверь открыли с другой стороны. Джон столкнулся нос к носу с двумя с лишним сотнями фунтов разъяренного тренера по физкультуре.

— Ты-то мне и нужен, — сказал Лестер Пратт своим новым бархатным голосом и достал из кармана черный кожаный бумажник. — Ты ничего не потерял, тупой двуличный игрок, безбожный сукин сын?

Джон не понял, что тут делает Лестер Пратт и как у него оказался его бумажник. Зато он понимал другое: Клат ждет подмоги, и ему надо немедленно ехать.

— Не знаю, чего ты хочешь, Лестер, но мы потом с тобой поговорим, — сказал Джон, потянувшись за бумажником. Лестер отвел руку назад, а потом замахнулся и с силой ударил Джона в лицо, скорее удивив его, чем разозлив.

— А я не хочу *говорить*, — сказал Лестер своим новым бархатным голосом. — Только время зря тратить. — Он бросил бумажник на землю, схватил Джона за плечи и отшвырнул его обратно в офис. Помощник шерифа Лапуант пролетел шесть футов по воздуху и приземлился на стол Норриса Риджвика. *Проехав на заднице по крышке стола* и скинув разбросанные на нем бумаги и лоток документов ВХОДЯЩИЕ/ИСХОДЯЩИЕ, он сам шлепнулся на пол с болезненным плюхом.

Шейла Брайхем, раскрыв рот, наблюдала за этим невиданным зрелищем из будки диспетчера.

Джон поднялся. Он был потрясен и растерян, не в силах понять, что происходит и почему.

Лестер уже приближался, по-боксерски приплясывая. Он поднял кулаки в старомодной стойке Джона Л. Салливана, которая должна была выглядеть комично, но почему-то не выглядела.

— Я тебя проучу, — сказал Лестер своим новым бархатным голосом. — Я тебе покажу, что происходит с ка-

толиками, которые уводят девушек у баптистов. Это будет хороший урок, который ты никогда не забудешь.

Лестер Пратт подошел совсем близко — на дистанцию обучения.

9

Билли Таппер, может, и не был интеллектуалом, но он умел слушать, а благодарный слушатель — именно то, в чем нуждался сейчас Генри Бофорт. Он выпил и рассказал Билли о происшествии с его машиной... и пока они говорили, Генри начал потихонечку остывать. Только сейчас до него дошло, что если бы он достал обрез и пошел дальше, куда собирался, то к концу дня оказался бы не за стойкой бара, а за решеткой камеры предварительного заключения в полицейском участке. Он, конечно, очень любит свою машину, но не настолько *очень*, чтобы сесть из-за нее в тюрьму. Шины можно заменить, царапину на правом боку — заполировать и закрасить. А Хью Пристом пусть займется закон.

Допив свой стакан, он встал.

— Все еще думаете его искать, мистер Бофорт? — испуганно спросил Билли.

— Нет, зачем время зря тратить, — сказал Генри, и Билл с облегчением вздохнул. — Пусть им занимается Алан Пангборн. Разве я не за это плачу налоги?

— Наверное. — Билли выглянул в окно и расцвел еще больше. Старая ржавая колымага, когда-то белого, а теперь блеклого никакого цвета — цвета дорожной грязи — катилась к «Подвыпившему тигру», оставляя за собой клубы синих выхлопов. — Ого! Это же старый Ленни! Тыщу лет его не видел!

— До пяти часов мы все равно закрыты, — сказал Генри, подходя к телефонному аппарату. Коробка с обрезом все еще лежала на стойке. *А я ведь и вправду хотел схватить ствол и бежать убивать,* подумал он. *Да, похоже на*

то. Вот ведь какая дурь иногда лезет в голову — экология ядовитая, что ли?

Когда старая машина Ленни подъехала к бару, Билли подошел к двери, чтобы встретить старика на крыльце.

10

— Лестер... — только и успел произнести Джон Лапуант перед тем, как кулак размером почти что с брусок консервированной ветчины — только тверже — врезался ему в лицо. Раздался противный хруст ломающихся костей; его нос превратился в кровавое месиво из костей и хрящей. От яркого всполоха боли Джон зажмурил глаза, и в темноте замелькали разноцветные фейерверки. Он слепо замахал руками, пытаясь уйти от ударов и одновременно устоять на ногах. Из разбитого носа и изо рта шла кровь. Джон врезался в доску объявлений и сбил ее со стены.

Лестер снова шагнул в его сторону, нахмурив брови в убийственной сосредоточенности.

Шейла Брайхем схватила микрофон рации и завопила, вызывая Алана.

11

Фрэнк Джуитт уже собрался уходить из дома своего старого «друга» Джорджа Т. Нельсона, когда его посетила неожиданная мысль. Он подумал вот о чем: когда Джордж Т. Нельсон вернется домой и найдет свою спальню разоренной, а ее величество маму — засранной, он наверняка захочет найти своего старого приятеля. Фрэнк решил, что было бы глупо не довести начатое до конца... и если завершить начатое означало снести гребаному шантажисту полбашки, то так тому и быть. Здесь в подвале была устроена целая оружейная, и мысль разобраться с Джорджем Т. Нельсоном его же собственным оружием показа-

лась Фрэнку справедливой и даже в каком-то смысле поэтичной. Если «оружейная» заперта и он не сможет открыть комнату, то можно будет взять на кухне нож и разделаться со старым приятелем посредством оного. Он встанет перед входной дверью, и когда Джордж Т. Нельсон войдет, Фрэнк либо отстрелит на хрен его гребаные яйца, либо схватит за волосы и перережет его гребаную глотку. Ружье, наверное, было бы безопаснее, но чем больше Фрэнк думал о горячей крови, бьющей из распоротой глотки Джорджа Т. Нельсона, заливающей его руки и грудь, тем больше ему это нравилось. *Вот тебе, Джордж. Вот тебе, шантажистская тварь.*

Тут размышления Фрэнка были прерваны воплями попугая Джорджа Т. Нельсона, Тамми Файе, выбравшим самый неподходящий в своей птичьей жизни момент, чтобы подать голос. Пока Фрэнк слушал это выступление, его губы растянулись в неприятной недоброй улыбке. *Как же я умудрился проглядеть эту славную птичку?* — спросил он себя и направился в кухню.

После недолгих поисков он обнаружил ящик с хорошо заточенными ножами, взял самый длинный и провел следующие пятнадцать минут, тыча им между прутьями клетки и доводя птицу до безумного ужаса. Потом ему стало скучно, и он проткнул попугая насквозь. Потом он спустился в подвал, чтобы проверить оружейную комнату. Замок оказался слабым, и, вернувшись обратно в дом, Фрэнк запел, может быть, не совсем своевременную, но веселую песенку:

О... Не надо бежать, не надо кричать,
Сердиться не надо — и вот почему:
И дед Санта-Клаус, и оленей штук пять,
Уж скоро подъедут к двору твоему!
Он видит, как ешь ты!
Спишь ты или нет!
И как себя вел ты,
Он знает ответ!

Фрэнк, никогда не пропускавший передачу Лоуренса Уэлка — каждую пятницу вечером он смотрел ее вместе со своей драгоценной мамой, — пропел последнюю строчку басом Ларри Хупера. Черт, как же здорово! Как мог он думать — всего час назад, — что его жизнь подошла к концу?! Это не конец, это начало! Конец всему старому — и особенно старым «друзьям» вроде Джорджа Т. Нельсона — и начало новой жизни!

Фрэнк устроился за дверью. Его снаряжению позавидовал бы даже охотник на медведей: винчестер был уперт в стену, автоматический пистолет 32-го калибра засунут за пояс, в руках — острейший разделочный нож. Со своей позиции он видел кучку желтых перьев, некогда бывших Тамми Файе. На губах Фрэнка — мистера Уотерби — блуждала мечтательная полуулыбка, а его глаза — теперь уже совершенно сумасшедшие — безостановочно бегали туда-сюда за круглыми стеклами очков в точности, как у мистера Уотерби.

— Он знает ответ, — пробормотал он себе по нос. Он несколько раз пропел свою песенку, стоя у двери, потом еще несколько раз, устроившись покомфортнее: он сел перед дверью по-турецки, опершись спиной о стену и положив оружие на колени.

Его начала одолевать сонливость. Бороться со сном в ожидании человека, которому хочешь перерезать глотку, было по меньшей мере странно, но ему действительно жутко хотелось спать. Он вспомнил, что где-то читал (возможно, во время занятий в Мэнском университете, в Фармингтоне — в этом сельском колледже, который он окончил без каких-либо отличий), что сильное потрясение может давать именно такой эффект... а что он сегодня пережил? Сильнейшее потрясение — и чему теперь удивляться? Удивительно, что его сердце вообще не лопнуло, как старая покрышка, при виде журналов, разбросанных по всему офису.

Фрэнк решил, что испытывать судьбу было бы глупо. Он чуть отодвинул от стены длинный диван Джор-

джа Т. Нельсона, забрался в просвет и улегся на спину с ружьем в левой руке. Правая рука, в которой он по-прежнему сжимал нож, лежала на груди. Вот. Так намного лучше. Лежать на толстом ковровом покрытии было гораздо удобнее, чем на голом полу.

— И как себя вел ты, он знает ответ! — пропел Фрэнк себе под нос. Он еще минут десять мурлыкал эту песенку тихим и хриплым голосом, а потом наконец заснул.

12

— Номер первый! — вопила Шейла из динамика рации, когда Алан пересекал Оловянный мост на пути в город. — Номер первый, отзовитесь! Сейчас же на связь, черт возьми!

У Алана упало сердце. Клат зашел в дом Хью Приста и попал в осиное гнездо — так оно и было. Какого черта он не велел Клату дождаться Джона и не пытаться взять Хью самому?

Ты знаешь почему — потому что твои мысли были далеко, и, отдавая приказы, ты думал не только о службе и своих людях. И если теперь с Клатом что-то случится, тебе придется это признать и нести груз вины. Но это потом. А пока ты должен делать то, что должен. Давай, Алан, забудь про Полли и делай свое дело.

Он сорвал микрофон.

— Номер первый слушает. Что такое?

— Кто-то здесь избивает Джона! — закричала Шейла. — Скорее, Алан, он его *убьет!*

Эта информация вошла в такое противоречие со всеми предыдущими мыслями Алана, что он на пару секунд опешил, не понимая, о чем идет речь.

— Что? Кто? *Где?*

— *Скорее, он его убьет!*

Все встало на свои места. Это Хью Прист. Конечно! Он по какой-то причине попал в участок — попал до того,

как Джон уехал на Касл-Хилл, — и разбушевался. В опасности был Джон Лапуант, а не Энди Клаттербак.

Алан схватил мигалку, включил ее и выставил на крышу. Доехав до городской стороны моста, он принес старенькому «универсалу» мысленные извинения и нажал на газ.

13

Клат начал сомневаться, что Хью сейчас дома, когда увидел, что покрышки на автомобиле Хью не просто проколоты, а изрезаны в лохмотья. Он уже подошел к дому, когда наконец услышал крики о помощи.

Недолго поколебавшись, Энди кинулся обратно к дороге. Он увидел Ленни, лежавшего у дороги, и помчался к нему, хлопая кобурой.

— Помоги мне, — просипел Ленни, когда Клат склонился над ним. — Хью Прист сошел с ума, этот чокнутый кретин выкинул меня из машины!

— Где болит, Ленни? — спросил Клат. Он дотронулся до Ленниного плеча. Старик взвизгнул. Тоже ответ. Клат поднялся, не зная, что предпринять. В его голове все смешалось. Единственное, что он знал наверняка: сейчас облажаться нельзя. — Лежи спокойно, не двигайся, — сказал он. — Я вызову «скорую».

— Я и не собираюсь вставать и танцевать с тобой танго, дурак ты набитый, — простонал Ленни. Он плакал и рычал от боли. Сейчас он напоминал старую гончую со сломанной ногой.

— Так, — сказал Клат. Он побежал было к своей машине, но потом повернул обратно. — Он взял твою машину, я правильно понял?

— Нет! — проскрипел Ленни, прижимая руку к сломанным ребрам. — Он отделал меня, а потом улетел на гребаном ковре-самолете. Конечно, он взял мою машину!

А то какого бы хрена я тут валялся? Солнечную ванну принять?! Идиот!

— Так, — повторил Клат и помчался к машине. Пяти- и десятицентовые монеты летели во все стороны у него из карманов и рассыпались по придорожному щебню ярким серебряным дождём.

Он так быстро нырнул с разбегу в окно машины, что чуть не разбил голову о раму двери. Он схватил микрофон и первым делом собрался сказать, чтобы Шейла вызвала «скорую» для старика, но это было не самым важным. Алану и полиции штата необходимо знать, что Хью теперь ездит на старом «шевроле бел-эйре» Ленни Партриджа. Клат не знал, какого она точно года, но вряд ли кто спутает этот раздолбанный драндулет с какой-нибудь еще машиной.

Но до Шейлы он так и не докричался. Три вызова и ни одного ответа. Ни одного.

Ленни опять закричал. Клат вошел в дом Хью Приста и вызвал по телефону бригаду «скорой помощи» из Норвегии.

Хорошее время выбрала Шейла, чтобы засесть на толчке, подумал он.

14

Генри Бофорт тоже пытался дозвониться до полиции. Он стоял рядом со стойкой, прижав телефонную трубку к уху плечом. Длинные гудки, один за другим.

— Ну давайте, — бурчал он себе под нос, — возьмите трубку, черт вас дери. Чем вы там заняты? В карты решили сыграть?

Билли Таппер вышел на улицу. Генри услышал, как тот что-то крикнул, и недовольно поднял глаза. За криком последовал громкий «бабах». Генри сначала решил, что это, наверное, взорвалась одна из древних лысых шин Ленни... но за первым «бабахом» последовало еще два.

Билли ввалился обратно в «Тигра». Он двигался очень медленно и держался за горло. Его рука была вся в крови.

— *Энри!* — крикнул Билли странным, сдавленным голосом. — *Энри! Эн...*

Он оперся на музыкальный автомат, постоял так, покачиваясь, секунды две, а потом все его тело как-то разом обмякло, и он рухнул на пол бесформенной кучей.

На его ноги, лежавшие на самом пороге, упала тень, после чего появился и тот, кто ее отбрасывал. У него на шее висел лисий хвост, а в руке дымился пистолет. Среди редкой растительности на груди блестели капельки пота. Под глазами набрякли коричневые круги. Он переступил через Билли Таппера и зашел в полумрак «Подвыпившего тигра».

— Привет, Генри, — сказал Хью Прист.

15

Джон Лапуант не знал, почему Лестер набросился на него, но понимал, что, если так пойдет и дальше, Лестер его убьет; а Лестер даже не снижал темпа, не говоря уже о том, чтобы остановиться. Джон попытался скользнуть по стене в сторону, туда, где его не достали бы кулаки Лестера, но тот схватил его за рубашку и рывком вернул на место. У него даже не сбилось дыхание, даже рубашка не выбилась из-под эластичного пояса спортивных штанов.

— Вот так, Джонни, учись, — выдохнул Лестер и врезал Джону по верхней губе. Джон почувствовал, как губа лопнула с внутренней стороны. — Отращивай теперь свои губкощекоталки.

Джон вслепую обвил левой ногой ногу Лестера и толкнул его изо всех сил. Лестер удивленно вскрикнул и начал заваливаться назад, но при этом все-таки умудрился вытянуть обе руки и схватить Джона за окровавленную рубашку, потянув его за собой. Оба упали и принялись кататься по полу, пихая и пиная друг друга.

Они были слишком заняты друг другом и не заметили Шейлу, которая выбралась из диспетчерской будки и забежала в кабинет Алана. Она сорвала со стены ружье и выбежала обратно, в приемную, превратившуюся к тому времени в руины. Лестер сидел верхом на Джоне и стучал его головой об пол с упорством и энтузиазмом парового молота. Шейла знала, как пользоваться оружием — она с восьми лет посещала тир. Теперь она приставила приклад к плечу и завопила:

— *Джон, отодвинься от него! Дай мне выстрелить!*

Лестер повернулся на звук ее голоса, выпучив налитые кровью глаза. Он оскалился, как бешеная горилла, и продолжил долбать Джона головой об пол.

16

Когда Алан подъехал к зданию муниципалитета, он увидел, как с другой стороны подъезжает «фольксваген» Норриса Риджвика. Единственная приятность, случившаяся за сегодняшний день. Правда, Норрис был в гражданском, но сейчас это было не важно. Сегодня у них каждый человек на счету. Так что Норрис как раз вовремя.

А потом настал настоящий ад.

Внезапно из узкой аллеи, что вела к парковке, выскочила большая красная машина — «кадиллак» с номерным знаком КИТОН 1. Раскрыв рот, Алан наблюдал за тем, как Бастер въехал на своем «кадиллаке» в Норрисова «жука». «Кадиллак» ехал не очень быстро, но он был раза в четыре больше машины Норриса. Раздался противный скрежет лопающегося и гнущегося металла, и «фольксваген» перекувырнулся на пассажирский бок, рассыпая вокруг мелкие осколки стекла.

Алан ударил по тормозам и выскочил из машины.

Бастер вышел из «кадиллака».

Норрис, с ошарашенным выражением на лице, судорожно пытался вылезти наружу через разбитое окно «фольксвагена».

Бастер направился к Норрису, сжав кулаки. На его жирном, круглом лице застыла очень нехорошая ухмылка.

Увидев эту ухмылку, Алан перешел на бег.

17

Первым выстрелом Хью вдребезги разнес бутылку «Дикой индейки» на полке за баром. Вторым — раздолбал стекло в рамке, что висела буквально над головой у Генри, и оставил круглую дыру в лицензии на продажу спиртного, которая и была заключена в эту самую рамочку. Третий выстрел превратил правую щеку Генри в алое месиво крови и развороченной плоти.

Генри пискнул, схватил ящик с обрезом и свалился за бар. Он понял, что Хью его подстрелил, но не мог определить, насколько серьезна рана. Единственное, что он знал наверняка: вся правая сторона его лица вдруг стала горячей, как нагретая плита, и кровь — теплая, мокрая, липкая — потекла по шее.

— Давай поговорим о машинах, Генри, — сказал Хью, подступая к стойке. — Или еще лучше, давай поговорим о моем лисьем хвосте. Тебе ведь есть что сказать, не так ли?

Генри открыл ящик, обитый внутри красным бархатом, и вынул обрез винчестера. Непослушными, трясущимися руками он попытался переломить ружье, но понял, что на это не хватит времени. Оставалось только надеяться, что оно заряжено.

Он подобрал под себя ноги, готовясь преподнести Хью большой сюрприз. Во всяком случае, он очень надеялся, что это станет большим сюрпризом.

18

Шейла поняла, что Джон не собирается выбираться из-под этого ненормального Лестера Платта... или Пратта... в общем, учителя физкультуры. То есть не то чтобы

не собирается, а наверное, просто не может выбраться. Лестер перестал бить его головой об пол и вместо этого вцепился обеими руками в горло.

Шейла перехватила ружье за ствол и занесла его над головой, как клюшку для гольфа. Помедлив, она развернулась, и приклад описал в воздухе тяжелую плавную дугу, окончившуюся на голове Лестера Пратта.

В последний момент Лестер повернул голову, как раз чтобы «поймать» переносицей окованный сталью ореховый приклад. Сочный хруст известил о том, что приклад прошел сквозь череп Лестера и превратил в желе лобные доли мозга. Звук был громким, словно кто-то с разбегу прыгнул на полную банку попкорна. Лестер Пратт умер еще до того, как его тело рухнуло на пол.

19

— Ты думал, я не догадаюсь, кто это был? — зарычал на Норриса (ошеломленного, оглушенного, но невредимого) ухмыляющийся Бастер Китон. — Ты думал, я не догадаюсь, когда там на каждой бумажке пропечатано твое имя?! А?! Что?!

Он отвел руку, чтобы ударить Норриса кулаком, и подоспевший Алан защелкнул у него на запястье браслет наручника.

— А?! — удивленно выдохнул Бастер, развернувшись к Алану.

В здании муниципалитета раздались крики.

Алан быстро глянул в том направлении и подтянул Бастера к открытой дверце «кадиллака». Бастер отчаянно замахал руками. Алан безболезненно принял несколько ударов в плечо и защелкнул свободный браслет наручника на дверной ручке машины.

Он оглянулся и увидел, что Норрис уже стоит рядом. Алан мельком отметил, что вид у того ужасный, но списал это на происшествие с главой городской управы.

— Пошли, — сказал он Норрису. — У нас проблемы.

Норрис как будто его и не слышал. Он метнулся мимо Алана и врезал Бастеру прямо в глаз. Бастер только крякнул и шлепнулся на пятую точку, привалившись спиной к дверце. Под его весом она окончательно закрылась, закусив хвост его пропитанной потом рубашки, выбившейся из-под пояса брюк.

— Это тебе за мышеловку, дерьмо толстомордое! — крикнул Норрис.

— Я тебя еще достану! — заорал в ответ Бастер. — Не надейся, что все закончилось! Я *вас всех* тут достану!

— Да я тебя... — прорычал Норрис. Он попытался повторить свой маневр, прижав кулаки к своей надутой цыплячьей груди, но Алан перехватил его.

— Перестань! — проорал он в лицо Норрису. — У нас проблемы! Большие проблемы!

В здании снова послышался крик. На Главной улице начали собираться люди. Норрис посмотрел на них, потом на шерифа. Алан с облегчением увидел, что его взгляд прояснился и Норрис снова стал собой. Более или менее.

— Что случилось, Алан? Это из-за *него?* — Он кивнул в сторону «кадиллака». Бастер стоял, бросая на них угрюмые взгляды и теребя наручники свободной рукой. Казалось, он вообще не слышал криков.

— Нет, — сказал Алан. — Ты вооружен?

Норрис покачал головой.

Алан расстегнул предохранительный хлястик на кобуре, достал служебный револьвер 38-го калибра и вручил его Норрису.

— А сам?

— Хочу, чтобы руки были свободными. Давай пошли. У нас в участке Хью Прист, и он, похоже, сошел с ума.

20

Хью Прист, несомненно, сошел с ума, но находился он в добрых трех милях от здания муниципалитета.

— Давай поговорим... — начал он, и в этот миг из-за стойки, словно чертик из табакерки, выскочил Генри Бофорт с обрезом.

Генри и Хью выстрелили одновременно. Хлопок автоматического пистолета потерялся в размытом, зверином реве ружья. Из спиленных стволов вырвались огненные снопы. Хью подбросило в воздух и протащило через всю комнату. Он летел, сверкая голыми пятками; его грудная клетка превратилась в разлагающееся болото красной жижи. Пистолет вылетел у него из руки. Концы лисьего хвоста загорелись.

Генри отбросило на полки с бутылками; пуля Хью пробила ему правое легкое. Вокруг него падали и разбивались бутылки. Грудь онемела. Он выронил винчестер и схватился за телефон. В воздухе стоял фантастический «аромат» — спиртовые испарения и запах горящего меха. Генри попытался вдохнуть воздух, но хотя его грудь вздымалась, воздуха все равно не хватало. При каждом вдохе дыра в груди издавала тонкий, пронзительный свист.

Телефонная трубка вдруг потяжелела на тысячу тонн, но он все-таки умудрился дотянуть ее до уха и нажал на кнопку автоматического набора номера полиции.

Пиииип... пиииип... пиииииип...

— Да что там у вас происходит?! — яростно просипел Генри. — Я тут подыхаю. Возьмите трубку, уроды!

Но телефон продолжал звонить.

21

Норрис нагнал Алана на середине пути к аллее, и на маленькую муниципальную парковку они вошли плечом к плечу. Норрис держал служебный револьвер Алана: па-

лец на предохранителе, дуло смотрит в жаркое октябрьское небо. На парковке стояли «сааб» Шейлы Брайхем и патрульная машина Джона Лапуанта. Все. Алан успел мельком удивиться — а куда же подевалась машина Хью? — но тут боковая дверь управления распахнулась. Из нее вывалился некто с окровавленным карабином в руках, карабином из кабинета Алана. Норрис опустил пистолет и сдвинул пальцем предохранитель.

Алан одновременно понял две веши. Во-первых, Норрис сейчас выстрелит. И во-вторых, вопящий человек с ружьем в руках — это не Хью Прист. Это Шейла Брайхем.

Только фантастические рефлексы Алана Пангборна спасли в этот день жизнь Шейлы Брайхем. Все решила какая-то доля секунды. Алан не пытался закричать или отвести ствол рукой. Ни то, ни другое не помогло бы. Вместо этого он выставил локоть и двинул им вверх, как человек, с энтузиазмом пляшущий гопака на деревенской ярмарке. Локоть ударил по руке Норриса за миллисекунду до выстрела, задрав вверх дуло револьвера. Грохот выстрела, усиленный стенами двора-колодца, почти оглушил всех. На втором этаже, в помещении городских служб, разлетелось окно. Шейла выронила ружье, которым размозжила голову Лестера Пратта, и бросилась к ним, крича и рыдая.

— Боже, — тихо и сдавленно пробормотал Норрис. Когда он повернулся к Алану, протягивая пистолет рукояткой вперед, его лицо было белее бумаги. — Я чуть не пристрелил Шейлу, Господи помилуй.

— Алан! — плакала Шейла. — Ты приехал!

Она налетела на него с разбегу, чуть не сбив с ног. Он убрал револьвер в кобуру и обнял ее. Шейла дрожала, как электрический провод при перегрузке. Алана тоже трясло. На самом деле он чуть не обмочил штаны. Шейла билась в истерике, и можно сказать, что в этом ей повезло: скорее всего она даже не поняла, что едва не отправилась на тот свет.

— Шейла, что тут происходит? — спросил Алан. — Рассказывай, только быстрее. — В ушах у него звенело эхо от выстрела. Как будто где-то звонил телефон.

22

Генри Бофорт чувствовал себя снеговиком, тающим на весеннем солнце. Ноги подкашивались, отказывались его держать. Он медленно сполз на корточки, прижимая к уху телефонную трубку, в которой по-прежнему раздавались длинные гудки. От запаха спиртного и горящего меха кружилась голова. К ним еще добавился третий запах. Генри подозревал, что это Хью Прист.

Где-то в глубине сознания он понимал, что у него ничего не получится и надо набрать другой номер, чтобы просить о помощи, но сие было выше его сил. Он просто *не смог бы* набрать другой номер. Поэтому он сидел на корточках посреди лужи собственной крови, слушал завывание воздуха, вырывавшегося из дыры у него в груди, и судорожно цеплялся за остатки сознания. До открытия «Тигра» оставался еще час с лишним, Билли мертв, и если в ближайшие пару минут никто не поднимет трубку на том конце линии, к тому времени, когда сюда начнут подгребать первые жаждущие клиенты, к двум трупам прибавится еще и третий — Генри Бофорта.

— Пожалуйста, — прошептал Генри испуганным, задыхающимся голосом. — Пожалуйста, возьмите трубку, кто-нибудь, пожалуйста, возьмите эту чертову трубку.

23

Шейла Брайхем начала потихонечку приходить в себя, и Алан сразу вытянул из нее самую важную информацию: она вырубила Хью прикладом. Никто не станет в них стрелять, если они попытаются войти внутрь.

Наверное.

— Норрис, пошли.

— Алан... Когда она вышла... Я думал...

— Я знаю, о чем ты подумал, но все обошлось. Забудь, Норрис. Там внутри Джон. Пошли.

Они подошли к двери и встали по обе стороны от нее. Алан посмотрел на Норриса.

— Пригнись, — сказал он.

Норрис кивнул.

Алан схватился за дверную ручку, толкнул дверь и нырнул внутрь. Норрис, согнувшись, вбежал за ним.

Джон умудрился встать на ноги и почти доковылял до двери. Алан и Норрис врезались в него, как два регбиста, и Джон испытал последнее унижение: его сбили собственные же коллеги, он упал на пол, заскользил по линолеуму, как камень в керлинге, и врезался в противоположную стену с болезненным стоном, слабым и удивленным.

— Господи, это ведь Джон! — воскликнул Норрис. — Долбаная французская кофемолка!

— Помоги мне, — сказал Алан.

Они подбежали к Джону, который уже и сам начал медленно подниматься. Его лицо представляло собой сплошную кровавую маску. Нос был сильно свернут налево. Верхняя губа раздулась, как перекачанная автомобильная камера. Он поднес руку ко рту и выплюнул в нее зуб.

— Он ф ума фофол, — выдавил Джон вялым, страдальческим голосом. — Фила фтукнула ефо харафином. Кафетша, она ефо уфила.

— Джон, ты как? — спросил Норрис.

— Я? Я фтал живым *фарфем!* — заявил Джон, в подтверждение чего нагнулся вперед и изящно так блеванул на пол, расставив ноги, чтобы не забрызгать ботинки.

Алан осмотрелся. Теперь он убедился, что ему не показалось: телефон звонил на самом деле. Но пока у них не было времени отвечать на звонки. Он увидел Хью, лежащего ничком у задней стены, подошел к нему и приложил ухо к его спине — бьется ли сердце. Ничего, только

звон в ушах. Впечатление такое, что телефоны звонили на всех столах.

— Ответь уже на звонок или отложи трубку, — рявкнул Алан на Норриса.

Норрис подошел к ближайшему телефону, нажал на мигающую кнопку и взял трубку.

— Пожалуйста, не беспокойте нас в ближайшее время, — сказал он. — У нас чрезвычайная ситуация. Вам придется перезвонить. — И положил трубку, не дожидаясь ответа.

24

Генри Бофорт отнял телефонную трубку — такую тяжелую, *тяжеленную* трубку — от уха и уставился на нее неверящими, затуманенными глазами.

— Что ты сказал? — прошептал он.

Трубка стала слишком тяжелой, держать ее не было никаких сил. Он уронил ее, медленно повалился на бок и, задыхаясь, улегся на пол.

25

Насколько Алан мог судить, с Хью было покончено. Он взял его за плечо, перевернул на спину... и увидел, что это не Хью. Лицо этого человека было слишком сильно измазано кровью, мозгами, кусочками костей, чтобы его можно было опознать, но это был точно не Хью Прист.

— Что за хрень тут происходит? — прошептал Алан.

26

Дэнфорд Китон по прозвищу Бастер стоял посреди улицы, прикованный к собственному «кадиллаку», и наблюдал за тем, как *они* наблюдают за ним. Теперь, когда

Главный Гонитель и его Первый Помощник ушли, *им* больше не на что было смотреть, кроме как на него.

Он смотрел на *них* и узнавал *их* везде — всех и каждого.

Перед парикмахерской стояли Билл Фуллертон и Генри Гендрон в своем брадобрейском переднике, похожем на гипертрофированный слюнявчик. Чарли Фортин стоял перед «Западными автоперевозками». Скотт Гарсон и его вонючие друзья-адвокатишки, Альберт Мартин и Говард Поттер, стояли перед банком и скорее всего обсуждали его.

Глаза.

Проклятые *глаза*.

Повсюду эти глаза.

И все смотрят на *него*.

— Я вас вижу! — закричал он. — Я всех вас вижу! Всех! И я знаю, что делать! ДА! Вот увидите!

Он открыл дверцу «кадиллака» и попытался влезть внутрь. Не получилось. Он был прикован к ручке с наружной стороны. Цепь между браслетами была длинной, но не *настолько*.

Кто-то засмеялся.

Бастер отчетливо слышал этот смех.

Он обернулся.

Люди стояли на Главной улице и наблюдали за ним. Глаза у них были как черные бусинки. И поэтому они были похожи на разумных крыс.

Здесь были все, кроме мистера Гонта.

Хотя мистер Гонт тоже был *здесь*; он был у Бастера в голове и подсказывал ему, что делать.

Бастер прислушался... и заулыбался.

27

Грузовик с пивом, который Хью чуть не смел с дороги, остановился у парочки заведений на этой стороне моста и ровно в 16.01 подъехал к парковке перед «Подвыпившим

тигром». Водитель вылез из кабины, взял накладные, подтянул свои зеленые штаны и зашагал к бару. В пяти футах от двери он застыл, вытаращив глаза. Из дверей бара торчала пара ног.

— Гребаная кочерыжка! — воскликнул водитель. — Эй, парень, ты чего?

До него донесся слабый дрожащий голос:

— ...помоги...

Водитель влетел внутрь и обнаружил еле живого Генри Бофорта, скорчившегося на полу.

28

— Эсо Лестел Платт, — выдавил Джон Лапуант. С помощью Норриса и Шейлы, которые поддерживали его с обеих сторон, он подошел к Алану, стоявшему на коленях перед телом Хью.

— *Кто?* — не понял Алан. У него было такое чувство, как будто он вдруг, по какой-то нелепой случайности, оказался участником идиотской комедии из жизни полоумных психов.

— Лестел Платт, — терпеливо повторил Джон. — Уситель фисисеского воспитания в сталшей следней сколе.

— А что *он* здесь делает? — тупо спросил Алан.

Джон Лапуант устало покачал головой.

— Не знаю, Алан. Он просто вломился сюда и принялся буянить.

— Так, ребята, давайте все по порядку, — сказал Алан, — а то у меня голова идет кругом. Где Хью Прист? Где Клат? И что, черт возьми, тут происходит?

29

Джордж Т. Нельсон стоял на пороге спальни и не верил своим глазам. Комната выглядела так, словно здесь устраивала вечеринку какая-нибудь панк-группа — «Секс Пи-

столс» или, может, «Крампс» — с участием всех самых рьяных фанов.

— Что... — начал было он, но не смог подобрать слов. Да слова были и не нужны. Он понял все сразу. Это из-за кокаина. Из-за него. В течение последних шести лет он по мере возможности приторговывал порошком в старшей средней школе (разумеется, далеко не все учителя были поклонниками зелья, которое Туз Мерилл иногда называл боливийским бриллиантовым порошком, но иногда встречались *большие* любители), поэтому у него под матрасом всегда хранилось пол-унции почти чистого кокаина. Это была конфетка, что и говорить. Выходит, кто-то проболтался, а еще кто-то позарился. Джордж догадался об этом, еще когда только подъехал к дому и увидел разбитое окно в кухне.

Джордж прошел через комнату и сдернул матрас негнущимися руками. Ничего. Кокаин исчез. На две штуки чистого кокаина. Нет. Было, да сплыло. Как во сне, он побрел в ванную, чтобы проверить, осталась ли там его личная заначка в бутылке из-под анацина на верхней полке аптечки. Никогда в жизни он не нуждался в дозе так сильно, как сейчас.

Он дошел до порога ванной и в ужасе остановился. Его внимание привлек отнюдь не разгром, хотя там все было перевернуто вверх дном. Унитаз. Сиденье было опущено и слегка присыпано белой пылью.

Джордж очень сильно сомневался, что это — детская присыпка.

Он подошел к унитазу, послюнявил палец и дотронулся до порошка. Потом сунул палец в рот. Кончик языка почти сразу занемел. Между ванной и унитазом валялся пустой пластиковый пакет. Картина была ясна. Только очень уж идиотская получалась картина. Кто-то вломился в дом, нашел кокаин... *высыпал в унитаз и смыл*. Но зачем? Зачем?! Он не знал, но если когда-нибудь он найдет того, кто это сделал, то обязательно спросит. Сначала

спросит, а потом оторвет ему голову. Все равно тому безголовому идиоту хуже уже не будет.

Его личные три грамма в аптечке остались нетронутыми. Он вынес их из ванной и снова остолбенел, накрытый новой волной потрясения. Проходя в комнату из коридора, он не заметил этого надругательства, но *отсюда* его было не пропустить.

Он достаточно долго стоял на месте, вытаращив глаза от ужаса и потрясения. Узелки вен у него на висках быстро пульсировали, как трепещущие крылышки маленьких птичек. В итоге он смог выдавить из себя одно слово. Одно-единственное:

— ...мама...

А внизу, на первом этаже, за светло-желтым диваном Джорджа Т. Нельсона сладко спал Фрэнк Джуитт.

30

Зеваки на Главной улице, заинтригованные выстрелами и криками, теперь получили новое развлечение: картину побега городского главы.

Бастер как можно дальше залез в машину, повернул ключ зажигания, потом нажал на кнопку стеклоподъемника и опустил стекло со стороны водителя. Закрыв дверь, он принялся осторожно протискиваться в окно.

Он все еще торчал в окне, опустив колени и вывернув прикованную руку под неестественным углом, так что цепь врезалась в его мясистое бедро, когда к машине подошел Скотт Гарсон.

— Э-э-э, Дэнфорд, — нерешительно начал банкир, — мне кажется, что тебе не надо этого делать. Ты же вроде как арестован.

Бастер выглянул из-под правой подмышки, чувствуя запах собственного пота — неслабый запах, совсем не слабый, — и увидел Гарсона вверх ногами. Тот стоял как

раз напротив окна. Похоже, он хочет вытащить Бастера обратно наружу.

Китон как можно сильнее дрыгнул ногами, словно пони, только что выпущенный на пастбище. Каблуки его туфель угодили Гарсону прямо в лицо. Бастер остался вполне доволен раздавшимся при этом звуком. Золотые очки Гарсона разлетелись вдребезги. Он закричал и отпрянул, прижав руки к окровавленному лицу, а потом не удержал равновесия и упал на спину прямо на мостовую.

— На, получи! — заорал Бастер. — Не ожидал? Не ожидал, да? Да, сукин сын, не ожидал?

Он все-таки влез в машину. Длины цепи как раз хватило. Плечо угрожающе затрещало, но потом провернулось так, что ему удалось поднырнуть под собственную руку и поместить задницу на сиденье. Теперь он сидел за рулем, высунув прикованную руку в окно. Можно заводить двигатель.

Скотт Гарсон *поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть* надвигающийся на него «кадиллак». Казалось, капот машины уже навис над ним, как гора.

Он рывком перекатился влево, чудом избежав гибели. Передняя шина «кадиллака» прокатилась по его правой руке, раздавив ее в лепешку. Потом там же прошлась и задняя, докончив начатое. Гарсон уставился на свои расплющенные пальцы, которые теперь стали похожи на шпатели, и завопил в жаркое голубое небо.

31

— *ТАММИИИИ ФАААЙЕЕЕЕ!*

Этот вопль вырвал Фрэнка Джуитта из объятий Морфея. В первые пару секунд он не мог понять, где находится — он понял только, что это место узкое и тесное. Неприятное место. Что-то лежало у него в руке... что?

Он поднял руку и чуть не выколол себе глаз кухонным ножом.

— *Оооооо, неееееет! ТАММММИИИИ ФАААЙЕЕЕЕ!*

И тут он все вспомнил. Он лежал за диваном своего «друга» Джорджа Т. Нельсона, а это сам Джордж Т. Нельсон, во плоти, шумно предающийся скорби по своему попугайчику. А дальше вспомнилось и остальное: журналы, раскиданные по всему кабинету, вымогательское послание, возможный (нет, *вероятный*; чем больше он думал об этом, тем вероятнее он казался) крах его карьеры и конец жизни.

А теперь — не веря своим ушам — он слушал, как плачет Джордж Т. Нельсон. Убивается над каким-то летучим засранцем. *Ладно,* подумал Фрэнк, *я утолю твои печали, Джордж. Кто знает, может, и ты попадешь в рай для птиц.*

Рыдания приблизились к дивану. Замечательно. Лучше и не придумаешь. Сейчас надо выпрыгнуть — «Сюрприз, Джордж!!!» — и ублюдок сдохнет, даже не разобравшись, что произошло. Фрэнк уже собирался встать, но тут Джордж Т. Нельсон, продолжая рыдать, плюхнулся на диван. Он был крупным, тяжелым мужчиной и своим весом прижал диван к стене. Он не слышал удивленного «ууууф!» из-за спины; все заглушили его собственные рыдания. Джордж схватил телефон, почти вслепую набрал номер и (каким-то чудом) попал на Фреда Рубина с первой попытки.

— Фред! — закричал он в трубку. — Фред, случилось ужасное! И может, оно еще не закончилось! Боже мой, Фред! Боже мой!

Прижатый диваном Фрэнк пытался вдохнуть воздух. Ему вспомнились рассказы Эдгара Алана По, которые он читал в детстве, — рассказы о людях, похороненных заживо. Его лицо постепенно приобретало кирпичный оттенок. Деревянная ножка дивана, врезавшаяся ему в грудь, давила, как чугунная чушка. Спинка дивана придавила его плечо и одну сторону лица.

Джордж Т. Нельсон, давясь рыданиями, рассказывал Фреду Рубину о том, что он обнаружил, придя домой.

В конце концов он на секунду умолк, после чего закричал в трубку:

— Мне *плевать*, что это не телефонный разговор. КАК Я МОГУ ДУМАТЬ О ЧЕМ-ТО ЕЩЕ, КОГДА ОН УБИЛ ТАММИ ФАЙЕ?! ЭТА СВОЛОЧЬ УБИЛА МОЕГО ТАММИ ФАЙЕ! Кто это может быть, Фред? *Кто?!* Помоги мне!

Последовала очередная пауза. Джордж Т. Нельсон слушал, что говорит ему Фред, а Фрэнк вдруг с ужасом понял, что сейчас потеряет сознание. Но тут до него дошло, что надо делать: выстрелить из автоматического пистолета в диван. Возможно, он не убьет Джорджа Т. Нельсона и даже не заденет Джорджа Т. Нельсона, но зато по крайней мере привлечет внимание Джорджа Т. Нельсона, а раз так, то появится шанс, что Джордж Т. Нельсон уберет свой жирный зад с дивана прежде, чем Фрэнк сдохнет тут, расплющив нос о батарею.

Фрэнк разжал руку, державшую нож, и попытался дотянуться до пистолета, заткнутого за пояс брюк. Но оказалось, что это невозможно — пальцы цеплялись за воздух в двух дюймах от рукоятки с накладками слоновой кости. Фрэнка прошиб холодный пот. Изо всех оставшихся сил он попытался высвободить руку, но зажатое плечо даже не сдвинулось: массивный диван — и солидный вес Джорджа Т. Нельсона — крепко прижали его к стене. Все равно что прибили гвоздями.

Перед глазами у Фрэнка расцвели черные розы — предвестники приближающегося удушья.

Из какой-то туманной, невообразимой дали он слышал, как его старый «друг» кричит на Фреда Рубина, который был, несомненно, партнером Джорджа Т. Нельсона по кокаиновым делам.

— Да что ты *несешь?!* Я тебе звоню, чтобы сказать, что у меня в квартире погром, а ты посылаешь меня в новый магазин?! Мне не нужны всякие финтифлюшки, Фред, мне нуж...

Он умолк на полуслове, резко вскочил и принялся мерить шагами комнату. Собрав последние силы, Фрэнк

исхитрился отодвинуть диван на несколько дюймов от стены. Совсем чуть-чуть, но и эта малость дала ему несколько глотков невероятно чудесного воздуха.

— *Что* он продает? — переспросил Джордж Т. Нельсон. — О Господи Иисусе! Боже мой! Что же ты сразу не сказал?!

Опять молчание. Фрэнк лежал за диваном, как выброшенный на берег кит, судорожно втягивая воздух и надеясь, что его голова, пульсирующая удушливой болью, все же не лопнет. Ничего, сейчас он встанет и отстрелит своему старому «другу» Джорджу Т. Нельсону его колокольчики. Сейчас. Надо только отдышаться. Как только черные розы, пляшущие перед глазами, отступят. Сейчас. Сейчас.

— Ладно, — сказал Джордж Т. Нельсон. — Я съезжу к нему. Правда, я сомневаюсь, что он весь такой из себя кудесник, как ты его описываешь, но тут уже не до жиру. Я тебе вот что скажу: мне плевать, продает он его или нет. Я найду сукиного сына, который все это сделал, — это раз, и размажу его по ближайшей стене — это два. Ты понял?

Я понял, подумал Фрэнк, *но кто кого по стене размажет — это еще вопрос, дорогуша.*

— Да, я запомнил имя! — орал в трубку Джордж Т. Нельсон. — Гонт, Гонт, *Гонт*, черт его побери!

Он бросил трубку, потом, наверное, швырнул аппарат через комнату — Фрэнк услышал звук бьющегося стекла. Через секунду Джордж Т. Нельсон, в последний раз охнув и всхлипнув, выбежал из дому. Заурчал мотор его «айрок-зи». Слушая, как машина отъезжает от дома, Фрэнк потихоньку отодвигал диван. За окном раздался визг шин — старый «друг» Фрэнка Джордж Т. Нельсон уехал.

Минуты через две над диваном показались две руки. Они вцепились в светло-желтую спинку, а еще через мгновение между ними появилось лицо Фрэнка М. Джуитта — бледное и искаженное, со сбившимися набок очками мистера Уотерби. Одна линза успела треснуть. Спинка ди-

вана оставила красный точечный орнамент на его правой щеке. В лысеющих волосах запутались шарики пыли.

Медленно — так на поверхность реки всплывает вздувшийся утопленник — на лице Фрэнка расцвела прежняя ухмылка. На этот раз он упустил своего старого «друга» Джорджа Т. Нельсона, но Джордж Т. Нельсон не собирается покидать город. Это было ясно из его телефонного разговора. Фрэнк разыщет его еще до вечера. В таком городишке, как Касл-Рок, затеряться невозможно.

32

Шон Раск стоял на пороге кухни, встревоженно вглядываясь в темноту гаража. Пять минут назад туда ушел его старший брат — Шон выглянул из окна спальни и случайно его заметил. Брайан что-то держал в руке. Расстояние было слишком большим, чтобы Шон мог разглядеть, что именно, но Шон и так знал, что это такое. Новая бейсбольная карточка, на которую Брайан время от времени ходил смотреть. Брайан не знал, что Шону известно про карточку. Шон даже знал, кто на ней напечатан, потому что он приходил со школы намного раньше Брайана и однажды забрался к нему в комнату, чтобы взглянуть на нее. Он не понимал, почему Брайан так трясется над этой карточкой — она была старой, выцветшей, с обломанными углами. К тому же об этом игроке Шон вообще никогда не слыхал — подающий *«Лос-Анджелес доджерс»* по имени Сэмми Коберг с послужным списком одна победа, три поражения. Он не продержался в высшей лиге и года. Зачем Брайану эта карточка?

Шон этого не понимал. Но зато он был уверен в одном: во-первых, Брайан очень дорожил этой карточкой, и во-вторых, в последнюю неделю Брайан вел себя очень странно, даже пугающе. Как в предостережениях про детей-наркоманов, которые крутят по телику. Но Брайан не стал бы принимать наркотики... *или?*

И вот сейчас выражение лица Брайана так напугало Шона, что он решил рассказать все маме. Он не знал, что конкретно он будет рассказывать, но так получилось, что сказать-то он ничего и не смог. Его мать о чем-то мечтала в спальне, сидя в банном халате и этих дурацких очках, купленных в новом магазине в центре.

— Мам, там Брайан... — начал он, и это было все, что он успел сказать.

— Уйди, Шон. Мама занята.

— Но, мам...

— *Уйди*, я сказала.

Больше он ничего не успел сказать. Она бесцеремонно выпихнула его из комнаты. Халат распахнулся, и, прежде чем Шон успел отвести глаза, он заметил, что под халатом не было ничего, даже ночной рубашки.

Она захлопнула за ним дверь. И закрыла ее на ключ.

Теперь он стоял на пороге кухни, с тревогой ожидая возвращения Брайана... но Брайан не возвращался.

Беспокойство Шона росло. Он с трудом сдерживал страх. В итоге он выбежал из кухни, прошел по двору и вошел в гараж.

Внутри было темно, очень жарко и воняло маслом. Сначала он не разглядел брата в полумраке и решил было, что Брайан вышел через другую дверь, но потом его глаза привыкли к темноте, и Шон не смог сдержать сдавленного крика.

Брайан сидел у противоположной стены рядом с газонокосилкой. Он достал папино ружье. Приклад ружья был уперт в пол. Дуло направлено в голову Брайану, который одной рукой держал ствол ружья, а в другой сжимал грязную бейсбольную карточку, которая по какой-то непонятной причине обрела над ним такую власть.

— Брайан! — закричал Шон. — Что ты делаешь?!

— Не подходи ближе, Шон, тебя забрызгает.

— Брайан, не надо! — взмолился Шон со слезами на глазах. — Не будь таким слабаком. Ты... ты меня пугаешь!

— Ты должен мне кое-что пообещать, — сказал Брайан. Он снял кроссовки и носки и теперь продевал большой палец правой ноги в кольцо над спусковым крючком.

Шон почувствовал, что в паху у него разлилось что-то мокрое и горячее. Ему еще никогда не было так страшно, ни разу в жизни.

— Брайан, пожалуйста! *Я прошу тебя!*

— Пообещай мне, что ты никогда не зайдешь в этот новый магазин. — сказал Брайан. — Слышишь? Пообещай!

Шон шагнул к брату. Палец Брайана уперся в спусковой крючок.

— *Нет!* — взвизгнул Шон, отпрянув назад. — То есть да! *Да!*

Когда Шон отошел, Брайан чуть ослабил нажим.

— Поклянись.

— Да! Все, что хочешь! Только не надо! Не... не пугай меня, Брай! Пошли в дом, посмотрим «Трансформеров»! Нет... выбирай! Все, что хочешь! Даже «Уорпнера»! Если хочешь, посмотрим «Уорпнера»! Будем смотреть всю неделю! Целый месяц! Я вместе с тобой буду смотреть! Только не надо меня пугать, Брайан, пожалуйста, мне очень страшно!

Брайан как будто его и не слышал. Его глаза смотрели в никуда, лицо было задумчивым и спокойным.

— Не ходи туда, — сказал он. — «Нужные вещи» — плохое место, и мистер Гонт — плохой человек. На самом деле он вообще не человек. Поклянись, что ты никогда не купишь ничего из этих плохих вещей, что продает мистер Гонт.

— Клянусь! Клянусь! — залопотал Шон. — Клянусь мамой!

— Нет, — сказал Брайан, — не то. Она тоже в его руках. Клянись собой, Шон. Клянись собой.

— Клянусь! — закричал Шон в горячую темноту гаража. Он умоляюще протянул руки к брату. — Я правда клянусь, клянусь собой! Прошу тебя, Брай, убери ружье, умоляю...

— Я люблю тебя, братик. — Брайан бросил взгляд на бейсбольную карточку. — Сэнди Куфакс — дерьмо, — произнес он и спустил большим пальцем ноги курок.

Пронзительный крик Шона заглушил грохот выстрела, сотрясший стены гаража.

33

Лиланд Гонт стоял у окна своего магазина. Звук выстрела, донесшегося с Форд-стрит, был очень слабым, но у мистера Гонта был хороший слух.

Его улыбка сделалась еще шире.

Он снял с окна вывеску, ту самую, ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ, и повесил другую:

ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ

— Теперь будем развлекаться, — сказал Лиланд Гонт в темноту. — Пора.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Полли Чалмерс ничего обо всем этом не знала.

Пока Касл-Рок пожинал первые плоды трудов мистера Гонта, она поехала в самый конец городской дороги № 3, к заброшенному дому Камбера. Она направилась сюда сразу, как только закончила говорить с Аланом.

Закончила? — подумала она. *О нет, дорогая, это слишком мягко сказано. После того как ты его обругала и бросила трубку.*

Хорошо, согласилась она. *После того как я его обругала и бросила трубку. Но он копался в моих делах, причем у меня*

за спиной. И когда я его обвинила в этом, он смешался и начал врать. Он мне соврал. И мне показалось, что поэтому он заслуживает того, чтобы с ним обошлись грубо.

Внутри что-то встревоженно шевельнулось, *что-то*, что, возможно, подало бы голос, будь у него время и место, но Полли не дала ему ни того, ни другого. Ей не нужны были возражающие голоса; на самом деле она вообще не хотела думать о разговоре с Аланом. Пока что она хотела лишь одного: закончить это поручение на дороге № 3 и скорее вернуться домой — принять прохладную ванну и завалиться спать, часов на двенадцать или шестнадцать.

Но тот глубинный голос все-таки успел произнести шесть слов: *Но, Полли... а ты не подумала...*

Нет. Она не подумала. Со временем она, может быть, и обдумает происшедшее, но не сейчас. Сейчас еще слишком рано. Когда придут мысли, придет и боль. А пока что она хотела заняться делом... и ни о чем не думать.

Дом Камбера был жутковатым... поговаривали, *что там* водятся привидения. Не так давно во дворе этого дома погибли люди, двое — маленький мальчик и шериф Джордж Баннерман. Двое других — Гари Первье и сам Джо Камбер — умерли в непосредственной близости, на том же холме.

Полли остановила машину рядом с тем местом, где женщина по имени Донна Трентон когда-то совершила смертельную ошибку, припарковав там свой «форд-пинто». Когда Полли вышла из машины, *ацка* качнулась у нее на груди.

Она с тревогой обвела взглядом прогнившее крыльцо, облезшие стены, заросшие плющом, разбитые окна, слепо пялящиеся в белый свет. Сверчки распевали в траве свои глупые песни, и яркое солнце припекало так же жарко, как и в те страшные дни, когда Донна Трентон боролась тут за свою жизнь и за жизнь сына.

Что я тут делаю? — подумала Полли. *Что я тут делаю, ради всего святого?!*

Но она знала, что она тут делает, и это дело не имело ничего общего ни с Аланом Пангборном, ни с Келтоном, ни с Детским фондом сан-францисского департамента социального обеспечения. Этот выезд на природу не имел ничего общего с любовью. Он был связан лишь с болью... но и этого достаточно.

Что-то все-таки было внутри ее серебряного амулета. Что-то живое. И если она не сделает того, что она обещала Лиланду Гонту, это *что-то* погибнет. А Полли совсем не была уверена, что сможет выдержать возвращение обратно к боли — к той бешеной, дробящей руки боли, что разбудила ее в то достопамятное воскресенье. Если бы ей сказали, что она до конца своих дней будет мучиться этой болью, она предпочла бы покончить с собой.

— И дело вовсе не в Алане, — прошептала она, направляясь к сараю с раззявленной дверью и покосившейся крышей. — Он же сказал, что не тронет Алана.

А чего ты о нем беспокоишься? — спросил тот же назойливый и неприятный голос.

Она беспокоилась, потому что не желала Алану зла. Она на него злилась, да. И даже не просто злилась, она была разъярена, если называть вещи своими именами. Но это не значит, что она готова опуститься до его уровня и вести себя с ним так же низко, как он повел себя с ней.

Но, Полли... а ты не подумала...

Нет. *Нет!*

Сейчас она подстроит ловушку Тузу Мериллу, а на Туза ей наплевать. Она с ним даже незнакома, слышала только. Сюрприз предназначался Тузу, но...

Но Алана, который отправил Туза в Шоушенк, это тоже коснется каким-то боком. Полли не знала, откуда у нее такая уверенность. Просто сердце подсказывало.

Может быть, еще не поздно отказаться? Но хватит ли ей решимости отказаться? Теперь тут был замешан еще и Келтон. Мистер Гонт не сказал прямо, что правда о случившемся с ее сыном расползется по всему городу, если она не сделает так, как он хочет... не сказал прямо, но

намекнул. А если в городе узнают правду, она этого просто не переживет.

Разве девушке нельзя сохранить свою гордость? Когда все остальное пойдет прахом, разве нельзя ей сохранить хотя бы это, последнюю монету, без которой ее кошелек будет уже совершенно пуст?

Да. Да. Да.

Мистер Гонт говорил, что все нужные ей инструменты будут в сарае; Полли медленно побрела туда.

«Не спеши. «Живи там, где твое место» — так написано в одной книге, — говорила тетя Эвви. — Но живи, Триша. Не будь призраком».

Входя в сарай Камбера через открытую дверь, висевшую на проржавленных петлях, Полли чувствовала себя настоящим призраком. Такого она не испытывала еще ни разу. Между грудей качнулась *ацка*... теперь сама по себе. Что-то внутри. Что-то живое. Полли это не нравилось, но еще меньше ее радовала мысль о том, что будет, если это существо умрет.

Она сделает то, что ей велел мистер Гонт, — во всяком случае, в этот единственный раз, — порвет все связи с Аланом Пангборном (это было ошибкой с самого начала, сейчас она это поняла, очень ясно поняла) и оставит свое прошлое при себе. Почему бы и нет?

В конце концов, это ведь такая малость.

2

Лопата была именно там, где он сказал: стояла у стены в столбе пыльного света. Полли взялась за ее гладкую, отполированную ручку.

Внезапно ей послышался низкий рык, исходящий из темных глубин сарая, как будто бешеный сенбернар, который загрыз Большого Джо Баннермана и из-за которого погиб Тэд Трентон, засел там в темноте, вернувшись с того света — и еще злее, чем раньше. У Полли волосы

встали дыбом, и она бегом выскочила за дверь. Двор выглядел ненамного веселее. Пустой дом угрюмо таращился на нее слепыми окнами, но это было все-таки лучше, чем темнота в сарае.

Что я здесь делаю? — спросила себя Полли и услышала в ответ голос тети Эвви: *Становишься призраком. Вот что ты делаешь. Ты становишься призраком.*

Полли зажмурилась.

— Перестань! — прошептала она. — Прекрати!

Вот и правильно, сказал Лиланд Гонт. *Тем более о чем вообще разговор?! О маленькой невинной шутке. Но даже если из-за нее произойдет что-то серьезное — на самом деле все будет нормально, но допустим, — то кто будет виноват?*

— Алан, — прошептала она, нервно сжимая пальцы. — Если бы он со мной поговорил... если бы он не совался в дела, которые его не касаются...

Слабенький протестующий голос опять попытался вставить слово, но его опередил Лиланд Гонт.

Ты снова права, сказал Гонт. *А насчет того, что ты тут делаешь, Полли, ответ весьма прост: ты платишь. Вот что ты делаешь. Призраки тут ни при чем. И запомни еще одну вещь, потому что это простейший, но очень важный аспект коммерции: как только ты за что-либо расплатился, оно становится твоим. Ты же не ожидала, что такая замечательная вещь будет дешевой? Но когда ты ее оплатишь — она твоя. Так ты собираешься простоять тут весь день, слушая глупые голоса, или все же займешься тем, зачем приехала?*

Полли открыла глаза. Ацка неподвижно висела на конце цепочки. Если раньше она и двигалась — а теперь Полли уже не была в этом уверена, — то движение прекратилось. Дом стал просто домом, слишком долго простоявшим без жильцов и демонстрировавшим неизбежную неухоженность и заброшенность. Окна были не слепыми глазами, а просто дырами без стекол, выбитых малолетними искателями приключений. Если она и слышала что-то в сарае — она уже не была уверена и в этом тоже, —

то скорее всего это просто скрипели доски, покоробившиеся под не по сезону жарким октябрьским солнцем.

Ее родители были мертвы. Ее ребенок был мертв. И собака, которая одиннадцать лет назад бесчинствовала на этом дворе в течение трех летних дней и ночей, тоже давно сдохла.

Здесь нет никаких призраков.

— И я тоже не призрак, — пробормотала она, обходя сарай.

3

Когда обойдешь сарай, сказал мистер Гонт, *увидишь остатки старого трейлера.* Так и случилось. Серебристый «эйр-флоу», почти утонувший в зарослях золотарника и поздних подсолнухов.

У левого края трейлера будет большой плоский камень.

Камень действительно был. Громадный, как плитка для садовой дорожки.

Сдвинь камень и копай. На глубине двух футов будет жестяная банка.

Она откинула камень в сторону и стала копать. Не прошло и пяти минут, как под лопатой что-то звякнуло. Полли отбросила лопату и принялась разгребать рыхлую землю руками, обрывая пальцами нежную паутину корней. Еще через минуту у нее в руках оказалась большая консервная банка. С нее упала прогнившая наклейка с рецептом торта «Ананасовый сюрприз» (список ингредиентов почти полностью был закрыт черными пятнами плесени) и купоном на скидку (срок действия истек в 1969-м). Запустив ногти под крышку, Полли открыла банку. Оттуда вырвался вонючий воздух — Полли почти физически ощутила удар зловония и отпрянула. Слабый голос в последний раз попытался спросить, что она тут делает, но Полли быстро его заткнула.

Заглянув в банку, она обнаружила там именно то, о чем ее предупреждал мистер Гонт: пачку торговых купонов «Голд Бонд» и несколько поблекших фотографий женщин, занимавшихся сексом с колли.

Полли запихала эту гадость в карман и немедленно вытерла руку о джинсы, пообещав себе, что при первой же возможности как следует вымоет руки с мылом. Прикоснувшись к такой грязи, она почувствовала себя осквернённой.

Из другого кармана она извлекла заклеенный конверт, надписанный большими печатными буквами:

ОТВАЖНОМУ ИСКАТЕЛЮ СОКРОВИЩ

Полли положила конверт в банку, закрыла ее крышкой и бросила обратно в яму. Потом схватила лопату и быстро закидала яму. Ей хотелось побыстрее убраться отсюда.

Покончив с ямой, она зашвырнула лопату в заросли и быстрым шагом пошла к машине. Ее совсем не привлекала мысль о возвращении в сарай, не важно, насколько обычными и прозаическими были звуки, которые она слышала там.

Добравшись до машины, Полли сначала открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья, залезла в бардачок и извлекла на свет Божий старый коробок спичек. Она зажгла спичку только с четвертой попытки. Руки почти не болели, но они так тряслись, что первые три раза она чуть не проткнула серу на коробке.

Когда на четвертый раз спичка все-таки вспыхнула, Полли взяла ее двумя пальцами правой руки, а левой вытащила из кармана стопку торговых купонов и нехороших фотографий. В ярком солнечном свете пламя спички было едва различимым, поэтому Полли держала ее под стопкой бумаг, пока окончательно не убедилась, что огонь занялся. Потом она отбросила спичку и повернула стопку горящим краем вниз. Женщина на фотографии выглядела

истощенной и не очень вменяемой. Собака была довольно облезлой и достаточно умной, чтобы смущаться. Было большим облегчением наблюдать, как поверхность первой фотографии вспучивается и темнеет. Когда фотографии стали закручиваться от жара, она бросила горящую пачку на землю в том самом месте, где когда-то другая женщина забила до смерти бейсбольной битой другую собаку, на этот раз сенбернара.

Огонь жадно набросился на свою добычу. Скоро ворох торговых купонов и фотографий превратился в черный пепел. Языки пламени затрепетали и погасли... и в ту же секунду внезапный порыв ветра прорвал сонную неподвижность дня и разметал горстку пепла. Проследив за летящими хлопьями, Полли изменилась в лице. Откуда взялся этот странный порыв ветра?

Ой, ладно! Что ты себя накручиваешь...

И тут из горячей и темной утробы сарая снова послышался глухой, угрожающий рев, похожий на звук крутящегося вхолостую мощного двигателя. Это ей не померещилось, и это был вовсе не скрип старых досок.

Это была *собака*.

Полли испуганно повернулась и увидела две красные искорки, наблюдавшие за ней из тьмы.

Она обежала машину, в спешке больно стукнувшись бедром о крыло, села за руль, подняла окна и закрыла все дверцы. Повернула ключ зажигания. Мотор закашлял... и не завелся.

Никто не знает, что я здесь, подумала она. *Никто, кроме мистера Гонта... а он никому не скажет.*

Полли уже представляла себя пойманной здесь в ловушку. Как Донна Трентон и ее сын. Но тут движок ожил, и она рванула к шоссе с такой скоростью, что чуть не вылетела в кювет. Она переключила передачу и понеслась к городу на максимальной скорости, на которую только сумела отважиться.

Она и думать забыла о том, чтобы вымыть руки.

4

Туз Мерилл вскочил с кровати примерно в то же самое время, когда Брайан Раск вышиб себе мозги совершенно в другом месте, в тридцати милях отсюда.

Он прошел в ванную, снимая с себя по пути грязное белье, и отмокал там час или два. Потом поднял руку и принюхался к своей подмышке. Посмотрел на душ, но решил не тратить время. Сегодня его ждут великие дела. Душ подождет.

Он вышел из ванной, не нажав на смыв — принцип *«что желтеет, пусть стареет»* был неотъемлемой частью жизненной философии Туза, — и направился прямиком к бюро, где на зеркале для бритья лежала последняя порция порошка мистера Гонта. Отличная была штука: вдыхаешь легко, в голову бьет — будь здоров. Как очень верно сказал мистер Гонт, этой ночью Тузу понадобится большое количество кайфа, и он догадывался, где его можно взять.

При помощи своих водительских прав Туз выстроил парочку белых дорожек. Втянул их через свернутую пятидолларовую купюру, и у него в голове словно взорвалась зенитная ракета.

— Бум! — закричал Туз Мерилл голосом Волка из уорнеровского мультика (у него это неплохо получалось). — А теперь — за кассетами.

Он натянул пару выцветших джинсов прямо на голую задницу, потом надел майку с эмблемой «харлея-дэвидсона». *В этом сезоне все охотники за сокровищами выбирают такой фасон,* подумал он и расхохотался. *Слышь, хороший какой кокаин!*

Он уже почти дошел до двери, когда его взгляд случайно упал на вчерашнюю понюшку, и он вспомнил, что собирался позвонить Нату Коупленду в Портсмут. Он вернулся в спальню, покопался в одежде в верхнем ящике комода и выудил потертую записную книжку. Потом он прошел в гостиную, уселся перед телефоном и набрал

нужный номер. Вряд ли Нат сейчас дома, но попробовать стоило. Кокаин у него в голове бурлил и шипел, но кайф уже потихоньку спадал. Одна понюшка кокаина делает из тебя нового человека. Проблема в том, что первое, чего хочет этот новый человек, — еще одна понюшка, а запасы Туза сильно поистощились.

— Да? — раздался у него в ухе обеспокоенный голос, и Туз понял, что его карта опять сыграла. Удача была на его стороне.

— Нат! — закричал он.

— Кой хрен там орет?

— Я ору, старый шланг! Я!

— Туз? Это ты?

— Я, и никто другой! Как поживаешь, старик?

— Бывало и лучше. — Нат, судя по голосу, был не слишком обрадован, услышав голос старого приятеля по механической мастерской из Шоушенка. — А чего тебе надо, Туз?

— Разве так разговаривают со старыми друзьями? — укоризненно спросил Туз. Он прижал трубку плечом и подкатил к себе пару ржавых консервных банок.

Одну из них он выкопал из земли во дворе дома старого Требелхорна, другую — из обвалившегося погреба на заброшенной ферме Мастерсов, которая сгорела, когда Тузу было всего десять лет. В первой банке обнаружилось четыре альбома Зеленых Марок и несколько свертков купонов из пачек сигарет «Рейли». Во второй были пара пачек разных купонов и ваучеров и шесть пакетов одноцентовых монет. Только странных каких-то монет.

Белого цвета.

— Может, я просто хочу узнать, как дела, — поддразнил Туз. — Ну, знаешь, все ли спокойно на фронте, подвезли ли снаряды и все такое.

— Чего тебе надо, Туз? — устало повторил Нат Коупленд.

Туз выковырнул из банки один столбик монеток. Бумага, в которую они были завернуты, выцвела из пурпур-

ной до серо-розовой. Он вытряс из свертка две монетки и пригляделся к ним. Если кто-то и сможет что-то о них рассказать, то это Нат Коупленд.

Когда-то у него был свой магазин в Киттери. Назывался «Марки и монеты Коупленда». У него была и своя нумизматическая коллекция — одна из лучших в Новой Англии, если верить Нату. Потом он тоже открыл для себя чудеса кокаина. В течение четырех-пяти лет он распродал все свои монеты одну за одной, чтобы регулярно пудрить нос. В 1985 году полиция, прибывшая по вызову бесшумной сигнализации, застала Ната Коупленда в нумизматическом магазине «Длинный Джон Сильвер». Он запихивал в замшевую сумку серебряные доллары с изображением Статуи Свободы. А по прошествии очень короткого времени Туз имел счастье с ним познакомиться.

— Ну, у меня был небольшой вопрос, и раз уж ты сам спросил...

— Вопрос? Только вопрос, и все?

— Абсолютно. Вопрос, и больше ничего, дружище.

— Ну, тогда ладно, — чуть смягчился Нат. — Спрашивай, я же не могу целый день ждать.

— Я понимаю, — согласился Туз. — Занятой, ужасно занятой день. Нужно куда-то ехать, кого-то сожрать, да, Натти? — Он нервно рассмеялся. И дело было не только в кокаине — *день* был особый. Он не ложился до рассвета, кокаин не давал ему заснуть аж до десяти утра, несмотря на закрытые жалюзи и усталость. Он до сих пор чувствовал себя в силе перекусывать зубами стальную арматуру и выплевывать ее уже обойными гвоздиками. А почему бы и нет? Какого хрена?! Он стоял на пороге большой удачи и знал это, чувствовал всеми фибрами.

— Туз, в той хреновине, которую ты называешь своими мозгами, правда что-то созрело или ты позвонил, чтобы меня позлить?

— Нет, я не хочу тебя злить. Ответишь мне на один вопрос, Натти, и, может быть — очень даже может! — я тебе кое-что дам... интересненькое.

— Правда? — Голос Ната Коупленда мгновенно утратил прежнюю строгость. Он стал просящим, почти заискивающим. — Ты опять меня дуришь?

— Точно, лучшая дурь, примоэкселенца, друг мой Натти Бампо, в жизни такого дерьма не встречал!

— И мне тоже достанется?

— Даже и не сомневайся, — сказал Туз, конечно же, не имея в виду ничего такого. Он выковырнул из свертка еще три-четыре странные монетки и выстроил их в линию на столе. — Только сделай мне одолжение.

— Давай говори.

— Что ты знаешь про белые пенни?

На другом конце провода повисла пауза. Потом Нат осторожно спросил:

— Белые пенни? Ты имеешь в виду *стальные* пенни?

— Я не знаю, что я имею в виду. Ты же коллекционер, а не я!

— Посмотри на даты. Они должны быть датированы 1941—45 годами.

Туз перевернул монетки. Одна была 1941 года, четыре — 1943-го и последняя — 1944-го.

— Да, точно. И сколько они стоят? — Туз попытался скрыть нетерпение в голосе. Нельзя сказать, что ему это удалось.

— Немного, если продавать по штуке, — сказал Нат, — но все-таки больше, чем обычные пенни. Доллара два за штуку. Три, если в о.с.

— Чего?

— В отличном состоянии. Как с завода. Много их у тебя, Туз?

— Есть чуток, — сказал Туз. — Есть чуток, дружище Натти. — Он был очень разочарован. Шесть свертков, триста центов, даже слепому понятно, что они отнюдь не в идеальном состоянии. Не то чтобы они были потертые и исцарапанные, но уж точно не новые и не блестящие, как с завода. Шесть сотен, максимум восемь. Не густо.

— Давай привози их, я посмотрю, — сказал Нат. — Дам хорошую цену. — Он поколебался и добавил: — И захвати с собой этого энергетического порошка.

— Я подумаю, — сказал Туз.

— Э-э! Туз! Не вешай трубку!

— Большое тебе спасибо от лица моей задницы, — ответил Туз и сделал то, чего его просили не делать.

Он просидел минут десять, размышляя о монетках и ржавых банках. Как-то странно все это... Бесполезные торговые купоны и стальные пенни стоимостью в шестьсот долларов. Что все это значит?

В этом-то и проблема. *Ни хрена это не значит,* подумал Туз. *Где настоящая добыча? Где, черт возьми, БАБКИ?*

Он вскочил из-за стола, вернулся в спальню и использовал по назначению остаток зелья, любезно предоставленного мистером Гонтом. Вернувшись в гостиную с книгой в руке (той, в которой хранилась карта), он выглядел не в пример веселее. Кое-что эта хрень все же означала. Именно то. Что надо. Теперь, когда он чуточку смазал шестеренки в своих мозгах, тут же все сразу разглядел.

В конце концов на карте был не один крестик. В двух местах, помеченных крестиками, он нашел клады, зарытые под большими плоскими камнями. Крестики + Плоские Камни = Зарытое Сокровище. Видимо, к концу жизни у Папаши Мерилла действительно размягчились мозги, и сильнее, чем думали многие в городе. Поэтому у него все-таки были проблемы в смысле различать бриллианты и окаменевшее дерьмо, но настоящие ценности — золото, деньги, может быть, долговые расписки — все еще где-то лежат, под какой-то из каменных плит.

И у него есть *доказательство.* Дядюшка где-то зарыл по-настоящему ценные вещи, а не просто пачки старых гнилых торговых купонов. На старой ферме Мастерсов он нашел шесть свертков стальных пенни стоимостью по меньшей мере шестьсот долларов. Немного, конечно... но это знак!

— Они где-то там, — тихо сказал Туз. Его глаза лихорадочно сверкали. — Они где-то там, в одной из оставшихся семи ям. Или в двух. Или в трех.

Он это *знал*.

Вынув из книги коричневую карту, он принялся водить пальцем от крестика к крестику, пытаясь решить, который из них предпочтительнее. Палец остановился на заброшенном доме Джо Камбера — единственном месте, где два крестика стояли достаточно близко друг к другу. Туз постучал пальцем по этому месту.

Джо Камбер погиб в результате трагедии, унесшей жизни еще троих. Его жены и ребенка в этот момент там не было. Уехали на отдых. Люди вроде Камберов обычно не ездят на курорты, но Чарити Камбер вроде бы выиграла кое-какие деньги в лотерее штата. Туз попытался выковырнуть из памяти еще какие-нибудь подробности, но тщетно. В те годы у него было своих забот — выше крыши.

А что сделала миссис Камбер, когда, вернувшись с сыном домой, обнаружила, что Джо — первоклассное дерьмо, согласно тому, что о нем слышал Туз, — отошел в мир иной? Уехала из штата, так? А имущество? Скорее всего ей нужно было как можно быстрее от него избавиться. А к кому в Касл-Роке приходят люди, которым нужно срочно превратить имущество в наличность? То есть уже не приходят, но приходили раньше. К Реджинальду Мэриону Мериллу по прозвищу Папаша. Допустим, что миссис Камбер пошла к нему. Он предложил бы грабительские условия — это было в его духе, — но, поскольку у нее не было времени, эти условия ее устраивали. Другими словами, ко времени смерти Папаши заброшенное подворье Камберов вполне могло принадлежать ему.

Эта вероятность превратилась в воображении Туза в настоящую уверенность.

— Дом Камберов, — сказал он. — Клянусь, деньги там! Я знаю, я уверен!

Тысячи долларов! Может, десятки тысяч! Гребаные кочерыжки!

Он схватил карту и убрал обратно в книгу. Не медля ни секунды, он пошел — почти побежал — к «шевроле», одолженному мистером Гонтом.

Но один вопрос никак не давал ему покоя: если Папаша все-таки был *в состоянии* отличать бриллианты от дерьма, тогда какого хрена он закапывал торговые купоны?!

Туз нетерпеливо отмел в сторону все вопросы и выехал на дорогу, ведущую в Касл-Рок.

5

Дэнфорд Китон вернулся домой примерно в то же самое время, когда Туз Мерилл поехал исследовать живописные окрестности города. Бастер все еще был прикован к дверной ручке своего «кадиллака», но его настроение поднялось до состояния бешеной эйфории. Последние два года он провел, сражаясь с тенями, и тени побеждали. Он уже дошел до того, что стал сомневаться в своем психическом здоровье... конечно, *им* как раз это и было нужно.

По дороге домой, на Касл-Вью, он заметил на нескольких домах «спутниковые тарелки». Он видел их и раньше и задавался вопросом, а может, эти «тарелочки» неспроста — может, они тоже играют какую-то роль в том, что творится в городе. Теперь он был в этом уверен. Никакие это не «спутниковые тарелки». Это мозгоглушилки. Возможно, не все они направлены на его дом, но можно быть уверенным, что они нацелены на дома людей, которые, как и он сам, понимают, какой дьявольский заговор их окружает.

Бастер подъехал к дому и открыл дверь гаража, нажав на кнопку, закрепленную на противосолнечном щитке. Дверь с грохотом поползла вверх, и в ту же секунду Бастер почувствовал жестокий приступ головной боли. Еще бы, ведь и здесь тоже не обошлось без *них*: кто-то заменил

настоящую систему дистанционного управления на *другую*, испускающую вредное излучение, когда он открывает дверь.

Бастер сорвал щиток и вышвырнул его в окно, перед тем как въехать в гараж.

Он выключил зажигание, открыл дверцу и выбрался из машины. Наручники держали его почти как ошейник. На стене висело множество инструментов, но до них было далековато. Бастер нырнул обратно в машину и нажал на гудок.

6

Миртл Китон, у которой сегодня было свое задание, лежала наверху, в своей спальне, в лихорадочном полусне. Резкий гудок машины напугал ее, заставив вскочить с расширенными от ужаса глазами.

— *Я все сделала!* — выдохнула она. — Я сделала все, что вы мне сказали, теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое!

Тут она поняла, что заснула и что на самом деле мистера Гонта тут нет, а следовательно, можно вздохнуть с облегчением.

БИИИИИИИП! БИИИП! БИИИИИИИИИИИИИИП!

Похоже на сигнал «кадиллака». Миртл взяла куклу, лежавшую рядом с ней — прекрасную куклу, которую она купила в магазине мистера Гонта, — и прижала ее к себе. Сегодня она сделала одну вещь, которую смутная, запуганная часть ее сознания считала плохой, *очень* плохой, поэтому кукла стала ей неоценимо дорога. Как сказал бы мистер Гонт, цена увеличивает ценность... по крайней мере в глазах покупателя.

БИИИИИИИИИИИП!!!!

Точно, «кадиллак». С чего бы Дэнфорду сидеть в гараже и сигналить? Наверное, надо сходить посмотреть.

— Пусть только тронет мою красавицу, — тихо сказала она, укладывая куклу на подушку со своей стороны кровати. — Пусть только попробует, потому что я больше терпеть не буду.

Миртл была среди тех покупателей «по особым приглашениям», посетивших сегодня «Нужные вещи». Просто еще одно имя с галочкой в списке мистера Гонта. Она пришла, потому что мистер Гонт велел ей прийти. Способ, которым она получила этот приказ, нашел бы полное понимание у ее мужа — голос мистера Гонта прозвучал у нее в голове.

Мистер Гонт сказал ей время, к которому она должна явиться, чтобы окончательно расплатиться за свою куклу... если хочет ее оставить, естественно. Ей нужно было отнести какую-то металлическую коробку и запечатанное письмо в зал «Дщерей Изабеллы», что рядом с церковью Богоматери Тихих Вод. Коробка была закрыта частыми решетками со всех сторон, кроме дна. Изнутри слышалось слабое тиканье. Миртл попыталась рассмотреть, что лежит внутри за этими круглыми решеточками — они были похожи на динамики со старых настольных приемников, — но увидела только неясный прямоугольный предмет. По правде, она не так уж и тщательно присматривалась. Много будешь знать — скоро состаришься.

Когда Миртл добралась до церкви (она шла пешком), там стояла всего одна машина, а сам приходской зал был пуст. Для верности она заглянула внутрь через окошко в верхней половине двери, а потом прочла объявление, висевшее там же.

«ДЩЕРИ ИЗАБЕЛЛЫ»
ВСТРЕЧАЮТСЯ СЕГОДНЯ В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА
ВЫ ТОЖЕ МОЖЕТЕ ПОУЧАСТВОВАТЬ В ПОДГОТОВКЕ
«НОЧИ В КАЗИНО»!

Миртл скользнула внутрь. Слева от двери стоял стеллаж с ярко раскрашенными отделениями; дети из про-

дленки хранили тут свои завтраки, а ученики воскресной школы — рисунки и внеклассные проекты. Миртл было приказано положить коробку в одно из этих отделений, что она и сделала. Размер совпал почти идеально. В дальнем конце комнаты стояло кресло председательницы, слева от него — американский флаг, справа — плакат с изображением Младенца из Праги*. Стол был уже подготовлен к вечернему собранию: на нем лежали карандаши, ручки, бланки петиций в поддержку «Ночи в казино», а посередине стола — повестка дня. Под этот листок Миртл подложила конверт, врученный ей мистером Гонтом, так чтобы Бетси Виг, избранная на этот год председательницей заседаний комитета дщерей, заметила его сразу, как возьмет в руки повестку.

ПРОЧТИ ЭТО ВНИМАТЕЛЬНО, ПАПСКАЯ ШЛЮХА

— было написано на конверте большими печатными буквами.

Когда Миртл на цыпочках выбежала из зала, ее сердце билось, как сотня тамтамов, а давление подскочило почти до Луны. Снаружи она на секунду остановилась, прижав руку к объемистому бюсту и пытаясь восстановить дыхание.

И увидела, как кто-то выскочил из зала заседаний Рыцарей Колумба.

Это была Джун Гэвино. Она была явно напугана и выглядела так же виновато, как и сама Миртл. Сбежав вниз по деревянным ступенькам к стоянке, она чуть не упала, но удержалась и быстро простучала каблучками к единственной запаркованной там машине.

Джун подняла глаза, заметила Миртл и побледнела. Потом, присмотревшись чуть пристальнее, она все поняла.

---

*Правильнее «Иисус-младенец из Праги» — деревянная статуэтка, одна из католических святынь.

— Ты тоже? — спросила она тихо. Странная улыбка, смесь радости и отвращения, заиграла у нее на губах. Это было выражение ребенка, который обычно ведет себя хорошо и послушно, но вдруг ни с того ни с сего, сам не зная, что на него нашло, запускает мышь в стол учительнице.

Миртл почувствовала, как ее губы растягиваются в ответной улыбке, точно такой же шкодливой, как и у Джун, но попыталась отпереться:

— Бог с тобой! Я не понимаю, о чем ты!

— Нет, понимаешь. — Джун быстро осмотрелась по сторонам, но никого, кроме них двоих, поблизости не наблюдалось. — Мистер Гонт.

Миртл кивнула и почувствовала, как ее щеки заливает предательская краска.

— Что ты у него купила? — спросила Джун.

— Куклу. А ты?

— Вазу. Самую прекрасную вазу из всех, что я видела в жизни.

— А сейчас что ты сделала?

Лукаво улыбаясь, Джун сказала:

— А ты?

— Ладно, забудь. — Миртл обернулась назад, на зал «Дщерей Изабеллы», и фыркнула. — Не важно. В конце концов они ведь просто католики.

— Правильно, — с жаром ответила Джун (сама бывшая католичка). Она села в свою машину. Миртл не попросила подвезти ее, а Джун Гэвино не предложила. Миртл быстрым шагом ушла со стоянки. Она даже не обернулась, когда Джун пронеслась мимо на своем белом «сатурне». Сейчас Миртл хотелось лишь одного: скорее добраться домой, заснуть, прижав к себе любимую куклу, и забыть, что она сделала.

А это, как сейчас выяснилось, оказалось не так легко, как она надеялась.

7

БИИИ

удары по своему кулаку он обращал не больше внимания, чем на атаку бабочки.

— *Принеси, что сказал!* — закричал он и дернул рукой. Миртл стукнулась головой о верхнюю планку дверцы — раз, другой, третий. — *Ты родилась такой дурой или это воспитание сказалось? Поняла, поняла, поняла?!*

— *Дэнфорд, мне же больно!*

— *Еще бы!* — заорал он в ответ и еще раз ударил ее головой о дверцу «кадиллака», но уже гораздо сильнее. Кожа у нее на лбу лопнула, и по левой стороне лица потекла тонкая струйка крови. — *Ты будешь меня слушать, женщина?!*

— *Да! Да! Да!*

— Хорошо. — Он чуть-чуть ослабил хватку. — Тогда подай мне большую отвертку и молоток. И никаких больше шуток, понятно тебе?

Она помахала правой рукой в сторону стены.

— Я не достаю.

Он нагнулся вперед, позволяя ей сделать шаг к стенду с инструментами, но при этом еще крепче схватил ее за волосы. Капли крови размером со среднюю монетку уже капали на пол.

Рука Миртл коснулась одного инструмента, и Дэнфорд резко дернул ее, как терьер треплет дохлую крысу.

— Не это, тупица, — рявкнул он. — Это же дрель. Разве я дрель просил? А?

— Но, Дэнфорд... *Ай! Аяй!..* Я же не вижу!

— Да, наверное, ты хочешь, чтобы я тебя отпустил? Чтобы ты убежала в дом и позвонила *им?!*

— Я не понимаю, о чем ты!

— Ну да, конечно. Ты же у нас невинный маленький ягненок. И то, что ты выманила меня из дому в воскресенье, чтобы это дерьмо, помощник шерифа, смог расклеить по всему дому свои бумажки, это чистая случайность? Ты хочешь, чтобы я в это поверил?!

Миртл посмотрела на него сквозь свисавшие на глаза волосы. Запекшаяся кровь застыла бурыми каплями у нее на ресницах.

— Но... но, Дэнфорд... Это ведь *ты* меня пригласил в воскресенье поужинать. Ты сказал...

Бастер резко дернул ее за волосы. Миртл вскрикнула.

— Делай, что тебе сказали. Обсуждение устроим позже.

Она потянулась к стене, низко склонив голову. Волосы (за исключением той пряди, которую сжимал Бастер) вновь упали ей на лицо. Ее слепо блуждающая рука наткнулась на отвертку.

— Вот и умница. Это номер один, — сказал он. — Давай ищи номер два.

Еще какое-то время она покопалась, но в конце концов ее дрожащие пальцы обхватили обрезиненную ручку молотка.

— Отлично, давай их сюда.

Она сняла молоток с крепления, и Бастер подтянул ее к себе. Он отпустил ее волосы, готовый снова схватить их, если Миртл попытается бежать. Но она не пыталась. Она как будто оцепенела. Ей хотелось лишь одного — чтобы ей разрешили подняться обратно в спальню, где она сможет обнять свою чудную куклу и заснуть. Ей казалось, что она может спать вечно.

Бастер взял инструменты из ее вялых рук. Он поместил лезвие отвертки на линию соприкосновения ручки со сталью дверцы и несколько раз от души врезал по ней молотком. На четвертый раз ручка со звоном отлетела. Бастер снял ее с браслета и бросил на пол вместе с отверткой.

— Ты спала с ним, Миртл? — спросил он мягко.

— Что? — Жена посмотрела на него тупым, апатичным взглядом.

Бастер принялся шлепать бойком молотка по ладони. От этого получался мокрый, мясной звук: *чпок! чпок! чпок!*

— Ты спала с ним после того, как вы разложили эти проклятые розовые квитанции?

Миртл тупо пялилась на него, ничего не понимая, а сам Бастер забыл, что они вместе сидели у Мориса, когда Риджвик вломился в дом и натворил делов.

— Бастер, о чем ты гов...

Он резко вскинулся, расширив зрачки:

— *Как ты меня назвала?*

Заторможенная апатия мигом оставила Миртл. Она попятилась, вжав голову в плечи. У них за спиной автоматическая дверь гаража окончательно встала на место и затихла. Теперь тишину нарушали только шорох обуви и звон болтающейся цепи наручников.

— Прости, — прошептала она. — Прости меня, Дэнфорд. — Резко развернувшись, она помчалась к кухонной двери.

Бастер нагнал ее через три шага и снова поймал за волосы.

— Как ты меня назвала?! — закричал он, поднимая руку с молотком.

Она проследила испуганным взглядом за молотком.

— Дэнфорд, прошу тебя, нет!

— *Как ты меня назвала? Как ты меня назвала?*

Он повторял эту фразу опять и опять, и с каждым разом следом за вопросом раздавался все тот же мокрый мясной звук: *чпок! чпок! чпок!*

8

Туз подъехал к дому Камберов в пять часов. Он запихнул карту с кладами в задний карман и открыл багажник. Достал кирку и лопату, заботливо предоставленные мистером Гонтом, и направился к прогнившей и покосившейся веранде, которая шла вдоль одной из стен дома. Там он уселся на ступеньки и достал из кармана карту, чтобы еще раз ее изучить. Кратковременное действие кокаина уже закончилось, но сердце в груди по-прежнему трепыхалось. Туз обнаружил, что охота за сокровищами сама по себе является неплохим стимулятором.

Он посмотрел на заросший двор, разваливающийся сарай, заросли подсолнухов, тупо болтающих башками.

Унылое местечко, но, кажется, это именно то место, подумал он. *Здесь я навсегда отделаюсь от братьев Корсон и разбогатею. Здесь обязательно будет клад — либо часть его, либо весь. Прямо здесь. Я это чувствую.*

Это было больше, чем просто чувство, — он почти слышал, как денежки поют свою звонкую песню. Поют из-под земли. И не десятки, а сотни тысяч. Может, даже миллион.

— Миллион долларов, — прошептал Туз хриплым, сдавленным голосом и склонился над картой.

Уже через пять минут он прошел вдоль западной стены дома Камберов. Скрючившись и почти опустившись на четвереньки, он обнаружил то, что искал: большой плоский камень, практически скрытый буйной растительностью. Туз поднял плиту, отшвырнул ее в сторону и с энтузиазмом принялся копать. Не прошло и пары минут, как раздался глухой лязг — лопата наткнулась на ржавый металл. Туз встал на колени и зарылся в землю, как собака в поисках припрятанной кости. Через минуту он вытащил из ямы жестяную банку из-под краски.

Большинство истовых приверженцев кокаина так же истово грызут ногти, и Туз не был исключением. Его ногти были слишком коротки, чтобы поддеть крышку банки. Краска вокруг крышки засохла до состояния эпоксидного клея. Кряхтя от злости и нетерпения, он вытащил карманный ножик и, открыв банку, заглянул внутрь.

Купюры!

Пачки купюр! Много пачек!

Туз с криком вцепился в них, вытряс из банки... и обнаружил, что нетерпение его подвело. Опять торговые купоны. В этот раз — «Красный шар». Эти купоны можно было использовать только южнее линии Мейсон-Диксон... и только до 1964 года, когда компания прекратила существование.

— *Гребаная дерьможралка!* — заорал Туз. Он отбросил купоны в сторону. Они рассыпались и полетели, подхва-

ченные порывом горячего ветра. Некоторые зацепились за кусты и трепыхались теперь, как пыльные флажки. — *Гад! Ублюдок! Сукин сын!*

Он еще раз запустил руку в банку, даже перевернул ее, чтобы убедиться, что ничего не приклеено ко дну. Ничего. Он отшвырнул банку, посмотрел на нее, потом подошел и врезал по ней ногой, как будто пробивал штрафной.

Потом он снова полез в карман за картой. На какой-то кошмарный миг ему показалось, что карта потерялась, но он поглубже залез в карман, и в итоге клочок коричневой бумаги все-таки нашелся. Так, еще один крест за сараем... и тут в голове у Туза возникла чудесная, все объясняющая идея, освятившая мрачную тьму, как фейерверк в День независимости.

Банка, которую он только что выкопал, была пустышкой! Папаша Мерилл, должно быть, допетрил, что кто-нибудь обязательно догадается, что клады помечены большими плоскими камнями. Поэтому он немного попрактиковался в установке наживок. Причем как раз тут, у Камберов. Искатель сокровищ, который найдет один пустой клад, никогда не подумает, что тут же рядом есть *еще одна* закладка, в том же самом дворе, только чуть-чуть в сторонке...

— Если только у него нет карты, — прошептал Туз. — А у меня она есть.

Схватив кирку и лопату, он побежал к сараю, возбужденный, с раздувающимися ноздрями и грязными, седеющими волосами, уныло болтавшимися по обеим сторонам лица.

9

Он увидел старый трейлер и побежал к нему. Уже почти добежав, он обо что-то споткнулся и растянулся на траве. Сел, огляделся и... застыл, потому что увидел *такое*...

Лопата. Со следами свежей земли.

Туза охватило нехорошее предчувствие, очень нехорошее предчувствие. Оно родилось в области живота и расползлось вверх до груди и вниз до самой мошонки. Его губы медленно растянулись в пугающем оскале.

Он вскочил на ноги и заметил каменный маркер, лежащий неподалеку, грязной стороной кверху. Его явно недавно перевернули. Кто-то опередил его... и, судя по всему, совсем ненадолго. Кто-то отнял у него сокровище.

— Нет, — прошептал Туз. Это слово выпало из его оскаленного рта, словно капля зараженной крови или отравленной слюны. — *Нет!*

Рядом с лопатой и опрокинутым камнем он обнаружил горку рыхлой земли, которой была небрежно присыпана яма. Забыв про свои инструменты и лопату, оставленную безымянным вором, Туз упал на колени и принялся разгребать землю голыми руками. В считанные секунды он откопал жестянку от консервированных ананасов.

Вытащил ее и сдернул крышку.

Внутри был только белый конверт.

Туз схватил его и разорвал. Из конверта выпали две вещи: сложенный листок бумаги и конверт поменьше. Туз решил, что со вторым конвертом он разберется потом, и расправил письмо. Оно было отпечатано на машинке. У Туза челюсть отвисла, когда он увидел вверху листа свое имя.

Дорогой Туз.

Я не знаю наверняка, найдешь ли ты это письмо, но пока еще не выдумали закона, который запрещал бы надеяться. Отправить тебя в Шоушенк было, конечно, весело, но это получится даже лучше. Хотел бы я видеть сейчас твое лицо.

Вскоре после того, как ты отправился куковать на нарах, я навестил Папашу. Я вообще часто его навещал — раз в месяц. У нас с ним был заключен договор: он давал мне сотню в месяц, а я не мешал ему заниматься

незаконными займами. Все очень чинно и цивилизованно. Где-то в середине нашего разговора он извинился и сказал, что ему нужно в туалет — «чего-то съел». Ха-ха! Я воспользовался возможностью и порылся в ящиках его стола, которые он оставил открытыми. Такая безда-ботность была вовсе не в его духе, но, думаю, он просто боялся наложить в штаны, если не «нанесет визит бе-лому другу». Ха!

Я нашел только одну интересную вещицу, но зато какую! Что-то вроде карты. Много крестиков, но один из них — отмечавший это место — был проставлен крас-ным карандашом. Я положил карту обратно до его воз-вращения. Он так и не узнал, что я ее видел. Вскоре после его смерти я приехал сюда и выкопал эту банку. Туд, в ней было больше двухсот тысяч долларов. Но ты не волнуйся, я решил «все поделить, и поделить честно» и оставил тебе ровно столько, сколько ты заслужил.

Добро пожаловать в родной город, Тудёл!

Искренне Ваш,

Алан Пангборн
Шериф округа Касл.

P. S. Послушай моего совета, Туд: теперь, когда ты все знаешь, хватай «ноги в руки» и забудь обо всем. Ты же знаешь старую пословицу: кто нашел, того и шапка. Если ты попытаешься — хотя бы только попытаешь-ся — открыть рот насчет меня и денег твоего дядьки, я проделаю в твоей заднице новую дырку и запихну туда твою голову.

Можешь на это рассчитывать.

А.П.

Туз выпустил листок из онемевших пальцев и вскрыл второй конверт. Из него выпорхнула долларовая купюра.

Я решил «все поделить, и поделить честно» и оставил тебе ровно столько, сколько ты заслужил.

— Ах ты, ублюдок синерожий, — прошептал Туз и подобрал долларовую бумажку трясущимися руками.

Добро пожаловать в родной город, Тузёл!

— *Ты, недоносок! Тварь ПОДЗАБОРНАЯ!* — Туз заорал так громко, что чуть не сорвал себе голос и слегка охрип. Эхо услужливо возвратило приглушенное: *...борная... борная... борная...*

Он принялся было рвать доллар на куски, но тут же усилием воли заставил себя остановиться.

Не-а. Так не пойдет, Хозе.

Эту бумажку он сохранит. Этот сукин сын захотел Папашиных денег, так? Он украл то, что по праву принадлежит последнему из живых родственников Папаши, так? Хорошо. Замечательно. Просто прекрасно. Он их получит. *Все до единого.* Туз лично за этим проследит. Когда он отрежет яйца этому выродку своим перочинным ножом, в получившуюся дырку отлично сядет эта самая долларовая купюра.

— Тебе нужны деньги, Папуля? — спросил Туз тихим, мечтательным голосом. — Ладно. Ладно, согласен. Нет проблем. Никаких... на хрен... проблем.

Он поднялся на ноги и побрел обратно к машине одеревенелой, шатающейся походкой. Приближаясь к машине, он уже почти бежал.

ЧАСТЬ 3
Окончательная ликвидация

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Примерно без пятнадцати шесть над Касл-Роком сгустились странные сумерки; над южным горизонтом громоздились мрачные грозовые тучи. С той стороны уже доносились глухие, но мощные раскаты. Гроза надвигалась на город. Уличные фонари, управляемые центральным светочувствительным реле, загорелись в полную силу почти на полчаса раньше, чем обычно в это время года.

Нижняя часть Главной улицы гудела, как растревоженный улей. Ее всю запрудили машины полиции штата и микроавтобусы телевизионщиков. В теплом, неподвижном воздухе трещали и завывали рации. Телевизионные техники тянули кабели из машин и орали на людей — в основном на детей, — которые спотыкались и путались в растянутых проводах, прежде чем кабель успевали прикрепить к асфальту клейкой лентой. Фоторепортеры из четырех городских ежедневных газет стояли за баррикадами у муниципального здания и делали снимки, которые появятся на первых страницах завтрашних выпусков. Несколько зевак из местных — впрочем, их было на удивление мало, хотя на это никто не обратил внимания, — вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть происходящее. В жарком свете юпитера стоял телекорреспондент и записывал репортаж на фоне муниципального здания.

— Сегодня днем волна бессмысленного насилия просвистела над Касл-Роком, — начал он и запнулся. — *Просвистела?* — с отвращением повторил он. — Черт, давай все сначала.

Слева от него другой телевизионный деятель наблюдал, как его съемочная группа готовит все необходимое для прямого эфира, который должен был начаться через двадцать минут. Зеваки больше таращились на знакомые лица корреспондентов и телеведущих, чем на полицейские ограждения и то, что было за ними. Как раз там смотреть было особенно не на что после того, как два санитара из «скорой помощи» вынесли тело несчастного Лестера Пратта в черном пластиковом мешке, загрузили его в машину и уехали.

Верхняя часть Главной улицы, свободная от синих мигалок машин полиции штата и ярких пятен света от телевизионных прожекторов, была почти пуста.

Почти.

То и дело к «Нужным вещам» подъезжали одинокие машины. То и дело отдельные пешеходы не спеша подходили к новому магазину, в котором были опущены шторы и не горел свет. То и дело кто-нибудь из зевак отделялся от толпы и поднимался по улице, минуя пустырь, где стоял «Эмпориум Галлориум», проходил мимо ателье Полли Чалмерс, закрытого и погруженного во тьму, и подходил к двери под зеленым навесом.

Никто не замечал этого ручейка посетителей: ни полиция, ни телевизионщики, ни газетчики, ни праздношатающиеся зеваки. Все они смотрели на МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, повернувшись спиной к другому месту, всего в трехстах ярдах оттуда, где совершалось самое главное преступление.

Если бы какой-нибудь незаинтересованный наблюдатель решил понаблюдать за «Нужными вещами», то довольно скоро он обнаружил бы закономерность в поведении посетителей. Человек приближается. Человек видит на двери табличку:

ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ

Человек отступает назад, причем выражение лиц у всех совершенно одинаковое — разочарование и досада. Они все выглядят как наркоманы в ломках, обнаружившие, что торговец не появился в назначенном месте, как обещал. *Что же мне теперь делать?!* — кричали их лица. Большинство еще раз подходили к двери, чтобы перечитать табличку, как будто второй, более пристальный взгляд каким-то образом поменяет написанное.

Некоторые садились обратно в машину и уезжали или рассеянно плелись вниз — поглазеть на бесплатное шоу. На лицах же большинства появлялось внезапное понимание. Как будто они вдруг постигали какой-то основополагающий принцип бытия, вроде разбора простых предложений или сокращения дробей на наибольший общий знаменатель.

Эти люди обходили квартал и попадали в узкую аллею, что проходила за деловыми зданиями Главной улицы, — на ту самую аллею, где вчера вечером Туз оставил «таккер-талисман».

В сорока футах от поворота на асфальтовом покрытии улицы лежал неровный четырехугольник желтого света. По мере угасания дня этот свет становился все ярче. Середину четырехугольника прорезала тень, как будто вырезанная из траурного крепа. Разумеется, это была тень Лиланда Гонта.

Он поставил стол прямо в дверях, на пороге. На столе стояла коробка из-под сигар «Руа-Тан». Туда он складывал деньги, принятые у покупателей, и оттуда же доставал сдачу. Клиенты подходили с осторожностью, некоторые даже с опаской, но всех их объединяло одно: это были разозленные люди, имевшие большой зуб на кого-то. Были — правда, совсем мало — и такие, кто поворачивал назад, не дойдя до выносной кассы мистера Гонта. Несколько человек даже убежали — с таким видом, словно они заметили в темноте отвратительного демона, который

плотоядно облизывался, сверкая клыками. Большинство, однако, оставалось. И тогда мистер Гонт шутил с ними и вел себя так, будто эта странная подпольная торговля была простым развлечением после долгого и напряженного дня, и они расслаблялись и успокаивались.

Мистеру Гонту нравился его магазин, но там, за бронированным стеклом и под крышей, он не чувствовал себя так комфортно, как тут, на воздухе, ощущая на лице первые порывы надвигавшейся бури. Да, магазин с умно расставленными светильниками и стеклянными шкафами был, конечно, хорош... но здесь все же лучше. Здесь *всегда* лучше.

Он начал свой бизнес много лет назад как бродячий торговец на безглазом лице далекой страны — коробейник, носивший весь свой товар за спиной, разносчик, который обычно приходит на пороге ночи и наутро всегда уходит, оставляя за собой ужас, кровопролитие и несчастье. По прошествии многих лет, в Европе, когда там бушевала чума и по дорогам ездили труповозные телеги, он передвигался из города в город и из страны в страну в кибитке, которую тянула тощая, как щепка, белая кобыла со страшными горящими глазами и языком черным, как сердце убийцы. Он продавал свой товар из кибитки... и исчезал прежде, чем его покупатели, заплатившие маленькими, потертыми монетками или даже натурой, понимали, что́ купили *на самом деле*.

Времена изменились; изменились методы, даже лица. Но когда эти лица в чем-то нуждались, они становились совершенно одинаковыми и были похожи на морды овец, потерявших пастуха, и именно в таких ситуациях он чувствовал себя почти как тот, прежний бродячий торговец, стоя не за изящным кассовым аппаратом фирмы «Свида», а за простым деревянным столом, выдавая сдачу из сигарной коробки и продавая раз за разом одну и ту же вещь.

Товары, так привлекавшие жителей Касл-Рока — черный жемчуг, святые реликвии, цветное стекло, курительные трубки, старые сборники комиксов, бейсбольные

карточки, антикварные калейдоскопы, — все это исчезло. Мистер Гонт приступил к своему *настоящему* бизнесу, а настоящий бизнес всегда одинаковый. Продаваемый им товар несколько видоизменился за эти годы, как и все вокруг, но изменения были поверхностными — просто другая глазурь на том же темном и горьком пироге.

В самом конце мистер Гонт всегда продавал оружие... и его всегда покупали.

— Спасибо, мистер Варбертон! — говорил мистер Гонт, принимая пятидолларовую бумажку у чернокожего уборщика. Взамен Эдди получил один из автоматических пистолетов, привезенных Тузом из Бостона.

— Спасибо, мисс Милликен! — Он взял у нее десятку и вернул восемь долларов сдачи.

Он брал с них ровно столько, сколько они могли заплатить, — не больше и не меньше. От каждого по способностям, гласил принцип мистера Гонта, не говоря уже о том, что каждому по потребностям, потому что у всех у них были потребности, и он пришел, чтобы дать им то, что им было *нужно*, заполнить их опустошенность и утолить их боль.

— Рад видеть вас, мистер Эмерсон!

Ох, как же он это любил, просто-напросто обожал вести дела по старинке. А дела шли — лучше не бывает.

2

Алана Пангборна не было в Касл-Роке. Пока репортеры и полиция штата толпились в одном конце Главной улицы, а Лиланд Гонт занимался выносной торговлей в другом, Алан сидел в ординаторской блумеровского корпуса больницы Северного Камберленда в Бриджтоне.

Корпус Блумера был маленьким — всего четырнадцать палат, — но недостаток места с лихвой компенсировался буйством красок. Стены процедурных были выкрашены во все цвета радуги. В ординаторской с потолка свисала

люстра, обвешанная качающимися разноцветными птицами.

Алан сидел перед громадной фреской-мозаикой из иллюстраций к стихам Матушки Гусыни. На одном из фрагментов был изображен человек, перегибающийся через стол и протягивающий что-то маленькому мальчику, видимо, деревенскому, вид у которого был одновременно испуганный и восхищенный. Что-то в этом рисунке сильно зацепило Алана, а в голове всплыл обрывок детского стишка:

> Саймон-простачок вышел за порог
> И встретил Пирожника с листком подорожника,
> Который шел с корзиной на базар.
> — Саймон, дружок, возьми пирожок,—
> Воскликнул Пирожник, сжевав подорожник,—
> Пожалуйста, отведай мой товар!

Руки Алана покрылись гусиной кожей — маленькие бугорки, как капельки холодного пота. Он не понимал, в чем дело, но ничего удивительного в этом не было. Никогда в жизни Алан не был так потрясен, так напуган, так сильно растерян, как сейчас. То, что творилось в Касл-Роке, полностью выходило за рамки его понимания. Сегодня днем все стало предельно ясным: весь город, казалось, слетел с катушек, — но случилось-то это не вдруг, все началось раньше, гораздо раньше. Он не знал, в чем причина, но теперь понял, что Нетти Кобб и Вильма Ержик были только первыми ласточками.

И его очень пугало то, что творилось в городе — что творится там прямо *сейчас*, пока он сидит тут и думает о Саймоне и Пирожнике.

По коридору, заставленному игрушками, грациозно покачивая бедрами и поскрипывая изящными туфельками, прошла медсестра, мисс Хендри, как было указано на маленькой табличке, приколотой к ее халату. Когда Алан приехал в больницу, в этом коридоре играли, вопя друг на друга и обмениваясь кубиками и игрушечными

машинками, с полдюжины ребятишек, некоторые были в гипсе и повязках, некоторые — частично облысевшие. Наверное, из-за химиотерапии, решил Алан. Теперь было время обеда, и они разошлись — кто в кафетерий, кто по палатам.

— Как он? — спросил Алан у мисс Хендри.

— Без изменений. — Она смотрела на шерифа спокойным взглядом, в котором, однако, проскальзывала враждебность. — Спит. Он и *должен* спать. После такого-то шока.

— Что слышно от родителей?

— Мы позвонили отцу на работу в Южный Париж. Но не застали, он уехал на строительные работы где-то в Нью-Хэмпшире. Оттуда он сразу поедет домой, как я поняла, и, когда он доберется до дому, его проинформируют. Это будет часов в девять, так мне сказали, но заранее точно не скажешь.

— А мать?

— Не знаю, — сказала мисс Хендри. Враждебность в ее взгляде проступила сильнее, но теперь она относилась уже не к Алану. — Я туда не звонила. Знаю только то, что вижу: здесь ее нет. Этот ребенок увидел, как его старший брат совершил самоубийство, и хотя это случилось дома, матери здесь все еще нет. А теперь простите меня, мне надо еще развезти лекарства.

— Да, да, конечно, — пробормотал Алан. Она уже развернулась, чтобы уйти, и тут он вскочил. — Мисс Хендри?

Она обернулась. Ее взгляд был все таким же спокойным, но приподнятые брови выдавали сдерживаемое раздражение.

— Мисс Хендри, мне очень нужно поговорить с Шоном Раском. Это крайне важно.

— Да? — Ее голос заморозил бы и извергающийся вулкан.

— Что-то... — Алан вдруг вспомнил Полли и запнулся. Кашлянув, он продолжил: — Что-то происходит у нас в городе. Мне кажется, что самоубийство Брайана Раска

тоже имеет к этому отношение. И еще мне кажется, что Шон Раск может дать мне ключ к разгадке.

Шериф Пангборн, Шону Раску всего семь лет. И потом, если он что-то знает, почему тут нет других полицейских?

Других полицейских, подумал он. *Она имеет в виду* квалифицированных *полицейских. Таких полицейских, которые не расспрашивают одиннадцатилетних мальчишек на улице, после чего эти мальчишки приходят домой и кончают с собой.*

— Потому что у них и так забот полон рот, — ответил Алан. — И еще потому, что они не знают наш город так, как его знаю я.

— Понятно. — Она снова собралась уйти.

— Мисс Хендри.

— Шериф Пангборн, у меня много дел, и я правда очень заня...

— Брайан Раск — не единственная жертва за сегодняшний день. Погибли как минимум еще трое. Четвертого, владельца местного бара, увезли в госпиталь в Норвегии с огнестрельным ранением. Может быть, он и выживет, но в ближайшие тридцать шесть часов я не смогу с ним поговорить. Плюс к тому у меня есть предчувствие, что это еще не все. Будут еще трупы.

Ему удалось наконец захватить ее внимание.

— Вы считаете, что Шон Раск что-то об этом знает?

— Он может знать, почему его брат свершил самоубийство. Возможно, эта информация позволит раскрыть все дело. Так что, если он проснется, вы меня позовете?

Поколебавшись, она сказала:

— Это будет зависеть от его состояния, шериф. Я не позволю вам усугубить и без того очень тяжелое состояние маленького мальчика, который находится в глубокой истерике, что бы там ни творилось у вас в городе.

— Я понимаю.

— Правда? Хорошо. — Она одарила его взглядом, говорившим: *Тогда сиди тут и не мешай мне,* — и зашла за стойку поста дежурной. Там она уселась на стул, и Алан

отчетливо услышал, как звякают ампулы и пузырьки, которые она укладывает в передвижной столик для лекарств.

Алан встал, подошел к телефону-автомату, висевшему на стене в коридоре, и снова набрал номер Полли. И снова никто не взял трубку. Он позвонил в ателье, нарвался на автоответчик и бросил трубку. Потом он вернулся на тот же стул, где сидел раньше, и продолжил изучение фрески Матушки Гусыни.

Вы забыли задать мне один вопрос, мисс Хендри, подумал он. *Вы забыли спросить, почему, если столько всего случилось в городе, избравшем меня служить ему и защищать его, почему я сижу здесь? Вы забыли спросить, почему я сижу здесь, а не возглавляю следственную группу; почему я не послал кого-то другого — старого Сита Томаса, например, — дожидаться, пока не проснется Шон Раск. Вы забыли спросить об этом, мисс Хендри, и я знаю один секрет. Я рад, что вы не спросили. Вот и весь секрет.*

Причина была простой и унизительной. Во всех городах их округа, кроме Портленда и Бангора, расследование преступлений находилось в юрисдикции полиции штата, а не шерифа. В случае с дуэлью Нетти и Вильмы Генри Пейтон закрыл на это глаза, но больше он такого не сделает. Просто не сможет себе позволить. Представители всех газет и телекомпаний Южного Мэна либо уже приехали в Касл-Рок, либо находятся в пути. Через какое-то время к ним присоединятся коллеги со всего штата... и если это еще не конец — а у Алана было стойкое подозрение, что «продолжение следует», — то уже очень скоро в Касл-Рок понаедут представители прессы из других штатов тоже.

Ситуация очень простая и ясная, но это никак не меняет ощущений Алана. Он чувствовал себя игроком, не справившимся с задачей и отправленным тренером в раздевалку. Очень дерьмовое чувство, надо сказать. Он сидел перед Саймоном-простачком и вел свой скорбный счет.

Лестер Пратт мертв. Вломился в участок взбешенный от ревности и напал на Джона Лапуанта. Скорее всего это

из-за его девушки, хотя до того, как приехала «скорая», Джон сказал Алану, что не встречался с Салли Рэтклифф уже больше года.

— Один раф я хофел поховоись с ней на улише, но она игвава в мовсянку. Она думала, фто я ифчадье ада. — Он дотронулся до переломанного носа и болезненно поморщился. — А сеферь я фебя пвавда фуфтвую, как буйто пофывав в аду.

Джона госпитализировали в Норвегию со сломанным носом, расколотой челюстью и вероятными внутренними повреждениями.

Шейла Брайхем тоже попала в больницу. Шок.

Хью Прист и Билли Таппер — мертвы. Это выяснилось, как только Шейла начала терять сознание. Звонок поступил от поставщика пива, у которого хватило ума позвонить *сначала* в «скорую», а *потом* уже шерифу. Этот человек бился в истерике, почти как Шейла, и Алан его не винил. К тому времени он уже сам был готов впасть в истерику.

Генри Бофорт: в критическом состоянии из-за множественных пулевых ранений.

Норрис Риджвик: пропал... и почему-то от этого было хуже всего.

Алан попытался его разыскать после звонка от водителя пивного грузовика, но Норрис исчез. Сначала Алан решил, что тот, должно быть, поехал арестовывать Дэнфорда и вернется уже с главой городской управы на аркане, но вскоре события показали, что никто Китона не арестовал. Алан предположил, что полицейские штата сами его арестуют, но и этого не случилось. У них были более важные дела. Пока что Норрис просто исчез. Где бы он ни был, он отправился туда пешком; когда Алан уезжал из города, «фольксваген» Норриса по-прежнему лежал на боку посреди Главной улицы.

Свидетели показали, что Бастер забрался в свой «кадиллак» через окно и уехал. Единственный человек, попытавшийся его остановить, дорого за это заплатил. Скотт

Гарсон тоже был госпитализирован в больницу Северного Камберленда со сломанной челюстью, сломанной скулой, сломанным запястьем и тремя сломанными пальцами. Могло быть и хуже: по свидетельству очевидцев, Бастер явно пытался переехать Гарсона, лежавшего на мостовой.

Ленни Партридж: сломаны ключица и бог знает сколько ребер. Он тоже где-то здесь, в больнице. Энди Клаттербак примчался с новостью об этом новом происшествии, когда Алан пытался как-то примириться с мыслью, что городской глава теперь беглец от правосудия, прикованный наручниками к большому красному «кадиллаку». Очевидно, что Хью Прист остановил Ленни, выкинул его из машины и уехал на ней. Алан подумал, что машина Ленни должна найтись на стоянке у «Подвыпившего тигра», раз уж Хью распрощался там с жизнью.

И разумеется, остается еще Брайан Раск, пустивший себе пулю в рот в зрелом возрасте — одиннадцати лет от роду. Клат только начал рассказывать свою историю, когда раздался звонок. Шейлу к тому времени увезли, и Алан сам принял вызов от визжащего и бьющегося в истерике мальчика — Шона Раска, — который набрал номер, написанный на яркой оранжевой этикетке, наклеенной рядом с телефоном на кухне.

В итоге в тот день в Касл-Роке побывали бригады «скорой помощи» из четырех разных городов.

Теперь, повернувшись спиной к Саймону-простачку и Пирожнику и наблюдая за пластиковыми птицами, лениво кружащими вокруг светильника, Алан еще раз вернулся мыслями к Хью и Ленни. Их столкновение вряд ли можно было назвать самым страшным актом насилия в городе, но зато оно было самым странным... и Алан считал, что в этой странности тоже может скрываться ключ к разгадке.

— Какого черта Хью не поехал на своей машине, если у него встал на Генри Бофорта? — спросил Алан у Клата, ероша волосы на голове, которая и так уже не представляла собой образец порядка. — Зачем ему было связываться с этим дерьмом на колесах?

— Потому что его «бьюик» стоит на четырех сдутых шинах. Кто-то выпустил из них дух, искромсав ножом, — пожал плечами Клат, недобро оглядывая бедлам, который царил в приемной. — Может быть, он решил, что это Генри Бофорт постарался.

Да, размышлял теперь Алан. *Может, и так. Глупо, конечно, но ненамного глупее, чем Вильма Ержик, которая была уверена, что это Нетти Кобб сначала забрызгала грязью ее простыни, а потом разбила камнями все окна у нее в доме. Не глупее, чем Нетти, которая решила, что это Вильма убила ее собаку.*

Он не успел расспросить Клата как следует, потому что вошел Генри Пейтон и сказал Алану — честно стараясь смягчить известие, — что он забирает дело. Алан кивнул.

— Нужно как можно скорее выяснить одну вещь, Генри. Чем скорее, тем лучше.

— Да? И что это? — спросил Генри, но Алан видел, что Генри слушает его вполуха. Его старый друг — первый настоящий друг, которого Алан нашел в полицейских и юридических кругах после того, как был избран шерифом, и, как оказалось, очень хороший и ценный друг, — уже сосредоточился на других делах. Например, как распределить силы при таком количестве работы.

— Надо выяснить, был ли Генри Бофорт так же зол на Хью Приста, как, судя по всему, сам Хью был зол на Генри. Сейчас ты его расспросить не сможешь, как я понимаю, он без сознания, но когда он очнется...

— Спрошу обязательно, — сказал Генри и хлопнул Алана по плечу. — Обязательно. — И сразу, без перехода, повысив голос: — Брукс! Моррисон! Ко мне!

Алан смотрел ему вслед и раздумывал, стоит ли его догнать. Схватить и *заставить* выслушать. Он не стал этого делать, потому что Генри с Хью, Лестер с Джоном — и даже Вильма с Нетти — утратили для него свою важность. Мертвые — мертвы; за ранеными есть кому присмотреть; преступления уже совершились.

Правда, у Алана было дикое, пугающее предчувствие, что настоящее преступление все еще *совершается*.

Когда Генри отошел в сторону, чтобы посовещаться со своими людьми, Алан снова подозвал Клата. Помощник явился с угрюмым видом, сунув руки в карманы.

— Нас оттерли, Алан, — сказал он. — Отодвинули в сторону. Черт возьми!

— Не совсем, — сказал Алан, очень надеясь, что это звучит убедительно, так, как будто он сам в это верит. — Клат, ты останешься тут. Будешь моим связным.

— А ты куда?

— К Раскам.

Когда он добрался туда, Брайана и Шона уже увезли. «Скорая», приехавшая за несчастным Скоттом Гарсоном, сделала крюк и захватила еще и Шона; их повезли в больницу Северного Камберленда. Второй катафалк Гарри Сэмюэлса, старый «линкольн» с откидным верхом, забрал Брайана Раска; его повезли в Оксфорд для вскрытия. Лучшая похоронная машина Гарри — та, которую он называл «лицом фирмы», — уехала туда еще раньше, с Хью и Билли Таппером.

В том малюсеньком морге тела придется складывать в поленницу, подумал Алан.

Лишь зайдя в дом Расков, Алан понял — и сердцем, и головой, — как капитально он выведен из игры. Двое ребят из следственной группы Генри уже были там. Они дали Алану понять, что он может сидеть здесь сколько угодно при условии, что он не станет пытаться им помогать. Он пару минут постоял на пороге кухни, наблюдая за ними и чувствуя, что нужен тут, как собаке пятая нога. Ответы Коры были какими-то заторможенными, почти сонными. Алан подумал, что это следствие шока, или, может быть, врачи «скорой», забравшие ее сына, вкололи ей на всякий случай какие-то транквилизаторы. Она чем-то напоминала ему Норриса, когда он выбирался из окна перевернутого «фольксвагена». То ли из-за лекарств, то ли из-за шока... в общем, ничего вразумительного от

нее не добились. Кора не то чтобы плакала, но она никак не могла сосредоточиться на вопросах и отвечала невпопад. Сказала, что ничего не знает — спала наверху. «Бедный Брайан, — постоянно твердила она. — Бедный, бедный Брайан». Но свои чувства она выражала таким скучным и нудным голосом, что Алану стало не по себе. При этом она постоянно вертела в руках пару старых солнцезащитных очков, у которых одна из дужек была обмотана скотчем и треснула одна из линз.

Алан раздраженно развернулся и ушел; поехал в больницу.

Он снова встал, подошел к телефону-автомату и еще раз позвонил Полли, опять не дождался ответа и перезвонил к себе в офис.

— Полиция штата, — пробурчали там, и Алан вдруг почувствовал по-детски острую ревность. Он назвал себя и попросил позвать Клата.

После почти пятиминутного ожидания Клат взял трубку.

— Извини, Алан. Они просто отложили трубку. Хорошо, что я проверил, а то ты бы еще ждал. Эти штатовцы... что они себе позволяют?!

— Не волнуйся об этом, Клат. Китона уже взяли?

— Хех... не знаю даже, как сказать, Алан, но...

У Алана оборвалось сердце. Он закрыл глаза. Значит, он был прав — «продолжение следует».

— Просто скажи все как есть. Без всякого протокола.

— Бастер... то есть Дэнфорд, я хотел сказать... поехал домой и отломал ручку от «кадиллака» отверткой. Ты же знаешь, он был к ней прикован.

— Я знаю, — сказал Алан, не открывая глаз.

— В общем... он убил свою жену, Алан. Молотком. Ее обнаружил не штатовец, потому что еще двадцать минут назад Китон их вообще не интересовал. Это был Сит Томас. Он подъехал к дому Бастера, чтобы все перепроверить. Доложил о находке и вернулся сюда минут пять назад. Жалуется на боли в груди, и я не удивлен. Он сказал, что Бастер снес ей напрочь все лицо. Говорит, что там

повсюду мозги и волосы. Сейчас на Касл-Вью целый отряд пейтоновских людей. Сита я посадил в твоем кабинете, чтобы он отошел немного.

— Боже мой, отвези его к Ван Аллену. Ему же шестьдесят два, и всю свою жизнь он дымил «Кэмелом», как паровоз.

— Рэй поехал в Оксфорд, помочь тамошним докторам залатать Генри Бофорта.

— Тогда к его ассистенту... как его там зовут? Франкель! Эверетт Франкель.

— Этого тоже нет. Я звонил и в офис, и домой.

— А жена его что говорит?

— Алан, Эв холостяк.

— О Боже. — Кто-то выцарапал на стене рядом с телефоном: *Не волнуйся, будь счастлив.* Алан это воспринял как издевательство.

— Я сам могу отвезти его в больницу, — предложил Клат.

— Ты нужен мне там, — ответил Алан. — Газетчики и телевидение уже приехали?

— Тут все ими кишит.

— Хорошо, Ситом займемся позже. Если ему не станет лучше, сделаешь вот что: выйдешь на улицу, схватишь за задницу какого-нибудь репортера, желательно с признаками интеллекта, скажешь, что нужен доброволец, подрядишь его, и пусть везет Сита сюда, в Северный Камберленд.

— Ладно. — Клат поколебался и выпалил: — Я хотел осмотреть китоновский дом, но полиция штата... Они меня близко не подпустили! Как тебе это нравится?! Эти сволочи не пустили помощника окружного шерифа на место преступления!

— Клат, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Но они только делают свою работу. Ты видишь Сита со своего места?

— Ага.

— И как он? Живой?

— Сидит за твоим столом, курит сигарету и читает свежий выпуск «Сельского полисмена».

— Так, — сказал Алан. Он не знал, плакать ему, смеяться или делать и то, и другое одновременно. — Все понятно. Полли Чалмерс не звонила?

— Не... Сейчас, секундочку, я сверюсь с журналом. Я уж думал, его тоже унесли. Да, звонила. В половине четвертого.

Алан скривился.

— Это я знаю. А позже?

— Нет вроде бы. По крайней мере в журнале ничего не записано, хотя это еще ничего не значит. Шейлы нет, повсюду эти штатовцы скачут... кто их разберет!

— Спасибо, Клат. Есть еще что-то, что мне надо знать?

— Да, пара вещей.

— Давай.

— Они нашли пистолет, из которого Хью стрелял в Генри, но Дэвид Фридман из отдела баллистики полиции штата говорит, что не знает такого оружия. Какой-то автоматический пистолет, но этот парень заявляет, что никогда такого не встречал.

— Ты уверен, что это Дэвид Фридман? — переспросил Алан.

— Да, Фридман его зовут.

— Он *должен* знать. Дэйв Фридман — ходячая *оружейная Библия*.

— Вот не знает. Я стоял рядом, когда он разговаривал с твоим приятелем Пейтоном. Он говорит, что пистолет похож на немецкий «маузер», но отсутствует маркировка и затвор отличается. Наверное, они послали его в Августу вместе с тоннами других доказательств.

— Что еще?

— Они нашли анонимную записку во дворе Генри Бофорта, — сказал Клат. — Валялась, скомканная, рядом с его машиной. Ты помнишь его ретро-«тандерберд»? Его тоже испоганили. Как и машину Хью.

Алану показалось, что чья-то большая и мягкая рука дала ему затрещину.

— Что там в записке?

— Секунду. — Слабый шелест; Клат рылся в своем блокноте. — Вот. «Не смей указывать мне, когда пить, а когда не пить! И только попробуй еще раз не отдать мне ключи от моей машины, дерьмовый французик!»

— Французик?

— Так тут написано. — Клат нервно хихикнул. — Слова «не смей» и «французик» подчеркнуты.

— И ты говоришь, что машину попортили?

— Ага. Порезали шины, как у Хью. И длинная царапина на боку со стороны пассажирской дверцы. Ужас!

— Ладно, — сказал Алан. — Вот тебе еще задание. Сходи в парикмахерскую и в бильярдную, если понадобится. Выясни, кому в последнее время Генри отказывал в выпивке.

— Но полиция штата...

— На хрен полицию штата! — в сердцах крикнул Алан. — Это *наш* город. Мы знаем, кого надо спрашивать и где их искать. Ты хочешь сказать, что не можешь поговорить с человеком, который все равно через пять минут обо всем узнает?

— Конечно, нет, — сказал Клат. — Когда я ехал обратно с Касл-Хилл, я видел Чарли Фортина. Он околачивался вместе с другими ребятами около «Западных автоперевозок». Если Генри с кем-то сцепился, Чарли должен об этом знать. Черт, да для него «Тигр» давно уже стал вторым домом.

— Да. Полиция штата уже допросила его?

— Ну... нет.

— Нет. Тогда *ты* его допроси. Но я думаю, что мы оба уже знаем ответ.

— Хью Прист, — хмыкнул Клат.

— Я в этом и не сомневался, — сказал Алан. Он подумал, что, может быть, первая догадка Генри Пейтона была верна.

— Хорошо, Алан. Так и сделаю.

— И сразу перезвони мне, как выяснишь. *Сразу.* В ту же секунду. — Он продиктовал номер телефона и заставил Клата повторить его для проверки.

— Хорошо, — сказал Клат и, помедлив, взорвался яростной тирадой: — Алан, что происходит?! *Что, черт возьми, случилось с нашим городом?!*

— Я не знаю. — Алан вдруг почувствовал себя очень старым, очень усталым... и злым. Злым уже не на Пейтона, отобравшего у него дело, а на тварь, которая запустила этот мрачный фейерверк. Он все больше и больше убеждался, что, когда они выгребут эту яму до дна, выяснится, что за всем карнавалом стоит одна и та же сила. Вильма и Нетти. Генри и Хью. Лестер и Джон. Кто-то связал их между собой, как брикеты мощной взрывчатки. — Я не знаю, Клат, но мы обязательно выясним.

Он повесил трубку и снова набрал номер Полли. Его желание выяснить с ней отношения, понять, что ее так взбесило, потихоньку угасало. Вместо него в душу вкралось другое чувство, еще менее приятное: смутное предчувствие чего-то очень нехорошего; нарастающая убежденность, что Полли в опасности.

Дзиииинь... Дзиииинь... Дзиииинь... Нет ответа.

Полли, я люблю тебя, и нам надо поговорить. Пожалуйста, возьми трубку. Полли, я люблю тебя, и нам надо поговорить. Пожалуйста, возьми трубку. Полли, я люблю тебя...

Эта мысленная мольба вертелась у него в голове, как заводная игрушка. Он хотел перезвонить Клату и попросить сначала проверить дом Полли, но не смог. Это было бы неправильно: в городе еще могут быть и другие «бомбы», ожидающие своей очереди.

Да, но, Алан... что, если Полли тоже на очереди?

Эта мысль вызвала у него какую-то смутную ассоциацию, но он не успел ее уловить.

Алан медленно повесил трубку, оборвав ожидание на середине гудка.

3

Полли больше не могла сопротивляться. Она перекатилась на бок, дотянулась до телефона... а он замолк на середине звонка.

Ну и ладно, подумала она. *Ну и хорошо. Вот только вправду ли хорошо?*

Она лежала на кровати, вслушиваясь в шум приближающейся грозы. В спальне было жарко — как в середине июля, — но окна открыть было нельзя: всего неделю назад она попросила Дэйва Филлипса, одного из местных мастеров-плотников, надеть на окна и двери зимние жалюзи. Вернувшись из поездки за город, Полли сняла старые джинсы и майку, аккуратно сложила их на стуле и легла в кровать в одном белье. Ей хотелось немного поспать, а потом принять душ. Но сон все не шел.

Заснуть мешали сирены, но дело было не только в них. Больше всего ее беспокоил Алан — то, что он сделал. Она до сих пор не могла поверить и смириться с таким жестоким предательством всего, во что она верила и чему верила, но факт оставался фактом. Ее мысли то и дело переключались на что-то другое (например, на сирены и на то, что их вой предвещает, наверное, конец света), но потом вновь возвращались к Алану: как он действовал у нее за спиной, как он обманывал и двурушничал. Ощущение было такое, как будто тебе постоянно тычут заносистым концом доски в нежное, потайное место.

Алан, как ты мог? Как ты мог?!

Голос, заговоривший в ответ, удивил Полли. Это был голос тети Эвви, и за его сухой ровной бесстрастностью — кстати, всегда отличавшей старую даму, — она ощутила неугомонную, сильную злость.

Если бы ты ему все рассказала с самого начала, девочка моя, он бы не стал ничего выяснять самостоятельно.

Полли резко приподнялась и села на постели. Этот голос раздражал ее, но хуже всего было то, что это был *ее собственный* голос. Тетя Эвви умерла много лет назад,

и теперь *ее собственное* подсознание использовало тетю Эвви, как застенчивый чревовещатель использует свою куклу, чтобы пригласить хорошенькую девушку на свидание и...

Прекрати... разве тебе я не говорила, что в этом городе полно призраков? Может быть, это действительно я, моя девочка. Может быть.

Полли испуганно вскрикнула и зажала рот рукой.

А может, и нет. В конце концов не важно кто это. Важно другое, Триша: кто согрешил первым? кто солгал первым? кто умолчал первым? кто бросил первый камень?

— Так нечестно! — закричала Полли в пустую комнату и уставилась на свое перепуганное отражение в зеркале. Она ждала, что голос тети Эвви вернется, и, не дождавшись, медленно легла обратно.

Может быть, она и вправду согрешила первой, если сокрытие правды и пару невинных фраз можно назвать грехом. Но разве это дает Алану право копаться в ее прошлом, как будто она преступница-рецидивистка?! Разве это дает ему право упоминать ее имя в юридической переписке... и собирать на нее досье, или как это у них называется... и... и...

Не обращай внимания, Полли, прошептал знакомый голос. *Перестань страдать. Ты не сделала ничего плохого. Ты сделала так, как считала правильным. И потом, ты ведь слышала, какой у него был виноватый голос. Слышала?*

— Да! — свирепо пробурчала она в подушку. — Да, я слышала! Как насчет *этого*, тетя Эвви?

Ответа не было, только слабая, едва ощутимая борьба

(вот в чем вопрос, Триша)

на ринге ее подсознания. Как будто она что-то забыла, не включила какую-то переменную

(Триша, хочешь конфетку)

в уравнение.

Полли беспокойно перевернулась на бок, и по налитой округлости ее груди перекатилась *ацка*. Было отчетливо

слышно, как там, за серебряной стенкой, что-то деликатно скребется.

Нет, твердо сказала себе Полли, *это просто что-то пересыпается. Все твои опасения насчет того, что там внутри что-то живое... это просто воображение.*

Скрип-скрип-скрип.

Эта штука живая, Триша, сказала тетя Эвви. *Эта штука живая, и ты это знаешь.*

Не говори глупостей, отмахнулась Полли, переворачиваясь на другой бок. *Как там внутри может что-то жить? Может быть, это что-то и сможет дышать через дырочки в кулоне, но чем оно будет питаться?!*

Может быть, сказала тетя Эвви с мягкой непреклонностью в голосе, *оно питается ТОБОЙ, Триша.*

— Полли, — прошептала она. — Меня зовут Полли.

В этот раз рывок в ее подсознании был сильнее и заметнее, он пробудил какую-то странную тревогу, и Полли почти уже поняла, в чем дело... Но тут зазвонил телефон. Она охнула и вскочила. В ней боролись противоречивые чувства: гордость и желание взять трубку.

Поговори с ним, Триша, хуже не будет. Выслушай его. Раньше тебе было не до того!

Я не хочу с ним разговаривать. После того что он сделал... Нет.

Но ты же по-прежнему его любишь.

Да — это правда. Она по-прежнему его любит, но теперь и ненавидит тоже.

Голос тети Эвви уже не скрывал раздражения. *Ты хочешь быть призраком всю свою жизнь? Да что с тобой происходит, в конце-то концов?!*

Полли нерешительно потянулась к телефону. Ее рука — гибкая, совсем без боли рука, — не дотянулась до трубки совсем чуть-чуть. Потому что это мог быть и не Алан. Может быть, это был мистер Гонт. Может быть, мистер Гонт звонит ей, чтобы сказать, что она еще не до конца оплатила купленный товар.

Она опять потянулась к телефону — в этот раз ее пальцы даже скользнули по пластиковому корпусу — и снова отдернула руку. Она сцепила руки в нервный клубок и прижала их к животу. Полли боялась мертвого голоса тети Эвви, боялась того, что она сделала сегодня днем, боялась, что мистер Гонт (или Алан) расскажут всему городу про ее мертвого сына, боялась того, что означают вопящие за окном сирены.

Но больше всего — всех этих вещей, вместе взятых, — она боялась самого Лиланда Гонта. У нее было такое чувство, как будто ее привязали к языку громадного стального колокола, и этот колокол одновременно оглушит ее, сведет с ума и раздавит, когда начнет звонить.

Телефон успокоился.

Снаружи снова завыли сирены, и когда они затихли, удалившись в сторону Оловянного моста, ударил гром. Ближе, чем раньше.

Сними его, шептал голос тети Эвви. *Сними его, дорогая. Ты сможешь — его власть распространяется только на надобность, но не на волю. Сними его. Сбрось его оковы.*

Но Полли смотрела на телефон и вспоминала ту ночь — неужели прошла всего неделя? — когда она потянулась к аппарату и сбила его на пол, потому что не удержала в руках. Она вспоминала боль, терзавшую ее руки до самых локтей, как голодная крыса со сломанными зубами. Она не может вернуться в ту боль. Не может.

Или все-таки может?

Сегодня в Касл-Роке творится страшное, сказала тетя Эвви. *Ты хочешь завтра проснуться и узнать, что тоже приложила к этому руку? Узнать, какой был ТВОЙ вклад? Ты хочешь в этом участвовать, Триша?*

— Ты не понимаешь, — простонала она. — Я же не Алана подставила, а Туза! Туза Мерилла! А он заслужил, чтобы ему сделали гадость!

Голос тети Эвви ответил безжалостно: *Тогда и ты заслужила, моя дорогая. И ты.*

4

Примерно в двадцать минут седьмого, когда грозовые тучи подползли еще ближе к городу и настоящая тьма уже перенимала эстафету у сумерек, офицер полиции штата, заменивший Шейлу Брайхем в диспетчерской, вошел в приемную полицейского участка. Он обогнул небольшой участок неправильной восьмиугольной формы, ограниченный лентой с надписью: МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, — и подошел к Генри Пейтону.

Генри выглядел взъерошенным и несчастным. Последние пять минут он провел с дамами и джентльменами из прессы и чувствовал себя как обычно после подобных встреч: как если бы его обмазали медом, а потом заставили пролезть через громадную, кишащую муравьями кучу экскрементов гиены. Его заявление для прессы получилось не так хорошо подготовленным — или неопровержимо размытым, — как ему бы хотелось. Телевизионщики наседали. Им нужны были новости для прямых включений в новостной врезке с шести до шести тридцати, — им *нужны* были прямые включения, — и если он не бросит им хоть какую-то кость, в одиннадцатичасовых новостях его просто распнут. Они и так-то почти что его распяли. За всю свою карьеру он еще не был так близок к тому, чтобы признать, что не имеет ни малейшего представления, как вести это дело. Он не просто ушел с этой импровизированной пресс-конференции; он в буквальном смысле слова спасся бегством.

Теперь Пейтон уже пожалел, что не прислушался к словам Алана. Он приехал сюда в полной уверенности, что вся работа сведется к устранению последствий преступлений. Теперь он был в растерянности, потому что, с тех пор как он принял дело, было совершено еще одно убийство — женщины по имени Миртл Китон. Ее муж все еще был на свободе, видимо, убежал за холмы и дальше, намного дальше, а может быть, до сих пор носится как угорелый по этому странному городку. Человек, который

прикончил свою жену молотком. Другими словами — буйный псих первой категории.

Проблема в том, что он *не знает* этих людей. Алан и его помощники знают, но они оба куда-то уехали. Лапуант лежит в больнице, лелея надежду, что врачи все же сумеют выпрямить его нос. Пейтон огляделся в поисках Клаттербака и без удивления обнаружил, что тот тоже куда-то пропал.

Ты хотел этого, Генри? — слышал он голос Алана. *Отлично. Бери это дело себе. А когда понадобятся подозреваемые, просто открой телефонную книгу.*

— Лейтенант Пейтон? Лейтенант Пейтон! — прокричал офицер из диспетчерской.

— Что? — рыкнул Генри в ответ.

— У меня на рации доктор Ван Аллен. Хочет с вами поговорить.

— О чем?

— Не говорит. Сказал, что хочет поговорить с вами.

Генри вошел в будку диспетчера, все больше и больше ощущая себя мальчишкой, который катится вниз по холму на велосипеде без тормозов, причем с одной стороны — пропасть, с другой — отвесная каменная стена, а сзади его преследует стая голодных волков с мордами репортеров.

Он взял в руки микрофон.

— Пейтон на связи, прием.

— Лейтенант Пейтон, это доктор Ван Аллен, судмедэксперт округа. — Его голос был невыразительным и далеким, прерываемым сильными помехами. Гроза приближается, понял Генри. Вот чего нам не хватало для полного счастья.

— Да, я знаю, кто вы, — ответил он. — Вы забрали в Оксфорд мистера Бофорта. Как он, прием?

— Он...

Треск на линии. Ничего не слышно.

— Вы пропадаете, доктор Ван Аллен, — сказал Генри, пытаясь сохранить спокойствие. — У нас тут гроза надвигается, очень сильная. Повторите, пожалуйста.

— Мертв! — прокричал Ван Аллен в разрыв в статике. — Скончался в реанимации, но мы не думаем, что он умер от огнестрельного ранения. Вы понимаете? *Мы думаем, что он умер не от огнестрельного ранения.* У него был сначала атипический отек мозга, а потом аневризма. Самый вероятный диагноз: воздействие какого-то яда, очень сильного, попавшего в кровь через пули. Это же вещество, кажется, вызвало и, так сказать, разрыв сердца. Как слышно, прием?

О Боже, подумал Генри Пейтон. Он расслабил галстук, расстегнул воротник и нажал кнопку передачи.

— Прием подтверждаю, доктор Ван Аллен, но будь я проклят, если я что-то понял.

— Токсин скорее всего был нанесен на пули. Инфекция распространяется поначалу медленно, но потом набирает скорость. У нас две явные зоны поражения: рана на щеке и рана в груди. Очень важно, что...

Снова помехи на линии.

— ...кого он? Прием?

— Повторите, доктор Ван Аллен. — Про себя Генри от всей души чертыхнулся. Доктор мог бы воспользоваться телефоном, а не мучить его этой чертовой рацией. — Пожалуйста, повторите еще раз!

— *У кого сейчас пистолет?* — проорал Ван Аллен. — Прием!

— У Дэвида Фридмана. У баллистика. Он забрал его в Августу.

— Предварительно разрядив?

— Да. Это стандартная практика.

— Это был револьвер или автоматический пистолет? Лейтенант Пейтон, сейчас это очень важно.

— Автоматический.

— А обойму он разрядил?

— В Августе разрядит. — Пейтон тяжело плюхнулся в кресло диспетчера. Ему хотелось хорошенечко проблеваться. — Прием.

— Нет! Нет, не надо! Пусть не трогает пули — как поняли?

— Я понял, — сказал Генри. — Я оставлю в лаборатории баллистики сообщение для него, чтобы он не трогал эти сраные пули в этой сраной обойме, пока мы эту сраную помойку не разгребем к сраной чертовой матушке. — Он испытал по-детски чистое удовольствие от мысли, что сейчас выйдет на свежий воздух... и вдруг подумал, сколько же репортеров сейчас отслеживают их разговор по своим профессиональным рациям. — Послушайте, доктор Ван Аллен, нам не следует говорить о таких вещах в открытом эфире. Прием.

— Да плюньте вы на секретность, — яростно проговорил Ван Аллен. — Мы сейчас говорим о человеческих жизнях, лейтенант Пейтон. Я пытался выйти на вас по телефону, но не пробился. Передайте своему Фридману, чтобы тщательно осмотрел свои руки на предмет ранок, царапин, даже цыпок. Если на коже есть хоть малейшее повреждение, пусть *немедленно* едет в ближайшую больницу. Я же не знаю, попало ли это дерьмо на обойму. И я не хочу рисковать. Эта штука *смертельна*. Как понял?

— Вас понял, — услышал Генри свой голос. Сейчас ему хотелось лишь одного: быть где угодно, лишь бы не здесь. Но раз уж он здесь, он предпочел бы, чтобы рядом был Алан Пангборн. Он все больше и больше напоминал себе Братца Кролика, прилипшего к Смоляному чучелку. — И что это?

— Пока не знаем. Не кураре, потому что паралича не было до самого конца. К тому же кураре относительно безболезненный яд, а мистер Бофорт сильно мучился. Все, что нам известно: началось это медленно, а потом разогналось, как товарняк. Прием.

— Это все? Прием.

— Господи, — взорвался Рэй Ван Аллен. — А вам этого мало?! Прием.

— Да, наверное, хватит.

— Радуйтесь, чт...

КХХХР... ШШ... ФСФФФФФФ

— Повторите, доктор Ван Аллен, повторите, прием.

Сквозь надвигающуюся волну статических разрядов до него донеслась фраза:

— Радуйтесь, что пистолет у вас. Он больше не причинит никому вреда. Прием.

— Тут вы правы. Конец связи.

5

Кора Раск свернула на Главную улицу и медленно побрела в сторону «Нужных вещей». Она прошла мимо ярко-желтого «форда-эколайна» с надписью во весь бок ГОРЯЧИЕ НОВОСТИ ПЯТОГО КАНАЛА, не заметив Дэнфорда Бастера Китона, который пялился на нее сквозь стекло немигающими глазами. Впрочем, она бы его не узнала, даже если бы заметила; фигурально выражаясь, Бастер стал другим человеком. И даже если бы она *узнала* его, ей было бы все равно. У нее были свои беды и печали. И еще у нее была злость. И ни то, ни другое не имело отношения к смерти сына.

В руке Кора несла разбитые солнечные очки.

Казалось, полиция будет допрашивать ее бесконечно... пока не сведет ее с ума. *Убирайтесь!* — хотелось ей закричать. *Кончайте с этими вашими дурацкими вопросами насчет Брайана! Если он что-то натворил, арестуйте его, отец потом разберется, он в этом мастер, но меня оставьте в покое! У меня свидание с Королем, и я не могу заставлять его ждать!*

В какой-то момент она заметила шерифа Пангборна, стоявшего, скрестив руки на груди, в дверях между кухней и задним крыльцом. Она чуть не выложила все ему, думая, что *он* поймет. Он был не как эти... он был *свой*, из их города, он знал про «Нужные вещи», он наверняка купил там себе что-нибудь, он поймет.

Но тут у нее в сознании раздался голос мистера Гонта, спокойный и убедительный, как всегда. *Нет, Кора, не говори ему ничего. Он не поймет. Он не такой, как ты. Он не понимающий покупатель. Скажи им, что тебе нужно поехать в госпиталь, чтобы присмотреть за другим сыном. Так ты от них избавишься, хотя бы на время. А дальше уже не важно.*

Она так им и заявила. Все сработало, как по волшебству. Она даже умудрилась выдавить из себя пару слезинок, правда, думая не о Брайане, а о том, как уныло и одиноко Элвису без нее, как он ходит по Грейсленду и скучает. Бедный Король!

Они ушли — все, кроме двоих-троих в гараже. Кора не понимала, что они там делают и чего там хотят, да ее это и не заботило. Она схватила со стола свои волшебные очки и помчалась наверх. В спальне она скинула с себя халат, легла на постель и надела их.

В мгновение ока она перенеслась в Грейсленд. Сердце исполнилось облегчения, сладкого предчувствия и необузданного желания.

Нагая и свежая, она взлетела по витой каменной лестнице в верхний коридор, украшенный гобеленами шириной почти с шоссе. Когда она подходила к закрытым дверям в дальнем конце коридора, пушистый ковер приятно щекотал ее босые ноги. Кора протянула руки и толчком распахнула обе створки дверей. Перед ней открылась спальня Короля, комната, выдержанная в черно-белых тонах — черные стены, белый пушистый ковер, черные занавески на окнах, белый орнамент на черном постельном белье — все черно-белое, кроме потолка, который был выкрашен в полуночную синеву с тысячью мерцающих электрических звездочек.

Потом она взглянула на кровать и застыла, потрясенная ужасным видением.

Король лежал там, в постели, но он был не один.

На нем сидела верхом, скача, как на пони, Майра Эванс. Она повернулась и посмотрела на Кору. Король

продолжал смотреть на Майру, моргая своими сонными, прекрасными голубыми глазами.

— Майра! — взвизгнула Кора. — Что ты тут делаешь?

— Ну, как видишь, не пол подметаю, — самодовольно заявила Майра.

Кора аж задохнулась, потрясенная до глубины души.

— Да... да... *да чтоб мне провалиться!* — выдавила она, когда к ней вернулось дыхание.

— Так иди и проваливайся, — сказала Майра, увеличив темп. — И сними эти идиотские очки. Вид у тебя в них дурацкий. Убирайся отсюда. Возвращайся в Касл-Рок. Мы тут заняты... правда, Элви?

— Точно, сладенькая моя... — согласился Король. — Заняты, как два кролика в норке.

Ужас уступил место ярости, которая вывела Кору из паралича. Она бросилась на так называемую подругу, собираясь выцарапать ее бессовестные глаза. Но когда она подняла руку, Майра потянулась — по-прежнему не сбиваясь с ритма — и сорвала с Коры очки.

Кора зажмурилась от удивления... а открыв глаза, обнаружила, что лежит одна у себя в кровати. Очки лежали на полу, оба стекла были разбиты вдребезги.

— *Нет*, — простонала Кора, сползая с кровати. Ей хотелось завыть, но какой-то внутренний голос — не ее собственный, а чужой — предупредил, что полиция в гараже может услышать и прибежать на крики. — Нет, Боже мой, нет, ну пожалуйста, *Боооже*...

Она попыталась вставить осколки обратно в золотую оправу, но у нее ничего не вышло. Обе линзы были разбиты. Уничтожены этой гадкой развратной тварью. Ее *подругой*, Майрой Эванс. Ее *подруга* как-то нашла дорогу в Грейсленд, ее *подруга*, которая прямо сейчас, пока Кора безуспешно пыталась сложить осколки безвозвратно утерянной, бесценной вещи, занималась любовью с Королем.

Кора подняла глаза, превратившиеся в сверкающие черные щелки.

— Я ее достану, — яростно прошептала она. — Вот увидите.

6

Она прочла вывеску на двери «Нужных вещей», на секунду задумалась, потом развернулась и пошла в сторону заднего переулка. Мимо промчалась Франсин Пелетье, которая вышла из переулка ей навстречу, пряча что-то в сумочку. Кора на нее даже не взглянула.

На середине аллейки она увидела мистера Гонта за деревянным столом, который стоял перед открытой задней дверью его магазина, как баррикада.

— А, Кора! — воскликнул он. — Я как раз думал, когда вы заглянете.

— Эта *сучка!* — процедила Кора. — Эта предательница, поганая тварь, *сучка!*

— Прошу прощения, Кора, — сказал мистер Гонт с присущей ему вежливостью, — но мне кажется, что у вас расстегнулась пара пуговиц. — Он указал своим странным длинным пальцем на ее платье.

Кора накинула на голое тело первое, что попалось в шкафу, и второпях застегнула только одну верхнюю пуговицу, так что платье полностью раскрылось до самого лобка. Ее живот, обильно удобренный громадным количеством «вагон-вилсов», сникерсов и вишен в шоколаде, съеденных за просмотром «Санта-Барбары» (и других любимых сериалов), мягко выпирал в разрез.

— А кому какое дело?! — взорвалась Кора.

— Мне — никакого, — спокойно сказал мистер Гонт. — Чем могу быть полезен?

— Эта сучка трахается с Королем. Она разбила мои очки. Я хочу ее убить.

— *Убить*, значит, — повторил мистер Гонт, удивленно подняв брови. — Не могу сказать, что не разделяю ваших чувств, Кора, потому что я их прекрасно понимаю. Вполне возможно, что женщина, похитившая мужчину у другой женщины, и не заслуживает смерти. Но не мне об этом судить. Я всю жизнь занимаюсь коммерцией и слабо разбираюсь в тонкой материи чувств. Но женщина,

лишившая другую женщину ее самого ценного приобретения... это намного серьезнее. Вы согласны?

Кора заулыбалась. Это была жестокая улыбка. Безжалостная улыбка. Безумная.

— Еще бы, — сказала она.

Мистер Гонт на секунду отвернулся. Повернувшись обратно, он протянул Коре автоматический пистолет.

— Возможно, вам пригодится вот эта штука, — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Покончив с Миртл, Бастер впал в глубокое оцепенение. Все стало бессмысленным. Он думал о *них* — о целом городе, кишащем *ими*, — но вместо чистой, праведной ненависти испытывал лишь усталость и горечь. В голове угрюмо ворочалась боль. Рука и спина болели после рьяной работы молотком.

Он опустил глаза и увидел, что до сих пор держит его в руке. Рука разжалась, и молоток выпал на кухонный линолеум, оставив на нем кровавые брызги. Почти минуту Китон стоял и смотрел на бурые капли с въедливой внимательностью полного идиота. Ему казалось, что в узоре кровавых разводов проступает лицо его отца.

Потом он вышел из оцепенения и поплелся к себе в кабинет, потирая плечо и локоть. Наручники сводили с ума своим звоном. Он открыл дверцу шкафа, встал на колени, отодвинул висевшую там одежду и вытащил коробку с игрой. Неуклюже выдравшись из шкафа (наручник зацепился за одну из туфель Миртл, и Бастер швырнул его, тихо выматерившись себе под нос), он перенес коробку на стол и уселся перед ней. Однако вместо обычного восхищения он чувствовал только уныние. «Выигрышная ставка» по-прежнему была чудесной, но какая с нее была польза теперь?! Уже не важно, вернет он день-

ги в кассу или нет. Он убил собственную жену — чего она, без сомнения, заслужила, — но *они*-то увидят все это совсем в другом свете. *Они* с радостью схватятся за возможность засадить его в тюрьму: бросят его в самую темную, самую затхлую камеру Шоушенкской тюрьмы, а ключ зашвырнут в колодец.

Он увидел, что на картонной крышке расползаются кровавые подтеки, и взглянул на себя. Только сейчас он заметил, что он весь в крови, с ног до головы. Руки по локоть в крови, как у какого-нибудь мясника из Чикаго. Депрессия накатила мягкой, черной волной. *Они* победили его... хорошо. Но *они* его не возьмут. Он все равно уйдет. Все равно уйдет.

Бастер поднялся из-за стола с ощущением глубинной внутренней пустоты, вышел из кабинета и пошел наверх. По дороге он разделся: туфли сбросил в гостиной, штаны снял на лестнице и уже в коридоре стянул носки. Даже носки были пропитаны кровью. Больше всего хлопот ему доставила рубашка; снимать ее через голову с надетым наручником было довольно напряженно.

Между убийством миссис Китон и замедленным маршброском Бастера в душ прошло двадцать минут. За это время его бы сто раз могли взять без особых проблем... но полиции было не до того. На Главной улице шла торжественная передача власти, в полицейском участке царил полный хаос, и установление местонахождения Дэнфорда Китона по прозвищу Бастер было сейчас далеко не первым в списке первоочередных задач.

Бастер вышел из душа, насухо вытерся, надел чистые брюки и футболку — еще раз возиться с длинными рукавами было выше его сил — и вернулся в кабинет.

Там он снова уселся за стол и впился взглядом в «Выигрышную ставку», очень надеясь, что его депрессия окажется преходящей, что она пройдет прямо сейчас и прежняя радость вернется. Но картинка на коробке стала какой-то блеклой и тусклой. Самым ярким пятном цвета была кровь Миртл, размазанная по боку лошади № 2.

Бастер открыл коробку, отложил крышку в сторону и с ужасом обнаружил, что маленькие жестяные лошадки печально покосились в разные стороны. Их цвета тоже поблекли. Из отверстия, куда вставляется заводной ключ, торчала сломанная пружина.

Здесь кто-то был! — завопил внутренний голос. *Кто-то к ней прикасался! Кто-то из них! Им было мало сломать меня! Они сломали еще и мою игру!*

Но другой голос, из самых глубин сознания — возможно, голос угасающего рассудка, — прошептал, что это неправда. *Так было с самого начала,* прошептал этот голос. *Просто ты этого не замечал.*

Бастер шагнул к шкафу за пистолетом. Ничего другого не остается. Это — единственный выход. Бастер уже протянул руку к полке, но тут раздался телефонный звонок. Бастер медленно поднял трубку, уже зная, кто это звонит.

И он не ошибся.

2

— Привет, Дэн, — сказал мистер Гонт. — Как у вас настроение в этот прекрасный вечер?

— Ужасно, — ответил Бастер глухим и угрюмым голосом. — Мир летит в тартарары. Я покончу с собой.

— О... — Судя по голосу, мистер Гонт был лишь слегка разочарован и не более того.

— Все плохо. Даже игра, которую вы мне продали... она никуда не годится.

— Позвольте мне усомниться, — сказал мистер Гонт с ноткой вызова в голосе. — Весь товар, который я продаю, проходит тщательную проверку, мистер Китон. Тщательнейшую проверку. Посмотрите еще раз.

Бастер глянул на стол и остолбенел. Лошадки ровнехонько стояли в прорезях и блестели, словно их только что выкрасили свежей краской. Жестяные дорожки сверкали ярко-зеленым и светло-коричневым. *А круг-то бы-*

стрый, мечтательно подумал Бастер и перевел взгляд на крышку коробки.

То ли раньше его подвели глаза, затуманенные унынием, то ли сами цвета каким-то чудом сгустились за те пару минут, пока он разговаривал по телефону... но как бы там ни было, теперь кровь на коробке была почти незаметна. Она подсохла и стала светло-коричневой.

— Боже мой! — прошептал он.

— Ну? — спросил мистер Гонт. — Что, Дэн? Я прав? Потому что если я не прав, вам придется повременить со своим самоубийством хотя бы для того, чтобы вернуть мне покупку и возместить свои деньги. Я отвечаю за свой товар. Я очень ценю свою репутацию и отношусь к ней серьезно, потому что *их* миллиарды, а я один.

— Нет... нет! — сказал Бастер. — С ней все в порядке, с игрой. Она... она *замечательная!*

— Стало быть, вы ошиблись? — настаивал мистер Гонт.

— Да... видимо, так.

— Вы *признаете* свою ошибку?

— Я... да.

— Хорошо. — Голос мистера Гонта смягчился, утратив стальные нотки. — В таком случае давайте стреляйтесь. Хотя должен заметить, что я очень разочарован. Я думал, что наконец-то нашел человека, который способен помочь мне задать *им* жару. Но похоже, что вы такой же болтун, как и все остальные. — Мистер Гонт тяжело вздохнул. Это был вздох человека, который понял, что долгожданный свет в конце тоннеля ему лишь померещился.

И тут с Бастером Китоном произошла странная вещь. Он вдруг почувствовал, что к нему возвращается былая решимость. Мир опять обрел краски. Даже его собственные внутренние цвета стали насыщеннее и ярче.

— А разве еще не поздно?

— Вы, наверное, пропустили стих 101. Никогда не поздно искать новый мир. Особенно если вы человек со стержнем. Я ведь все для вас приготовил, мистер Китон. Я на вас очень рассчитывал.

— Просто «Дэн» мне нравилось больше, — признался Бастер, немного стесняясь.

— Хорошо, Дэн. Вы и вправду хотите уйти из жизни, как последний трус?

— Нет! — закричал Бастер. — Просто я подумал... какой смысл бороться?! *Их* все равно слишком много.

— Трое решительных крепких мужчин способны на многое, Дэн.

— Трое? Вы сказали — *трое?*

— Да... есть еще один человек, который видит опасность и понимает, на что *они* способны.

— Кто? — нетерпеливо спросил Бастер. — Кто?!

— Всему свое время, — сказал мистер Гонт. — Кстати, о времени. У вас его очень мало. Они уже едут за вами.

Бастер выглянул в окно. Его глаза сузились, как у хорька, почуявшего опасность. Улица была пуста, но это пока. Он чуял *их* нутром, чувствовал, как *они* приближаются.

— Что мне делать?

— То есть вы с нами? — спросил мистер Гонт. — Могу я на вас рассчитывать?

— Да!

— До конца?

— До тех пор, пока не замерзнет ад или вы сами не скажете — все!

— Отлично, — сказал мистер Гонт. — Слушайте меня внимательно, Дэн.

И пока мистер Гонт говорил, а Бастер слушал, постепенно впадая в гипнотический транс, в который мистер Гонт так легко погружал людей, подчиняя себе их волю, воздух снаружи уже сотрясался в преддверии грозы.

3

Через пять минут Бастер вышел из дома. Поверх футболки он надел легкий пиджак, а руку с наручником запихнул глубоко в карман. В двух шагах от подъездной

дорожки, именно там, где сказал мистер Гонт, он обнаружил микроавтобус. Цвет фургончика — канареечно-желтый — служил гарантией, что на машину будут обращать больше внимания, чем на водителя. Кузов фургончика был без окон, на обоих боках красовалась эмблема Портлендской телестудии.

Бастер осторожно огляделся по сторонам и влез внутрь. Мистер Гонт сказал, что ключи будут лежать под сиденьем. Они там и лежали. На пассажирском сиденье стоял бумажный пакет. В пакете Бастер обнаружил светлый парик, пару тонких «интеллигентских» очков и маленькую бутылочку.

Он надел парик с некоторой опаской — лохматый и длинный, он был похож на скальп мертвого рокера, — но, посмотрев на себя в зеркало заднего вида, поразился тому, как ему это шло. В этом парике он выглядел моложе. *Намного* моложе. Линзы очков были из простого стекла, и они изменили его лицо (по крайней мере, по мнению самого Бастера) даже сильнее, чем парик. В них Китон смотрелся умнее — как Харрисон Форд в «Береге москитов». Он с изумлением рассматривал себя в зеркале. Как-то разом, в мгновение ока, он превратился из пятидесятидвухлетнего мужика в тридцатилетнего парня неформального вида, который вполне мог работать на телевидении — не корреспондентом, конечно, блеску все-таки маловато, зато оператором или даже продюсером — запросто.

Он открутил пробку с бутылочки, понюхал ее содержимое и сморщился — жидкость воняла, как горячая кислота из пробитого аккумулятора. Из горлышка даже шел легкий дымок. *С этой гадостью надо быть поосторожнее*, подумал Бастер.

Он прижал свободный браслет наручника правым бедром и натянул цепь. Потом он вылил немного темной и едкой жидкости из бутылочки на цепь под браслетом, надетым на руку, стараясь не капнуть на кожу. Сталь тут же задымилась и зашипела. Пара капель упала на резиновый коврик под ногами, который тут же пошел пузырями.

Поднялся дым и вонь. Выждав минуту, Бастер вынул из-под себя свободный браслет, зажал его в руке и хорошенько рванул. Цепь лопнула, как бумага, и он швырнул ее на пол. Браслет все еще был на руке, но это уже пустяки — прежде всего ему надо было избавиться от цепи со свободным браслетом. Бастер повернул ключ зажигания, завел машину и уехал.

А через три минуты к дому Китона подъехала машина шерифа округа Касл, за рулем которой сидел Ситон Томас, и старый Сит обнаружил Миртл Китон, распростертую на пороге в дверях между гаражом и кухней. Вскоре к нему присоединились четыре машины полиции штата. Полицейские перевернули весь дом вверх дном в поисках Бастера или хотя бы намеков, куда он мог деться. Никто даже не взглянул на игру на столе в кабинете у Бастера. Она была старой, грязной и явно поломанной — такие вещи обычно хранятся на неухоженных пыльных чердаках, заваленных всяким хламом.

4

Эдди Варбертон, уборщик в муниципальном здании, имел зуб на Сонни Джакетта уже больше двух лет. За последние два-три дня эта злость переросла в настоящую ярость.

Когда летом 1989 года в его красавице «хонде» заклинила коробка передач, Эдди не захотел везти ее на ближайший хондовский сервис. Плата за буксировку была очень высокой. Хуже всего, что коробка полетела всего через три недели после того, как закончилась гарантия на ходовую часть. Поэтому он сначала пошел к Сонни Джакетту и спросил, работал ли тот с импортными машинами.

Сонни сказал, что да. Причем сказал ярко выраженным снисходительно-покровительственным тоном, каким большинство деревенских янки говорили с Эдди. *У нас нет предубеждений*, говорил этот тон. *Тут же север, сам*

знаешь. Нам это южное дерьмо ни к чему. Конечно, ты НИГГЕР, чего уж тут... ниггер, он ниггер и есть, но для нас это не важно. Черные, желтые, белые, да хоть зеленые — мы все чиним, да так, как тебе и не снилось. Пригоняй свою тачку.

Сонни починил коробку «хонды», но счет оказался на сто долларов больше, чем они договаривались сначала, и из-за этого они с Эдди однажды чуть не подрались в «Тигре». Потом *адвокат* Сонни (янки или не янки, Эдди Варбертон по опыту знал, что у всех белых есть *адвокаты*) позвонил Эдди и сказал, что Сонни подает заявление в арбитражный суд. В конце концов Эдди пришлось выложить из своего кармана полтинник, а через пять месяцев в электрической сети машины случилось короткое замыкание с возгоранием. Машина стояла на парковке перед зданием муниципалитета. Кто-то позвал Эдди, но когда он примчался с огнетушителем, машина уже полыхала вовсю. Она выгорела дотла.

С тех пор Эдди гадал, не Сонни ли Джакетт подстроил это замыкание. Страховой следователь сказал, что это был просто несчастный случай... вероятность которого — одна на миллион. Но что мог знать этот тип? Скорее всего ничего. Кроме того, деньги-то были не его. Естественно, страховки не хватило на возмещение потерь.

Зато теперь Эдди знал. Знал наверняка.

Сегодня утром ему по почте пришел конверт. То, что было внутри, проливало свет на ту давнюю историю: несколько почерневших контактов-крокодилов, старая помятая фотография и записка.

Контакты выглядели так, словно их использовали для замыкания проводов. Кто-то просто снял изоляцию в нужном месте, закоротил их — и *вуаля*.

На снимке был Сонни и еще парочка его белых дружков, вечно ошивавшихся на бензоколонке. Только снимок был сделан не на «Сонни Суноко», а на свалке Робишо, расположенной на шоссе № 5.

Чуваки стояли перед выгоревшей «хондой» Эдди, пили пиво, смеялись... и ели арбуз.

Записка была короткой и ясной. *Дорогой Ниггер, зря ты со мной связался.*

Сначала Эдди удивился, зачем это Сонни вздумалось посылать ему такую записку (и ему даже в голову не пришло связать ее с тем письмом, которое он сам подсунул в почту Полли Чалмерс по заданию мистера Гонта). Он решил, что Сонни просто тупее и злее, чем остальные белые. Тем более что если Сонни и вправду устроил то короткое замыкание и хотел, чтобы Эдди об этом знал, то почему он так долго молчал? Но чем больше он размышлял над прошлым,

(Дорогой Ниггер)

тем меньше его волновал этот вопрос. У него в голове остались только обгорелые зажимы, старая фотография и записка. Они никак не давали ему покоя — словно стая голодных москитов, они донимали его постоянно.

Сегодня днем он купил пистолет у мистера Гонта.

На асфальте лежал белый прямоугольник света от неоновой вывески конторского здания автостанции «Суноко». Эдди въехал на стоянку автосервиса на своем «олдсмобиле», купленном по дешевке с рук вместо «хонды». Он вылез из машины, держа руку с пистолетом в кармане.

Перед входной дверью в контору он на минуту остановился. Сонни сидел перед кассовым аппаратом, прислонившись вместе со стулом к стене. Эдди даже видел верх его фирменной бейсболки. Газету читает. Ну да, конечно. У белых всегда есть свои *адвокаты*, и после долгого трудного дня — это ведь так утомительно, облапошивать чернокожих вроде Эдди, — им обязательно надо передохнуть. Посидеть у себя в конторе, откинувшись в кресле, и почитать газету.

Мерзавцы они, эти белые, вместе с их гребаными адвокатами и вонючими газетами.

Эдди достал из кармана автоматический пистолет и вошел внутрь. Какая-то часть его разума, дотоле дремавшая, внезапно проснулась и подняла тревогу: не надо этого

делать, это ошибка. Но Эдди не обратил на нее внимания. Не обратил потому, что он был не в себе. Не в смысле: он был вне себя от ярости, а в смысле — действительно *вне* себя. Как бы снаружи. Он, словно дух, висел над своим плечом и наблюдал за происходящим. А его телом сейчас управлял некий злой чертенок.

— Получай, двуличный ты сукин сын, — услышал Эдди свой собственный голос как будто со стороны, бесстрастно взирая на то, как его палец дважды нажимает на спусковой крючок. В статье, озаглавленной «Маккернан одобрил повышение ставок», появились две черные дырки. Сонни Джакетт вскрикнул и сразу умолк. Ножки стула подкосились, и Сонни рухнул на пол. Весь его комбинезон был залит кровью, но... но на нем золотой нитью было вышито имя РИККИ. Это был не Сонни, а Рикки Бизонетт.

— О черт! — воскликнул Эдди. — Я пристрелил не того слесаря, мать его за ногу!

— Привет, Эдди. — Голос Сонни раздался сзади. — Иногда бывает полезно зайти в сортир, а?

Эдди начал разворачиваться. Три пули из автоматического пистолета Сонни, купленного у того же мистера Гонта, вошли ему в поясницу, дробя позвоночник. Он не успел сделать и пол-оборота.

Круглыми от ужаса и боли глазами он беспомощно наблюдал, как Сонни наклоняется над ним. Дуло наставленного на него пистолета казалось большим, словно устье тоннеля, и темным, как вечность. Лицо Сонни за ним было бледным и сосредоточенным. На щеке чернел масляный след.

— Твоя ошибка вовсе не в том, что тебе захотелось украсть мой набор ключей. — Сонни прижал ствол пистолета ко лбу Эдди Варбертона. — Но то, что ты мне написал о своих намерениях... *вот* в чем была ошибка.

Эдди никому ничего не писал. И тут у него в сознании как будто вспыхнула яркая лампочка, и он наконец-то все понял. *Теперь* он вспомнил письмо, подброшенное этой бабе, Чалмерс, и смог связать это письмо с запиской, ко-

торую получил сам, и той запиской, якобы написанной им самим, о которой говорил Сонни.

— Послушай! — прошептал он. — Умоляю, послушай меня, Джакетт... мы с тобой два идиота. Мы...

— Пока-пока, черненький, — сказал Сонни, нажав на курок.

Уже потом, когда Сонни почти минуту стоял согнувшись и смотрел на обмякшее тело Эдди Варбертона, он подумал, что, может быть, стоило его выслушать. Хотя, наверное, нет. Не стоило. Чего такого уж важного мог сказать парень, написавший записку, в которой выставил себя просто клиническим идиотом?

Сонни выпрямился и пошел в заднюю комнату, перешагнув через ноги Рикки Бизонетта. Он открыл сейф и вынул набор подстраиваемых накидных ключей, которые он купил в магазине у мистера Гонта. Он так и рассматривал свои ключики — *доставал их один за другим из коробки*, любовно вертел в руках и бережно укладывал обратно, — когда полиция штата приехала его арестовывать.

5

— *Останови машину на углу Бирч и Главной*, — сказал мистер Гонт Бастеру по телефону, — *и жди там. Я к тебе кое-кого пришлю.*

Бастер тщательно следовал этим инструкциям. Со своей выгодной позиции он наблюдал за людьми, которые буквально валили толпой в переулок за магазином. Похоже, сегодня вечером у половины города были какие-то дела к мистеру Гонту. Минут десять назад мимо него прошла жена Раска в расстегнутом платье — этакий персонаж из ночного кошмара.

Еще через пять минут после того, как она вышла из переулка, запихивая что-то в карман платья (платье по-прежнему было расстегнуто, и все было видно; но кто в здравом уме стал бы *это* рассматривать, подумал Бастер),

чуть выше по улице раздалось несколько выстрелов. Бастер не был уверен, но стреляли, кажется, на станции техобслуживания.

Машины полиции штата промчались по Главной, сверкая синими мигалками и распугивая журналистов, как голубей. Маскировка маскировкой, но Бастер решил, что будет благоразумнее на время забраться в кузов микроавтобуса.

Когда полицейские машины проезжали мимо, их синие вспышки выхватили из тьмы предмет, лежавший в самой глубине кузова, у задней дверцы, — зеленый брезентовый мешок. Бастеру стало любопытно. Он развязал узел, раскрыл мешок и заглянул внутрь.

Сверху лежала какая-то коробка. Бастер вынул ее и обнаружил, что мешок весь набит часами. Электрическими часами-будильниками. Их гладкие белые циферблаты таращились на него, словно бельма-глазенки сиротки Анны. А в коробке лежали зажимы-крокодилы, которые электрики применяют для быстрых временных подсоединений.

Бастер нахмурился... но тут ему вспомнился один запрос... запрос на выделение средств из городских фондов Касл-Рока, если быть точным. В графе, предназначенной для *запрашиваемых товаров и/или услуг* было проставлено следующее: 16 ЯЩИКОВ ДИНАМИТА.

Сидя в темном микроавтобусе, Бастер заулыбался. Потом не выдержал и расхохотался. Снаружи раздались раскаты грома. Язык молнии лизнул отвисший живот грозовой тучи и ткнулся в реку Касл.

Бастер смеялся, пока машина не начала сотрясаться.

— *Они!* — проорал он сквозь смех. — О черт, стало быть, и у нас кое-что для *них* есть?! *О да!*

6

Генри Пейтон, прибывший в Касл-Рок, чтобы взвалить на себя бремя забот шерифа Пангборна, стоял на пороге конторы автосервиса «Суноко», как говорится, с отвисшей

челюстью. Еще два тела. Один — белый, другой — черный, оба мертвы.

Третий — хозяин этого автосервиса и заправки, согласно надписи на комбинезоне, — сидел на полу рядом с открытым сейфом и бережно, как ребенка, держал на коленях грязный ящик с инструментами. Рядом с ним на полу валялся автоматический пистолет. Когда Генри его увидел, его сердце упало — резко ухнуло вниз. Это был брат-близнец того пистолета, из которого Хью Прист стрелял в Генри Бофорта.

— Смотрите, — глухо прошептал один из офицеров у него за спиной. — Вон еще один.

Генри повернул голову и услышал хруст собственных позвонков. Третий автоматический пистолет лежал на полу рядом с вытянутой рукой черного парня.

— Не прикасайтесь к ним, — сказал Генри Пейтон своим людям. — Даже близко не подходите.

Он переступил через лужи крови, схватил Сонни Джакетта за грудки и рывком поднял на ноги. Сонни не сопротивлялся, он просто крепче прижал набор инструментов к груди.

— Что тут произошло? — проорал Генри ему в лицо. — Что за хрень тут случилась?!

Сонни указал на Эдди Варбертона (локтем, чтобы не отпускать ящик).

— Он зашел. У него был пистолет. Он был сумасшедший. Вон, видите, что он с Рикки сделал... совсем сумасшедший. Хотел украсть мои ключи. Вот эти. — Сонни улыбнулся и наклонил стальной ящик так, чтобы Генри мог посмотреть на груду ржавых железок внутри. — Я же не мог допустить, чтобы он их украл, правильно? Ведь они... *мои*. Я за них заплатил, значит, они *мои*.

Генри открыл было рот, но тут же закрыл, потому что не знал, что сказать. Впрочем, такой возможности и не представилось. Прежде чем он успел произнести хоть слово, на улице снова раздались выстрелы, на этот раз — со стороны Касл-Вью.

7

Ленор Поттер стояла над телом Стефани Бонсан с дымящимся пистолетом в руках. Тело лежало на клумбе за домом, единственной клумбе, уцелевшей после двух предыдущих визитов этой злобной, мстительной суки.

— Не надо было тебе возвращаться, — сказала Ленор. Она никогда раньше не стреляла, даже в тире не была ни разу, а теперь вот убила женщину... и при этом она не испытывала ничего, кроме угрюмого возбуждения. Эта женщина проникла на ее территорию, выдрала весь ее сад (Ленор дождалась, когда эта сучка примется за дело; у *ее* мамочки дураков-детей не было) и тем самым развязала ей руки. *Мой дом — моя крепость.*

— Ленор? — позвал ее муж. Он встревоженно высунулся из окна ванной с бритвенной пеной на лице. — Ленор, что происходит?

— Я застрелила хулигана, — спокойно сказала Ленор, даже не оглянувшись. Она подсунула ногу под безвольную тяжесть тела и слегка его приподняла. Ощущение, когда каблук утонул в обмякшем боку бонсеновской сучки, доставило ей извращенно-садистское наслаждение. — Эта Стефани Бон...

Тело перевернулось. Но это была не Стефани Бонсан. Это была жена помощника шерифа, очень милого и любезного человека.

Она застрелила Мелиссу Клаттербак.

Калава Ленор Поттер резко сменила цвет. Миновав синий, пурпурный и дальше сиреневый, она стала полностью, непроходимо черной.

8

Алан Пангборн смотрел на свои руки, смотрел *сквозь* них в пустоту, такую густую и черную, что ее можно было только почувствовать, но не увидеть. Ему вдруг пришло

в голову, что сегодня, возможно, он потерял Полли, причем не на время — пока не прояснится недопонимание, — а навсегда. А это значит, что впереди у него — около тридцати пяти — сорока лет жизни, лишенной всякого смысла.

Он услышал какой-то шорох и быстро поднял голову. Мисс Хендри. Она заметно нервничала, но, казалось, приняла решение.

— Мальчик зашевелился, — сказала она. — Он еще не проснулся... ему дали успокоительное, и какое-то время он еще будет спать... но он уже зашевелился.

— Правда? — тихо спросил Алан.

Мисс Хендри прикусила губу, но все же продолжила:

— Да. Я бы впустила вас, шериф Пангборн, если бы могла, но я не могу. Правда не могу. Вы должны понимать. Я все прекрасно знаю, у вас большие проблемы в городе, но ребенку всего семь лет...

— Да.

— Сейчас я спущусь в кафе, выпью чашку чаю. Миссис Эванс опаздывает — она всегда опаздывает, — но через пару минут она будет здесь. Если вы зайдете в комнату Шона Раска — он в девятой палате, — когда я уйду, она скорее всего не узнает, что вы вообще здесь. Понимаете?

— Да, — благодарно сказал Алан.

— Обход начнется не раньше восьми, так что если вы будете уже в палате, она вас и не заметит. Но разумеется, если она все-таки вас увидит, вы ей скажете, что я строго следовала больничным правилам и отказала вам в посещении. И вы потихонечку проскользнули внутрь, когда меня не было на месте. Да?

— Да, — сказал Алан. — Можете не сомневаться.

— Уйти вы сможете через запасный выход в дальнем конце коридора. Если, конечно, сначала заглянете к Шону Раску, что я вам соответственно строго-настрого запретила.

Алан вскочил и чмокнул ее в щеку.

Мисс Хендри залилась краской.

— Спасибо, — сказал Алан.

— За что? Я же ничего не сделала. Ну, мне пора пить чай. Пожалуйста, посидите здесь, пока я не уйду.

Алан послушно уселся на стул. Он сидел между Саймоном-простаком и Пирожником, пока двойные двери, ведущие к лифтам, не закрылись за спиной мисс Хендри. Потом он встал и тихонько прошел по ярко расцвеченному коридору, заставленному игрушками и деревянными пазлами, в палату № 9.

9

Шон Раск вовсе не показался Алану сонным. Мальчик вполне проснулся.

Это было педиатрическое отделение, поэтому кровать была маленькой, но малыш все равно в ней потерялся. Его тельце было как маленький холмик под одеялом, так что казалось, будто на подушке лежит одна отрезанная голова. Лицо у Шона было очень бледным. Под глазами — смотревшими на Алана спокойно и без удивления — темнели сиреневые круги. На лбу, как большая запятая, лежал локон темных волос.

Алан взял стул, стоявший у окна, и перенес его к кровати с поднятым предохранительным бортиком. Хотя Шон не то что выпасть из кровати, он даже голову повернуть не мог. Только его глаза следили за Аланом.

— Привет, Шон, — тихо сказал Алан. — Как себя чувствуешь?

— В горле пересохло, — хрипло прошептал Шон.

На столике рядом с кроватью стоял графин и два стакана. Алан налил воды и перегнулся через бортик кровати.

Шон попытался сесть и не смог. Он упал обратно на подушку с тихим жалобным вздохом, поразившим Алана в самое сердце. Ему сразу вспомнился погибший сын. Когда Алан просунул руку под шею Шона, чтобы помочь ему сесть, перед глазами вновь встала та самая сцена: Тодд

стоит возле «скаута» в тот злосчастный день и машет Алану рукой, и почему-то в этой картинке из памяти вокруг головы Тодда искрится какой-то далекий, почти перламутровый свет, обрисовывая все его милые черты.

Рука Алана дрогнула. На больничную пижаму Шона пролилось несколько капель воды.

— Извини.

— Ничего, — сказал Шон тем же хриплым шепотом и жадно принялся пить. Он выпил почти весь стакан. И рыгнул.

Алан бережно уложил его обратно. Шон, похоже, немного «ожил», но его глаза по-прежнему были тусклыми. Алан подумал, что он в первый раз видит, чтобы маленький мальчик был настолько потерянным и одиноким. Таким одиноким, что даже страшно. Перед мысленным взором снова встал Тодд в тот, последний день.

Алан тряхнул головой. Надо было заняться делом. Отвратительным делом, которое неизвестно еще чем закончится, но у него было стойкое ощущение, что этот вопрос *нужно* было задать. В Касл-Роке творится какой-то кошмар, и Алан почему-то был почти уверен, что ответ был здесь — в голове этого мальчика, за его бледным лбом и печальными, тусклыми глазами.

Алан осмотрелся и заставил себя улыбнуться.

— Скучная комната.

— Да, — согласился Шон хрипло. — Тупая какая-то.

— Может, цветы ее оживят? — сказал Алан и провел правой рукой по левой, ловко выхватывая из-под часов пакетик с бумажным букетом.

Он знал, что испытывает судьбу, но все же решил попытаться. И почти пожалел об этом. Два цветка из бумажного букета порвались, когда он снял петлю и раскрыл букет. Пружина издала усталый, протестующий звон. Несомненно, это представление было последним в жизни данного экземпляра фокуса с раскрывающимся букетом, но на этот раз все получилось... еле-еле. И Шон, в отличие от своего брата, живо отреагировал на фокус, явно удив-

ленный и обрадованный, несмотря на свое состояние и транквилизатор в крови.

— Ух ты, *сильно!* Как это у вас получается?

— Маленькое волшебство... Хочешь оставить себе? — Алан потянулся, чтобы поставить бумажный букет в графин.

— Не-е. Они ведь бумажные. И *порватые.* — Шон подумал, решил, что его слова прозвучали невежливо, и добавил: — Хотя клевый фокус. А вы можете их *исчезнуть?*

Сомневаюсь, сынок, подумал Алан. А вслух сказал:

— Я попробую.

Он поднял букет повыше, чтобы Шону было лучше видно, потом немного согнул правую руку и опустил ее вниз. Он проделывал нужные пассы намного медленнее, чем обычно, учитывая печальное состояние, в котором пребывало изделие Макгаффина, но в итоге сам был удивлен и обрадован неожиданным результатом. Вместо того чтобы сложиться с легким щелчком, как обычно, раскрывающийся букет скрылся в сжатом кулаке, как дым. Алан чувствовал, как старая растянутая пружина пыталась кривляться и протестовать, но в итоге все-таки согласилась сотрудничать.

— Вот это круто, — с уважением заметил Шон, и в глубине души Алан с ним согласился. Это была чудесная вариация на тему фокуса, которым он удивлял школьников на протяжении многих лет, но он сомневался, что сможет повторить ее с новым экземпляром. Из-за тугой новой пружины такого медленного исчезновения будет никак не добиться.

— Спасибо, — сказал Алан и незаметно подсунул бумажный пакетик под ремешок часов. — Если не хочешь цветов, может, тебе подойдет двадцатипятицентовик для автомата с кока-колой?

Алан быстро нагнулся и вытянул монетку из-под Шонова носа. Мальчик улыбнулся.

— Ой, мамочки, я же забыл, что кока-кола теперь стоит семьдесят пять центов! Инфляция, понимаете ли. Ладно, сейчас исправимся. — Он вытянул вторую монет-

ку у Шона изо рта, а третью достал у себя из уха. К тому времени улыбка Шона чуть потускнела, и Алан понял, что пора приступать к делу. Монетки он сложил в нижнем ящике столика. — Когда почувствуешь себя лучше, — сказал он.

— Спасибо, мистер.

— Не за что, Шон.

— А где мой папа? — спросил Шон. Теперь его голос звучал не в пример сильнее.

Вопрос поразил Алана. Он ожидал, что Шон в первую очередь спросит про маму. В конце концов ему же всего семь лет.

— Он скоро приедет, Шон.

— Хорошо бы. Я так его жду.

— Я знаю. — Алан помолчал и добавил: — Мама тоже скоро приедет.

Шон обдумал его слова и медленно, но уверенно покачал головой.

— Она не приедет. Она занята.

— Неужели так занята, что даже не навестит тебя? — спросил Алан.

— Да. Она очень занята. Мама встречается с Королем. Вот почему мне теперь нельзя заходить в ее комнату. Она закрывает дверь, *надевает* очки и встречается с Королем.

Алан вспомнил, как миссис Раск отвечала на вопросы следователей. Ее голос был сонным и вялым. Рядом с ней на столе лежали очки. Она никак не могла оставить их в покое, постоянно вертела в руках. Она клала их на стол, видимо, опасаясь, что кто-то это заметит, но уже через пару секунд вновь безотчетно хваталась за них. Тогда он подумал, что это либо последствие шока, либо воздействие транквилизатора. Теперь он задумался. А еще он подумал, стоит ли спрашивать Шона о Брайане прямо сейчас или развить тему с мамой. Может, все это как-то связано между собой?

— На самом деле вы ведь не волшебник? — вдруг спросил Шон. — Вы полицейский?

— Ага.

— А вы из полиции штата? Вы ездите на такой синей быстрой машине?

— Нет, я шериф этого округа. Обычно у меня коричневая машина со звездой на боку, тоже достаточно быстрая, кстати. Но сегодня я приехал на своей старой колымаге, которую все забываю продать. — Алан усмехнулся. — Она совсем медленно ездит.

Это вызвало некоторый интерес.

— А почему вы приехали не на коричневой полицейской машине?

Чтобы не напугать Джилл Мислабурски и твоего брата, подумал Алан. *Не знаю, как насчет Джилл, но с Брайаном это не особенно помогло.*

— Я уж и не помню, — ответил он. — День был долгий.

— А вы настоящий шериф, как в «Молодых стрелках»?

— Ну... да, наверное. Что-то типа того.

— Мы с Брайаном взяли кассету в прокате и посмотрели. Так клево было. Мы хотели сходить на «Молодых стрелков-2», когда они шли в «Волшебном фонаре» в Бриджтоне, но нас не пустила мама, потому что фильм был до 16-ти. Нам нельзя смотреть *такие кины*, хотя папа нам иногда включает такие кассеты дома. Нам с Брайаном очень понравились «Молодые стрелки». — Шон запнулся и посерьезнел. — Но это было еще до того, как у Брайана появилась эта карточка.

— Какая карточка?

Впервые за весь разговор на лице Шона отразилось по-настоящему сильное чувство. Страх.

— Бейсбольная карточка. Какая-то особая суперская бейсбольная карточка.

— А... — Алан вспомнил про пенопластовый холодильник, набитый бейсбольными карточками — обменками, как их назвал Брайан. — Брайан собирал бейсбольные карточки?

— Да. На это *он* его и поймал. Наверное, у *него* все разное для разных людей.

Алан подался вперед.

— Кто, Шон? *Кто* его поймал?

— Брайан покончил с собой. Я все видел. Это было в гараже.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— У него из головы вытекло что-то противное, нехорошее. Не только кровь, а еще и какая-то *гадость*. Желтая гадость.

Алан не знал, что сказать. Сердце билось в груди тяжело и натужно, во рту было сухо, как в пустыне, а о желудке вообще лучше молчать. В голове, словно колокол, который раскачивает посреди ночи какой-нибудь идиот, звенело имя погибшего сына.

— Я не хотел, чтобы он это делал, — сказал Шон. Его голос был очень спокойным, но из глаз выкатилось по слезинке. Они потекли по щекам, оставляя мокрые следы. — Теперь мы уже не посмотрим вместе «Молодых стрелков-2», когда их выпустят на видео. Мне придется смотреть одному, но без глупых шуточек Брайана все будет не так. Не так...

— Ты сильно любил своего брата, — сипло сказал Алан. Он просунул руку сквозь прутья ограничительной решетки. Шон Раск крепко сжал руку Алана. Рука у мальчика была горячей. И такой маленькой... *Очень* маленькой.

— Да. Брайан хотел играть за «Ред Сокс», когда вырастет. Он говорил, что научится кидать мяч «сухим листом», как Майк Боддикер. А теперь он уже ничему не научится. Он сказал, чтобы я не подходил близко, а то на меня попадут брызги. Я плакал. Я испугался. Это было не как в кино. Это было у нас в *гараже*.

— Я знаю, — сказал Алан. Он вспомнил машину Энни. Разбитые окна. Пятна крови на сиденьях. Тоже совсем не похоже на «как в кино». Алан заплакал. — Я знаю, сынок.

— Он сказал, чтобы я кое-что пообещал, и я поклялся ему и сдержу эту клятву. На всю жизнь сдержу.

— А что ты ему обещал, сынок?

Свободной рукой Алан вытер лицо, но слезы текли и текли. Перед ним лежал мальчик, лицо которого было чуть ли не таким же белым, как наволочка у него на подушке; этот мальчик видел, как его брат совершил самоубийство, видел, как мозги брата шмякнулись о стену, словно свежие сопли, и где в это время была его мать? Встречалась с Королем. *Она закрывает дверь, надевает очки и встречается с Королем.*

— Что ты ему обещал, сынок?

— Я пытался поклясться мамой, но Брайан не разрешил. Он сказал, чтобы я поклялся собой. Потому, что *он* и ее тоже поймал. Брайан сказал, что он ловит всех, кто клянется другими людьми. И я ведь поклялся собой, как он просил... но он все равно бабахнул. — Шон заплакал сильнее, но сквозь слезы он очень серьезно взглянул на Алана. — Там была не только кровь, мистер шериф. Там была еще желтая *гадость*.

Алан сжал его руку.

— Я знаю, Шон. А в чем он просил тебя поклясться?

— Если я вам скажу, вдруг Брайан не попадет в рай?

— Попадет. *Я* обещаю. А я ведь шериф.

— А шерифы не нарушают своих обещаний?

— Нет, они никогда не нарушают своих обещаний и тем более — обещаний, которые они дают маленьким мальчикам в больнице, — сказал Алан. — Шерифы просто *не могут* нарушить таких обещаний.

— А если нарушат, то попадут в ад?

— Ага. Точно. Если нарушат, они сразу же попадают в ад.

— Поклянитесь, что Брайан попадет в рай, если я вам скажу. Поклянетесь собой?

— Клянусь собой.

— Ладно, — сказал Шон. — Он хотел, чтобы я поклялся, что никогда в жизни не пойду в этот новый магазин, где он купил свою суперскую карточку. Он думал, что на ней Сэнди Куфакс, но это не так. Там был кто-то другой. Карточка была старой и грязной, но, кажется, Брайан

этого не видел. — Шон задумался на секунду. — Однажды он вернулся домой, и у него все руки были в грязи. Он помыл руки, а потом я слышал, как он плакал у себя в комнате.

Простыни, подумал Алан. *Вильмины простыни. Так это был* Брайан.

— Брайан сказал, что «Нужные вещи» — это плохое место и что *он* — очень плохой человек, и еще он сказал, чтобы я никогда-никогда туда не ходил.

— Брайан так сказал? Он сказал «Нужные вещи»?

— Да.

— Шон... — Алан замолк, обдумывая свой следующий вопрос. У него в голове сверкали колючие синие искры, острые, словно иголки.

— Что?

— А твоя... твоя мама купила свои очки в «Нужных вещах»?

— Да.

— Это она тебе сказала?

— Нет. Но я все равно знаю. Она *надевает* очки и так встречается с Королем.

— С каким Королем, Шон? Ты знаешь?

Шон посмотрел на Алана как на идиота.

— С Элвисом. *Он* же Король.

— Элвис, — пробормотал Алан. — Ну конечно, кто ж еще?

— Я хочу к папе.

— Я знаю, милый. Еще пару вопросов, и я оставлю тебя в покое. Потом ты поспишь, и когда проснешься, папа уже будет здесь. — Алан очень на это надеялся. — Шон, а Брайан сказал, кто именно этот плохой человек?

— Да. Мистер-Гонт. Хозяин магазина. *Он* — плохой человек.

Мысли Алана тут же вернулись к Полли. Он вспомнил, как она говорила после похорон: *Кажется, я наконец нашла того самого доктора... Доктор Гонт. Доктор Лиланд Гонт.*

Он вспомнил, как она показала ему маленький серебряный шарик-кулончик, купленный в «Нужных вещах»... но сразу же сжала руку, когда он попытался дотронуться до талисмана. В тот момент выражение ее лица стало каким-то чужим. Выражение скупой подозрительности и жадности. Она стала сама на себя не похожа — на ту Полли, которую он знал. А позже она кричала — таким же чужим и *непохожим* голосом: *Трудно смириться с мыслью, что лицо, которое ты любила, оказалось всего лишь маской... Почему ты решил разнюхивать за моей спиной? Как ты посмел разнюхивать за моей спиной?!*

— Что ты ей сказал? — пробормотал он. Не осознавая, что он сейчас делает, Алан вцепился в больничное одеяло, так что у него побелели костяшки пальцев. — Что ты ей сказал?! В какую чушь ты заставил ее поверить?

— Мистер шериф? Что с вами?

Алан заставил себя разжать кулак.

— Ничего, все в порядке. Ты уверен, что Брайан говорил именно о мистере Гонте?

— Да.

— Спасибо, — сказал Алан. Он перегнулся через бортик, взял Щона за руку и поцеловал его холодную, бледную щеку. — Спасибо, что поговорил со мной.

В его расписании дел на неделю остался невыполненным лишь один пункт — визит вежливости новому коммерсанту. Так, ничего особенного: дружеское «привет и добро пожаловать» и краткая инструкция, что делать, если возникнут проблемы. Он все собирался зайти в «Нужные вещи», однажды даже подъехал к магазину, но каждый раз ему что-то мешало. А сегодня, когда поведение Полли заставило Алана всерьез задуматься, все ли в порядке с мистером Гонтом, случился полный пипец, и вот он здесь, в двадцати милях от города.

Он что, специально держит меня на расстоянии, не подпускает к себе?

Это была идиотская мысль, но в этой тихой, затененной комнате она почему-то вовсе не выглядела дурацкой.

Алан понял, что пора ехать назад. И чем скорее, тем лучше.

— Мистер шериф?

Алан посмотрел на мальчика.

— Брайан еще кое-что сказал, — признался Шон.

— Да? И что же?

— Брайан сказал, что на самом деле мистер Гонт — не человек.

10

Алан прошел к двери с надписью ВЫХОД, стараясь вести себя как можно тише, готовый в любой момент услышать возмущенный окрик напарницы мисс Хендри. Но единственным человеком, который с ним заговорил, была маленькая девочка. *Она стояла на пороге своей палаты*, и ее светлые косички свисали на куртку поблекшей фланелевой пижамки. Она прижимала к груди одеяльце — старое и любимое, судя по его потертому виду. Она была босиком; ленточки в косичках перекрутились, а глаза на измученном худеньком личике казались огромными. Эта девочка знала о боли гораздо больше, чем должен знать ребенок.

— У тебя есть пистолет, — сказала она.

— Да.

— У моего папы тоже есть пистолет.

— Правда?

— Да. И побольше, чем у тебя. Самый большой в мире. А ты Бука?

— Нет, милая, — сказал он и подумал: настоящий Бука сейчас где-то в городе.

Алан толкнул дверь в конце коридора, спустился вниз и вышел в сгущающиеся сумерки. На улице было тепло и душно, как летом. Стараясь не срываться на бег, он поспешил к парковке. На западе, в стороне Касл-Рока, гремел глухой гром.

Алан забрался в машину и сразу схватился за микрофон.

— Первый вызывает базу. Прием.

В ответ — треск безмозглой статики.

Чертова гроза.

Может быть, по заказу Буки, прошептал внутренний голос. Алан невесело усмехнулся.

Он еще раз вызвал управление, потом попробовал докричаться до полиции штата в Оксфорде. Они ответили громко и четко. Диспетчер сказал, что в окрестностях Касл-Рока бушует гроза, и связь в этом районе нарушена. Даже телефоны работают с перебоями.

— Хорошо, тогда свяжитесь с Генри Пейтоном и скажите ему, чтобы он задержал человека по имени Лиланд Гонт. Для начала как свидетеля. Гонт, Г, как Гарри. Как слышно, прием?

— Вас понял, шериф. Гонт, Г, как Гарри.

— Скажите ему, что, по моим подозрениям, Гонт может быть как-то причастен к смертям Нетти Кобб и Вильмы Ержик.

— Понял.

— Тогда конец связи.

Он вернул микрофон на место, завел машину и поехал обратно в Касл-Рок. В окрестностях Бриджтона он свернул на стоянку у магазина и позвонил в управление по телефону. После двух щелчков автоматический голос сообщил, что этот номер временно недоступен. Прежде чем выехать со стоянки, он опять прицепил на крышу синий пузырь-мигалку, а уже через полмили его протестующе дребезжащий «форд» делал уже семьдесят пять миль в час.

11

Туз Мерилл вернулся в Касл-Рок с наступлением темноты.

Он проехал по мосту через реку Касл, а вокруг бушевала гроза: оглушительно грохотал гром, и молнии хле-

стали беззащитную землю. Окна в машине были открыты; дождя еще не было, а воздух был густым и липким, как кленовый сироп.

Туз был весь в грязи, усталый и взбешенный. Несмотря на записку, он объехал еще три места, не в силах поверить в произошедшее, не в силах поверить, что такое вообще возможно. Иными словами, он не верил, что его туза побили. На каждом из помеченных на карте мест он обнаружил плоский камень и зарытую жестянку. В двух банках оказались все те же пачки гнилых торговых купонов. В последней, зарытой в болоте за фермой Страута, не было вообще ничего, кроме старой шариковой ручки. На корпусе ручки красовалась девушка с прической а-ля сороковые. На ней был «бронированный» купальник по скромной моде тех годов. Если перевернуть ручку, купальник исчезал.

Сокровище, ничего *не скажешь.*

Туз гнал машину на максимальной скорости, вытаращив глаза и даже не счистив болотную грязь с колен. И у него была цель и причина: он собирался убить Алана Пангборна. А потом, когда он его убьет, он просто смоется на западное побережье — давно собирался. Может, с Пангборна удастся слупить кое-какие деньжата, а может, и нет. Но как бы то ни было, ясно одно: этот сукин сын умрет, и смерть его будет не легкой.

Не доехав трех миль до моста, он сообразил, что у него нет оружия. Там, в кембриджском гараже, *он хотел взять* один пистолет из ящика, но тут завелся этот проклятый магнитофон и напугал его. Но он все равно знал, где достать пистолет.

О да.

Мерилл проехал мост... и остановился на пересечении Главной и Уотермилл, хотя стрелка направо горела.

— Какого хрена? — выдохнул он.

На Главной царила полнейшая неразбериха из полицейских машин, синих мигалок, телевизионных автобусов и разбросанных кучек зевак. Самый большой кавардак творился у здания муниципалитета. Можно было поду-

мать, что отцы города вдруг ни с того ни с сего затеяли уличный карнавал.

Туза не особенно волновало, что там случилось; если бы весь город вдруг выдрало из земли и зашвырнуло бы в космос, он бы и бровью не повел. Но ему нужен был Пангборн, ему нужно было содрать скальп с этого ворамерзавца-урода и повесить себе на пояс, а как прикажете это сделать, когда в офисе этого гада собралась чуть ли не вся полиция Мэна?

Ответ пришел тут же. *Мистер Гонт знает. У мистера Гонта есть и артиллерия, и ответы на все вопросы. Стало быть, едем к мистеру Гонту.*

Он глянул в зеркало заднего вида и увидел, что над холмом, который он проезжал, приближаясь к мосту, поднимается нервное голубое сияние. Полицейские мигалки. Машины все подъезжают и подъезжают. *Что тут стряслось?* — спросил он себя он еще раз, но ответ на *этот* вопрос можно узнать и позже... или вообще не узнать, если так выйдет. А пока что ему нужно было заняться своими делами, и первым пунктом в его расписании значилось: убраться с дороги приближающейся полиции.

Туз свернул налево, на Уотермилл-лейн, потом направо, на Седар-стрит, так он объехал центр и снова выбрался на Главную. Он на секунду притормозил перед светофором, вглядываясь в зарево синих вспышек у подножия холма, и припарковался напротив «Нужных вещей».

Выскочив из машины, Туз перебежал через улицу и прочел вывеску на двери. Он, как и все, пережил момент катастрофического разочарования — ему ведь был нужен не только пистолет, но и порция замечательного порошка, — а потом вспомнил о входе с задней аллейки. Он обошел квартал, завернул за угол, не обратив внимания на желтый микроавтобус в двадцати — тридцати ярдах дальше по улице и на человека, который сидел внутри (Бастер теперь перебрался на пассажирское сиденье) и наблюдал за ним.

Войдя в аллейку, Туз столкнулся с мужчиной в твидовой кепке, низко надвинутой на глаза.

— Э-гей, дядя, смотри, куда прешь, — сказал Туз.

Мужик в твидовой кепке поднял голову, оскалился и зарычал. Одновременно он выхватил из кармана автоматический пистолет и направил его на Туза.

— Не зли меня, парень, а то огребешь по полной.

Туз поднял руки и отступил назад. Он не испугался, просто был потрясен до глубины души.

— А что я, мистер Нельсон, — сказал он. — Я ничего.

— Вот и славно, — ответил человек в кепке. — А этого членососа Джуитта ты, случайно, не видел?

— Э... это который директор средней школы?

— Да, средней школы, директор... а разве в городе есть еще Джуитты? Ты вообще где витаешь?

— Да я только приехал, — осторожно сказал Туз. — И никого не видел, мистер Нельсон.

— Ладно, я его все равно найду и превращу в скорбный мешок с дерьмом. Он убил моего попугайчика и обгадил мою маму. — Джордж Т. Нельсон прищурился и добавил: — Сегодня мне на пути лучше не попадаться.

Туз не стал спорить.

Мистер Нельсон засунул пистолет обратно в карман и исчез за углом, меряя мостовую широкими шагами взбешенного, до предела взвинченного человека. Туз остался стоять на месте, забыв опустить руки. Мистер Нельсон преподавал в старших классах резьбу по дереву и металлообработку. Туз считал его человеком, неспособным прихлопнуть и осу, даже если она усядется ему на нос, но, похоже, его представление было ошибочным. К тому же он узнал пистолет. Да и как не узнать — сам вчера ночью привез целый ящик из Бостона.

12

— Туз! — сказал мистер Гонт. — Ты как раз вовремя.

— Мне нужна пушка, — брякнул Туз с ходу. — Да, и чуток этого вашего витаминного эликсира, если остался.

— Да, да... в свое время. Всему свое время. Помоги мне занести этот стол.

— Я убью Пангборна, — не унимался Туз. — Он украл мои сокровища, я убью эту тварь.

Мистер Гонт посмотрел на Туза желтыми немигающими глазами кота, играющего с мышью... и Туз *и вправду* почувствовал себя мышью.

— Не трать мое время, пересказывая мне то, что я и так знаю, — сказал он резко. — Если тебе нужна помощь, сначала помоги *мне*.

Туз схватился за другой край стола, и они затащили его в подсобку. Мистер Гонт наклонился и поднял стоявшую у стены вывеску с надписью:

НА ЭТОТ РАЗ Я *СОВСЕМ* ЗАКРЫТ

повесил ее на дверь и закрыл дверь на ключ. До Туза вдруг дошло, что вывеску ничто не держит на месте — ни кнопки, ни скотча, ни-че-го. А она висела себе как ни в чем не бывало.

Потом его взгляд упал на ящики, в которых были пистолеты и обоймы с патронами. Осталось всего три пистолета и три обоймы.

— Господи Иисусе! А куда остальные-то делись?

— Торговля сегодня шла просто отлично, — сказал мистер Гонт, потирая руки. — Просто превосходно. И пойдет еще лучше. У меня есть для тебя работа.

— Я же *говорю*, — запротестовал было Туз. — Шериф спер мои...

Лиланд Гонт набросился на него раньше, чем Туз успел сообразить, что вообще происходит. Уродливые длинные руки схватили его за грудки и подняли в воздух, как пушинку. У него вырвался испуганный вопль. Державшие его руки были крепкими, как стальные тиски. Мистер Гонт поднял его под самый потолок, и теперь Туз таращился сверху вниз на это яростное, дьявольское лицо, и у него в голове вертелась одна-единственная идиотская мысль: как он сюда попал? Несмотря на потрясение, он

все же заметил, что из ушей и ноздрей мистера Гонта идет дым — или пар. Он был похож на дракона — человекоподобного дракона.

— *Ты здесь вообще НИЧЕГО не говоришь!* — прорычал мистер Гонт. Он высунул язык между гнилыми пеньками зубов, и Туз увидел, что язык у него раздвоен, как у змеи. — *Здесь говорю я. И усвой уже, Туз, что в компании умных людей тебе лучше молчать, заткнуться и слушать! Заткнись и слушай! ЗАТКНИСЬ И СЛУШАЙ!*

Гонт раскрутил Туза над головой, словно ярмарочный борец, делающий «вертолет» своему противнику, и швырнул его о стену. Туз врезался в нее головой, отбив кусок штукатурки. В голове начался настоящий салют. Когда из глаз перестали сыпаться искры, он увидел склонившегося над ним Лиланда Гонта, лицо которого представляло собой настоящий кошмар из горящих глаз, оскаленных клыков и шипящего пара.

— *Нет!* — взвизгнул Туз. — *Нет, нет, мистер Гонт! НЕТ!*

Руки превратились в лапы чудовища, ногти выросли в острые длинные когти буквально за считанные секунды... *или они и были такими? Может быть, они были такими всегда, просто ты этого не замечал.*

Когти с легкостью пропороли ткань Тузовой рубахи, и его подтянуло обратно к дымящемуся лицу.

— Ты готов слушать? — спросил мистер Гонт. С каждым его словом горячие струйки пара обжигали Тузу лицо. — Ты готов или мне сразу выпустить тебе кишки и больше не возвращаться к этому вопросу?

— Да! — всхлипнул Туз. — То есть *нет!* Я слушаю!

— Ты будешь вести себя как хороший мальчик, слушаться старших и делать все, что тебе скажут?

— *Да!*

— Ты знаешь, что будет, если ты не будешь слушаться?

— *Да! Да! Да!*

— Туз, ты мерзкий и отвратительный. Обожаю таких людей, — сказал мистер Гонт и отбросил Туза к стене. Туз

сполз на пол и уселся на корточки, дрожа и всхлипывая. Он смотрел в пол. Боялся поднять глаза. Боялся еще раз увидеть это чудовищное лицо.

— Если ты хотя бы *подумаешь* не послушать меня, я устрою тебе сафари по всем кругам ада. Получишь ты своего шерифа, не беспокойся. Кстати, сейчас его даже нет в городе. Ладно. Вставай.

Туз медленно поднялся на ноги. Голова гудела, порванная рубаха висела бахромой.

— Хочу тебя кое о чем спросить. — Мистер Гонт снова стал вежливым и улыбчивым, в его прическе не сдвинулось ни волоска. — Тебе нравится этот городок? Ты его любишь? Висят ли в твоей загаженной норе фотографии с его видами, чтобы напоминать о его деревенском шарме, о временах, когда деревья были большими, а конфеты — желанными?

— С чего бы вдруг? — сказал Туз нетвердым голосом, дрожавшим в такт сбивчивому сердцебиению. С громадным усилием он выпрямился. Ноги подкашивались, как переваренные спагетти. Он облокотился о стену, с опаской поглядывая на мистера Гонта.

— Сильно бы ты расстроился, если бы тебе я предложил стереть этот сраный маленький бург с лица земли? Раз уж ты все равно ждешь шерифа, так хоть будет пока чем заняться.

— Я... я не знаю, что значит бург, — нервно проговорил Туз.

— Почему-то я не удивлен. Но ты же *понял*, что я имел в виду?

Туз вернулся мыслями в прошлое. Давным-давно, много лет назад, четверо сопляков обманом забрали у него и его друзей (в те годы у Туза еще были друзья, ну... или приятели... в общем, ребята, с которыми он тусовался) одну вещь, которая была очень ему нужна. Потом они поймали одного из этих сопляков — Горди Лашанса — и повыбили из него дерьмо, но это было уже не важно. Сейчас Лашанс стал большой шишкой — писателем. Живет в другом кон-

це штата и, наверное, задницу подтирает десятидолларовыми бумажками. Тогда сопляки победили, и с тех пор жизнь пошла наперекосяк. Именно тогда от него отвернулась удача. Двери, прежде распахнутые для него, позакрывались одна за одной. Постепенно он стал понимать, что он уже не король, а Касл-Рок — не его королевство. Если когда-то так было, то после того Дня труда — когда эти шкеты забрали у них ту вещь, принадлежавшую им по праву, Тузу и друзьям, — все изменилось. Тогда ему было шестнадцать. А к тому времени, когда он мог на законных уже основаниях пропустить пару стаканчиков в «Тигре», Туз из короля превратился в солдата со споротыми погонами, который пробирается сквозь вражескую территорию.

— *Ненавижу* этот гадский сортир, — сказал он Лиланду Гонту.

— Хорошо, — сказал мистер Гонт. — Просто великолепно. У меня есть друг... сидит в машине чуть дальше по улице... который поможет тебе в этом деле. Шериф никуда не денется... и плюс еще целый город. Ну как, звучит? — Он поймал взгляд Туза. Тот неуверенно заулыбался. Голова уже не болела.

— Черт, — сказал он. — Звучит шикарно!

Мистер Гонт запустил руку в карман и достал маленький полиэтиленовый пакет, в какие обычно заворачивают бутерброды, наполненный белым порошком. Он отдал пакет Тузу.

— Пора за работу, — сказал он.

Туз взял пакет, по-прежнему глядя мистеру Гонту в глаза.

— Хорошо, — сказал он. — Я готов.

13

Бастер увидел, как последний человек из заходивших в аллейку выходит обратно. Порванная рубашка висела на нем неровными полосками, в руках он нес ящик. За пояс джинсов у него были заткнуты два пистолета.

Крайне встревоженный, Бастер перебрался назад, а человек, в котором он узнал Джона Мерилла по прозвищу Туз, подошел прямо к микроавтобусу и поставил ящик на землю.

Туз постучал в окно.

— Дядя, заднюю дверь открой. Нас ждут великие дела.

Бастер опустил стекло.

— Убирайся отсюда, — пискнул он. — Убирайся, мерзавец. А то я полицию вызову.

— Флаг тебе в руки, — хмыкнул Туз.

Он вытащил из-за пояса пистолет. Бастер напрягся, а потом Туз протянул пистолет ему, ручкой вперед, и Бастер ошалело моргнул.

— Бери давай, — нетерпеливо сказал Туз. — И открой заднюю дверь. Если ты не понимаешь, кто меня послал, то ты, выходит, еще тупее, чем кажешься. — Он протянул свободную руку и пощупал парик. — Какие у нас волосики. Просто красавчик.

— Перестань, — сказал Бастер, но угроза и злоба исчезли из его голоса. *Трое решительных крепких мужчин способны на многое*, говорил мистер Гонт. *Я тебе кое-кого пришлю.*

Но Туз?! Туз *Мерилл*?! Он же *преступник*!

— Слушай, — начал Туз, — если ты хочешь переговорить с мистером Гонтом, то он все еще там. Но, как ты, наверное, мог заметить, — он провел рукой по длинным лохмотьям разодранной рубахи, — он сейчас несколько не в настроении.

— Стало быть, это ты мне поможешь от *них* избавиться? — спросил Бастер.

— Вот именно, — сказал Туз. — Мы весь город превратим в одно большое жаркое. — Он поднял ящик. — Хотя как мы должны все это провернуть с одним ящиком взрывателей, мне непонятно. Он сказал, что ты знаешь.

Бастер не смог сдержать улыбку. Он поднялся, прошел к задней дверце и открыл ее.

— Кажется, знаю, — сказал он. — Залезайте, мистер Мерилл. Нам предстоит небольшая поездка.

— Куда?

— Для начала на городскую автобазу. — Бастер все еще улыбался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Преподобный Уильям Роуз, впервые вступивший на кафедру Объединенной баптистской церкви Касл-Рока в мае 1983-го, был, без сомнения, чистейшей воды фанатиком. К сожалению, он также был полон непреходящего энтузиазма, порой бывал остроумен — своеобразно и даже жестоко — и имел поразительную популярность среди своей паствы. Его первая проповедь в качестве лидера касл-рокских баптистов стала символом приближающихся перемен. Она называлась: «Почему католики — исчадья ада». С тех пор эта мысль, чрезвычайно популярная среди его прихожан, пронизывала все его выступления. Католики, объяснял он, есть нечестивые, заблудшие создания, поклоняющиеся не Иисусу, а женщине, избранной, чтобы выносить Его во чреве своем. Стоит ли удивляться, что они склонны к греховному заблуждению и в других вещах?

Он разъяснял своей пастве, что католики преуспели в искусстве пытки во времена инквизиции; что инквизиторы сжигали на кострах *истинно* верующих, и так продолжалось до конца девятнадцатого столетия, когда героические протестанты (баптисты в основном) положили конец этому непотребству; что за всю историю католической церкви сорок разных пап состояли в порочной греховной связи со своими матерями, сестрами и даже незаконными дочерьми; что Ватикан был построен на золоте, награбленное у протестантских мучеников и порабощенных наций.

Эта невежественная болтовня, разумеется, не была новостью для католической церкви, которой уже сотни лет приходилось бороться с подобными ересями. Большинство современных священников пропустили бы подобные излияния мимо ушей или даже превратили бы их в невинную шутку. Но отец Джон Брайхем был не из тех, кто пропускает мимо ушей облыжные обвинения. Наоборот. Вздорный кривоногий ирландец, Брайхем был из породы людей, напрочь лишенных юмора, и на дух не выносил дураков, тем более напыщенных дураков вроде преподобного Роуза.

Он терпел резкие выпады Роуза почти год, прежде чем разразиться ответной речью со своей собственной кафедры. Его проповедь, напрямую и без всяких намеков, называлась: «Грехи преподобного Вилли». В ней баптистский священник характеризовался как «псалмолюбивый упертый осел, который считает, что Билли Грехэм ходит по воде, а Билли Сандей сидит по правую руку от Господа, Отца Всеблагого».

В то же воскресенье преподобный Роуз и четверо его самых крепких и представительных дьяконов нанесли визит отцу Брайхему с тем, чтобы поставить его в известность, что они крайне обижены и возмущены злобной клеветой, высказанной им на проповеди.

— И как тебе только хватает наглости обвинять *меня*, — ответил отец Брайхем, — после того как ты целое утро бубнил своей пастве, что я служу Вавилонской Блуднице.

Густая краска залила обычно бледные щеки преподобного Роуза и распространилась на весь практически лысый череп. Он заявил, что о Вавилонской Блуднице он не сказал ни слова, хотя и упомянул пару раз Римскую Блудницу, и если католики принимают это на свой счет, то, стало быть, рыльце у них в пушку.

Отец Брайхем сжал кулаки и спустился с крыльца.

— Если ты собираешься обсудить этот вопрос прямо здесь, на дорожке, — сказал он, — тогда скажи своему

маленькому гестапо, чтобы они отошли в сторонку, и мы с тобой поговорим.

Преподобный Роуз, который был на три дюйма выше, но, наверное, фунтов на двадцать легче, с улыбкой отступил.

— Я рук, *хе-хе*, пачкать не буду, — заявил он.

Одним из дьяконов, сопровождавших преподобного Роуза, был Дон Хемфилл. *Он* был и выше, и тяжелее боевитого католического священника.

— *Я* с тобой поговорю, если хочешь. Подмету всю дорожку твоим обвислым католическим задом.

Двое других дьяконов, понимавших, что Дон вполне на такое способен, удержали его... но старт великой разборке был дан.

До нынешнего октября эта война проходила почти подпольно: шутки на национальные темы и нехорошие разговоры среди прихожан двух церквей, школьные дразнилки детей и самое главное — риторские снаряды, запускавшиеся с амвона на амвон по воскресеньям, в дни мира и успокоения, в которые, по статистике, началось большинство войн в мировой истории. Естественно, случались и отдельные неприглядные инциденты вроде того, когда католики закидали тухлыми яйцами Танцевальный фестиваль баптистской молодежи в Пэриш-Холле, а баптисты побили камнями окна гостиной Брайхема, — но в основном это была все-таки война слов.

Как и все войны, в ней были периоды обострения и затишья, но после того как «Дщери Изабеллы» объявили о предстоящей «Ночи в казино», злоба и ярость достигли точки кипения. А когда преподобный Роуз получил знаменитую открытку про «баптистских мышеедов», думать о том, чтобы предотвратить столкновение, было скорее всего уже поздно; чрезмерная грубость послания служила гарантом, что, когда разгорится драка, мало не покажется никому. Ситуация в любой момент грозила выйти из-под контроля. Костер был сложен и даже полит бензином. Нужна была только искра.

Отец Брайхем фатально недооценил опасность. Он прекрасно понимал, что его противникам не понравится идея «Ночи в казино», но ему и в голову не приходило, что мысль об азартных играх, одобренных церковью, *настолько* взбесит баптистского проповедника. Он не знал, что отец Парохода Вилли был маньячным игроком, который в приступах игральной лихорадки забывал обо всем на свете, в том числе и о семье, и что в конце концов он застрелился в мужском туалете в каком-то дансинге после крупного проигрыша в кости. Впрочем, если уж говорить неприглядную правду, отец Брайхем все равно не отменил бы «Ночь в казино», даже если бы он это знал.

Преподобный Роуз мобилизовал все силы. Баптисты начали с писем в редакцию касл-рокского «Зова» (большую часть этих писем, «Нет "Ночи в казино"», написала Ванда Хемфилл, жена Дона) и закончили плакатами КОСТИ — ОРУДИЕ ДЬЯВОЛА, которые они расклеили по всему городу. Бетси Виг, председательница оргкомитета «Ночи в казино» и Старший регент местного отделения «Дщерей Изабеллы», организовала массированную контратаку. За предыдущие три недели «Зов» распух до шестнадцати страниц, чтобы вместить скопившуюся переписку (хотя это по-прежнему были только пустые слова, без особых видимых результатов). По городу были расклеены новые гневные воззвания, почти сразу же сорванные. Редакционная статья — попытка урезонить обе стороны — была успешно проигнорирована. Некоторые участники откровенно развлекались, плескаясь в волнах этой бури в стакане. Но по мере приближения «часа Х» Пароходу Вилли, как и отцу Брайхему, стало уже не до веселья.

— Ненавижу это самоуверенное дерьмо! — завопил Брайхем, к удивлению Альберта Гендрона, когда тот принес ему знаменитое письмо СЛУШАЙ ТЫ, ЖИВОГЛОТ ВОНЮЧИЙ!, которое он нашел на двери своего кабинета.

— И этот сын шлюхи еще обвиняет доброго баптиста в таких непотребствах! — выдал преподобный Роуз не менее удивленным Норману Харперу и Дону Хемфиллу.

Это случилось в Колумбов день, после того как ему позвонил отец Брайхем и попытался зачитать письмо «про живоглота вонючего»; но преподобный Роуз (и совершенно справедливо, с точки зрения его дьяконов) бросил трубку.

Норман Харпер, который был одного роста с Альбертом Гендроном и весил фунтов на двадцать больше, был обеспокоен визгливым, почти истерическим тоном Роуза, хотя и не подал виду.

— Я знаю, что это значит, — пробурчал он. — Эта старая задница занервничал из-за записки, которую подбросили вам, Билл. Понял, наверное, что зашел уже слишком далеко, и решил, что если он скажет, будто кто-то из его дружков получил такое же грязное письмишко, то тем самым он отведет обвинения от себя.

— Ну уж нет! — Роуз совсем уже распсиховался. — Из моей паствы никто не способен на такую низость. *Никто!* — На последнем слове его голос сорвался. Он судорожно сжимал кулаки. Норман и Дон многозначительно переглянулись. Они уже несколько раз обсуждали наедине подобные вспышки ярости преподобного Роуза, которые в последнее время становились все чаще и чаще. «Ночь в казино» приводила его в неистовство. И они уже начали опасаться, что у него случится нервный припадок еще до того, как дело разрешится.

— Не бойся, — сказал Дон, пытаясь его успокоить. — Мы-то знаем правду.

— Да! — завопил преподобный Роуз, глядя на своих соратников бешеным взглядом. Его губы тряслись. — Да, *вы* знаете... вы двое. И я, *я* знаю! А остальные?! Весь город?! *Они* это знают?

Норман и Дон промолчали.

— Надеюсь, кто-нибудь все-таки вздернет этого лживого идолопоклонника на ближайшем фонарном столбе! — завопил Уильям Роуз, потрясая кулаками в бессильной ярости. — На столбе! Я даже куплю билет на такое-то зрелище! В первый ряд! Никаких денег не пожалею!

В тот же день, ближе к вечеру, отец Брайхем обзвонил людей, интересовавшихся «текущей политикой религиозных репрессий в Касл-Роке», с просьбой зайти к нему для короткого совещания. Собралось столько народу, что встречу пришлось перенести в зал Рыцарей Колумба, находившийся по соседству.

Брайхем начал собрание с того, что зачитал письмо, найденное Альбертом Гендроном, — письмо, подписанное «баптистами Касл-Рока, которым не все равно», — и пересказал неудавшийся разговор с преподобным Роузом. Потом он рассказал собравшимся, что Роуз заявил, будто он тоже получил оскорбительную записку, подписанную «католиками Касл-Рока, которым не все равно»; ответом был ропот толпы... сперва потрясенной, а потом взбешенной.

— Он бессовестный лжец! — выкрикнул кто-то из глубины зала.

Отец Брайхем, казалось, пытался одновременно кивать и мотать головой.

— Возможно, Сэм, но дело вовсе не в этом. Он сумасшедший — *вот* в чем дело, я думаю.

За этой фразой последовала задумчивая, нервная тишина, но отец Брайхем все равно ощутил почти осязаемое облегчение. *Сумасшедший*. Впервые это слово было произнесено вслух, хотя в умах оно бродило по меньшей мере три года.

— Будет очень обидно, если нас остановит какой-то религиозный идиот, — продолжал отец Брайхем. — Наша «Ночь в казино» безобидна и принесет несомненную пользу; что бы об этом ни думал преподобный Пароход Вилли. Но в последнее время он становится все более наглым и невменяемым, поэтому нам стоит проголосовать. Если вы за то, чтобы отменить «Ночь в казино» и уступить давлению во имя безопасности, то так и скажите.

Как и было задумано, за «Ночь в казино» проголосовали единогласно.

Отец Брайхем удовлетворенно кивнул. Потом обратился к Бетси Виг:

— У вас завтра вечером будет организационное собрание?

— Да, святой отец.

— Тогда у меня есть предложение, — сказал отец Брайхем. — Почему бы мужчинам не встретиться здесь, в зале РК, в то же самое время?

Альберт Гендрон, тяжеловесный мужчина из тех, кого трудно было разозлить, но если уж разозлят, то успокоить еще труднее, медленно встал и выпрямился во весь рост. Весь зал повернулся к нему.

— Святой отец, вы хотите сказать, что эти баптистские недоумки могут попробовать помешать нашим дамам?

— Нет, нет, вовсе нет, — успокоил его отец Брайхем. — Но стоило бы обсудить, как обеспечить, чтобы сама «Ночь в казино» прошла нормально...

— Обеспечить охрану? — с энтузиазмом спросил кто-то из зала. — Охрану, святой отец?

— Ну... скажем, глаза и уши, — сказал отец Брайхем, но с таким видом, что ни у кого не осталось сомнений, что он имел в виду именно охрану. — И если завтра вечером мы соберемся здесь одновременно с дамами, то в случае каких-либо проблем...

Таким образом во вторник вечером «Дщери Изабеллы» собрались в здании по одну сторону от стоянки, а католики-мужчины — по другую. А в то же самое время, на другом конце города, преподобный Уильям Роуз тоже созвал собрание, чтобы обсудить последнюю католическую клевету и распланировать ближайшие мероприятия: изготовление значков и организацию пикетирования «Ночи в казино».

Различные городские скандалы и происшествия, имевшие место в тот день, почти никак не отразились на посещаемости этих сборищ — большинству зевак, болтавшихся возле здания муниципалитета, было абсолютно плевать на противостояние католиков и баптистов. А по мнению представителей двух этих почтенных конфессий, вовлеченных в великое противостояние, пара убийств не

идет ни в какое сравнение с назревающей священной заварушкой. В конце концов, когда речь идет о религии, все мирское умолкает.

2

На четвертое собрание «Баптистских христовых воинов — противников азартных игрищ», как их именовал преподобный Роуз, пришло около семидесяти человек. Это был великий прорыв; на прошлом заседании посещаемость резко упала, но слухи об оскорбительной открытке, подброшенной в почту священника, снова подняли ее на прежнюю высоту. Преподобный Роуз в этой связи испытал несказанное облегчение, но его удивило и раздосадовало отсутствие Дона Хемфилла. Дон обещал прийти, Дон был его правой рукой, сильной правой рукой.

Роуз посмотрел на часы и обнаружил, что уже пять минут седьмого — поздно звонить в магазин и выяснять, не забыл ли Дон о собрании. Все, кто хотел прийти, уже пришли, и преподобный отец собирался воспользоваться моментом, пока не прошло первоначальное возбуждение и интерес. Он дал Хемфиллу еще минуту, потом забрался на кафедру и поднял свои тощие руки в приветственном жесте. Его прихожане — одетые сегодня по большей части в простую повседневную одежду — разошлись по рядам и уселись на деревянные скамьи.

— Давайте начнем сегодняшнее собрание так, как и следует начинать всякое богоугодное дело, — тихо сказал преподобный Роуз. — Склоним наши главы в молитве.

Все склонили «главы», и в эту самую секунду входная дверь с грохотом распахнулась. Несколько женщин вскрикнули, некоторые мужчины вскочили на ноги.

Это был Дон. Он пришел, даже не сняв своего белого фартука, который теперь был весь в крови, что текла из разбитого лба. Его лицо было цвета вареного помидора.

Из глаз лились слезы. Под носом, на верхней губе и на складках у рта, засыхали комки соплей.

И еще — от него воняло.

От него несло, как от пары скунсов, которых макнули в бочку с серой, потом обмазали свежим свиным навозом и пустили побегать в закрытой комнате. Эта противная вонь висела над ним ядовитым облаком. Женщины отшатывались от прохода и утыкались носами в свои платки, когда он проходил мимо, хлопая окровавленным передником и не обращая внимания на выбившуюся из-за пояса рубашку. Кое-кто из детей, находившихся в церкви, заплакал. Мужчины рычали от ярости и отвращения.

— Дон! — удивленно вскричал преподобный Роуз. Его руки все еще были подняты над головой, но, когда Дон приблизился к кафедре, Роуз опустил их и безотчетно зажал нос и рот. Он испугался, что его сейчас вырвет. Это был самый кошмарный и отвратительный запах из всех, которые только можно представить. — Что... Что случилось?

— Случилось?! — взревел Дон Хемфилл. — *Случилось?!* Я скажу тебе, что случилось! Я *всем вам* скажу, что случилось!

Он развернулся лицом к собранию, и, несмотря на исходящую от него вонь, под его бешеным, диким взглядом все разом затихли.

— Эти сукины дети подложили мне в магазин бомбу-вонючку, вот что случилось! Там было не больше полудюжины покупателей, потому что я вывесил объявление, что сегодня закроюсь пораньше, и слава Богу... но товар уничтожен! Весь! Продуктов на сорок тысяч! Все коту под хвост! Я не знаю, что эти сволочи туда положили, но вонять будет еще как минимум *неделю!*

— Кто? — боязливо спросил преподобный Роуз. — Чья это работа, Дон?

Дон Хемфилл залез в карман фартука и достал смятую черную ленту с белой отметкой и пачку листовок. Лента

оказалась воротничком священника. Он поднял его на всеобщее обозрение.

— *А КАК ТЫ ДУМАЕШЬ?!* — закричал он. — *Мой магазин! Мой товар! Все полетело к чертям собачьим, и как думаешь, кто это?*

Он швырнул листовки остолбеневшим членам баптистской христовой армии. Листки разделились в воздухе, как конфетти. Многие из присутствующих потянулись, чтобы схватить бумажки. Они были все одинаковые: на всех была изображена толпа смеющихся мужчин и женщин, сгрудившихся вокруг рулетки.

ВЕСЕЛИТЕСЬ!

было написано над картинкой. А под ней:

ПРИХОДИТЕ НА «НОЧЬ В КАЗИНО»
В ЗАЛЕ РЫЦАРЕЙ КОЛУМБА
31 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА
ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА РЕМОНТ ЗДАНИЯ ЦЕРКВИ

— Где ты взял эти листовки, Дон? — зловеще прогудел Лен Милликен. — И воротничок?

— Кто-то подбросил их под дверь магазина, — сказал Дон, — как раз перед тем...

Входная дверь снова хлопнула — все едва не повскакивали со своих мест, — но на этот раз дверь закрылась, а не открылась.

— Надеюсь, вам понравится аромат, педики баптистские! — заорал кто-то с той стороны двери. За выкриком последовал дикий, визгливый хохот.

Паства испуганными глазами смотрела на преподобного Уильяма Роуза. Он таращился на них с неменьшим страхом в глазах. В эту секунду что-то зашипело в ящике, спрятанном на хорах. Как и в коробке, спрятанной Миртл Китон, ныне покойной, в зале «Дщерей Изабеллы», в этом

ящике (подложенном Сонни Джакеттом, теперь уже тоже покойным) был таймер, тикавший весь день.

Струи едкого дыма поползли через решетки, прорезанные в стенках ящика.

Вот тогда-то в Объединенной баптистской церкви Касл-Рока и началось веселье.

3

Бабз Миллер тихо прокралась под стены зала собраний «Дщерей Изабеллы», замирая на месте всякий раз, когда сине-белая вспышка молнии озаряла небо. В одной руке она держала небольшой ломик, в другой — автоматический пистолет мистера Гонта. Музыкальная шкатулка, купленная в «Нужных вещах», лежала в кармане мужского пальто, которое она сегодня надела, и если кто-нибудь попытается завладеть этим чудом, то она — можете не сомневаться — накормит его свинцом.

Но кто опустится до такой гадкой и мерзкой низости? Кто захочет украсть у нее шкатулку, когда она еще даже не выяснила, что за мелодию та играет?

Ладно, подумала Бабз, *скажем так: я очень надеюсь, что Синди Роуз Мартин сегодня мне не попадется. А если она вдруг объявится, то больше она никому уже не попадется — по крайней мере не в этой жизни. Она что себе думает... что на дуру напала?!*

А пока у нее есть одно дело. Так, безобидная шутка. По поручению мистера Гонта, естественно.

Вы ведь знаете Бетси Виг? — спросил мистер Гонт.

Конечно, она ее знала. Она знала Бетси еще с первых классов начальной школы, где они часто вместе дежурили по коридору и считались подружками «не разлей вода».

Хорошо. Посмотрите в окно. Она сядет за стол. Возьмет в руки лист бумаги и увидит под ним одну штуку.

Что? — удивленно спросила Бабз.

Это не важно. Если вам нужен ключ, который откроет вашу музыкальную шкатулку, тогда закройте рот и раскройте уши — вы меня поняли, дорогая?

Она поняла. Она поняла и еще кое-что. Иногда мистер Гонт может быть страшным. *Очень* страшным.

Она поднимет найденный на столе предмет. Рассмотрит его. Начнет открывать. К тому моменту вам следует быть у входных дверей. Дождитесь, пока все посмотрят налево.

Бабз очень захотелось спросить, с чего это вдруг все посмотрят налево, как по заказу, но решила, что лучше смолчать.

Когда они повернутся, подсунете плоский конец ломика под дверную ручку. Другой конец надо упереть в землю. Упереть хорошенько.

А когда кричать? — спросила Бабз.

Сами поймете. У них у всех будет такой вид, как будто каждой всадили в задницу по полному заряду перца. Вы запомнили, что *надо кричать?*

Она запомнила. Подобная шутка — да еще над старой школьной подругой — совсем не казалась Бабз забавной, но ведь розыгрыш-то был безобидный (ну... *почти* безобидный); к тому же они уже не дети, она сама и та девочка, которую Бабз уже и не помнила почему называла Бетти Ля-Ля; все это было давно и неправда. И потом, мистер Гонт ведь сказал, что никому и в голову не придет, что она, Бабз Миллер, имеет какое-то отношение к этой проказе. С чего бы? В конце концов Бабз была адвентисткой Седьмого дня, и по ее скромному мнению, и католики, и баптисты заслуживали того, что получили, включая и Бетти Ля-Ля.

Блеснула молния. Бабз на миг замерла, потом метнулась к ближайшему к двери окну и заглянула внутрь, чтобы убедиться, что Бетси еще не уселась за стол.

На землю упали первые, пока еще нерешительные капли дождя.

4

Вонь, заполнявшая баптистскую церковь, была похожа на «аромат», окружавший Дона Хемфилла... только в тысячу раз хуже.

— *О черт!* — взревел Дон Хемфилл. Он совершенно забыл, где находился, но даже если бы помнил, вряд ли бы стал подбирать слова более тщательно. Как говорится, ситуация вынуждала. — *Они свою дрянь и сюда подложили! Вон! Во двор! Все на улицу!*

— *Быстрее!* — завопила Нан Робертс своим мощным натренированным баритоном. — *Шевелитесь! Ноги в руки, ребята!*

Было прекрасно видно, откуда идет запах — толстые клубы светло-желтого дыма сочились между перилами хоров. Боковая дверь была как раз под хорами, но туда никто даже и не смотрел. Вонь такой силы запросто может убить... но сначала у тебя лопнут глаза, вылезут волосы, а задница навеки слипнется от огорчения.

«Баптистские Христовы воины — противники азартных игрищ» в течение пяти секунд сформировали армию отступления. С кашлем и воплями они дружненько ломанулись к вестибюлю в другом конце церкви. Одна скамья опрокинулась и с грохотом упала на пол, зажав ногу Деборы Джонстон. Пока та пыталась высвободиться, пробегавший мимо Норман Харпер врезался ей в бок. Дебора упала, с громким хрустом сломав лодыжку. Она взвыла от боли, но ее крик потонул в общем шуме.

Преподобный Роуз стоял ближе всех к хорам, и мутно-желтые миазмы опустились ему на голову, как большая вонючая маска. Это запах католиков, горящих в аду, мельком подумал он и спрыгнул с кафедры, приземлившись обеими ногами точно на солнечное сплетение несчастной Деборы Джонстон. Ее вопли тут же перешли в долгий сдавленный хрип, затихавший по мере того, как бедняжка теряла сознание. Преподобный Роуз, так и не поняв-

ший, что только что отправил в нокаут одну из своих самых истовых прихожанок, побежал к выходу.

Однако те, кто уже добрался до дверей вестибюля, обнаружили, что не могут выйти наружу: двери не открывались. И прежде чем проворные предводители предполагаемого исхода успели обернуться, их припозднившиеся последователи буквально вдавили их в двери, которые по-прежнему не открывались.

Крики, яростные проклятия и вопли бешенства заполнили все пространство. Снаружи начался дождь, а внутри начали блевать.

5

Бетси Виг заняла свое место за председательским столом между американским флагом и «Пражским младенцем». Она постучала по столу, призывая к порядку, и остальные дамы — всего около сорока человек — расселись по местам. Снаружи громыхнул гром. Кто-то притворно охнул и нервно рассмеялся.

— Объявляю заседание общества «Дщерей Изабеллы» открытым, — сказала Бетси и взяла со стола расписание. — Начнем, как обычно, с мол...

Она запнулась. На столе лежал белый почтовый конверт — она не заметила его раньше, потому что его скрывала повестка дня. В глаза сразу бросилась фраза, написанная крупными печатными буквами:

ПРОЧТИ СЕЙЧАС ЖЕ, ПАПСКАЯ ШЛЮХА

Опять они, подумала она. *Опять эти баптисты... эти отвратные, мерзкие, узколобые людишки.*

— Бетси? — спросила Наоми Джессап. — Что-то случилось?

— Не знаю, — сказала она. — Возможно.

Она разорвала конверт и вытащила листок бумаги, содержавший следующее послание:

ВОТ ТАК ПАХНУТ КАТОЛИЧЕСКИЕ ЩЕЛКИ!

Из левого дальнего угла зала послышалось шипение, похожее на свист предохранительного клапана парового котла. Женщины разом вскрикнули и развернулись в том направлении. Снаружи от всей души шваркнул гром, и на этот раз вскрики были уже непритворными.

Из квадратной ячейки стеллажа у левой стены повалил светло-желтый пар. Буквально за считанные секунды весь зал наполнился самой отвратительной вонью, которую только можно придумать.

Бетси вскочила на ноги, опрокинув кресло. Она только-только открыла рот — не имея ни малейшего понятия, что говорить, — как вдруг какая-то женщина закричала снаружи:

— Это вам, суки, за «Ночь в казино»! Покайтесь! Покайтесь!

Она успела заметить кого-то за дверью, прежде чем вонючее облако окончательно скрыло от нее окошко в двери... но это ее уже не волновало. Вонь стояла невыносимая.

А потом начался настоящий ад. Дщери Изабеллы метались взад-вперед по задымленному, вонючему залу, словно взбесившееся стадо. Когда Антонию Биссе толкнули в грудь и она сломала шею о стальной угол председательского стола, никто этого не заметил.

Под вспышки молний на улице бушевал гром.

6

Католики Касл-Рока образовали неровный кружок вокруг Альберта Гендрона. Используя письмо, найденное им на двери своего офиса, как отправную точку («это еще

что, вот видели бы вы...»), он услаждал их уши кошмарными, но захватывающими историями травли католиков и страшной мести католиков своим гонителям, каковые имели место быть в Льюистоне в тридцатые годы.

— Так вот, когда он увидел, как шайка невежд измазала ноги Святой Девы навозом, то сразу прыгнул в машину и помчался в...

Внезапно Альберт замолчал и прислушался.

— Что это? — спросил он.

— Гром, — сказал Джейк Пуласки. — Буря будет что надо.

— Нет... *это*. — Альберт поднялся на ноги. — Похоже на крики.

Когда стихли раскаты грома, остальные мужчины тоже расслышали крики. Женщины. Кричали женщины.

Все повернулись к отцу Брайхему, который тоже поднялся с кресла.

— Пошли! — сказал он. — Надо проверить...

Но тут раздалось какое-то шипение, и из глубины зала пополз удушливый дым. Раздался звон разбитого стекла — в окно влетел камень. Он покатился по гладкому полу. Люди закричали и расступились. Камень докатился до противоположной стены и замер.

— Адский огонь — подарок от баптистов! — заорал кто-то на улице. — Касл-Рок — не Лас-Вегас! Мы не допустим разврата! Внемлите и передайте другим, когда не будете пялить своих монашек!

Дверь фойе зала РК тоже была подперта ломиком. Не сумев открыть ее сразу, мужчины столпились у выхода.

— *Нет!* — закричал отец Брайхем, пробираясь сквозь густеющий дым к маленькой боковой двери. Она была не заперта. — *Сюда! СЮДА!*

Сначала никто его не услышал; запаниковавшие люди возились у неподвижной передней двери. А потом Альберт Гендрон вытянул свои здоровенные ручищи и столкнул лбами двух ближайших к себе паникеров.

— *Делайте, что сказал святой отец!* — проревел он. — *Они убивают женщин!*

Альберт пошел пробиваться к боковому выходу, как локомотив товарного состава, и остальные последовали за ним. Они шли через дымную завесу неровной, спотыкающейся цепочкой, кашляя и матерясь. Меаде Россиньоль не смог удержать порывы взбесившегося желудка. Он открыл рот и изверг весь свой обед на широкую спину Альберта Гендрона. Альберт этого, кажется, и не заметил.

Отец Брайхем уже ковылял по ступенькам, что вели к автостоянке и дальше — к залу, из которого слышались крики. Он постоянно останавливался, чтобы переждать приступ сухой тошноты. Вонь липла к нему, как мухоловная лента. Остальные мужчины неровным строем последовали за ним, не обращая внимания на усиливающийся дождь.

Когда отец Брайхем дошел уже до середины лестницы, при очередной вспышке молнии он заметил, что дверь зала «Дщерей Изабеллы» подперта ломиком. Через секунду одно из окон с правой стороны со звоном вылетело наружу, и оттуда посыпались женщины. Выбравшись наружу, они валились на газон, как тряпичные куклы, которых научили блевать.

7

Преподобный Роуз так и не добрался до вестибюля — слишком много людей топталось впереди. Он развернулся, зажав нос, и, пошатываясь, побрел обратно к центру зала. Он пытался что-то крикнуть, но, когда открыл рот, оттуда вырвалась только новая струя желчи. Ноги вдруг подкосились, и преподобный Роуз рухнул на пол, стукнувшись головой о спинку скамьи. Он попытался встать и не смог. Потом чьи-то большие руки подхватили его за подмышки и поставили на ноги.

— В окно пр-падобный! — крикнула ему на ухо Нан Робертс. — В окно!

— Но стекло...

— Да плевать на стекло! Мы все тут задохнемся!

Она швырнула его вперед, и преподобный Роуз успел лишь прикрыть руками глаза, прежде чем вылетел наружу сквозь витраж, изображавший Христа-Пастыря, ведущего своих «овец» вниз по холму цвета яблочного желе. Он высадил стекло, шмякнулся на траву и перекувырнулся через голову. Вставная челюсть пулей вылетела у него изо рта.

Роуз с трудом сел, внезапно осознав, что вокруг темнота, дождь... и благословенный фимиам чистого, свежего воздуха. Правда, времени насладиться этим блаженством ему не дали; Нан Робертс схватила его за волосы и рывком поставила на ноги.

— Пошли, пр-падобный! Не спите! — гаркнула она. Голубая вспышка молнии выхватила из темноты ее искаженное лицо. Она была в белом «форменном» платье — она привыкла так одеваться еще с тех времен, когда сама была официанткой, — но на груди желтело большое округлое пятно блевотины.

Преподобный Роуз заковылял рядом с ней, опустив голову. Он все порывался сказать, чтобы она отпустила его волосы, но каждый раз гром заглушал его голос.

Несколько человек вылезли следом за ними сквозь разбитое окно, но большинство осталось внутри, у закрытых дверей вестибюля. Нан мгновенно разобралась, что к чему: два ломика, упертые в землю. Она выбила их ногой в тот самый миг, когда молния ударила в центр городской площади, превратив в пылающий костер деревянную эстраду, на которой измученный молодой человек по имени Джонни Смит когда-то узнал имя убийцы. Ветер задул сильнее, ветки деревьев, как плети, хлестали по темному, неспокойному небу.

Как только ломы упали на землю, двери распахнулись; одну створку даже сорвали с петель и вынесли на газон.

Поток баптистов — красных, с выпученными глазами — вылился наружу. Люди шатались и падали друг на друга. Они воняли. Они рыдали. Они кашляли. Они блевали.

И они были взбешены.

8

Когда Рыцари Колумба, ведомые отцом Брайхемом, и «Дщери Изабеллы» под предводительством Бетси Виг сошлись посередине парковки, хляби небесные все же разверзлись, и дождь полил как из ведра. Бетси бросилась к отцу Брайхему и обняла его, содрогаясь в рыданиях. Ее волосы прилипли к черепу мокрой копной, сквозь которую просвечивала кожа.

— Там остальные! — кричала она. — Наоми Джессап... Тония Биссе... еще кто-то, я не знаю сколько!

— Кто это был? — взревел Альберт Гендрон. — Какая сволочь это устроила?

— *О, это баптисты! Конечно, это баптисты!* — завизжала Бетси и снова заплакала. Очередная молния прорезала тьму раскаленной вольфрамовой нитью. — *Они обозвали меня папской шлюхой! Это были баптисты! Баптисты! Проклятые баптисты!*

Отец Брайхем наконец отцепил от себя Бетси и подскочил к дверям зала «Дщерей Изабеллы». Сбив ногой ломик, вдавившийся в деревянную створку на целый дюйм, он распахнул дверь. Наружу вырвались три обезумевшие, хрипящие женщины и облако зловонного дыма.

Сквозь дымовую завесу он разглядел Антонию Биссе, милашку Тонию, которая так легко и ловко обращалась со своей иголкой и которая всегда с душой и желанием принимала участие во всех церковных проектах. Она лежала на полу рядом с председательским столом, наполовину прикрытая упавшим щитом с «Пражским младенцем». Наоми Джессап стояла рядом с ней на коленях и выла. Голова Тонии была вывернута под диким, неесте-

ственным углом. Ее остекленевшие глаза слепо таращились в потолок. Запах больше не беспокоил Антонию Биссе, которая ничего не покупала у мистера Гонта и не участвовала в его маленьких играх.

Наоми увидела стоявшего в дверях отца Брайхема, вскочила на ноги и, пошатываясь, пошла к нему. Она не обращала внимания на вонь и дым — потрясение было слишком сильным, чтобы ее хватило на что-то еще.

— Святой отец, — закричала она. — За что, святой отец? Почему они это сделали? *Почему?!* Мы всего лишь хотели немножко развлечься... Вот и все. За что?!

— Потому что этот человек безумен, — сказал отец Брайхем, заключив Наоми в объятия.

Альберт Гендрон, стоявший рядом, сказал тихим, но страшным голосом:

— Но мы их достанем.

9

Баптистские Христовы воины шагали под проливным дождем по Харрингтон-стрит, ведомые Доном Хемфиллом, Нан Робертс, Норманом Харпером и Уильямом Роузом. Их глаза превратились в красные, налитые кровью шары, выпиравшие из распухших, воспаленных глазниц. Большинство Христовых воинов запачкало рвотой свои штаны, рубашки, обувь или все вместе. Запах тухлых яиц, оставшийся от бомбы-вонючки, не исчезал даже под ливнем.

На перекрестке Харрингтон и Касл-авеню, переходившей чуть дальше в Касл-Вью, остановилась машина полиции штата. Из нее вылез патрульный и изумленно уставился на процессию.

— Эй! — крикнул он. — Вы, ребята, куда собрались?

— Мы собираемся врезать по задницам этим папским лизоблюдам, и если не хочешь проблем на *свою* задницу, то сгинь с дороги, — крикнула в ответ Нан Робертс.

Внезапно Дон Хемфилл набрал полные легкие воздуха и запел своим глубоким и сильным баритоном:

— *Вперед, Христово воинство, война призвала нас...*

Остальные подхватили. Вскоре все прихожане подобрались и пошли быстрее — уже не просто шагая, а маршируя под ритм гимна. Их лица были бледны, злы и свободны от всяческих мыслей. Они не пели, а буквально ревели, как берсеркеры, рвущиеся в бой. Преподобный Роуз пел вместе со всеми, хотя без своей вставной челюсти он испытывал определенные трудности с произношением.

Иисус, Господь наш, Боже, в сражение ведет,
Хоругви уже подняты, коварный враг падет!

Теперь они почти бежали.

10

Патрульный Моррис стоял у своей машины и тупо таращился на баптистов, сжимая в руке микрофон рации. Вода тонкими струйками стекала с непромокаемого чехла, надетого на фуражку.

— Докладывайте, шестнадцатый, — прокаркал Генри Пейтон.

— Мне кажется, что сюда надо бы выслать пару машин! — крикнул Моррис, возбужденный и напуганный одновременно. Он служил в полиции меньше года. — Тут что-то странное происходит! Что-то нехорошее! Мимо меня только что прошагала толпа человек из семидесяти, не меньше! Прием!

— Да? И что они делали? — спросил Пейтон.

— Они пели «Вперед, Христово воинство»! Прием!

— Моррис, это ты? Прием!

— Так точно, сэр! Прием!

— Насколько мне известно, патрульный Моррис, нет законов, запрещающих пение гимнов, даже под дождем.

То, что там происходит, можно назвать дуростью, но никак не нарушением законодательства. Поэтому слушай меня внимательно, больше я повторять не буду: у меня на руках четыре убийства, я не знаю, куда делся шериф и его проклятые помощники, *и я не хочу, чтобы меня беспокоили по пустякам! Ты понял? Прием!*

У патрульного Морриса комок застрял в горле.

— Да, сэр, я понял, но кто-то в толпе... по-моему, это была женщина... сказал... сказала, что они «собираются надрать задницу этим папским лизоблюдам», и, боюсь, она не шутила. Я понимаю, что все это как-то странно звучит, но мне не понравился ее голос. — Моррис помедлил и неуверенно добавил: — Прием?

Молчание затянулось настолько, что Моррис уже собрался снова вызывать Пейтона — из-за помех дальняя радиосвязь не работала вообще, а переговоры в пределах города были сильно затруднены, — но потом Пейтон все же заговорил, испуганно и торопливо:

— О Господи! Господи, перегидрить-тебя-налево, Христос Всемогущий! Что там происходит?

— Ну, та женщина сказала, что они...

— Я и в первый раз все прекрасно слышал! — заорал Пейтон, чуть не сорвав голос. — Езжай к католической церкви! Если начнется драка, попробуй их урезонить, но только сам, смотри, не пострадай! Повторяю: не лезь на рожон! Я пришлю подмогу, как только смогу — свободных машин совсем нет. Езжай сейчас же! Прием!

— Э-э-э... лейтенант Пейтон? А где в этом городе католическая церковь?

— *А я знаю?! Какого хрена ты меня спрашиваешь?!* — взвился Генри. — *Я тут не местный священник! Следуй за толпой, и все! Конец связи!*

Моррис повесил микрофон на место. Толпу он уже не видел, зато прекрасно слышал их пение в промежутках между раскатами грома. Сняв машину с ручного тормоза, он поехал на звуки гимна.

11

Дорожка к задней двери дома Майры Эванс была выложена камнями разных пастельных тонов.

Кора Раск выбрала синий. Она взяла его свободной рукой — в другой руке был пистолет — и оценивающе взвесила на ладони. Потом подергала ручку двери. Закрыто, как и следовало ожидать. Кора швырнула камень в дверное окно и выбила дулом пистолета осколки стекла, застрявшие в раме. Потом запустила руку в выбитое окошко, открыла замок и зашла в дом. Мокрые волосы липли к щекам. Платье все еще было расстегнуто, и по прыщавой коже груди сбегали капли дождя.

Чака Эванса не было дома, зато там был Гарфилд, ангорский кот Чака и Майры. Он мгновенно примчался на кухню в надежде, что его покормят. Кора его накормила. Свинцом. Клубок крови и шерсти, только что бывший пушистым котом, вылетел в коридор.

— Вот тебе еда, Гарфилд, — прошипела Кора и прошла в гостиную сквозь облако порохового дыма. Оттуда она поднялась наверх, на второй этаж. Она точно знала, где искать эту сучку. В постели, в спальне.

— Ну да, пора спать, — сказала она. — И ты будешь спать крепко-крепко, моя дорогая Майра.

Кора нехорошо улыбалась.

12

Отец Брайхем и Альберт Гендрон возглавили отряд разъяренных католиков, направлявшихся по Касл-авеню к Харрингтон-стрит. Не пройдя и половины пути, они услышали пение. Мужчины переглянулись.

— Как думаешь, Альберт, сможем мы научить их другой мелодии? — вкрадчиво спросил отец Брайхем.

— Думаю, сможем, святой отец, — тем же тоном ответил Альберт.

— Может, научим их песне «Со всех ног побегу домой»?

— Отличный выбор, святой отец. Может быть, даже такое дерьмо, как они, сможет выучить эту простую мелодию.

Очередная вспышка молнии осветила Касл-Вью и дала им возможность разглядеть небольшую толпу, приближавшуюся к ним с подножия холма. В стоп-кадре, выхваченном из темноты вспышкой молнии, их глаза казались белыми и пустыми, как у мраморных статуй.

— Вон они! — крикнул кто-то, и женщины завизжали:

— Задайте этим сопливым ублюдкам!

— Пошли, уберем мусор, — счастливо выдохнул отец Брайхем и понесся в толпу баптистов.

— Аминь, святой отец, — сказал Альберт и припустил за ним.

Потом побежали *все*.

Когда патрульный Моррис выехал из-за угла, полыхнула еще одна молния — как раз та, что свалила старый вяз у реки. В ее вспышке полицейский увидел две группы людей, бегущих навстречу друг другу. Одна толпа бежала вниз с холма, другая — вверх на холм; и обе жаждали крови. Внезапно патрульный Моррис пожалел, что не сказался сегодня больным и пришел на работу.

13

Кора распахнула дверь спальни Чака и Майры Эванс и увидела именно то, что и ожидала увидеть: эта тварь лежала голая на смятых простынях. Судя по всему, постели пришлось несладко. Одну руку Майра закинула назад, под подушки. В другой она держала фотографию в рамке. Фотография была зажата между Майриными мясистыми ляжками — кажется, Майра с ней трахалась. Ее глаза были полуприкрыты от наслаждения.

— Оооо, да! — стонала она. — Оооо, да!!! *ОООООО, ДАААААА-АААА!*

Ужасная ревность разгорелась в Корином сердце, такая сильная, что она даже почувствовала ее горький привкус на губах.

— Ах ты, вшивая шлюха, — выдохнула она, подняв пистолет.

Майра посмотрела на нее... и улыбнулась. Она вытащила руку из-под подушки. В руке был автоматический пистолет. Точно такой же, как у Коры.

— Мистер Гонт сказал мне, что ты придешь, — сказала она и выстрелила.

Кора почувствовала, как пуля прошила воздух рядом с ее щекой; услышала, как та вошла в штукатурку слева от двери. Она спустила курок. Пуля попала Майре между ног, разбив стекло на фотографии и застряв в ткани бедра.

— *Что ты наделала?!* — завизжала Майра. — *Тупая гадина, ты прострелила Короля!*

Она выстрелила в Кору три раза подряд. Две из трех пуль просвистели мимо, но третья попала Коре в горло. Кора отлетела назад, к стене, грохнулась на колени и пальнула еще раз. Пуля пробила дыру в коленной чашечке Майры и сбросила ее с кровати. После этого Кора выронила пистолет и ничком повалилась на пол.

Я иду к тебе, Элвис, попыталась сказать она, но почему-то все было не так. Неправильно. Совсем неправильно. Впереди была только тьма — и никто ее не встречал.

14

Баптисты Касл-Рока под предводительством преподобного Уильяма Роуза и католики Касл-Рока под командованием отца Джона Брайхема сошлись у подножия холма Касл. Лоб в лоб. Не было никакого честного кулачного боя, никаких правил маркиза Куинсберри; противные стороны сразу старались выдавить глаза и вырвать ноздри. В идеале — убить, если получится.

Альберт Гендрон, дантист, гигантских размеров мужик, разозлить которого было трудно, но который был страшен в гневе, схватил Нормана Харпера за уши и рванул на себя, ударяя его головой в лоб. Его череп врезался в лоб противника со звуком, напоминающим землетрясение. Норман содрогнулся и сразу обмяк. Альберт отшвырнул его в сторону, как тюк белья из прачечной, и вцепился в Билла Сейерса, торговавшего инструментами в «Западных автоперевозках». Билл увернулся и врезал в ответ. Альберт принял удар кулаком в зубы, выплюнул один выбитый, схватил Билла медвежьей хваткой и сжал его так, что у того затрещали ребра. Билл заорал благим матом. Альберт швырнул его на дорогу, прямо под колеса патрульной машины Морриса, который едва успел затормозить, чтобы его не переехать.

Улица превратилась в полигон для борющихся, боксирующих, кусающихся, брыкающихся и орущих безумцев. Они наскакивали друг на друга, скользили на мокром асфальте, падали, поднимались и снова бросались в драку. В отблесках беспорядочных молний драка была похожа на какой-то извращенный танец, в котором нужно швырять партнершу на ближайшее дерево, вместо того чтобы вальсировать, или заезжать коленом партнеру в пах вместо изящного па-де-де. Нан Робертс схватила Бетси Виг за воротник платья — Бетси тем временем пыталась набить ногтями татуировки на щеках Люсиль Данхем. Нан подтащила Бетси к себе, развернула и воткнула ей два пальца в ноздри — по вторую фалангу. Бетси издала звук, похожий на корабельную сирену, а Нан принялась с остервенением дергать ее за нос.

Фрида Пуласки вогнала Нан в бок свой перочинный нож. От неожиданности и боли та брякнулась на колени. Ее пальцы выскочили из носа Бетси Виг с отчетливо слышным хлопком. Когда она попыталась встать, Бетси врезала ногой ей в лицо. Нан распростерлась посреди улицы.

— Аг ды зуга, ды зломала бде доз! — взвизгнула Бетси. — Ды зломала бде *ДОЗ!* — Она попыталась пнуть Нан

ногой в живот, но Нан поймала ногу и резко вывернула ее. Бетси, которую в школе звали Бетти Ля-Ля, упала лицом на асфальт. Нан уселась на ней верхом. Бетси выжидала. Через пару секунд они обе уже катались по мостовой, царапаясь и кусаясь.

— ПЕРЕСТАНЬТЕ!!! — заорал патрульный Моррис, но его голос потонул в оглушительном громовом раскате, сотрясшем всю улицу.

Он вытащил пистолет, нацелил его в небо... но прежде чем он успел выстрелить, кто-то — бог его знает кто — выпалил ему в пах из «спецсредства» Лиланда Гонта. Патрульный Моррис отлетел на капот полицейской машины и скатился на асфальт, сжимая руками остатки своего мужского причиндала и пытаясь закричать.

Сложно сказать, у скольких человек было с собой оружие, купленное у мистера Гонта. Наверное, все-таки у немногих, тем более что некоторые из тех, кто взял пистолеты с собой, потеряли их в суматохе, пытаясь вырваться из зловонного ада. Но в общей свалке прозвучали еще по меньшей мере четыре выстрела, которые остались практически незамеченными за криками и громом.

Лен Милликен заметил, как Джейк Пуласки целится из пистолета в Нан, которая дала Бетси уйти и теперь пыталась придушить Меаде Россиньоля. Лен схватил Джейка за запястье и задрал руку с пистолетом в грохочущее небо буквально за миг до выстрела. Потом он с размаху рванул вниз Джейково предплечье и сломал его о колено, как хворостинку. Пистолет с лязгом стукнулся о мостовую. Джейк взвыл. Лен отступил на шаг и сказал:

— Это научит тебя, как...

Но Джейк так и не узнал, чему именно это его научит, потому что в этот момент кто-то вонзил перочинный нож в загривок Лена — по самую рукоятку, — пробив позвоночник у самого основания черепа.

Подъехали новые полицейские машины, сверкая синими мигалками. Противные стороны не прислушались к настойчивым призывам — усиленным мегафонами —

успокоиться и разойтись. Патрульные, попытавшись разнять дерущихся, сами оказались вовлеченными в драку.

Нан Робертс увидела отца Брайхема в разорванной на спине ненавистной черной рубашке. Он держал преподобного Роуза за шиворот. Свободной рукой, сжатой в кулак, он методично долбал преподобного Роуза в нос. Его кулак врезался в цель, после чего рука, державшая преподобного Роуза за воротник, возвращала обмякшего преподобного в первоначальное положение — для следующего удара.

Завопив во всю мощь своих легких, не обращая внимания на вконец потерявшего самообладание полицейского, который просил — чуть ли не умолял ее — прекратить, немедленно прекратить это безобразие, Нан отшвырнула Меаде Россиньоля и бросилась на отца Брайхема.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Из-за сильной грозы Алану пришлось сбавить скорость, хотя он чувствовал, что сейчас время дорого, как никогда, и что если он не вернется в Касл-Рок *в самое ближайшее* время, возможно, и возвращаться уже будет некуда. Теперь он понял, что почти вся нужная информация все это время была у него в голове, запертая за непробиваемой железной дверью. На этой двери была даже надпись; но не ПРЕЗИДЕНТ, или КОМНАТА СОВЕЩАНИЙ, и даже не БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ. Надпись на двери в мозгу Алана гласила: ПОЛНАЯ БЕССМЫСЛИЦА. Все, что ему было нужно, — это подходящий ключ... ключ, который дал ему Шон Раск. И что было за дверью?

Вот-вот. «Нужные вещи». И их владелец, мистер Лиланд Гонт.

Брайан Раск купил бейсбольную карточку в «Нужных вещах» — Брайан мертв. Нетти Кобб приобрела в «Нужных вещах» абажур — она тоже мертва. Сколько еще человек купили яд у отравителя? Норрис — удочку. Полли — магический амулет. Мать Брайана Раска — дешевенькие очки, непонятно каким боком связанные с Элвисом Пресли. Даже Туз Мерилл, и тот сподобился взять у мистера Гонта старую книгу. Алан готов был биться об заклад, что Хью Прист тоже сделал там покупку... и Дэнфорд Китон...

И сколько еще таких? Сколько?!

Он как раз притормозил перед мостом на въезде в город, когда в один из двух старых вязов на той стороне реки ударила молния. Раздался сухой электрический треск, яркая вспышка ослепила глаза. Алан прикрыл глаза рукой, но на сетчатке все равно остался отпечаток ослепительной синей искры. Рация разразилась целой канонадой помех, а вяз со степенным величием рухнул в реку.

Алан опустил руку и заорал вместе с громом, громыхнувшим почти сразу за молнией. Его раскаты были такими сильными, что, казалось, весь мир сейчас просто расколется, как орех. Пару секунд *его пораженные вспышкой* глаза не видели вообще ничего, и он испугался, что старое дерево перегородит дорогу, упав на мост. Потом он разглядел вяз, который застрял под мостом в железной арматуре. Алан нажал на газ и въехал на мост. Ветер мрачно свистел в балках и опорах этого старого ржавого сооружения. Жутковатый, потусторонний звук.

Дождь барабанил по лобовому стеклу старого «универсала», превращая мир снаружи в расплывчатую галлюцинацию. Когда Алан съехал с моста и доехал до пересечения Главной с Уотермилл-лейн, дождь пошел с такой силой, что дворники — даже на максимальной скорости — стали практически бесполезными. Алан опустил стекло, высунул голову наружу и дальше вел машину так. Голова мгновенно намокла.

Площадка у здания муниципалитета была забита полицейскими автомобилями и машинами прессы, но вид

у всего этого хозяйства тоже был странный — покинутый, словно люди, которым принадлежали все эти средства передвижения, были разом телепортированы куда-нибудь на Нептун злыми инопланетянами. Алан заметил пару репортеров, которые выглядывали из своих убежищ-микроавтобусов, и одного полицейского, который бежал к стоянке, разбрызгивая лужи. И больше — ни души.

В трех кварталах выше, ближе к холму, через Главную улицу на полной скорости проскочил патрульный автомобиль полиции штата, направлявшийся на запад по Лорель-стрит. Буквально через секунду Главную пересек другой патруль — по Бирч-стрит в противоположном направлении. Это случилось так быстро — раз-два, — что походило на эпизод из какой-нибудь комедии про придурков-полицейских. Вроде «Полицейской академии». Алан, однако, не видел в этом ничего смешного. В этих действиях чувствовалось отсутствие всякого смысла, какое-то паническое, беспорядочное метание, и Алан понял, что Генри Пейтон утратил контроль над ситуацией в Касл-Роке... если он у него вообще был, этот контроль.

Алану показалось, что со стороны Касл-Хилл доносятся какие-то крики. Хотя из-за дождя, грома и свистящего ветра было легко ошибиться, он был уверен, что ему это не послышалось. И словно в доказательство этого из боковой улочки рядом со зданием муниципалитета выскочила, моргая фарами и расцвечивая синими мигалками серебряные паутинки дождя, машина полиции штата, которая ехала как раз в том направлении. Она мчалась так быстро, что чуть не задела микроавтобус программы новостей с канала WMTW.

Алан вспомнил то неприятное чувство, которое возникло у него несколько дней назад, что в этом маленьком городке жизнь соскочила с оси, что все идет наперекосяк и Касл-Рок стоит на пороге немыслимых беспорядков. Теперь беспорядки пришли, и затеял их человек

(*Брайан сказал, что на самом деле он не человек*),

которого Алан так и не собрался повидать.

Тишину ночи разорвал чей-то истошный крик, громкий и пронзительный. За ним последовал звон разбитого стекла... а с другой стороны раздались выстрел и хриплый, безумный смех. Гром прокатился по небу, словно рассыпавшаяся гора бревен.

Но теперь у меня есть время, подумал Алан. *Да. Теперь у меня полно времени. Сдается мне, мистер Гонт, пришло время нам познакомиться, и еще мне сдается, что вам пришло время узнать, что случается с теми, кто пытается поиметь мой город.*

Не обращая внимания на разные звуки, свидетельствовавшие о том, что в городе воцарились хаос и насилие, не обращая внимания на здание муниципалитета, в котором Генри Пейтон предположительно координировал — или пытался координировать — действия сил охраны правопорядка, Алан поехал по Главной улице к магазину «Нужные вещи».

Как только он нажал на газ, мощная бело-пурпурная молния низринулась на землю электрическим фейерверком, и, пока сопровождавший ее гром еще ворочался в небе, в Касл-Роке погасли все огни.

2

Помощник шерифа Норрис Риджвик, облаченный в форму, предназначенную для парадов и других торжественных церемоний, был у себя в сарае, пристроенном к небольшому домику, в котором они жили с матерью вплоть до ее смерти осенью 1986-го. С тех пор он жил там один. Норрис стоял на табуретке. С потолочной балки свисала крепкая веревка с петлей на конце. Норрис пропустил голову в петлю и как раз затягивал узел у правого уха, когда ударила молния и две электрические лампочки, освещавшие сарай, погасли.

Однако и в темноте он по-прежнему видел базуновскую удочку, прислоненную к стене у двери, что вела

в кухню. Он очень хотел заиметь эту удочку и думал, что заплатил за нее очень дешево, но в итоге цена оказалась слишком высокой. Непомерно высокой...

Его дом располагался на верхнем ответвлении Уотермилл-лейн, там, где улица заворачивает обратно к холму и Касл-Вью. При каждом порыве ветра оттуда доносился шум драки — крики, вопли, иногда выстрелы.

Я в ответе за это, подумал он. *Не я один — черт, нет, конечно, — но и я тоже. Я соучастник. По моей вине Генри Бофорт ранен и умирает сейчас, если уже не умер, там в Оксфорде. По моей вине Хью Прист лежит в холодильнике морга. Я виноват, я. Парень, с самого детства мечтавший служить в полиции и помогать людям. Глупый, смешной, неуклюжий Норрис Риджвик, вбивший себе в голову, что ему страсть как нужна эта базуновская удочка, и решивший, что может купить ее очень задешево.*

— Я раскаиваюсь в том, что сделал, — сказал Норрис. — Это уже не поможет, но, как бы там ни было, мне очень жаль.

Он приготовился спрыгнуть с табурета, но тут у него в голове заговорил новый голос. *Тогда почему, если тебе так жаль, ты не пытаешься ничего исправить, трусливый ты гаденыш?*

— Уже ничего не исправишь, — сказал Норрис вслух. Сверкнула молния; его тень на стене нервно дернулась, словно *уже* занималась воздушной акробатикой. — Слишком поздно.

В таком случае хотя бы взгляни на вещь, ради которой ты все это сделал, настаивал раздраженный голос. *Уж это-то ты можешь сделать?! Взгляни! Только смотри ХОРОШЕНЬКО!*

В очередной раз сверкнула молния. Норрис всмотрелся в базуновскую удочку... и закричал от удивления и неожиданности. Он дернулся и лишь чудом удержался на табуретке.

Гладкого «Базуна», такого крепкого и упругого, не было и в помине. На его месте стояла грязная, расщеп-

ленная бамбуковая палка — даже скорее хворостина, — к которой ржавым шурупом было прикручено детское удилище «Зебко».

— Украли! — закричал Норрис. Прежняя жгучая ревность и параноидальная страсть охватили его с новой силой; он решил, что должен немедленно бежать на улицу и искать вора. Убить всех, перебить весь город, если так будет нужно, чтобы найти виновного или виновную. — *У МЕНЯ СПЕРЛИ МОЙ «БАЗУН»!* — завопил он, раскачиваясь на табуретке.

Нет, ответил злой голос. *Она всегда была такой. Исчезли только твои шоры — те, которые ты надел сам, по собственной воле.*

— Нет! — У Норриса было ощущение, как будто чьи-то гигантские руки сомкнулись у него на голове и потихоньку начали сжиматься. — Нет, нет, *нет*!

Но снова ударила молния, и в ее вспышке он снова увидел грязный бамбук на том месте, где минутой раньше стоял «Базун». Он сам ее там поставил: хотел, чтобы удочка стала последним, что он увидит в жизни. В сарае, кроме него самого, не было никого; никто сюда не заходил, никто ее не сдвигал; очевидно, голос был прав.

Она всегда была такой, настаивал голос. *Вопрос в другом: собираешься ли ты что-нибудь предпринять по этому поводу или сбежишь во тьму?*

Норрис завозился с петлей, и вдруг до него дошло, что он уже не один в сарае. Он почувствовал запах табака, кофе и слабый, едва уловимый аромат одеколона — возможно, «Благородного южанина» — запах мистера Гонта.

То ли он сам потерял равновесие, то ли злые, невидимые руки столкнули его с опоры... Качнувшись назад, он зацепил ногой табурет и свалил его на пол.

Крик Норриса сдавленно оборвался, когда скользящий узел петли затянулся. Его судорожно замолотившая по воздуху рука наткнулась на потолочную балку и ухватилась за нее. Он сумел немного подтянуться, и веревка дала

слабину. Другой рукой Норрис вцепился в петлю. Он чувствовал, как пеньковые волокна колют шею.

Правильный ответ: нет! — зло прокричал мистер Гонт. — *Нет — вот самый верный ответ. Знаешь, как называют тех, кто не выполняет своих обязательств?! Жуликами и мерзавцами.*

На самом деле никакого мистера Гонта тут, конечно же, не было; Норрис знал, что никто не сталкивал его с табурета. Хотя он был уверен, что мистер Гонт все-таки знает о том, что здесь сейчас происходит... и что мистер Гонт недоволен, потому что что-то пошло не по плану. Эти недоноски *не должны были* ничего видеть. По крайней мере до тех пор, пока не станет уже слишком поздно.

Норрис извернулся и вцепился в петлю, но узел словно залили цементом. Его рука безбожно дрожала. Ноги болтались в трех футах над землей. Он больше не мог держаться в такой позе. Удивительно, как он вообще сумел подтянуться на одной руке.

В конце концов Норрис все-таки умудрился пропустить два пальца под петлю и немного ее расслабить. Его голова выскользнула из петли, и сразу же страшная судорога свела руку, державшуюся за балку. Он рухнул на пол, прижав скрюченную руку к груди. Сверкнула молния, в ее вспышке слюна на его стиснутых от боли зубах превратилась в яркие пурпурные дуги. Потом он отрубился... неизвестно на сколько, потому что, когда он все-таки пришел в себя, дождь все еще лил и молнии все еще сверкали.

Он поднялся на ноги и, шатаясь, добрел до удочки, все еще баюкая на груди большую руку. Судорога начала потихонечку отпускать, но дыхание еще не восстановилось. Норрис схватил удочку и пригляделся. Бамбук. Грязный, гнилой бамбук. Он не только не стоил «всего, что угодно»; он не стоил вообще *ничего*.

Хилая грудь Норриса раздулась на глубоком вдохе, и он издал крик, исполненный ярости и стыда. Одновременно он поднял согнутую ногу и сломал удочку о колено. Сложил куски и сломал еще раз. Обломки были омерзи-

тельны, как какая-то заразная гадость. Фальшивка. Обман. Он отбросил их прочь, и они докатились почти до перевернутого табурета.

— Вот! — кричал он. — Вот! *Вот!* ВОТ!

Его мысли вернулись к мистеру Гонту — к мистеру Гонту с его седеющими волосами, твидовым пиджаком и хищной улыбкой, больше похожей на оскал.

— Я тебе покажу, — прошептал Норрис Риджвик. — Плевать, что будет потом, но я тебе покажу!

Он вышел из сарая, хлопнув дверью, и выскочил под проливной дождь. Его служебный автомобиль стоял на подъездной дорожке. Пригибаясь от ветра, Норрис пошел к машине.

— Не знаю, что ты такое, — бормотал он, — но я тебя, лживая гнида, достану.

Он дошел до машины, сел за руль и выехал на улицу. У него на лице отражалась смесь самых *разных переживаний*: стыд, унижение, страдание и злость. Свернув налево, он погнал к «Нужным вещам» на максимальной скорости, на какую только осмелился при такой непогоде.

3

Полли Чалмерс спала, и ей снился сон.

Ей снилось, что она заходит в «Нужные вещи», но за прилавком не Лиланд Гонт, а ее тетя, Эвви Чалмерс. На тете Эвви — ее лучшее синее платье и голубая шаль с красной оторочкой. Между большими и неправдоподобно ровными искусственными зубами, как всегда, торчит сигарета.

Тетя Эвви! — крикнула Полли во сне. Огромная радость и еще большее облегчение — облегчение, которое испытываешь только в счастливых снах и в момент пробуждения от кошмаров, — наполнили ее, как добрый свет. *Тетя Эвви, ты жива!*

Но тетя Эвви и бровью не повела, словно и не узнала племянницу. *Покупайте все, что угодно, мисс,* сказала она.

Кстати, вас зовут Полли или Патрисией? Я как-то запамятовала.

Тетя Эвви, ты же знаешь мое имя... я Триша. Для тебя я всегда была Тришей.

Ноль внимания.

Как бы тебя ни звали, сегодня у нас распродажа. В связи с окончательной ликвидацией.

Тетя Эвви, что ты тут делаешь?

Здесь мое место, сказала тетя Эвви. *Здесь место каждого в этом городе, мисс Два Имени. На самом деле здесь место всем, всему миру, потому что все любят халяву. Все любят получать, не желая отдавать... на дармовщинку... даже если это им обойдется слишком дорого.*

Ощущение покоя и счастья тут же улетучилось. Его вытеснил ужас. Полли заглянула в стеклянные шкафы и увидела в них пузырьки с какой-то темной жидкостью. На этикетках было написано: ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОНИК ДОКТОРА ГОНТА. Там стояли бракованные заводные игрушки, из которых уже после второго завода вывалятся шестерни и полезут пружины. Там лежали грубые приспособления для секса. Там были маленькие бутылочки, наполненные порошком, похожим на кокаин; на них было написано: ОХРЕНИТЕЛЬНЫЙ ПОРОШОК ДОКТОРА ГОНТА, ПОВЫШАЕТ ПОТЕНЦИЮ. Там же валялись дешевые шуточные сюрпризы: пластиковое собачье дерьмо, чесоточный порошок, взрывающиеся сигареты, хохотунчики. Еще там были «рентгеновские» очки, которые якобы позволяют видеть, что находится за закрытыми дверями и под женской одеждой, но вместо этого оставляют черные круги вокруг глаз; пластмассовые цветы, крапленые карты, флакончики с дешевыми духами и наклейкой: ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ № 9 ДОКТОРА ГОНТА, ПРЕВРАЩАЕТ УТОМЛЕНИЕ В ВОЖДЕЛЕНИЕ, — витрины являли собой выставку бездарных, безвкусных и бесполезных вещей.

Все, что пожелаете, мисс Два Имени, сказала тетя Эвви.

Почему ты меня так зовешь, тетя Эвви? Разве... разве ты меня не узнаешь?

Все проверено и работает безотказно. Единственное, что может не работать по выходу из магазина, это ТЫ. Так что вперед — покупать, покупать, покупать.

Теперь тетя Эвви смотрела на Полли в упор, и ужас поразил Полли острым ножом. В глазах тети Эвви читалось сочувствие, но это сочувствие было страшным, безжалостным.

Как тебя зовут, дитя? Когда-то я, кажется, тебя знала.

Во сне (и наяву) Полли заплакала.

Интересно. Кто-нибудь еще забывал твое имя? — спросила тетя Эвви. *Похоже, что да.*

Тетя Эвви, ты меня пугаешь!

Ты сама себя пугаешь, дитя, ответила тетя Эвви, впервые взглянув Полли в глаза. *Только помни, мисс Два Имени, если ты здесь что-нибудь покупаешь, ты одновременно и продаешь.*

Но она мне нужна! — закричала Полли и зарыдала еще сильнее. *Мои руки...*

*Да, вот что может помочь, мисс Полли Фриско**, сказала тетя Эвви и достала из шкафчика пузырек с надписью ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОНИК ДОКТОРА ГОНТА. Она поставила его на прилавок — маленькую плоскую бутылочку, содержимое которой напоминало разбавленную грязь. *Он не избавит тебя от боли... теперь тебя уже ничего не избавит от боли... но зато он ее передвинет.*

Что ты имеешь в виду? Зачем ты меня пугаешь?

Он переместит очаг твоего артрита, мисс Два Имени... вместо рук болезнь возьмется за сердце.

Нет!

Да.

Нет! Нет! Нет!

Да. О да. И за твою душу. Но у тебя останется гордость. Да, уж это у тебя останется. Разве не может женщина сохранить свою гордость?! Когда не останется ниче-

* Фриско — разговорное название Сан-Франциско.

го — ни сердца, ни души, ни мужчины, которого ты любишь, — уж гордость-то ты сохранишь, маленькая мисс Полли Фриско. Последнюю монетку, без которой твой кошелек будет уже совершенно пуст. Пусть это станет твоим утешением — жалким и горьким — на всю оставшуюся жизнь. Хотя бы такая малость. Должно остаться хоть что-нибудь, потому что если все так пойдет и дальше, у тебя действительно не останется ничего, кроме твоей распрекрасной гордости.

Остановись, я тебя очень прошу, пожал...

4

— Пожалуйста, — пробормотала она во сне. — Пожалуйста, остановись. *Пожалуйста.*

Она перевернулась на другой бок. *Ацка* мягко зазвенела. Небо осветила молния, та самая, что сбила в ревущий поток старый вяз и ослепила Алана Пангборна, сидевшего за рулем своего «универсала».

Оглушительный раскат грома разбудил Полли. Она открыла глаза. Рука безотчетно потянулась к ацке и спрятала ее в ладони, защищая от неизвестных опасностей. Рука была мягкой и гибкой; суставы двигались легко, как свежесмазанный подшипник.

Мисс Два Имени... маленькая мисс Полли Фриско.

— Что... — Ее голос был еще сонным, но сознание уже проснулось и навострило ушки, как будто Полли вовсе и не спала, а просто так глубоко задумалась, что это было похоже на транс.

Что-то беспокойно ворочалось у нее в сознании — что-то размером с кита. Снаружи бесилась гроза, швыряясь громогласными молниями.

Кто-нибудь еще забывал твое имя? Похоже, что да.

Полли дотянулась до тумбочки и включила ночник. Рядом с телефоном «Принцесса» с большими кнопками набора, в которых она уже не нуждалась, лежал конверт,

найденный ею в коридоре вместе с остальной почтой. Перед тем как лечь спать, она сложила злополучное письмо и убрала его обратно в конверт.

Ей показалось, что где-то в ночи, в промежутках между раскатами грома, слышны людские крики. Полли не обратила на них внимания — она думала о кукушке, подкладывающей яйцо в чужое гнездо, когда хозяйки нет дома. Когда будущая мать возвращается, разве она обращает внимание на чужое яйцо? Конечно, нет; она принимает его за свое. Так же как Полли приняла это проклятое письмо лишь потому, что оно оказалось среди остальной почты вместе с двумя каталогами и счетом за кабельное телевидение.

Она приняла это письмо... но разве его не могли ей подбросить?

— Мисс Два Имени, — обиженно пробурчала она. — Маленькая мисс Полли Фриско. — Вот в чем дело... Вот *что* пыталось ей подсказать ее собственное подсознание в образе тети Эвви. Когда-то она *действительно* была мисс Полли Фриско.

Давным-давно.

Она потянулась за конвертом.

Нет! — окрикнул ее хорошо знакомый голос. *Не трогай его, Полли... оставь, если желаешь себе добра!*

Боль, черная и крепкая, как настоявшийся за день кофе, вспыхнула в ее руках.

Он не избавит тебя от боли... но зато он ее передвинет.

Китовидная громадина в ее сознании начала потихоньку всплывать. Голос мистера Гонта не мог ее остановить; ее *ничто* не могло остановить.

ТЫ можешь, Полли, сказал мистер Гонт. *Поверь мне, ты* должна *ее остановить.*

Она убрала руку, так и не коснувшись письма. Она вновь сжала *ацку* в кулак. Внутри серебряного амулета что-то закопошилось, согретое ее теплом. Полли почувствовала отвращение и тошноту, от которой внутри все сжалось.

Она отпустила *ацку* и потянулась за письмом.

Последнее предупреждение, Полли, сказал голос мистера Гонта.

Да; отозвался голос тети Эвви. *Думаю, он не шутит. Ему всегда нравилось иметь дело с дамами, которые ценят свою гордость, но ты знаешь... ему неподвластны те, кто считает, что гордость предшествует погибели. Кажется, пришло время решать, каково твое* настоящее *имя.*

Полли схватила конверт, не обращая внимания на предупредительный болевой залп в руках, и прочла аккуратно напечатанный адрес. Это письмо — *предумышленное* письмо, *предумышленный* ксерокс — было адресовано мисс Патрисии Чалмерс.

— Нет, — прошептала она. — Не то. Не то *имя*. — Ее рука сжалась в кулак, сминая бумагу. При этом руку заполнила тупая боль, но Полли не обратила на нее внимания. Ее глаза лихорадочно блестели. — В Сан-Франциско я была Полли, для всех Полли, *даже для Детского фонда!*

Это была попытка порвать со старой жизнью, которая так ее мучила, во всех ее проявлениях. Никогда, в самые темные ночи, когда она лежала, не в силах заснуть, она не позволяла себе даже мечтать о том, что ее раны затянутся сами собой. В Сан-Франциско не было ни Триши, ни Патрисии; только Полли. Она три раза заполняла формы запроса на получение помощи, и во все три было вписано: *Полли* Чалмерс.

Если бы Алан действительно написал запрос в Детский фонд в Сан-Франциско, он бы, наверное, указал ее имя как Патрисия, и в ответ получил бы скорее всего «в списках не значится». И даже адрес бы не совпал, потому что тогда, давным-давно, она вписала в графе МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА адрес своих родителей, а *они* жили вообще на другом конце города.

А если Алан дал им оба имени? Полли и Патрисия?

Даже если и так. Она достаточно знала о том, как работают правительственные конторы, и понимала, что это не важно, какое имя — или имена — дал им Алан; если

бы они захотели отправить ей письмо, они бы указали тот адрес и имя, которые стоят в ее личном деле. У Полли была подруга в Оксфорде, которая получала письма из Мэнского университета, отправленные на ее девичью фамилию, хотя она уже двадцать лет замужем.

Но этот конверт был адресован *Патрисии* Чалмерс, а не Полли Чалмерс. А кто сейчас в Касл-Роке называет ее Патрисией?

Тот же самый человек, кто знал, что и Нетти Кобб на самом деле Нетишия. Ее добрый знакомый Лиланд Гонт.

Эта игра с именами — вещь, конечно, интересная, неожиданно заговорила тетя Эвви, *но не такая уж важная. Ты бы лучше подумала о своем мужчине. Он ведь твой мужчина? Даже сейчас. Ты знаешь, что он никогда не стал бы действовать у тебя за спиной, хотя письмо и утверждает обратное. И не важно, какое имя стоит на конверте и насколько убедительно это письмо... ты ведь* знаешь, *что это неправда?*

— Да, — прошептала она. — Я знаю *его.*

Неужели она и вправду поверила?! Скорее просто старалась забыть о своих сомнениях по поводу этого совершенно абсурдного, неправдоподобного письма, потому что боялась — и не просто боялась, а *очень* боялась, — что Алан узнает неприятную правду про *ацку* и заставит ее сделать выбор.

— Нет, это было бы слишком просто, — прошептала она. — Ты поверила, дорогая моя. Пусть на полдня, но *поверила.* Господи. Господи, что я наделала?!

Она швырнула смятое письмо на пол с таким видом, словно держала в руках дохлую крысу.

Я не сказала ему, из-за чего разозлилась; не дала ему возможности объясниться; просто... просто поверила — *и все. Почему? Ради Бога, почему?!*

Разумеется, она знала. Причина была в остром, стыдливом страхе, что ее ложь насчет гибели Келтона раскроется, снова вспомнятся все те трудности, которые она пережила в Сан-Франциско, взыграет комплекс вины за

смерть ребенка... и все это свалится на единственного в мире человека, мнение которого ее волновало.

И это было еще не все. *Далеко* не все.

Самое главное — это ее гордость: оскорбленная, раненая, взбешенная, проглоченная зловредная гордыня. Последняя монетка, без которой ее кошелек был бы уже совсем пуст. Она поверила, потому что впала в панику от стыда — стыда, порожденного гордыней.

Я всегда наслаждаюсь, работая с дамами, сохранившими в себе каплю гордости.

Горячая волна нестерпимой боли прокатилась по ее рукам; Полли застонала и прижала руки к груди.

Еще не поздно, мягко сказал мистер Гонт. *Еще не поздно, Полли, даже сейчас.*

— *А, на хрен гордость!* — крикнула Полли и сорвала *ацку* с шеи. Она подняла ее в зажатом кулаке высоко над головой и почувствовала, как серебряный шарик треснул, словно яичная скорлупа. — *НА ХРЕН ГОРДОСТЬ!*

Боль немедленно вгрызлась ей в руки, как злой и голодный зверь... но Полли вдруг поняла, что боль совсем не такая сильная, как она боялась; как говорится, даже близко не стоит. Она это знала, как знала и то, что Алан никогда не писал письма в Детский фонд Сан-Франциско, выспрашивая о ее прошлом.

— *НА ХРЕН ГОРДОСТЬ! НА ХРЕН! НА ХРЕН! НА ХРЕН!* — прокричала она и запустила *ацкой* в стену.

Талисман отскочил от стены, упал на пол и раскололся. Сверкнула молния, и Полли увидела две волосатые ножки, появившиеся в трещине. *Ацка* разломилась на две половинки, из нее выполз маленький паучок и деловито посеменил в ванную. Другая молния осветила комнату, запечатлевая на полу свою изломанную длинную тень, как электрическую татуировку.

Полли спрыгнула с кровати и побежала за пауком. Его надо убить, и немедленно... потому что эта тварь росла буквально у нее на глазах. Паук напитался ядом, высосан-

ным из ее тела, и теперь, освобожденный из своего заточения, он может достичь невероятных размеров.

Полли ударила по выключателю, и лампа дневного света над умывальником сонно заморгала. Паук направлялся к ванне. На пороге ванной он был не больше жука. Теперь же он стал размером с мышь.

Когда Полли вошла, паук развернулся и побежал к ней, отвратительно скрежеща ножками по плиткам. Полли успела подумать: эта тварь висела у меня на груди, я носила ее на себе, НОСИЛА ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ...

Тело паука было покрыто темно-коричневыми щетинками. Ими же заросли и тонкие ножки. Глаза, тусклые, как фальшивые рубины, таращились на нее... и она заметила два жала, торчавшие у него изо рта, как изогнутые вампирские клыки. Они сочились какой-то прозрачной жидкостью. Там, где капли попадали на пол, оставались маленькие дымящиеся дырочки.

Полли завопила и схватила вантуз, стоявший рядом с унитазом. Ее руки вопили в ответ нестерпимой болью, но она заставила их обхватить деревянную ручку вантуза и со всей силы врезала им по пауку. Тот отступил, волоча сломанную ногу. Полли пустилась в погоню.

Раненый или нет, он по-прежнему продолжал расти. Теперь он стал величиной с крысу. Набрякшее тельце едва волочилось по кафельным плиткам пола, но на душевую занавеску эта тварь забралась с неожиданным проворством. Ножки барабанили по прозрачному пластику, как маленькие водяные капельки. Кольца на стальной перекладине, державшей занавеску, позвякивали от его перемещений.

Полли замахнулась вантузом, как бейсбольной битой, тяжелая резиновая чаша со свистом прорезала воздух и снова ударила по отвратительной твари. Мембрана покрыла большой кусок, но, к сожалению, не нанесла существенного урона. Занавеска легко подалась, и паук сочно шлепнулся в ванну.

В ту же секунду свет погас.

Полли стояла в темноте, держа наготове свое импровизированное оружие и прислушиваясь к паучьей возне. Во время очередной вспышки молнии она увидела, что его выпуклая волосатая спинка приближается к краю ванны. Чудище, вылезшее из *ацки* величиной с наперсток, теперь было размером со взрослую кошку — чудовище, питавшееся кровью из ее сердца, хотя оно и утолило боль у нее в руках.

Конверт, который я оставила на заброшенной ферме... что было в нем?

Теперь, когда *ацка* больше не висела у нее на шее, когда боль проснулась и заставила руки молить о пощаде, она больше уже не могла убеждать себя, что ее задание не имело отношения к Алану.

Паучьи клыки щелкали по фаянсовому краю ванны, как будто кто-то нетерпеливо постукивал монеткой по твердой поверхности, пытаясь привлечь к себе внимание. Из-за края уже показались его лишенные выражения глаза тупой куклы.

Слишком поздно, говорили эти глаза. *Поздно для Алана, поздно для тебя. Для всех. Слишком поздно.*

Полли пошла в атаку.

— *Что ты заставил меня сделать?* — закричала она.— *Что ты заставил меня сделать? Чудовище, ЧТО ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ?!*

Паук поднялся на расставленных задних ногах, для равновесия цепляясь передними за занавеску. Он был готов к сражению.

5

Туз Мерилл сразу же зауважал дядьку, когда тот достал из кармана ключ и открыл замок ангара с большой красной надписью ВЗРЫВЧАТЫЕ ВЕЩЕСТВА на двери. Он зауважал его еще больше, когда, войдя внутрь, почувствовал

прохладу, услышал ровный гул кондиционера и увидел штабели ящиков. Промышленный динамит. МНОГО промышленного динамита. Это, конечно, не оружейный склад, набитый «стингерами»... но все равно, есть где развернуться. О да...

В бардачке микроавтобуса они обнаружили среди прочих полезных инструментов великолепный фонарь на восемь батарей, и теперь — когда Алан уже почти доехал до Касл-Рока, Норрис Риджвик сидел на кухне, сооружая петлю из крепкой пеньковой веревки, а сон Полли Чалмерс про тетю Эвви подталкивал ее к озарению, — Туз водил лучом фонарика по ящикам и щурился в предвкушении. По крыше ангара барабанил дождь. Он лил с такой силой, что Тузу на миг показалось, будто он попал обратно в тюремные душевые.

— Приступаем, — глухо сказал Бастер.

— Погоди, отец, — сказал Туз. — Сделаем перерыв. — Он вручил Бастеру фонарь и достал пластиковый пакет, который дал ему мистер Гонт. Отсыпав понюшку кокаина в углубление между основанием большого пальца и тыльной стороной ладони, он быстро втянул ее носом.

— Это что еще? — подозрительно спросил Бастер.

— Южноамериканский суперпорошок, вкусный, как я не знаю что.

— Ха, — поморщился Китон. — Кокаин. *Они* продают кокаин.

Тузу не нужно было спрашивать, *кто такие они. Этот* дядька всю дорогу только о них и болтал, и, судя по всему, еще прожужжит ему все уши.

— Неправда, отец, — сказал Мерилл. — *Они* его не продают. *Они*-то как раз хотят оставить весь марафет для себя. — Он отсыпал еще чуть-чуть порошка и протянул руку. — Попробуй сам и скажи, что я прав.

Китон посмотрел на него со смесью сомнения, любопытства и подозрительности.

— А чего ты меня постоянно отцом называешь? Я еще не такой старый, чтобы годиться тебе в отцы.

— Хм. Я сомневаюсь, что ты читал комиксы андеграунда, но есть один парень по имени Р. Крамб, — сказал Туз. — Так вот, он делает комиксы про парня по имени Зиппи. А ты мне напоминаешь Зиппиного папашу.

— А это хорошо? — спросил Бастер.

— Не то слово, — уверил его Туз. — Если хочешь, могу звать тебя мистер Китон. — Он подумал секунду и добавил: — Как *они*.

— Нет, — быстро ответил Бастер. — Все нормально. Естественно, если это не оскорбление.

— Конечно, нет, — сказал Туз. — Давай попробуй. Капелька этой дряни, и ты будешь петь «Хей-хо, хей-хо, уж в шахту мы идем»* до рассвета.

Бастер снова взглянул на него с нескрываемым подозрением, но потом все же вдохнул предложенный кокаин. Расчихался, закашлялся и замахал руками перед носом. Потом недобро уставился на Туза слезящимися глазами.

— *Жжет*!

— Только в первый раз, — радостно уверил его Туз.

— Так я все равно ничего не чувствую. Ладно, хватит дурачиться, давай грузить ящики в машину.

— Как скажешь, отец.

На погрузку у них ушло меньше десяти минут. Поставив последний ящик, Бастер сказал:

— Слушай, а эта твоя штуковина и впрямь пробирает. Еще угостишь?

— Без вопросов, отец, — ухмыльнулся Туз. — И даже составлю компанию.

Они нюхнули еще по одной и направились обратно в город. Бастер вел машину и теперь выглядел уже не как Зиппин папа, а как мистер Жаба из диснеевского «Ветра в ивах». В глазах главы городской управы появился новый, дикий блеск. Удивительно, как быстро прошли его страхи; теперь он разгадал все *их* намерения — каждый план, каждую задумку, каждую махинацию. Все это он объяснял

* Песенка гномов из диснеевской «Белоснежки».

Тузу, который сидел в глубине кузова, скрестив ноги, и развлекался тем, что подключал к взрывателям таймеры. На какое-то время Бастер напрочь забыл про Алана Пангборна, *их* руководителя. Его полностью захватила идея взорвать весь Касл-Рок — ну, пусть не весь, а сколько получится, — к чертям собачьим.

Уважение Туза к этому человеку переросло в безусловное восхищение. Старик явно сбрендил, а Туз *любил* ненормальных — всегда любил. Рядом с ними он себя чувствовал очень уютно. К тому же, как и большинство людей, впервые попробовавших кокаин, отец сейчас витал в межзвездных глубинах. Он не мог закрыть рот. Все, что нужно было делать Тузу, это время от времени поддакивать: «Ага!», или «Точно, отче!», или «Ну дык, отец!».

Пару раз он чуть было не назвал Китона мистером Жабой, но вовремя удержался. Это было бы непростительной ошибкой.

Проехав Оловянный мост (Алан в этот момент находился милях в трех от того места), они остановились и вылезли под проливной дождь. Туз обнаружил старую тряпку в одном из многочисленных кармашков на внутренней стенке микроавтобуса и завернул в нее связку динамита, уже оснащенную таймером и взрывателем.

— Помощь нужна? — нервно осведомился Бастер.

— Отец, предоставь это мне. Ты еще свалишься в воду, а мне тебя потом вылавливать, время терять. Просто сиди — не зевай, и все будет путем.

— Хорошо, Туз... а давай-ка еще нюхнем этого твоего порошка?

— Не сейчас, — снисходительно улыбнулся Туз, похлопав Бастера по мясистому плечу. — Это же очищенная дрянь, концентрат. Ты что, хочешь взорваться?

— Я — нет, — сказал Бастер. — Все остальное — сколько угодно, но я — извините. — Он залился хохотом счастливого идиота. Туз тоже расхохотался.

— Кайфуешь, отец?

Бастер с удивлением обнаружил, что это правда. Его депрессия после... после того, что случилось с Миртл... прошла без следа. Теперь все это казалось таким далеким. Он чувствовал, что теперь они с его новым чудесным другом Тузом Мериллом держат *их* там, где *им* самое место — в своем кулаке.

— Еще как, — ответил он и помог Тузу, прижимавшему к животу заряд динамита, замотанный в тряпку, спуститься по мокрому травянистому склону правее моста.

Под мостом было относительно сухо; хотя это было не так уж и важно — и динамит, и взрыватели не боялись воды. Туз уложил свою ношу на стык, образованный двумя распорками, потом воткнул провода, идущие от взрывателя — заранее оголенные, — в динамитные шашки. Потом выставил на 40 большой белый циферблат. Таймер затикал.

Туз выбрался из-под моста и вскарабкался по скользкому склону.

— Ну? — встревоженно спросил Бастер. — Как думаешь, взорвется?

— Взорвется, — уверенно заявил Туз и забрался в машину. Он промок до нитки, но это его не пугало.

— А если *они* найдут? Найдут бомбу и отсоединят провода до....

— Отец, — сказал Туз. — Послушай. Высунь наружу башку и *прислушайся*.

Бастер так и сделал. Очень слабо, сквозь раскаты грома, до них доносились отдаленные крики и вопли. А потом раздался ясный, хоть и приглушенный, звук пистолетного выстрела.

— Мистер Гонт нашел им занятие, — объяснил Мерилл. — Он хитрющий сукин сын. — Высыпав немного кокаина в ямочку на тыльной стороне ладони, он со свистом втянул в себя веселящий порошок и протянул руку Бастеру. — Давай, папаша, время пить «Херши».

Бастер наклонился и шмыгнул носом.

Они отъехали от моста минут за семь до того, как его пересек Алан Пангборн. Черная стрелка таймера стояла на тридцати.

6

Туз Мерилл и Дэнфорд Китон — он же Бастер, он же Зиппин папа, он же Жаба из Жабс-холла — медленно ехали под проливным дождем по Главной улице, оставляя тут и там маленькие пакетики с «подарками»; ну прям — Санта-Клаус и его маленький эльф-помощник. Дважды мимо них с ревом проносились машины полиции штата, совершенно не обращая внимания на еще одних «этих телевизионщиков», болтающихся под ногами. Как Туз и говорил, мистер Гонт нашел *им* занятие.

Они оставили пять шашек и таймер на входе в похоронное бюро Сэмюэлса рядом с парикмахерской. Туз обернул локоть платком и высадил витрину парикмахерской. Он сильно сомневался, что тут стоит сигнализация... а если даже и стоит, вряд ли полиция поедет по этому вызову. Бастер подал ему свежеприготовленную бомбу — под одним из сидений машины они нашли моток провода и воспользовались им для того, чтобы приматывать таймеры и взрыватели к динамитным шашкам, — и Туз запустил ее в дыру. Они зачарованно смотрели, как она подкатилась к креслу № 1. Начало отсчета на таймере было установлено на отметке 25.

— Тут еще долго никто не побреется, — выдохнул Туз.

Бастер беззвучно захихикал.

Потом они разделились. Туз заминировал «Галаксию», а Бастер подложил адскую машинку в дежурное окошко банка. Когда они вернулись к машине, в который раз промокшие насквозь, небо вспорола мощная молния. Старый вяз рухнул в реку с предсмертным скрежетом. Оба диверсанта на секунду застыли на месте, думая об одном

и том же: взрывчатка на мосту сработала на двадцать минут раньше, чем надо. Но с другой стороны, ни всполохов, ни пламени не было видно.

— Молния, наверное, — сказал Туз. — В дерево попала.

Они отъехали от тротуара — теперь за рулем сидел Туз. Мимо них проехала машина Алана Пангборна. Дождь стоял сплошной стеной, так что они даже не заметили друг друга.

Подъехав к закусочной Нан, Туз снова разбил локтем дверное стекло и закинул внутрь динамит с таймером, установленным на 20 минут. Пакет приземлился около кассы. Когда он садился в машину, невероятно яркая вспышка осветила город и сразу следом за ней погасли все огни.

— Электричество! — радостно завопил Бастер. — Подстанцию вырубило! Фантастика! Поехали к муниципалитету! Давай разнесем его!

— Пап, там полиции столько, что они скоро друг друга начнут арестовывать! Ты что, сам не видел?!

— Да ну, они за собственными хвостами гоняются, — нетерпеливо отмахнулся Бастер. — А когда сработают наши сюрпризы, они будут ловить свои хвосты в два раза быстрее. К тому же сейчас темно, и мы можем зайти со стороны суда. У меня есть ключи.

— Слышь, отец, у тебя яйца не то что стальные, они какие-то твердосплавные. Завидую.

Бастер натянуто улыбнулся:

— Не скромничай, Туз, не скромничай.

7

Алан припарковался у «Нужных вещей», выключил зажигание и пару минут просто сидел, глядя на магазин мистера Гонта. На табличке, висевшей на двери, теперь было написано:

You say hello
I say goodbye goodbye goodbye
I don't khow why you say hello
I say goodbye

В электрической вспышке молнии окно на миг стало похоже на мертвый, пустой глаз.

Однако инстинкт подсказывал Алану, что даже при том, что на первый взгляд «Нужные вещи» закрыты, это еще не значит, что там внутри никого нет. Да, конечно, мистер Гонт мог воспользоваться суматохой и смыться из города — сейчас, когда бушует гроза и полицейские носятся по улицам, как петухи с отрубленными головами, это не составило бы проблемы. Но образ мистера Гонта, сложившийся в голове Алана в ходе долгой поездки из Бриджстонского госпиталя, походил на Джокера, извечного соперника Бэтмена. Ему казалось, что сейчас он имеет дело с человеком, который считает вершиной остроумия установить в унитазе приятеля мощный насос, способный залить дерьмом небольшой город. Разве может такой тип — из тех, что для смеха подкладывают кнопки на стул или прячут спички тебе в туфли, — разве может он уехать раньше, чем ты сядешь на стул или обнаружишь, что у тебя горят носки и уже занимаются брюки? Конечно, нет! Так не интересно!

Ты где-то здесь, подумал Алан. *Собираешься насладиться представлением. Да, сукин ты сын?*

Он сидел, глядя на магазин с зеленым навесом над дверью и пытаясь проникнуть в замыслы человека, который смог выстроить и привести в действие такую сложную цепь ловушек и интриг. Он так сильно задумался, что не обратил внимания, что машина, стоявшая слева от него, была довольно старая, хотя и сконструированная весьма изящно, по-современному обтекаемо. Вообще-то это был «таккер-талисман» мистера Гонта.

Как ты все это провернул? У меня, конечно, много вопросов, но на сегодня мне бы хватило и этого. Как ты

умудрился? Как ты умудрился столько узнать о всех нас за такое короткое время?

Брайан сказал, что мистер Гонт — вообще не человек.

При свете дня Алан посмеялся бы над этими словами, как посмеялся над тем, что талисман Полли имеет какую-то волшебную оздоровительную силу. Но сейчас, темной ночью, зажатой в кулаке взбесившейся бури, он сидел, глядя в витрину, превратившуюся в слепое бельмо, и эта мысль казалась совсем не смешной. Он вспомнил день, когда подъехал к «Нужным вещам» специально для того, чтобы встретиться и поговорить с мистером Гонтом, вспомнил то странное ощущение, которое охватило его, когда он попытался всмотреться в темноту сквозь стекло витрины. Он почувствовал, что за ним наблюдают, хотя в магазине явно никого не было. Причем наблюдают со злостью, с ненавистью. Ощущение было настолько сильным, что он даже принял свое собственное отражение за недоброе (и призрачное) лицо кого-то другого.

Ощущение было сильным... очень сильным.

Алан вспомнил еще кое-что — слова, которые в детстве слышал от бабушки: *Речи дьявола сладки.*

Брайан сказал...

Как мистеру Гонту удалось так тонко почувствовать здешнюю ситуацию? И что, во имя всего святого, ему понадобилось в этом Богом забытом местечке, в Касл-Роке?

...что мистер Гонт — вообще не человек.

Внезапно Алан нагнулся и принялся шарить на полу под пассажирским сиденьем. Он уже было решил, что вещь, которую он искал, вывалилась из машины — в течение этого долгого дня пассажирская дверца открывалась не раз, — но когда он уже отчаялся, пальцы натолкнулись на металлический цилиндр. Он закатился далеко под кресло. Алан вытащил его оттуда, поднял... и тут голос депрессии, молчавший с тех пор, как Алан вышел из палаты Шона Раска (или он просто был слишком занят, чтобы

обращать на это внимание), снова заговорил. Голос был бодр и подозрительно счастлив.

Привет, Алан! Здравствуй! Извини, я тут пропал ненадолго, но теперь я снова с тобой! Что у тебя там? Банка с орехами? Не-а... так только кажется. Это последний «сюрприз», купленный Тоддом в магазине в Оберне, да? Фальшивая банка, вместо орехов там зеленая змея, жатая бумага, обернутая вокруг пружины. И когда он принес ее тебе, его глаза горели, и он радостно улыбался, а ты сказал, чтобы он положил эту дурацкую штуку обратно, да? Он сразу сник, а ты сделал вид, что не заметил этого, и сказал... сейчас, секундочку. Что ты ему сказал?

— Что дурак и деньги расходятся быстро, — медленно проговорил Алан. Он повертел банку в руках, вспоминая лицо Тодда. — Именно так я и сказал.

Аааа, тоооочно! — согласился голос. *Как же я мог забыть? Так ты хотел поговорить о злых, черствых людях? Ежкин кот! Хорошо, что напомнил! Хорошо, что ты нам ОБОИМ напомнил, правда? Только Энни сумела спасти ситуацию. Она сказала, что ему можно купить игрушку. Она сказала... сейчас, секундочку. Что она сказала?*

— Она сказала, что это забавно, и что Тодд точно такой же, как я, и что детство бывает раз в жизни. — Голос Алана стал хриплым и дрогнул. Он снова заплакал... а почему бы и нет? Черт подери, почему бы и нет?! Старая боль вернулась и ходила кругами у сердца, как голодная крыса.

Больно? — спросил голос депрессии, виноватый, ненавидящий сам себя. Спросил с сочувствием, которое Алан (*остальной* Алан) считал абсолютно наигранным. *Слишком больно, да? Это как жить в грустной песне про то, как ушла любовь и умерли дети. То, что причиняет такую боль, вряд ли на что-нибудь пригодится, приятель. Забудь об этом. На следующей неделе, когда кончится вся эта кутерьма, ты купишь себе вагон таких милых приколов. Такие шутки веселят только детей либо людей вроде этого мистера Гонта. Забудь об этом. Забудь...*

Алан оборвал голос на полуслове. До последнего момента он не знал, что будет делать, а эта задумка казалась ему интересной и правильной, она могла бы пригодиться на будущее... если у него вообще *было* будущее. Он присмотрелся к банке, вертя ее в руках, присмотрелся *нормально* и увидел в ней не только сентиментальное напоминание о погибшем сыне, но и инструмент для отвлечения внимания, вроде дурацкой волшебной палочки, шелкового цилиндра с двойным дном или бумажного букета, все еще спрятанного у него под часами.

Магия... разве не в этом все дело? Злая, черная магия; волшебство, которое, вместо того чтобы заставлять людей удивляться и радоваться, превращает их в разъяренных быков... но все равно волшебство. А в чем главный секрет любой магии? Обман! *Пятифутовая змея в банке из-под орехов... или,* подумал он, имея в виду Полли, *болезнь, притворившаяся исцелением.*

Он открыл дверцу и вышел под дождь, держа в левой руке банку с сюрпризом. Теперь, избежав опасной ловушки сантиментов, он с некоторым удивлением вспоминал, что когда-то не захотел купить эту вещицу. Всю свою жизнь он увлекался фокусами, и, разумеется, в детстве прикол со «змеей в банке» вызвал бы у него дикий восторг. Почему же он так холодно говорил с Тоддом, когда мальчик захотел ее купить? Почему притворился, что не заметил обиды ребенка? Завидовал его юности и восторгу? Способности удивляться простым вещам? В чем причина?

Алан не знал. Зато он знал, что это был как раз такой трюк, какой бы понравился мистеру Гонту, и хотел немедленно устроить представление.

Он влез обратно в машину, вытащил фонарь из небольшого ящика с инструментами, валявшегося на заднем сиденье, и, обогнув бампер «таккера-талисмана» мистера Гонта (так и не обратив на него внимания), зашел под темно-зеленый навес над входом в «Нужные вещи».

8

Ну, вот я и тут. Наконец-то.

Сердце у Алана билось быстро, но ровно. Лица сына, жены и Шона Раска почему-то слились в его сознании воедино. Он посмотрел на табличку и подергал дверь. Закрыто. Ткань навеса у него над головой хлопала под порывами ветра.

Банку с «орехами» он положил в карман куртки. Теперь, касаясь ее правой рукой, он получал странную, но тем не менее реальную подпитку.

— Ладно, — прошептал он. — Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват.

Он повернул фонарик и его рукояткой пробил дырку в стекле. Приготовился услышать вой сигнализации, но его не было. То ли мистер Гонт ее не включил, то ли ее там не было вообще. Алан просунул руку сквозь ощерившееся осколками отверстие и отпер дверь. Она открылась, и Алан Пангборн впервые вошел в «Нужные вещи».

Первое, что его поразило, — запах, затхлый и пыльный. В новом магазине так пахнуть не должно; так пахнет в помещении, которое много лет простояло пустым. Держа в правой руке пистолет, а в левой — фонарь, Алан обследовал комнату. Голый пол, голые стены, несколько стеклянных шкафов. Шкафы абсолютно пустые. Все покрыто толстым слоем пыли.

Здесь уже очень давно никого не было.

Но как такое возможно, если он сам видел людей, всю неделю входивших и выходивших через эту дверь?

Потому что он не человек вовсе. Потому что речи дьявола сладки.

Алан сделал еще два шага вперед, вдыхая висевшую в воздухе музейную пыль. Оглянувшись назад, он увидел при отблеске молнии цепочку своих собственных следов. Потом он снова направил фонарик вперед, провел им справа налево вдоль стеклянного прилавка... и остолбенел.

Там стояли видеомагнитофон, а рядом — переносной телевизор «Сони», новая модель со скругленными углами и ярко-красного цвета, как пожарная машина. Шнур с вилкой накручен вокруг телевизора. На самом видаке лежит что-то похожее на книгу, но Алан сомневался, что это книга.

Он подошел поближе и сначала осмотрел телевизор. Как и все остальное, он был покрыт толстым слоем пыли. Алан осветил предмет, лежавший на видеомагнитофоне. Это оказалась видеокассета в черной коробке без надписей.

Рядом с ней лежал пыльный белый конверт с надписью:

ВНИМАНИЮ ШЕРИФА АЛАНА ПАНГБОРНА

Он положил пистолет и фонарь на прилавок, взял конверт, открыл его и вынул сложенный листок. Чтобы прочесть короткое послание, ему пришлось снова взять фонарь и нацелить световой кружок на бумагу.

Дорогой Шериф Пангборн.

Теперь вы уже знаете, что я не совсем обычный коммерсант. Я принадлежу к тем немногочисленным продавцам, которые на самом деле предлагают «каждому — свое». Я сожалею, что нам так и не удалось встретиться лично, но, надеюсь, вы поймете, что пойти на подобный шаг было бы крайне неблагоразумно — по крайней мере с моей стороны. Ха-ха! В любом случае я оставил для вас одну вещь. Думаю, что она вас заинтересует. Это не подарок — я вовсе не Санта-Клаус, с чем вы, наверное, согласитесь, — но все в этом городе уверяли меня, что вы — человек честный и непременно заплатите цену, которую я запрошу. Эта цена включает в себя одно небольшое задание... задание, которое в вашем случае представляет собой скорее доброе дело, нежели злую шутку. Полагаю, и тут вы со мной согласитесь, сэр.

Я знаю, как мучительно вы размышляли над последними минутами жизни своих жены и младшего сына,

пытаясь разобраться в причинах. Я уверен, что вы очень скоро получите ответы на все вопросы.

Желаю вам всего наилучшего, засим остаюсь

Ваш преданный и покорный слуга

Лиланд Гонт.

Алан медленно убрал листок обратно в конверт.

— Мерзавец! — прошептал он.

Он еще раз осветил технику фонарем и увидел, что шнур питания видеомагнитофона проходит вдоль прилавка, а вилка лежит на полу в нескольких футах от ближайшей розетки. Да и какая, собственно, разница, если сейчас во всем городе нет электричества?!

Ну и что? — подумал Алан. Это не важно. *Если включить телевизор и вставить кассету в видак, все и так заработает. Потому что нельзя делать то, что делал Гонт, нельзя знать того, что он знал... будучи человеком. Речи дьявола сладки, Алан, и не стоит смотреть эту кассету, которую он оставил тебе. Не стоит.*

Но он все равно отложил фонарь и взял в руки антенный кабель. Поняв его в руках, Алан вставил его в соответствующее гнездо телевизора. При этом банка со змеей выскочила из кармана. Он успел ее поймать у самого пола и поставил на прилавок рядом с видеомагнитофоном.

9

Норрис Риджвик проехал уже половину пути до «Нужных вещей», когда осознал, что было бы глупо — даже глупее, чем он вел себя до того, а вел он себя, прямо скажем, по-идиотски, — тягаться с мистером Гонтом в одиночку.

Он схватил микрофон рации.

— Номер два вызывает базу. Это Норрис, прием.

Он отпустил кнопку. Ничего, кроме бешеных завываний статики. Гроза бушевала прямо над Касл-Роком.

— А ну ее, — сказал он и свернул к зданию муниципалитета. Алан должен быть там; а если нет, то там по крайней мере знают, где он. Алан придумает, что делать... и в любом случае выслушает его исповедь: он проткнул покрышки на машине Хью Приста и отправил человека на смерть, потому что он, Норрис Риджвик, хотел заиметь такую же базуновскую удочку, какая была у его любимого папочки.

Он подъехал к зданию муниципалитета, когда таймер бомбы, заложенной под мостом, стоял уже на отметке «5 минут», и припарковался прямо за ярко-желтым микроавтобусом. Судя по виду, он принадлежал телевизионщикам.

Норрис выскочил под проливной дождь и поспешил в управление, очень надеясь застать там Алана.

10

Полли сделала еще один выпад вантузом в сторону паука, вставшего на дыбы, но на этот раз тварь не стала уворачиваться. Ее щетинистые лапы вцепились в ручку, и несчастные руки Полли буквально взвыли от боли, приняв на себя дополнительный вес. Ее хватка ослабла, вантуз опустился, и паук тут же вскарабкался по ручке, как толстяк по канату.

Она сделала вдох, чтобы закричать, но тут его передние лапки коснулись ее плеч, словно шаловливые пальцы наемного танцора. Его тусклые глазки смотрели ей прямо в глаза. Клыкастая пасть разверзлась, и Полли почувствовала его дыхание — смесь ароматов горьких пряностей и гниющего мяса.

Она открыла рот, чтобы закричать, и одна из паучьих лапок зацепилась за ее губу. Грубые, отвратительные щетинки прошлись по ее зубам и языку. Паук радостно запищал.

Полли подавила первый позыв выплюнуть эту кошмарную, пульсирующую штуку. Она отпустила вантуз и схватилась за ногу паука, одновременно прикусив изо всех сил ту, что была у нее во рту. Что-то хрустнуло, и рот наполнился холодной горечью — будто она отхлебнула остывшего крепкого чаю, который простоял в чашке с утра до вечера. Паук издал болезненный вопль и попытался вырваться. Щетинки яростно царапали Поллины кулаки, но она успела сжать руки, которые разрывались болью... и выкрутила его лапу, как куриную ножку. Раздался глухой хруст. Паук снова заверещал.

Он все еще пытался удрать. Выплюнув горькую жидкость и понимая, что пройдет еще не один день, прежде чем она избавится от этого привкуса, Полли притянула его обратно. Она и сама удивилась этой демонстрации силы, но в душе она знала, в чем дело. Ей было страшно, она возмущалась... но больше всего она злилась.

Мной воспользовались, вдруг подумалось ей. *Я продала жизнь Алана вот за это чудовище.*

Паук попытался вцепиться в нее своими жвалами, но его задние ноги ослабили хватку, и он упал бы... если бы Полли ему позволила.

Она обхватила его жаркое, извивающееся тело и сжала со всей силы, подняв его так, что он корчился, суча и дергая лапками, прямо у нее над головой. Из него сочилась кровь и еще какая-то черная жидкость. Все это текло по ее рукам обжигающими струйками.

— *ХВАТИТ!* — закричала Полли. — *ХВАТИТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ!*

Она отшвырнула паука прочь. Он шлепнулся о выложенную кафелем стену позади ванны и распластался там среди подтеков склизкого гноя. Повисев так какое-то время, удерживаемый собственными вывалившимися внутренностями, он шмякнулся в ванну.

Полли снова схватила свой экскалибур-вантуз и бросилась вперед. Она попыталась добить паука, как женщины обычно бьют веником мышь, но это не сработало. Паук

лишь содрогнулся и пытался уползти, скребя лапками по резиновому коврику, украшенному желтыми маргаритками. Полли развернула вантуз и заработала ручкой, как копьем.

Ей удалось найти жизненный центр у этой злобной, уродливой твари, и она налегла на него всем телом. Раздался громкий хруст, паучьи внутренности лопнули и вонючим потоком понеслись к стоку. Тварь судорожно выгнулась, тщетно царапая ручку, вонзившуюся в ее сердце... и наконец затихла.

Полли отступила назад, закрыла глаза и почувствовала, что все вокруг плывет. Она уже теряла сознание, когда у нее в голове ослепительным фейерверком взорвалось имя Алана. Она сжала кулаки и уперла их друг в друга, косточку в косточку. Боль была сильной, резкой и отрезвляющей. Мир вернулся обратно холодной вспышкой.

Она открыла глаза, подошла к ванне и заглянула в нее. Сначала она не увидела вообще ничего. Но потом, рядом с резиновой чашкой вантуза, она заметила паучка. Размером он был не больше ноготка у нее на мизинце и совсем-совсем мертвый.

И больше ничего не было. Все остальное — лишь твое воображение.

— Хрена с два, — сказала Полли тихим, срывающимся голосом.

Но паук был уже неактуален. Сейчас главное — Алан. Ему грозила опасность, и виновата в этом была она. Нужно немедленно найти его, пока не поздно.

Если *уже* не поздно.

Надо ехать в полицейский участок. Там знают, где...

Нет, вмешался голос тети Эвви. *Не туда. Так ты опоздаешь. Ты знаешь, куда надо ехать. Ты знаешь, где он.*

Да.

Она знала.

Полли побежала к двери с одной-единственной мыслью, бьющейся в голове, словно крылья трепещущего

мотылька: *Боже, пожалуйста, пусть он ничего там не покупает... Боже, прошу тебя, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть он ничего там не покупает.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

Часовой механизм под мостом через реку Касл, с незапамятных времен известным всем жителям Касл-Рока как Оловянный мост, достиг нулевой отметки в 7.38 вечера во вторник 15 октября в год 1991-й от Рождества Христова. Слабый электрический импульс, который должен был привести в действие звонок, лизнул контакты реле девятивольтовой батареи, питавшей адскую машинку. Звонок прозвенел, но он — как и весь таймер — разлетелся на куски через долю секунды после того, как ток прошел через взрыватель, подорвавший динамит.

Лишь немногие в Касл-Роке приняли взрыв за раскат грома. Гром был как небесная тяжелая артиллерия, а взрыв походил на выстрел из гигантского ружья. Южная сторона моста, который, само собой, был построен не из олова, а из старого, ржавого железа, слетела с быков сплюнутым огненным шаром. Она поднялась в воздух футов на десять, превратившись в слегка изогнутый пандус, и рухнула обратно в хрусте крошащегося бетона и стоне рвущейся стали. Противоположный конец моста тоже сдвинулся с места, и все сооружение косо сползло в практически вышедший из берегов поток. Южный край лег на срубленный молнией вяз.

На Касл-авеню, где католики и баптисты — и еще около дюжины полицейских — усердно продолжали свои дебаты, драка на миг замерла. Все сражавшиеся уставились на огненный гриб у реки. Альберт Гендрон и Фил Бургмайер, который до этого увлеченно его мутузил, теперь стояли плечом к плечу, всматриваясь в пламя. По лицу

Альберта текла кровь из раны на виске, рубашка Фила была вся разорвана.

Рядом, верхом на отце Брайхеме, тучным и белым (из-за своего платья, похожего на униформу) грифом сидела Нан Робертс. Вцепившись в волосы святого отца, она ритмично долбала его головой об асфальт. Тут же распростерся и преподобный Роуз. Он лежал без сознания в результате яростных поучений отца Брайхема.

Генри Пейтон, успевший после прибытия в Касл-Рок потерять зуб (не говоря уже об иллюзиях о достижении в Америке религиозной гармонии), замер, так и не отодрав Тони Мислабурски от баптистского дьякона Фреда Мелона.

Они *все* застыли, как дети в игре «морские фигуры».

— Господи Иисусе, это ж мост! — прошептал Дон Хемфилл.

Генри Пейтон решил воспользоваться заминкой. Он оттащил в сторону Тони Мислабурски, сложил ладони рупором и закричал:

— *Так, слушайте все! Я из полиции штата! Я вам приказываю...*

Но тут подала голос Нан. Долгие годы она тренировала глотку, переправляя заказы на кухню, причем перекрикивала любой шум. Ясное дело, она легко переорала Пейтона.

— ПРОКЛЯТЫЕ КАТОЛИКИ ИСПОЛЬЗУЮТ ДИНАМИТ! — проревела она.

Хотя ряды участников драки заметно поредели, эту нехватку они восполнили яростным энтузиазмом.

Бойня возобновилась с прежней силой, распавшись на мелкие локальные стычки по всему пятидесятиярдовому куску дороги.

2

Буквально за пару секунд до того, как взорвался мост, Норрис Риджвик ворвался в контору шерифа с воплем:

— *Где шериф Пангборн? Мне нужен шериф Па...*

Он заткнулся на полуслове. Кроме Ситона Томаса и какого-то молоденького салаги-полицейского, в конторе не было никого.

Куда все подевались? Там, снаружи, стоят чуть ли не шесть сотен патрульных машин полиции штата и всяких других фургончиков, джипов и микроавтобусов. В том числе и его «фольксваген», который наверняка получил бы первый приз на конкурсе раздербаненных машин. Он, кстати, так и лежал на боку, как его перевернул Бастер.

— Господи Иисусе! — выдохнул Норрис. — Да где же все?!

Юнец из полиции штата — ему, наверное, еще и выпивку не продавали — посмотрел на форму Норриса и сказал:

— Там где-то на улице идет драка... я не понял, то ли христиане против каннибалов, то ли еще хрень какая. Я тут остался, чтобы поддерживать связь, но из-за грозы рации не работают. — Он помолчал и подозрительно добавил: — А ты кто такой?

— Помощник шерифа Риджвик.

— Ага. А я Джо Прайс. Что у вас тут происходит, в городе? День открытых дверей в сумасшедшем доме?

Норрис пропустил вопрос мимо ушей и пошел прямо к Ситону Томасу. Лицо у Ситона было синюшным, и дышал он с большим трудом, прижимая морщинистые руки к груди.

— Сит, где Алан?

— Не знаю. — Ситон посмотрел на Норриса тусклым, испуганным взглядом. — Что-то недоброе происходит, Норрис. Что-то очень плохое. По всему городу. Все телефоны вырубились, хотя этого быть не должно, кабели вроде уже давно в землю упрятали. Но я даже рад, что они молчат. Рад потому, что не хочу ничего знать.

— Тебе надо в больницу, — сказал Норрис, с жалостью глядя на старика.

— Мне надо в Канзас, — угрюмо пошутил Сит. — А пока что я буду сидеть тут и ждать, пока все не кончится. И я...

Тут со стороны реки раздался взрыв, оборвав его на полуслове, — сухой вибрирующий грохот, когтем пропоровший ночь.

— *Боже!* — хором воскликнули Норрис и Джо Прайс.

— Во-во, — сказал Сит Томас своим усталым, испуганным и ворчливым, но почему-то вовсе не удивленным голосом. — Похоже, они весь город собрались поднять на воздух. И похоже, что так и будет.

Старик неожиданно расплакался.

— Где Генри Пейтон? — заорал Риджвик патрульному Прайсу. Тот не удостоил его ответом — он побежал к двери, чтобы посмотреть на взрыв.

Норрис глянул на Ситона Томаса, но тот мрачно таращился в никуда. Слезы медленно катились по его лицу, капая на руку, прижатую к середине груди. Норрис последовал за патрульным Прайсом и наткнулся на него на стоянке при здании муниципалитета, где давным-давно, тысячу лет назад, Норрис оштрафовал красный «кадиллак» Бастера Китона. Столб умирающего пламени был виден в ночи отчетливо и ясно, и в его свечении было видно, что Оловянного моста больше нет. Светофор в конце улицы был повален на землю.

— Матерь Божия, — потрясенно прошептал патрульный Прайс. — Слава Богу, что это *не мой* город. — Отблески огня окрасили его щеки розовым и зажгли глаза лихорадочным блеском.

Норрис понимал, что надо как можно скорее найти Алана. Он решил, что лучше всего взять машину и сначала попробовать разыскать Генри Пейтона. Если там и вправду происходит что-то серьезное, то он наверняка сейчас там. Кстати, вполне вероятно, что и Алан тоже.

Он уже собирался садиться в машину, когда в свете молнии увидел две фигуры, которые показались из переулка из-за угла здания суда. Они направлялись к желтому телевизионному микроавтобусу. Насчет одного из них Норрис не был уверен, кто это, но что касается второго —

упитанного и чуть кривоногого, — тут ошибки быть не могло. Это был Дэнфорд Китон.

Норрис Риджвик сделал два шага вправо и прислонился спиной к кирпичной стене. Он выхватил револьвер, поднял его, нацелив в дождливое небо, и заорал со всей мочи:

— *СТОЯТЬ!*

3

Полли подала машину назад, включила дворники и повернула налево. К боли в кистях присоединилось теперь и тяжелое жжение в предплечьях, куда попала та дрянь, брызнувшая из паука. Он был ядовитым, и его яд, кажется, продолжал действовать. Но сейчас у нее не было времени переживать об этом.

Когда взорвался мост, она как раз остановилась на светофоре на перекрестке Главной и Лорель. Вздрогнув от неожиданности, она завороженно уставилась на оранжевое зарево, поднимавшееся над рекой. В первый миг силуэт моста был виден очень отчетливо, черные палочки на фоне яркого света, а потом его поглотило пламя.

Полли свернула на Главную, в сторону «Нужных вещей».

4

Давным-давно Алан Пангборн серьезно увлекался любительской киносъемкой — он и не представлял себе, сколько народу утомил до слез своими дергающимися фильмами, которые он проектировал на простыню, растянутую на стене в гостиной. Его произведения были посвящены детям в пеленках, детям, неуверенно ковыляющим по комнате, Энни, купающей сыновей, дням рождения, выездам на природу. В таких любительских фильмах

словно принят негласный закон: когда камера направлена на тебя, надо либо помахать рукой, либо скорчить смешную рожу, либо и то и другое вместе. Если ты так не сделаешь, то тебя могут арестовать по обвинению в безразличии второй степени, что повлечет за собой наказание до десяти лет просмотра бесконечных катушек дрожащих домашних фильмов.

Пять лет назад он переключился на видеокамеру, работать с которой было дешевле и легче... и вместо того, чтобы мучить людей 10–15-минутными шедеврами, занимавшими 3–4 катушки восьмимиллиметровой пленки, стал мучить их уже часами, даже не меняя кассеты.

Алан достал кассету из коробки. Никаких наклеек. *Ладно,* подумал он. *Хорошо. Сам должен все выяснить, так?* Он протянул руку к кнопке включения видеомагнитофона... и замер.

Лица Тодда, Шона и жены вдруг поблекли, и вместо них перед мысленным взором возникло бледное, испуганное лицо Брайана Раска, каким Алан запомнил его с их последней встречи.

Брайан, у тебя очень подавленный вид.

Да, сэр?

«Да, сэр»... Это значит, что ты и вправду подавлен?

Да, сэр... и если вы нажмете на эту кнопку, то тоже будете очень подавлены. Он хочет, чтобы вы посмотрели кассету, но мистер Гонт ничего не делает задаром. Он хочет вас отравить. Так же как он отравил всех остальных.

И все же ему *нужно было* ее посмотреть.

Он прикоснулся к кнопке, погладил пальцами ее мягкий квадратик. Потом поднял голову и осмотрелся. Да. Гонт где-то здесь. Рядом. Алан чувствовал его присутствие — тяжелое, угрожающее и обманчивое. Он подумал о записке, оставленной мистером Гонтом. *Я знаю, как мучительно вы размышляли над последними минутами жизни своих жены и младшего сына, пытаясь разобраться в причинах...*

Не делайте этого, шериф, прошептал Брайан Раск. Алан вспомнил мертвенно-бледное, страдающее лицо мальчика — мальчика, который скоро убьет себя, — над пенопластовым холодильником в багажнике велосипеда. Холодильником, полным бейсбольных карточек. *Не трогайте прошлое. Так будет лучше. А он врет; и вы это знаете.*

Да. Он это знает. Это он знал.

И все же он *должен был* посмотреть.

Алан нажал на кнопку.

На панели сразу же загорелся маленький зеленый огонек. Видеомагнитофон работал, есть ли свет, нет ли света — это было не важно, как Алан и подозревал. Он включил телевизор, сексуально-красный «Сони», и через секунду свечение «снега» на третьем канале залило его лицо белесым цветом. Алан нажал на кнопку выброса кассеты, крышка магнитофона открылась, и оттуда выдвинулась кассетница.

Не делайте этого, снова прошептал Брайан Раск, но Алан его не слушал. Он вставил кассету, нажал на крышку и вслушался в механические щелчки головок, лизавших ленту. Потом глубоко вздохнул и нажал кнопку PLAY. Яркую белизну на экране сменила мягкая чернота, перешедшая в грифельно-серый фон, на котором замелькали цифры: 8... 7... 6... 5... 4... 3... 2... X.

Потом включился кусок дрожащей, сделанной «с руки» съемки. На переднем плане, немного не в фокусе, дорожный знак. На нем написано — 117, но Алан знал это и так. Он знал этот отрезок дороги как свои пять пальцев. Он узнал сосновую рощицу, именно туда и скатился «скаут», вписавшись капотом в самое большое дерево.

Но на деревьях на кассете не было шрамов от аварии, хотя на самом деле они были видны до сих пор, достаточно просто приехать и посмотреть (и он приезжал и смотрел; много раз). Алану стало по-настоящему страшно, когда он осознал — не по неповрежденной коре деревьев

и повороту дороги, а по голосу сердца, — что эту запись сделали в тот день, когда погибли Энни и Тодд.

Сейчас он увидит, как это произошло.

Это никак не возможно, но тем не менее... Сейчас он увидит, как разобьются его жена и сын.

Выключи! — кричал Брайан. *Выключи, он плохой человек и продает плохие вещи! Выключи, пока не поздно!*

Но Алан не мог выключить пленку, как не мог остановить сердце одной силой мысли. Он замер, словно парализованный. Он не мог даже пошевелиться.

Камера, нелепо дергаясь, пошла влево, к дороге. Солнечный отблеск. Это был «скаут». «Скаут» приближался. К тому злополучному месту, где сидевшие внутри люди распрощаются с жизнью. «Скаут» приближался к своему концу. Скорость была небольшой; машина шла устойчиво. Не было никаких признаков того, что Энни теряет или потеряла контроль.

Алан прильнул к телевизору. Пот стекал по щекам, в висках стучала кровь. В горле пересохло.

Это все ненастоящее. Подстава. Фальшивка. Мистер Гонт все подстроил. Это не они; может, актриса и мальчик-актер *играют* его жену и сына, но это не они. Такого не может быть.

И все-таки это были они. Это невероятно — да. Так не бывает. Но это не менее невероятно, чем смотреть телевизор, неподключенный к розетке. Выходит, что это правда.

Нет, это ложь! — вмешался голос Брайана Раска, но теперь он звучал издалека, и было так просто его не слушать. *Это ложь, шериф, ложь! ЛОЖЬ!*

Теперь он уже видел номер приближающейся машины. 24912 V. Номер машины Энни.

Внезапно за «скаутом» Алан увидел еще один отблеск. Еще одна машина. На полной скорости она приближалась к машине Энни, быстро сокращая дистанцию.

Снаружи, у Оловянного моста, раздался оглушительный взрыв. Алан даже не шелохнулся, как будто и не

услышал. Он был весь поглощен тем, что происходило на экране красного телевизора, где Энни и Тодд приближались к дереву, которое станет их смертью.

Нагонявшая их машина делала семьдесят, может быть, даже восемьдесят миль в час. Пока «скаут» приближался к камере, другая машина, которая не упоминалась ни в одном отчете, приближалась к «скауту». Энни, кажется, тоже ее заметила; «скаут» начал ускоряться, но слишком медленно. И слишком поздно.

Это был ярко-зеленый «додж-челленджер» с сильно-задранными задними рессорами, так что его капот почти упирался в землю. Сквозь дымчатое стекло можно было с трудом разглядеть защитную раму внутри кабины. Багажник был густо украшен наклейками: HEARST, FUELLY, FRAM, QUAKER STATE... Хотя пленка была без звука, Алан почти что слышал рев выхлопных газов, рвавшихся из хромированных труб.

— *Туз!* — воскликнул Алан с замирающим сердцем. Туз! Туз Мерилл! Месть! Разумеется! Как же он не подумал об этом раньше?!

«Скаут» пронесся перед камерой, повернувшей направо. У Алана было время присмотреться, и — да: это была Энни, с тем самым платком на голове, и Тодд, в майке «Стар трека». Тодд повернулся назад и смотрел на вторую машину. Энни смотрела в зеркало заднего вида. Алан не видел ее лица, но видел, что Энни сидела, подавшись вперед, натягивая ремень безопасности. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что ему не хочется этого видеть — это было невыносимо, смотреть, как твои жена и сын умирают у тебя на глазах... смотреть и знать, что ты не в силах ничего изменить.

Но пути назад уже не было.

«Челленджер» ударил «скаут» сзади. Удар был несильным, но Энни уже успела разогнаться. «Скаут» не вписался в поворот и вылетел в рощицу, где его ждала большая сосна.

— *НЕТ!* — вырвалось у Алана.

«Скаут» нырнул в кювет, выскочил оттуда, подпрыгнул и врезался в ствол с беззвучным скрежетом. Тряпичная кукла с платком на голове вылетела через лобовое стекло и покатилась по кустам.

Зеленый «челленджер» остановился на обочине.

Открылась водительская дверца.

Из машины вышел Туз Мерилл.

Он посмотрел на останки «скаута», еле видимые за клубами пара из разорванного радиатора. Он смотрел и смеялся.

— *НЕТ!* — снова закричал Алан и столкнул видеомагнитофон с прилавка. Тот упал на пол, но не сломался, а кабель был слишком длинным, чтобы выдернуться из гнезда. По экрану телевизора пробежали помехи, и все. Алан по-прежнему видел, как Туз, все еще смеясь, садится в машину. Он схватил телевизор, поднял его над головой и швырнул в стену. Вспышка, глухой взрыв... и тишина, нарушаемая только жужжанием магнитофона, все еще крутившего пленку. Алан пнул его, и агрегат милосердно замолчал.

Езжай за ним. Он живет в Микеник-Фоллс.

Новый голос. Холодный, безумный, но при этом безжалостно-логичный. Голос Брайана Раска пропал. Остался только этот, раз за разом повторявший две фразы. *Езжай за ним. Он живет в Микеник-Фоллс. Езжай за ним. Он живет в Микеник-Фоллс. Езжай за ним. Езжай за ним. Езжай за ним...*

Где-то совсем рядом раздались еще два оглушительных взрыва — парикмахерская и похоронное бюро взлетели на воздух почти одновременно, взметнув в небо осколки стекла и камня. Алан не обратил внимания.

Езжай за ним. Он живет в Микеник-Фоллс.

Он машинально взял банку со змеей, взял лишь потому, что принес ее с собой и соответственно должен унести. Прошел к двери, затоптав свои же следы, и вышел из «Нужных вещей». Взрывы ничего для него не значили. Рваная, дымящаяся дыра в ряду зданий на Главной улице

ничего для него не значила. Засыпанная деревом и стеклом мостовая ничего для него не значила. Касл-Рок и все, кто здесь жил, в том числе и Полли Чалмерс, ничего для него не значили. У него было дело в Микеник-Фоллс, в тридцати милях отсюда. И *это* кое-что значило. *Это* значило для него все.

Алан открыл водительскую дверцу. Закинул в машину пистолет, фонарик и банку с сюрпризом. Мысленно он уже сжимал руки на глотке Туза.

5

— *СТОЯТЬ!* — еще раз крикнул Норрис. — *НИ С МЕСТА!*

Вот уж действительно повезло. До камеры, куда он собирался для надежности запихнуть Китона, было всего каких-то шестьдесят ярдов. Что касается второго парня... ну, это будет зависеть от того, что они намеревались делать. А судя по виду, они сейчас занимались далеко не утешением обездоленных и уходом за сирыми и больными.

Патрульный Прайс посмотрел на Норриса и перевел взгляд на двух мужчин, замерших под вывеской СУД ОКРУГА КАСЛ-РОК. Потом снова уставился на Норриса. Туз и Зиппин папа переглянулись и разом потянулись к пистолетам, заткнутым за пояса брюк.

До этого Норрис держал пистолет, направив его дулом в небо, как его учили. Теперь же, согласно правилам, он обхватил левой ладонью правое запястье и прицелился. Если руководства не врут, преступники не поймут, что оружие нацелено точно между ними; каждый будет считать, что Норрис целится именно в него.

— Руки прочь от оружия, друзья мои. *Быстро!*

Бастер и его компаньон снова переглянулись и опустили руки.

Норрис повернулся к Прайсу.

— Ты, — сказал он. — Прайс. Ты не откажешься мне помочь? Если, конечно, тебя это не затруднит.

— *Что ты делаешь?* — спросил Прайс. Он явно нервничал и не хотел ни во что ввязываться. Ночные происшествия, с громогласным взрывом моста для полного комплекта, низвели его статус до наблюдателя. И сейчас ему совершенно не улыбалось проявлять какую-то активность. Слишком быстро все произошло.

— Арестовываю двоих нарушителей, — гаркнул Норрис. — А на что еще это похоже?

— Ты вот что арестуй, парниша, — крикнул Туз, показав Норрису комбинацию из трех пальцев — причем не кукиш. Бастер визгливо, по-женски, хохотнул.

Прайс нервно взглянул на них и опять повернулся к Норрису:

— Э... а по какому обвинению?

Дружок Бастера рассмеялся.

Норрис отвернулся от Прайса и с беспокойством отметил, что те двое разошлись в стороны. Раньше они стояли буквально плечом к плечу, теперь же их разделяло футов пять, если не больше.

— *Стоять!!!* — завопил он.

Они остановились и снова переглянулись.

— *Вернуться на место!*

Бастер и Туз даже не шелохнулись. Они стояли под дождем, опустив руки, и смотрели на Норриса.

— *Для начала я их задерживаю за незаконное ношение оружия!* — яростно проорал тот патрульному Джо Прайсу. — *А теперь вытащи руки из задницы и помоги мне!*

Прайс так обалдел, что послушался. Он попытался достать револьвер, но обнаружил, что кобура застегнута. Пока он возился с застежкой, парикмахерская и похоронное бюро взлетели на воздух.

Бастер, Норрис и патрульный Прайс повернулись в направлении взрыва. А Туз — нет. Именно этого момента он и ждал. Вытащив из-за пояса автоматический пистолет — как заправский ковбой из вестерна, — он выстрелил. Пуля попала Норрису в левое плечо, задев легкое и размозжив ключицу. Норрис отошел от стены, когда заметил,

что эти двое расходятся. Теперь его швырнуло обратно. Туз выстрелил еще раз, выбив дыру в кирпиче рядом с ухом Норриса. Пуля отрикошетила с сердитым жужжанием, как большое и очень злое насекомое.

— *Господи!* — взвизгнул патрульный Прайс, лихорадочно дергая ремешок предохранительной застежки на кобуре.

— *Сними его, отец!* — крикнул Туз. Он улыбался. Он в третий раз выстрелил в Норриса. На этот раз пуля попала ему в левый бок. Норрис упал на колени. Блеснула молния. Невероятно, но Норрис все еще слышал, как кирпичи и обломки дерева, поднятые новыми взрывами, падают на мостовую.

Патрульный Прайс наконец-то сумел расстегнуть кобуру. Он как раз вытаскивал револьвер, когда пуля из пистолета Китона сорвала ему часть головы — от бровей и выше. Его отшвырнуло к кирпичной стене.

Норрису казалось, что его револьвер весит несколько сотен фунтов. Однако он умудрился поднять оружие. Держа его обеими руками, он прицелился в Китона. Бастер был предпочтительнее как цель. И самое главное, он только что убил полицейского, а это дерьмо в Касл-Роке не проходит. Может, они тут все и деревенщина, но уж никак не *варвары*. Норрис нажал на курок в тот же самый момент, когда Туз выстрелил в него снова.

Отдача откинула Норриса назад. Пуля из пистолета Туза просвистела там, где долю секунды назад была голова Риджвика. Бастер Китон тоже отлетел назад, схватившись за живот. Сквозь его пальцы хлестала кровь.

Норрис лежал у кирпичной стены рядом с патрульным Прайсом, тяжело дыша и прижимая руку к раненому плечу. *Черт, ну и дерьмовый сегодня денек,* подумал он.

Туз опустил пистолет, целясь в Норриса, но передумал стрелять — по крайней мере пока что. Он отвернулся от Норриса, подошел к Бастеру и встал перед ним на одно колено. К северу от них взорвался банк — горой огня и развороченного гранита. Туз даже не посмотрел в ту

сторону. Он отодвинул руки Бастера, чтобы рассмотреть рану. Тузу было жалко Папашу, он уже начал к нему привыкать.

Бастер орал благим матом:

— *Больно! Черт, больно как!*

Еще бы. Старик принял заряд 45-го калибра чуть пониже пупка. Входное отверстие было размером с головку болта. А выходное наверняка будет с кофейную чашку, и скорее всего — с кусочками папиного позвоночника по краям, похожими на раскрошенную окровавленную карамель.

— *Больно! БОЛЬНОООООО!!!*

— Да. — Туз приставил пистолет к виску Бастера. — Не повезло, отец. Сейчас я дам тебе обезболивающего.

Он трижды нажал на курок. Тело Бастера содрогнулось в последний раз и затихло.

Туз поднялся на ноги и повернулся к Норрису, собираясь прикончить проклятого помощника шерифа — если там было, чего приканчивать. Но тут, менее чем в футе от его головы, просвистела пуля. Туз повернулся и увидел еще одного полицейского, стоявшего в дверях участка. Этот выглядел старше, чем сам Господь Бог. Он стрелял в Туза, держа пистолет одной рукой, — другая была прижата к груди возле сердца.

Вторая пуля Сита Томаса зарылась в землю у ног Туза, забрызгав грязью его ботинки. Старый индюк явно не годился в робингуды, но Туз понял, что пора сматываться отсюда. Они заложили в суде столько взрывчатки, что все здание разнесет к чертовой матери в пыль, таймер поставлен на пять минут, а он все еще здесь, уворачивается от выстрелов какого-то охреневшего Мафусаила.

Пусть о них позаботится динамит.

А ему пора повидаться с мистером Гонтом.

Туз сорвался с места и побежал. Старый помощник шерифа пальнул еще раз и опять не попал. Туз забежал за желтый телевизионный микроавтобус, но не стал в него залезать. Его «шевроле-селебрити» стоял у «Нужных ве-

щей». Идеальная машина, чтобы смыться из города. Но сначала надо встретиться с мистером Гонтом и получить расчет. Он хорошо постарался и заслужил *кое-каков* вознаграждение, и мистер Гонт обязательно с ним расплатится.

Да, еще ему надо найти одного воришку-шерифа.

— Обожаю день зарплаты, — мурлыкнул Туз и побежал по Главной улице к «Нужным вещам».

6

Фрэнк Джуитт стоял на ступеньках здания суда, когда наконец-то увидел того человека, кого искал. Фрэнк стоял тут уже довольно давно, но его не беспокоили всякие странности, творившиеся в городе. Ни крики и шум, доносившиеся с Касл-Хилл, ни Дэнфорд Китон с каким-то престарелым рокером, которые минут пять назад пронеслись мимо него по ступенькам, ни взрывы, ни только что отгремевшая перестрелка на автостоянке. У Фрэнка были свои проблемы. Он был весь сосредоточен на поисках своего старого «друга» Джорджа Т. Нельсона.

А тут: здрасте-пожалуйста! Наконец-то! Джордж Т. Нельсон, собственной персоной, спешащий по улице мимо здания суда! Если не принимать во внимание автоматический пистолет, заткнутый за пояс модных полиэстеровых брюк Джорджа Т. Нельсона (а также дождь, который немилосердно поливал всех и вся), можно было подумать, что он собрался на пикник.

Мсье Джордж Т. Хреносос Нельсон разгуливает под дождем, видите ли, захотелось ему прогуляться, а что там было в записке, которую Фрэнк нашел в офисе? Ах да: *Запомни, две штуки самое позднее к 19.15, или ты пожалеешь, что родился с членом между ног.*

Фрэнк взглянул на часы, увидел, что время уже значительно ближе к восьми, чем к 19.15, и решил, что это все равно не важно.

Он поднял пистолет и прицелился в голову этого сукина сына, из-за которого все началось.

— НЕЛЬСОН! — крикнул он. — ДЖОРДЖ НЕЛЬСОН! ОБЕРНИСЬ И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ДЕРЬМО СОБАЧЬЕ!

Джордж Т. Нельсон развернулся на месте. Его рука метнулась к пистолету за поясом, но тут же отдернулась, когда он понял, что ему уже не удастся опередить Фрэнка. Вместо того чтобы хватать пистолет и стрелять, он встал руки в боки и пристально уставился на Фрэнка, который стоял на ступеньках здания суда, а по его лицу и стволу пистолета у него в руках ручьями текла вода.

— Хочешь меня застрелить? — спросил Джордж Т. Нельсон.

— Еще как! — оскалился Фрэнк.

— Вот так вот, просто взять и пристрелить — как собаку?

— А почему бы и нет? Ты другого и не заслуживаешь!

К удивлению Фрэнка, Джордж Т. Нельсон лишь улыбнулся и кивнул.

— Ну да! — сказал он. — Именно этого я и ожидал от трусливого подонка, ворвавшегося в дом друга и убившего беззащитную птичку. Именно этого. Давай действуй, гаденыш четырехглазый. Стреляй, и покончим с этим дерьмом.

Бабахнул гром, но Фрэнк этого не слышал. Через десять секунд рванул банк, но он и этого не слышал. Он был занят, борясь со своей яростью... и удивлением. Его удивило нахальство — неприкрытая, бесстыдная наглость Мсье Джорджа Т. Хренососа Нельсона.

В конце концов Фрэнк умудрился совладать с собой.

— Убил твою птичку, да! И насрал на дурацкую фотографию твоей мамочки, тоже правда! А ты что сделал?! Что сделал ты, Джордж, помимо того, что позаботился о том, что я потеряю работу и больше уже никогда не смогу преподавать? Боже, да мне повезет, если меня вообще не посадят! — Только сейчас он со всей полнотой

осознал черную несправедливость происшедшего; ощущение было такое, словно кто-то налил ему уксус на свежую царапину. — Ты что, не мог просто прийти ко мне и попросить денег?! Почему ты не пришел?! *Мы бы что-нибудь придумали, тупой ты ублюдок!*

— Я не понимаю, о чем ты! — крикнул в ответ Джордж Т. Нельсон. — Я знаю только, что ты смельчак, когда дело касается убийства невинных попугайчиков, но на честный бой у тебя жопа дрогнет!

— Ты не понимаешь... *не понимаешь, о чем я говорю?!* — Фрэнк даже слегка растерялся от такой наглости. У него в голове не укладывалось, что такое бывает. Пистолет у него в руке аж затрясся. Этот мерзавец стоит одной ногой на тротуаре, а другой — уже практически в могиле, и так бесстыдно врет...

— Нет! Понятия не имею!

Фрэнк Джуитт так разозлился, что в ответ на такую возмутительную, неприкрытую ложь, смог произнести только детскую дразнилку:

— Вруша, вруша, уши из плюша!

— Трус! — парировал Джордж Т. Нельсон. — Баба в штанах! Убийца попугаев!

— Шантажист!

— Психопат! Убери пушку, кретин! Дерись честно!

Фрэнк недобро усмехнулся:

— *Честно?!* Ты предлагаешь мне драться *честно?* Да что ты знаешь о *честности?!*

Джордж Т. Нельсон поднял руки ладонями вперед и помахал Фрэнку.

— Видимо, больше тебя.

Фрэнк открыл было рот, но крыть было нечем. Пустые руки Джорджа Т. Нельсона совершенно его обескуражили.

— Давай, — сказал Джордж Т. Нельсон. — Убери пистолет. Сделаем как в вестернах, Фрэнк. Конечно, если у тебя духу хватит. Выигрывает быстрейший.

Фрэнк подумал: а почему нет? А, к черту все!

Так или иначе, терять ему было уже нечего, так почему бы не доказать старому «другу», что он не трус?

— Ладно, — сказал он, запихивая пистолет за пояс. — И как ты себе это видишь, Джорджи-Морджи?

Джордж Т. Нельсон тоже улыбнулся:

— Ты пойдешь вниз по ступенькам, я — вверх. Как только бабахнет следующий гром...

— Отлично, — сказал Фрэнк. — Подходит. Поехали.

Он пошел вниз. Джордж Т. Нельсон пошел вверх.

7

Полли уже видела впереди зеленый навес «Нужных вещей», и тут взорвались похоронное бюро и парикмахерская. Вспышка и грохот были неимоверными. Она увидела, как из центра взрыва брызнули осколки, словно астероиды в научно-фантастических фильмах, и машинально пригнулась. И правильно сделала, потому что в следующую секунду в лобовое стекло ее «тойоты» влетело несколько деревянных обломков и подлокотник из нержавеющей стали от кресла № 2, — кресла Генри Гендрона. Подлокотник пролетел сквозь салон со странным воем, высадив по пути и заднее стекло тоже. В облаке пыли и дыма отчетливо слышался звон бьющегося стекла.

Неуправляемая «тойота» проехала поворот, врезалась в пожарный гидрант и замерла.

Полли, моргая, подняла голову и выглянула в дыру, образовавшуюся в лобовом стекле. Кто-то вышел из «Нужных вещей» и направился к одной из трех машин, стоявших перед магазином. В ярком зареве пожара Полли легко узнала Пангборна.

— Алан! — закричала она, но он не обернулся. Он шел, глядя прямо перед собой, целеустремленно и сосредоточенно, как робот.

Полли распахнула дверцу, выскочила из машины и побежала к нему, выкрикивая его имя. Дальше по ули-

це началась перестрелка. Алан даже не повернулся в ту сторону; он не обращал внимания на пожар, бушевавший на месте похоронного бюро и парикмахерской. Он был явно сосредоточен на чем-то своем, и Полли обреченно поняла, что опоздала. Лиланд Гонт добрался и до него. Алан все-таки что-то купил в «Нужных вещах», и если она не успеет добежать до его машины прежде, чем он отправится в погоню за черт-знает-чем там его послал Гонт, он просто уедет... и тогда... тогда случится страшное.

Полли прибавила скорость.

8

— Помоги мне, — просипел Норрис Ситону Томасу, обхватив его рукой за шею. Он с трудом поднялся на ноги.

— Кажется, я его зацепил, — сказал Ситон. Он пыхтел как паровоз, но уже не был белым как мел.

— Хорошо. — Плечо Норриса горело огнем... и боль, казалось, проникала все глубже и глубже, пытаясь добраться до сердца. — Только помоги мне.

— Все будет хорошо, — сказал Ситон. Волнуясь за Норриса, Сит забыл свои собственные страхи, что у него может случиться сердечный приступ. — Сейчас мы зайдем внутрь...

— Нет, — прохрипел Норрис. — В машину.

— *Что?!*

Норрис повернулся и посмотрел на Томаса совершенно бешеными глазами, исполненными боли.

— Отведи меня к машине! Мне нужно в «Нужные вещи»!

Да. Как только он произнес эти слова, все встало на свои места. Свою базуновскую удочку он купил в «Нужных вещах». В том же направлении убежал ранивший его незнакомец. В «Нужных вещах» все началось; в «Нужных вещах» все должно закончиться.

«Галаксия» взлетела на воздух, озарив Главную улицу всполохами свежего пожара. Из сердца взрыва вылетел игровой автомат — «Двойной дракон», — сделал двойное сальто и рухнул на мостовую.

— Норрис, ты же ранен...

— *Конечно, я ранен!* — заорал Норрис. У него на губах выступила кровавая пена. — *Сказал же, веди меня к машине!*

— Норрис, мне не нравится эта идея...

— Не важно, — мрачно перебил его Норрис. Он отвернулся и сплюнул кровью. — Это единственный выход. Пошли. Помоги мне.

Сит Томас потащил его к патрульной машине № 2.

9

Если бы Алан не глянул в зеркало заднего вида, перед тем как подать машину назад, то переехал бы Полли, завершив вечер невольным убийством любимой женщины посредством задних колес своего старого «универсала». Он не узнал ее — просто какая-то женщина за машиной, темный силуэт на фоне огненной завесы на той стороне улицы. Он вдарил по тормозам, и через секунду она уже барабанила ему в окно.

Алан сделал вид, что он этого не заметил, и снова нажал на газ. Сегодня вечером у него не было времени на городские проблемы; у него были свои проблемы. Если хотят, пусть убивают друг друга, как звери. Он едет в Микеник-Фоллс. Он должен найти человека, убившего его жену и сына, — из мести за те четыре года, которые он стараниями Алана провел в Шенке.

Полли схватилась за ручку водительской дверцы, и ее вытащило на заваленную обломками улицу. Ее руки вопили от боли, но она все-таки умудрилась нажать на кнопку под ручкой. Дверца — вместе с повисшей на ней женщиной — распахнулась, когда Алан делал разворот. Теперь

машина «смотрела» в сторону Оловянного моста. В своей ярости Алан совершенно забыл, что моста больше нет и там не проедешь.

— *Алан!* — крикнула Полли. — *Алан, остановись!*

Он услышал. Каким-то образом он услышал, несмотря на дождь, гром, ветер и громкий, голодный треск пламени. Несмотря на наваждение, его захватившее.

Он взглянул на нее, и у Полли упало сердце. У Алана был вид человека, который переживает кошмар наяву.

— Полли? — холодно спросил он.

— *Алан, остановись!*

Она хотела отпустить ручку — боль была адская, — но боялась, что он уедет, оставив ее посреди улицы.

Нет, не боялась... *знала*.

— Полли. Я должен ехать. Я знаю, что ты на меня злишься... ты думаешь, будто я сделал что-то плохое... мы разберемся. Потом. А сейчас мне надо ех...

— Я больше не злюсь на тебя, Алан, я знаю, что это был не ты. Это был *он*. *Он* играл против нас обоих, да и против всех остальных в Касл-Роке. Потому что у него работа такая, понимаешь, Алан? Ты слышишь меня? *Это его профессия!* Остановись! Выключи этот проклятый двигатель и выслушай меня!

— Полли, мне надо ехать. — Алан сам не узнал свой голос, он звучал откуда-то издалека, будто чей-то чужой голос из рации. — Но я вернусь...

— Нет, не вернешься! — крикнула она. Внезапно ее охватила злость — злость на Алана, на них на всех, жадных, напуганных, разъяренных, слабых жителей этого городишка, включая и самое себя. — Нет, ты не вернешься, потому что, если ты сейчас уедешь, *возвращаться будет уже некуда!*

Раздался взрыв в салоне видеоигр. По машине Алана, стоявшей на середине улицы, забарабанили осколки. Правая рука Алана сама собой метнулась к банке с «орехами». Он поставил банку на колени, словно искал в ней поддержки.

Полли не обратила внимания на взрыв; она смотрела на Алана потемневшими, полными боли глазами.

— Полли...

— *Смотри!* — крикнула она в отчаянии и распахнула блузку. — Смотри, я сняла его, свой амулет! Его нет! Теперь сними свой, Алан! *Если ты мужчина, сними его!*

Алан силился понять, о чем она говорит, но ему мешала глубина того кошмара, который, как ядовитый кокон, сплел вокруг него мистер Гонт... и Полли вдруг поняла, что это за кошмар. Да. По-другому и быть не могло.

— Он рассказал тебе, что случилось с Энни и Тоддом? — тихо спросила она.

Он вздрогнул, как от пощечины, и Полли поняла, что ее догадка верна.

— Конечно. Это единственная вещь в мире, единственная и бесполезная правда, которую ты хотел так сильно, что посчитал нужной. *Вот в чем* твое наваждение, Алан, *вот что* он затянул петлей у тебя на шее.

Она отпустила дверцу и протянула обе руки в машину. В салоне горела лампочка верхнего освещения. Полли увидела, что кожа у нее на руках была темного, багрового цвета, а сами руки так сильно опухли, что локти буквально утонули в отеках.

— В моем амулете сидел паук, — тихо сказала она. — «Хитрый черный паучок смотрит с потолка. Ничего, мы веником сгоним паука». Всего лишь паучок. Но он рос. Он питался моей болью и рос. Он бы не остановился, если бы я его не убила, вернув боль обратно. Я так хотела, чтобы боль ушла, Алан... Я хотела этого, да, но мне это было не нужно. Я могу любить тебя и бороться с болью одновременно. Я думаю, что из-за боли все остальное покажется даже лучше... как хорошая оправа облагораживает бриллиант.

— Полли...

— Конечно, паук отравил меня, — продолжила она задумчиво, — и вовсе не исключено, что его яд меня прикончит. А почему бы и нет? Это было бы честно. Не-

приятно, но честно. Я купила яд вместе с амулетом. За последнюю неделю он продал много чего в своем отвратительном магазине. Быстро работает, мерзавец, этого у него не отнимешь. «Хитрый черный паучок смотрит с потолка». Это у меня. А что у тебя? Энни и Тодд, правда? Да?

— Полли, Туз Мерилл убил мою жену! Он убил Тодда! Он...

— *Нет!* — умоляюще проговорила она, взяв в ладони его лицо. Руки буквально разрывались от боли. — *Послушай меня! Алан, это ведь не только твоя жизнь, как ты не понимаешь?! Он заставляет тебя выкупать обратно свою же боль, причем по двойной цене! Неужели ты не понимаешь?!*

Алан смотрел на нее, открыв рот... но потом — медленно, очень медленно — его отвисшая челюсть вернулась на место. На лице появилось выражение озадаченного удивления.

— Стоп, — сказал он. — Что-то не так. На той пленке, что он для меня оставил... там что-то неправильно. Но я пока не могу...

— *Можешь*, Алан! Что бы этот ублюдок тебе ни продал, это фальшивка! Как и имя на письме, которое он мне подсунул.

Алан впервые услышал ее по-настоящему.

— Какое письмо?

— Сейчас уже не важно... об этом позже, если оно наступит, это «позже». Просто он переходит границы. Он всегда перегибает палку. Он так набит своей гордостью, что удивительно, как до сих пор не лопнул. Алан, пожалуйста, попытайся понять: Энни *мертва*, Тодд *мертв*, и если ты будешь гоняться за Тузом Мериллом, когда вокруг горит город, *твой* город...

У нее за плечом показалась чья-то рука. Она подныр-нула Полли под подбородок и грубо дернула ее назад. Туз Мерилл стоял у нее за спиной, приставив пистолет ей к виску и ухмыляясь Алану.

— Легок на помине, мадам, — сказал Туз, и гром...

10

...раскатился по темному небу.

Фрэнк Джуитт и его старый добрый «друг» Джордж Т. Нельсон почти четыре минуты стояли на ступенях здания суда, как два странных очкастых стрелка. Их нервы дрожали, как струны скрипки, на которой взяли самую высокую ноту.

— ЙЫХ! — сказал Фрэнк, выхватив автоматический пистолет из-за пояса брюк.

— УХ! — выдохнул Джордж Т. Нельсон, выдернув свое оружие.

Они нацепили на лица одинаковые горячечные улыбки — оскалы, которые выглядели как беззвучный крик, — и прицелились друг в друга. Пальцы одновременно нажали на спусковые крючки. Два выстрела слились в один. Пули взвизгнули в свете молнии... и столкнулись в середине пути, отклонившись ровно настолько, чтобы не попасть в идеальные мишени, которые представляли собой двое «стрелков».

Фрэнк Джуитт ощутил горячую волну у правого виска.

Джорджу Т. Нельсону обожгло правую сторону шеи.

Они таращились друг на друга сквозь пороховой дым, не веря своим глазам.

— А? — произнес Джордж Т. Нельсон.

— Э? — сказал Фрэнк Джуитт.

Они заулыбались одинаковыми, неверящими улыбками. Джордж Т. Нельсон сделал неуверенный шаг к Фрэнку. Фрэнк сделал неуверенный шаг к Джорджу. Через секунду-две они уже могли бы обняться, их вражда потеряла бы всякий смысл перед этими двумя дуновениями вечности... но здание муниципалитета взлетело на воздух с грохотом, расколовшим мир надвое, превратив их обоих в смесь кровавого фарша с бетоном.

11

Перед этим последним взрывом померкли все остальные. Туз и Бастер заложили в здании муниципалитета сорок динамитных шашек — два заряда по двадцать штук. Одна бомба лежала на судейском кресле в зале суда. Бастер настоял, чтобы вторую положили в крыле городской управы, на стол Аманды Уильямс.

— Нечего женщинам лезть в политику, — объяснил он Тузу.

Грохот был оглушительный, на мгновение окна муниципалитета зажглись сверхъестественным лилово-оранжевым светом. Потом безжалостные щупальца пламени проникли сквозь окна, сквозь двери, сквозь люки и решетки вентиляции. Шиферная крыша целиком приподнялась, зависла на огненном облаке, словно остроконечный космический корабль, и разлетелась на сотни тысяч рваных кусков.

В следующую секунду само здание как бы брызнуло во все стороны, засыпав окрестности градом битого стекла и кирпича, под которым не выжило бы ни одно существо крупнее таракана. При взрыве погибли девятнадцать человек, в том числе пятеро репортеров, которые приехали освещать события в Касл-Роке, а вместо этого стали частью истории.

Машины у здания муниципалитета смело, словно пластмассовые игрушки. Желтый микроавтобус, в котором приехали Туз и Бастер, пролевитировал в девяти футах над землей, лениво крутя колесами; его задние двери чудом удержались на искалеченных петлях, в проем посыпались инструменты и незадействованные таймеры. Пламенным ураганом его снесло влево, и он с грохотом влетел в витрину «Страхового агентства Дости», сгребая бампером пишущие машинки и шкафчики с документацией.

Земля вздрогнула, как при сильном землетрясении. По всему городу повылетали стекла. Флюгеры, которые

весь вечер указывали на северо-восток — именно в том направлении дул ветер, принесший грозу, которая уже начала потихоньку стихать, словно застеснявшись перед грохотом взрывов, — завертелись, как ненормальные. Некоторые слетели с осей, а один флюгер назавтра нашли засевшим в двери баптистской церкви, он торчал там, как стрела воинственного индейца.

Битва на Касл-авеню, проходившая под конец с небольшим перевесом католиков, замерла. Генри Пейтон стоял у своей машины, в южной части города. У него по щекам, как слезы, текла кровь. Преподобный Роуз приподнялся и, увидев грозное сияние на горизонте, решил, что пришел конец света и перед ним воссияла Звезда Полынь. К нему приблизился, качаясь как пьяный, отец Джон Брайхем, нос которого был свернут налево, а губы покрыты коркой запекшейся крови. Он собирался врезать ногой преподобному Роузу по голове, как по футбольному мячу, но вместо этого помог ему встать.

Энди Клаттербак, который в этот момент находился на Касл-Вью, даже не поднял головы. Он сидел на крыльце дома Поттеров и плакал, укачивая на руках свою мертвую жену. Пройдет еще два года, прежде чем он утонет подо льдом озера Касл, полезши купаться спьяну, но сегодняшний день был последним трезвым днем в его жизни.

Салли Рэтклифф была дома, на Делл-лейн, в чуланчике, примыкавшем к спальне. По боковому шву ее платья вилась живая, танцующая цепочка склизких насекомых. Она узнала о том, что случилось с Лестером, поняла, что как-то в этом виновата (или подумала, что виновата, что в принципе одно и то же), и повесилась на поясе своего махрового банного халата. Ее рука так и осталась в кармане платья, сжимая кусок деревяшки, черной от старости и скользкой от гнили. Мокрицы, которыми было изъедено дерево, покинули свое жилище в поисках нового дома. Они уже добрались до подола Саллиного платья и маршировали вниз по ее свисающей ноге.

Кирпичи разлетелись по всему кварталу, так что даже те здания, которые располагались на некотором расстоянии от эпицентра, стали похожи на военные укрепления после артобстрела. А те, что были поближе, превратились в каменное решето или вообще рассыпались.

Ночь ревела, как лев, раненный в горло отравленным копьем.

12

Сит Томас, сидевший за рулем машины, в которую они сели по настоянию Норриса Риджвика, почувствовал, как машина мягко приподнялась, как будто какой-то сказочный великан приподнял ее сзади. Через секунду машину накрыл кирпичный ураган. Два-три обломка пробили багажник. Еще несколько врезалось в крышу. Один грохнулся на капот, плюнув в лобовое стекло облачком запекшейся крови.

— Боже святый, Норрис, весь город на воздух взлетает! — выпалил Сит.

— Поехали, — сказал Норрис. У него горело все тело; лицо побагровело, пот стекал по нему крупными каплями. Он уже понял, что Туз ранил его несмертельно, обе пули прошли навылет, но ему все равно было страшно. Он чувствовал, как в его плоти разгорается слабость; все плыло перед глазами, но он заставлял себя быть в сознании. Его трясло как при сильной температуре, и ему все больше и больше казалось, что он нужен Алану, и если ему повезет и он не струсит, то, возможно, он все-таки искупит вину за те ужасы, в которые вылилась его «безобидная» шутка над Хью.

Впереди он увидел группку людей, стоявших поблизости от зеленого навеса «Нужных вещей». Колонна огня, поднимавшаяся от руин здания муниципалитета, освещала их, как актеров на съемочной площадке. Он увидел машину Алана и его самого — он как раз выходил из ма-

шины. Лицом к нему и спиной к Норрису Риджвику и Ситону Томасу стоял человек с пистолетом. Он держал женщину и прикрывался ею, как щитом. Норрис не смог ее разглядеть, но на парне, взявшем заложницу, висели лохмотья разодранной харлей-дэвидсоновской майки. Это был тот же самый мерзавец, который стрелял в Норриса у муниципалитета и вышиб мозги Бастеру Китону. Хотя они не встречались раньше, Норрис был почти уверен, что это тот самый «плохой мальчишка» и главный городской хулиган Туз Мерилл.

— Ежкин кот, Норрис! Это же Алан! Что там творится?!

Кем бы ни был этот парень, он не слышит, как мы подъезжаем, подумал Норрис. *В таком-то шуме. Если Алан не посмотрит на нас, не привлечет внимания...*

Служебный револьвер лежал у него на коленях. Он опустил стекло со своей стороны и поднял оружие. Минуту назад оно весило сотню фунтов. Теперь — в два раза больше.

— Сит, веди машину как можно медленнее. И когда я стукну тебя ногой, остановись. Сразу же. Не раздумывая. Просто сделай как скажу.

— Ногой? Что значит, ног...

— Помолчи, Сит, пожалуйста, — перебил его Норрис. — Просто сделай, как я прошу.

Он высунулся в окно, держась за трубу, на которой крепились мигалки. Медленно, с превеликим трудом, но он все же сумел подтянуться, так чтобы сесть на окно. Плечо взвыло от боли, под рубашкой потекла свежая кровь. Теперь они были менее чем в тридцати ярдах от той троицы, и Норрис мог целиться прямо через крышу. Стрелять он пока не мог, потому что при таком положении он почти наверняка заденет женщину. Но если кто-то из них сделает шаг...

Подъехать ближе Норрис не рискнул. Он пнул сиденье Сита. Сит мягко остановил машину посреди улицы, заваленной битым кирпичом и другими обломками.

Сдвиньтесь, мысленно взмолился Норрис. *Кто-нибудь из вас двоих, сдвиньтесь, пожалуйста. Мне плевать, кто это будет... совсем чуть-чуть... ну пожалуйста, сдвиньтесь.*

Он не заметил, как открылась дверь «Нужных вещей»; его внимание было полностью сосредоточено на Тузе и его заложнице. Он не заметил, что мистер Гонт вышел из своего магазина и встал под зеленым навесом.

13

— Это были мои деньги, вонючий ублюдок! — крикнул Алану Туз. — И если ты хочешь получить свою сучку обратно целой и невредимой, тогда говори, куда ты их дел!

Алан вышел из машины.

— Туз, я не знаю, о чем ты.

— Ответ неправильный! — заорал Туз. — Ты прекрасно все знаешь! Деньги Папаши! В консервных банках! Если тебе дорога эта сучка, тогда говори, где они! И запомни, мудила: время на обдумывание ограничено.

Краем глаза Алан поймал движение на Главной. Патрульная машина, вроде бы кто-то из своих, касл-рокских, но он побоялся приглядываться. Если Туз поймет, что к нему приближаются со спины, он убьет Полли. Убьет не моргнув глазом.

Вместо этого Алан сосредоточился на ее лице. В ее глазах была боль... но не страх.

Алан почувствовал, что к нему возвращается рассудок. Смешная вещь этот рассудок. Теряешь его незаметно и не понимаешь, что его уже нет. Понимание приходит потом, когда он возвращается, словно какая-то редкая птица, которая живет у тебя внутри и поет не по принуждению, а по собственной воле.

— Я понял, что было неправильно, — тихо сказал он Полли. — В пленке Гонта.

— *Чего ты там шепчешь, хрен моржовый?* — Голос у Туза начал срываться на визг. Он вдавил дуло пистолета в висок Полли.

Из них троих только Алан заметил, что дверь «Нужных вещей» открылась, да и то лишь потому, что старательно отводил взгляд от патрульной машины, ползущей по улице. Только Алан увидел — размытым, боковым зрением — высокий силуэт, показавшийся в дверном проеме. Незнакомец был одет не в спортивную куртку или пиджак, а в черное кашемировое пальто.

Дорожное пальто.

В одной руке мистер Гонт держал старомодный саквояж — в незапамятные времена с такими путешествовали коммивояжеры и бродячие торговцы. Он был сделан из шкуры гиены и, казалось, жил собственной жизнью. Он как будто дышал и корчился, дышал и корчился под бледной рукой, сжимавшей ручку. Из него доносились слабые крики, похожие на далекий ветер или призрачный вой, который иногда слышен под высоковольтными проводами. Алан слышал этот тревожный и страшный звук не ушами; он его слышал душой и сердцем.

Гонт стоял под навесом, откуда ему были видны и приближающийся патруль, и сценка возле «универсала». В его глазах появилось какое-то странное раздражение... может быть, даже тревога.

И он не знает, что я его вижу, подумал Алан. *Я почти в этом уверен. Боже, пожалуйста, я тебя очень прошу, не дай мне ошибиться.*

14

Алан не ответил Тузу. Вместо этого он заговорил с Полли, сжимая в руке банку с «орехами». Туз банку вообще не заметил, скорее всего потому, что Алан даже и не пытался ее скрывать.

— В тот день Энни не пристегнулась, — сказал он Полли. — Я говорил тебе?

— Я... Алан, я не помню.

За спиной у Туза Норрис Риджвик мучительно выбирался из окна патрульной машины.

— Она поэтому и вылетела сквозь лобовое стекло. — *Еще секунда, и мне нужно будет взять одного из них,* подумал он. *Туза или мистера Гонта? Которого? Которого?* — Меня всегда это мучило: почему она была непристегнута? Она всегда пристегивалась. Всегда. Сразу, как только садилась в машину. Но в тот день она не пристегнулась.

— *Последний шанс, коп поганый!* — заорал Туз. — *Мне — деньги, тебе — твою сучку! Выбирай!*

Алан как будто его и не слышал.

— Но на пленке *ее ремень был пристегнут,* — сказал он и вдруг *понял.* Понимание возникло в его сознании, как серебряная колонна чистого холодного пламени. — *Он был пристегнут, И ВЫ, МИСТЕР ГОНТ, ОБЛАЖАЛИСЬ!*

Алан развернулся к высокой фигуре, стоявшей под зеленым навесом футах в восьми от него. Он перехватил банку с «орехами», шагнул в сторону самого «свежего» предпринимателя в Касл-Роке и, прежде чем тот успел сообразить, что происходит, сорвал крышку с последней волшебной игрушки Тодда, про которую Энни сказала, что детство бывает раз в жизни.

Оттуда выпрыгнула змея, но на этот раз она была не игрушечной.

На этот раз она была настоящей.

Она была настоящей всего пару секунд, и Алан не знал, видел ли это кто-то еще, но насчет мистера Гонта сомнений не было. Он *видел.* Змея была длинной — намного длиннее, чем тот червяк из жатой бумаги, который выскочил из банки у него в машине на стоянке у здания муниципалитета, когда Алан вернулся из Портленда где-то неделю назад. Ее кожа сияла переливчатыми огнями, тело было украшено красными и синими светящимися ромбами.

Змея ударилась в плечо Лиланда Гонта, ее челюсти раскрылись, и Алан успел заметить холодный хромовый блеск клыков. Он увидел, как смертоносная треугольная голова качнулась назад и врезалась в шею Гонта. Он увидел, как Гонт схватил ее и сдавил... но секундой раньше змеиное жало вошло в его плоть, причем не один раз. Треугольная голова двигалась взад-вперед, как игла швейной машинки.

Гонт закричал — от боли, от ярости или от того и другого вместе, Алан не стал разбираться, — и выпустил саквояж, чтобы схватить змею обеими руками. Алан увидел свой шанс и рванулся вперед, пока Гонт отрывал от себя шипящую тварь и в итоге все-таки отбросил ее ударом ноги. Приземлившись, змея стала такой же, какой была с самого начала: дешевой игрушкой из пяти футов пружины, обмотанной выцветшей зеленой бумагой, дурацким «сюрпризом», который мог по-настоящему полюбить только мальчишка вроде Тодда и который мог показаться забавным лишь существу вроде Гонта.

Кровь текла тонкими струйками из трех пар дырочек на шее у Гонта. Он рассеянно вытер ее своей странной рукой с неправдоподобно длинными пальцами, нагнулся, чтобы поднять саквояж... и замер. В такой позе, скорченный, с согнутыми ногами и вытянутой рукой, он был похож на деревянное изваяние Икебода Крейна*. Но вещь, за которой он тянулся, исчезла. Кожаный саквояж с выпирающими, движущимися боками теперь стоял на мостовой, между ног у Алана Пангборна. Алан передвинул его, пока мистер Гонт занимался змеей. Все прошло быстро и ловко, как отработанный фокус.

Теперь на искаженном лице мистера Гонта читалась гремучая смесь жгучей ярости, злости, ненависти и невероятного удивления. Его верхняя губа приподнялась, как у оскалившейся собаки, обнажив ряд неровных зубов. Теперь они все были острыми, как клыки. Как будто он заточил их специально для этого случая.

* Персонаж новеллы Ирвинга «Легенда Сонной Лощины».

Он прошипел, вытянув вперед свои костлявые руки:

— *Дай сюда, это мое!*

Алан не знал, что Лиланд Гонт горячо уверял горожан — от Хью Приста до Слопи Додда, — что он не питает ни малейшего интереса к человеческим душам, к этим жалким, потрепанным и утратившим всякую ценность дешевеньким безделушкам. А если бы знал, то рассмеялся бы и заметил, что основным товаром мистера Гонта были ложь и обман. Он, разумеется, понял, что было в сумке; что выло, как провода на ветру, и дышало, как перепуганный старик на смертном одре. Он это понял сразу.

Губы мистера Гонта растянулись в жутком оскале, обнажив еще больше зубов. Его ужасные руки протянулись еще ближе к Алану.

— *Предупреждаю, шериф, со мной лучше не связываться. Я не тот человек, с которым ты мог бы тягаться. Я сказал, эта сумка — моя!*

— Что-то я сомневаюсь, что это ваше, мистер Гонт. Мне кажется, это краденое. И вам лучше...

Раскрыв рот, Туз тупо таращился на мистера Гонта, который медленно, но верно превращался из респектабельного бизнесмена в чудовище. Его рука, сжимавшая шею Полли Чалмерс, немного расслабилась, и такой шанс грех было упустить. Полли наклонила голову и вонзила зубы в запястье Туза Мерилла по самые десны. Он заорал благим матом и отшвырнул ее в сторону. Полли упала на мостовую. Туз наставил на нее пистолет:

— *Ах ты, сука!*

15

— Вот! — с благодарностью прошептал Норрис.

Он положил ствол револьвера на одну из дуг, к которой крепилась мигалка. Потом задержал дыхание, прикусил нижнюю губу и спустил курок. Затылок Туза Мерилла

разлетелся рваными кровавыми ошметками, а его самого перекинуло через лежащую на земле женщину. Теперь Норрис увидел, что это была Полли Чалмерс. *Мог бы и раньше, наверное, догадаться,* подумал он.

А потом вдруг почувствовал сильную слабость.

И еще — невероятную радость.

16

Алан не заметил, как умер Туз.

Лиланд Гонт — тоже.

Они смотрели друг на друга: Гонт — с тротуара, Алан — стоя посреди улицы у своей машины, с отвратительным, стенающим саквояжем у ног. Гонт глубоко вздохнул, и облик бизнесмена, одурачившего стольких людей в Касл-Роке, очаровательного, обаятельного мистера Гонта, вновь вернулся к нему. С отвращением взглянув на бумажную змею, валявшуюся на тротуаре, он пнул ее ногой. Потом повернулся к Алану и протянул руку.

— Шериф, пожалуйста, давайте не будем спорить? Час уже поздний, я очень устал... Вы хотите, чтобы я уехал из города, и мне самому хотелось бы уехать. И я *уеду*... как только вы вернете мне то, что по праву мое. Содержимое этой сумки — мое, уверяю вас.

— Уверяй-уверяй. Я не верю тебе, друг мой.

Гонт смотрел на Алана с раздражением и злобой.

— Эта сумка и ее содержимое принадлежат мне! Разве вы против свободной торговли, шериф Пангборн? Вы, может быть, тайный коммунист? Каждая вещь в этой сумке... мне отдали ее добровольно, в обмен на другую вещь. Я приобрел их честно и законно. Если вам нужна оплата, какое-то вознаграждение, комиссионные, награда за находку, подмазка, назовите это как хотите, — я все понимаю и заплачу с удовольствием. Но для этого следует к делу подойти с деловой стороны, а не с юридической...

— *Ты жульничал!* — закричала Полли. — *Ты обманывал, лгал и морочил головы!*

Гонт метнул в ее сторону угрожающий взгляд и опять повернулся к Алану.

— Это неправда, и вы это знаете. Я все делал честно. Показывал людям товар... и предоставлял им возможность выбора. Так что... если вы не возражаете...

— Возражаю, — спокойно проговорил Алан. У него на губах заиграла улыбка, тонкая и острая, как первый ноябрьский лед на озере. — Скажем так: это улика. Так что я оставляю ее себе.

— Боюсь, ничего у вас не получится, шериф. — Гонт сошел с тротуара на проезжую часть. В глубине его глаз горели красные огоньки. — Хоть вы тут умрите, но забрать мою собственность вы не сможете. Если я захочу ее вернуть. А я хочу. — Он пошел на Алана, сверкая глазами. Там, где по асфальту расползлась желтая масса — мозги Туза, — остался след его ботинка.

Алан почувствовал, как у него в животе все сжалось, но не двинулся с места. Вместо этого, движимый каким-то глубинным инстинктом и даже не пытаясь его осознать, он свел руки перед левой фарой старого «универсала». Скрестив пальцы, он соорудил птицу и пошевелил кистями.

Воробушки снова летают, мистер Гонт, подумал он.

Громадная птица из тени — больше похожая на сокола, чем на воробья, и определенно *слишком* реальная для бестелесной тени, — пронеслась по фальшивому фасаду «Нужных вещей». Гонт заметил ее краем глаза, кинулся к ней, охнул и отступил назад.

— Убирайся из города, дружище, — сказал Алан. Он переставил пальцы, и теперь громадная собака из тени — может быть, сенбернар — выбежала от фасада Поллиного ателье в круг света, очерченный фарами «универсала». И где-то поблизости — может, случайно, а может, и нет — залаяла собака. Крупная, судя по голосу.

Гонт повернулся в том направлении. Теперь он встревожился и даже как-то растерялся.

— Тебе еще повезло, что я согласен дать тебе уйти, — продолжал Алан. — Но, если подумать, какие я мог бы тебе предъявить обвинения? Воровство душ преследуется по закону, который находится в ведении Брайхема и Роуза, но уж никак не в моем. И все же мой тебе совет, уходи, пока можешь.

— *Отдай мне сумку!*

Алан смотрел на него, стараясь выглядеть уверенным и спокойным, хотя сердце у него в груди билось, как паровой молот.

— Ты еще не понял? Не дошло до тебя? *Ты проиграл.* Забыл, как мирятся с поражениями?

Гонт одарил его долгим и пристальным взглядом, потом кивнул.

— Я знал, что был прав, избегая встречи с тобой, — сказал он. Казалось, он говорит больше с собой, чем с Аланом. — Я это знал. Ладно. Ты выиграл. — Он вроде бы развернулся, чтобы уйти; Алан немного расслабился. — Я уйду...

Внезапно Гонт развернулся обратно, стремительный, как нападающая змея, — такой быстрый, что Алан по сравнению с ним выглядел паралитиком. Его лицо вновь изменилось; человеческий облик исчез. Теперь это была морда демона, с истерзанными щеками и слезящимися глазами, горевшими оранжевым пламенем.

— *...КАК ТОЛЬКО ВЕРНУ СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ!* — крикнул он, бросившись к саквояжу.

Где-то — то ли рядом, то ли на другой стороне земли — раздался крик Полли:

— Осторожно, Алан!

Но времени осторожничать уже не было: над ним навис демон, вонявший серой и жженой кожей. Оставалось либо действовать, либо умереть.

Алан провел правой рукой по внутренней стороне запястья, нащупав малюсенькую резиновую петельку, которая торчала из-под ремешка часов. В глубине души он

был уверен, что ничего у него не получится, что никакое чудесное превращение не спасет его на этот раз, потому что фокус с бумажным букетом уже выработал свое, и...

Большой палец захватил петлю.

Наружу вырвался маленький бумажный пакетик.

Алан вытянул руку, в последний раз снимая петлю с бумаги.

— АБРАКАДАБРА, ЛЖИВАЯ СВОЛОЧЬ! — проревел он, и внезапно в его руке расцвел не букет потрепанных бумажных цветов, а слепящий огненный фонтан, заливший всю Главную улицу бесподобным, живым сиянием. Алан понял, что все цвета невероятного букета рождены одним, как и сам спектр — это всего один цвет. Белый цвет, разложенный призмой на все цвета радуги. Он почувствовал волну силы, пробежавшую по его рукам, и исполнился небывалого, ни с чем не сравнимого ликования.

Белый! Он белый!

Гонт зарычал от боли, ярости и страха... но не отступил. Быть может, Алан был прав: он забыл, как проигрывать, потому что уже и не помнил, когда проигрывал в последний раз. Он попытался поднырнуть под сноп света, бивший из руки Алана, и на миг его пальцы коснулись ручки саквояжа, стоявшего у ног шерифа.

Вдруг откуда ни возьмись маленькая нога в домашнем тапочке наступила Гонту на руку.

— *Не трожь!* — закричала Полли.

Оскалившись, он поднял голову... и Алан направил лучистый поток прямо ему в лицо. Мистер Гонт издал громкий звериный вой и пополз назад, пытаясь сбить голубое пламя, пляшущее у него в волосах. Длинные белые пальцы в последний раз попытались схватить ручку саквояжа, и на этот раз на них наступил Алан.

— В последний раз тебе говорю: изыди, — сказал он и сам не узнал свой голос. Он был слишком сильным, слишком уверенным, слишком властным. Алан понимал, что скорее всего не сможет прикончить тварь, которая скорчилась перед ним, прикрываясь рукой от дрожащего

буйства света. *Такое* ему не по силам. Но зато в его силах заставить ее уйти. Сегодня у него есть эта сила... если ему хватит смелости ее применить. Если ему хватит смелости стоять до конца. — В последний раз тебе говорю: ты уберешься из города, а сумка останется здесь.

— Они без меня погибнут! — простонала тварь-Гонт. Теперь ее руки бессильно упали между ног. Она отчаянно царапала когтями асфальт. — Все до единого. Они умрут, как растения в пустыне умирают без дождя. Ты этого хочешь? *Этого?!*

Полли встала рядом с Аланом и прижалась к его боку.

— Да, — сказала она холодно. — Пусть они лучше умрут здесь и сейчас, если так суждено, чем уйдут с тобой и будут вечно страдать. Они... *мы*... сделали много чего отвратительного, но эта цена *слишком* высокая.

Тварь-Гонт зашипела и клацнула челюстями.

Алан подхватил саквояж, и они с Полли медленно пошли назад, на ту сторону улицы. Алан поднял букет светоносных цветов, так чтобы они излучали великолепный, чарующий свет на мистера Гонта и его «таккер-талисман». Он набрал воздуха в легкие — казалось, намного больше воздуха, чем было способно вместить его тело, — и заговорил. Мощный, оглушительный рев, вырвавшийся из его груди, никак не мог быть человеческим голосом:

— ПРОЧЬ, ДЕМОН! ИЗГОНЯЮ ТЕБЯ! ИЗЫДИ!

Чудовище-Гонт завизжало, словно ошпаренное кипятком. Зеленый навес над входом в «Нужные вещи» вспыхнул, витрина вогнулась внутрь и взорвалась миллиардом осколков. Радужные сияющие лучи — синий, красный, зеленый, оранжевый, фиолетовый — брызнули во все стороны из переливчатого сгустка света, который Алан держал над головой. Как будто у него в руке взорвалась маленькая сверхновая.

Кожаный саквояж лопнул с гнилым треском, и пойманные, стенающие голоса вылетели на свободу. Их, конечно, никто не видел, но почувствовали их все: Алан, Полли, Норрис, Ситон.

Полли вдруг поняла, что горячий, губительный яд у нее на руках и груди исчез.

Жар, медленно собиравшийся вокруг сердца Норриса, погас.

По всему Касл-Року опустились руки с пистолетами и дубинками; люди смотрели друг на друга ошарашенными глазами, словно очнувшись от страшного сна.

И дождь перестал.

17

Все еще вереща, тварь, некогда бывшая Лиландом Гонтом, поскакала к «таккеру». Она распахнула дверцу и прыгнула за руль. Мотор завелся. Никакой двигатель, сделанный человеческими руками, не мог издавать таких звуков. Из выхлопной трубы вырвался длинный хвост оранжевого пламени. Зажглись габаритные огни; и это были не колпачки из красного стекла, а маленькие уродливые глаза — глаза злых бесенят.

Полли Чалмерс вскрикнула и прижалась лицом к плечу Алана, но сам Алан не мог отвернуться. Ему было суждено все увидеть и запомнить увиденное до конца жизни, как и все яркие чудеса этой ночи: бумажную змею, внезапно ожившую, и бумажный букет, превратившийся в источник света и силы.

Три фары разрезали темноту. «Таккер» дал задний ход, превращая гравий под колесами в кипящее месиво. Под визг тормозов развернулся направо, и, хотя его бампер не коснулся машины Алана, старый «универсал» отлетел на несколько футов назад, словно притянутый мощным магнитом. Капот «талисмана» начал туманно светиться, и под этим свечением как будто происходили какие-то странные изменения.

Машина *взвизгнула* и поехала вниз по улице, к дымящимся развалинам муниципалитета, к свалке изуродованных машин и автобусов, к ревущему потоку, над которым

уже не было моста. Мотор разогнался до немыслимых оборотов, души вопили в диссонирующей лихорадке, и яркое, туманное свечение на капоте постепенно распространялось, как бы заглатывая машину.

Какую-то долю секунды — жуткий, незабываемый миг — тварь по имени Гонт смотрела на Алана своими красными раскосыми глазами из текущего, плавящегося водительского окна, как будто стараясь запомнить его навсегда, и ее пасть раскрылась в зияющем оскале.

И «таккер» покатил дальше.

Идя под гору, он набирал скорость. Вместе с тем ускорялись и изменения. Машина таяла, перестраивала самое себя. Крыша сдвинулась назад, в сверкающих колпаках на колесах прорезались спицы, сами шины начали стремительно увеличиваться в диаметре и становиться тоньше. Из капота «таккера» постепенно выделилась какая-то фигура. Это была лошадь с такими же красными глазами, как и у мистера Гонта, лошадь, окруженная молочным облаком свечения, лошадь, чьи копыта высекали искры из мостовой и оставляли глубокие вдавленные следы в асфальте.

«Талисман» превратился в открытую повозку с горбатым карликом на высоких козлах. Ноги карлика упирались в щиток, а загнутые носки его восточных туфель горели огнем.

Но изменения все еще продолжались. Когда светящаяся кибитка приблизилась к концу Главной улицы, ее бока стали расти, и из них соткалась деревянная крыша с выступающими карнизами. Появилось окно. Спицы колес заморгали призрачными огоньками, а сами колеса, как и копыта черной лошади, оторвались от асфальта.

«Талисман» превратился в повозку; теперь повозка обернулась снежно-белым фургоном, которые колесили по стране лет эдак сто назад. На боку была надпись, и Алан все еще мог ее рассмотреть.

CAVEAT EMPTOR

Примерно в пятнадцати футах над землей, продолжая набирать высоту, фургон пролетел сквозь пламя, буше-

вавшее на руинах здания муниципалитета. Копыта черной лошади стучали по невидимой небесной дороге, высекая яркие синие и оранжевые искры. Она пролетела через реку Касл, словно сияющая в небе искра; пронеслась над рухнувшим мостом, лежавшем в стремнине, как скелет динозавра.

Потом Главную улицу заволокло дымом, принесенным от развороченной воронки здания муниципалитета, а когда дым рассеялся, Лиланд Гонт и его адский экипаж уже пропали из виду.

18

Алан подвел Полли к патрульной машине, в которой приехали Норрис и Ситон. Норрис все еще сидел в окне, вцепившись в крепления мигалок. Он был слишком слаб, чтобы лезть обратно.

Шериф пропустил руку ему под живот (коего у Норриса, тощего как палка, можно сказать что и не было вовсе) и помог ему спуститься.

— Норрис?

— Что, Аллан? — Норрис плакал.

— С сегодняшнего дня можешь переодеваться в туалете, когда захочешь, — сказал Алан. — Хорошо?

Норрис, похоже, его не слушал.

Алан увидел, что рубашка его помощника вся пропитана кровью.

— Рана серьезная?

— Нет, не очень. По-моему. Но это, — он провел рукой, показывая на город, на пожары и разрушенные здания, — это моя вина. Моя!

— Неправда, — сказала Полли.

— Ты не понимаешь! — Лицо Норриса скривилось от горечи и стыда. — Это я проткнул шины на автомобиле Хью Приста! Он поэтому и взбесился...

— Да, — согласилась Полли. — Может быть. И тебе с этим жить. А я довела до бешенства Туза Мерилла, и мне

тоже придется теперь с этим жить. — Она ткнула рукой в сторону поля боя, откуда уже разбредались католики и баптисты; несколько ошалелых полицейских, которые еще держались на ногах, даже не пытались их остановить. Они расходились по одному или парами. Отец Брайхем поддерживал преподобного Роуза, а Нан Робертс шла под руку с Генри Пейтоном. — А кто довел их, Норрис? А Вильму? А Нетти? А всех остальных? Я хочу сказать, что если это все *ты*, то ты просто гигант.

Норрис разразился громкими, мучительными рыданиями.

— Мне так *плохо*.

— И мне, — тихо сказала Полли. — Очень плохо и больно.

Алан порывисто обнял Полли и Норриса и наклонился к водительскому окошку.

— А ты как себя чувствуешь, старичок?

— Ничего, вроде живой, — сказал Сит. Он и вправду выглядел как огурчик. Удивленный и перепуганный — да, но очень даже бодрый. — У вас, ребята, видок куда хуже, чем у меня.

— Сит, наверное, Норриса надо в больницу. Хватит там у тебя места, чтобы мы все уселись?

— Обижаешь, Алан. Залезайте! В какую больницу?

— Северный Камберленд, — ответил Алан. — Я заодно хочу навестить одного мальчика. Убедиться, что папа к нему приехал.

— Алан, скажи, я действительно это видел или мне показалось? Ну... что машина того чувака превратилась в повозку и улетела в небеса?

— Не знаю, Сит, — сказал Алан, — и вот тебе самая правдивая правда на свете: не знаю *и знать не хочу*.

В этот момент к ним подошел Генри Пейтон. Он положил руку Алану на плечо. Его глаза выдавали потрясение и растерянность. Судя по виду, в самое ближайшее время Генри предстояло в корне поменять свои взгляды на жизнь, образ жизни и образ мышления.

— Алан, что здесь было? — спросил он. — Что здесь было на самом деле, в этом проклятом городе?

Вместо Алана ответила Полли:

— Это была распродажа. Самая грандиозная распродажа, которую можно представить... но в итоге некоторые из нас решили не покупать. Ничего.

— Эй! — возмутился Генри. — У меня куча вопросов, и...

— Потом. Все вопросы — потом. — Алан сел на заднее сиденье рядом с Полли и закрыл дверцу. — Завтра поговорим, а на сегодня мое дежурство закончено. Я даже думаю, что не только на сегодня, а вообще навсегда. Во всяком случае, в этом городе. И поверь мне: все закончилось. Что бы ни происходило здесь, в Касл-Роке... теперь все закончилось.

— Но...

Алан протянул руку и похлопал Сита по костлявому плечу.

— Поехали, — сказал он. — И не жалей лошадей.

Сит включил передачу и поехал на север по Главной улице. Потом свернул налево и пополз в гору по Касл-Вью. Когда они въехали на вершину холма, Алан и Полли одновременно обернулись, чтобы посмотреть на город, озаренный рубиновым заревом пожаров. Алана охватила печаль, ощущение полной потерянности и странная, ускользающая тоска.

Мой город, подумал он. *Это был мой город. Но теперь уже нет. И уже никогда.*

Разом, как по команде, они повернулись друг к другу и посмотрели в глаза.

— Ты никогда не узнаешь, — тихо сказала она. — Ты никогда не узнаешь, что случилось в тот день с Энни и Тоддом на самом деле. Никогда.

— Мне этого больше не нужно, — сказал Алан Пангборн и нежно поцеловал ее в щеку. — Это ушло во тьму. Пусть тьма хранит свои тайны.

Они добрались до конца Касл-Вью и выехали на шоссе № 119. Касл-Рок закончился. Тоже ушел во тьму.

А вы здесь уже были

Ну да, точно! Я вас узнал, у меня хорошая память на лица!

Идите сюда; дайте пожать вашу руку! Знаете, я вас узнал еще прежде, чем разглядел лицо, — по походке. Нельзя было выбрать лучшего дня, чтобы вернуться в Джанкшен-Сити, самый милый городок в Айове — по крайней мере по эту сторону Эймса. Давайте, можете смеяться; это вроде как шутка была.

Присядем на пару слов? Давайте вот здесь, на скамейке у Военного мемориала, да, отлично.

Тут и солнышко греет, и к тому же отсюда — почти весь центр как на ладони. Да, только не нахватайте заноз, эта скамья тут стоит уже триста лет. Гляньте-ка вон туда. Нет, чуть правее. Видите здание с замазанными окнами? Когда-то это был офис Сэма Пибблза. Агент по недвижимости, причем мастер своего дела. Потом он женился на Наоми Хиггинс, она жила дальше по улице, в Провербии, и они уехали. Почти вся молодежь уезжает в последнее время.

Так вот, это здание пустовало больше года — с тех пор как начались эти ближневосточные дела... экономика, знаете ли, в упадке... но кто-то все-таки его снял. Тут же пошли разговоры. Сами понимаете, в городке вроде Джанкшен-Сити, где из года в год ничего не меняется, открытие нового магазина — это большое событие. Но ждать осталось недолго: последние рабочие уехали в пятницу. Так вот, я думаю...

Кто, простите?

Ах *она!* Ну, это Ирма Скиллинс. Когда-то она была директрисой старшей средней школы Джанкшен-Сити — первым директором-женщиной в нашей части штата, насколько я знаю. Два года назад ушла в отставку, причем не только из школы, но, кажется, отовсюду: из «Восточной звезды», из «Дочерей Американской Революции», из «Джанкшен-Сити Плейерс». Насколько я знаю, даже из церковного хора ушла. Причина — ревматизм. В последнее время ей совсем плохо стало. Видите, как она наваливается на трость? В таком состоянии человек готов что угодно сделать, лишь бы чуть-чуть полегчало.

Ты смотри! Видите, как она изучает новый магазин? В конце концов, почему бы и нет? Она, понятное дело, старая, но ведь еще не мертвая. Как там говорят? Любопытство не порок...

Что? Могу ли я прочитать вывеску? Спрашиваете! Я очки купил только два года назад, и то в основном для чтения, а вдаль я вижу вообще замечательно. Там написано: СКОРО ОТКРЫВАЕМСЯ, а под ним ВАШИ МОЛИТВЫ УСЛЫШАНЫ. МАГАЗИН НОВОГО ТИПА. ТАКИХ МАГАЗИНОВ ВЫ ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛИ. И еще, погодите секундочку, там буквы маленькие... Ага. Последняя строчка: Вы не поверите своим глазам! Но я, наверное, поверю. Екклезиаст говорит, что нет ничего нового под солнцем, и в этом я с ним совершенно согласен. Но Ирма вернется. Уж кому-кому, а ей точно захочется выяснить, кому пришла в голову идея навесить ярко-красный балдахин над старым офисом Сэма Пибблза!

Да я, может, и сам как-нибудь загляну. И не я один, как мне кажется. Там полгорода перебывает, пока все более или менее успокоится.

Интересное название для магазина, правда? «Ваши молитвы услышаны». Заставляет задуматься, что там продают.

С таким-то названием там что угодно может оказаться. Все что угодно.

24 октября 1988 — 28 января 1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. **Церемония открытия**. 17

ЧАСТЬ 2. **Грандиозная распродажа**. .395

ЧАСТЬ 3. **Окончательная ликвидация** .659

А ВЫ ЗДЕСЬ УЖЕ БЫЛИ .828

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

НУЖНЫЕ ВЕЩИ

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

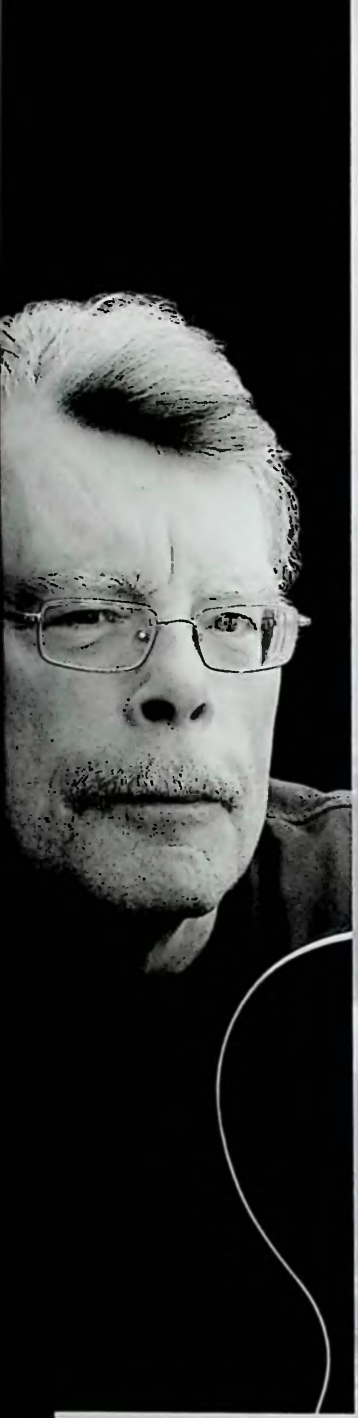
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.01.18.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 43,68.
Доп. тираж 3 000 экз. Заказ №688

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Человеческая душа темна
и с легкостью обращается ко Злу...
Об этом хорошо известно демону,
прибывшему в маленький
американский городок и открывшему
там магазинчик «Нужные вещи».
Он готов предложить покупателям
именно то, о чем они мечтают...
в обмен на маленькую услугу.
Он всего-то и просит — невинно
подшутить над соседом или приятелем.
Но достаточно сделать первый шаг по
дороге в Ад — и происходящее
уже не остановить.
Зло воцаряется в городке.
Рано или поздно Зло обратится в
кровавый, смертоносный хаос...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-093036-4
9 785170 930364